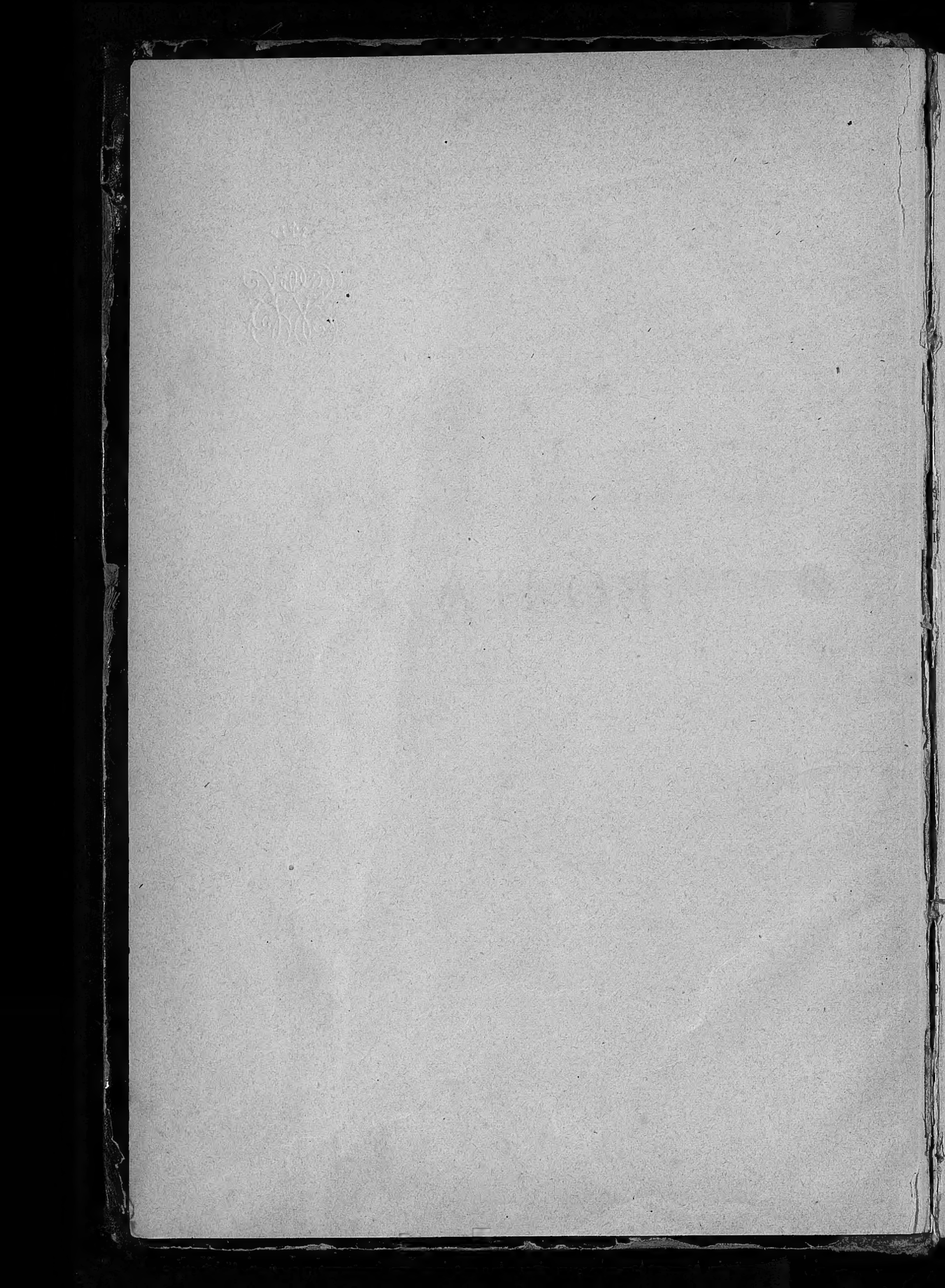
Волга.
В. Рагозин.
СПб. 1881.

ВОЛГА

ВИКТОРЪ РАГОЗИНЪ

ВОЛГА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ОТЪ ОКИ ДО КАМЫ

О народахъ по средней Волгѣ. — Историческій очеркъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія К. К. Ретгера, Невскій просп. № 5
1881

ОГЛАВЛЕНІЕ

III ТОМА

Приложенія:

Опечатки.

стр.	строка	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
14	17 сн.	насываютъ	насылаютъ
30	9 св.	кнамъ	какъ
35	7 св.	Мордца	Мордва
74	9 сн.	зааклать	закалать
154	1 св.	близко есъ	близкое съ
160	12 св.	Козьмодемьянаго	Козьмодемьянскаго
161	11 сн.	Авары и Обры	Авары, или Обры
198	Въ заголовкѣ на полѣ:		
		Первые	Первыя
201	5 сн.	предлежитъи: ли	предлежитъ: или
340	9 и 10 сн.	Цна 1,525	Цна 1,556
		Москва 1,556	Москва 1,525
465	3 и 4 сн.	изъ значительныхъ притоковъ это послѣднiй ея.	изъ значительныхъ ея притоковъ это послѣднiй.
492		Волосниковка (Знаменское) Тп.	Волосниковка (Знаменское) Сп. †

Кромѣ того, просимъ читателя исправить во II томѣ сверхъ означенныхъ тамъ слѣдующiя мѣста:

75	15 сн.	дѣло	зѣло
90	20 сн.	миръ, миръ	мiръ, мiръ
156	15 сн.	посчаныя	песчаныя
197	18 сн.	въ слободы	въ себя

О народахъ по средней Волгѣ.

Теперь посмотримъ, какъ заселились земли по средней Волгѣ, кому принадлежала Волга прежде и какъ она сдѣлалась русскою рѣкою.

Почти уже излишне говорить, что въ глубокой древности по среднему теченію Волги, (т. е. собственно первой части его) жили народы Финскаго племени. Въ западной окраинѣ нынѣшней Нижегородской губерніи (въ Горбатовскомъ уѣздѣ) жили *Мещеряки*, въ восточной и за Волгой—*Черемисы*; а все остальное пространство занимала *Мордва*.

Намъ почти нечего сказать о Мещерякахъ, такъ какъ это народъ уже исчезнувшій или, правильнѣе сказать, претворившійся въ другія народности, именно въ Русскую и Татарскую. Названіе Мещеряковъ кое гдѣ уцѣлѣло, правда, но и только; сами люди, именуемые Мещеряками, ничѣмъ уже не отличаются отъ Русскихъ или Татаръ; развѣ только научный анализъ можетъ еще обнаружить въ нихъ не русскія черты лица, не русскую форму черепа.

Уцѣлѣли же Мордва и Черемисы, о которыхъ мы и скажемъ, чтобы съ одной стороны, судя по настоящему, хоть сколько нибудь можно было читателю возстановить въ своемъ воображеніи первобытный типъ поволжскихъ аборигеновъ; а съ другой—чтобы видѣть нѣсколько, что за

новые элементы вводитъ въ себя молодой Русскій народъ, ассимилируя Мордву, Черемисъ и народы, живущіе далѣе за ними.

I.

Мордва.

Впрочемъ, и о Мордвѣ можно сказать не многое въ цѣляхъ перваго рода: Мордва почти всюду идетъ быстрыми шагами къ обрусѣнію, что отчасти объясняется тѣмъ, что ей чуть не первой по средней Волгѣ пришлось столкнуться съ Русскимъ народомъ; ближе ея были Мещеряки, и, какъ мы сейчасъ видѣли, они уже окончательно слились съ народомъ Русскимъ. При первомъ взглядѣ на Мордвина его трудно или даже совсѣмъ нельзя отличить отъ Русскаго; развѣ только выдастъ тяжеловатый разговоръ его, такъ какъ Мордвинъ не владѣетъ въ совершенствѣ ни однимъ языкомъ; онъ, какъ замѣчаетъ Сбоевъ, по природѣ своей полиглоттъ и говоритъ на разныхъ языкахъ: съ своимъ братомъ мордвиномъ, онъ говоритъ по мордовски, съ женою, сыновьями и дочерьми по татарски, (въ Казанской губерніи), съ Русскими по русски, а съ Чувашами по чувашски. Живетъ онъ совершенно по русски и отличается отъ русскаго крестьянина только большею дѣятельностью и рьянымъ усердіемъ къ полевымъ работамъ. Отъ этого, между прочимъ, и матеріальныя средства его почти всегда обезпечены.

Одежда. Мужская одежда Мордвы одинакова съ русскою, какъ объ этомъ писалъ еще Лепехинъ 100 л. тому назадъ; развѣ только обувь отличается нѣсколько, и то только въ томъ отношеніи, что у Мордвина и лапти прочнѣе, лучше и уютнѣе, и онучи почти всегда бѣлыя.

Но женщины оказываются консервативнѣе (если не патріотичнѣе) своихъ мужей: онѣ и говорятъ только по мордовски, по русски же очень плохо или даже совсѣмъ не умѣютъ, и одѣваются по своему: онѣ наприм. носятъ порты (*понкс*), чего русскія женщины изъ простонародья, какъ извѣстно всякому, никогда не дѣлаютъ (и, кажется, объ этомъ можно пожалѣть); затѣмъ мордовки носятъ

бѣлую рубашку (*панаръ*) довольно красиво вышитую разноцвѣтною бумагою, съ нашитыми (на груди и на плечахъ) и навѣшанными металлическими бляхами, серебряной мелкой монетой и ужовками (родъ мелкихъ раковинъ); края полъ обшиваютъ красною тесьмою; подпоясываются женщины очень низко краснымъ широкимъ поясомъ съ кистями *). Головной уборъ, вродѣ кокошника, у женщинъ низкій съ разными украшеніями; а у дѣвушекъ высокій, перевитый лентами и стеклярусомъ. Шею украшаютъ ожерельемъ (*карча*), къ которому прицѣпляется *наргаужна*, унизанный старинными серебряными деньгами, разноцвѣтнымъ бисеромъ и ужовками; въ ушахъ носятъ серьги (*пилескъ*), отъ которыхъ идутъ еще подвѣски съ бисеромъ и другими украшеніями; подвѣски эти достигаютъ до плечъ и называются *пилескъ ергя*. Пальцы мордовки племени Ердзя украшаютъ перстнями и, какъ говоритъ Лепехинъ, онѣ такія щеголихи, что, которыя побогаче, ни одного пальца безъ перстня не оставляютъ; мало того: къ лучшимъ изъ перстней прикрѣпляютъ еще цѣпочки съ серебряными монетами, а нѣтъ серебряныхъ—хоть съ мѣдными.

Религія Мордвы.

Религію свою Мордва почти уже утратили и сдѣлались довольно ревностными христіанами. Лѣтъ за 100 до того, какъ писалъ о Мордвѣ Лепехинъ, народъ этотъ сохранялъ еще свою религію; но въ 1681 году состоялся указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы Мордва «поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона крестилась *вся*; а какъ она крестится, то ей во всякихъ податяхъ дано будетъ облегченіе на 6-ть лѣтъ; а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она отдана будетъ въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и Татарамъ». Однако и при Лепехинѣ оставались еще язычники. Онъ говоритъ о ихъ вѣрѣ, но заодно съ чувашскою, что съ одной стороны лишаетъ возможности отличить у него мордовское отъ чувашскаго, а съ другой показываетъ, что вѣра тѣхъ и другихъ была довольно сходна.

Замѣтимъ, что сходство это можно наблюсти и при срав-

*) Женщины умѣютъ сами ткать довольно красивыя бумажныя ленты на свою одежду; онѣ же сами умѣютъ прочно окрашивать шерстяную пряжу въ черный, зеленый и красный цвѣтъ; при этомъ даже и краску приготовляютъ сами изъ мѣстныхъ растеній: зеленики, серпухи и марены. (Lycopod. complanat, Serratula tinct. и Galium aparine или G. Mollugo и G. verum).

неніи религіи мордовской съ черемисскою. Въ нашихъ глазахъ почти несомнѣнно, что первобытный культъ Мордвы (Эрдзянъ, Мокшанъ, Терюханъ) Муромы, Мещеры, Черемисъ, Мери и Чувашъ, словомъ, цѣлой групны финскихъ народовъ, былъ совершенно одинъ и тотъ же, и притомъ это былъ—фетишизмъ въ самой грубой формѣ, принимавшій затѣмъ мало по малу болѣе облагороженныя формы политеизма путемъ отвлеченія идеи отъ предмета или цѣлой группы предметовъ и олицетворенія этой идеи въ духѣ, божествѣ. Даже можно замѣтить начатки болѣе широкаго отвлеченія и обобщенія (самостоятельнаго или при помощи заимствованій отъ другихъ народовъ), когда изъ сонма боговъ выдѣляются сначала нѣсколько наиболѣе сильныхъ, а потомъ одинъ сильнѣйшій; прочіе же низводятся въ положеніе второстепенныхъ божествъ, и даже еще ниже—просто въ прислужниковъ божествъ или въ положеніе безвреднѣйшихъ, часто безполезныхъ, ничтожныхъ духовъ, на которыхъ либо не обращается никакого вниманія либо—если духъ можетъ еще по временамъ вредить человѣку—ихъ можно умилостивить, бросивъ имъ обкусокъ блина, пирога и т. п., а не то и просто выгнать палкой.

Такимъ образомъ, въ той позднѣйшей формѣ мордовской религіи, отъ которой только и могли дойти до насъ нѣкоторыя свѣдѣнія, мы наблюдаемъ болѣе высокую ступень религіознаго развитія, нежели на какой стоятъ напр. Черемисы. Хотя о языческой Мордвѣ можно сказать, что у нея было великое множество боговъ, однако не будетъ ошибочнымъ и мнѣніе, что боговъ у нея не очень много. Дѣло въ томъ, что все великое множество боговъ успѣло уже превратиться въ божковъ или мелкихъ духовъ, которымъ и молиться не стоитъ. Осталось всего съ дюжину боговъ; да и изъ нихъ успѣлъ выдѣлиться одинъ, неизмѣримо превосходящій другихъ. Это—верховный владыка и творецъ вселенной—*Чамъ-Пасъ*.

Мордва выработала столь высокое представленіе о *Чамъ-Пасѣ*, что считаетъ людей недостойными обращаться къ Богу боговъ ни съ какими личными просьбами; Превѣчный Чамъ-Пасъ, сотворившій все, не вмѣшивается ни въ дѣла людей, ни въ разъ и на вѣки неизмѣнно установленный имъ порядокъ вещей во вселенной. Единственное об-

ращеніе къ Чамъ-Пасу, допускаемое Мордвою, это смиренное: «Чамъ-Пасъ, помилуй насъ». Съ этимъ обращеніемъ Мордва относятся къ Чамъ-Пасу и въ началѣ всѣхъ моленій, обращаемыхъ къ другимъ богамъ. Чамъ-Пасу нѣтъ ни особыхъ праздниковъ, ни жертвоприношеній. Чамъ-Пасъ не имѣетъ ни начала ни конца своего бытія; онъ духъ невидимый, и притомъ не только для людей, но даже и для озаисовъ (соотвѣтствующихъ нашимъ ангеламъ) и даже всѣхъ боговъ.

Потребность же установленія формальныхъ отношеній къ высшимъ силамъ удовлетворяется у Мордвы моленіями, жертвоприношеніями и празднествами другимъ божествамъ, которыя однако также не равны между собою. Мы можемъ представить себѣ всѣ божества, раздѣленными на 5 категорій или чиновъ. Въ первой—только Чамъ-Пасъ; во второй также одно божество—богиня *Анге-Пàтяй*; въ третьей—нѣсколько другихъ, въ четвертой—Шайтанъ (сатана), въ пятой—все остальное множество подчиненныхъ божковъ и духовъ добрыхъ и злыхъ (послѣднихъ, само собою, можно представлять какъ особую группу или въ одной съ Шайтаномъ).

Объ *Анге-Пàтяй* Мордва также выработала весьма возвышенное и—если можно сказать—изящное понятіе, которому могли бы позавидовать и древніе Греки и др. народы. Анге-Пàтяй—единственное божество, созданное самимъ Чамъ-Пасомъ и потому чистѣйшее и величайшее послѣ него. Она же есть высочайшее выраженіе жизни, Природы, красоты, и добродѣтели. Ею все живетъ, начиная отъ человѣка и кончая послѣднимъ насѣкомымъ и послѣднею былинкой. Наконецъ, она же—матерь всѣхъ боговъ. Не видать однако, произошли ли эти боги такимъ же антропоморфическимъ способомъ, какъ боги древнихъ Грековъ, или болѣе возвышеннымъ, духовнымъ, таинственнымъ процессомъ. Но, кажется, слѣдуетъ допустить скорѣе послѣднее, такъ какъ Анге-Пàтяй—вѣчно юная, чистая красавица-дѣва и притомъ высокая покровительница цѣломудрія. Послѣ выполненія главнѣйшей цѣли своей, т. е. животворящей дѣятельности, и по связи съ послѣднею Анге-Пàтяй является *особенною* покровительницею брака и помощницею при родахъ, она—могущественный и любящій охранитель

жизни и здоровья родильницъ и новорожденныхъ. Она часто (даже, такъ сказать, непрерывно) сходитъ на землю, блюдя за жизнью Природы и также *особенно* любитъ нивы. Самоё Анге-Пàтяй видѣть нельзя, развѣ только въ видѣ быстролетной тѣни, пролетающей надъ нивами въ ясные лѣтніе дни. Впрочемъ, по временамъ она является во плоти, принимая на себя видъ птицы или видъ престарѣлой, но необыкновенно сильной женщины. Анге-Пàтяй столь безгранично любитъ проявленіе жизни въ Природѣ, что въ первое время рѣшила было, чтобы женщины и самки всѣхъ тварей производили дѣтей ежедневно; однако, въ виду жалостныхъ моленій женщинъ и самокъ, предоставила рѣшеніе вопроса на ихъ волю. Почти всѣ отказались отъ слишкомъ частаго плодоношенія; только курица, кукушка, пчела и муравьиха порадовали богиню-матерь своимъ согласіемъ. Но и изъ нихъ половина погрѣшили: кукушка— которая была почтена богинею возведеніемъ въ чинъ домашняго животнаго на ряду съ курицею—скоро утомилась частымъ плодоношеніемъ и нарушила обѣщаніе. Анге-Пàтяй, не взирая на доброту свою, разгнѣвалась на кукушку; впрочемъ гнѣвъ милосердой бошни не повлекъ за собою слишкомъ жестокой кары: кукушка была разжалована въ лѣсныя птицы и въ посрамленіе лишена присвоеннаго птицамъ священнаго права вить гнѣзда. Съ той поры кукушка не перестаетъ пѣть свои тоскливыя пѣсни по утраченныхъ дняхъ счастія и чести. Второю измѣнницею явилась муравьиха, медовые соты которой не уступали по сладости пчелинымъ. Въ чемъ и какъ было дѣло—обстоятельно неизвѣстно; осталось только смутное преданіе, что одна изъ усерднѣйшихъ матерей міра, самка-муравей, испытала, подобно нашей праматери Евѣ, неодолимую силу соблазна духа тьмы Шайтана, который посовѣтовалъ муравьямъ зарывать соты въ землю (вѣроятно, чтобъ не дѣлиться съ человѣкомъ). Надо думать, что за это ему досталось отъ Анге-Пàтяй, но поплатились и муравьи: вмѣсто душисто-сладкихъ сотовъ они производятъ съ той поры несъѣдобное «муравьиное масло». Но затѣмъ курица и пчела и до нынѣ свято блюдутъ заповѣданный прекрасною Анге-Пàтяй совѣтъ—плодить какъ можно больше жизни. За то онѣ и почтены и самою Анге-Пàтяй и человѣкомъ.

Напр., только изъ воска пчелинаго и можно дѣлать священные *штатолы* (свѣточи) и только изъ пчелинаго меда можно приготовлять священное *пуре* (питье). Что касается курицы, то, конечно, она почтена не менѣе пчелы, стоя такъ близко къ человѣку въ качествѣ домашней птицы, причемъ, разумѣется, можно указать на то, что потомство куръ размножилось какъ песокъ морской; кукушекъ же несравненно меньше. Даже то обстоятельство, что въ торжественнѣйшій христіанскій день христіане, привѣтствуя другъ друга, мѣняются эмблемою новой жизни, яйцомъ, — *куринымъ*, Мордва, безъ сомнѣнія, истолковала бы въ томъ смыслѣ, что поступать такъ научила сама Божія Матерь, т. е. Анге-Па̀тяй. Мы сейчасъ употребили союзъ *то есть*, конечно, стоя на точкѣ зрѣнія описываемаго народа. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, до какой степени близко сошлись два понятія; христіанское о пречистой дѣвѣ Маріи и языческое о пречистой дѣвѣ Анге-Па̀тяй. Намъ сдается, что обстоятельство это имѣло могучее вліяніе на легкость усвоенія Мордвою христіанскаго ученія и отсюда на обрусѣніе ея. Мордва быстро отождествила Божію Матерь, дѣву Марію съ божьей матерью, дѣвою Анге-Па̀тяй и вмѣсто «матушка Богородица, дѣва Марія», молились: «матушка Богородица Анге-Патяй.» Кстати замѣтимъ, что самое имя *Анге-Па̀тяй* значитъ *мать богиня*.

Анге-Па̀тяй родила на свѣтъ 8 главныхъ божествъ; изъ нихъ 4—бога и 4—богини.

Вотъ они по старшинству:

I. *Нишки-Пасъ.*

Нишки-Пасъ—богъ неба, Солнца, огня и свѣта. Онъ же покровитель пчелъ, откуда и его названіе (*нишке*—пчельникъ). По всей вѣроятности, въ давнія времена это божество было просто самое Солнце. Вѣроятность эту мы выводимъ изъ того, что Нишки-Пасъ имѣетъ еще другое названіе—*Шиза-Пасъ* или *Ши-Пасъ*, т. е. Солнце, Солнце-богъ. Величается онъ также *Иниче-Пасомъ*, т. е. богомъ-сыномъ.

II. *Свѣтъ-Верешки-Веленъ-Пасъ.*

Свѣтъ—очевидно, предикатъ позднѣйшаго происхожденія. Верешки-Веленъ-Пасъ—богъ-обладатель земли и устроитель человѣческихъ обществъ (*Вѐленъ*, сокращ.

вель—міръ, общество; *Верешки*, сокращ. изъ *верь-нишки*—земной, или собственно лѣсной пчельникъ; верь—лѣсъ).

III. *Назаромъ-Пасъ*.

Это былъ богъ Луны, ночи и зимы. Онъ принимаетъ души умершихъ и добрыя отсылаетъ старшему изъ боговъ, брату Нишки Пасу, а злыя предаетъ въ вѣдѣніе Шайтана.

IV. *Во́лцы-Пасъ*—

высшій богъ всего живаго, кромѣ человѣка. Волцы-Пасъ кромѣ того покровитель охоты и рыболовства.

Богини:

V. Нишкенде-Тевтярь (дѣва Нишки)—богиня судьбы и покровительница пчеловодства.

VI. *Норро́вава-Апаручи*—богиня земледѣлія.

VII. *Пакся-Патяй*—богиня - покровительница луговъ и огородовъ.

VIII. *Вёрья-Патяй*—богиня лѣсовъ, дубровъ и деревьевъ. Повидимому, прекрасная Анге-Патяй не обошла и родныхъ своихъ дочерей совѣтомъ плодить жизнь: каждая изъ ея дочерей произвела на свѣтъ по одному божеству. Отъ первой изъ нихъ явился:

IX. *Пургъ-ине-Пасъ*, значитъ-богъ—сынъ грозы, бури. Онъ же—*Мельказо́* (Ве́рги-мучки-Ме́льказо, т. е. на землю сходящій духъ сына громова).

Отсюда, между прочимъ, наше слово *пурга* и отсюда же, вѣроятно, имя извѣстнаго храбраго мордовскаго князя *Пургаса*.

Отъ второй:

X. *Мастырь-Пасъ* (переводя на славянскій ладъ—Землебогъ). Этотъ внукъ великой Анге-Патяй обладаетъ ниспосылаемою ему долею ея силы: онъ дѣлаетъ землю способною къ произрастенію вообще, но особенно хлѣбовъ и овощей.

XI. Внукъ Анге-Патяй, сынъ третьей ея дочери,—богъ водъ—*Ведъ-Пасъ* (Водобогъ) или *Ведъ-Мастырь-Пасъ*. Ему повинуются моря и рѣки, озера и болота, родники и колодцы.

XII. Четвертый внукъ Анге-Патяй, сынъ четвертой ея дочери (богини лѣсовъ и дубровъ), *Варма-Пасъ*—владыка атмосферы, богъ вѣтровъ.

Необъятно-страстная, божественная любовь пречистой

Анге-Патяй къ Жизни не довольствуется произведеніемъ этихъ божествъ. Ея нѣжная, материнская заботливость о каждой твари, о каждомъ цвѣточкѣ или былинкѣ внушаетъ ей постоянныя опасенія за возможность злыхъ умысловъ и покушеній со стороны врага этой божественной Жизни — Шайтана: она какъ будто опасается, что онъ съумѣетъ найти время и мѣсто для того, чтобы отравить эту жизнь. И вотъ не знающая устали въ твореніи Анге-Патяй обращается къ самому Чамъ-Пасу съ великою просьбою—дозволить ей твореніе божествъ до предѣловъ, какія она сама сочтетъ крайними. Владыка вселенной даруетъ ей это право и снабжаетъ священными кремнемъ и огнивомъ. Получивъ отъ Чамъ-Паса названные предметы, Ангей-Патяй могучимъ ударомъ производитъ искру божественнаго огня духовной жизни, и изъ нея является прекрасный добрый духъ — ӧзаисъ. За первою искрой вылетаетъ другая, образующая другого ӧзаиса; за другимъ являются третій... пятый... десятый... сотый ӧзаисы. Радостно торжествующая Анге-Патяй далеко еще не видитъ предѣла творенію духовной жизни; святыя искры летятъ одна за другой, рождая каждая духа добра ӧзаиса... Ихъ уже трудно сосчитать; ихъ уже явились многіе сонмы; а между тѣмъ являются все новые и новые духи. Не видно имъ конца; не знаетъ предѣла творенію неустанная зиждительница жизни Анге-Патяй. Но когда же — можно спросить—она окончила твореніе духовъ? Отвѣтъ слѣдуетъ тотъ, что она еще не кончила творить... да и не кончитъ никогда. Что касается назначенія добрыхъ ӧзаисовъ, то во первыхъ, безъ сомнѣнія, они сами въ себѣ цѣль и назначеніе. Въ нихъ можно видѣть выраженіе идеи о духовной жизни, наполняющей Вселенную; а затѣмъ каждый ӧзаисъ имѣетъ еще особое спеціальное назначеніе — быть хранителемъ жизни безъ исключенія каждаго изъ всего безчисленнаго множества созданій Природы: каждое дитя, каждый взрослый человѣкъ, каждый звѣрь, пресмыкающееся, птица, рыба, насѣкомое, каждое дерево, каждый кустикъ, цвѣтокъ и травинка имѣютъ своего хранителя, духа жизни, ӧзаиса.

Какъ видитъ читатель, это далеко уже не то, что гора — богъ, рѣка—богъ, кошка—богъ, дубъ—богъ, и т. п.! Это именно такой моментъ міровоззрѣнія, въ которомъ чело-

вѣкъ, страстно-любовно относясь къ Природѣ, сильно работаетъ умомъ надъ разрѣшеніемъ тайны бытія и близокъ къ ошибочному или неошибочному, но во всякомъ случаѣ уже весьма глубокому философскому заключенію, что весь видимый міръ проникнутъ животворящимъ духомъ и есть только выраженіе его. Чамъ-Пасъ—первоначальная Причина, первый импульсъ къ проявленію Жизни; Анге-Патяй—(дочь) животворящая сила его, творецъ безчисленныхъ формъ бытія. Прочіе боги—*дѣти* ея; это, такъ сказать, орудія и вмѣстѣ направленія ея дѣятельности. Они же—ея вниманіе. Замѣтимъ, что никто изъ нихъ не творецъ. Мы сейчасъ говорили о твореніи ӧзаисовъ; но не кто другой, какъ та же Анге-Патяй соизволяетъ и рожденіе людей, животныхъ и растеній: въ ея святомъ обиталищѣ, далеко за тучами, въ небесныхъ высяхъ хранятся души не рожденныхъ еще людей, зародыши всевозможныхъ животныхъ и сѣмена всѣхъ разнообразнѣйшихъ растеній. Оттуда вѣчно-юная дѣва-богиня изливаетъ на землю благодатную жизнь, то въ видѣ росы, то въ видѣ дождя или снѣга; но самая плодотворнѣйшая форма изліянія жизни, это зарница. Ее даже звали *Заря-ӧзаисъ* и чтили любимѣйшую внучку божественной дѣвы. Эта миловидная посланница, снабженная отъ Анге-Патяй животворящею силою, нерѣдко слетаетъ на Землю, проникаетъ въ ея нѣдра до обиталищъ землебога Мастыръ-Паса и вручаетъ ему ниспосланную силу, чтобъ онъ могъ ею распорядиться въ цѣляхъ земнаго плодородія, сообщивъ почвѣ всѣ надлежащія свойства. Наконецъ, по временамъ духовная краса-богиня является воплощенною красотой въ видѣ большой-большой бѣлой птицы съ длиннымъ, блистающимъ золотомъ хвостомъ, и сама разсыпаетъ изъ своего золотаго клюва по полямъ и лугамъ сѣмена растеній. Видали ее также бѣлоснѣжною голубкою, разбрасывающею кормъ почтеннымъ ею курамъ и медоносные цвѣты излюбленнымъ пчеламъ. Чаще же всего, какъ мы уже видѣли, она является въ видѣ легкой тѣни и въ это время также сама оплодотворяетъ животный и растительный міръ.

Нѣкоторые изъ ӧзаисовъ выдѣляются по своей важности и по спеціальнымъ назначеніямъ изъ общаго сонма добрыхъ духовъ и имѣютъ свои имена, какъ напр. *Кáрдасъ-*

Сярко ӧзяисъ—духъ домовой, оберегающій живущихъ въ домѣ людей и животныхъ отъ всякаго зла, блюдущій миръ, тишину и согласіе въ семейной жизни; онъ же заботится объ изобиліи всякихъ благъ. Пребываетъ онъ въ срединѣ двора въ углубленіи подъ священнымъ камнемъ, который зовется по имени духа: *карда-сярко*. У домоваго духа есть помощники, изъ которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе (по связи съ нашей славянской мифологіею): *Тауньсяй* или *Таунь-ӧзаисъ*, блюдущій свиней, и *Кёляда ӧзаисъ* (собственно значитъ: духъ или божество березъ), оберегающій вообще домашній скотъ, а преимущественно любимыхъ богинею Анге-Патяй куръ, овецъ, а также и свиней. Назовемъ пожалуй еще *Нишки-ӧзаисовъ*—хранителей пчельниковъ; былъ еще *Пастъ-ӧзаисъ*, обязанный хранить посѣвы, или напр. духъ покровитель березы, полное имя котораго—*Вечки-Кезъ-Кельди-гӧ*, духъ покровитель дуба—*Тумӧ-ӧзаисъ*, липы—*Пешке-ӧзаисъ*, сосны—*Пиче-ӧзаисъ* и т. д. и т. д.

Но пора наконецъ сказать о Шайтанѣ: откуда явился этотъ могучій духъ зла? неужели онъ произведеніе чистѣйшей дѣвы Анге-Патяй? Нѣтъ; она не могла произвести даже ошибочно врага жизни и мира. Остается догадываться, что его создалъ великій Чамъ-Пасъ. Странно, конечно, что Чамъ-Пасъ могъ не провидѣть результата своего творенія и создать духа, который могъ бы сдѣлаться олицетвореннымъ зломъ. Но замѣчательно, что въ мордовскомъ сказаніи о происхожденіи Шайтана мы замѣчаемъ попытку объяснить явленіе зла въ мірѣ хотя нѣсколько иначе, чѣмъ у многихъ другихъ народовъ, по возможности отстраняя въ этомъ сознательную волю Чамъ-Паса и, не допуская возможности ошибки со стороны всемогущаго и всевѣдущаго. Правда, исходная причина все же онъ, но столь косвенная, что неизощренному уму описываемаго народа, естественно должно было казаться, что Шайтанъ явился самъ собою помимо воли Чамъ-Паса. Именно, повѣствуется, что вначалѣ временъ, когда Чамъ-Пасъ возжелалъ проявить себя въ твореніи, онъ плылъ на камнѣ по безбрежному пространству водъ и размышлялъ такъ: «нѣтъ у меня ни брата, ни товарища, съ кѣмъ бы могъ я посовѣтоваться о твореніи». Вѣроятно, мысль эта долго

не оставляла его и безпокоила; быть можетъ, думая о томъ же уже не въ первый разъ, онъ, наконецъ, обнаружилъ гнѣвъ свой, плюнувъ на воды. Это было первое и нечаянное творенiе, творенiе подъ влiянiемъ гнѣва. Нельзя было ожидать, чтобы гнѣвъ могъ дать добрый плодъ: слюна сначала обратилась въ огромный бугоръ, слѣдовавшiй за Чамъ-Пасомъ. Увидавъ бугоръ, Чамъ-Пасъ, въ намѣренiи уничтожить его, сталъ ударять по немъ жезломъ; но оказывается, что Чамъ-Пасъ по существу не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только творцомъ; ударъ былъ вторымъ творческимъ моментомъ, а результатомъ его явилось исполненiе выраженной передъ тѣмъ всемогущей воли—духъ Шайтанъ, рожденный, какъ мы видѣли, отъ гнѣва. Чамъ-Пасъ принимаетъ его однако милостиво въ сотоварищи по дѣлу творенiя какъ духа добраго. Но тутъ и оказывается, что Шайтанъ на каждомъ шагу является или противникомъ намѣренiямъ великаго Чамъ-Паса, или препятствiемъ, или неисполнителемъ велѣнiй, или даже самостоятельнымъ творцомъ, изъ рукъ котораго однако выходитъ все злое, нехорошее. Чамъ-Пасъ увѣщевалъ Шайтана, старался исцѣлить его отъ злаго начала; но какъ это начало составляло самую сущность Шайтана, то Чамъ-Пасъ вскорѣ же, конечно, увидѣлъ, что Шайтанъ не можетъ быть добрымъ: «нѣтъ, сказалъ онъ Шайтану: ты не можешь быть мнѣ товарищемъ: я *добръ*, а ты *золъ*. Я проклинаю тебя. Иди отъ меня въ преисподнюю, терзайся тамъ муками огня на вѣки вѣковъ».

Есть другiе варiанты этого сказанiя. Мы ихъ не будемъ приводить и обращаемъ вниманiе на ихъ существованiе, какъ на доказательство неоднократныхъ попытокъ въ средѣ Мордвы къ тому или другому объясненiю происхожденiя Шайтана, олицетворяющаго *зло*.

Изъ безчисленнаго множества различныхъ золъ, причиненныхъ Шайтаномъ, мы остановимся только на трехъ видахъ злыхъ дѣянiй.

Первая категорiя ихъ относится ко времени творенiя земли. Когда Чамъ-Пасъ далъ первое повелѣнiе Шайта-

ну—достать съ глубинъ морскихъ земли и песку,*) то Шайтанъ—уже тутъ же неоднократно проявивъ злыя намѣренія—доставъ земли, утаилъ часть ея во рту и началъ творить одновременно съ Чамъ-Пасомъ. Только-что Чамъ-Пасъ сотворилъ великолѣпный сводъ лазурныхъ небесъ, какъ Шайтанъ разбросалъ по небу лоскутьями черныя пятна; то были тучи, но тучи безплодныя. Чамъ-Пасъ обратилъ зло на добро и, одаривъ тучи дождемъ, повелѣлъ имъ орошать землю плодотворной влагой. Когда Чамъ-Пасъ сотворилъ Землю, то поверхность ея была прекрасна своею ровностью; Шайтанъ же, выплевывая утаенную землю, набросалъ на земную поверхность горы, бугры, скалы, камни и произвелъ овраги, пропасти и рытвины. Тогда Чамъ-Пасъ опять зло обратилъ въ добро, повелѣвъ горамъ хранить въ себѣ металлы и разные полезные и драгоцѣнные камни, а по доламъ и оврагамъ опредѣлилъ течь ручьямъ и рѣчкамъ. Поверхность водъ первоначально такъ же была тихая, ровная, гладкая какъ зеркало; но Шайтанъ напустилъ вѣтры и произвелъ волненіе. Чамъ-Пасъ и тутъ изъ худа сдѣлалъ добро: онъ построилъ барку съ рулемъ и веслами, сдѣлалъ парусъ и научилъ людей судоходству.

Другаго рода зло случилось при сотвореніи человѣка. Шайтанъ воспользовался временемъ, когда Чамъ-Пасъ, занятый твореніемъ души, оставилъ человѣческое тѣло подъ охраною собаки. Собака, надо замѣтить, была чистое животное и не имѣла шерсти. Шайтанъ напустилъ сначала морозъ и зазнобилъ собаку до того, что когда потомъ предложилъ ей шерстяной покровъ подъ условіемъ допущенія хотя не надолго къ тѣлу человѣка,—собака приняла предложеніе охотно. Шайтанъ же оплевалъ человѣческое тѣло, положивъ тѣмъ начало разнымъ недугамъ, и сталъ вдыхать въ него свое злое дыханіе, какъ въ это время явился Чамъ-Пасъ. Само собою, Шайтанъ былъ прогнанъ; въ человѣка Чамъ-Пасъ вдохнулъ добрую душу, но искоренить совсѣмъ того, что сдѣлалъ Шайтанъ, было

*) По одному варіанту Чамъ-Пасъ увидалъ Шайтана *плавающимъ по водѣ въ видѣ утки*. Онъ повелѣлъ Шайтану нырнуть и достать со дна земли и песку. Мы помѣчаемъ это обстоятельство въ цѣляхъ сравнительнаго сужденія о сказаніяхъ Мордвы съ сказаніями напр. Черемисъ.

невозможно. Такимъ образомъ въ человѣкѣ хотя и много существуетъ добрыхъ наклонностей, но въ немъ же гнѣздятся и злыя помышленія. Это уже само по себѣ худо, но нѣкоторое время человѣка ждала еще худшая участь: Шайтанъ явился къ Чамъ-Пасу, предъявляя свои права на человѣка: «въ немъ половина души твоей, говорилъ онъ, а половина моей.» Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, но въ то же время не могъ не видѣть, что дѣйствительно, благодаря присутствію зла въ людяхъ, они могутъ сдѣлаться жертвою Шайтана. Надо было помочь человѣку. Одаривъ его волею, Чамъ-Пасъ не находилъ совмѣстнымъ съ понятіемъ о волѣ постоянно самому руководить дѣйствіями людей. И вотъ онъ влагаетъ въ человѣка Разумъ, при помощи котораго человѣкъ былъ бы въ состояніи отличать доброе отъ злаго.

Третье великое зло, учиненное Шайтаномъ, состояло въ слѣдующемъ. Когда онъ узналъ, что Анге-Патяй производитъ великое множество духовъ-охранителей, озаисовъ, онъ также добылъ кремень, а не имѣя огнива, которое имѣлъ только одинъ Чамъ-Пасъ, замѣнилъ его другимъ кремнемъ, и сталъ вырубать искры; изъ нихъ явились злые духи въ безчисленномъ количествѣ; всѣ они стараются противодѣйствовать богинѣ Анге-Патяй и портить ея творенія; они насываютъ болѣзни на людей и скотъ; червь и саранчу на поля; истребляютъ улья, умерщвляютъ пчелъ, побуждаютъ людей на злыя дѣянія и т. п. Конечно, добрые духи ведутъ съ злыми борьбу, и борьба эта вѣчна.

Во всемъ изложенномъ о мордовскихъ богахъ мы держались преимущественно сути мордовскихъ воззрѣній и отнюдь не пускались въ изложеніе многоразличныхъ варіантовъ съ различными деталями о томъ или другомъ богѣ, о томъ или другомъ обстоятельствѣ, иногда рисующемъ напр. нѣкоторую фамиліарность, наивность а то и грубость отношеній Мордвы къ нѣкоторымъ изъ божествъ, или грубость воззрѣній на нихъ. Чтобы однако хотя отчасти показать, въ чемъ состоитъ то, другое или третье, мы приведемъ два-три примѣра. Такъ, положимъ въ отношеніи къ Пургине-Пасу, Мордва не смущается такими рѣчами, когда тотъ слишкомъ разгремится во время грозы: «легче, легче! ты, чай, нашъ»! Или напр. въ молитвахъ своихъ они

слишкомъ ужь прямо просятъ, чего имъ надо: «*Пиче-бозаисъ*, дай намъ избы! *Шотъ-рань-озаисъ*, дай намъ бревенъ на избы! *Керенъ-озаисъ*, дай намъ лубьевъ!» А то напр. приносятъ въ жертву салму, яичницу и т. п. кушанья и говорятъ: «вотъ тебѣ салма, яичница» и т. д. и притомъ, поднимая яичницу кверху, произносятъ: «Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Анге-Па̀тяй, матушка, пресвятая Богородица, гляди, бери!» Наконецъ, по сказаніямъ Мордвы, нѣкоторые боги—бывали случаи—вступали въ любовныя связи съ простыми смертными дѣвушками. Напр. Пургине-Пасъ влюбился въ красавицу Сыржу; во время грозы онъ слетѣлъ въ видѣ молніи, сопровождаемой громомъ, и увлекъ дѣвушку на небо. Мордва, какъ говорятъ, думаетъ и теперь, когда случается гроза, что это Пургине-Пасъ на небѣ пляшетъ по чашкамъ, ложкамъ, по скамьямъ и по полицамъ.

Но надобно замѣтить, что угловатости подобнаго рода намъ могутъ болѣе казаться такими, нежели онѣ таковы на самомъ дѣлѣ. Возьмемъ, положимъ, примѣръ о салмѣ и яичницѣ: многоразличныя обстоятельства сложили въ умѣ нашемъ такой оттѣнокъ отношенія къ этимъ предметамъ, что во многихъ случаяхъ названія ихъ вызываютъ въ насъ представленіе о чемъ-то грубомъ или смѣшномъ; сопоставленіе же салмы и яичницы съ понятіемъ о священномъ дѣйствіи жертвоприношенія принимаетъ комическій оттѣнокъ; а все это неуловимое для нашего вниманія рождаетъ въ насъ мгновенное, или, вѣрнѣе, мимолетное сужденіе о наивности и грубости народа, сужденіе къ которому мы, не придавая ему важности, не сочтемъ нужнымъ отнестись критически; но, тѣмъ не менѣе, не то какъ бы шутя, не то полусерьезно усвоимъ его себѣ. Но чтобы видѣть до какой степени можно грубо ошибиться въ сказанномъ сужденіи, стоитъ только представить себѣ, что кто нибудь вполнѣ самоувѣренно отнесся бы съ усмѣшкой къ бѣлому хлѣбу и беникарло или кагору въ священнодѣйствіи христіанъ. Не сочли ли бы его христіане и глупымъ и дерзкимъ и безнравственнымъ?...

Положимъ, далѣе, что гдѣ нибудь (ну, хоть у насъ же) читатель встрѣчаетъ слѣдующую характеристику: Скудная и грубая фантазія невѣжественной Мордвы не въ состо-

яніи, конечно, создать ни возвышенныхъ образовъ, ни соотвѣтственныхъ дѣяній; понятія ея о божествѣ—самаго низкаго качества; у мордовскаго бога есть на небѣ въ его избѣ всякая кухонная утварь; утвари этой подъ часъ грозитъ опасность полнаго крушенія отъ подгулявшаго на безобразной попойкѣ бога, когда онъ подниметъ плясъ по чашкамъ, ложкамъ, плошкамъ на радостяхъ, что успѣлъ соблазнить толстоногую мордовскую дѣвку Сыржу и затащить въ свою кухню.

Не правда-ли, что впечатлѣніе отъ такой характеристики и приведеннаго случая располагаетъ къ заключенію очень невыгодному для описываемаго народа? Между тѣмъ, соверши что нибудь подобное какой нибудь индѣйскій Магадевъ и облеки какой нибудь поэтъ художникъ индѣйскую легенду въ художественную форму—впечатлѣніе будетъ совершенно другое.

Когда мы читаемъ, какъ индѣйскій Магадевъ «земли владыка» «касается устами расписныхъ ея (т. е. дѣвы изъ «дома любви») ланитъ», читаемъ это въ легендѣ, изложенной въ поэтической формѣ, намъ и въ голову не приходитъ глумленіе надъ Магадевомъ или индѣйской религіею; намъ можетъ нравиться, какъ

... изъ пламеннаго зѣва
Юный богъ исходитъ самъ,
И въ его объятьяхъ дѣва
Съ нимъ взлетаетъ къ небесамъ.

Наконецъ, мы окончательно примиряемся, или болѣе того—мы находимъ возвышенною, именно достойною боговъ, любовь Магадева, когда намъ вслѣдъ за предъидущими стихами добавятъ, что

Любовь расторгаетъ отверженныхъ сѣти,
Безсмертнымъ не чужды заблудшія дѣти;
Раскаянье грѣшныхъ пріятно богамъ.

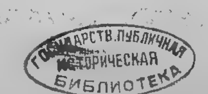
Такимъ образомъ *грубость* воззрѣній, которую можно наблюсти при подробномъ изложеніи всѣхъ варіантовъ мордовскаго міровоззрѣнія—болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная.

А кромѣ того, не зная ничего о генезисѣ мордовскихъ сказаній, мы должны остеречься отъ заключенія, что все, что намъ извѣстно изъ этихъ сказаній, возникло въ одинъ

опредѣленный періодъ и приняло одну постоянную, неподвижную форму. Напротивъ: съ большимъ вѣроятіемъ мы можемъ заключить, что грубыя формы или представляютъ остатки первобытныхъ воззрѣній, или что онѣ—если и явились позднѣе—явились при условіяхъ, низведшихъ народъ на сравнительно нисшую ступень развитія. Нѣкоторыя сказанія чрезвычайно плохо вяжутся съ общимъ духомъ мордовскаго міровоззрѣнія; они составляютъ какіе то ненужные привѣски; они,—не болѣе какъ апокрифы въ своемъ родѣ.

Мы видѣли, что Мордва очень способна къ отвлеченному и притомъ возвышенному представленію божества. Это подверждается какъ тѣмъ, что уже было сказано о главныхъ богахъ, такъ и тѣмъ, что они были свободны отъ обоготворенія камней, рѣкъ, деревьевъ или животныхъ, такъ еще болѣе тѣмъ, что у нихъ не было ни идоловъ, ни какой бы то ни было иной формы изображеній боговъ, ни даже, наконецъ, храмовъ; они совершали свои моленія прямо подъ небеснымъ сводомъ въ рощѣ, въ особо назначенномъ и огороженномъ для того мѣстѣ. Повидимому, они не считали нужнымъ признавать и того, чтобы великій Чамъ-Пасъ или Анге-Па̀тяй соизволяли передавать долю своей власти какимъ нибудь отдѣльнымъ лицамъ изъ народа для спеціальнаго завѣдыванія вопросами вѣры, что, замѣтимъ, должно было обусловливать легкую возможность совершенствованія культа при благопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ, и что́, кажется, дѣйствительно имѣло мѣсто, судя по сравнительной высотѣ мордовской религіи съ религіями родственныхъ народовъ. Не нуждаясь въ посредникахъ между собою и божествомъ, Мордва не имѣла и жреческаго класса, и только временно, для порядка и удобства избирала нѣсколькихъ изъ почтеннѣйшихъ старцевъ (*ате-покш-тей* т. е. хорошіе люди) для руководженія народомъ во время общественныхъ моленій и жертвоприношеній. Старѣйшій изъ этихъ *ате-покш-тей* назывался *прявтъ* *) (голова). Обыкновенно этотъ старецъ правилъ свою должность до конца дней своихъ, но не обязательно: онъ могъ и отказаться, равно какъ міръ могъ смѣнить его.

*) Мы до сихъ поръ говорили и говоримъ собственно о Терюханахъ и Эрдзянахъ; у Мокшанъ названія другія.

Но прявтъ—не жрецъ: онъ не возглашалъ молитвъ; прявтъ не приносилъ и жертвъ. Онъ назначалъ дни молебствій, когда народъ заявлялъ о желаніи совершить моленіе по какому нибудь поводу; у него хранились священные штатолы, священные ковши, жертвенные ножи и т. п. Обязанность священнодѣйствующаго исполняло другое лицо—*возатя*. У возати было 12 помощниковъ, также избираемыхъ изъ уважаемыхъ міромъ стариковъ. Вотъ эти помощники:

3 пурендяита
3 янбеда
3 кашангорода и
3 туростора.

А вотъ ихъ обязанности:

Пурендяиты должны собирать хлѣбъ, медъ и другіе пищевые припасы для жертвоприношенія. Прявтъ выдавалъ имъ для того священныи *парки* (кадки). *Янбеды*—разносить народу *пуре* (освященное питье, именно пиво), для чего получали отъ прявта большое число священныхъ ковшей.

Туросторы—блюсти благочиніе въ время богослуженія, ради каковой цѣли они становились тогда на древесные пни или на опрокинутыя парки. Они же приготовляли штатолы (свѣточи) и прилѣпляли ихъ къ паркамъ.

Наконецъ, были еще

3 *пазанбунаведа*.

Но они уже не были помощниками возати. Ихъ дѣло было—отыскать и купить на собранныя съ міра деньги рыжаго быка и бѣлаго барана или гуся, смотря по тому, кому имѣлось въ виду молиться. Ни быкъ, ни баранъ не должны были имѣть ни малѣйшаго клочка шерсти инаго цвѣта. Въ крайнемъ случаѣ допускалось представить на жертву животное и иной масти, но все же совершенно одноцвѣтное.

Въ дни приготовленій къ *моляну* (моленію) возатя не показывался народу; а въ ночь на день моленія онъ тайно уходилъ въ *кереметь* (мѣсто моляна) и скрывался въ густой листвѣ священнаго дуба.*)

*) Или липы.

Наступалъ день—являлись пурендяиты, разставляли парки, наливая въ нихъ пуре, раскладывали по землѣ хлѣбъ. Кашангороды въ то же время изготовляли тутъ же на печныхъ заслонахъ мірскія яичницы и затѣмъ развѣшивали ихъ на рычагахъ, прикрѣпленныхъ къ вѣтвямъ деревьевъ.

Но вотъ собрался и народъ: мужчины отдѣльно отъ женщинъ, дѣвушки отдѣльно отъ тѣхъ и другихъ. Прибылъ и прявтъ. Онъ первый входитъ въ кереметь и становится передъ парками. За нимъ входитъ народъ и устанавливается лицемъ на западъ. Позанбунаведы вводятъ въ восточные*) ворота жертвенное животное и привязываютъ къ столбу; потомъ животное переводятъ на другой конецъ керемети: здѣсь они закалываютъ его; кровь спускаютъ въ землю подъ камень, а шкуру развѣшиваютъ на столбахъ, гдѣ было вначалѣ введено животное.

Янбеды въ это время исполняютъ свое дѣло: черезъ сѣверные ворота они приносятъ воду, наливаютъ ее въ котелъ, подвѣшенный въ особомъ мѣстѣ *(хорай-жигать)*, и разводятъ подъ котломъ огонь, поджигая дрова огнемъ отъ священныхъ штатоловъ. А туросторы прилѣпляютъ горящіе штатолы къ заднимъ сторонамъ парокъ, что разставлены передъ священнымъ дубомъ.

Вода уже кипитъ; мясо опущено въ кипятокъ. Всѣ подготовительныя дѣйствія окончены. Въ это время раздается голосъ незримаго возати. «Сакмеде!» возглашаетъ онъ, призывая этимъ возгласомъ къ молчанію (сакмеде значитъ: молчите). Водворяется тишина; народъ снимаетъ шапки.

Пуре пре за марта; пойгуре за марта; андря за марта, шепете за марта, великое за марта, пащинз коди!» произноситъ возатя **).

Народъ совершаетъ многіе поклоны, говоря вполголоса:

---

*) Мимоходомъ—строгимъ блюстителямъ правописанія заявимъ, что въ означенномъ словѣ опечатки нѣтъ, и ошибки мы не признаемъ, причисляя слово ворота къ словамъ мужескаго рода (отъ единств. числа воротъ, какъ волоса отъ волосъ). Передъ ними же извинимся, что не по закону перешли быстро изъ *прошедшаго* описательнаго въ *настоящее*.

**) Какъ видитъ читатель, здѣсь встрѣчаются уже руссицизмы. Первобытная форма молитвы забыта, да и этой смысла Мордва почти не можетъ объяснить. Общій смыслъ до нѣкоторой степени напоминаетъ наше: «паки и паки міромъ Господу помолимся»; *за марта*—приглашеніе усердно молиться, а *пащинз-коди*—низко кланяться.

«Чамъ-Пасъ, помилуй насъ! Волцы-Пасъ, Назаромъ-Пасъ, помилуй насъ! Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Веленъ-Пасъ, сохрани насъ! Анге-Патяй-Пасъ, умоли за насъ!» *).

Поклоны и произнесеніе этой молитвы длятся съ полчаса и болѣе.

«Сакмеде»! снова раздается голосъ изъ вѣтвей священнаго дуба.

«Чувал—пузадд, иля-му задд, чясте вясте!»

Молящійся людъ становится на колѣни, и, вознося взоры и воздѣвъ руки къ небу, единогласно взываетъ къ Чамъ-Пасу, Анге-Патяй и другимъ богамъ, моля о милости.

По прошествіи довольно продолжительнаго промежутка времени моленія народъ снова слышитъ «сакмеде!» возати, который уже находится передъ народомъ на особомъ возвышеніи передъ паркою съ пуре. Обратясь на западъ и также воздѣвъ руки къ небу онъ мысленно молится Чамъ-Пасу, Ангей Патяй и другимъ богамъ. Затѣмъ, сойдя съ возвышенія и принявъ изъ рукъ прявта священный ковшъ, онъ кладетъ въ него часть хлѣба, соли, жертвеннаго мяса; потомъ поднимаетъ ковшъ съ этими частями къ небу и произноситъ:

Чамъ-Пасъ, воззри и пріими! Назаромъ-Пасъ, воззри и пріими!..» **).

Такъ обращаетъ возатя моленіе о принятіи жертвъ къ каждому изъ боговъ, поименованныхъ въ молитвахъ. Народъ въ это время стоитъ безмолвно, внимая моленію возати и также поднявъ руки къ небу. Кончивъ возношеніе жертвы, возатя бросаетъ ее въ огонь; и съ этимъ всѣ молящіеся падаютъ на колѣни, обратясь въ сторону огня, и долго — пока не сгоритъ жертва — молятся, то поднимая руки къ небу, то опуская ихъ. Возатя, дождавшись, когда жертва сгорѣла, всходитъ на возвышеніе священнаго дерева и трижды возглашаетъ: «сакмеде!»

Начинается освященіе *пуре* подобнымъ же образомъ. Освященнымъ пуре одинъ изъ пурендяитовъ опрыскиваетъ

---

*) Теперь собственно такъ: «Анге-Патяй-Пасъ, матушка пресвятая Богородица, умоли за насъ!»

**) Какими словами на своемъ языкѣ Мордва выражала это встарь—неизвѣстно; а нынѣ, не зная хорошенько ни своего, ни русскаго, употребляетъ языкъ обыденной русской рѣчи, почему и выходитъ довольно грубоватое обращеніе: *«гляди—бери»*.

изо рта народъ, символизуя тѣмъ чаемое обиліе урожая, которое даетъ Мастырь-Пасъ.

Послѣ этого и послѣ новаго «сакмеде!» возятя громко произноситъ довольно длинное моленіе объ урожаѣ хлѣба, «*Дуръ, дуръ, дуръ паре Мастыръ-Цасъ*!» т. е. вотъ, вотъ, вотъ ковшъ Мастырь-Паса, заключаетъ онъ молитву, и также брызгаетъ пуре на всѣ стороны.

За этимъ возатя беретъ ковшъ освященнаго пуре, прилѣпляетъ къ священному дубу штатолъ и послѣ «сакмеде!» приглашаетъ народъ обратить поклоны къ дереву, и самъ, обратясь къ нему, возглашаетъ молитву, какъ и всѣ, начинающуюся обращеніемъ къ Чамъ-Пасу. Здѣсь просятъ о дарованіи различныхъ *древесныхъ* произведеній, или произведеній изъ дерева, какъ напр. о бревнахъ, мочалѣ, лубьяхъ, дровахъ, лаптяхъ, избахъ. По окончаніи этой молитвы возатя выливаетъ ковшъ пуре на корни священнаго дерева; потомъ изъ другихъ ковшей выливаетъ пуре на корни другихъ деревьевъ всѣхъ породъ, растущихъ въ кереметі; а пока священнодѣйствующій обходитъ рощу, колѣнопреклоненный народъ поетъ молитву, о которой мы только что упомянули.

Тѣмъ временемъ жертвенное мясо уже сварилось. Его раздѣляютъ народу, а также разносятъ священными ковшами и *щурью*, т. е. самый бульонъ. Но молянъ еще не конченъ. Мы, впрочемъ, не будемъ продолжать его описаніе, считая, что сказаннаго достаточно, чтобы можно было воспроизвести въ воображеніи картину *велень-моляна*, т. е. общественнаго моленія. Скажемъ только, что не разъ еще слышится возгласъ «сакмеде!» не разъ еще молятся—говоря кратко—о ниспосланіи разныхъ великихъ и богатыхъ милостей. Еще разъ (при освященіи яичницъ) народъ молится на колѣняхъ, а возатя, вознося часть жертвы, проситъ Чамъ-Паса, Анге-Патяй и др. принять ее.

По окончаніи всѣхъ этихъ священнодѣйствій народъ садится на землю; ѣдятъ и пьютъ все жертвенное и принесенное каждымъ изъ дому. Дѣвушки однако приступаютъ къ пищѣ и питью послѣ.

На этотъ случай раздается еще разъ: «*сакмеде*!» Возатя приглашаетъ дѣвушекъ пѣть *позморд*, т. е. жертвенную священную пѣснь. Пѣснь эта, замѣтимъ, довольно длинна.

Къ сожалѣнію, содержаніе ея, можно сказать, утратилось: г. Мельниковъ *) замѣчаетъ, что къ кому онъ ни обращался изъ Мордвы, никто уже не могъ перевести ему позморо на русскій языкъ, такъ какъ позморо поется на старинномъ мордовскомъ языкѣ, котораго ни Эрдзяне, ни Терюханы уже не понимаютъ. Послѣ позморо и дѣвушки приступаютъ къ жертвеннымъ питью и пищѣ; но трапеза прерывается, и снова поется позморо; потомъ продолжаютъ трапезовать, опять поютъ и т. д., пока не кончится трапеза.

Принимая христіанскую вѣру, Мордва обнаружила большую склонность къ проведенію параллели между христіанскими святыми и своими богами. Мы уже видѣли, что въ христіанской Божьей Матери они признали свою матерь боговъ Анге-Па̀тяй. Ее же они отождествляли съ популярною отчасти и въ Русскомъ народѣ бабою Саломеею, о которой упоминается въ апокрифическомъ евангеліи Іакова и которая будто бы послужила пресвятой Маріи при рожденіи Іисуса Христа. Прибавимъ, что Николая Чудотворца, собственно вешняго Николу, Мордва отождествила съ Мастыръ-Пасомъ, а зимняго пріурочила къ Назаромъ-Пасу. **) Николай Чудотворецъ, замѣтимъ, пользуется наибольшею популярностью у всѣхъ приволжскихъ инородцевъ, даже, говорятъ, у Татаръ-магометанъ. Но если мы говоримъ о такомъ вліяніи на Мордву христіанской вѣры, то кстати не безполезно указать и на нѣкоторое вліяніе мордовскихъ воззрѣній на народно-русско-христіанскія. Этимъ обоюднымъ вліяніемъ воззрѣній двухъ народовъ объясняются напр. прозвища святыхъ. Такъ, намъ будетъ понятно, откуда взялось въ Русскомъ народѣ считать Василія Великаго за покровителя свиней, когда вспомнимъ, что Мордва въ тотъ же день молится или молилась духу-покровителю свиней, *Таунь-ӧзаису* и она же потомъ стала называть *Таунь-ӧзаиса: Вельки-Васяй*. Іеремію (въ день 1 Мая) нашъ народъ зоветъ *Еремеемъ-запрягальникомъ*, а Мордва о ту пору молилась *Керемь-ӧзаису*, духу покровителю земледѣльческихъ орудій. Ангарь-*ӧзаисъ* и *Лишмань-ӧзаисъ*—покровители коневодства. Мордва узна-

*) Очерки Мордвы въ Русск. Вѣстникѣ 1867 г.
**) А Мокшане считаютъ Николая Чудотворца богинею.

ла ихъ во *Флорѣ* и *Лаврѣ*: въ день ихъ (18 Августа) Мордва совершаетъ моленіе о лошадяхъ; и на этомъ моленіи бываютъ только одни мужчины: «обычай, говоритъ Мельниковъ, существующій и у Русскихъ на лошадиномъ праздникѣ.» Въ день *Настасьи овечницы* (26 Октября) Мордва молится *Ревъ-ôзаису*—покровителю овецъ. 15 Сентября на *Никитинъ день* въ русскихъ деревняхъ задабриваютъ *Водяного*, отрывая голову у гуся и бросая его въ воду. Въ это же время Мордва совершаетъ тотъ же обрядъ *Ветъ-Мастырь-Пасу*, богу водъ. Наканунѣ одного изъ праздниковъ въ честь Анге-Па̀тяй—а ей было, замѣтимъ, болѣе праздниковъ, нежели кому либо изъ другихъ боговъ—мордовскія дѣвушки убирали избы и дворы зелеными, преимущественно березовыми вѣтвями, ставили передъ домами березки, плели вѣнки, украшали ими свои головы и развѣшивали снаружи избъ, а также украшали изголовья постелей, призывая при этомъ Анге-Па̀тяй и прося ее послать хорошаго жениха: Троица и Семикъ невольно вспомнятся каждому Русскому. Собственно въ Семикъ мордовскія дѣвушки собирались вмѣстѣ и, съ березовыми вѣтвями въ рукахъ, съ вѣнками на головахъ ходили по селенію, распѣвая пѣснь, обращенную къ Анге-Па̀тяй о томъ же предметѣ, т. е. о женихахъ. Мужчины не должны были находиться въ это время тутъ же; а если это какъ нибудь случалось, дѣвушки хватали его и щекотали до тѣхъ поръ, пока онъ не откупался десяткомъ свѣжихъ яицъ. «Не отсюда ли, спрашиваетъ г. Мельниковъ, русское вѣрованіе въ русалокъ, которыя защекочиваютъ человѣка до смерти, которыхъ воображаютъ съ зелеными волосами (березовыя вѣтки на головѣ) и которыя въ особенности проказничаютъ на Русальной недѣлѣ, совпадающей по времени съ весеннимъ праздникомъ въ честь Анге-Па̀тяй?» Напомнимъ о Таунсяѣ, празднуемомъ Русскимъ народомъ во многихъ губерніяхъ, обитаемыхъ Мордвою. Или о Колядѣ... даже о сотвореніи міра Богомъ и о противодѣйствіи ему злаго духа существуютъ сходныя сказанія и въ Русскомъ народѣ и у финскихъ народовъ, и трудно бываетъ рѣшить въ иныхъ случаяхъ, кто отъ кого заимствовалъ эти вѣрованія: Славяне ли отъ Финновъ или Финны отъ Славянъ?»

Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ; но довольно и этихъ, чтобы унестись въ ту стародавнюю, сѣдую старину, когда Мордва (какія бы то ни было племена ея) не только сосѣдила, но, проникаясь русскимъ элементомъ, проникала и его, и совершался мирный, естественный и прочный процессъ сліянія финскаго элемента съ славянскимъ, процессъ образованія новаго народа.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ обычаевъ Мордвы.

Для *засѣва хлѣба весною* общество избираетъ особенный день. Накапунѣ этого дня вся Мордва моется въ баняхъ. Съ наступленіемъ его, не смотря ни на какую погоду, всѣ должны непремѣнно выѣхать въ поле для засѣва. Случалось иногда, что выѣзжали они засѣвать хлѣбъ на саняхъ. Въ самый же день засѣва засѣвальщики встаютъ весьма рано, зажигаютъ свѣчу предъ образами, кладутъ на столъ три яйца и молятся такъ: «Дай Богъ чтобъ уродился хлѣбъ на всякомъ мѣстѣ, на горахъ и на долахъ, какъ у одного такъ и у другаго, на нищую братію, для пріятелей и знакомыхъ, для всякаго добраго человѣка, для нашего скота. Дай Богъ, чтобы уродился хлѣбъ полный, какъ желтокъ куринаго яйца.» Послѣ сего разрѣзываются три яйца на восемь частей (почему на 8 частей—неизвѣстно) раздѣляются всѣмъ членамъ семейства и съѣдаются. Въ это время никто не долженъ и не смѣетъ сердиться, и тѣмъ болѣе браниться. При появленіи зари, засѣвальщики тихо и спокойно отправляются въ поле, опасаясь, чтобы кто нибудь не замѣтилъ ихъ и не перешелъ имъ дороги. Пріѣхавъ въ поле и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, они приступаютъ къ дѣлу и, если можно, пашутъ до завтрака. Если же нельзя пахать, то зарываютъ въ землю только по горсти сѣмянъ. Послѣ завтрака, если пахали до него, засѣвальщики перехаживаютъ другъ къ другу, съ загона на загонъ, и угощаются пивомъ, яйцами, пирогами. Нѣкоторые пашутъ и послѣ обѣда. Другіе же, начавши гулять съ завтрака, прогуливаютъ время въ полѣ до глубокой ночи. По пріѣздѣ съ поля въ домъ, засѣвальщики опять молятся со всѣмъ семействомъ. *)

Перейдемъ къ сватебному обряду. Выборъ невѣсты зависитъ отъ родителей, и будущіе новобрачные не проти-

(* Матер. для ист. и стат. Симб. губ. Выпускъ 2. Симбирскъ 1866 года.

ворѣчатъ ихъ волѣ. Выборъ основывается на добрыхъ нравственныхъ качествахъ дѣвицы и на возможности жениха уплатить условную сумму за невѣсту. Выкупъ или денежная сдѣлка обходится мордвину посредственнаго состоянія до 100 руб.

Мордовскія свадьбы, кромѣ выкупа, обременительны еще по слѣдующему случаю: засватанная дѣвица должна оставаться невѣстой годъ и болѣе, и чѣмъ дольше, тѣмъ больше ей почета и уваженія со стороны знакомыхъ; женихъ же въ столь долгій промежутокъ времени обязанъ въ недѣлю разъ, или въ двѣ недѣли, или, по крайней мѣрѣ, каждый мѣсяцъ навѣщать невѣсту и привозить ей различныхъ домашнихъ продуктовъ, особенно меду.*)

Дня за три до свадьбы пріѣзжаетъ отъ жениха ближній его родственникъ и назначаетъ день пріѣзда поѣзжанъ; съ этой минуты невѣста начинаетъ плакать, и прощается съ своей дѣвичьей жизнью, а поѣзжане начинаютъ стряпать кушанье, варить пиво и изготовлять все къ свадебному торжеству. Наканунѣ свадьбы пріѣзжаютъ поѣзжане, но не входятъ въ домъ невѣсты, а занимаютъ зимою нанятую для этого квартиру; лѣтомъ же останавливаются у околицы. На другой день рано утромъ они стучатся въ дверь дома, гдѣ живетъ невѣста; хозяинъ дома и съ нимъ всѣ родственники невѣсты отворяютъ имъ дверь и впускаютъ въ избу, въ которой все уже приготовлено къ пиру, столъ покрытъ яствами и бутылями пива въ достаточномъ количествѣ. Невѣста во время закуски сидитъ за столомъ, покрытая краснымъ платкомъ; по данному знаку отца или старшаго въ семействѣ она встаетъ, уходитъ въ другую комнату или въ сѣни проститься послѣдній разъ съ своими подругами; послѣ, лишь только покажется она снова въ дверяхъ комнаты, поѣзжане схватываютъ ее внезапно за руки, выносятъ, сажаютъ на телѣгу и увозятъ въ церковь, гдѣ уже ожидаетъ ее женихъ. По окончаніи брачной церемоніи молодую везутъ въ домъ мужа; телѣгу, въ которой она пріѣхала, снимаютъ съ передней оси и осыпаютъ хмѣлемъ. Молодыхъ встрѣчаютъ родственники съ хлѣбомъ и солью, усаживаютъ въ большой уголъ и начинается угощеніе.

*) До 1 пуда каждый разъ.

Во время разгара пирушки дружка и сваха отводятъ молодую чету на брачную постель, приготовленную въ задней избѣ или, особенно въ лѣтнюю пору, въ амбарѣ, и снаружи запираютъ ихъ на замокъ.

Дружка безпрестанно подбѣгаетъ къ запертой двери, прислушивается, и когда замѣтитъ, что молодые проснулись и встали, зоветъ сваху и вмѣстѣ съ ней опрометью бѣжитъ отпирать дверь. Одѣвши молодыхъ, они вводятъ ихъ къ пирующимъ гостямъ, и тутъ-то открывается завѣтная тайна брака, радостная или печальная; впрочемъ, чтобы ни открылось, пирующіе все это скоро забываютъ.

Тайна обнаруживается дружкою. Введя невѣсту въ избу, онъ ставитъ ее подъ кожухъ, слегка ударяетъ ее по головѣ вѣнчальнымъ хлѣбомъ и произноситъ которое нибудь изъ слѣдующихъ словъ: парай (добрый), вяжай (злой), люкай (дикій), мазай (хорошій) и т. п. Качество, данное дружкой, служитъ какъ бы нравственнымъ аттестатомъ для невѣсты на всю ея замужнюю жизнь.

Брачныя узы Мордвы весьма крѣпки и чисты. Вообще нравственность дѣвушекъ довольно высоко развита. Забеременившая изъ нихъ, даже изъ самой зажиточной семьи, отъ стыда и досады старается выйти замужъ за бѣдняка увѣчнаго, или удаленнаго отъ общества за пороки. Бездѣтность въ замужествѣ почти презирается Мордвою.

На памяти мордовскихъ старожилъ, кромѣ сватебъ со сватовствомъ, совершались сватьбы безъ сватовства: *самокрутствомъ* и *похищеніемъ* невѣстъ.

Самокрутство состояло въ томъ, что дѣвушка покидала родительскій домъ, тайно обвѣнчивалась съ возлюбленнымъ, заранѣе передавши ему все свое имущество.

Похищеніе невѣстъ. Мордвинъ, потерявшій надежду выгодно жениться въ своей деревнѣ, подговаривалъ близкихъ товарищей отправиться съ нимъ на поиски невѣсты въ отдаленныя мордовскія селенія.

По полученіи согласія, обыкновенно рано утромъ, когда дѣвушки гурьбою шли на полевыя работы, подъѣзжали молодцы къ избранному селенію. Поровнявшись съ дѣвушками, женихъ вглядывался въ нихъ, указывалъ на понравившуюся красотку; послѣдняя тотчасъ же схватывалась и

увозилась по окольнымъ дорогамъ въ густой сосѣднiй лѣсъ.

Толпа таилась въ лѣсу сутокъ двое или трое, уговаривала похищенную невѣсту полюбить жениха и, получивъ, обыкновенно крайне дерзко, вынужденное согласiе, просила священника ближайшей деревни совершить брачный обрядъ.

За похитителями снаряжались иногда погони изъ деревенской молодежи; происходили боевыя схватки, но дѣло большею частiю оканчивалось попойкой и согласiемъ на бракъ.

Такъ какъ мы не задаемся цѣлью писать о Мордвѣ и другихъ народахъ подробно, то позволяемъ себѣ обойти молчанiемъ многiя другiя менѣе интересныя бытовыя черты. Но вотъ обратимъ еще вниманiе на обрядъ — похороны.

Похороны. Почитанiе покойниковъ.

По смерти одного изъ старшихъ въ семьѣ, въ домъ являются родственники его; покойника обмываютъ, надѣваютъ чистое платье и, наскобливъ нѣсколько мѣди съ монетъ, кладутъ ее на покойника; затѣмъ желаютъ ему лучшей жизни на томъ свѣтѣ, плачутъ, кланяются ему и просятъ прощенiя. На вопросъ о цѣли посыпанiя мѣдью Мордва отвѣчаетъ, что такъ заведено изстари. Можно предполагать, что этимъ выражается желанiе богатства на томъ свѣтѣ.

Въ крышкѣ гроба—который имѣетъ видъ выдолбленной колоды—Мордва вырѣзываютъ отверзтiе на подобiе окошечка, чтобы умершему было посвѣтлѣе и не такъ душно. Щепы отъ гроба, до мелочи, собираютъ въ корзины и выбрасываютъ около дороги, за чертой селенiя, считая ихъ заразительными. Оттого-то каждаго внимательнаго путешественника невольно поражаетъ множество корзинъ и щепъ, валяющихся около мордовскихъ селенiй.

Похороняемому кладутъ около руки платокъ или кусокъ холста, какъ запасъ для смѣны одежды.

Съ постепеннымъ зарыванiемъ въ землю, женщины поднимаютъ дикiй вопль и царапаютъ лицо свое ногтями.

По совершенномъ зарытiи одинъ изъ близкихъ родственниковъ раздаетъ бѣднымъ гроши, приговаривая: «вотъ вамъ гостинецъ отъ умершаго».

Форма гробовъ удерживается Мордвою съ давно про-

шедшаго времени, что можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ, которые поясняютъ также язычество прежней Мордвы, ея многолюдство и зажиточность. Вотъ они, говоритъ Ауновскій:

«Въ путешествіе по Краснослободскому уѣзду мнѣ привелось около села Рыбкина наткнуться на глубоко-песчаную мѣстность, съ возвышеніями на подобіе небольшихъ кургановъ. Въ разрываемыхъ возвышеніяхъ попадались разнообразной формы и съ различными украшеніями глиняныя издѣлія, фундаментомъ выложенные кирпичи, множество углей и полуобгорѣвшихъ древесныхъ кусковъ.

На ровной песчаной мѣстности валялись человѣческія кости. Въ разрытомъ пескѣ и равномѣрно-снимаемомъ песчано-глинистомъ грунтѣ, лежащемъ подъ нимъ, ясно были видны очертанія гробовъ, напоминавшія выдолбленные древесные пни (колоды), и въ нихъ полные скелеты, но уже рыхлые, потемнѣвшіе, весьма легко распадавшіеся.

На частяхъ скелета, соотвѣтствующихъ шеѣ, были украшенія изъ ужовокъ (раковинокъ) и разноцвѣтныхъ стеколъ нанизанныхъ на металлическія нити; части грудную и поясную украшали 3 и 4 угольныя мѣдныя бляхи.

По бокамъ скелетовъ не рѣдко попадались металлическія и кремневыя копья, какъ доспѣхи умершихъ воиновъ.

Одежды вовсе не было замѣтно; только подъ нѣкоторыми скелетами уцѣлѣли остатки войлока.

При внимательномъ отыскиваніи денегъ, нашлись только двѣ маленькія, весьма измѣненныя и трудно опредѣлимыя мѣдныя монеты, формы удлиненной и съ отверстіями около одного конца.

Откопанные женскіе скелеты рѣшительно всѣ свидѣтельствовали о большомъ уваженіи женской косы (какъ и въ настоящее время).

Каждая коса была навита на деревянную палку и сверху круто обмотана мѣдною проволокою; оттого-то во многихъ экземплярахъ превосходно сохранилась значительная часть волосъ изъ косъ.

Кладбище тянулось почти на полверсты и раздѣлялось на двѣ половины: мужскую и женскую.

Всѣ трупы были обращены головою къ югу или солнцу, что указываетъ на языческій обрядъ.

Курганы, вѣроятно, служили для жертвоприношеній.

Величина кладбища и попадающіяся въ немъ различныя украшенія свидѣтельствуютъ о многолюдномъ и зажиточномъ племени, оставившемъ ихъ».

Прибавимъ, что провожая покойника съ плачемъ, мордовки—женщины и дѣвушки—причитаютъ. Въ причитаніяхъ этихъ выражается или воспоминаніе о покойномъ съ похвалою ему или иногда и укоризна: «Кормилецъ нашъ, красное солнышко! (причитаютъ въ первомъ случаѣ)... трудился онъ и работалъ для насъ... Съ тобою не знали мы нужды въ пищѣ и одеждѣ: лаптей у насъ было довольно... въ шубахъ и кафтанахъ не нуждались, всего было довольно». А то наприм. жена и такъ причитаетъ: «жилъ ты, хозяинъ, кое-какъ: не шилъ для меня ни шубы, ни кафтана... пролила я съ тобою слезъ довольно... Да вотъ и умеръ... оставилъ мнѣ въ наслѣдство горе да слезы».

Слѣдующій обычай относитъ насъ къ временамъ очень давнимъ и, быть можетъ, не безъинтересенъ по нѣкоторой связи съ вопросомъ о первобытномъ человѣкѣ и о происхожденіи вѣрованій. Мордва вѣруютъ, что умершіе сродники ихъ, ближніе и дальніе, могутъ изъ замогильной жизни не только миловать, но и наказывать живыхъ; поэтому они уважаютъ и боятся покойниковъ; поэтому же не только въ дни, назначенные церковью для поминовенія умершихъ, но и при началѣ каждаго сколько нибудь важнаго дѣла они призываютъ покойниковъ. Такъ, во время общественныхъ несчастій, и едвали не каждогодно, избранные отправляются на могилы предковъ, даже умершихъ въ язычествѣ. Тамъ они раскаиваются въ грѣхахъ и упрашиваютъ покойниковъ избавить ихъ отъ несчастій. Въ этомъ случаѣ почетъ усопшимъ воздается на могилѣ поклонами до земли и заканчивается жертвоприношеніемъ. Женщины во дни общественныхъ поминокъ самымъ тщательнымъ образомъ оберегаютъ себя отъ нечистоты, воздерживаются отъ гнѣва и ссоры и приготовляютъ отборныя кушанья, рыбу, жареныхъ куръ, сдобные пироги, яичницу, орѣхи, пряники, медъ, пиво, вино и т. п. и все это несутъ на могилу. Тамъ онѣ, наливая вино, обращаются съ рѣчью къ покойникамъ, приглашая и ихъ откушать хлѣба-соли и просятъ ихъ, чтобы они молили Бога о благополучномъ

годѣ. Затѣмъ, отливъ изъ стакановъ нѣсколько вина или пива на могилу, выпиваютъ сами остальное и закусываютъ принесеннымъ.

Г. Майновъ даетъ описанiе мордовскихъ похоронъ, въ обрядной сторонѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманiе слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ родственниковъ умершаго одѣвается въ его платье, принимаетъ на себя ту роль, какую имѣлъ покойникъ при жизни, и остается на могилѣ, въ то время кнамъ всѣ прочiе возвращаются домой. Вскорѣ однако воротившiеся выходятъ на улицу, а къ дому междутѣмъ приближается съ могилы взявшiй на себя роль умершаго. Семья еще издали кланяется ему и радостно встрѣчаетъ: кто пожимаетъ руку, кто цѣлуетъ въ плечо, а quasi-покойникъ, отвѣчая на поклоны, желаетъ всѣмъ здоровья и счастся.

«А что дѣдушка Линдя подѣлываетъ?» спрашиваетъ напр. одинъ изъ семьи.

—«Ничего, живетъ помаленьку, отвѣчаетъ живой покойникъ: только бранится, что ты все съ свекровью ссоришься. Говоритъ—покорись старухѣ: она лучше знаетъ, что хорошо, что худо.»

Другiе спрашиваютъ о другихъ умершихъ родныхъ, получаютъ отвѣты и отходятъ, довольные тѣмъ, что узнали про своихъ покойныхъ родныхъ. Наконецъ входятъ въ избу, гдѣ хозяинъ встрѣчаетъ разъигрывающаго роль покойника съ хлѣбомъ, покланими и особымъ привѣтствiемъ, произносимымъ троекратно. Затѣмъ, вырѣзавъ изъ коровая тремя ударами ножа кусокъ хлѣба, посоливъ его и покрывъ кускомъ яичницы, подаетъ покойнику: «*Я ули тет озондам пал* (говоритъ онъ, подавая хлѣбъ) *тон шямасьт поря, бласлова мастъ, пара тон арсямасьт*», т. е.: вотъ тебѣ священный кусъ,—не грози намъ, благослови насъ, думай о нашемъ добрѣ. Изображающiй умершаго беретъ этотъ «озондампал» и съѣдаетъ. «Не успѣли мы войти въ горницу, говоритъ г. Майновъ, принявшiй участiе въ проводахъ покойника, «какъ намъ подали въ ковшѣ какой-то напитокъ, происхожденiе котораго я рѣшительно не зналъ... Подражая другимъ, я отвѣдалъ.» «Пока не знаешь, что это такое—пить можно, но когда я могъ уже разобрать, что̀ подаютъ на поминкахъ въ ковшахъ, я уже не могъ пить и дѣлалъ

только видъ, что пью, чтобы не обидѣть хозяевъ.» Оказывается, это была кровь заколотаго утромъ барана. Кровь пилъ и изображавшій умершаго, «чтобы онъ не забылъ своей крови (родни).» Послѣ обѣда, за которымъ quasi-покойникъ даетъ всѣмъ совѣты, какъ жить, что дѣлать, онъ отправляется по роднѣ, а къ вечеру возвращается. Начинаются проводы дорогого гостя. Въ дверяхъ хозяинъ подноситъ ему ярку, а хозяйка курицу. Провожаемый, поглаживая ярку, желаетъ семьѣ, чтобы ярки принесли на будущій годъ по двойнѣ. Съ курицей онъ однако поступаетъ жестоко: при выраженія пожеланія относительно куръ, онъ сразу отвертываетъ курицѣ голову; кровью ея смачиваетъ губы, быть можетъ, вѣря, что пожеланія, выходящія изъ устъ омоченныхъ куриною кровью, вѣрнѣе сбудутся. «Какъ, говоритъ, эта курица разорвалась на-двое, такъ чтобы и каждая курица принесла на будущій годъ вдвое больше цыплятъ, чѣмъ нынѣшній годъ». Послѣ этой церемоніи всѣ выходятъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ провожаютъ живаго покойника на кладбище. Онъ ничкомъ ложится на могилу. Хозяинъ покрываетъ его съ головы до ногъ холстомъ и затѣмъ сдергиваетъ этотъ холстъ. Лежавшій быстро вскакиваетъ и съ этой минуты становится тѣмъ же, чѣмъ и былъ до принятія роли покойнаго. Теперь, по мнѣнію Мокшанъ, тѣло умершаго ушло снова въ землю; чтобы и душа его попала въ царство Мастырозкса, хозяинъ ловкимъ движеніемъ принимаетъ ее изъ холста на подложенный блинъ, быстро свертываетъ его и кладетъ въ ямку на могилѣ, куда прочими кладутся жертвенныя части разныхъ кушаній и питій: теперь ужъ душа болѣе не можетъ оставаться на землѣ, и покойникъ т. о. схороненъ окончательно.

Праздники у Мордвы—смѣшеніе національно-русскаго, національно-мордовскаго съ чисто христіанскимъ.

Наканунѣ наприм. Новаго года колядуютъ. Въ день Рождества Христова въ с. Напольномъ (Симбир. губерніи, Алатырскаго уѣзда) ребятишки, расхаживая по домамъ, колядуютъ такъ:

Якинь бакинь пичалга
Ой коляда! (дважды)
Муинь колмо пинжупать

Ой коляда!
Мурзава саинзе
Ой коляда!
Саинь пондо розинче
Ой коляда!
Сэвинъ блюдя гуслянзо
Ой коляда!
Лато важанзо синдинь
Ой коляда!
Ниле сіянзо чавинь
Ой коляда!
Ажіатко ол-гозо
Ой коляда!
Алъ душишка зерназо
Ой коляда!
Липушки ляпушки,
Липушки ляпушки,
Дай бабушка пирожка.

Смыслъ этой, съ малолѣтства заученной ребятами пѣсни слѣдующій: ходилъ, бродилъ я по бору, нашелъ три корня травы зеленики, найденную зеленику отняла уменя рындинская баба. *) И вотъ за эту зеленику я взялъ съ нея мѣру ржи и съѣлъ у нея блюдо киселя; уронилъ я у нея сарайныя сохи и убилъ четыре козы. Родись у насъ хлѣбъ соломою въ оглоблю, а зерномъ, какъ яичный желтокъ. Дай, бабушка пирожка!

Въ большіе праздники разряженная Мордва высыпаетъ на улицы; составляются обширные замысловатые хороводы; окрестность оглашается пѣснями и звуками доморощенныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Старики въ это время и старухи сидятъ чинно на заваленкахъ, посматриваютъ на молодое поколѣніе, вспоминая минувшіе дни своей золотой юности.

Въ Четвергъ передъ Троицей дѣвушки вьютъ вѣнки изъ вѣтвей березы и цвѣтовъ и веселятся съ ними; а въ Троицу, послѣ обѣда, бросаютъ ихъ въ рѣку или озеро и пируютъ до разсвѣта слѣдующаго дня.

---

*) Здѣсь укасывается на ближайшую къ с. Напольному д. Рындино (невдаискѣ отъ Суры и с. *Порѣцкаго* Алатырскаго у Симб. губ.)

Мордва.

Въ Воскресенье послѣ Троицы *провожаютъ русалку*, или весну: наряжаютъ кого нибудь лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчики, сажаютъ верхомъ мальчика и ведутъ въ поле; сзади слѣдуетъ хороводъ съ громкими пѣснями; въ полѣ наряженную лошадь разоблачаютъ съ разными играми.

Какъ на одинъ изъ чисто мордовскихъ праздниковъ, можно указать на *Озимъ-пургя*: это—моленье за уборку хлѣбовъ; совершается оно 15 Сентября. Въ большомъ селеніи варятъ изъ 4-хъ пуд. меду медовую брагу, зажариваютъ бѣлыхъ гусей и пекутъ лепешки. Затѣмъ идутъ къ завѣтнымъ деревьямъ (по старому—Кереметямъ); у деревьевъ ставятъ бочку съ брагою и начинаютъ молиться; но не Чамъ-Пасу или Шкаю и не Анге-Патяй, а христіанскому Богу: является священникъ съ причтомъ; къ бочкѣ съ брагой прикрѣпляются зажженныя свѣчи и служится молебенъ. Затѣмъ священникъ благословляетъ брагу; каждый изъ присутствующихъ выпиваетъ ковшъ браги, заѣдаетъ гусемъ и потомъ усердно молится на колѣняхъ.

Пѣсни.

У Мордвы есть свои пѣсни хотя и не много. Въ пѣсняхъ ихъ замѣтны складъ и рифма; но напѣвы, говорятъ, монотонны, заунывны.

Вотъ одна изъ мордовскихъ пѣсенъ.

Марья а̀варди,	Марья плачетъ,
Косъ а̀варди?	Гдѣ плачетъ?
Роща кучкаса,	Посреди рощи
Чищеня ла̀нкса.	На ровной полянѣ.
Сонъ мѐсъ аварди?	Какъ она плачетъ?
Сонъ месъ аварди?	Какъ она плачетъ?
Кукунясь кукай,	Какъ кукушка кукуетъ,
Келунясь лукай,	Какъ береза качается;
Се́льма ве́динза сна́уксъ,	На глазахъ слезы какъ горошины;
Кеверихтъ ти снеуксъ,	Катятся тѣ горошины,
Ма̀стру пра́хитъ.	На землю падаютъ,
Шудрихтъ шудихтъ.	Въ рѣчки растекаются.
Сонъ ва́месъ а̀варди?	Зачѣмъ она плачетъ?
Сонъ вамесъ а̀варди?	Зачѣмъ она плачетъ?
Се́динь Марья тошняса;	На сердцѣ у Марьи очень тошно.

Вовся ашъ ме́льсянса.	Почти вовсе нѣтъ ума у ней;
Мельсянса пижа диканяцъ.	Въ умѣ у ней только ея незаконный младенецъ;
Тютю эднизятъ эльсанза,	И качаетъ она его на колѣняхъ:
Ма́дай па́лю эднязятъ,	Спи, несчастный малютка,
Седи; аяшъ ва́кса а́ляца,	Сердце мое! у тебя нѣтъ отца роднаго;
Тонъ а̀ляца, лоймень максиминясъ,	Твой отецъ—нѣкто Максимъ.
Тонъ авкаця, Сенька маланясь.	Твоя мать—Семенова Маланья.

Обратимъ вниманіе еще на содержаніе другой пѣсни, историческаго характера. Въ пѣснѣ воспѣвается какой-то мордовскій князь Тюштянь, котораго будто бы Мордва давно отыскивала, будучи недовольна производительностью своей страны и желая вообще улучшить свое положеніе. Наконецъ она нашла князя пашущимъ въ полѣ, который высокое призваніе свое доказалъ Мордвѣ тѣмъ, что воткнулъ въ землю палку, и она тотчасъ же стала зеленѣть и цвѣсти. Тюштянь, выбранный Мордвою въ предводители, отправился съ своимъ народомъ отыскивать землю плодородную. Путешествуя долго, они дошли наконецъ до широкой рѣки. Князь приказалъ наварить для народа какъ можно болѣе каши. На другой день рано утромъ, князь велѣлъ идти за нимъ; но пошли не всѣ, потому что каши было наварено много, и многіе принялись доѣдать ее, да такъ и остались жить на той сторонѣ.

Содержаніе этой пѣсни, замѣчаетъ Ауновскій, наводитъ на мысль, что встрѣтившаяся на пути большая рѣка, вѣроятно, была Волга; оставшаяся Мордва на томъ берегу рѣки поселилась въ Казанской губерніи и вообще въ Заволжскомъ краѣ; перешедшая рѣку основала поселенія въ Симбирской губерніи, Пензенской и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ.

Обрусеніе, типъ и древность Мордвы.

Но самое интересное или, по крайней мѣрѣ, самое важное, что мы можемъ сообщить Мордвѣ, это все то, что относится къ отвѣту на вопросъ: что даетъ Русскому народу Мордва, сливаясь съ нимъ въ одинъ народъ: способ-

на ли мордовская кровь, такъ сказать, освѣжить кровь русскую? или она, какъ кровь племени, быть можетъ, слабаго, гаснущаго, не имѣетъ въ себѣ задатковъ хорошаго здоровья, силы и умственныхъ способностей и, сливаясь съ кровью русской, является симптомомъ лишь слабости будущихъ поколѣній?

Замѣтимъ, что Мордца—самый многочисленный народъ изъ населяющихъ все Поволжье инородцевъ; всей Мордвы считается около 800,000 душъ (по другимъ почти 1,000,000). Здѣсь же кстати упомянемъ, что Мордва искони раздѣлилась на двѣ главныя отрасли — *Мокшанъ* и *Ерд-зянъ*. Остатки третьей отрасли—*Каратай*, упоминаемой восточными писателями XIV вѣка, находятся только въ Симбирской губерніи (въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ) да въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, гдѣ однако Каратаи совершенно уже отатарились. Было еще племя *Терюханъ*, ближайшее къ Волгѣ (въ Нижегор. губ.); но оно мало, кажется, отличалось отъ Эрдзи. Наконецъ *Мурому* и *Мещеру* тоже, кажется, слѣдуетъ считать за Мордву.

Ауновскій *) отзывается о Мордвѣ очень лестно. Онъ любуется ихъ кроткимъ, но въ тоже время мужественнымъ характеромъ и говоритъ, что эти «земледѣльцы-по преимуществу», окрѣпши въ тяжеломъ трудѣ, съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносятъ всякаго рода лишенія и рѣзкія перемѣны температуры безъ вреда для здоровья. Мужчины ничуть не уступаютъ русскимъ бодростью и тѣлосложеніемъ; а мордовки, смѣло можно сказать, вдвое сильнѣе русскихъ бабъ. Въ охотѣ, которую Мордва очень любятъ, обнаруживаютъ удивительное терпѣніе и неутомимость: съ однимъ кускомъ черстваго хлѣба Мордвинъ цѣлый день ходитъ по лѣсу или по берегамъ рѣчекъ и озеръ, отъискивая дичь; онъ будетъ нѣсколько часовъ стоять, притаившись въ кустахъ, по поясъ въ водѣ, лишь бы дождаться дичи и удачно выстрѣлить; въ случаѣ неудачи онъ перейдетъ на другое мѣсто и снова будетъ ждать также, мало заботясь о неудобствѣ своего положенія или объ усталости, которой, подумаешь, онъ не знаетъ вовсе.

Правда, тотъ же авторъ замѣчаетъ въ Мордвѣ нѣкото-

*) Въ «Этнографическомъ очеркѣ Мордвы—Мокши, помѣщ. въ памятн. книжкѣ Симб. губ.» на 1868 годъ.

умственную неподвижность, грубость, суевѣріе и несознаніе необходимости улучшенія хозяйства и домашней жизни; но говоритъ, что все это навѣрное заимствовано отъ Русскихъ,

Къ слову, кажется, вообще вліяніе русское до сихъ поръ еще не проявило себя благотворно ни въ чемъ на покоренныхъ народахъ. Далѣе въ нашей книгѣ мы не разъ натолкнемся на ту же мысль; а теперь пока укажемъ на противорѣчіе двухъ мнѣній, изъ которыхъ одно утверждаетъ, что Мордва нечистоплотна, и спросимъ: откуда это противорѣчіе? Позднѣйшее слово, которое можетъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ, принадлежитъ частію г. Майнову, частію автору очерка Мордвы въ «Живописномъ Обозрѣніи» *). Г. Майновъ, недавно путешествовавшій по мордовскому краю, находитъ, что Мордва очень чистоплотна: «столъ, лавки и полъ скоблятся ежедневно скребками, а стѣны каждую недѣлю моютъ, зачастую даже съ мыломъ». «Совершенно то же привелось наблюдать и намъ, прибавляетъ авторъ названнаго очерка: и мы рѣшительно не можемъ понять, откуда могло появиться убѣжденіе въ нечистоплотности Мордвы: очень легко можетъ быть однако, что тѣ наблюдатели, которые утверждаютъ подобное, встрѣчались съ Мордвою обрусѣвшею, причемъ отсутствіе опрятности явилось вмѣстѣ съ усиленіемъ русскаго вліянія». Русскому патріотическому чувству можетъ, конечно, обиднымъ казаться такое заключеніе. Но, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Русскій народъ не самъ по себѣ, т. е. не по своей натурѣ нечистоплотенъ, а пребываетъ въ грязи временной (хотя и долговременно) по причинѣ тѣхъ причинъ, которыя повергли его въ бѣдность и держатъ въ ней до сего времени. А какъ только русская крестьянка обзаведется лишнимъ праздничнымъ костюмомъ, въ ней немедленно просыпается потребность чистоты и опрятности въ домѣ; а мужъ не замедлитъ покрыть избу тесомъ вмѣсто соломы, вымести дворъ, насадить передъ окнами деревья; при дальнѣйшемъ же развитіи благосостоянія и мужъ и жена одинаково стремятся не только къ тому, чтобы были вымыты полы, но и окрасить ихъ; не только вы-

*) «Живописное Обозрѣніе» 1877 г. № 43.

мести дворъ, но и вымостить его, и не только насадить нѣсколько деревьевъ, но и развести цѣлый садъ. Полагаемъ, что этою оговоркою, сущность которой составляетъ наше убѣжденіе, мы достаточно ограждаемъ себя отъ упрека въ склонности видѣть въ своемъ родномъ народѣ одно дурное и приписывать все хорошее ужь не какому либо изъ цивилизованныхъ народовъ Запада, а просто нашимъ Мордвѣ, Черемисамъ, Чувашамъ, Татарамъ или Вотякамъ, народамъ, о которыхъ привыкли очень часто выражаться съ ироніею и пренебреженіемъ, незаслуженными этими народцами, особенно Татарами и Мордвою.

Въ нравственномъ отношеніи Мордва имѣетъ много хорошихъ качествъ; въ послѣднее время (въ 60-хъ годахъ) не была замѣчена не только въ умышленныхъ убійствахъ, но даже въ грабежахъ и въ значительныхъ кражахъ; и—говоря о большинствѣ—она гораздо честнѣе Русскихъ. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ, поясняетъ Ауновскій, при подрядахъ и покупкахъ руководствуются наприм. такимъ правиломъ: съ подгородными крестьянами и мѣщанами дѣла вовсе не имѣть; Татаръ обязывать строгими условіями на законныхъ основаніяхъ, а Мордвѣ—вѣрить на слово. Семейныя узы у нихъ крѣпче, нежели у Русскихъ. Встрѣчаются семейства въ 20 и болѣе человѣкъ, живущихъ нераздѣльно въ мирѣ и согласіи; только въ случаѣ крайней уже тѣсноты они помѣщаются съ особыхъ избахъ, но на одномъ дворѣ, подъ управленіемъ дѣда или прадѣда, которому всѣ члены семьи оказываютъ полное послушаніе. Черта эта, рѣзко отличая Мордву отъ Русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаетъ бо́льшую зажиточность первыхъ; нищихъ у Мордвы несравненно меньше, нежели у Русскихъ.

То же самое въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ научныя изслѣдованія г. Маліева *). Своимъ физическимъ дородствомъ, крѣпостью тѣлосложенія, говоритъ онъ, Мордва рѣзко отличается отъ другихъ «тщедушныхъ племенъ финскаго происхожденія». Сливаясь же въ одно цѣ-

*) Прилож. къ протоколу 97 засѣд. Общ. естествоисп. при Казанск. универс.: «Общія свѣд. о Мордвѣ Самарск. губ., ихъ антропологическій характеръ; поздніе браки и вліяніе на крѣпость и сложеніе народа. Національныя особенности черепа». *Н. Маліева.*

лое съ русскимъ населеніемъ, Мордва, безъ сомнѣнія, «въ значительной степени вліяетъ на физическій характеръ и структуру его». Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ крѣпость тѣлосложенія Мордвы, г. Маліевъ указываетъ на двѣ особенности, имѣющія «высокое антропологическое и біологическое значеніе»; во 1-хъ позднее замужество мордовскихъ дѣвушекъ, которыя вступаютъ въ бракъ лѣтъ 25 или даже подъ 30, когда организмъ окрѣпъ и достигъ своей полной зрѣлости; во 2-хъ—полная равноправность и участіе женщинъ во всѣхъ хозяйственныхъ домашнихъ и полевыхъ работахъ наравнѣ съ мужчинами. Мордовскія женщины славятся своимъ здоровьемъ и крѣпостью сложенія. Онѣ отлично пашутъ, косятъ, жнутъ, молотятъ, не уступая мужчинамъ»... Мордва народъ крѣпкій, здоровый, широкоплечій; съ сильно развитою костною и мышечною системою. Положеніе это вполнѣ подтверждается какъ непосредственнымъ осмотромъ значительнаго числа лицъ мордовскаго племени, такъ и собранными данными объ отношеніи окружности груди къ росту тѣла... Мордовскія волости представляютъ рекрутъ, принимаемыхъ безъ браковки... Между Мордвою встрѣчаются столѣтніе старики, еще на столько бодрые, что въ состояніи работать легкую работу. «Еще двои лаптей въ день сплететъ» не безъ гордости говорятъ о такихъ старикахъ ихъ односельцы.

Ростъ народа вообще средній; много однако и высокихъ. Общее очертаніе лица представляется плоскимъ, широкимъ; скуловыя кости умѣренно выдаются. Глаза средніе или небольшіе, сѣраго или каряго цвѣта; носъ прямой, большой и широкій. Челюсти мало выдаются впередъ, и прогнатизмъ, какъ челюстной, такъ и зубной незначителенъ. Растительность на головѣ – борода и усы—обильна.

Между Мордвой встрѣчаются и брюнеты и блондины; однако между Мокшей болѣе субъектовъ съ бѣлой кожей съ свѣтлыми или рыжими волосами и голубыми глазами, словомъ, типическихъ Финновъ; Ердзяне же имѣютъ болѣе темнаго цвѣта кожу, темные волосы и большія бороды.

По величинѣ черепа Мордва принадлежитъ къ категоріи большеголовыхъ; типъ черепа—брахицефалическій.

Относительно благосостоянія г. Маліевъ подтверждаетъ,

что въ этомъ отношенiи Мордва значительно превышаетъ русское населенiе. У нихъ и пища лучше, и одѣты они лучше. Лошади, коровы, овцы встрѣчаются у каждаго мордвина. Правда, мясная пища появляется на столѣ тоже не всегда, но все же значительно чаще, нежели у Русскихъ; къ тому же (по свидѣтельству другаго автора) Мордвинъ «не такъ безпричинно брезгливъ на пищу, какъ Русскiй: онъ не погнушается зайцемъ и даже очень любитъ его, и всякую птицу будетъ ѣсть, не увѣряя, что она «поганая». Примѣсь рыбы обыкновенна. Лѣтомъ въ большомъ ходу молочныя блюда, изъ которыхъ наиболѣе любимымъ считается «ирьянъ»—кислое молоко, особымъ образомъ приготовляемое изъ сушенаго творогу.

О степени развитости тотъ же авторъ замѣчаетъ, что въ замкнутыхъ, уединенныхъ уголкахъ наблюдается первобытная простота. Даже наприм. клятва черезъ лутошку въ нѣкоторыхъ мордовскихъ деревняхъ составляетъ еще и по нынѣ истинное испытанiе мордвина. Клятва эта между прочимъ, состоитъ въ слѣдующемъ: передъ испытуемымъ кладется лутошка, т. е. ободранная липка; въ доказательство своей невинности мордвинъ долженъ перешагнуть черезъ лутошку со словами: «что бы изсохнуть мнѣ какъ эта лутошка, если солгу».

Но въ другихъ селенiяхъ, имѣющихъ сношенiя съ болѣе образованнымъ мiромъ, попадались мордвины на столько развитые, что интересовались вопросами внутренней политики и со вниманiемъ слѣдили за ходомъ событiй въ Западной Европѣ и за Дунаемъ въ минувшую войну съ Турцiей.

Такъ вотъ какой элементъ воспринимаетъ въ себя народъ Русскiй, ассимилируя Мордву, и вотъ какой народъ встрѣтили Русскiе, дойдя въ своемъ поступательномъ движенiи на востокъ до береговъ Оки. Конечно, въ ту пору Мордва была не вполнѣ такою; но, вѣроятно, отличалась не столько своими физическими особенностями, сколько бытовыми формами и религiею. Прибавимъ, что Герберштейнъ (въ началѣ XVI вѣка) говоритъ о Мордвѣ, какъ о народѣ независимомъ, имѣющемъ постоянныя жилища, и отличныхъ стрѣлкахъ изъ лука.

Относительно древности поселенiя Мордвы въ предѣ-

лахъ Россіи ничего, можно сказать, не извѣстно. Первый изъ писателей, упоминающихъ о Мордвѣ, былъ готскій епископъ Іорнандъ; а онъ жилъ въ VI вѣкѣ; вотъ, такимъ образомъ, глубокая древность, до которой восходятъ положительныя извѣстія о существованіи собственно Мордвы. Затѣмъ есть уже догадка, — не представляетъ ли мордовское племя *Эрдзя* потомковъ народа *Аорз'*овъ; и если бы это было такъ, то оказалось бы, что Мордва несравненно древнѣе, такъ какъ еще Птоломей (во II вѣкѣ) разсказываетъ о Европейскихъ Аорзахъ, обитавшихъ между Вендскимъ заливомъ и Рифейскими горами, т. е. между Балтійскимъ моремъ и Ураломъ; а Азіатскіе Аорзы жили на сѣверо-восточной сторонѣ Каспійскаго моря между Ра и Яксартомъ, т. е. между Волгою и Сыръ Дарьей. Еще прежде упоминалъ объ Аорзахъ Страбонъ (въ I в. до Рожд. Хр.) Страбонъ помѣщаетъ Аорзовъ, кочевавшихъ въ кибиткахъ, но занимавшихся земледѣліемъ, между Танаисомъ (Дономъ), Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ. Народъ этотъ, будто бы, такъ былъ многочисленъ, что царь Аорзскій, помогая Фарнаку, сыну Митридата, явился къ нему съ 200,000 всадниковъ!

Преданій, проливающихъ сколько нибудь свѣта на прошлое Мордвы, у нихъ, кажется, не сохранилось почти никакихъ. Выше мы указали на одну пѣсню, смутно передающую фактъ какого-то передвиженія Мордвы. Повидимому, тотъ же фактъ имѣетъ въ виду другое преданіе, гдѣ также говорится о царѣ Тюштянѣ, а время событія относится къ царствованію Ивана Грознаго. Мокшанскій бѣлый царь Тюштянъ имѣлъ резиденцію гдѣ-то на берегу Суры, на вершинѣ горы Копарцъ. У него былъ деревянный дворецъ въ пять этажей. Притѣсненій отъ него не было; народъ его любилъ и жилъ при немъ привольно. Но вотъ однажды пчелиная матка жужжитъ Тюштяну, что ему грозитъ бѣда, что на него поднимается московскій царь, грозный Иванъ Васильевичъ. Тюштянъ съ своими боярами, «солдатами» и небольшою частью народа ушелъ съ Суры и «перешелъ Волгу у Бѣлаго Очага (акшаравынь томбали).... пришелъ въ *западную* сторону, а въ западной сторонѣ нашелъ въ области нынѣшней Владимірской губерніи царицу». Царица эта убилась, бросившись съ высоты своего дворца

внизъ, когда увидала, что дворецъ ея падаетъ отъ удара семипудовой стрѣлы Тюштяна. Устрашенное войско царицы пригласило Тюштяна на царство; но онъ отказался и просилъ только привести его въ ту землю, гдѣ жителей нѣтъ. Его повели въ восточную сторону къ царю Китаю. Царь Китай и отвелъ въ своей землѣ Тюштяну съ его народомъ привольныя мѣста.

Обратимъ вниманіе читателя на то, что, идя отъ Суры на западъ, Мордва не могла встрѣтить Волгу; надо допустить, что либо Мордвѣ въ прежнее время Ока была извѣстна подъ именемъ Волги, либо что въ преданіи просто путаница, и на доразумѣть именно Оку, перейдя которую, Мордва дѣйствительно должна была очутиться въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ. Но затѣмъ движеніе въ области Окско-Волжскаго четыреугольника во времена Грознаго не могло уже имѣть мѣста. Поэтому событіе, послужившее основаніемъ сказанію, должно относиться ко времени болѣе далекому, хотя и не къ доисторическому. Ужъ не перенесла ли Мордва на себя часть событія извѣстнаго подъ именемъ татарскаго нашествія, въ которомъ она приняла, быть можетъ, вольное или невольное участіе? Тогда понятно будетъ движеніе на западъ, переходъ Оки, вторженіе въ Суздальскую землю, покореніе ея, нежеланіе *въ ней* «царствовать» и уходъ на востокъ «въ ту землю, гдѣ жителей нѣтъ», въ «привольныя мѣста» низоваго Поволжья. Прибавимъ, что если не въ первомъ нашествіи Татаръ, то въ послѣдующихъ Мордва дѣйствительно принимала участіе.

Теперь мы могли бы сказать объ исторически извѣстныхъ столкновеніяхъ съ Мордвою, о покореніи ея Русскими; но полагаемъ, что прежде должны за одно уже познакомиться и съ другими народами, жившими по средней Волгѣ; а ихъ было нѣсколько. Одни изъ нихъ успѣли уже сойти съ исторической сцены, другіе живутъ еще и до нашихъ дней. Въ пору, къ которой относится начало нашего историческаго очерка, по Волгѣ кромѣ Мордвы жили: Черемисы, (вѣроятно и Чуваши), за ними Болгары и какіе-то Буртасы.

II.

Черемисы.

Черемисы не то же ли, что Меря?

При обзорѣ верхней Волги было сказано, что финское племя Меря исчезло почти безслѣдно; мы тогда допускали, что *Меря вся* постепенно слилась съ славянскимъ элементомъ. Теперь укажемъ на одно обстоятельство, нѣсколько противорѣчащее этому и имѣющее отношеніе какъ къ Мерѣ, такъ и къ Черемисамъ.

Дѣло въ томъ, что когда славянскій элементъ неудержимо сталъ приливать къ берегамъ верхней Волги и въ область Окско-Волжскаго □-ка, онъ вносилъ вмѣстѣ съ собою и христіанство, ревностно распространяемое подвижниками того времени среди туземцевъ язычниковъ. Особенно плодотворною дѣятельностію въ этомъ направленіи означились св. Леонтій, Исаій и Авраамій. Какъ ни преслѣдовали язычники этихъ просвѣтителей (Леонтій былъ убитъ язычниками), въ концѣ концовъ духовное оружіе одержало верхъ, и Меря должна была или мириться съ христіанствомъ или, при невозможности открытой борьбы, уходить въ другія мѣста. Что многіе мирились съ христіанствомъ и сами дѣлались христіанами, это уже извѣстно. Но оказывается, что значительная часть Мери предпочла лучше удалиться, нежели измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ. Говорятъ, въ Ростовѣ до сихъ поръ существуетъ преданіе, что часть жителей Ростовской области при введеніи Славянами христіанства ушла въ поволжскія страны. Въ одной старинной книгѣ (XVII в.) озаглавленной такъ: «Козмографія, сирѣчь все мирное описаніе земли»... говорится въ заключеніе описанія Казанскаго царства: «подъ тоюжъ областію земли поволскіе, государства Казанскаго, державы Россійскія именуемые улусы Тотарьскія... жители великія рѣки Камскія и Уфь и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: Козары и Балыми, ижъ и ушлецы языка славянскаго земли Ростовскія, ушедше бо отъ св. Крещенія во идолопоклоненіе, и тамо кочевное жи-

тіе тотарское вѣры безсерменскія изволиша». Или еще въ другой книгѣ (въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» изд. 1791 г.): «Черемисы, зовомая Отяки, тое же глаголются Ростовская чернь, забѣгшихъ тоже отъ русскаго крещенія и вселившимъ имъ въ Болгарскихъ жилищъ». Г. Корсаковъ*) пріурочиваетъ это выселеніе Мери въ тогдашнее низовое Поволжье именно ко времени св. Исаіи и Авраамія.

Такимъ образомъ въ нынѣшнихъ Черемисахъ можно отчасти видѣть и древнюю Мерю. Однако передаваемое преданіемъ и старинными книгами событіе не должно давать намъ повода заключить, что отъ переселившихся Мерянъ и произошли Черемисы: Іорнандъ уже упоминаетъ о народѣ Sremiscans, въ которомъ и узнаютъ именно Черемисъ. Намъ интересно только знать, что Меря не совершенно исчезла и что, повидимому, она была не кто иная, какъ именно Черемисы. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить, что ученые склонны отождествлять нѣкоторыя современныя финскія племена съ Мерею; теперь намъ представляется новый случай къ такому отождествленію, тѣмъ болѣе, что кромѣ преданія о переселеніи Мери есть еще вѣскія соображенія въ пользу того, что Черемисы не только отчасти, но и вполнѣ есть народъ Меря, упоминаемый въ Несторовой (или Сильвестровой) лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ: если Меря былъ народъ, отличный отъ Черемисъ, то переселившаяся часть ихъ въ Поволжье говорила бы и языкомъ отличнымъ отъ черемисскаго; а между тѣмъ этого нѣтъ. Читатель однако можетъ возразить на это, что переселившаяся Меря могла очеремиситься; а во 2-хъ спросить: если Черемисы суть Меря, то какимъ же образомъ измѣнилось первоначальное названіе? и какимъ образомъ даже у Іорнанда эта Меря зовется уже Sremiscans?

Что Меря могла очеремиситься, въ томъ нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго, равно какъ и въ томъ, что могла она и не очеремиситься; послѣднее даже вѣроятнѣе по нашему мнѣнію, такъ какъ трудно допустить, чтобы стойкая въ вѣрѣ отцовъ Меря рѣшалась отказаться отъ старой вѣры и языка, предпочтя вѣру и языкъ Черемисъ. А Черемисы,

*) У котораго мы и заимствуемъ выдержки изъ названныхъ старинныхъ книгъ (*Д. Корсаковъ* «Меря и Ростовское княжество»).

въ свою очередь, едва ли были проникнуты предвзятою мыслью ассимилировать себѣ Мерю, которую они, по всей вѣроятности, не превосходили и культурою.

Что касается вопроса: откуда взялось названіе Черемисъ? то мы должны сказать, что на вопросъ этотъ ученые дали уже нѣсколько различныхъ отвѣтовъ. Говорятъ наприм., что *Черемисъ*—названіе татарское и значитъ: негодный, гнилой; другой разъ—что Черемисъ есть слово мордовское и значитъ *восточный*; потомъ—что то же слово—чувашское и тоже значитъ восточный; потомъ—что «Черемисъ» происходитъ отъ *кересъ*—гора и значитъ горные люди: keres-mari и Sremiscans Іорнанда; далѣе—что Черемисъ происходитъ отъ чувашскихъ: *чар*, *чер*, *чарэм*, *царем*—недопускать, откуда производное *чарэмышъ*—недопускающій, т. е. что это народъ, который недопустилъ Чувашъ переселиться далѣе. Въ нашихъ глазахъ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее объясненіе: «въ древне-тюркскомъ языкѣ у черневыхъ Татаръ (на Алтаѣ) слово *чериг* значитъ: войско, полкъ, ополченіе. У Турокъ это слово передѣлалось въ *чери*, у Алтайцевъ—въ *черу*, у Чувашъ—въ *сяря*, у горныхъ Черемисъ—въ *сар*, у луговыхъ—въ *сарі*. У нынѣшнихъ Казанскихъ Татаръ слово *чери* значитъ война. *Мыш*, *мыс*, *меш* и въ турецкомъ, и въ татарскомъ, и въ чувашскомъ языкахъ есть окончаніе причастія; такія окончанія имѣютъ наприм., *остармыш*—соблазнитель, или напр. имя *Токтамыш*, значащее тоже, что Константинъ,—остановившійся, твердый; наконецъ, названія населенныхъ пунктовъ: Малмышъ, Курмышъ, Карамышъ и друг. Такимъ образомъ чувашское *Сярмыс* (Чуваши такъ и зовутъ Черемисъ), татарское *Чирмеш* и уже оттуда русское *Черемисъ* значитъ *воинственный*,*) что не противорѣчитъ и исторической дѣйствительности. Князь А. М. Курбскій говоритъ наприм.: «взяла была Черемиса луговая царя собѣ съ Нагайскія орды, боронящеся христіаномъ и воююще: бо тотъ черемисскій языкъ не малъ есть *зѣло кровопійственъ*»; онъ же называетъ ихъ еще славными кровопивцами, а одна лѣтопись называетъ Черемисъ «злолютыми ратниками».

*) *Н. И. Золотницкій*. «Корневой чувашско-русскій словарь».

Послѣ этого, если Черемисы были такъ прозваны со стороны, т. е. Татарами или Чувашами, то вѣроятность тожества Черемисъ съ Мерею нѣсколько увеличивается. Но читатель увеличитъ ее и еще болѣе, какъ скоро узнаетъ, что настоящее названіе Черемисъ, т. е. то, которымъ они сами зовутъ себя,—*Мари*. Къ этому замѣтимъ, что, по мнѣнію Кастрена, названіе *Меря* не есть настоящее, что это славянскій выговоръ финскаго *мари*—мужи, люди.

Укажемъ наконецъ, на сходство географическихъ названій въ мѣстности, занимаемой теперь Черемисами, съ уцѣлѣвшими названіями въ бывшей Ростовской области.

Бывшая Ростовская обл.	*Мѣстность, занимаемая Черемисами.*
Названія съ окончаніемъ **га:**	
Эга	Шуга
Сонга	Ронга, Конга
Судолга	Сыльдуга
Съ оконч. **ба:**	
Курба	Курба
Сундоба	Ламба, Арламба.
Съ оконч. **ма:**	
Урдома	Уртьма
	Ургима
Лушма	Лума
Лама	Пама
Съ оконч. **ша, ча, жа, ха:**	
Кудаша	Кунаша
Уча	Пача
Согожа	Сердежа, Тужа.
Саха	Уреха
Со сходными начальными слогами:	
Кукимка	Кукмарка
Шарпа	Шаранга
Енглень	Енгенеръ
Кичма	Кичига
Руша	Руя
Урдома	Урчакша
Неро	Нердашка

Нѣкоторыя другія созвучныя названія:	
Воржа	Муржа
Ухтома, Юхоть	Нюхта, Юшка
Тунашма	Тунша
Конгора	Сунгура
Молокша	Нолякша
Шохна (Шексна)	Шошма
Тулша	Тумша
Ушлома	Усла
Моса	Муша
Вонга	Вонженеръ
Кергуй	Керъ
Курешево	Курегово
Курманово	Курмакины
Кушниково	Кушманская, Кушнуръ.
Ляга	Ляганъ
Пачеболка	Пача, Пачи
Печегда	Печмазы, Печмаши
Пиняги	Пинигерь, Пинежъ
Пужболъ	Пужмесь
Пугино	Пуга
Пура	Пурашево
Роя	Руя
Соть	Сотинь
Сунога	Суна
Толгоболъ	Толгозино
Тубола	Туба
Учемская	Уча
Шалегино	Шалагины
Шорманга	Шора
Юренино	Юри
Юсово	Юса, Юски
Яна	Янаева, Яналка

Слѣдующія названія почти или даже вполнѣ тожественны:

Воя	Воя
Ильдь	Илеть
Ильмешь	Ильнешъ
Кода	Кодама
Кондырева	Кондылевъ
Курмыши	Курмышская
Лама	Лума
Мальгино	Мальгины
Муркашево	Маркасы
Мологино	Мологинскій

Коргашъ	Коргачи	Мурма	Нурма, Урма
Курба	Курба	Немда	Немда
Курбатово	Курбатово	Паздерино	Паздерина
Пургасово	Пургасы	Пегуша	Пегушенки
Сура	Сурья	Шуйга	Шуйка
Ура	Ура	Шула	Шула
Ухтома	Ухтымъ	Эдома	Эдомо
Ширенга	Шаранга	Югъ	Южъ
		Юкщино	Юкшумъ
		Яна	Янъ

Такимъ образомъ, если и не достовѣрно, то весьма вѣроятно, что народъ, обитающій по заволжью въ Казанской и Вятской губерніяхъ, есть Меря. Чуваши называли ее *Сармысъ*, откуда совершенно понятно и Іорнандово *Sremiscans*; Татары также, вѣроятно, узнали Мерю отъ Чувашъ и называли ее Чирмешь, а если и Мордва звала Мерю подобнымъ же названіемъ, то естественно, что распространенность этого названія была достаточна для того, чтобы и Русскіе узнали низовую Мерю подъ тѣмъ же именемъ Сярмысъ и Чирмешь, измѣнивъ его въ болѣе полногласное Черемисъ.

Посмотримъ же теперь ближе, что за народъ Мари, или Черемисы, съ которыми Русскимъ пришлось столкнуться дважды: при первомъ появленіи на верхней Волгѣ и при позднѣйшемъ движеніи къ низовью.

Прошлое этого народа либо не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, либо оно почти не извѣстно, какъ долго было неизвѣстно и то, что́ за народъ Черемисы. Мы уже сказали, что Черемисы были воинственны, и увидимъ, что Русскимъ они подчинились не легко и не скоро. Въ Вятской губерніи у нихъ былъ городъ Кошкаровъ и, вѣроятно, другіе населенные пункты. Но и объ этомъ также почти ничего не извѣстно.

Черемисы Горные и Луговые.

Въ настоящее время всѣхъ Черемисъ считается около 260,000. Живутъ они почти исключительно въ Казанской и Вятской губерніяхъ; и въ Казанской губерніи раздѣляются на *Горныхъ* и *Луговыхъ*.

Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ быть названы по преимуществу дѣтьми лѣсовъ. Черемисъ всей душой любитъ, даже обожаетъ лѣсъ и почти не можетъ представить себѣ, какъ бы это можно было жить не въ лѣсу. А между тѣмъ для Горныхъ Черемисъ ближе и ближе наступаетъ время, когда имъ придется помириться съ тяжелою для нихъ раз-

лукою. И теперь уже Козьмодемьянское нагорное Поволжье представляетъ собою чуть не сплошное пространство воздѣланныхъ полей. Только по оврагамъ и по рѣчкамъ ростутъ рощицы, да по Сурѣ верстъ на 15-ть въ ширину и на 50—въ длину уцѣлѣлъ еще старый и густой дубовый лѣсъ. Но старожилы помнятъ то время, когда весь этотъ край былъ покрытъ громадными лѣсами преимущественно изъ дубовъ и березъ Грустно, конечно, коренному Черемису смотрѣть на родимую землю, лишенную лѣсовъ; но какъ «нѣтъ худа безъ добра», онъ могъ бы нѣсколько утѣшить себя мыслью, что его луговой собратъ, именно благодаря лѣсамъ, благодаря чрезмѣрной привязанности къ нимъ, далеко отсталъ отъ него, горнаго черемисина, въ отношеніи умственнаго развитія. Находятъ, что Горные Черемисы по наружности самые красивые изъ инородцевъ. Они ловки, проворны, имѣютъ правильныя черты лица, и, живя среди Русскихъ, вблизи городовъ, отличаются развязностью; всѣ они исключительно занимаются земледѣліемъ; но нѣкоторые ведутъ мелочную торговлю и при этомъ стараются въ костюмѣ походить на русскихъ торговцевъ. Горные Черемисы вообще опрятнѣе Луговыхъ и даже опрятнѣе своихъ сосѣдей—Чувашъ. Наконецъ, къ нимъ же лучше, нежели ко всѣмъ прочимъ инородцамъ, исключая развѣ Мордвы, привилось христіанское ученіе; по крайней мѣрѣ приверженность ихъ къ обрядной сторонѣ, какъ думаютъ, выше даже, нежели у Русскихъ.

Къ сожалѣнію, Горныхъ Черемисъ меньшинство (менѣе 10.000). Большая часть—Луговые, составляютъ противоположность Горнымъ. Обитатели лѣсовъ, притомъ хвойныхъ, они не могутъ получать достаточнаго вознагражденія отъ хлѣбопашества. Важнѣйшее и вмѣстѣ любимое ихъ занятіе—охота, пчелы и затѣмъ лѣсные промыслы. Вооружившись ножомъ или топоромъ и ружьемъ, да захвативъ хлѣба и трубку, Черемисинъ уходитъ на охоту въ самую глушь лѣсовъ, нерѣдко на многіе десятки верстъ и притомъ на нѣсколько дней. Застигнетъ ночь—онъ разводитъ огонь и, закуривъ трубочку, уныло коротаетъ съ нею ночь передъ костромъ съ тѣмъ, чтобы слѣдующій день и слѣдующую ночь провести точно такъ же. Такъ проходитъ и большая часть его жизни. Впрочемъ, надо сказать, что

самъ Черемисинъ отнюдь не считаетъ свою жизнь унылою; напротивъ: онъ съ тоски бы померъ въ городѣ среди шумной и неугомонной сутолки. Лѣсъ, повторяемъ, его стихія, его божество. Лѣсъ отразился и на характерѣ Черемисина: Черемисинъ молчаливъ и угрюмъ; только вино, до котораго онъ страстный охотникъ, расшевелитъ его; когда онъ подвыпьетъ, въ душѣ его, какъ въ лѣсу во время налетѣвшаго вѣтра, поднимается буря, и онъ шумитъ и неистовствуетъ, и пьетъ до послѣдней возможности, до послѣдней капли; но буря прошла—и Черемисинъ становится снова молчаливъ, кротокъ и даже боязливъ, особенно передъ начальствомъ. Такой образъ жизни не содѣйствуетъ, конечно, развитію: Черемисъ считаютъ непонятливыми и въ домашней жизни неопрятными. Однако осторожность заставляетъ поставить на видъ и то, что непонятливость и робость могутъ быть результатомъ позднѣйшаго времени, именно результатомъ вліянія русскаго господства. Г. Корсаковъ полагаетъ наприм., что «забитость Черемисъ произошла впослѣдствіи».

Но возвратимся къ болѣе внѣшней характеристикѣ—одеждѣ, пищѣ, занятіямъ и жилищу.

Одежда, пища, жилища, и селенія Черемисъ.

Одежду мужчины составляетъ бѣлый суконный кафтанъ, иногда обшитый синимъ шнуркомъ, лѣтомъ—родъ балахона изъ холста со множествомъ обкладокъ или вышивокъ изъ кумача, по подолу и по концамъ рукавовъ. Рубашки тоже бѣлыя и расшитыя. Далѣе—войлочная шляпа, ременный поясъ, толстыя черныя онучи и лапти. На поясѣ сбоку обыкновенно висятъ ножны для ножа; тутъ же вкладывается огниво и посредствомъ желѣзной дужки прицѣпляется топоръ.

О наружности женщинъ Палласъ говоритъ, что онѣ «видомъ довольно пріятны, но съ татарками ни мало сравнены быть не могутъ; а обыкновенное ихъ одѣяніе весьма для красоты не выгодно». Онѣ носятъ почти такой же костюмъ, какъ мужчины, кромѣ пояса; а головы обертываютъ бѣлымъ холстомъ, который наматывается на какую то подставку вродѣ лопаты съ выдающимися рогами или углами; иногда такой головной уборъ унизывается монетами. Но такъ ходятъ замужнія женщины, которыя считаютъ за стыдъ, особенно въ присутствіи тестя, оставаться

Татары.

Черемисы Луговые.

Черемисы Горные.

съ непокрытой головой. Дѣвушки же надѣваютъ просто бѣлыя косынки; а въ косы вплетаютъ шнурки, бисеръ и монеты; монетами же и бисеромъ украшаютъ шею; въ ушахъ носятъ проволочныя серьги по нѣскольку паръ и очень длинныя; грудь украшена также монетами, прикрѣпленными на кожаномъ четыреугольникѣ, а руки — кольцами и браслетами.

Питаются Черемисы едвали не лучше, нежели русское простонародье, если принять въ расчетъ, что во 1-хъ постовъ Черемисы не соблюдаютъ, а во 2) ѣдятъ и лошадиное мясо и мясо оленей, бѣлокъ, зайцевъ, разныхъ птицъ, между прочимъ, сорокъ и галокъ. Въ этомъ отношенiи они напоминаютъ намъ то стародавнее время, когда Русскiе не брезгивали никакимъ мясомъ и не знали или, вѣрнѣе сказать, не хотѣли знать никакихъ постовъ. Квасу Черемисы почти не дѣлаютъ, хотя и умѣютъ его дѣлать; но они приготовляютъ пиво и мореный медъ; и то и другое очень хмѣльно и дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ.

Жилище Черемисъ составляютъ: изба или двѣ, потомъ амбарушка, гдѣ хранится хлѣбъ и домашняя рухлядь, круглыя загородки для скота. Избы у Черемисъ большею частiю бѣлыя съ печами, какiя и въ русской избѣ, съ тѣмъ отличiемъ, что съ боку печи, въ сторонѣ шестка имѣется котелъ, въ которомъ приготовляютъ пищу. Котелъ этотъ въ лѣтнее время вынимается и привѣшивается въ особой анбарушкѣ (чумъ), которая въ то время служитъ и столовою. Въ избахъ окна небольшiя, отчего чумы темные; вдоль передней стѣны устраиваются нары, т. е. подмостки, вышиною отъ полу на аршинъ и шириною аршина въ $2^{1}/_{2}$. На нарахъ ѣдятъ и спятъ. Отъ наръ идутъ лавки до дверей; у многихъ есть и столы. На нарахъ разостланы войлоки, въ одномъ углу подушки и пуховики, въ другомъ углу у некрещеныхъ иногда поставляется коробъ съ тѣми ложками и чашками, съ какими ходятъ въ лѣсъ на моленья (жертвоприношенiя). Внутри наръ хранятся кафтаны, дорогiе женскiе уборы, платки, деньги. Рѣдко, но бываютъ вмѣсто наръ однѣ лавки. Полати не всегда, полокъ мало. На столѣ во всякое время лежитъ каравай хлѣба, завернутый въ скатерть и поставленъ жбанъ съ питьемъ; въ жбанѣ деревянный ковшикъ. Хлѣбъ и вода, вмѣсто кваса, у Че-

ремисъ также всегда на видномъ мѣстѣ въ избѣ и лѣтомъ въ чумѣ. Избы у Черемисъ, какъ и у Вотяковъ, крайне грязныя, неопрятныя, темныя; въ нихъ не метутъ и не моютъ; воздухъ удушливый. Дворы вообще чистые, во все лѣто въ дворахъ зелень. Каждый домохозяинъ держитъ не менѣе трехъ или четырехъ собакъ.

Необыкновенная любовь къ лѣсу проявляется у Черемисъ и во внѣшнемъ видѣ ихъ жилищъ: при каждой избѣ вы найдете небольшой садъ изъ кудрявыхъ березъ, къ которымъ Черемисы питаютъ особенную привязанность; плодовыя деревья встрѣчаются рѣдко. Хозяинъ любитъ свой садикъ; онъ обноситъ его крѣпкимъ плетнемъ или даже заборомъ и содержитъ въ большой чистотѣ. Большое количество древесной зелени придаетъ черемисской деревнѣ своеобразный и очень пріятный видъ, рѣзко отличающій ее отъ деревни русской, которая въ большинствѣ случаевъ кажется скучною и грязною. Вся закутанная въ веселую зелень березъ черемисская деревня скорѣе кажется какою-то увеселительною дачею, нежели просто деревней. Самая распланировка ея, по нашему мнѣнію, гораздо привлекательнѣе вытянутой въ струнку деревни русской. Впрочемъ, расположеніе домовъ въ черемисской деревнѣ нельзя назвать распланировкою—тутъ нѣтъ никакого плана: каждый ставитъ свою избу тамъ и такъ, гдѣ и какъ ему понравится. Почти у каждаго домохозяина-черемисина есть довольно земли при домѣ, занимаемой дворомъ, огородомъ и садомъ; у каждаго свой уголокъ, каждый—особнякомъ. Глядя на черемисскую деревню, мы снова переносимся въ давно прошедшія времена, когда всякій селился особо, каждый родомъ своимъ; передъ нами какъ будто воскресаетъ языческая старина временъ начала Руси; вотъ какъ приблизительно, думается, жила древняя Меря и, вѣроятно, Русскіе.

Кромѣ своеобразности и привлекательности, устройство черемисской деревни имѣетъ и свою практически полезную сторону. Разбросанность построекъ, просторъ между ними и большое количество деревьевъ, окружающихъ почти каждый домъ, по замѣчанію г. Износкова, много способствуютъ скорому прекращенію пожаровъ, которые не принимаютъ здѣсь такихъ значительныхъ размѣровъ, какъ

въ русскихъ селеніяхъ, обложенныхъ со всѣхъ сторонъ соломою и тѣсно застроенныхъ... Мы, говоритъ онъ, думаемъ, что еслибы всѣ черемисскія селенія потребовалось почему либо распланировать и подвести характеръ черемисскихъ построекъ подъ русскій, то Черемисы отъ этого не выиграли бы... Одного только можно пожелать: чтобы лабиринтообразные переулки, состоящіе изъ заборовъ, были значительно шире.

Своеобразность черемисскихъ селеній не ограничивается и этимъ: стремленіе къ патріархальному обычаю селиться «каждый родомъ своимъ», а вмѣстѣ и условія просторной лѣсистой мѣстности являются причиною того, что огромное большинство черемисскихъ селеній очень не велики. Черемисскія семьи, размѣщенныя по разнымъ угламъ околотка, деревни, часто состоятъ изъ ближайшихъ между собою родственниковъ. Случается иногда такъ, что въ какомъ нибудь большомъ околоткѣ всѣ крестьяне составляютъ одну родственную семью и весьма вѣроятно, что въ давнее время жители какой нибудь Шюдермары выселялись отдѣльно на пустопорожнія мѣста; семьи ихъ съ теченіемъ времени увеличивались, развѣтвлялись такъ, что къ одинокому домику выстроенному на полѣ, Пертнуръ (Пертъ—изба, нуръ—поле), Камака-нуръ (камака—печь) прибавлялись новые домики и составлялись впослѣдствіи новыя селенія и околодки: Петнуры, Камакануры, Мичакнуры и проч.

Возьмемъ для примѣра Царевокшайскій уѣздъ Казанской губерніи. Въ немъ числится съ небольшимъ 480 селеній. Посмотримъ же, велики ли эти селенія, замѣтивъ напередъ, что изъ этихъ 480 селеній 368—черемисскихъ. Самое огромное селеніе имѣетъ 274 двора, и такихъ селеній одно, да и оно, кажется, татарское, судя по тому, что въ немъ магометанская мечеть. Прочія селенія представляются въ такихъ размѣрахъ:

Отъ 140 до 180 дворовъ	7	селеній	(изъ нихъ 6 съ магомет. мечет.)
до 100 дв. съ небольш.	9	»	(4 съ магом. меч.)
» 70 » 90 дворовъ . . .	10	»	(7 съ магом. меч.)
» 45 » 60 »	36	»	{нѣкот. съ мечет.,
въ 20, 30—45 » . . .	148	»	{нѣкот. съ церкв.)

Затѣмъ —

менѣе нежели изъ

20	дворовъ	51	селеніе.
15	»	76	»
10	»	95	»
5	»	51	»

а всего, стало быть, 273 селенія такихъ, въ которыхъ не насчитывается и 20 дворовъ, при чемъ не рѣдко можно встрѣтить деревню въ 1, 2 или 3 двора!

На такія маленькія деревни можно смотрѣть какъ на зародыши будущихъ большихъ селеній; процессъ заселенія края здѣсь далеко еще не имѣетъ вида законченности; нерѣдко маленькія деревушки стоятъ такъ близко между собою, что трудно сказать, нѣсколько ли тутъ селеній или это одно, но слишкомъ разбросано. Самое возникновеніе селеній иногда обусловлено совершенно случайными причинами, о которыхъ, конечно, исторія не знаетъ, а преданія заглохли. Изрѣдка только можно случайно напасть на исторію основанія какого нибудь селенія. Вотъ одинъ примѣръ: когда-то, очень давно (лѣтъ полтораста назадъ), жилъ-былъ гдѣ-то одинъ кузнецъ; совершилъ ли онъ какое нибудь преступленіе или просто не угодилъ помѣщику, только его сослали въ Сибирь, откуда онъ бѣжалъ, пробрался до береговъ Волги и поселился въ лѣсахъ черемисскихъ на одномъ безъименномъ ключѣ. Съ ремесломъ своимъ онъ не могъ насидѣться голодомъ; мало того: онъ зажилъ своимъ домкомъ, обзавелся женой и оставилъ по себѣ дѣтей, передавъ имъ и свое кузнечное искусство. Дѣти также оставили по себѣ потомство, и населенный пунктъ такимъ образомъ увеличивался; въ 1748 году здѣсь уже была заложена деревянная церковь и кузнецовъ поселокъ обратился въ село *Кузнецово*. Русскіе жители Кузнецова считаютъ кузнеца своимъ родичемъ; помнятъ о немъ и Черемисы. Кузнецъ, вѣроятно, поселился не одинъ одинешенекъ, а близь черемисскаго околотка, который также мало по малу разростался и слился наконецъ съ русскимъ селеніемъ подъ именемъ *Апша-Пелякъ*. Апша значитъ кузнецъ, а пелякъ—половина; стало быть, *Апша-Пелякъ* есть другая половина од-

ного общаго уже пункта, села *Кузнецова*. Неподалеку отъ села есть оврагъ съ большой березовой рощею. Здѣсь въ былое время Черемисы приносили по обѣщаніямъ жертвы Кереметю; поэтому и оврагъ (по черемисски *ангеръ*) назывался обѣщаннымъ—*Сермя*. Мало по малу у самаго оврага появились черемисскія избушки и—возникъ околотокъ *Сермяангеръ*. Теперь онъ также составляетъ уже часть Кузнецова. Къ нему же относятся наконецъ и *Юльямъ-Сола*, *Сауткинъ* и другіе околотки.

Такимъ образомъ село Кузнецово теперь имѣетъ уже 500 жителей. Церковь въ немъ уже каменная; есть инородческая школа, и учителемъ въ ней Черемисинъ. Жители Кузнецова Русскіе и по нынѣ занимаются кузнечнымъ мастерствомъ.

Нѣкоторыя селенія, въ виду условій ихъ возникновенія, носятъ по нѣскольку названій. Укажемъ для примѣра на село *Пернягаши*; оно же еще называется *Пайгусово*, *Пайгусова гора*, *Церкосный*, *Церькасола*, *Пинель-Пернягаши* и *Христорождественское*. Въ происхожденіи одного изъ этихъ названій лежитъ объясненіе и того, откуда получило начало это село. Названіе Пернягаши, или по-черемисски Парня Гашъ (Парня—палецъ; гаша—ходившій), по преданію Черемисъ, произошло оттого, что въ сосѣдствѣ съ селомъ во времена Іоанна Грознаго жилъ Черемисинъ по имени Акпарсъ, который былъ вожакомъ, указателемъ (палецъ—ходившій) войскамъ Грознаго. За это онъ и получилъ отъ царя въ награду землю, названную на планѣ генеральнаго межеванія Акпарсовою землею; а въ церкви села Еласъ, сосѣдняго съ селомъ Пернягаши, хранится кубокъ, подаренный, какъ говоритъ преданіе, царемъ Іоанномъ Акпарсу. Самъ Акпарсъ жилъ, какъ говорятъ, въ околоткѣ Нужаналахъ, Еласовскаго прихода, а земля, данная ему, вѣроятно, занимала части приходовъ Пернягашскаго, Еласовскаго и Владимірскаго. Происхожденіе названія Пайгусово въ точности не извѣстно. По-пермски: пай—часть, доля; кугиша—выросшій, увеличившійся. Церька-сола—церковное селеніе. Пинель или Пингель—Сумка рѣка, при которой расположено село. Наконецъ Христорождественскимъ село это называютъ по храму. Жители села Черемисы и Русскіе.

Религія Черемисъ.

Религія Черемисъ представляетъ интересъ во 1-хъ въ томъ отношеніи, что она знакомитъ насъ до нѣкоторой степени съ религіей древней Мери (по скольку можно считать доказаннымъ тожество Черемисъ съ Мерею); въ 2-хъ религія эта представляетъ весьма примитивную форму черемисскаго міровоззрѣнія, и въ 3-хъ она находится въ переходномъ фазисѣ къ дальнѣйшему развитію, которому однако не суждено завершиться, такъ какъ можно считать близкимъ то время, когда Черемисы всѣ сдѣлаются христіанами.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ исторически недавнее время Черемисскую религію составлялъ грубый фетишизмъ. Не покланяться ни чему Черемисъ не могъ, конечно, на той ступени развитія, когда умъ способенъ уже задаваться вопросами о причинности явленій природы и сознавать свое отношеніе къ нимъ и зависимость отъ нихъ. Лѣсъ прекрасенъ и полезенъ: въ немъ никогда не скучно; въ немъ же можно найти въ изобиліи и разнообразную дичь, пушныхъ звѣрей, охота за которыми въ значительной степени сама въ себѣ уже хорошая цѣль; въ немъ же ростутъ разныя ягоды и грибы; онъ же даетъ матеріалъ для постройки жилища. Въ виду этого, отношенія къ лѣсу устанавливаются самыя пріятныя и необычайно прочныя; они установляются при томъ не каждымъ человѣкомъ втеченіе его только жизни, но передаются наслѣдственно въ видѣ смутнаго инстинктивнаго влеченія, Богъ знаетъ, изъ какой глубины первобытныхъ поколѣній. Мрачная таинственная тишина лѣса, или шумъ расходившейся бури, или весеннее пробужденіе лѣса, оглашаемаго пѣніемъ только что прилетѣвшихъ птицъ; даже запахъ смолистой хвои, распускающихся березъ и цвѣтущихъ черемухъ — все это такія явленія, отъ которыхъ каждый отдѣльный человѣкъ при первыхъ встрѣчахъ съ ними не пассивно получаетъ впечатлѣнія, но самъ ловитъ ихъ, жадно упивается ими, какъ будто вспоминая что то очень-очень когда-то знакомое, но какъ бы забытое, а теперь внезапно воскресшее. Это «какъ бы воспоминаніе» и есть то, что можно назвать съ незапамятныхъ временъ унаслѣдованнымъ инстинктомъ; инстинктъ этотъ тотчасъ же и необыкновенно ярко вспыхиваетъ при первыхъ же мало-

мальски сознательныхъ встрѣчахъ дитяти съ природою. Человѣкъ—въ нашемъ случаѣ Черемисъ—не теоретизируетъ своихъ отношеній къ лѣсу; этого ему и въ голову не прійдетъ: онъ просто *чувствуетъ* ихъ, какъ чувствуетъ свое *я*. Какъ же онъ выразитъ эти отношенія, въ чемъ проявитъ ихъ? а не проявить ихъ было бы не натурально, какъ не натурально не проявлять наприм., выраженіемъ лица, или даже и тѣлодвиженіями какую нибудь радость или горе. Естественно, что отношенія къ лѣсу выливаются въ *любовь* къ нему и *почтеніе*. Человѣкъ сознаетъ, что лѣсъ *живетъ* и легко понять, что этотъ лѣсъ, какъ нѣчто живущее и притомъ необъятное, грандіозное, представляется на первыхъ порахъ *существомъ* болѣе могучимъ нежели самъ человѣкъ. По словамъ одного автора, писавшаго о Черемисахъ, послѣдніе подобно манихеямъ считаютъ дерево не безчувственнымъ: оно чувствуетъ глубокую скорбь, когда подсѣкаютъ его вѣтви или отрываютъ отъ него плоды *).

Такъ зародилось почитаніе лѣса. Вѣроятно, какъ символъ его, Черемисъ избралъ нѣкоторыя деревья предпочтительно передъ прочими и на нихъ перенесъ свое почитаніе. Такими деревьями являются *береза* и *рябина*. Береза—чрезвычайно красива: она же и очень полезна: ея лучина освѣщаетъ мракъ продолжительныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ; она же даетъ лучшее топливо, огонь котораго, въ видѣ горячихъ углей, цѣло хранится подъ грудой золы до завтрашняго дня, когда понадобится добыть огонь; прекрасная, бѣлая и необыкновенно прочная кора ея получаетъ самое разнообразное примѣненіе: ею Черемисъ и избу кроетъ, изъ нея же добываетъ деготь, изъ нея же приготовляетъ разную посуду; наконецъ, изъ этой же бѣлой коры Черемисъ дѣлалъ себѣ въ былое время высокія шапки, которыя и до нынѣ считаются необходимою принадлежностью при жертвенномъ одѣяніи.

Что касается рябины, то за ней признается очистительная сила, предохраняющая отъ колдовства и дѣйствій злыхъ духовъ.

Но разъ человѣческій умъ сталъ мыслить, какъ онъ уже

---

*) Филимоновъ 91.

вскорѣ невольно наталкивается на соображеніе, что лѣсъ родитъ *земля*; она родитъ все растущее, и—въ глазахъ человѣка—прежде всего насущный хлѣбъ. Не почтить землю уже невозможно.

Трудно не почтить и того, кто мечетъ огненныя стрѣлы и приводитъ все живущее въ трепетъ страшнымъ громомъ въ небесныхъ тучахъ, изливающихъ благодатную животворную влагу на изсушенную мать-землю. Кто гремитъ? неизвѣстно; однако очевидно, что *кто*-то гремитъ; не менѣе очевиднымъ должно казаться и то, что этотъ нѣкто уже положительно *живъ* и *могучъ*. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что не кто другой, какъ именно *онъ*, управляетъ вѣтрами и бурями, облаками и тучами, громами и молніями! Не гнѣвается ли онъ, не давая долго дождя? Не милость ли его проявляется, когда наконецъ прольется желанный дождь. Не слѣдуетъ ли *его* умилостивлять и просить? Отвѣтъ очевиденъ.

Но вотъ еще великое *существо*: начальный источникъ не только ростущаго, но и всего живущаго, источникъ свѣта и теплоты, красота изъ красотъ и дивное изъ дивъ—великолѣпное *Солнце*. Не преклониться предъ нимъ — этого нельзя себѣ представить послѣ того, какъ почтены лѣсъ, громъ и земля.

Олеарій свидѣтельствуетъ, что Черемисы поклоняются и Лунѣ.

Наконецъ, разъ почтены Солнце и Луна, Земля, громъ и лѣсъ, — нѣтъ уже основаній не почтить въ той или другой степени глубокую, широкую, многоводную, вѣчно движущуюся *рѣку*, эту живую дорогу, которая не только можетъ переносить человѣка изъ края въ край на многія сотни, иногда даже тысячи верстъ, но еще на пути и кормить его, лишь бы онъ съумѣлъ достать изъ глубины ея обильную и вкусную пищу. Правда, рѣка иногда губитъ человѣка, поглощая его въ своихъ волнахъ, иногда она разрушаетъ его домъ и все хозяйство, уноситъ скотъ; но вѣдь стоитъ только быть къ ней почтительнѣе и, вѣроятно, она не откажется быть милостивѣе? Надо почтить и ее, да и не только ее, а и всѣхъ сестеръ ея, большихъ и малыхъ.

Но все это, т. е. и Солнце, и проч. не боги еще, или если и назовемъ ихъ богами, то въ совершенно особенномъ по-

ниманіи ихъ, рѣзко и существенно отличномъ отъ усвоеннаго понятія о Богѣ людьми высшей культуры—магометанами, а тѣмъ болѣе христіанами; въ представленіи объ этихъ какъ-бы богахъ нѣтъ совершенно ясно сознанныхъ качествъ могущества, воли, сознательнаго творчества и великаго разума; какъ будто эти существа и думаютъ и нѣтъ, и творятъ и нѣтъ, да и творятъ какъ будто внѣ разъ на всегда опредѣленныхъ цѣлей и несомнѣннаго сознанія своихъ дѣяній. Словомъ, человѣкъ понимаетъ эти предметы какъ живущіе, активные, болѣе могучіе, нежели онъ, но все же какіе-то какъ-бы странные, судя потому, что наприм. лѣсъ можно топтать, рубить и жечь безъ опасенія наказанія за причиняемую боль или ущербъ; съ землей также можно что угодно сдѣлать: въ рѣку можно и наплевать, и обругать ее, и бить её при несомнѣнномъ заключеніи, что ей не больно и, пожалуй, не обидно. Трудно не замѣтить и того, что тотъ, кто мечетъ изъ тучъ огненныя стрѣлы, либо плохо стрѣляетъ, почти никогда не попадая въ людей, либо—если такая мысль кажется кощунною—стрѣляетъ не знай за чѣмъ и не вѣсть куда. Великъ, могучъ и страшенъ стрѣляющій и гремящій, но все же нѣтъ никакихъ несомнѣнныхъ поводовъ видѣть въ немъ великій разумъ, волю и творчество; отношенія его къ кому бы или чему бы то ни было крайне не понятны, чтобы не сказать безтолковы. Даже великолѣпное Солнце какъ-то черезчуръ ужъ механично... Всѣ эти мысли отнюдь не проходятъ въ головѣ полудикаго человѣка такъ, какъ мы теперь ихъ выразили; скажемъ болѣе: нѣтъ этихъ мыслей; но *не можетъ не быть* смутнаго чувства или полузознанія, что всѣ названныя существа—просто существа и больше ничего. Сущность ихъ, ихъ качества не то что не постижимы и не то что странны, а просто до нихъ какъ бы дѣла нѣтъ; самое полезное, что нужно знать о нихъ, это то, что ихъ надо почитать потому, что въ противномъ случаѣ отъ нихъ бываетъ худо.

Хорошимъ доказательствомъ отсутствія выработанности представленія почитаемыхъ предметовъ, какъ божествъ, служитъ то обстоятельство, что иногда иного псевдобога—идола можно и посѣчь за его поведеніе. Правда, случаи такого отношенія къ идоламъ имѣютъ мѣсто не у Черемисъ,

у которыхъ нѣтъ идоловъ (по крайне мѣрѣ человѣкоподобныхъ); но за то у нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, даже высшее изъ всѣхъ божествъ, уже настоящій богъ попадаетъ подъ часъ впросакъ; его можно обмануть; онъ же между прочимъ занимается скотоводствомъ и пасетъ свои стада чуть ли не на волжскихъ заливныхъ лугахъ.

Какъ бы то ни было, но за полусознательнымъ почитаніемъ Солнца былъ сдѣланъ и еще шагъ впередъ: было рѣшено, что и Солнце, а также Земля, рѣки, лѣсъ и наконецъ человѣкъ и животныя не могли же явиться безъ причины; все должно быть сотворено кѣмъ либо однимъ, кто долженъ жить гдѣ-то тамъ далеко, на небесахъ. Если Солнце когда либо представлялось уму не какъ самая субстанція живаго существа, а какъ мѣсто обитанія его, то *небо* тѣмъ болѣе было тѣмъ самымъ по отношенію къ величайшему изъ существъ, Богу. Это была уже идея дѣйствительно о Богѣ какъ о начальной причинѣ всякаго бытія. Но чрезвычайно вѣроятно, что человѣческому уму на первыхъ ступеняхъ его развитія необыкновенно трудно дѣлать отвлеченія, и поэтому небо и Богъ должны были казаться чѣмъ-то почти совершенно тожественнымъ.

Богъ-Небо на Черемисскомъ языкѣ называется *Юмо*. Еслибы мы поинтересовались происхожденіемъ и буквальнымъ смысломъ этого слова, мы бы увидѣли, что смыслъ, выражаемый корнемъ его, относится у финскихъ народовъ къ понятію о небѣ и громѣ. Но распространяться объ этомъ не будемъ. Теперь Юмо есть не просто небо и совсѣмъ не громъ, а именно небесный Богъ.

За неимѣніемъ другаго слова мы должны помириться съ необходимостью назвать и прочія почитаемыя существа богами. Въ такомъ случаѣ Юмо есть Богъ боговъ и творецъ вселенной. Его отличаютъ также различными предикатами: онъ есть *Кого-Юмо*, т. е. самый большой; онъ — *кугужа*, т. е. вседержитель, *темемъ* — древній, старшій, *ханъ* — владыка, *пудерша* — творецъ, *ошъ* — бѣлый, сѣдой, *сотня* — свѣтъ. Обращаясь къ нему всегда придаютъ двойной или тройной предикатъ, наприм., «тэмемъ кого Юмо!» «тэмемъ ханъ кого Юмо! тэмемъ пудерша!»

Мы знаемъ, что у громаднаго большинства людей идея о Богѣ выработана въ болѣе или менѣе совершенной сте-

пени. Богъ по субстанціи своей есть нѣчто *несравненно* тончайшее воздуха или, вѣрнѣе, совсѣмъ не матеріальное; это духъ безпредѣльнаго объема, это есть нѣчто абсолютное, ни съ чѣмъ не соизмѣримое, не сравнимое, а потому непостижимое, однако обладающее или, лучше сказать, представляющее собою безпредѣльный разумъ, волю, могущество, или силу. Это есть исходная причина одного столь же необъятнаго и сложнаго явленія, которое зовется Вселенною *).

Посмотримъ, какимъ представляется Юмо Черемисамъ.

У Юмы**) на небѣ отличная изба и такъ много всякаго добра, что самый богатый человѣкъ передъ нимъ нищій. У него огромныя стада лошадей, коровъ и овецъ; когда они идутъ на пастбище изъ своихъ помѣщеній, то передняго конца длинной вереницы давно уже невидать, а задній еще не вытянулся изъ небесныхъ хлѣвовъ. Юмо съ своей семьей постоянно на работѣ, какъ хорошій мужикъ. Онъ такъ занятъ этой работой и собой, что долго не обращалъ на людей рѣшительно никакого вниманія и не имѣлъ къ землѣ ни малѣйшаго отношенія. Вотъ одна легенда, показывающая, какъ началась связь Юмы съ землей.

У Юмы была дочь прекрасная, а жениховъ на небѣ не было; были одни только ангелы. Богъ былъ работящій, работниковъ не держалъ, работалъ все самъ, а дочь свою посылалъ пасти скотину. На небѣ травы нѣтъ, а потому скоту нужно было спускаться на землю. Богъ и спускалъ свою дочь вмѣстѣ съ скотиною: растворитъ небо, раскинетъ войлокъ, чтобъ онъ доставалъ до земли и спускаетъ по нему дочь свою на землю. Слѣзши, дочь закричитъ: дохъ, дохъ, дохъ! и лошади спускаются. Лошади спустятся, она закричитъ коровамъ: тпруна, тпруна! спускаются коровы. Спустятся коровы, она закричитъ овцамъ: ста, ста, ста! овцы спускаются. Вечеромъ закричитъ на небо: Батюшка, спускай войлочекъ, мнѣ нужно домой, я отпасла скотину!—и Богъ опять отворяетъ небо, спускаетъ войлочекъ, и она влѣзаетъ на небо, а потомъ кричитъ скотину. Дочь божія пасла скотину, ходила-ходила, а жениховъ все нѣтъ. Разъ спустилась она на землю и увидала молод-

*) Изъ опасенія погрѣшить противъ *христіанскаго* понятія о Богѣ мы оговариваемся, что совсѣмъ не касаемся этого понятія.

**) Родит. пад. *Юмы* — отъ русскаго уже выговора: *Юма*.

ца-Черемисина; поговорила съ нимъ и дала ему платокъ. При этомъ она учила жениха: смотри, у меня отецъ-то Богъ: онъ не отдастъ меня за тебя; ты лучше подбери товарищей, да и увези меня, а я возьму другой платокъ и повѣшу его гдѣ-нибудь на колъ. Онъ увидитъ этотъ платокъ, тутъ и будетъ меня искать; не найдетъ и скажетъ: «умерла». Такъ и сдѣлалось. Черезъ два года они пришли къ отцу и сказали ему всю правду. Помирились, и на мировой былъ большой пиръ. Приданаго Богъ далъ много. Съ этихъ поръ Богъ и сталъ знакомъ людямъ *). То есть понятіе о Юмѣ сложилось у Черемисъ очень недавно; да и не сложилось еще, а слагается. Свѣдѣнія, наприм., о твореніи Юмою міра и человѣка появились уже послѣ (и, можетъ быть, долго спустя) послѣ русской колонизаціи, т. е. послѣ того, какъ Черемисы узнали кое что о томъ же предметѣ изъ христіанскаго ученія.

Чтобы познакомиться съ Юмою, какъ съ творцомъ, необходимо теперь же сказать о другомъ очень важномъ богѣ. Второй по Юмѣ богъ—*Кереметь*. Съ практической точки зрѣнія Кереметь, пожалуй, даже важнѣе Юмы: его больше боятся, нежели Юмы; ему и больше молятся. Но затѣмъ трудно съ увѣренностью сказать, дѣйствительно ли это второй по важности *богъ* или это просто злой духъ. Иные Черемисы говорятъ, что Кереметь младшій братъ Юмы, что онъ долженъ былъ повиноваться владычеству Юмы, но по гордости своей не захотѣлъ и за то былъ низвергнутъ съ неба на землю. Почти несомнѣнно, что это заимствованіе отъ христіанъ.

Итакъ, этотъ самый Кереметь плавалъ разъ въ видѣ селезня по водѣ. Юмо въ это время намѣревался творить землю (сушу). Увидѣвъ селезня и признавъ въ немъ брата своего Кереметя, Юмо повелѣлъ ему нырнуть въ воду и достать со дна земли. Кереметь повиновался и земли досталъ, но не всю ее отдалъ Юмѣ, а часть утаилъ у себя во рту. Когда Юмо, дунувъ на землю, простеръ ее по водѣ и создалъ такимъ образомъ ровную, гладкую сушу, Кереметь началъ выплевывать утаенную часть земли и наплевалъ множество разнообразныхъ горъ.

*) *П. Знаменскій* «Горные Черемисы Казанскаго края» въ «Вѣстн. Европы» 1867 г. Декабрь.

Наконецъ Юма пожелалъ сотворить человѣка; тѣло его было уже готово, когда Юмѣ понадобилось сходить на небо за душой. Онъ и отправился; но, зная дурной нравъ Кереметя, приставилъ пса караулить тѣло человѣка. Надо замѣтить, что въ ту пору собакамъ не было еще даровано Юмою шерстянаго покрова, и это было большою оплошностью со стороны Юмы. Кереметь воспользовался ею на зло Юмѣ и человѣку: какъ только онъ замѣтилъ, что Юмо ушелъ, немедленно явился на мѣсто творенія человѣка и произвелъ ужасную стужу. Песъ сталъ сильно зябнуть и чуть было не замерзъ, когда наконецъ Кереметь далъ ему шерсть; а песъ въ благодарность за превосходный даръ допустилъ Кереметя къ тѣлу человѣка. Кереметь оплевалъ, охаркалъ его и тѣмъ самымъ вложилъ въ человѣка начало всякихъ болѣзней, противъ которыхъ могущество Юмы оказалось уже недостаточнымъ.

А вотъ какъ явился на землѣ лѣсной богъ. Разъ изъ-за чего то поссорились между собою всѣ 77 боговъ другихъ народовъ; тутъ были между прочими и русскій богъ и даже черемисскій (какъ это такъ, или какой богъ — на это нѣтъ отвѣта). Юмо призвалъ ихъ къ себѣ на судъ. Первымъ явился русскій богъ; онъ оправдался передъ Юмою, сложивъ всю вину на другихъ. За русскимъ богомъ явился татарскій, и тоже оправдался; пошли и другіе боги, и тоже оправдались, кромѣ одного черемисскаго, за которымъ такимъ образомъ осталась вина. Впрочемъ, вѣроятно, оправдался бы и онъ и даже прежде другихъ; но онъ совсѣмъ не явился на судъ: не зачѣмъ-де, не виноватъ. Тогда Юмо въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ прогналъ черемисскаго бога съ небесъ и повелѣлъ ему жить въ лѣсахъ. Но въ послѣднее время и отсюда его сталъ тѣснить русскій богъ.

Здѣсь ясно видна вся импровизація бога лѣсовъ, возникшая въ недавнее время, до котораго совсѣмъ не было бога лѣсовъ; лѣсъ самъ былъ живымъ существомъ; затѣмъ явилась идея о божествѣ лѣса, и богъ этотъ былъ главнымъ спеціально черемисскимъ богомъ, пока вскорѣ ощутилась надобность въ высшемъ божествѣ, которое и ограничило черемисскаго бога только областью лѣсовъ.

Но мы уже видѣли, что это высшее божество, имѣющее претензіею стать богомъ боговъ, главою 77 боговъ 77 на-

ціональностей, далеко не совершенно. Младшій братъ его Кереметь положительно умнѣе: онъ довелъ Юму до того, что тотъ сгоряча предалъ въ руки Кереметю свой излюбленный народъ Черемисъ.

Дѣло было такъ: когда люди на землѣ размножились и раздѣлились на племена, то Юмо рѣшился дать каждому племени свой образъ богопочитанія, почему и велѣлъ своему серлагышу (это что-то въ родѣ прислуги, докладчика) созвать въ одно мѣсто начальниковъ поколѣній, для чего назначилъ одинъ день. Кереметь сейчасъ же вмѣшался въ дѣло Юмы. Онъ остановилъ черемисскаго родоначальника, когда этотъ шелъ въ назначенное мѣсто, и, явясь ему въ видѣ человѣка, до того занялъ его разговорами о разныхъ предметахъ, что тотъ пропустилъ срокъ, въ который долженъ былъ явится къ Юмѣ за вѣрою. Разставшись съ Кереметемъ, онъ поспѣшилъ-было къ назначенному мѣсту, но, не доходя до него, встрѣтилъ родоначальника другого племени, который возвѣстилъ ему, что Юмо уже роздалъ вѣры «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры?» спросилъ съ изумленіемъ Черемисинъ. Родоначальникъ другаго племени въ отвѣтъ ему на это сказалъ: «Юмо, въ наказаніе за то, что ты, презрѣвъ его приказаніе, занялся пустою бесѣдою съ Кереметемъ, велѣлъ тебѣ поклоняться Кереметю». — «Такъ кланяйся же мнѣ», прибавилъ и Кереметь, слетѣвъ къ разговаривавшимъ съ березы въ видѣ селезня. «Ты вѣдь слышалъ, что самъ Юмо велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ». Съ этихъ поръ Черемисы и должны были начать поклоненіе Кереметю.

Кереметь есть олицетвореніе всякаго зла. Подъ зломъ Черемисинъ, имѣющій смутныя понятія о добрѣ и злѣ нравственномъ, разумѣетъ, главнымъ образомъ, зло физическое. Кереметь насылаетъ холода и зиму, засухи, бури, вѣтры и проч. Когда по лѣсу пронесется буря, съ трескомъ валятся деревья, завоетъ вѣтеръ по трущобамъ, — это тѣшится Кереметь. Когда человѣкъ захвораетъ, это «Кереметь схватилъ». Онъ сушитъ хлѣбъ на поляхъ, разгоняетъ пчелъ изъ ульевъ, не даетъ имъ меду, заставляетъ плутать по лѣсу дравосѣка и звѣролова, разгоняетъ у послѣдняго дичь, не даетъ ловить рыбы рыбаку, топитъ его въ водѣ, портитъ и моритъ домашній скотъ и т. п. Вообще, Кереметь

есть начало смерти и разрушенія; онъ и живетъ большею частію около старыхъ деревъ и пней въ лѣсу. Изъ животныхъ самое близкое отношеніе къ Кереметю имѣетъ медвѣдь, врагъ черемисскихъ стадъ, царь лѣсныхъ звѣрей. Если Черемисинъ увидитъ во снѣ медвѣдя, это значитъ, что Кереметь требуетъ отъ него самой дорогой жертвы — лошади.

Черемисинъ не столько благоговѣетъ предъ Юмо, сколько боится Кереметя. Онъ разбираетъ каждый свой шагъ, чтобы не обидѣть это опасное божество, разбираетъ каждый свой сонъ, каждую примѣту, совѣтуется съ своими знахарями, чтобъ узнать, чѣмъ можно угодить Кереметю, какую жертву принести ему. Можно сказать, что культъ Кереметю составляетъ сущность всей религіи. Не даромъ сами Черемисы крещеные зовутъ своихъ собратій, придерживающихся язычества, именно *кереметниками*. Жертвы Кереметю очень дорого стоятъ; тутъ рѣдко можно отдѣлаться пивомъ, виномъ или нѣсколькими лепешками; Кереметь большею частію требуетъ себѣ лошади или коровы, а овецъ—такъ по нѣскольку штукъ разомъ. По назначенію ворожника жертва потомъ не разъ повторяется, если оказывается безплодною. Одинъ Черемисинъ сталъ было приносить жертвы по случаю болѣзни своей жены и со всѣмъ было разорился; рублей 50 издержалъ на Кереметя, а все толку не было. Эти расходы сильно подѣйствовали на него; по совѣту одного изъ учителей, онъ обратился къ христіанскому Богу. Жена вскорѣ послѣ этого выздоровѣла, и Черемисинъ сталъ ревностнымъ христіаниномъ и врагомъ Кереметя. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ доказательствъ въ пользу христіанства у черемисскихъ миссіонеровъ служитъ то, что Кереметь и всѣ вообще боги очень прожорливы и объѣдаютъ Черемисъ, тогда какъ христіанскій Богъ ничего не проситъ, напротивъ, самъ все подаетъ; эта мысль какъ разъ подходитъ къ практическому характеру Черемисина.

Страхъ передъ Кереметемъ до того сильно вкореняется въ душу Черемисина съ самаго дѣтства, что его часто не можетъ истребить и христіанство, когда кереметникъ обратится къ церкви. Въ обыкновенное время православный Черемисъ не пропуститъ случая даже посмѣяться надъ своимъ прежнимъ страшилищемъ; но случись съ нимъ что

нибудь особенное, какое нибудь несчастіе, — тотчасъ же старое суевѣріе всплываетъ наружу, онъ пойдетъ къ ворожнику и по старому сходитъ въ лѣсъ ублаготворить Кереметя какой нибудь жертвой. Времена народныхъ бѣдствій очень полезны для язычества; ими ловко умѣютъ пользоваться языческіе ворожники въ своей борьбѣ противъ христіанства. Давнишніе уже христіане въ эти времена отпадаютъ отъ церкви и обращаются къ Кереметю. Ворожникамъ удается тогда собирать цѣлыя сотни поклонниковъ въ священномъ лѣсу и съ прежнею языческой торжественностью возстановлять уже давно павшее общественное богослуженіе. Намъ, говоритъ г. Знаменскій, у котораго мы заимствуемъ описаніе Кереметя, разсказывали разительный примѣръ привязанности Черемисъ къ своему Кереметю. Въ одной изъ нашихъ восточныхъ семинарій не очень давно учился одинъ Черемисинъ съ миссіонерскою цѣлью; начальство нѣсколько разъ замѣчало его въ жертвоприношеніяхъ Кереметю, когда онъ былъ уже въ высшемъ отдѣленіи семинаріи и изучалъ богословіе.

Мѣста обитанія Кереметя, безъ сомнѣнія, суть мѣста священныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ страшныя. Черемисинъ старается не смотрѣть на нихъ, когда ему случится пройти мимо. Кереметь накажетъ болѣзнію всякого, кто осмѣлится около посвященнаго ему мѣста сдѣлать что нибудь не пристойное, сквернословить или говорить по-русски; поэтому, подходя къ заповѣдному мѣсту, Черемисинъ непремѣнно заговоритъ на своемъ языкѣ еще издали.

Кереметь, это такой дьяволъ, передъ которымъ нашъ чортъ могъ бы показаться Черемисину просто милымъ шутникомъ. Страхъ передъ Кереметемъ дошелъ до того, что *) между нѣкоторыми изъ Черемисъ развилась наслѣдственно особаго вида болѣзнь, называемая медиками «кереметкою»; она проявляется конвульсивными припадками, искаженіемъ лица и подслѣповатостью.

Таковы два важнѣйшіе бога Черемисъ: Юмо и Кереметь. Но за ними слѣдуетъ огромная фаланга другихъ боговъ. Генеалогіи ихъ не знаютъ и сами Черемисы; боги эти еще только вырабатываются въ фантазіи народа, и

*) Какъ читаемъ въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Казан. губ.» 1866 г. на стр. LXIX.

Черемисы
Царевококшайскаго уѣзда.

число ихъ продолжаетъ возростать и въ наше время. Число боговъ постоянно умножается, говорятъ Черемисы: «сначала ихъ было пять, а теперь, можетъ быть, и счету имъ нѣтъ». Черемисская мифологія, замѣчаетъ г. Знаменскій, не успѣла еще сформироваться до подробностей и толкуется произвольно самими Черемисами. Иное божеское названіе, употребляемое явно въ качествѣ предиката, вдругъ является самостоятельнымъ субъектомъ, особымъ божествомъ. Созданіе новыхъ боговъ, говоритъ онъ, «продолжается, кажется, и доселѣ» и оно очень легко: стоитъ только къ имени Юмо или еще Авя придать эпитетъ, и явится новое божество, которому *мужанъ* не преминетъ назначить и опредѣленный родъ жертвы.

Черемисы мало того что населили богами небо и землю, воды и преисподню, —сверхъ того думаютъ, что у каждаго бога, въ его стихіи, есть еще особое жилище; причемъ нѣкоторымъ божествамъ придали божества женскаго рода съ именемъ матерей, *аба*, и при всѣхъ помѣщаютъ различныхъ слугъ и докладчиковъ. Чрезъ однихъ будтобы идутъ людямъ милости и наказанія: они приводятъ въ исполненіе опредѣленія боговъ, производятъ пищу для людей и кормъ для скота; другіе доводятъ до свѣдѣнія боговъ о нуждахъ людей и проч. Таковы — *пуйрше*, *піамбаръ*, и низшіе чины: *витнязэ*, *чиукче*, *серлагышъ*. Всѣ эти существа составляютъ семью, домъ и дворъ бога.

Такимъ образомъ, наприм., различается *Тюня-Юмо*— небесный богъ и *Меръ-Юмо*—богъ вселенной. Каждый живетъ въ своемъ жилищѣ. При *Тюня-Юмо* состоятъ: 1) *аба*. При аба состоятъ *витнязэ*, *сукзе* и *серлагышъ*. Нѣкоторые два послѣднія слова: *суксэ* и *серлагышъ* соединяются въ одно и толкуютъ это выраженіе «добрый докладчикъ». Сверхъ аба при Тюня-Юмо: 2) *піюрдышъ*, при которомъ особые *витнязэ*, *суксе* и *серлагышъ*; 3) *піамбаръ* и при немъ *витнязэ*, *суксэ* и *серлагышъ*, и 4) при самомъ Тюня-Юмо: а) *витнязэ*, б) *суксэ* и в) *серлагышъ*.

Въ честь ихъ колютъ двухъ коней, одного быка, корову, барана и утку.

Даже богъ молніи и грома раздвоился на особыхъ боговъ: богъ молніи — *Волгенче-Юмо*, а богъ грома — *Кюдорче-Юмо*.

Богу Волгенче-Юмо полагается въ жертву лошадь. При немъ состоятъ: витнязэ, суксэ и серлагышъ.

Богу Кюдерче-Юмо—тоже лошадь. При немъ состоитъ *Піамбаръ*, у котораго есть свои витнязэ, суксе и серлагышъ, а кромѣ того Піамбару полагается и жертва, именно быкъ.

Бываетъ, что божествамъ Меръ-Юмо, Кюдорче-Юмо и Волгенче-Юмо со всѣми причисляемыми къ нимъ существами Черемисы молятся всѣмъ вмѣстѣ, и тогда колются четыре лошади, два быка, одна корова и множество утокъ.

Вотъ еще черемисскіе боги:

Мланде-Аба—мать земли. Ей приносятъ въ жертву корову или овцу (т. е. именно животное женскаго пола) и непремѣнно чернаго цвѣта.

Толя-Кого-Юмо — богъ огня. Онъ охраняетъ отъ огня жилище, а въ наказаніе посылаетъ пожаръ.

Кава-Юмо—бережетъ нивы и даетъ богатства.

Сэска-Юмо — соотвѣтствуетъ *Флорѣ*,—богъ плодовъ и цвѣтовъ.

Киндэ-Юмо—богъ хлѣба.

Мюикшъ-Юмо—богъ пчелъ.

Волек(г?)*ъ-Юмо*—богъ скота.

Каинъ-Уса-Юмо—богъ птицъ и звѣрей.

У-Юмо—богъ новаго хлѣба, новаго года для хлѣба (по окончаніи жатвы).

Пайша-Юмо—богъ, помогающій работать.

Агунъ-Кугуза—дѣдушка старичекъ, живущій въ овинахъ. Это—духъ. Ему однако тоже приносятъ жертву: кусокъ пирога или коровай хлѣба.

Кудо-Юмо—богъ чума, т. е. шалаша. Ему даръ—старинная, наслѣдованная отъ предковъ, монета.

Тунгтуналтыма, недавно изобрѣтенный ворожецами; означаетъ—безначальный.

Юмо-Эрге-пюрушъ—даетъ дѣтей. Иногда Черемисы просятъ православнаго священника отслужить молебенъ этому богу.

Ашъ-Юмо—бываетъ при рожденіи младенца.

Кугарня-Юмо—богъ недѣли, т. е. Пятницы.

Рушъ-Арня-Юмо,—богъ русской недѣли, т. е. Воскресенья.

Кугече-Юмо—богъ Свѣтлаго Воскресенья, когда некрещенные Черемисы ничего не дѣлаютъ, лежатъ, ѣдятъ очень мало и самую скудную худую пищу. Наконецъ,

Никола-Сотня-Кого-Юмо, т. е. нашъ св. Николай Чудотворецъ. Ему ставятъ свѣчи.

Но это еще не всѣ боги. Послѣ нихъ великій сонмъ разныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ главнаго— *Чимбулата* или *Курокъ Кугузя* съ семьей и подчиненными духами, въ числѣ которыхъ *Піамбаръ*, требующій себѣ быка и въ придачу утку. У Піамбара: *Водышъ*, *Ужедышъ*, принимающіе куръ; потомъ у Піамбара же *Азрэнъ*, берущій пѣтуха и *Пи*, требующій утки.

За Чимбулатомъ слѣдуетъ *Сердешъ-Кугузя* съ причтомъ, потомъ 12 *Иомшенеровъ*, препакостнѣйшихъ демоновъ, къ счастію не всюду признаваемыхъ.

Потомъ есть разные *мѣстные* Кереметы, имже нѣсть числа: *Икся-Кереметь* (икся—источникъ), живущій при источникахъ, и здѣсь занимающійся порчею людей и животныхъ, пьющихъ воду; *Кявя-Кереметь* (въ березовой рощѣ), Ола-Кереметь, Шара-Кереметь, Шой-Тюнгъ-Кереметь, Кушмари-Кереметь, Эръ-Мари-Кереметь и т. д. и т. д. и т. д.

Наконецъ слѣдуютъ тьмы темъ мелкихъ духовъ, наполняющихъ воздухъ, воды, лѣса, поля, селенія, дворы, избы, хлѣвы, амбары; они есть и въ пескѣ, и въ болотѣ, и въ расщелинахъ, и подъ камнями, и подъ колодами, и т. д. и т. д. Духи эти не особенно сильны, иногда добры, иногда вредны. Они бываютъ мужскаго и женскаго пола.

Отношеніе Черемисъ къ богамъ чисто практическое. Догматическая сторона занимаетъ послѣднее мѣсто; главное—обрядъ, жертва, которою можно добиться отъ боговъ чего-либо хорошаго или избѣжать бѣды; а тамъ Черемисину все равно, какова именно сущность божества, каковы его отношенія къ другимъ богамъ; точно такъ же какъ, по замѣчанію г. Знаменскаго, для нашего крестьянина, призывающаго «матушку Троицу» или «батюшку Покровъ» рѣшительно не интересно, что разумѣется подъ этими названіями.

Жертвы бываютъ частныя и общественныя. Первыя совершаются очень часто; наприм., во время вкушенія пищи,

предъ какимъ нибудь дѣломъ и т. п. Гдѣ бы ни находился Черемисинъ, дома или внѣ дома, въ дорогѣ, передъ вкушеніемъ пищи или питья, онъ скажетъ: «смля», вмѣсто «Господи, благослови», и при этомъ, отломивъ часть пищи въ жертву какому нибудь богу, бросить ее на землю, отольетъ также нѣсколько капель питья. Дома этотъ обрядъ совершается обыкновенно передъ отворенными окномъ или дверью. Если Черемисину случается проходить мимо какого нибудь священнаго мѣста, онъ считаетъ нужнымъ бросить тутъ или денегъ или кусочекъ хлѣба, рыбы,— что у него на ту пору случится.

По случаю какихъ нибудь особенныхъ домашнихъ обстоятельствъ, особенно по случаю какой нибудь бѣды, частныя жертвы получаютъ болѣе торжественную обстановку. Въ этихъ случаяхъ Черемисинъ считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ ворожникомъ и во всей точности исполняетъ, что этотъ назначитъ ему сдѣлать. Сначала хозяинъ и хозяйка приготовляютъ матеріалы для жертвы. Первый выбираетъ для этого животное или покупаетъ его, вторая готовитъ муку и все необходимое для приготовленія жертвенныхъ лепешекъ и сваренія пива. Животное закалывается самимъ хозяиномъ, или же, если онъ самъ не можетъ почему нибудь сдѣлать этого,—сосѣдомъ, ближайшимъ знакомымъ, родственникомъ. Предъ закланіемъ животное испытываютъ, будетъ ли оно угодно божеству. Для этого привязываютъ его за шею къ дереву и выливаютъ на него вдоль спины отъ головы до хвоста ковшъ холодной ключевой воды: если животное вздрогнетъ и встряхнется, это считается знакомъ того, что животное угодно богу. Всѣ изъявляютъ радость и говорятъ: «прими любезно». Хозяинъ беретъ въ одну руку ножъ, въ другую топоръ и ударяетъ ими другъ объ друга, чтобы слышало божество. Черемисы говорятъ, что эти звуки у нихъ все равно, какъ колокольный звонъ у Русскихъ. При первомъ же звукѣ падаютъ на колѣни. Послѣ этого хозяинъ приступаетъ къ закланію животнаго. При совершеніи обряда всѣ должны быть въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ и ни слова не говорить по-русски: русская рѣчь отнимаетъ всякую силу у жертвоприношенія.

Божествамъ даются только части жертвенныхъ матеріа-

ловъ. Въ нарочно приготовленный *лянгусъ* (ведро или буракъ) отливаютъ часть пива, меда, вина, бросаютъ туда же кусочки лепешекъ, отщипнутые отъ каждой лепешки, и все или выбрасываютъ въ чистое мѣсто, или сожигаютъ въ огнѣ. Точно также отрываются частички отъ жертвеннаго животнаго. Считается необходимымъ оторвать по кусочку отъ каждой части его тѣла: отъ ногъ, головы, ушей, сердца, печени, легкихъ и проч. Все это тоже сожигаютъ. Шкуру животнаго вѣшаютъ на дерево на сучья, гдѣ она и виситъ до тѣхъ поръ, пока не свалится сама и не сгніетъ; иногда ее продаютъ или отдаютъ ворожнику, смотря по тому, какъ укажетъ ворожникъ. Около стола, на которомъ совершается вся эта операція, кадятъ зажженой головней. Въ молитвахъ по случаю жертвы читаютъ: «Дай намъ богатство, славу, честь, здоровье намъ и скоту, обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать». Молитвенная сторона богослуженія, требующая своего рода поэзіи и чувства, вообще мало развита у Черемисъ. Вотъ обращикъ молитвы при жертвоприношеніи Кереметю, вѣрно обрисовывающей и бытъ, и понятія, и религіозныя чувствованія Черемисина.

«Кто богу принесъ жертву, тому спасеніе дай. Родившимся дѣтямъ, въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотамъ и въ деньгахъ счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастіе дай. Дай Богъ счастіе взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастіе дай. Помоги, Боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ вешняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастья дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастіе даруй».

Жертвоприношеніе оканчивается разгульнымъ пиромъ изъ оставшихся жертвенныхъ матеріаловъ. Къ этому пиршеству нерѣдко приглашаются сосѣди и знакомые. Кости и внутренности съѣденныхъ животныхъ сожигаются; пепелъ прячутъ въ чистое мѣсто.

Общественная жертва приносится въ сущности съ тѣми же обрядами, отличается только болѣе торжественной обстановкой и непремѣннымъ участіемъ мужана или ворожника. Собраніе для нея обыкновенно бываетъ въ лѣсу.

Предметомъ общественнаго богослуженія бываетъ моленіе объ урожаѣ или отвращеніи какого нибудь народнаго бѣдствія. Когда рѣшатъ, что надобно совершить общее моленіе, назначаютъ для него время, мѣсто и число жертвенныхъ животныхъ. Нарочно выбранные люди, по одному изъ деревни, собираютъ съ каждаго дома муку, солодъ, все, что нужно, также деньги на покупку животныхъ по общей мірской раскладкѣ; эти же выборные приготовляютъ пиво и лепешки. Затѣмъ въ назначенное время собираются въ лѣсъ всѣ участники деревень изъ шести, а въ прежнее время деревень изъ 15. Во время упомянутаго моленія (въ 1862 году) участвующихъ было до 170 человѣкъ изъ 6-ти деревень. Наканунѣ всѣ участники должны приготовиться къ моленію, сходить непремѣнно въ баню и надѣть чистое бѣлье, новый кафтанъ, новыя онучи и лапти. Необходимою принадлежностью жертвеннаго костюма считаются еще высокія берестовыя шапки, четверти 3 вышиной, на подобіе камилавки.

Священное мѣсто, назначенное для моленія, также предварительно очищается отъ всякаго сора и нечистоты и сохраняется съ величайшимъ благоговѣніемъ. Около него не дозволяется никакая непристойность, боятся даже близко подходить къ нему. Во время собранія Черемисинъ, въ случаѣ естественной потребности, бѣжитъ отъ него чуть не за полверсты. Середи поляны разстилается бѣлая кошма около квадратной сажени величиной, на которой раскладываются лепешки въ три ряда кучками, по три лепешки въ кучкѣ. Около кошмы раскладывается костеръ, надъ которымъ вѣшаютъ котелъ для варенія жертвеннаго мяса, и становятся боченки съ пивомъ; въ старое время ихъ бывало штукъ до 20; около нихъ ковши по числу присутствующихъ. Тутъ же помѣщаются животныя, назначенныя для жертвы. Какъ богаты эти жертвы, видно изъ того, что разъ было найдено на одной полянѣ до 170 головъ скота и птицъ.

Всѣ участники жертвы становятся вокругъ приготовле-

ній лицомъ на востокъ. У каждаго изъ нихъ сумка, въ которой принесены чашка и ложка, въ рукахъ свѣча изъ воску. Свѣчи эти прилѣпляются къ столамъ и горятъ въ теченіе всѣхъ обрядовъ. Ворожникъ, или мужанъ, прежде всего извѣстнымъ уже способомъ испытываетъ животныхъ, годны ли они. Затѣмъ всѣмъ присутствующимъ раздаетъ имена боговъ, кому кого призывать въ молитвѣ; одному велитъ взывать: свѣтъ-кого-Юма, свѣтъ ханъ-кого-Юма, свѣтъ пудерша! другому: тэмемъ-кого-Юма, тэмемъ-ханъ-кого-Юма и т. д. Всѣ начинаютъ молиться, постоянно падая на колѣни и кланяясь въ землю. По окончаніи моленія мужанъ закалаетъ животныхъ и варитъ ихъ мясо, при чемъ сопровождаетъ свои дѣйствія ударами ножа объ топоръ и объ жертвенный котелъ. Когда приготовленное мясо разложится на столѣ, онъ кадитъ около него зажженной головней. Наконецъ совершается самое жертвоприношеніе богамъ, отдѣляются частицы отъ мяса и лепешекъ и совершаются возліянія въ огонь. Всѣ садятся съ молитвой потреблять остатки, снявъ предварительно обрядовыя шапки. Кости, внутренности и шкуры животныхъ сожигаются. Къ небывшимъ въ лѣсу, мясо и лепешки относятся на домъ; эти яства ѣдятъ, какъ освященныя. Женщины свободно допускаются къ подобнаго рода богослуженіямъ, но въ качествѣ зрительницъ. Въ пиршествѣ онѣ участвуютъ на ряду съ мужчинами *).

Мы уже говорили, что во многихъ частныхъ случаяхъ Черемисы обращаются и къ нашему Николаю-Чудотворцу. Особенной молитвы нѣтъ ему, и Черемисы просятъ его запросто: пожалуйста, Никола, сдѣлай милость и т. д.

Священныя мѣста для молитвы и жертвоприношеній, т. е. особо для того избранныя дубровы, называются *кюсото*. Здѣсь стоятъ священные дубы, березы и липы, опоясанные на сажень отъ земли лыкомъ съ елевыми вѣнчиками. Такое дерево называется *она-пу*: передъ ними-то и приносятся жертвы съ возліяніемъ на нихъ крови животныхъ. Сюда иногда собираются жители цѣлой волости въ числѣ до 3.000 человѣкъ.

Лица, ближе стоящія къ божествамъ и посредствующія

---

*) Описаніе жертвоприношеній взято изъ той же статьи «Вѣст. Евр.».

между ними и людьми—карты и мужанги. Карты, это — жрецы. Они священнодѣйствуютъ на моленіяхъ, закалаютъ жертвенныхъ животныхъ, даютъ имена новорожденнымъ, совершаютъ браки и погребеніе.

Вотъ наприм. какъ дается имя новорожденному. Картъ, явившійся по приглашенію родителей, беретъ на руки младенца и начинаетъ его трясти, чтобы тотъ заплакалъ; затѣмъ, пока ребенокъ плачетъ, картъ перебираетъ разныя имена: Арсланъ, Кугера, Токтаулъ, Изерга, Валетъ, Изибай, Тоймурза, Акпарысь... На этомъ, положимъ, имени мальчикъ прекратилъ плачъ: въ такомъ случаѣ тѣмъ самымъ онъ и получилъ себѣ имя Акпарысь. Или картъ беретъ кремень и огниво и высѣкаетъ искры на трутъ, перебирая опять (наприм. женскія имена): Лыстай, Орика, Вистай, Настабулъ, Эдави, Кугудюръ, Элканай... трутъ загорѣлся: значитъ имя дѣвочкѣ—Элканай. А то еще, при сажаніи хлѣбовъ въ печь, каждому даютъ имя: имя лучше испекшагося коровая и будетъ именемъ ребенка.

Въ карты избираются лица, хорошо знающіе черемисскую мифологію (по скольку ее возможно знать хорошо), умѣющіе внятно и чинно произносить молитвы и сверхъ того извѣстные своею степенною жизнью.

Мужанги получили свое названіе отъ общаго имени злыхъ духовъ—*мужэ*, что значитъ каратель, мститель. Мужанги, это черемисскіе шаманы, или волхвы, чародѣи. Они входятъ въ сношенія съ невидимыми духами, получаютъ отъ нихъ желаемые совѣты и помощь и даже могутъ принудить духовъ къ выполненію своихъ желаній. Мужангъ знаетъ, отъ какого духа пристала болѣзнь; знаетъ, какую въ томъ или другомъ случаѣ, тому или другому духу надо принести жертву; онъ же—конечно уже—знаетъ, гдѣ находится украденное и какъ возвратить его.

Черемисы не любятъ мужанговъ и бранятъ ихъ; съ бранью и проклятіями исполняютъ назначаемыя ими жертвы, отнюдь не дерзая уклониться отъ исполненія велѣній мужанговъ, изъ боязни духовъ и самихъ мужанговъ, которые могутъ повелѣвать и духами. Есть такіе умные и ловкіе мужанги, что даже Русскіе обращаются къ нимъ за совѣтами.

Вообразите себѣ, каково должно быть душевное настроеніе черемисина, когда онъ буквально окруженъ богами, божками, вадышами и безчисленнымъ роемъ другихъ духовъ, надъ которыми высится чудовищно страшная хотя и неопредѣленная фигура ужаснаго Кереметя. И ко всему этому—еще алчные, ненавидимые мужанги!

Но и сказаннымъ не исчерпывается тяжелая зависимость Черемисина отъ невидимаго міра. Некуда ему укрыться такъ, чтобъ онъ наконецъ сознаъ себя внѣ опасности. Только развѣ любимый и почитаемый имъ лѣсъ немного безопаснѣе, хотя и въ немъ бродитъ *лѣсной вадышъ* съ своимъ товарищемъ *толвардышемъ*. Но они не особенно страшны: *лѣсной вадышъ* можетъ только сбить съ дороги, заставить заплутаться. Конечно, это не маловажное обстоятельство, наприм. для насъ Русскихъ; но у Черемисъ есть легкое средство въ этомъ случаѣ: стоитъ только перемѣнить лапти съ одной ноги на другую—и дорога рано или поздно найдется.

Но вотъ еще очень и очень страшныя существа, это—покойники. Почитаніе покойниковъ.

Олеарій, путешествовавшій по Россіи почти 250 лѣтъ тому назадъ, утверждаетъ *), что Черемисы не вѣрятъ въ загробную жизнь и думаютъ, что со смертью человѣка, какъ и со смертью скота, все кончено. «Въ Казани, говоритъ онъ, въ домѣ моего хозяина жилъ одинъ Черемисъ, человѣкъ 45 лѣтъ. Услыхавши, что въ разговорѣ моемъ съ хозяиномъ о религіи я, между прочимъ, упомянулъ о воскресеніи мертвыхъ, Черемисъ этотъ расхохотался, всплеснулъ руками и сказалъ: «Кто разъ умеръ, тотъ и для чорта остается мертвымъ. Мертвые также воскресаютъ какъ и моя лошадь и корова, околѣвшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ». Когда я спросилъ его, знаетъ ли онъ, кто сотворилъ небо и землю, онъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «чортъ это знаетъ»..... А когда я и хозяинъ мой говорили, что несправедливо чествовать и обожать скотину или другое какое твореніе, какъ Бога, такъ онъ отвѣчалъ намъ: «А что хорошаго въ русскихъ богахъ, которыхъ они вѣшаютъ на стѣнахъ? Это дерево и краски, которымъ

*) Олеарій. 407 с. русск. перевода.

онъ вовсе не желалъ бы поклоняться, и думаетъ поэтому, что лучше и разумнѣе поклоняться Солнцу и тому, что имѣетъ жизнь».

Если Олеарій только одинъ этотъ случай возвелъ на степень общаго положенія, то онъ могъ жестоко ошибиться; но если наоборотъ, онъ общее положеніе установилъ на основаніи многихъ фактовъ, а разсказанный случай привелъ только какъ образецъ, то свидѣтельство Олеарія очень любопытно, ибо выйдетъ, что черемисскія сказанія о Юмѣ и сотвореніи міра возникли въ самое недавнее время, равно какъ и представленія о загробной жизни.

Жаль, что Олеарій не подробно говоритъ о похоронахъ черемисскихъ. Но указаніе, что зарывъ покойника, одежду его вѣшаютъ на дерево и молчаніе о томъ, кладутъ ли что нибудь съ покойникомъ въ могилу, какъ будто подтверждаетъ сказанное имъ о невѣріи Черемисъ въ будущую жизнь. Въ настоящее время умершаго черемисина кладутъ въ могилу на лубкѣ вмѣстѣ съ войлокомъ, подушкой и во всей національной одеждѣ. Даже на одной изъ четырехъ досокъ, замѣняющихъ гробъ и облегающихъ внизу 4 стороны могилы, противъ глазъ покойника прорубается окошечко *).

Современные намъ Черемисы язычники вѣрятъ въ существованіе загробной жизни и почитаютъ покойниковъ. «Почитаніе покойниковъ, говоритъ г. Филимоновъ, открывается уже изъ тѣхъ обрядовъ, какіе наблюдаются при погребеніи мертвыхъ тѣлъ. А многочисленныя поминки у Черемисъ, какъ и у Вотяковъ, суть не что иное какъ праздники и жертвы въ честь (мы предпочли бы сказать: въ умилостивленіе) покойниковъ.

Издавна, говоритъ онъ же, наблюдался обычай заакалать пѣтуха въ домѣ тотчасъ послѣ того, какъ кто-либо изъ членовъ семьи мужескаго пола разстался съ душою, и рѣзали курицу, когда умирала женщина. Похлебка, приготовленная изъ сказанной птицы, назначалась на угощеніе лицъ, послужившихъ погребенію усопшаго.

Черемисы, подобно тому, какъ и Вотяки, думаютъ, что по ту сторону гроба, въ странѣ мертвыхъ люди продолжа-

*) Этнограф. сборн. 1864 г. Вып. VI ст. 33.

ютъ вести такой же образъ жизни, какой вели на землѣ среди живыхъ; вслѣдствіе этого, говорятъ Черемисы, въ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ покойника мы кладемъ многія вещи, необходимыя человѣку на томъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ противномъ случаѣ покойникъ будетъ приходить за нужнымъ къ оставшимся въ живыхъ; въ гнѣвѣ разстроитъ хозяйство ихъ, уведетъ съ собой на тотъ свѣтъ сыновей, внуковъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ, которые нужны ему какъ работники при обзаведеніи новымъ хозяйствомъ въ странахъ преисподнихъ. И такъ, чтобъ умершій не имѣлъ ни въ чемъ нужды, кладутъ съ нимъ въ гробъ ножикъ, ложку, чашку, небольшой котелъ, кремень, огниво, кочедыкъ, новые лапти, лыки, табакерку, если покойный нюхалъ табакъ, и проч.; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кладутъ также пукъ розовыхъ лозъ, чтобы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго, и палку. Собаки и на томъ свѣтѣ съ лаемъ кидаются на новаго незнакомаго человѣка: палкой можно будетъ оборониться отъ нихъ. Въ поясъ умершему завертываютъ мѣдныя деньги. Въ гробъ дѣвицы кладутъ нитку съ иглой, въ гробъ ребенка—куриное яйцо, въ гробъ младенца—нитку длиною въ ростъ отца или матери, чтобы младенецъ росъ, и выросъ бы тамъ изъ него хорошій работникъ или работница.—Одни изъ Черемисъ говорятъ, что вовсе не должно плакать надъ покойниками: тутъ всякая скорбь неумѣстна; у другихъ женщинамъ не позволено провожать покойника до могилы и быть на кладбищѣ при погребеніи родственника.

Вѣруя въ загробную жизнь, которую только по своему представляютъ, Черемисы вѣруютъ и въ судъ и воздаяніе человѣку, по смерти его. Каждый человѣкъ по смерти является къ судіи преисподнему—*Кіаматъ-Торя.* Кіаматъ-Торя разбираетъ дѣла умершихъ людей, и однихъ жалѣетъ, указываетъ имъ хорошее мѣсто, другихъ отсылаетъ къ наказанію; въ котелъ съ кипящею смолой ввергаетъ тяжкихъ преступниковъ. Тяжкія преступленія суть: произведеніе вражды и ссоръ между людьми, человѣкоубійство, блудъ, прелюбодѣйство, безбожіе, клятвопреступничество, кража, лжесвидѣтельство, колдовство, соединенное съ порчей человѣка и отравой. Кіаматъ-Торя,

судія преисподній, имѣетъ товарища—Чаусъ. Нѣкоторыя селенія, или, точнѣе, роды черемисскіе, имѣютъ своихъ Кіаматъ-Торя, особыхъ; они тоже изъ Черемисъ, хорошіе люди, только уже давно жили на землѣ *). Кіаматъ-Торя не имѣетъ имени Юмо, но на поминкахъ наравнѣ съ покойниками онъ чествуется божескими почестями, наравнѣ съ покойниками ему приносятся жертвы и моленья.

Достойно вниманія, что Черемисы думаютъ, будто по смерти люди дѣлаются высшими существами и что ихъ, какъ боговъ, надобно кормить и поить, чтобъ они были милостивы къ Черемисамъ, и всячески умилостивлять, чтобъ они не ходили къ живымъ, не дѣлали имъ бѣдъ. Такое именно значеніе имѣютъ такъ называемыя у Черемисъ — поминки. Поминки двухъ родовъ: частныя — въ честь одного, только что умершаго родственника, и общія — въ честь всѣхъ покойниковъ—родственниковъ. Первыя правятъ въ третій, седьмой и сороковой день; общія бываютъ въ великій Четвертокъ на Страстной седмицѣ, въ Семикъ и въ нѣкоторые другіе дни.

Къ этимъ днямъ готовятъ для умершихъ блины, пироги, сухаго судака, пиво, вино. Весь этотъ припасъ ставится на столъ; возлѣ него поставляются пустая чашка съ ложками и пустое ведро съ ковшомъ. Къ чашкѣ прилѣпляются восковыя свѣчи — однѣ Кіаматъ Торѣ, другія роднымъ умершимъ. Или: берутъ полѣно, кладутъ его на столѣ (или на лавкѣ) возлѣ чашки и на полѣнѣ прилѣпляютъ столько восковыхъ свѣчъ, сколько поминается умершихъ. Свѣчи зажигаютъ. Начинаютъ *чоклашить*, т. е. молиться; сперва Кіаматъ-Торѣ, потомъ роднымъ. Кіаматъ-Торѣ молятся, чтобъ онъ, принявъ жертву, далъ покойникамъ свѣтлое мѣсто, но не просто изъ желанія лучшаго покойникамъ, а чтобы оттуда не было имъ нужды ходить за чѣмъ нибудь къ оставшимся въ живыхъ. Роднымъ молятся, чтобъ они, принявъ трапезу, не ходили къ живымъ, не мучили бы скота ихъ, не умаляли семьи. Родные, которыхъ теперь раздѣльно чоклашатъ, суть: отецъ—ача, дѣдъ—куача, прадѣдъ—кугэзе, мать—ава, бабка—куава,

*) Кіаматъ-Торя тотъ, кто первымъ положенъ на новомъ кладбищѣ, «первый покойникъ».

братья и сестры. Изъ участвующихъ въ поминовенiи каждый отламываетъ отъ блиновъ по кусочку и кладетъ въ пустую чашку, а пиво отливаетъ въ ведро, приговаривая: пусть дойдетъ до такого-то умершаго. Когда всѣхъ умершихъ перечоклашатъ (т. е. помянутъ), то жертвенныя части — куски блиновъ и отлитое пиво — скидаютъ въ корыто и выбрасываютъ собакамъ. Остальное употребляютъ сами.

Болѣе торжественныя поминки происходятъ такъ: наканунѣ человѣкъ пять, сынъ и сосѣди умершаго, ѣдутъ на кладбище «звать покойника». На могилѣ ѣдятъ, пьютъ вино, часть вина льютъ въ край могилы. Прiѣхавши домой съ кладбища, ходятъ въ баню, моются, надѣваютъ на себя чистое бѣлье, бѣлыя рубахи, точь въ точь, какъ предъ праздникомъ, предъ моленiемъ богамъ. На другой день званые на поминки приходятъ: одинъ съ косушкою водки, другой съ пирогомъ. Ставятъ чашки и свѣчи. Кiаматъ Торѣ бываетъ и особая чашка со свѣчей. Чоклашатъ; отыскиваютъ Черемисина похожаго на покойника, одѣваютъ его во всю одежду, какая осталась въ домѣ умершаго, и одѣтаго такимъ образомъ въ шапкѣ и рукавицахъ, сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, подчуютъ его блинами, пивомъ, медомъ весьма усердно, какъ настоящаго покойника. Онъ, не забывая своего дѣла, какъ бы отъ лица умершаго, благодаритъ ихъ, обѣщаетъ имъ всякое счастiе и благополучiе. Когда же упьется виномъ, беретъ пузырь (кларнетъ вдѣланный въ воловiй пузырь) и пляшетъ. А пьютъ на поминкахъ всю ночь. Утромъ, съ пузыремъ, на парѣ лошадей съ колоколами, въ кибиткѣ увозятъ этого изобразителя на могилу того покойника, по которомъ правили поминки; тамъ посадятъ его, раздѣнутъ, все уберутъ — и возвратятся домой. На поминкахъ, предъ тѣмъ, какъ чоклашить, обходятъ кругомъ стряпню, при чемъ одинъ несетъ въ лѣвой рукѣ топоръ, и въ обухъ топора ударяетъ ножемъ; за нимъ другой идетъ съ дымящеюся головней. Дымъ долженъ отогнать отъ яствъ и питiй нечистыхъ духовъ. Такъ дѣлается въ сороковой день.

Въ сороковой день умершимъ молятся съ такимъ умиленiемъ и смиренiемъ, съ какимъ молятся великимъ богамъ во дни бѣдствiй. Величая покойныхъ похвалами, приличными божествамъ, жалобно взываютъ: «вотъ мы ничего не

жалѣемъ, угощаемъ всѣхъ, чѣмъ можемъ; зовемъ васъ, тратимся. Не гнѣвайтесь же на насъ, не ходите къ намъ безвременно» и т. д.

Страхъ передъ покойниками доходилъ до того, что въ прежнее время Черемисы считали не лишнимъ кругомъ могилы вколачивать множество кольевъ, чтобы мертвому было не повадно покидать могилу для непрошенныхъ посѣщеній.

Дни поминальные у Черемисъ называются *Софта-Кече*, дни свѣчные, т. е. въ которые ставятся свѣчи *).

Укажемъ наконецъ что у Черемисъ имѣетъ мѣсто и такъ называемый метампсихозисъ—догматъ о переселеніи душъ. Именно они допускаютъ, что нѣкоторые умираютъ до семи разъ, переходя изъ одного міра въ другой, и наконецъ обращаются въ рыбу. Покойники же дѣлаются и вадышами, увеличивая такимъ образомъ и безъ того огромное число злыхъ духовъ.

Праздники. Главнѣйшіе праздники Черемисъ-язычниковъ:

1) *Ага-Пайра*—праздникъ пашни. Бываетъ весною, когда наступаетъ пора посѣва въ овсяныхъ поляхъ. Въ день Ага-Пайра утромъ всѣ домохозяева въ чистыхъ одеждахъ выходятъ въ овсяное поле и несутъ съ собой лепешки, кашу, яйца, пиво. Въ полѣ, на чистомъ мѣстѣ подъ двумя-тремя березами, картъ раскладываетъ огонь, отъ котораго каждый Черемисинъ зажигаетъ свою восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ своей стряпнѣ. Затѣмъ по частичкѣ отъ принесенныхъ яствъ и питій бросаютъ въ огонь. Пока горятъ части эти, Черемисы стоятъ на колѣняхъ и молятся; картъ произноситъ молитву. Когда части сгорятъ, огонь тушатъ и идутъ домой. На пути кормятъ пашню, т. е. кладутъ каши и яицъ въ землю, каждый на своей полосѣ. Дома съѣдаютъ остальное, что носили въ поле.

2) Праздникъ около Петрова дня, послѣ унавоженія паровыхъ полей. Молятся и приносятъ жертвы матери земли—*Младэ-Аба* и вмѣстѣ *Кюдорче-Юмо*.

3) *Шюрдэ.* Теперь этотъ праздникъ почти оставленъ. А прежде послѣ жертвы въ лѣсу, мужчины на лошадяхъ (верхами) отправлялись въ деревню и здѣсь дубинками и

*) Все сказанное о поминкахъ взято изъ брошюры Филимонова, «О религіи некрещеныхъ Черемисъ и Вотяковъ».

лутошками били по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ засѣли злые духи и такимъ образомъ выгоняли ихъ изъ домовъ и дворовъ и изъ самой деревни.

4) *У-пучку-мушъ* — Новая каша. Иначе: *У-киндэнъ-пайра* — праздникъ новаго хлѣба. Бываетъ осенью, послѣ уборки овсяныхъ полей. Чоклашатъ всѣхъ боговъ, благодарятъ за урожай и просятъ не оставить въ будущемъ. Осенью, по окончаніи жатвы, по вечерамъ Черемисинъ выходитъ на крыльцо и трубитъ въ трубу. Говорятъ, въ былое время, когда черемисскія избы были разбросаны по лѣсамъ, — трубой приглашали къ жертвамъ; а теперь звукъ трубъ выражаетъ просто радость по поводу урожая.

5) *Конъ-чече-кугече.* Продолжается недѣлю со Вторника Страстной недѣли до Вторника на Свѣтлой недѣлѣ. Справляютъ также Семикъ, а мѣстами недѣлю послѣ 8 Ноября, и во всѣ эти дни приглашаютъ умершихъ родныхъ на предлагаемыя яства и питія, и сами пирутъ, упиваясь и наѣдаясь до крайнихъ предѣловъ возможности.

Вообразивъ, что на праздникѣ невидимо присутствуютъ умершіе, Черемисы усердно кланяются имъ и потчуютъ: «*кочь, кочь, кочь!*» т. е. кушай, кушай! При этомъ, разумѣется, и сами ѣдятъ и пьютъ, отливая каждый въ особыя посудины вина и пива, а также откладывая кусочки разной пищи. Потомъ все наложенное выбрасывается собакамъ, и если онѣ при этомъ раздерутся, значитъ умершій живетъ весело. Бывали случаи, что прилучившійся на поминкахъ небрезгливый русакъ опорожниваетъ посудины съ отложеннымъ для покойниковъ къ великому удивленію Черемисъ.

Говорятъ также, что въ это время — собственно въ Среду — не кормятъ скотъ, чтобы онъ не ломалъ лѣсъ.

6) *Шоронъ-делъ* или *Шоронъ-йолъ* — праздникъ гаданій и переряживаній, бывающій наканунѣ Новаго года.

7) *Сю-Эрня* — Масляница. Ихъ двѣ: одна своя, а другая русская, которую также празднуютъ.

8) *Кугарня* — Пятница, день самаго полнаго отдыха.

Кромѣ того день каждаго экстреннаго общественнаго моленья *(миргузи)* оканчивается пиршествомъ и есть праздникъ.

Непремѣнною принадлежностью праздника служитъ пиво

которое нарочно для такого случая варятъ сами Черемисы. По окончаніи моленья, когда начинаютъ пировать, играютъ въ *шювюръ* (пузырь), *кесла* (гусли), пляшутъ и поютъ пѣсни.

На праздникъ приглашаютъ и крещеныхъ Черемисъ и Русскихъ: «приходи, говорятъ, изъ чести: *кумулань ми веле*—народъ это любитъ». Русскіе, какъ отчасти мы видѣли, не прочь принять участіе въ празднествѣ; даже помогаютъ Черемисамъ выгонять Шайтана, но себѣ на умѣ—имѣя въ виду по проказничать: бѣгаетъ какой нибудь русакъ съ палкой по деревнѣ, колотитъ палкой что есть мочи, наровя что нибудь расшибить, охлестать вѣники и т. п. оправдываясь цѣлью выгнать застрявшаго Шайтана.

Сватьбу у Черемисъ дѣлаютъ безъ сватанія. Высмотрѣвъ невѣсту, Черемисинъ отправляется за ней въ сопровожденіи родственниковъ и увозитъ ее почти всегда воровски, иногда даже вопреки желанію самой невѣсты (высватываніе въ огласку бываетъ очень рѣдко). Затѣмъ жениха и невѣсту прячутъ куда нибудь, наприм. въ амбарѣ, послѣ чего уже извѣщаютъ родителей. Родители являются разсерженные; ихъ уговариваютъ, ухаживаютъ за ними, поятъ до-пьяна и въ такомъ уже видѣ стараются склонить ихъ на возможно выгодный *калымъ*, т. е. плату за невѣсту. Калымъ простирается отъ 30 до 60 руб., смотря, между прочимъ, по тому, на сколько расположена къ жениху сама невѣста. Когда, наконецъ родители невѣсты, послѣ продолжительныхъ ухаживаній за ними, получатъ отъ невѣсты отвѣтъ: *кемъ гератчимъ тотъ ланкаешимъ* (кого полюбила, къ тому иду) и вмѣстѣ съ тѣмъ калымъ, то успокоиваются и пируютъ на-пропалую сутокъ двое; тутъ кутитъ уже чуть не вся деревня; только женихъ съ невѣстой не показываются, продолжая скрываться въ запертомъ амбарѣ. Послѣ этого пира-сговора недѣли черезъ двѣ, молодые ѣдутъ въ гости къ родителямъ молодой съ разными подарками, безъ которыхъ ихъ прогоняютъ.

Черемисы женятъ сыновей и выдаютъ дѣвушекъ замужъ большею частію еще прежде, нежели имъ минетъ 16 лѣтъ.

Неспособность жены быть хорошею хозяйкой или вообще несогласная жизнь влечетъ засобою разводъ, про-

Вотяки.

(Къ 353-й стран. II тома).

изводимый при «шести глазахъ», т. е. при 6 свидѣтеляхъ. Дѣлается это такъ: несогласныхъ супруговъ связываютъ сзади поясомъ, который затѣмъ разрѣзаютъ, и разводимые разбѣгаются въ разныя стороны. При этомъ болѣе бойкій изъ нихъ старается иногда ударить другаго ногой, приговаривая: «коли я тебѣ не хорошъ, ищи лучше меня».

Въ недавнее время (а можетъ быть, и теперь?) черемисскія сватьбы давали хорошую наживу начальству, которое, провѣдавъ о покражѣ невѣсты, забирало въ чижовку весь сватебный поѣздъ и, стращая острогомъ, выманивало взятки, доходившія до 300 рублей.

Присяга у Черемисъ.

Изъ обрядовыхъ обычаевъ упомянемъ еще о прясягѣ. Передъ спросомъ въ свидѣтельство принимающій присягу становится на колѣни, а приводящій къ присягѣ, воткнувъ на конецъ ножа кусокъ посоленаго хлѣба, спрашиваетъ: «Юмо и великаго царя боишься-ли?» Боюсь, отвѣчаетъ тотъ. — «Домъ, дѣтей, скотину имѣть хочешь-ли?» — Хочу. — «Ну, смотри же, правду вѣрно скажи; если неправду скажешь, сердце каменное у тебя будетъ; адъ тебѣ будетъ». И съ этими словами присягающій принимаетъ съ ножа ртомъ кусочекъ хлѣба и съѣдаетъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжущіеся совершаютъ еще такой родъ присяги: они уходятъ на могилу; тамъ оспаривающій, стоя на колѣняхъ на краю могилы, произноситъ то же самое, о чемъ сейчасъ было сказано. Солгавшій при такой присягѣ скоро (ранѣе года) пропадаетъ, т. е. умираетъ, какъ въ этомъ увѣрены Черемисы.

Коштаны.

Неизвѣстно, какіе обычаи, какія формы гражданскаго или политическаго быта выработаны были Черемисами во времена ихъ независимости, если не говорить о томъ голомъ фактѣ, что у нихъ были князья. Въ позднѣйшую пору у Черемисъ играли чрезвычайно видную роль *коштаны*, такъ сказать излюбленные головы, выбираемые міромъ каждой деревни. Вѣроятно однако, что коштаны имѣли мѣсто и въ очень давнюю пору; поэтому все, извѣстное о нихъ, имѣетъ значеніе и интересъ. Вотъ что сообщаетъ Бабстъ объ этихъ коштанахъ: «Каждая деревня имѣетъ своего голову (коштанъ), въ которые избираютъ самаго смышленаго, богатаго и пользующагося наибольшимъ въ деревнѣ уваженіемъ Черемиса; нѣсколькими деревнями за-

правляетъ также коштанъ, и высшимъ лицомъ считается наконецъ главный коштанъ, имѣющій свое мѣстопребываніе, какъ говорятъ, въ Вятской губерніи. Каждый коштанъ выбираетъ себѣ преемника, но почти всегда выборъ падаетъ на того, кого общественное мнѣніе считаетъ самымъ достойнымъ. Коштаны обязаны помогать своимъ подчиненнымъ совѣтомъ, деньгами, но главнымъ образомъ чародѣйствомъ, которое повсюду весьма распространено между Черемисами. Значеніе коштановъ и кругъ дѣятельности ихъ великъ еще и потому, что вся торговля сельскими и другими произведеніями цѣлаго народа идетъ черезъ ихъ руки. Каждый Черемисъ доставляетъ имъ всѣ рѣшительно продукты своего труда, за исключеніемъ только небольшаго количества нужнаго для домашняго обихода. Отсюда вытекаетъ значительная оптовая торговля, которая гораздо выгоднѣе торговли розничной, ибо каждый крестьянинъ, торгуя самъ, обязанъ нерѣдко сбавлять цѣны, тогда какъ коштаны, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ между собой и съ высшимъ главой своимъ, могутъ давать торговлѣ выгодный ходъ и выжидать удобнаго времени. Коштаны ведутъ разсчетъ съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины и удерживаютъ пятую часть выручки на свои расходы, за труды и на казенныя повинности. Коштаны обыкновенно очень богаты, хотя и обязаны отдавать извѣстную часть чистой прибыли высшему главѣ своему» *).

Въ какой мѣрѣ сохранилось за коштанами значеніе главы и до нашего времени, не можемъ сказать утвердительно. Въ заволжьѣ во всякомъ случаѣ они могутъ долѣе удержаться, нежели на правомъ берегу у Черемисъ Горныхъ. У послѣднихъ коштанъ уже не глава сельскаго міра, а просто «ловкій, хитрый человѣкъ, умѣющій хорошо поговорить, выдвинуться впередъ на сходѣ, хорошо продать и дешево купить **). Онъ не задумается иногда купить и краденую лошадь, хотя конокрадствомъ и не занимается»... да и то едва-ли: г. Износковъ говоритъ: «коштанъ можетъ и не быть конокрадомъ», но отсюда слѣдуетъ, что можетъ, значитъ, и быть, тѣмъ болѣе, что по

*) Бабстъ. 492.
**) Износковъ «Обычаи Горныхъ Черемисъ».

словамъ того же автора, если коштанъ и не конокрадъ, то ужь конокрадъ — непремѣнно коштанъ».

Понятія Черемисъ о владѣніи землею. Клады.

Понятія Черемисъ о владѣніи землей, лѣсомъ, кладомъ схожи съ коренными русскими понятіями, основанными не на тонкостяхъ юридической казуистики, а на простомъ здравомъ смыслѣ. Земля—Богова (коли не сама—Богъ), лѣсъ—тоже. Поэтому каждая семья получаетъ себѣ участокъ не въ наслѣдство отъ отца и не въ даръ отъ него, а дается отъ міра. Любопытно при этомъ, что даже воздѣлываніе земли, сельскія работы, какъ сообщаетъ Бабстъ, производятся сообща: «на работы идетъ цѣлая деревня, старъ и младъ, мужчины и женщины, и работаютъ день и ночь, покуда не покончатъ посѣва, сѣнокоса или жатвы. Никто не смѣетъ отказаться, остаться дома, либо отдыхать. Жатва раздѣляется потомъ здѣсь же на полѣ между семьями поровну; поля же никогда напередъ не дѣлятся». Понятно, что результатомъ этого принципа является— какъ утверждаютъ всѣ писавшіе о Черемисахъ единогласно — отсутствіе нищихъ. А если и бродятъ по черемисскимъ селамъ въ праздничные дни нищіе, то это нищіе русскіе; имъ подаютъ Черемисы мукой, рѣже деньгами. Это Русскіе изъ губерній Нижегородской, Вятской и съ Ветлуги *).

Противузаконныя лѣсныя порубки бываютъ очень часто, но, не смотря на то, Черемисъ всѣ считаютъ народомъ очень честнымъ. «На проступки и преступленія противъ общественной собственности, говоритъ г. Износковъ, Черемисы смотрятъ часто снисходительно, что особенно замѣчается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общественною собственностью общество распоряжается не самостоятельно, но подъ стороннимъ контролемъ. Такъ снисходительно смотрятъ они на утраты хлѣбныхъ запасовъ и еще снисходительнѣе на лѣсныя порубки.

Мы упомянули еще о кладахъ. Клады здѣсь не рѣдки. Черемисы такъ объясняютъ ихъ: въ древнее время богатые люди скрывали свое достояніе въ землю, закладывали въ стѣны домовъ, подъ крышу сарая, амбара и проч. Умирая,

---

*) Ibid.

они не обнаруживали передъ родственниками, сколько остается послѣ нихъ денегъ и гдѣ онѣ хранятся; надѣясь на то, что родственники, вполнѣ надѣленные всѣмъ кромѣ денегъ, сами будутъ также откладывать, зарывать лишнюю копѣйку. Держать деньги въ домахъ и дѣлать такъ, чтобы о существованіи этихъ денегъ было многимъ извѣстно, не было въ обычаѣ прадѣдовъ нынѣшнихъ Черемисъ, такъ же какъ и Чувашъ. Да оно и понятно: до сихъ поръ еще сохранились въ здѣшней сторонѣ разсказы, преданія о невѣроятныхъ незаконныхъ поборахъ, легко устраивавшихся, благодаря крайней довѣрчивости и недогадливости Черемисъ и Чувашъ. Такъ разсказываютъ, что какой то мѣстный администраторъ, лѣтъ 40 или 30 тому назадъ, объявилъ инородцамъ здѣшняго края, что для царскихъ погребовъ требуется доставить по глыбѣ льду съ каждой ревизской души, но что крестьяне могутъ избавиться отъ этой тяжелой повинности, если они доставятъ ему вмѣсто льда по полу-имперіалу съ души. Какъ ни тяжело было послѣднее предложеніе, но, говорятъ, крестьяне на него согласились, и ловкій администраторъ остался отъ такой операціи въ порядочныхъ барышахъ. Съ Чувашъ и Черемисъ не бралъ только лѣнивый. Поэтому становится весьма понятнымъ заявленіе одного изъ бывшихъ предсѣдателей рекрутскаго присутствія о томъ, что ловкій секретарь его набралъ тысячи; а съ нимъ подѣлился только пятидесятью рублями. Впрочемъ, бывало и такъ, что не одно мѣстное начальство вынуждало своими аферами Черемисъ далеко упрятывать накопленное ими богатство. Въ былыя времена богатство наживалось нерѣдко грабежами, разбоями, которые по Волгѣ были нерѣдко; въ нихъ не мало участія принимали и Черемисы. Хищники, ведя кочевую жизнь, полную опасныхъ приключеній, зарывали награбленное ими въ землю и, оставляя мѣста, въ которыхъ были зарыты сокровища, вслѣдствіе какихъ либо неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, въ эти мѣста уже не возвращались. Обыкновеніе Черемисъ прятать деньги и преимущественно золото въ стѣны домовъ, или подъ крышу сараевъ, амбаровъ, подтверждается тѣмъ, что въ случаяхъ, когда между ними возникаютъ тяжбы, тяжущимися переносятся иногда строенія на другія мѣста, и при этомъ

въ стѣнахъ строеній часто находятъ деньги. Мы, говоритъ г. Износковъ, слышали также разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ Черемисъ принесъ къ лѣсничему нѣсколько десятковъ золотыхъ, найденныхъ имъ при перестройкѣ стараго дома, и просилъ его размѣнять эти золотые на кредитные билеты, такъ какъ послѣдніе онъ считаетъ удобнѣе держать у себя. Въ прежніе годы искатели кладовъ часто ихъ находили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Черемисъ происходило поклоненіе Кереметю, потому что Черемисы дѣлали иногда жертвоприношенія деньгами.

Такимъ образомъ кладъ, положенный Богъ знаетъ когда и кѣмъ, принадлежитъ, по мнѣнію Черемисъ, очевидно, всецѣло тому, кто его нашелъ, а не тому, кто никогда его ни клалъ, ни находилъ, а только владѣлъ землей, которая, какъ мы видѣли, принадлежитъ міру, а не лицу.

При такомъ воззрѣніи на владѣніе землей и ея натуральными произведеніями и скрытыми въ ней богатствами, при отсутствіи нищихъ, какъ слѣдствіи объясненнаго воззрѣнія и вмѣстѣ какъ слѣдствіи общественныхъ работъ, преступленій между Черемисами очень мало; воровства у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ; избы при уходѣ на работы не запираются. Убійствъ не слышно; случаи самоубійствъ крайне рѣдки и извѣстны на перечетъ. Въ прежнее и, кажется, еще недавнее время нерѣдко имѣлъ мѣсто совершенно своеобразный видъ самоубійства. Надо напередъ сказать, что Черемисы терпѣть не могутъ русской администраціи, и нѣтъ ничего хуже для нихъ, какъ имѣть дѣло со становыми или судебными слѣдователями; это величайшая для нихъ непріятность. И вотъ чтобы какъ можно лучше насолить врагу, Черемисинъ прибѣгалъ къ средству, которое свело бы хоть на время его недруга со становымъ и прочимъ административнымъ персоналомъ. Но какъ въ большинствѣ случаевъ нелегко бываетъ подвести другаго подъ уголовное дѣло, то Черемисинъ, не задумываясь долго, забирался къ недругу во дворъ, тамъ вѣшался на какой нибудь перекладинѣ и такимъ способомъ мстилъ врагу, принеся ему *«сухую бѣду»* въ ненавистномъ образѣ становаго. Теперь, говорятъ, обычай нести «сухую бѣду» уже вывелся, по крайней мѣрѣ у Горныхъ Черемисъ. Г. Износковъ, касаясь самоубійствъ, приводитъ только 2

Нравственность

извѣстные ему случая ихъ за два года; при этомъ оба случая были вызваны «стыдомъ» за ожидающую участь.

Скажемъ также, что Черемисы очень рѣдко вступаютъ во внѣбрачное сожительство; дѣвушка, имѣющая незаконную связь—большая рѣдкость, тогда какъ наприм., у сосѣдей ихъ, Чувашъ, случаи такихъ внѣбрачныхъ связей встрѣчаются то и дѣло.

Строго логическимъ и совершенно естественнымъ результатомъ объясненныхъ бытовыхъ формъ и понятій Черемисъ является довольно высокая степень нравственности, на которой стоитъ этотъ народъ. Всѣ говорятъ, что Черемисы нравственнѣе Русскихъ, а тѣмъ болѣе нравственнѣе такъ называемаго «высшаго» слоя Русскихъ. Намъ припоминается при этомъ, что извѣстный англійскій натуралистъ Уэллесъ, наблюдая племена Малайскаго архипелага, находитъ, что они положительно нравственнѣе англійскихъ джентри и лордовъ. Вотъ что также говорило одно извѣстное духовное лицо, лицо русское, именно преосвященный Иннокентій камчатскій о тамошнихъ инородцахъ въ письмѣ къ Высокопреосвящ. Филарету: «Чѣмъ болѣе знакомлюсь я съ дикими, тѣмъ болѣе люблю ихъ и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что многіе такъ называемые дикіе гораздо лучше многихъ, такъ называемыхъ просвѣщенныхъ въ нравственномъ отношеніи *).

Такимъ образомъ, съ этой стороны, мы Русскіе, ассимилируя Черемисъ, принимаемъ въ себя элементъ лучшій, нежели представляемый самими нами.

По характеру своему Черемисы также не представляютъ почти дурныхъ сторонъ. Грубость, которую можно замѣтить въ отсутствіи вкуса къ изящному или прекрасному, отнюдь еще не порокъ. Да и сомнительно, чтобы ихъ безпредѣльная любовь къ лѣсу не свидѣтельствовала именно о сильномъ влеченіи къ природѣ, этому высочайшему идеалу красоты и недостижимаго изящества. Дѣло *только* въ томъ, чтобы дать толчекъ свободному развитію этого здраваго зародыша любви къ природѣ; а затѣмъ сами собою разовьются какія угодно возвышенныя чувства на почвѣ реальныхъ отношеній къ природѣ и изученія ея.

*) Филимоновъ 1 стр.

Говорятъ, у Черемисъ нѣтъ пѣсенъ. Веселъ ли Черемисинъ, печаленъ ли, пляшетъ или плачетъ, — во всѣхъ случаяхъ онъ одинаково тоскливо тянетъ однообразное: «а-а-а, о-о-о» безъ всякихъ словъ. Это жаль, если правда. Но несомнѣнно, съ обрусѣніемъ, съ принятіемъ христіанства примутся и русскія пѣсни, великаго множества которыхъ не исчерпалъ, кажется еще никто. Трудно себѣ представить, чтобы, освободившись изъ подъ тяжелаго гнета страшнаго Кереметя, Черемисинъ не встрепенулся духомъ подъ могучіе звуки пѣсни о «матушкѣ Волгѣ» или хоть даже подъ веселый мотивъ «Вдоль да по рѣчкѣ». Но надо сказать, что не совсѣмъ справедливы тѣ, кто думаетъ, что ужь будто кромѣ «а-а-а» да «о-о-о» такъ таки ничего и не поютъ Черемисы. Вотъ наприм. черемисская пѣсенка въ переводѣ на русскій языкъ: Пѣсни и игры.

Какъ лодка тонетъ на водѣ подъ мощнымъ сѣдокомъ,
Такъ гибну я дитятко среди своей большой родни.

А вотъ другая:

Чрезъ черный лѣсъ идетъ дорога;
Тутъ я крѣпко полюбила парня.
Съ той поры онъ сталъ озабоченъ...
Но каждому онъ дать отвѣтъ съумѣетъ.

Или наконецъ вотъ еще пѣсенка:

Нынѣ лѣтомъ я сѣно косилъ,
Но ни одной землянички не съѣлъ...
Есть у меня земляничка дѣвушка;
Всякій день она у меня съ ума нейдетъ.

Что черемисскій характеръ имѣетъ нѣсколько мрачный оттѣнокъ не по существу черемисской натуры, а только подъ вліяніемъ мрачной религіи ихъ и тяжелаго историческаго прошлаго, видно изъ того, что они любятъ веселиться и очень шумно, хотя бы и грубо. Задача Русскихъ и здѣсь дать только свободу естественному распространенію цивилизующихъ началъ, альфою которыхъ конечно, послужитъ свободная школа, свободная отъ министерской регламентаціи. Теперешняя школа *), школа казенная, не способна сдѣлаться народною потребностью, подобно тому какъ церковь въ современномъ ея состояніи не способна, какъ мы видѣли и какъ все это

*) Писалось въ 1879 г.

знаютъ, ни обращать язычниковъ, ни бороться съ матеріализмомъ. У Черемисъ есть даже и игры, о которыхъ, впрочемъ, мало извѣстно. Мы можемъ назвать только двѣ: одна — то же, что наши жмурки, — *«тутъ-крымъ»* (кто ударилъ!) и другая *«никутень шушпанъ модна»*, родъ нашихъ фантовъ, которые замѣняются у Черемисъ кончиками лыка, захваченнаго въ горсть: взявшихъ два противоположные кончика одного и того же лыка заставляютъ цѣловаться, говоря: «никутень шушпанъ модна»!

Обрусеніе Тип. Несомнѣнно, что рано или поздно Черемисы утратятъ свою національность и сольются съ Русскими въ одинъ народъ. Этого слѣдуетъ желать не только въ интересахъ государственныхъ, но и прежде всего въ интересахъ самихъ Черемисъ, если только нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ доброкачественности русской цивилизаціи. Къ сожалѣнію эта послѣдняя ни чѣмъ еще, повидимому, не плѣнила Черемисъ, такъ какъ представителемъ этой цивилизаціи было не русское общество, не частные люди, а администрація, столкновеніе съ которой было для Черемисъ равносильно встрѣчѣ съ самимъ Кереметемъ. И мы думаемъ ни чѣмъ больше, какъ вліяніемъ администраціи, объяснить то обстоятельство, что Черемисы по словамъ Бабста «къ грамотѣ русской питаютъ величайшее отвращеніе», между тѣмъ какъ «нѣкоторые утверждаютъ, что у Черемисъ есть своя азбука, которую они хранятъ въ величайшей тайнѣ, хотя, правда, на то нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ» *). Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы честный, трудолюбивый, добродушный, обожающій природу народъ не только просто не хотѣлъ бы увеличить свои скудныя знанія, но еще питалъ бы къ нимъ отвращеніе! Это только и могло быть слѣдствіемъ извращенія въ Черемисахъ представленія о школѣ, какъ о чемъ то вродѣ администраціи.

Перечисляя сейчасъ добрыя качества Черемисъ, намъ бы слѣдовало, конечно, главнымъ образомъ, указать на интеллектуальныя способности этого народа; но лестный отзывъ о нихъ былъ бы голословенъ, по скольку онъ принадлежалъ бы лично намъ. Приводимъ же теперь отзывъ

*) Бабстъ 493.

г. Знаменскаго о Горныхъ Черемисахъ, успѣвшихъ болѣе Луговыхъ усвоить хоть нѣсколько тотъ неуловимый для регламентовъ духъ цивилизаціи, который способенъ передаваться безъ помощи священниковъ, становыхъ и казенныхъ учителей. «Это племя большаго Черемисскаго народа», говоритъ г. Знаменскій, «составляетъ самую энергическую, талантливую и образованную часть его; оно стоитъ по своему развитію едвали не выше всѣхъ нашихъ инородцевъ восточнаго края, за исключеніемъ развѣ Татаръ... Граматность развита между ними до такой степени, что въ каждой черемисской деревнѣ непремѣнно найдете человѣкъ десять граматниковъ» *). Въ другомъ мѣстѣ: «Черемисинъ далеко не тупъ: онъ выше всѣхъ финскихъ инородцевъ; во многихъ отношеніяхъ *выше даже Русскаго.*

Обращеніе въ христіанство идетъ не такъ туго, какъ можно было бы думать, судя по неумѣлости или скорѣе по нежеланію духовенства проповѣдывать Евангеліе изъ собственныхъ душевныхъ побужденій, а не по настояніямъ административныхъ лицъ и учрежденій. Фактъ успѣшной проповѣди христіанскаго ученія съ одной стороны подтверждаетъ намъ еще разъ, что Черемисы—народъ, способный къ прогрессу; а съ другой стороны фактъ этотъ объясняется во-1-хъ тою же, конечно, способностью, а во-2-хъ тѣмъ, что среди этого народа явилась возможность (къ сожалѣнію, вѣроятно, временная) распространенія христіанскаго ученія посредствомъ свободной проповѣди, а не чрезъ становыхъ и не чрезъ священниковъ. Такъ, мы встрѣчаемъ указаніе на одинъ околотокъ, гдѣ жители бросаютъ свои прежнія вѣрованія и обращаются въ христіанство, распространяемое между ними неграматнымъ Черемисиномъ Матвеемъ Сидоровымъ **). Затѣмъ упоминается другой подобный дѣятель, крестьянинъ дер. Уль Кушари—

---

*) Читатель можетъ усмотрѣть нѣкоторое противорѣчіе послѣдняго положенія съ сообщеніемъ Бабста объ отвращеніи къ русской граматѣ. Но пусть онъ приметъ въ разсчетъ, что во 1-хъ 10 грамотниковъ на деревню—много, но только относительно, во-2-хъ, что Бабстъ писалъ о Черемисахъ временъ Николая I, и въ 3-хъ, что граматники, какъ показываетъ характеръ этого термина, выучились граматѣ не въ школѣ. Послѣ этого не только не будетъ въ нашемъ изложеніи противорѣчія, но еще отчетливѣе установится положеніе, что Черемисы могутъ питать отвращеніе къ русской граматѣ въ смыслѣ русскаго обученія, русской казенной школы и не могутъ не любить граматность въ смыслѣ усвоенія знаній.

**) *Износковъ.* Горночеремисскіе приходы. Кузнецовскій приходъ.

Иванъ Захаровъ, составившій даже записки о Черемисахъ *). Наконецъ разсказываютъ о замѣчательномъ религіозномъ движеніи, возбужденномъ молодымъ, лѣтъ 25, Черемисиномъ Михаиломъ Герасимовымъ. Онъ взялся—разумѣется добровольно—за дѣло народнаго учителя и сталъ ходить по деревнямъ съ проповѣдью. «Въ короткое время, говоритъ г. Знаменскій, Черемисинъ имѣлъ замѣчательный успѣхъ, о какомъ трудно и мечтать русскому священнику: около 4,000 человѣкъ сдѣлались самыми усердными христіанами, и большая часть изъ нихъ у того же Герасимова научились грамотѣ». Но скоро явился какой-то доносъ на него, будто бы за порубку лѣса, (припомнимъ взглядъ Черемисъ на лѣсъ и землю и повременимъ бросить обвиненіе Герасимову, хотя бы онъ и дѣйствительно рубилъ лѣсъ), т. е., стало быть, Герасимовъ попался въ руки администраціи, и читатель не удивится, конечно, если скажемъ что послѣ этого онъ былъ присужденъ на строго законномъ, разумѣется, основаніи къ уплатѣ 470 рублей и заключенію на $1^1/_2$ года въ острогъ...

Въ заключеніе о Черемисахъ намъ слѣдовало бы еще сказать объ одной существенно важной сторонѣ, именно остроеніи черепа Черемисъ и о тѣлосложеніи ихъ: и то и другое всего сильнѣе повліяетъ на способности, здоровье и силы будущаго Русскаго народа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ *научныхъ* данныхъ для сужденія по этому предмету.

Г. Филимоновъ утверждаетъ, что Черемисы слабаго тѣлосложенія и по большей части сухощавы; ростъ средній, лицо блѣдное, лобъ низкій, борода жидкая и короткая. Не имѣя повода недовѣрять названному автору, мы однако и не связаны обязательствомъ вѣрить, ибо, какъ увидимъ, впослѣдствіи, субъективныя сужденія въ вопросахъ подобнаго рода бываютъ рѣшительно ошибочны и противорѣчать одно другому. Вотъ почему, между прочимъ, мы рѣшились не вводить своихъ описаній типовъ или личныхъ сужденій о нихъ. Даже въ настоящемъ случаѣ въ вопросѣ о Черемисахъ, мы уже видѣли, что другой авторъ (г. Знаменскій) отзывается о нихъ какъ о народѣ самомъ

---

*) *Износковъ.* Обычаи Горныхъ Черемисъ.

энергическомъ, а энергія плохо вяжется съ слабымъ тѣлосложеніемъ. Согласнѣе выходитъ отзывъ г. Бабста, что «Черемисы средняго роста, стройны и крѣпко сложены». Онъ же прибавляетъ, что лицо у нихъ широко; они курносы, имѣютъ большой ротъ и свѣтлые глаза. Женщины малы ростомъ и «очень нехороши собой». Гакстгаузенъ говоритъ, что Черемисы средняго роста, но стройны и сильны; лицо у нихъ широкое, большею частію курносое; волосы и борода черные блестящіе; ротъ большой, глаза большею частію совсѣмъ черные, въ особенности у дѣтей—роскошнаго восточнаго блеска. Каштановые волосы рѣдки, бѣлокурыхъ онъ не видалъ ни одного Черемиса, несмотря на то, что большая часть финскихъ племенъ бѣлокуры или рыжи. Гакстгаузену извѣстно, что другіе авторы описываютъ Черемисъ блондинами, и по этому поводу онъ замѣчаетъ, что говоритъ, что видѣлъ самъ и что бѣлокуры можетъ быть Луговые Черемисы, которыхъ преимущественно посѣщали прежніе путешественники *).

Мы кончили о Черемисахъ; и предвидимъ, что могутъ найтись читатели, которые попрекнутъ насъ значительною подробностью характеристики, нейдущей къ историческому обзору. Въ предупрежденіе такого замѣчанія скажемъ слѣдующее: во 1-хъ, этнографическій очеркъ можетъ, не относясь къ исторіи, самъ по себѣ имѣть значеніе и интересъ для всѣхъ, кто не прочь поближе ознакомиться съ Волгою во всѣхъ отношеніяхъ. Во 2-хъ, Черемисы представляются особенно интереснымъ народомъ въ виду ихъ почти несомнѣннаго тожества съ древнею Мерею, которую мы считали было окончательно исчезнувшею. Въ 3-хъ мы думаемъ, что нашъ очеркъ имѣетъ очень тѣсное отношеніе къ исторіи, подъ которою мы разумѣемъ отнюдь не походы и битвы, а процессъ сложенія Русской народности, постепенной колонизаціи береговъ Волги съ ея притоками, процессъ, какимъ великая и прекрасная Волга мало по малу становилась изъ рѣки финско-тюрско-болгаро хозаро-монгольской—рѣкою чисто русскою, рѣкою, съ которою неразрывно связано представленіе о самомъ происхожденіи, ростѣ, богатствѣ и могуществѣ великой Русской націи.

*) Гакстг. 297.

Въ чемъ состояла сущность историческаго процесса на берегахъ Волги? Отвѣчаемъ: въ формированіи Русскаго народа, именно въ претвореніи Русскимъ народомъ многихъ чуждыхъ ему элементовъ (народностей) въ свою плоть и кровь. Что же это за элементы? каково ихъ прошлое, какова ихъ мысль, ихъ міровоззрѣнія, ихъ обычаи, ихъ сложеніе, словомъ вся ихъ физическо-нравственная структура, зная которую, мы могли бы не оставаться впотьмахъ относительно отвѣта на вопросъ: что даютъ намъ эти сторонніе элементы: несутъ ли они съ собою задатки здоровья, силы и способности къ прогрессу, или одну слабость, физическую и нравственную? Не отвѣть мы на это, мы знали бы только половину процесса, его внѣшнюю сторону, безъ внутренняго содержанія, безъ перспективы доброкачественности конечнаго результата. А результатъ этотъ, къ счастію, обѣщаетъ быть добрымъ, какъ мы видѣли, судя по тому, что Черемисы представляютъ собою одно изъ лучшихъ финскихъ племенъ, а также и по тому, что внесеніе чужой крови вліяетъ благотворно на долговѣчность и здоровье народа.

III.

Болгары.

О народности Болгаръ.

За Черемисами, на востокъ отъ нихъ, до Камы, по самой Камѣ и далѣе по Волгѣ въ первые вѣка русской исторіи было богатое и сильное *царство Болгарское*. Жители этого царства назывались *Болгарами* или, по иному произношенію, *Булгарами*.

Замѣчательна судьба этого народа: онъ исчезъ, не оставивъ почти никакихъ намековъ о принадлежности своей къ той или другой національности. Всѣ старанія ученыхъ не могли открыть, что это былъ за народъ. Можетъ быть, тѣ или другіе изъ историковъ и правы въ своихъ предположеніяхъ о національности Болгаръ, но кто именно правъ?— на это нѣтъ отвѣта. Географическія названія, какъ видится, ничего не могли выяснить ученымъ въ этомъ любопытномъ вопросѣ. Все, что осталось отъ знаменитаго народа, заклю-

чается въ различныхъ монетахъ и многочисленныхъ городищахъ. О какихъ нибудь письменныхъ памятникахъ болгарскихъ нечего и говорить. Сохранилось однако извѣстіе, будто болгарскій кади Якубъ-ибнъ-Номанъ написалъ во второй половинѣ XII в. «Тарихъ Булгаръ» т. е. исторію Булгара; но сочиненіе это не дошло до нашихъ временъ. По счастію, уцѣлѣли другія сочиненія, арабскихъ писателей, въ которыхъ есть хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о Болгарахъ. Изъ нихъ видно, что въ X в. Болгары составляли уже сильный народъ, имѣли города, вели обширную торговлю, исповѣдывали мусульманскую религію и имѣли самодержавнаго царя. Есть даже указаніе на то, что Болгары жили на Волгѣ во 2-мъ столѣтіи до Р. X., но указанію этому ученые, кажется, не особенно склонны вѣрить, хотя и нѣтъ поводовъ совершенно отрицать его и вмѣстѣ есть полное вѣроятіе для признанія, что Болгары—первый изъ всѣхъ народовъ восточной Европы достигъ значительной степени развитія, богатства и политическаго могущества. Извѣстенъ еще фактъ, что мусульманскую вѣру Болгары приняли въ 922 году, значитъ немного ранѣе того, какъ Русскіе приняли вѣру христіанскую.

Любопытно и загадочно то обстоятельство, что царь болгарскій именовался царемъ *Славянъ* и «владавцемъ».

Естественно, что обстоятельство это невольно наталкиваетъ на предположеніе, что Болгары были Славяне. Но укажемъ на нѣкоторыя соображенія, приводимыя по этому же предмету противъ такой догадки и за нее.

1) Названія городовъ Волжскихъ Болгаръ звучатъ не по-славянски, какъ напр. Ашля (или Ошелъ), Челматъ, Сабакула, Тухчинъ. Даже Болгаръ или Булгаръ, быть можетъ, не что иное, какъ измѣненное Буларъ, Буляръ.

2) Несторъ (или, вѣрнѣе, Сильвестръ), перечисляя славянскіе народы, не упоминаетъ въ числѣ ихъ Болгаръ. Напротивъ—ставитъ ихъ какъ одно племя вмѣстѣ съ Хвалисами, обитавшими въ низовьѣ Волги у Каспійскаго моря, а Дунайскихъ Болгаръ считаетъ какъ будто Скифами, притѣснителями Славянъ. «Къ Словенскому же народу, живущему на Дунаѣ, говоритъ онъ, пришли отъ Скифъ, то есть отъ Козаръ рекоміи Болгари, и сѣли по Дунаю, и были насильници Словенамъ».

Но съ другой стороны, —

1) Неужели, говорятъ, всѣ восточные писатели ошиблись, называя Болгаръ Славянами? Неужели послы халифа, бывшіе въ Болгарѣ, не умѣли отличить Славянъ отъ Турокъ, послѣ того какъ проѣхали многія турецкія земли? Неужели халифы въ граматахъ къ болгарскимъ царямъ величали ихъ не тѣмъ титуломъ, какой эти цари усвоили себѣ сами?

2) Обычаи, описанные Ибнъ-Фодланомъ (мы сейчасъ приведемъ отрывокъ изъ его описанія Болгаріи) совершенно противны турецкимъ и вообще всѣмъ азіатскимъ. Не говорятъ ли они ясно за то, что Болгары были Славяне?

3) Если одни названія городовъ и не звучатъ по славянски, то никакъ нельзя сказать того же о другихъ, какъ напр.: Жукотинъ, Басовъ, Исбилъ или Исболь и (по грамматической формѣ) Бряхимовъ, не говоря о томъ, что самое слово Болгары, можетъ быть, есть измѣненіе Волгары, при чемъ не лишне замѣтить, что восточные писатели какъ напр. (Арабы) всегда переиначиваютъ наше *в* въ *б*; такъ и самое слово *владавецъ* они пишутъ съ буквы *б*, и, согласно ихъ грамматикѣ, оно получаетъ видъ *блтвазъ*.

Наконецъ, между прочимъ,

4) Иванъ Грозный, требуя отъ Татаръ сдачи Казани, указываетъ на то обстоятельство, что это издавна была земля славянская.

Что касается извѣстій о языкѣ, на которомъ говорили Болгары, то писатель Ибнъ-Хаукалъ утверждаетъ, что языкъ Болгаръ тотъ же, что и у Хозаръ. Между тѣмъ Хозары не представляли собою единой народности: второстепенную часть ихъ составляли какіе то «черномазые люди, говорившіе турецкимъ нарѣчіемъ; главную же часть представляло какое-то, какъ думаютъ, финское племя. Другой писатель (Шемсъ-Эддинъ-Демешки) передаетъ, что на вопросъ его у пилигримовъ, шедшихъ черезъ Багдадъ, что они за народъ? пилигриммы ему отвѣчали: «мы Булгары, а Булгары суть смѣсь Турковъ съ Славянами». Наконецъ, по словамъ третьяго Хаджи-Калфи, «языкъ Булгаръ и обычаи похожи на русскіе».

Сенковскій, занимавшійся изслѣдованіями о Болгарахъ, пришелъ наконецъ къ заключенію, что всѣ разнорѣчія по поводу состава Болгарскаго народа и языка имѣютъ свою

долю правды, если примемъ въ соображеніе составъ полукочевыхъ имперій той эпохи: всѣ онѣ составляютъ собою конгрегатъ разноплеменныхъ народовъ и что т. о. въ Болгаріи, охватывавшій собою огромное пространство—быть можетъ, отъ верховьевъ Камы до низовьевъ Волги и отъ Урала до Оки—могли быть и финскіе и славянскіе и тюркскіе народы, соединенные между собою властью одной династіи. Сенковскій думаетъ, что въ самой столицѣ Болгаріи—Болгарѣ, не менѣе извѣстной еще подъ именемъ «*Великаго города*» славянскій элементъ былъ сосредоточенъ преимущественно.

Г. Иловайскій въ своихъ «Изысканіяхъ о началѣ Руси» приводитъ мнѣніе Шафарика, который считаетъ Волжскихъ Болгаръ братьями Болгаръ Дунайскихъ; но за то этихъ-то послѣднихъ не признаетъ Славянами.

Самъ г. Иловайскій не прочь отъ того, чтобы признать происхожденіе имени «Болгары» отъ имени рѣки «Волга» и даже считать это послѣднее славянскимъ, но не рѣшается признать Волжскихъ (или что то-же Камскихъ) Болгаръ за Славянъ; однако признаетъ поводы думать, что они могли быть славяно-болгарскою вѣтью, постепенно утратившею свою народность посреди туземныхъ татаро-финскихъ племенъ. Онъ указываетъ при этомъ на то, что страна, главный городъ и царь назывались «славянскими», а одинъ арабскій писатель называетъ и Волгу рѣкою славянскою. «Еслибы, говоритъ г. Иловайскій, Волжско-Камскіе Болгары были финскаго происхожденія, то они легко слились бы съ мѣстными угорскими племенами, и образовали бы довольно плотную, однородную національность. Однако этого мы не находимъ. Очевидно, угро-тюркскіе элементы подавляли своею массою элементъ болгаро-славянскій, но не могли его совершенно усвоить. Въ свою очередь болгаро-славянскій элементъ, положившій начало государственному быту въ томъ краю, былъ слишкомъ слабъ численно и слишкомъ изолированъ отъ другихъ родственныхъ народовъ (особенно съ принятіемъ ислама), чтобы ославянить туземные угорскіе и тюркскіе народцы. Эта борьба разнородныхъ элементовъ и объясняетъ отсутствіе опредѣленнаго національнаго типа и недостатокъ прочности въ государствѣ Камскихъ Болгаръ, несмотря на довольно

развитую гражданственность. Оно легко было стерто съ лица исторіи наплывомъ Татарской орды. Но уже самое существованіе промышленныхъ, торговыхъ городовъ и вообще способность къ цивилизаціи обнаруживаютъ, что высшій слой населенія не былъ чисто финскій».

Какъ на одно изъ категорическихъ мнѣній по вопросу о народности Болгаръ, укажемъ на мнѣніе г. Бѣляева, который прямо (безъ доказательствъ или сомнѣній) говоритъ, что Волжскіе Болгары были одной расы съ азіатскими тюркскими племенами» *). Выше мы видѣли, что кромѣ той культурной жизни, какую представляли собою Болгары, въ сосѣднихъ съ ними земляхъ, сѣвернѣе ихъ, еще прежде сложилась подобная же жизнь, немного только уступавшая по высотѣ развитія своего болгарской. Мы разумѣемъ Біармію. Любопытно, что въ то время, какъ сказанія о жизни послѣдней какъ бы обрываются и жизнь эта гаснетъ, являются извѣстія о Болгаріи, какъ будто она является наслѣдіемъ или продолженіемъ первой.

Въ имѣющихся у насъ подъ руками немногихъ историческихъ трудахъ русскихъ ученыхъ мы хотѣли встрѣтить какіе либо намеки на возможность преемственной связи двухъ погибшихъ цивилизацій. Нѣтъ ли, думалось намъ, предположеній о томъ, что въ то время, какъ торговые пути къ Бѣлому морю по Камѣ и Сѣверной Двинѣ заглохли, и открылся болѣе удобный (по разстоянію и по климату мѣстностей), путь къ Западной Европѣ Волгою,— на послѣднюю передвинулся центръ тяжести торговыхъ сношеній, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ, основа тогдашней цивилизаціи? Не играли ли въ этомъ фактѣ видную роль наши прапращуры, передовое славянское племя—Славяне Ильменскіе, которые, отличаясь духомъ предпріимчивости, проникли первые по новооткрытой рѣкѣ *Волгѣ* (а не *Итилю*) въ южные предѣлы Біарміи, основали тамъ факторію, прослывъ между туземными племенами подъ именемъ Волгарей?

Но поиски наши въ направленіи такого рода соображеній оказались безплодными, и мы должны пока ограничиться заключительнымъ замѣчаніемъ, что возникновеніе Болгаріи, происхожденіе народа Болгаръ, ихъ народность

---

*) «Извѣстія Общ. любителей Естествозн.» Т. III, вып. I Москва 1866. Стр. 35.

и языкъ—все это, какъ говорится, покрыто мракомъ неизвѣстности, и намъ остается довольствоваться только однимъ голымъ фактомъ, что *была* Болгарія, *были* Болгары и—исчезли, оставивъ однѣ развалины главнаго города. Тамъ, гдѣ кипѣла нѣкогда торговая, промышленная жизнь, воцарилось или безмолвіе пустыни, или жизнь эта уступила мѣсто варварской жизни дикихъ азіатскихъ ордъ. Сдѣланъ былъ большой шагъ назадъ.

Извѣстіе Ибнъ-Фодлана.

Мы однако ввели бы читателя въ заблужденіе, еслибы оставили его въ убѣжденіи, что такъ-таки ровно никакихъ извѣстій о жизни этой до насъ не дошло. Ради этого не безъинтереснымъ полагаемъ привести разсказъ Ибнъ-Фодлана, какъ единственный историческій документъ объ исчезнувшихъ Болгарахъ*). «Когда, говоритъ Ибнъ-Фодланъ, мы были только на разстояніи однѣхъ сутокъ пути отъ царя Славянъ, *Малекъ-эль-Саклабъ*, къ которому ѣхало наше посольство, вышли къ намъ на встрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе вмѣстѣ съ ними; и когда до царскаго жилища оставалось только два фарсанга (восемь верстъ), встрѣтилъ насъ самъ царь. Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ передъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукавѣ, и для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы и остановились. Это было въ Воскресенье, 12 числа, Мухаррема 310 года (11 Мая 922 по Р. Х.). Отъ Харезмскаго города Джорджана (Хивы) досюда было семьдесятъ дней пути. Въ этихъ палаткахъ пробыли мы до Среды, дожидаясь, пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствованія при чтеніи привезенной нами грамоты. Въ Четвергъ приготовили мы два вышитые золотомъ чехла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье и голову ему обернули турбаномъ; я вынулъ грамату халифа, и онъ прочелъ ее стоя. Потомъ онъ прочелъ письмо верховнаго визиря Хамида-ибнъ-эль-Аббаси, также стоя, хотя былъ очень дороденъ. Его вельможи осыпали насъ серебряными

*) Беремъ часть перевода этого извѣстія, помѣщеннаго въ «Энциклоп. Лексик.» Плюшара.

деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю; потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядомъ съ мужемъ. Потомъ царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ его сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. Тотчасъ по повелѣнію царя принесли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ сначала отрѣзалъ отъ мяса одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ же образомъ съѣлъ другой и третій; потомъ отрѣзалъ еще кусокъ, и подалъ его послу нашему Соусену, передъ которымъ тотчасъ послѣ этого поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска; и тогда уже тому, кто получилъ его, подаютъ особый столъ. Послѣ Соусена царь далъ кусокъ мяса одному изъ своихъ подвластныхъ царей, сидѣвшему по правую его руку, и передъ нимъ тоже поставили столикъ; потому другому, третьему, и такъ далѣе, всѣмъ присутствовавшимъ. Такимъ образомъ каждый получилъ особый столикъ и ѣлъ на немъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда мы взяли съ собою домой, что оставалось на нашихъ столикахъ; но прежде, чѣмъ мы ушли, царь велѣлъ подать медоваго вина, которое называется на ихъ языкъ сиджоу (сычовка), пилъ самъ и мы пили.

До нашего прибытія въ хутбѣ поминали царя такимъ образомъ: Господи, дай благоденствіе царю и владавцу, царю Булгара! Я ему замѣтилъ, что только Богъ есть царь, и что никому не позволительно величать себя такъ передъ Богомъ, особенно съ кафедры. Самъ твой верховный начальникъ халифъ, повелитель правовѣрныхъ, сказалъ я ему, велѣлъ, чтобы на всѣхъ кафедрахъ Востока и Запада (Азіи и Африки) поминали его не иначе какъ — «Господи, дай благоденствіе рабу твоему и намѣстнику Джафару, Могучему въ Богѣ (Муктедиръ би'льлахъ), повелителю правовѣрныхъ». Царь спросилъ: «Какъ же надо говорить?» Я отвѣчалъ: «Надо, чтобъ поминали тебя по имени и отчеству». На это онъ возразилъ: «Мой отецъ былъ недо-

вѣрокъ и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тотъ, кто далъ его мнѣ, былъ невѣрный. Какъ зовутъ верховнаго начальника моего, повелителя правовѣрныхъ?» Джафаромъ, отвѣчалъ я. «А можно ли мнѣ называться его именемъ?» спросилъ опять царь. Можно. «Такъ я принимаю для себя имя Джафара, произнесъ царь, а отецъ мой будетъ отсель называться Абдаллахомъ (рабомъ Божіимъ)». И онъ объявилъ объ этомъ хатибу (проповѣднику). Съ этихъ поръ въ хутбѣ стали поминать уже такимъ образомъ: «Господи, дай благоденствіе рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру (повелителю) Булгара и кліенту повелителя правовѣрныхъ».—Въ столицѣ этого царя видѣлъ я такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно.

Въ самую первую ночь, которую мы провели въ этомъ городѣ, примѣтилъ я незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ высоко въ воздухѣ громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и что же вижу: надо мною плаваетъ облако красное, какъ огонь (сѣверное сіяніе), и этотъ шумъ и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ бы люди и лошади, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось. Потомъ явилось другое облако; такое же, какъ первое, и въ немъ то же разсмотрѣлъ я людей, оружіе и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно какъ два отряда конницы нападаютъ другъ на друга, и мы такъ этого испугались, что съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца принялись молиться Богу; туземцы напротивъ стали надъ нами смѣяться, и очень дивились нашему поступку. Мы видѣли, какъ одно облако устремилось на другое: нѣсколько времени были они смѣшаны вмѣстѣ, потомъ опять отдѣлились, и эти движенія продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потомъ спросили царя, что значило это явленіе, онъ отвѣчалъ: «дѣды мои говаривали, что это духи вѣрующіе и невѣрующіе, которые сражаются между собою каждый вечеръ, и что они дѣлаютъ это съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ.

Желая потолковать съ царскимъ портнымъ, который былъ изъ багдадскихъ уроженцевъ, я вошелъ съ нимъ въ

свою палатку. Мы побесѣдовали съ нимъ не болѣе получаса, въ ожиданіи вечерняго призыва на молитву, и, услышавъ пѣніе муэззина на минаретѣ, вышли изъ палатки. Вотъ вмѣсто вечера на востокѣ видна уже заря! Я спросилъ муэззина: къ какой молитвѣ призывалъ ты? «Къ утренней», отвѣчалъ онъ. А что же сдѣлалось съ вечернею? спросилъ я опять. «Мы читаемъ ее вмѣстѣ съ предвечернею». А ночь-то гдѣ же? Какъ видишь; она бываетъ еще короче нынѣшней; теперь начала прибавляться». Тутъ муэззинъ разсказалъ мнѣ, что не спитъ уже цѣлый мѣсяцъ, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь такъ коротка, что если поставить котелъ на огонь во время первой вечерней молитвы, въ немъ ничего еще не успѣетъ свариться, какъ уже надобно звать на утреннюю. Я самъ испыталъ, какъ ужасно дологъ бываетъ тамъ день. Въ одну часть года день бываетъ длиненъ, а ночь коротка; въ другую ночь длинна, а день коротокъ. На вторую ночь нашего пріѣзда я замѣтилъ, что звѣздъ на небѣ было очень немного: какъ казалось мнѣ, звѣздъ до пятнадцати, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Заря, бывающая на западѣ передъ закатомъ солнца, не исчезала вовсе, и ночь была такъ свѣтла, что человѣкъ человѣка могъ узнать въ лице на разстояніи выстрѣла изъ лука. Луна едва успѣетъ появиться на горизонтѣ, какъ тотчасъ и блекнетъ передъ утреннимъ свѣтомъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что за его землею, въ разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути, есть народъ, называемый Вису (Весь), у котораго ночь короче часу. Видѣлъ я еще въ землѣ Булгаровъ, что, когда солнце восходитъ, всѣ горы и низменныя мѣста, и всякій предметъ, на который ни взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно, какъ облако, и краснота его исчезаетъ только когда оно достигнетъ высшихъ областей неба. Туземцы разсказывали мнѣ, что зимою ночь бываетъ такъ же долга, какъ лѣтній день, а день коротокъ какъ лѣтняя ночь, до того что если кому изъ насъ, говорили они, случится идти на разсвѣтѣ къ рѣкѣ, называемой Итилемъ, которая отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ на фарсангъ (четыре версты), то прежде чѣмъ дойдешь, все небо уже покроется звѣздами.

Въ собачьемъ лаѣ Булгары видятъ хорошее предзнаме-

нованіе, и по лаю заключаютъ о томъ, плодороденъ, счастливъ и миренъ ли будетъ годъ. Змѣй видѣлъ я множество; такъ что часто на деревѣ около одной вѣтви ихъ обовьется штукъ до десяти и болѣе. Ихъ не убиваютъ, да и сами онѣ никому вреда не дѣлаютъ. Есть у нихъ одинъ родъ яблоковъ, зеленыхъ и ужасно кислыхъ, которыя ѣдятъ только дѣвушки и оттого толстѣютъ. Но ничего нѣтъ въ Булгаріи столько, какъ орѣховыхъ деревъ; я видалъ ихъ цѣлые лѣса, фарсангъ въ сорокъ. Видѣлъ я также тамъ дерево, которое не знаю какъ назвать (береза): оно вышины необыкновенной, стволъ имѣетъ безлиственный, а вершину какъ у пальмы, и листья мелкіе, но густые. Дерево это прокалываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ на стволѣ, и вытекающую изъ отверзтія жидкость, которая пріятнѣе меду, собираютъ въ сосудъ. Этотъ напитокъ такъ же пьянъ какъ вино, если употреблять его въ большомъ количествѣ.

Пища Булгаровъ состоитъ большею частью изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменю родится очень много. Всякій пользуется вполнѣ произведеніемъ своего посѣва, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платятъ только по бычачьей кожѣ съ дому; сверхъ того царь, если пошлетъ войско грабить какую нибудь землю, получаетъ еще на свою долю часть добычи. Масла нѣтъ никакого, кромѣ рыбьяго жира, который употребляютъ вездѣ, гдѣ другіе употребляютъ оливковое и кунжутное масло. И оттого запахъ ихъ отвратителенъ. Всѣ носятъ шапки. Если царь выѣзжаетъ куда, онъ всегда бываетъ одинъ, безъ служителя и безъ свиты. Когда онъ ѣдетъ мимо рынка, всѣ встаютъ, снимаютъ съ головы шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, и надѣваютъ опять не прежде, какъ онъ проѣдетъ. Такимъ же образомъ и всѣ, кто входитъ къ царю, вельможи и простой народъ, даже собственныя его дѣти и братья, лишь только увидятъ его, тотчасъ снимаютъ шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, кланяются ему въ поясъ (въ подлинникѣ—наклоняютъ головы и присѣдаютъ); потомъ выпрямляются и стоятъ, покуда онъ не велитъ имъ присѣсть. Всякій, кто садится передъ царемъ, дѣлаетъ это, преклоняя колѣна и не показывая своей шапки, которую онъ надѣваетъ только когда выйдетъ изъ царскаго присутствія.

Грозы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, всѣ удаляются оттуда и предоставляютъ строенію разрушаться отъ времени, говоря, что надъ этимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій. Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ: «ему въ-пору служить Богу»; потомъ схватываютъ его, надѣваютъ ему на шею веревку, вѣшаютъ на деревѣ, и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадется по частямъ. Если во время пути кто нибудь станетъ мочиться, не снимая съ себя оружія, у того отнимаютъ оружіе и все, что на немъ есть. Кто въ подобномъ случаѣ сниметъ оружіе и положитъ его въ сторону, того не трогаютъ. Таковъ у нихъ обычай. Мущины и женщины ходятъ купаться въ рѣку и моются вмѣстѣ, нагіе, ничѣмъ не закрываясь другъ отъ друга; но непозволительнаго сообщенія никакого между собою не имѣютъ. Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачиваются въ землю, и топоромъ разсѣкаютъ ему тѣло отъ шеи до бедръ. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ женщиною. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Я очень старался уговорить женщинъ, чтобы онѣ въ баняхъ закрывались отъ мужчинъ, но не успѣлъ въ этомъ. Вора наказываютъ такимъ же образомъ, какъ виновнаго въ прелюбодѣяніи.

Много можно было бы, заключаетъ Ибнъ-Фодланъ, сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничиваемся и тѣмъ, что сказано» А мы съ своей стороны прибавимъ слѣдующее, какъ выводъ изъ другихъ отрывочныхъ извѣстій. Болгары платили подати своему владавцу кожами, т. е. вѣроятно, юфтью, которая до сихъ поръ слыветъ въ Азіи подъ ихъ именемъ, называясь *булгаръ* или *булгари*. Эта отрасль промышленности, кажется, процвѣтала въ землѣ Болгаръ и едвали не отъ нихъ перешла въ наслѣдство къ нынѣшнимъ казанцамъ.

Съ другими искусствами Болгары едвали были основательно знакомы: для постройки напр. первой мечети и городскихъ стѣнъ имъ надлежало выписывать зодчихъ изъ Багдада. Но за то торговля ихъ процвѣтала. Черезъ ихъ землю везлись всѣ товары изъ мусульманскихъ странъ въ

Европу и обратно. Нечего и говорить, что торговою дорогой и жизненной артеріею, обусловливавшею богатство и славу Болгаръ, была Волга, а также Кама. Но кромѣ того, между Болгаромъ, Харезмомъ и Харасаномъ производилась постоянная торговля посредствомъ каравановъ. Предметами торговли были мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, юфть, клинки и «мамонтовые зубы». Зубы эти продавались въ Харасанѣ по высокой цѣнѣ и шли на приготовленіе гребней и другихъ предметовъ.

Наконецъ скажемъ, что Болгары были народъ воинственный. Судя по тому, что они безпрестанно воевали съ Русскими, можно думать, что они умѣли держать покоренные народы въ повиновеніи, а независимыхъ сосѣдей въ почтительномъ отдаленіи. Ко времени начала русской исторіи Болгары, очень вѣроятно, были сильнѣе и искуснѣе въ въ войнѣ сравнительно съ Русскими. Однако еще въ 969 г., какъ сообщаютъ восточные писатели, Русскіе не побоялись подъ предводительствомъ Святослава схватиться съ Болгарами, которые еще задолго до того (913 г.) содѣйствовали истребленію Русскихъ, предпринимавшихъ походъ на южные берега Каспійскаго моря: Болгары были разбиты и даже самый Болгаръ былъ взятъ и разграбленъ. Есть извѣстіе, что и сынъ Святославовъ Владиміръ Св. ходилъ на Болгаръ... но какихъ: Дунайскихъ или Волжскихъ?— вопросъ не рѣшенный. Вѣроятно, замѣчаетъ нашъ историкъ Соловьевъ, на тѣхъ и на другихъ. Во всякомъ случаѣ, подвигъ отца могъ плѣнить сына мыслью покрыть себя тою же славою. И на этотъ разъ Болгары были побѣждены; но, должно быть, побѣда пришлась не дешево: воевода Владиміровъ Добрыня, глядя на плѣнныхъ Болгаръ, призадумался... «суть вси въ сапозѣхъ, сказалъ онъ Владиміру: имъ дани намъ не платить; лучше пойдемъ на лапотниковъ». Это было въ 987 г. Подъ 994 и 997 годами опять упоминаются удачные походы на Болгаръ: въ первый разъ не сказано, на какихъ, а во второй показаны именно Волжскіе. Кстати сказать, что въ 1006 году былъ заключенъ съ Болгарами торговый договоръ. Владиміръ по ихъ просьбѣ позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ и далъ для этого *печати*, ограничивъ однако право торговли городами; ѣздить же съ товарами по селамъ и торго-

вать съ тіунами, вирниками, огнищанами и смердами не было позволено. Русскіе купцы съ печатями отъ посадниковъ своихъ въ свою очередь имѣли свободный доступъ въ Болгарію.

IV.

Буртасы и Чуваши.

Буртасы.

О Буртасахъ еще менѣе извѣстно, нежели о Болгарахъ. Одни не прочь видѣть въ нихъ потомковъ Хозаръ, другіе —Болгаръ. Извѣстный оріенталистъ Сенковскій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ народѣ: Буртасы жили по берегамъ Волги въ нынѣшней Саратовской губерніи. По словамъ многихъ арабскихъ писателей, народъ этотъ обиталъ между Хозарами и Волжскими Болгарами. «Буртасъ, говоритъ Якутъ, есть имя народа, города и земли, лежащей къ сѣверу отъ Земли Хазарской, съ которою она граничитъ. Между этою землею и Хазарскою нѣтъ никакой другой. Буртасы исповѣдуютъ мусульманскую вѣру. Въ городѣ Буртасѣ есть мечеть соборная и мечеть простая. Къ западу (къ сѣверу? вопросительно поправляетъ Сенковскій) отъ него лежитъ городъ Сиваръ, гдѣ также есть двѣ мечети, простая и соборная. Буртасы имѣютъ свой собственный языкъ, отдѣльный и отъ Турецкаго, и отъ Хазарскаго, и отъ Булгарскаго. Истархи пишетъ, что народонаселеніе каждаго изъ этихъ двухъ городовъ не превышаетъ десяти тысячъ душъ. Буртасы строятъ себѣ деревянные дома, но живутъ въ нихъ только зимою: лѣтомъ же расходятся по юртамъ. Отъ Идиля, столицы Хазаровъ, до города Буртаса считается двадцать дней ѣзды (около семисотъ пятидесяти верстъ), и вся длина Буртасской земли (по Волгѣ) составляетъ также около двадцати дней ѣзды.

Отсюда, по мнѣнію Сенковскаго, очевидно, что городъ Буртасъ находился въ окрестностяхъ нынѣшняго Саратова, и протяженіе Буртасской земли должно полагать, при-

близительно, отъ Сарепты до Симбирска. Хаджи-Калфа различаетъ два поколѣнія Буртасовъ: одно, говоритъ онъ, обитало къ сѣверу отъ Хазарской земли, другое кочевало вмѣстѣ съ Турками (Узами). Шукръ-Аллахъ и Мухаммедъ-эль-Мукаси, комментаторы, жившіе первый въ XV, а второй въ XVI вѣкѣ, утверждаютъ, что одно изъ этихъ поколѣній сожигало мертвыхъ, а другое погребало ихъ въ землѣ; что они были въ безпрерывной войнѣ съ Печенѣгами и повиновались государю Хазарскому. По словамъ Ахмеда-Туси, персидскаго писателя XII вѣка, только часть этого народа исповѣдовала Магометанскую вѣру; онъ говоритъ, что Буртасы славились грабежемъ и разбоемъ, и что у нихъ существовалъ странный обрядъ при избраніи царя, извѣстный, впрочемъ, Хазарамъ и нѣкоторымъ турецкимъ поколѣніямъ средней Азіи: избранному сжимали они горло поясомъ и спрашивали, сколько лѣтъ желаетъ онъ царствовать; тотъ обыкновенно сказывалъ такое число годовъ, какое вспадетъ на языкъ во время этой пытки, и если потомъ онъ царствовалъ долѣе, они его убивали. Буртасы, сколько извѣстно, жили въ этихъ мѣстахъ съ IX до половины XIII вѣка. Плано Карпини, который называетъ ихъ Брутаками, и Степенная Книга показываютъ ихъ въ числѣ народовъ, побѣжденныхъ Монголами; Масуди упоминаетъ, что въ 913 году они содѣйствовали къ истребленію Руссовъ, спасавшихся на лѣвый берегъ Волги отъ меча Хазаровъ, *) а Ибнъ-Хаукалъ, что Русскіе разорили ихъ страну въ 989 году **).

Буртасы, кромѣ разбоевъ, занимались также земледѣліемъ, и изъ ихъ земли вывозились чернобурые лисьи мѣха, которые славились по всему мусульманскому Востоку подъ именемъ буртасскихъ и продавались такъ дорого, что одни только цари могли покупать ихъ.

Чуваши.

Почти тотчасъ за восточными предѣлами Нижегородской губерніи по обѣ стороны Волги, по одну—за Ветлугою, по другую—за Сурою, обитаютъ два племени, оди-

*) Это приписывается и Болгарамъ.

**) По другимъ свѣдѣніямъ это—походъ Святослава на Болгаръ.

наково чуждые Русскому народу: съ однимъ изъ нихъ, именно съ Черемисами, которые обитаютъ преимущественно за Волгою, мы уже познакомились. Теперь скажемъ о другомъ племени, о Чувашахъ, живущихъ по сю сторону Волги, т. е. на правой сторонѣ ея. Главная масса Чувашскаго народа сосредоточена въ углу, который образуется нижнимъ теченіемъ Суры и Волгою, отъ Сурскаго устья почти до Свіяги. Другими словами, главное мѣстообитаніе Чувашъ — югозападъ Казанской губерніи и сѣверъ Симбирской. Но затѣмъ значительное количество Чувашъ живетъ болѣе или менѣе разбросанно въ перемежку съ Татарами, Мордвой и Русскими въ Самарской губ. и юговосточной части Казанской.

Число всѣхъ Чувашъ простирается круглою цифрою до 600,000 душъ. Значитъ, ихъ слишкомъ вдвое больше, нежели Черемисъ, но значительно меньше, нежели Мордвы, которой считается до 800,000. На долю Казанской губерніи приходится приблизительно 370,000 Чувашъ; на долю Симбирской — около 120,000 и на долю Самарской — около 80,000.

Наружность и характеръ.

Намѣреваясь обрисовать передъ читателемъ наружность Чувашина и, не полагаясь на одни личныя впечатлѣнія, мы затрудняемся выборомъ болѣе авторитетнаго описанія. Неудобство этого рода имѣетъ однако и нѣкоторую выгоду, такъ какъ даетъ возможность довольно осязательно убѣдиться намъ, что вообще личныя впечатлѣнія—не достаточно вѣскій критерій въ сужденіяхъ о *типѣ*, если сужденія эти не обоснованы на статистическомъ методѣ и пріемахъ изслѣдованія, выработываемыхъ антропологіею.—Вѣроятно, многіе изъ читателей слыхали о запискахъ г-жи Фуксъ о Чувашахъ; записки эти пользовались большою извѣстностью. Довѣряясь имъ, мы можемъ напр. представлять себѣ Чувашина съ очень маленькою бородкой «въ видѣ клочка изъ нѣсколькихъ волосъ»; а довѣряясь академику Миллеру, путешествовавшему по Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія, будемъ воображать Чувашина желтоволосымъ или рыжимъ. Если при этомъ случайно вспомнимъ пушкинскій стихъ:

...Калмыкъ, Башкирецъ безобразный
И *рыжій* Финнъ и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ...

и общія характеристики въ различныхъ этнографическихъ очеркахъ, то намъ, пожалуй, станетъ уже очевиднымъ, что Чуваши народъ Финскаго племени, что это просто varietas Черемисъ или Мордвы. Но если намъ попадется статья Бабста о рѣчной области Волги и тамъ мы прочитаемъ, что у Чувашъ волосы черные, то невольно придемъ въ нѣкоторое смущеніе и зададимся вопросомъ: кто же правъ: Бабстъ или Миллеръ?

Справившись у Палласа, мы найдемъ, что волосы у Чувашъ не рыжіе; но и не черные, а черноватые. Наконецъ въ изслѣдованіяхъ Сбоева найдемъ, въ подтвержденіе словъ Палласа, что у Чувашъ волосы большею частью черноватые, а вмѣстѣ—что борода темнорусая, густая и довольно окладистая, т. е. какъ разъ напротивъ тому, что утверждаетъ г-жа Фуксъ. О рыжихъ Сбоевъ упоминаетъ какъ о чрезвычайно рѣдкихъ субъектахъ, а къ черноватымъ прибавляетъ и черныхъ, т. е. черноволосыхъ.

Послѣ этого если мы обратимъ вниманіе на слова Бабста: «прежде Чуваши, говорятъ, брили голову» и узнаемъ, что прежде же у нихъ допускалось многоженство и наконецъ, что языкъ чувашскій родственъ съ татарскимъ: то, пожалуй, не прочь будемъ уже отказаться отъ пріобщенія Чувашъ къ Финнамъ, и передъ нами блеснетъ вопросъ: ужь не Тюркское ли племя Чуваши? Можетъ быть, и *да*; но къ вопросу этому мы можемъ обратиться не ранѣе, какъ, закончивъ характеристику Чувашъ.

Будемъ держаться преимущественно изслѣдованій Сбоева, отмѣчая однако и разнорѣчія другихъ авторовъ. Лица у Чувашъ смуглыя (Сбоевъ), блѣдныя (Бабстъ) съ выдавшимися скулами; глаза узкіе, цвѣтомъ черные (по Сбоеву) и темносѣрые (по Бабсту); лобъ низкій, ротъ и губы правильные.

Ростъ средній; въ этомъ отношеніи и по крѣпости сложенія Чуваши уступаютъ Черемисамъ. Походку Чувашъ Сбоевъ находитъ тяжелою и неуклюжею, а женщинъ—даже смѣшною, похожею на утиную. Другой авторъ (Лаптевъ), говоря о Чувашахъ, замѣчаетъ, что тѣлосложеніе Чувашина не обнаруживаетъ въ немъ большой физической силы: «большею частью Чуваши небольшого роста, су-

хощавы и апатичны (?); лица ихъ блѣдны, не имѣютъ вовсе живыхъ красокъ, такъ что вообще Чуваши не красивы; между мужчинами еще попадаются недурныя лица; не красивы же собою особенно женщины. Онѣ такъ сложены, что вдругъ не распознаешь женщину: «баба это или мужикъ». Тотъ же авторъ указываетъ и на причины слабой организаціи Чувашъ, видя ихъ: во-1-хъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи возрастовъ мужа и жены; во-2-хъ въ несоразмѣрныхъ трудахъ женщины; въ-3-хъ въ дурномъ жилищѣ и въ-4-хъ въ почти исключительномъ употребленіи мучнистой пищи. Характера Чуваши тихаго; очень услужливы и послушны, говоритъ Бабстъ. То же утверждаетъ и Сбоевъ, прибавляя, что между Чувашами рѣдко бываютъ ссоры. Но, говоритъ онъ, Чувашинъ пьяный и выведенный изъ себя—настоящій звѣрь: онъ готовъ самъ пожертвовать жизнью только для того, чтобы накликать на врага сухую бѣду, и для этого вѣшается на дворѣ своего недруга. Честное слово, скрѣпленное рукобитьемъ *(алабарасъ)* способно замѣнить у нихъ всѣ наши контракты, договоры, заемныя письма и т. п. Впрочемъ, это имѣло мѣсто болѣе до знакомства съ Русскими; теперь уже не то, по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ Чувашъ къ Русскимъ. Объ отношеніяхъ половъ между собою мнѣнія не сходны. Выше, говоря о Черемисахъ, мы имѣли случай помѣтить, что внѣбрачныя связи у молодыхъ людей среди Чувашъ не рѣдки. Миллеръ разсказываетъ, какъ поступаютъ съ невѣстою, не сохранившею дѣвственности до замужества; а Сбоевъ, вступаясь за Чувашъ, говоритъ, что нынѣ совсѣмъ не то, что прежде: теперь всѣ чувашскія дѣвушки, выходящія за-мужъ, безпорочны. Къ хорошимъ качествамъ Чувашъ слѣдуетъ отнести гостепріимство. «Чувашенинъ, говоритъ Сбоевъ, отлично гостепріименъ для всѣхъ, кто не выше его». Еще лучшую репутацію Чувашинъ составилъ себѣ, какъ отличный работникъ—земледѣлецъ, пчеловодъ. Словомъ, какъ семьянина и хозяина его можно поставить выше, даже по Сбоеву «далеко выше», Русскаго: у Чувашъ, которые нерѣдко покупаютъ навозъ у Русскихъ, хлѣбъ родится лучше, нежели у Русскихъ; къ половинѣ Сентября хлѣбъ у нихъ уже своженъ съ полей на гумна, а въ Ноябрѣ самый послѣдній, самый лѣнивый

Чувашинъ кончаетъ молотьбу; весь хлѣбъ убранъ уже въ амбары. «Лѣность и медленность русскихъ крестьянъ и Татаръ въ уборкѣ хлѣба. гов. Сбоевъ, и рьяная въ этомъ отношеніи дѣятельность Чувашъ составляютъ ихъ общія относительныя характеристичныя свойства; «по нимъ» вы легко отличите чувашское жилье отъ русскаго и татарскаго: стоитъ только взглянуть на гумна: если въ исходѣ Ноября и Декабря вы не замѣтите на гумнахъ ни одной хлѣбной копны, а только увидите на верхушкѣ овина необмолоченный снопъ, то смѣло заключайте, что это селеніе чувашское, а не татарское и не русское». Къ слову: у Чувашъ съ незапамятныхъ временъ ведется обычай, окончивъ молотьбу, оставлять на верхушкахъ овиновъ по одному необмолоченному снопу. Это—жертва птицамъ небеснымъ и вмѣстѣ знакъ, что хозяинъ гумна кончилъ наконецъ свои тяжкія работы. А если на гумнахъ вы увидите копны немолоченнаго хлѣба — можете не сомнѣваться, что въ селеніи живутъ либо Русскіе, либо Татары. Какъ на невыгодныя для репутаціи Чувашъ черты, указываютъ на страсть къ пьянству и конокрадству. Едвали не болѣе интересную, особенно для насъ Русскихъ, сторону въ характеристикѣ инородцевъ составляютъ умственныя способности послѣднихъ, такъ какъ въ нихъ лежитъ залогъ къ преуспѣянію формирующагося здѣсь Русскаго народа на поприщѣ цивилизаціи, гдѣ онъ до сихъ поръ стоитъ еще далеко позади народовъ Западной Европы. Есть однако основанія думать, что послѣднее обстоятельство обусловлено не недостаткомъ, или по крайней мѣрѣ, далеко не столько недостаткомъ врожденныхъ способностей, сколько долговременнымъ и тяжелымъ гнетомъ со стороны Татаръ и времени московскаго правленія. Чуваши—народъ не развитый, безграмотный, но далеко не безъ способностей къ развитію. Впрочемъ, мы и тутъ можемъ натолкнуться на разнорѣчивыя мнѣнія. Такъ, по мнѣнію Георги, Чуваши умомъ тупѣе Черемисъ. Миллеръ о нихъ (равно о Черемисахъ и Вотякахъ) отзывается какъ о тупоумныхъ, и вмѣстѣ какъ о крайнихъ невѣжахъ, ворахъ, разбойникахъ и пьяницахъ, склонныхъ къ порокамъ. Но послѣдній приговоръ такъ суровъ и не согласуется съ общимъ мнѣніемъ о нравственности нашихъ инородцевъ,

что можно заподозрить Миллера въ пристрастіи. Сбоевъ по поводу отзыва Георги возражаетъ рѣшительно: «Это неправда, говоритъ онъ: Луговые Черемисы грубѣе Чувашъ и ниже ихъ въ нравственномъ отношеніи. Горные крѣпче, виднѣе, развязнѣе своихъ луговыхъ единоплеменниковъ, но не выше Чувашъ въ умственномъ отношеніи». Глубокое легковѣріе и безсмысленная простота, дававшая поводы къ разнымъ насмѣшкамъ надъ Чувашами со стороны Русскихъ, теперь уже болѣе преданіе, нежели дѣйствительность. Наученный прежними многочисленными опытами, Чувашинъ теперь постоянно на сторожѣ и внимательно относится ко всему, что могло бы ввести его въ обманъ или сдѣлать предметомъ насмѣшекъ. Въ наблюдательности Чуваши смѣло, кажется, могутъ поспорить съ русскими крестьянами, которые сами признаютъ за Чувашами превосходство въ узнаваніи напр. погоды по такимъ признакамъ, которые совершенно ускользаютъ отъ вниманія Русскихъ.

Часто сбывающіяся предсказанія Чувашъ приводятъ Русскихъ въ удивленіе, и чуть ли они не приписываютъ Чувашамъ особый въ этомъ случаѣ сверхъестественный даръ. Сбоевъ былъ самъ пораженъ умѣньемъ (или, какъ онъ говоритъ, способностью) Чувашъ узнавать погоду. «Нѣсколько разъ, говоритъ онъ, я пытался повѣрять эту способность и спрашивалъ, каковъ завтра будетъ день? Михилка (имя одного Чувашина) посмотритъ на небо, на лѣсъ, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ и отвѣтитъ: «завтра будетъ небольшой дождь съ утра до обѣденной поры» и т. п. Къ удивленію моему эти предсказанія каждый разъ исполнялись съ совершенной точностью. (?!) Но Чуваши не находили въ этомъ ничего удивительнаго: «онъ узналъ это отъ матери; у него мать была йомзя» (колдунья), говорили они, полагая, что въ этихъ словахъ заключается самое удовлетворительное разрѣшеніе дѣла».

Составитель чувашскаго словаря г. Золотницкій свидѣтельствуетъ, что русскіе простолюдины съ большимъ довѣріемъ относятся къ знахарству чувашскихъ йомзей; бывали примѣры, что они (т. е. русскіе простолюдины) въ случаяхъ бездождія предпочитали христіанскому молеб-

ствію обращеніе къ чувашскимъ йомзямъ, не сомнѣваясь, что Чуваши «на это *доки*—умѣютъ, какъ и чѣмъ что нужно вымолить».

Даже то обстоятельство, что Чувашинъ не прочь ставить цѣлью надуть Русскаго изъ одного эстетическаго наслажденія надуть» говоритъ за бодрость и активность чувашскаго ума. Умъ этотъ сказывается и тогда, когда Чувашину доводится быть на допросѣ: здѣсь онъ «необыкновенно увертливо» сбиваетъ съ толку слѣдователя, то прикидываясь не понимающимъ, то отвѣчая на одну половину вопроса, какъ бы не слыша другой, или необыкновенно много распространяясь по поводу послѣдней, чтобы заставить забыть о первой и т. п. Наконецъ въ дѣлѣ усвоенія знаній, даваемыхъ школою, чувашскія дѣти, какъ намъ доводилось слышать, обнаруживаютъ бойкія способности. А Сбоевъ говоритъ по этому поводу, что «чувашлята, какъ и русскіе мальчики, принимаются за книгу» хотя «не охотно, но за то чуть ли не скорѣе русскихъ привыкаютъ къ ней. Черезъ годъ они пріучаются бѣгло читать и свободно объясняться по-русски».

Если мы теперь обратимся къ другимъ сторонамъ съ которыхъ Чуваши обрисуются передъ нами полнѣе, если ознакомимся (хотя и кратко) съ образомъ жизни, съ постройкою жилищъ, обычаями, реллигіею, то еще разъ будемъ не прочь отъ того, чтобы сблизить Чувашъ съ Черемисами или съ Мордвою и снова натолкнемся на вопросъ: какому же племени принадлежатъ Чуваши? Замѣчательно, что Лепехинъ, путешествовавшій въ поволжскихъ мѣстностяхъ въ 1768 году, нашелъ Чувашъ и Мордву на столько схожими между собою, что описалъ ихъ вмѣстѣ, такъ что нѣтъ возможности отличить, что у него относится къ Мордвѣ и что къ Чувашамъ. Нельзя ли поэтому ограничиться указаніемъ на такой фактъ и не распространяться объ образѣ жизни и религіи Чувашъ? Полагаемъ, что нѣтъ: во-первыхъ мы увидимъ, что въ то время какъ Лепехинъ сближаетъ Чувашъ съ Мордвою, другіе роднятъ ихъ съ Черемисами, а третьи съ Татарами. Во-вторыхъ намъ кажется, что въ вопросѣ объ историческомъ прошломъ Чувашъ, о принадлежности ихъ тому или другому племени, читателю пріятнѣе будетъ видѣть себя хотя бы въ нѣко-

Чувашскія деревни и избы.

торой возможности судить самостоятельно, если онъ будетъ ознакомленъ съ собственно чувашскими обычаями и религіею, нежели когда бы мы вольно или невольно склонили передъ нимъ вѣсы на сторону того или другого рѣшенія означеннаго вопроса категорическою ссылкою на чей либо авторитетъ. Поэтому мы рѣшаемся удѣлить Чувашамъ не меньшее вниманіе, нежели Черемисамъ или Мордвѣ. Начнемъ съ жилища. «Чувашскіе деревни и дворы, говоритъ Бабстъ, имѣютъ такое же устройство, какъ и черемисскіе: живутъ Чуваши тоже маленькими деревушками, изъ которыхъ составляется община; точно также расположены деревушки по ручьямъ и вершинамъ и окружены рощицами изъ прекраснѣйшихъ деревъ». «Безпорядочная постройка чувашскихъ селъ и деревень вошла у русскихъ людей въ пословицу» (Сбоевъ). Однако все таки можно замѣтить, что чувашскія селенія не такъ разбросаны, какъ черемисскія: они представляютъ собою нѣсколько болѣе или менѣе сближенныхъ группъ домовъ; но, затѣмъ —опять какъ и у Черемисъ—дома эти расположены, по выраженію Сбоева, «Аллахъ вѣдаетъ, по какому плану..., улицъ тутъ нѣтъ; есть только между дворами проѣзды, прихотливо извивающіеся и болѣе или менѣе тѣсные. Въ нихъ очень легко можно заблудиться, заѣхать во дворъ, принимая его за улицу, потомъ въ другой, третій и т. д., пока не уткнетесь носомъ въ какой нибудь гуменный заборъ». Здѣсь Сбоевъ прибавляетъ, что «ученые антикваріи и археологи, не только русскіе, но даже чувашскіе, объясняютъ эту безпорядочность постройки предположеніемъ, что Чуваши въ этомъ случаѣ подражали Татарамъ». Но самъ онъ полагаетъ, что безпорядочность построекъ есть простое и весьма естественное слѣдствіе родоваго быта». Глава семейства обыкновенно селился на избранномъ имъ или отведенномъ ему мѣстѣ и загораживалъ себѣ подъ домъ довольно обширное пространство. Семейство его множилось; дѣти его обзаводились своими семействами и строили себѣ домы въ той же загородкѣ, въ которой такимъ образомъ являлось по нѣскольку избъ, а родоначальникъ жилъ въ кругу своей семьи, составляя центръ этого круга. Если два брата—родоначальника устраивались такимъ образомъ, то мало-по-малу предѣлы ихъ по-

Чуваши.

селеній сближались между собою, сливались въ одно; еще долго каждый изъ нихъ носилъ свое названіе, по большей части происходившее отъ имени родоначальника, пока наконецъ, то или другое съ теченіемъ времени не забывалось или, что всего чаще случалось, пока оба названія не дѣлались безразличными. Между тѣмъ съ увеличеніемъ этихъ селеній и по мѣрѣ ослабленія родственныхъ связей между ея жителями, открывалась потребность колонизаціи, потребность выселиться изъ завѣтной дѣдовской или прадѣдовской загородки. Отдѣлявшіеся отъ метрополій селились либо рядомъ съ нею, либо въ значительномъ отдаленіи отъ нея. Въ первомъ случаѣ селенія ихъ носили названія околотковъ (сирмы *), напр., Иръ-сирмы, Оба-сирмы, Цаба-сирмы и проч.; въ послѣднемъ случаѣ они получали названіе отъ имени родоначальника, т. е. главы выселявшихся семействъ, либо отъ какихъ нибудь особенностей заселенной мѣстности съ прибавленіемъ словъ *ялъ* или *кассы*; напр., *Гаранъ-ялъ, Ибрай-ялъ*, т. е. Гаврилова, Абрамова деревня; *Анашкассы* — Верхняя д., *Хоракассы* — Черная д., *Анишкассы*, по имени рѣки Аниша, *Вурманкассы* — лѣсная деревня. Эти выселки, или колоніи, сначала были, конечно, не многолюдны; дома новой колоніи были населены членами одной семьи, людьми близкими другъ къ другу по крови; но съ теченіемъ времени поселки распространялись и увеличивались, такъ что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь считается до 200 домовъ. Помѣтимъ здѣсь кстати еще одну характерную черту чувашскихъ и черемисскихъ селеній: въ нихъ нѣтъ (или почти никогда нѣтъ) колодцевъ.

«Избы чувашскія обыкновенно строятся дверью на востокъ, куда Чуваши въ язычествѣ обращались съ молитвами къ богамъ. Сѣней у нихъ не бываетъ; вмѣсто нихъ по правую сторону отъ двери устраивается чуланчикъ, называемый *булдырь*. На лѣвой сторонѣ Чуваши прилѣпляли къ нему во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній восковыя свѣчи. Войдя въ избу чувашскую, вы увидите тянущіяся по южной и западной ея части *саганэ*, — широкія нары съ подпольемъ. Эти саганэ—

*) *Сирмы* значитъ оврагъ.

очень длинныя, почти въ ростъ человѣческій, служатъ и лавками и ложемъ для всего семейства. На сѣверной сторонѣ избы обыкновенно находится битая изъ глины печь (кумагга), съ выдавшимся, значительно углубленнымъ очагомъ, на которомъ варится *яшка*. На той же сторонѣ дѣлается волоковое окно для выпуска дыма. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кивота съ иконою, вырубается иногда большое окно, заставляемое рамою; мѣсто стеколъ въ немъ весьма часто замѣняетъ коровій пузырь. Избы бѣдныхъ Чувашъ топятся по черному; ежедневно два раза—утромъ и вечеромъ — онѣ бываютъ наполнены дымомъ. И вотъ, между прочимъ, причина, почему многіе Чуваши преждевременно слабѣютъ зрѣніемъ» *).

Занятія. Пища. Одежда.

Занятія Чувашъ, какъ мы уже и видѣли, состоятъ въ земледѣліи и пчеловодствѣ. Но кромѣ того они занимаются приготовленіемъ мочалъ, тканьемъ кулей, рогожъ; многіе изъ Чувашъ ведутъ значительную торговлю (преимущественно хлѣбомъ); на своихъ многочисленныхъ базарахъ они успѣли даже уничтожить монополію Русскихъ. Охота также составляетъ одно изъ любимыхъ занятій Чувашъ. Особенно въ прежнее время—охота на медвѣдей, волковъ и лисицъ была главнѣйшимъ промысломъ Чувашъ и единственнымъ занятіемъ въ зимнее время.

Дома у Чувашина можно найдти множество куръ; яйца служатъ значительной отраслью сбыта; милліоны ихъ отправляются вверхъ по Волгѣ и идутъ до самаго Петербурга. (Припомнимъ *Козловку*, которая слыветъ яичной пристанью и отправляетъ яицъ на сумму до 15,000 р.).

По связи съ главнымъ занятіемъ Чувашъ—земледѣліемъ, упомянемъ, что Чуваши такъ же, какъ Черемисы и Русскіе, пользуются землею на началахъ общиннаго владѣнія; только передѣлы у нихъ бываютъ рѣдко, именно отъ ревизіи до ревизіи **).

Главную и любимую пищу Чувашъ въ прежнее время составляло лошадиное мясо. Некрещеные Чуваши и теперь, впрочемъ, до него большіе охотники; да и крещеные въ недавнее еще время не прочь были лакомиться имъ потихоньку, чтобы не провѣдалъ только священникъ. Сви-

*) Сбоевъ «Изслѣдованія» 22 с.
**) *Сбоевъ.* «Изслѣдованія» 44.

ней Чуваши сначала не держали и брезгивали свининой; но теперь уже ни одинъ чувашинъ не гнушается свининою. Въ прежнемъ отношеніи ихъ къ этому мясу видятъ подражаніе Татарамъ. Но за то уже вопреки татарскому обычаю Чуваши ѣли кровь; «закалая скотину, особенно жертвенную, они сцѣживали изъ нея кровь весьма бережно и варили ее, смѣшавъ съ жиромъ и крупою, въ сычугѣ убитой скотины. Кушанье это, сколько я могу припомнить, говоритъ Сбоевъ, называлось толдармыжъ, и было очень вкусно — для голоднаго. Иногда на крови жертвенной Чуваши мѣсили тѣсто и пекли изъ него лепешки, называемыя *юсманъ*. Отъ жертвенныхъ же кушаній ведетъ свое начало и ширтанъ, родъ колбасы. Вотъ какъ его готовили: разрѣзавъ остатки жертвеннаго мяса на мелкія части, посоливъ и изжаривъ ихъ, начиняли ими бараньи кишки, прокапчивали ихъ, и когда нужно было подавать на столъ, то снова поджаривали въ маслѣ. Ширтаномъ подчивали Чуваши только закадычныхъ друзей,—*досовъ*. Толдармыжъ и юсманъ нынѣ вышли изъ употребленія; но ширтанъ готовятъ Чуваши и теперь; только, разумѣется, не изъ жертвеннаго мяса. Многіе и изъ Русскихъ, даже изъ чиновниковъ, большіе охотники до чувашскаго ширтана».

Георги утверждаетъ, что некрещеные Чуваши употребляютъ въ пищу всѣхъ хищныхъ звѣрей, птицъ, даже падаль. Сбоевъ отвергаетъ, чтобы Чуваши ѣли *всѣхъ* (всякихъ) звѣрей, а тѣмъ болѣе падаль; однако признаетъ, что медвѣжье и лисье мясо считалось Чувашами лакомымъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что въ прежнее время Чуваши — какъ мы это видѣли и на Русскихъ—въ большомъ количествѣ употребляли разнообразную мясную пищу, замѣненную теперь по преимуществу хлѣбною, въ которой видную роль играетъ *салма*. Салма — кушанье вродѣ лапши: дѣлается прѣсное тѣсто; изъ него крошатся кусочки кубической формы и варятся въ водѣ съ кислою капустою или въ молокѣ.

Одежда... Лепехинъ находитъ ее сходною съ мордовскою; а Бабстъ говоритъ, что у Чувашъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ—одежда схожа съ черемисскою съ немногими развѣ уклоненіями. На взглядъ г-жи Фуксъ путе-

шественнику никакъ невозможно вдругъ отличить Чувашина и Черемисина по наружности и костюму, будь то мужчина или женщина. Миллеръ тоже почти не находитъ разницы между Чувашами и Черемисами. Но Сбоевъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой горячности (правда, шутливой) возражаетъ: «помилуйте: отчего же невозможно отличить Чувашина отъ Черемисина? У Чувашина кафтанъ (сукманъ) всегда сѣрый, а онучи черныя; у Черемисина кафтанъ бѣлый, да еще съ откиднымъ воротникомъ и онучи также бѣлыя». И тѣмъ, по нашему мнѣнію, только подтверждаетъ сходство, на которое указываютъ вышеназванные авторы, такъ какъ указанная разница, еслибъ только ею и ограничивались всѣ отличія, — очень не существенна *).

Мы не будемъ входить въ подробное описаніе головнаго убора Чувашекъ, называемаго *сарпаномъ* (покрывало изъ бѣлаго полотна), сверхъ котораго надѣвается *хошпу;* о послѣднемъ достаточно сказать, что оно напоминаетъ своимъ видомъ монгольскій шлемъ и украшено бисеромъ, бусами, монетами и разными вышивками. Дѣвичій головной уборъ, похожій на хошпу, называется *тохья*; какъ и хошпу, тохья украшена бисеромъ и серебряными монетами. Иногда дѣвушки обвертываютъ тохью бѣлымъ полотномъ, вышитые концы котораго выпускаютъ въ обѣ стороны; этотъ уборъ называется *чалма.* Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такія же чалмы, только безъ тохьи, носятъ и женщины. Сказанное однако относится къ некрещенымъ Чувашамъ; у крещеныхъ же дѣвушки не носятъ на головѣ ничего, а женщины надѣваютъ повязку — *масмакъ*, поверхъ которой на самый лобъ надѣвается *хошпу*, имѣющее видъ простой діадемы, унизанной въ 4 ряда мелкими монетами такъ, что верхній рядъ составленъ изъ пятачковъ, слѣдующій подъ нимъ — изъ гривенниковъ, еще ниже — изъ пятіалтынныхъ и наконецъ послѣдній — изъ двугривенныхъ.

Вотъ этотъ-то головной уборъ дѣйствительно отличается

*) Тѣмъ болѣе, что, согласно описанію Филимонова, Черемисы «на ноги навертываютъ не только черныя онучи, но и бѣлыя; а г. Золотницкій говоритъ, что лѣтомъ Чуваши носятъ «*бѣлый* холщевый кафтанъ», который, какъ у нихъ такъ и у Черемисъ, называется однимъ и тѣмъ же словомъ *шобырь*.

отъ головнаго убора Черемисокъ, хотя опять таки у последнихъ такъ же есть *нашмакъ* и *шарпанъ*; ихъ не признаютъ за національно-черемисскія, а видятъ въ нихъ заимствованіе у Чувашъ. Но еслибы мы затѣмъ обратились къ сравненію чувашскаго головнаго убора съ татарскимъ, то нашли бы еще меньшее сходство. «У татарокъ нѣтъ ничего подобнаго *хошпу*; дѣвушки вмѣсто *тохъи* носятъ шелковые и шерстяные колпачки съ бахромою и галунами, а замужнія—мѣховыя шапочки, тюрбаны, платки и шали».

Здѣсь не безъинтересно обратить вниманіе на то, что чувашское названіе *сарпанъ* или *сорбанъ* и черемисское *шарпанъ* производятъ отъ персидскаго *сер*—голова, *серапа* или *сарапай* — съ головы до ногъ; въ Бухарѣ такъ-называется полный комплектъ платья, а въ Персіи—почетное платье. Отъ этого слова происходитъ и русское *сарафанъ*. Такимъ образомъ черемисское шарпанъ — не большее заимствованіе, какъ и русское сарафанъ, и притомъ, быть можетъ, столько же заимствованіе отъ Чувашъ, сколько и *не* отъ Чувашъ, у которыхъ это слово не свое.

Обратимся къ чувашской религіи. Изслѣдователи и тутъ не совсѣмъ сходятся во мнѣніяхъ. Лепехинъ, если не касается вопроса о происхожденіе чувашской религіи, то, знакомя съ нею за одно съ религіею Мордвы, тѣмъ самымъ роднитъ ее съ религіею *финскихъ* племенъ. Впрочемъ, въ одномъ частномъ случаѣ онъ замѣчаетъ: «уповательно, что сіе поклоненіе (т. е. стояніе на колѣняхъ и троекратное паденіе ницъ) взято у Татаръ», т. е. уже въ позднѣйшее время, какъ и «участныя богомолія», которыя, по его же словамъ, «ввелися у нихъ (Мордвы и Чувашъ) въ то время, когда они болѣе стали быть знакомы съ Россіянами и переняли у нихъ такъ-называемые годовые праздники». Религія Чуваш 1

Сбоевъ находитъ, что въ культѣ Чувашъ «нельзя не различить» два, такъ сказать, слоя, изъ которыхъ первый, предшествовавшій по времени второму, обнаруживаетъ такую форму религіи, которая можетъ принадлежать народу образованному; позднѣйшій же слой—«наносный», грубъ и «образовался отъ постепеннаго погруженія массы народа въ невѣжество и грубость. «*Болѣе чѣмъ вѣроятно*», что у Чувашъ *первоначально* господствовалъ чистый дуализмъ, заимствованный либо отъ послѣдователей

зороастровой религіи, либо отъ сосѣднихъ нѣкогда Чувашамъ Хозаръ. Дуализмъ этотъ состоялъ въ поклоненіи *Торѣ* и *Шайтану*. Тора былъ богъ добра и свѣта; мѣсто жительства его—высочайшая область свѣта. *Шайтанъ* — богъ зла и мрака; мѣстопребываніе его — въ безднѣ, въ хаосѣ... Шайтанъ есть слово, извѣстное всѣмъ семитическимъ племенамъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свой корень въ еврейско-финикійскомъ *шатанъ* (противиться), откуда вышелъ и намъ извѣстный *сатана*». Затѣмъ, по мнѣнію того же автора, у Чувашъ нѣтъ ничего похожаго на фетишизмъ, и даже едвали можно предполагать, чтобы они первоначально обоготворяли однѣ силы природы. Божества, представители этихъ силъ, входили въ ихъ религіозное ученіе по мѣрѣ того, какъ Чуваши дѣлались грубѣе и дичѣе, т. е. совершали регрессивное движеніе отъ той сравнительно высокой степени развитія, на которой они стояли прежде. Итакъ, по мнѣнію Сбоева, было время, когда Чуваши представляли собою народъ высшей культуры, нежели теперь.

Выраженія Сбоева: «нельзя не различить», «болѣе, чѣмъ вѣроятно», «нѣтъ ничего похожаго» склоняютъ читателя къ убѣжденію, что выясненное авторомъ пониманіе чувашской религіи не есть гипотеза, что пониманіе это несомнѣнно, что его можно считать за окончательно научно-установленное положеніе.

Между тѣмъ Риттихъ, который, между прочимъ, положительно считаетъ религію Чувашъ происшедшей отъ зороастровой, находитъ толкованіе Сбоева *не вѣрнымъ!*

Тора былъ богъ добра и свѣта: «это недостаточно убѣждаетъ въ чистотѣ первоначальнаго дуализма; черемисская религія также будетъ выраженіемъ чистаго дуализма, потому что и тамъ Юмо есть богъ добра и свѣта. Не естественнѣе ли будетъ придать первоначальному Торѣ просто значеніе неба въ соединеніи даже съ понятіемъ о тучахъ, облакахъ и громѣ, какъ это дѣлаютъ по отношенію къ Юмо? Подобно тому, какъ у многихъ финскихъ народовъ корнемъ словъ: *юмо*, *юма*, *юбмелъ*, *иммелъ*, *нумъ*, *ѣнъ*, *юмала* выражается понятіе о небѣ,—и у другихъ народовъ древнее значеніе словъ: *тегри тенгре*, *тангара*, съ которыми сближается и *тора*, есть небо.

Писатели нашего времени рѣшительно отрицаютъ тожество или даже сходство между чувашскимъ *Тора* и норманскимъ Торъ; но сближаютъ съ тюрко-монгольскими: Торе, Тангара, Тэнгри и усматриваютъ сходство съ китайскимъ *thiän* — небо. Но въ такомъ случаѣ и черемисское *тюня*—небо еще болѣе созвучно съ китайскимъ thiän, нежели Тора или Тангара. Едвали однако слѣдуетъ отсюда, что черемисская религія происходитъ также отъ религій тюрко-монгольскихъ племенъ. Русское слово *богъ* тоже, пожалуй, не русское, а тюрское съ значеніемъ главы, господина и предводителя; можно наконецъ роднить финское юмо, нумо, съ латинскимъ *numen* и русское *небо* съ латинскимъ же *nimbus*; латинское *deus* съ славянскимъ *дивъ*, съ греческимъ *theos*, а въ греческомъ theos усматривать корневое созвучіе съ китайскимъ thiän; но едвали отсюда возможно находить зависимость одной религіи отъ другой. Можно только при помощи сближенія понятій о небѣ, тучѣ, главенствѣ, могуществѣ или богатствѣ, а также и безъ помощи ихъ, находить то естественное соотношеніе между множествомъ первобытныхъ религій, что во всѣхъ понятіе о небѣ оказывалось понятіемъ чего то прекраснаго, возвышеннаго, непостижимаго, далекаго, понятіемъ объ области, которую вначалѣ можно было *почитать* непосредственно, а потомъ черезъ посредство живущаго тамъ божества.

«Въ предѣлахъ обширной Азіи, говоритъ Филимоновъ, едвали былъ одинъ языческій народъ, который, сколь ни мало мы знаемъ о его религіи, не почиталъ бы неба и его существа божественнымъ. И не только въ Азіи этотъ культъ былъ господствующимъ, но *всѣ дикіе народы* всегда были поклонниками природы и изливали свое благоговѣніе передъ всѣмъ пространствомъ небесъ». Затѣмъ оказывается, что Финнъ, Самоѣдъ, Якутъ, Остякъ, и многіе Татары Южной Сибири нѣкогда знали небо только какъ матеріальное, видимое небо, *потомъ* признали *его* за божество. Съ другой стороны, еще въ очень давнія времена Финны чтили *высшаго* бога небеснаго, который управлялъ и облаками и тучами; ему повиновались бури, тепло и стужа, громъ и молнія. Поэтому понятіе о высшемъ божествѣ къ Чувашамъ такъ же могло перейти отъ тюркскихъ наро-

довъ, какъ и отъ финскихъ; а еще лучше сказать, оно могло въ нихъ храниться съ глубокой древности одновременно съ такимъ же понятіемъ у множества различныхъ народовъ, принадлежащихъ разнымъ племенамъ. Названіе божества — Тора могло быть заимствовано у тюркскихъ народовъ. Но названіе и понятіе не необходимо одновременны въ своемъ происхожденіи.

Здѣсь кстати прибавить, что у Черемисъ мы находимъ одно изъ божествъ съ именемъ Кіаматъ — *Торя*; а у Вогуловъ, народа *финскаго* племени, и небо и богъ называются *Тоормъ*, и наконецъ у Остяковъ, народа также финскаго племени, — *Торымъ*.

Что касается *Шайтана*, то этотъ злой духъ не можетъ быть противополагаемъ Торѣ, какъ могучее злое начало. Чтобы справиться съ Шайтаномъ нѣтъ даже надобности обращаться къ йомзямъ: Чуваши сами выгоняютъ его (въ Среду и Субботу Страстной недѣли) изъ деревни, вооружившись *рябиновыми* палками. Пусть Шайтанъ представляетъ заимствованіе отъ тюркскихъ народовъ; но вспомнимъ, что онъ же есть и у Черемисъ. Затѣмъ обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что у Чувашъ, какъ и у Черемисъ и Мордвы, есть гораздо болѣе могущій злой духъ, даже называемой одинаково — *Кереметь* *), а также *Ирзамъ*. Тѣмъ же именемъ называется и священное мѣсто, гдѣ приносились жертвы и возносились молитвы злымъ духамъ, каковы главнымъ образомъ: Кереметь-отецъ, Кереметь-мать, ихъ дѣти, а затѣмъ прочіе злые духи, которыхъ у Чувашъ, какъ и у Черемисъ, великое множество. «Кереметь, говоритъ Сбоевъ, есть *высшее* злое существо, первенствующее въ царствѣ злыхъ боговъ»; тутъ же онъ прибавляетъ, что слово *кереметь* происходитъ «вѣроятно отъ арабскаго *гюреметъ*, означающаго все неприкосновенное, священное» **) и что «почитаніе Кереметя, вѣроятно, уже отъ Чувашъ перешло къ Черемисамъ, Вотякамъ и нѣ-

*) Въ корневомъ Чувашско-русскомъ словарѣ Н. И. Золотницкаго пишется не Кереметь, а Киреметь.

**) То же сближеніе дѣлаетъ и г. Золотницкій въ своемъ словарѣ. Можетъ быть, читателю не безъинтересно будетъ знать съ другой стороны, что у Чувашъ есть слово *киревзер*, а у Черемисъ *кирасыр* съ значеніемъ *злой, неприступный*. Кромѣ того у Черемисъ есть слово *керем* — веревка и даже по связи съ этимъ значеніемъ — сказаніе о происхожденіи Кереметя, сказаніе, впрочемъ, поздняго происхожденія.

которымъ другимъ финскимъ племенамъ». Помимо различенія Кереметей по ихъ родству, Чуваши различаютъ поименно еще многихъ другихъ Кереметей, каждому изъ которыхъ приносятся особыя жертвы. Самый свирѣпый изъ нихъ Хаяръ-Кереметь; онъ готовъ поразить всякаго, кто попадется ему. Ужасъ, внушаемый Хаяръ - Кереметемъ, такъ великъ, что очень немногіе дерзаютъ предстать передъ нимъ для заклинанія и призванія бѣдствій на своихъ враговъ. А ужъ если кто и рѣшится на это, тотъ долженъ напередъ быть готовъ выдержать сильное душевное потрясеніе.

Вотъ картина молившагося Хаяръ-Кереметю одного Чувашина: на Чувашинѣ, разсказываетъ Сбоевъ, лица не было, когда онъ въ видимомъ волненіи торопливо пробирался въ глубь лѣса. Это былъ не простой чувашинъ, а *вобурз* (такъ-называется тотъ, кто по мнѣнію Чувашъ скрадываетъ и съѣдаетъ мѣсяцъ). Можно было подумать, не хочетъ ли Чувашинъ совершить самоубійство. Но нѣтъ: вотъ онъ вышелъ на одну полянку; сбросилъ шляпу, грянулся оземь и шепчетъ какую то молитву. Потомъ всталъ. Скинулъ рукавицы, распоясался, разулся, снялъ кафтанъ, наконецъ рубашку. Совершенно нагой, онъ нѣсколько времени стоялъ и что-то шепталъ, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головой. Но вотъ вдругъ онъ завылъ дикимъ пронзительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ (онъ обращался къ самому Хаяръ-Кереметю): *Хаяр-Кереметь! озал-Кереметь!* взывалъ онъ: *маныи сумах ильделе! чазрах тыд она виляр она»!* т. е.: злой Кереметь, лихой Кереметь! услышь мою молитву: немедленно излови, умертви его.—Чувашинъ былъ въ экстазѣ: онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; все существо его было проникнуто сознаніемъ близости ужаснаго Кереметя и общенія съ нимъ; Чувашинъ рвалъ на себѣ волосы, валялся по землѣ, руками и зубами рылъ землю, судорожно корчилъ руки и ноги, скрежеталъ зубами; глаза его сверкали, налитые кровью; у рта была пѣна; тѣло исцарапано до крови, покрыто пылью и грязью.—Окончивъ заклинанія, Чувашинъ всталъ, пошепталъ, поклонился въ поясъ на востокъ, обулся, сталъ одѣваться; но, надѣвъ одну рубашку, —какъ бы подъ вліяніемъ необычайнаго страха—поспѣш-

но захватилъ въ охапку остальную одежду и стремглавъ бросился изъ лѣсу.

Вотъ каковъ Чувашинъ, молящійся злому Кереметю и вотъ каковъ Кереметь!

Всѣхъ злыхъ боговъ у Чувашъ такъ много, «что нельзя и перечислить ихъ именъ». «Каждая чувашская деревня кромѣ общихъ злыхъ духовъ признаетъ еще свои мѣстныя злыя божества», которыхъ и подавно невозможно переименовать, тѣмъ болѣе, что «число ихъ у некрещеныхъ, а отчасти и у нѣкоторыхъ крещеныхъ Чувашъ, и теперь еще постоянно продолжаетъ увеличиваться» *). Мы съ своей стороны и подавно не будемъ вдаваться въ перечень злыхъ боговъ. Но назовемъ по крайней мѣрѣ еще двухъ: одинъ изъ нихъ *Эсрель;* другой *Ій-э.* Первый обращаетъ на себя вниманіе какъ заимствованное божество. «Это не что иное, какъ арабскій *Азраилъ*, ангелъ смерти». Эсрель поражаетъ людей, не приносящихъ ему жертвъ, внезапною и мучительною смертью. Эсрелю приносятъ въ жертву черныхъ барановъ, которыхъ притомъ не колютъ, не ѣдятъ, и даже шкуръ не снимаютъ; а разрубивъ натрое, оставляютъ въ лѣсу или оврагѣ въ пищу самому Эсрелю. Помѣтимъ и то, что у Луговыхъ Черемисъ есть слово *азрин* въ значеніи смерть **).

Второе божество, *Ій-э*, есть домовой. Полагаютъ, что въ началѣ это было доброе существо и что только вліяніе христіанства и знакомство съ Русскими побудило считать его за существо злое. Впрочемъ, и теперь Ій-э не столько золъ, сколько насмѣшливъ; шутки и насмѣшки его, конечно, не пріятны: въ баняхъ, напр., онъ сталкиваетъ людей съ полковъ, вывихиваетъ руки и дѣлаетъ косоглазыми; за то, съ другой стороны, Ій-э хранитъ домъ отъ огня, умножаетъ скотъ, покровительствуетъ пчеламъ, довольствуется тѣмъ, что ему въ жерву бросаются на печь кусочки хлѣба блиновъ и т. п. Объ Ій-э не говорится, чтобъ онъ былъ заимствованъ. Въ этомъ случаѣ не лишне замѣтить, что у Луговыхъ Черемисъ есть *Ія* или *Йа*; у Горныхъ *Ыя*; и любопытно, что то же слово всрѣчается въ слѣдующихъ языкахъ и нарѣчіяхъ: въ киргизскомъ *е*—хозяинъ; въ ал-

*) Сбоевъ. «Изслѣдованія объ инородцахъ». 1856 г. Стр. 108.
**) *Золотницкій.* Чув. словарь.

тайскомъ *ее*, въ джагатайскомъ *эгэ*, въ адербиджанскомъ *iеге*, въ татарскомъ *iйа*, въ тюркскомъ *iга*, въ мангольскомъ *едзен* *).

Мы не сказали еще, что и добрыхъ боговъ не мало у Чувашъ. Всѣхъ ихъ насчитывается 31. Назовемъ нѣкоторыхъ.

Сьюльди-Тора—Вышнiй богъ съ разными предикатами, изъ которыхъ нѣкоторые въ связи съ именемъ Тора представляются особыми божествами, какъ напр., Сюдъ-Тунзы-Тора — творецъ свѣта (по Сбоеву) или просто «богъ здѣшняго мiра», непосредственно слѣдующiй за верховнымъ богомъ (по Золотницкому). Затѣмъ различается богъ, дающiй младенцамъ души. А если судить только по предикатамъ, то окажутся и другiе, какъ напр., *Ывылъ-хиръ-сьорадан-Тора*—податель дѣтей, *Выльых-чирълих-сьородан-Тора*—податель всѣхъ домашнихъ животныхъ. *Асла-аддiй-Тора*—богъ грома и молнiи.

Кебе (судьба) — духъ, управляющiй всѣми земными дѣлами и особенно судьбами рода человѣческаго. Ему содѣйствуютъ два небесныя божества: *Пюлюхи* и *Пигамбаръ*.

Пюлюхи по назначенiю Кебе раздаетъ людямъ счастливые или несчастные жребiи, надѣляетъ богатствомъ или бѣдностью. «И корень и грамматическая форма слова пюлюхи, по замѣчанiю Сбоева, едвали могутъ быть объяснены изъ финскихъ нарѣчiй; тутъ все напоминаетъ *семитизмъ* и туреччину:» У Черемисъ въ параллель чувашскимъ *пюлюх*, *пюлюхси* есть слово пюлюкше.

Пигамбаръ—духъ, раздающiй людямъ, по опредѣленiю Кебе, душевныя качества и сообщающiй йомзямъ пророческiя видѣнiя. Названiе этого духа производится отъ персидскихъ *пейгам*-вѣсть и *бурден*-нести и означаетъ пророка (персид. *пейгамбаръ*—пророкъ). У Черемисъ также есть *пiамбаръ*; это-младшiй жрецъ, приглашаемый на свадьбы и при другихъ домашнихъ случаяхъ для принесенiя молитвъ. По представленiю современныхъ Чувашъ, Пигамбаръ—покровитель домашняго скота; онъ охраняетъ скотъ отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть,

*) Ibid.

такъ что волки называются «Пигамбаровыми собаками» *(Пигамбар—йытты)*. «При жертвенныхъ моленьяхъ въ керемети ему *) приносятся *юсман* (тонкая, на крови замѣшанная, яшная лепешка) и шербеть (сыта; араб. шераб, шербет—напитокъ), при чемъ говорится: Сьырлах Пигамбар! Сана юсман шербеть парадып: озал ан-ду, хувын йыттузанэ чар, иригэ ан—яр. Сьыралах! «Помилуй Пигамбаръ! тебѣ приношу юсманъ и шербетъ: не дѣлай зла, удерживай своихъ собакъ (волковъ), не давай имъ воли. Помилуй!» Замѣтимъ, что, по Сбоеву, Пигамбаръ у Чувашъ «превратился во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца.» Св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ въ старой Руси извѣстенъ былъ подъ именами: Ягорія, Егорія храбраго, Юрія, Юрка и т. п. По народному представленію св. Георгій охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей, особенно отъ волковъ, которыхъ простолюдины называютъ «Юровыми собаками».

Назовемъ еще боговъ: *Вурманъ-Тора*, *Хвэль-Тора* и *Ойых-Торъ*: *Вурманъ-Тора*—хранитель лѣсовъ (есть также особые боги—хранители полей, дорогъ и путешествующихъ); *Хвэль-Тора*—богъ Солнца, у него есть жена—Хвельамышь, и дѣти—*Хвэль-ывыл-зэм*. *Ойых-Тора*—богъ Мѣсяца съ женою и дѣтьми.

Однако замѣтимъ, что едвали можно утвердительно говорить о Хвель-Тора, какъ о богѣ Солнца, а не просто какъ о богѣ-Солнцѣ. По крайней мѣрѣ, по понятіямъ Чувашъ нашего времени, Солнце само въ себѣ представляется существомъ одушевленнымъ съ ушами, съ крыльями, съ ногами (которыя обнаруживаются отъ времени до времени въ направленіи солнечныхъ лучей въ разныя стороны во время мороза, изъ за облаковъ и т. п.). Авторъ «Корневаго чувашскаго словаря» замѣчаетъ, что Хвэль-Тора собственно значитъ «Солнце-богъ», хотя можетъ быть переведено и «богъ Солнца». Еще болѣе сомнительно, чтобы Луна почиталась когда либо божествомъ, если судить по тому, что Чуваши представляютъ ее не болѣе какъ короваемъ или кругомъ сыру который по временамъ съѣдается колдунами.

*) Золотницкій. 203. Сбоевъ говоритъ, что въ кереметяхъ приносятся жертвы, *«только злымъ духамъ»*.

Звѣзды у Чувашъ не имѣютъ особаго божества, какъ у Черемисъ Шыдыр-хан, владыка звѣздъ, который наблюдаетъ за ихъ теченіемъ и перестанавливаетъ ихъ. Но все же звѣзды не остаются безъ управленія: ими управляетъ самъ Сьульди-Тора, властитель надзвѣзднаго міра. А кромѣ того звѣзды имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ человѣку, предуказывая судьбу новорожденному. Падающія звѣзды означаютъ смерть какихъ нибудь людей.

Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что у Чувашъ есть представленія о нѣкоторыхъ созвѣздіяхъ и планетахъ; такъ напр. имъ извѣстна *Большая Медвѣдица*, называемая *Сьичче Сьулдур* (семь звѣздъ), Плеяды они называютъ *Ульгяръ* (турецк. *Öльгяръ*) и иногда — *Ала-сьулдыр* (рѣшето — звѣзды). Подъ именемъ *Кайык-хор-сьоле* (дорога дикихъ гусей) Чувашамъ извѣстенъ *Млечный путь*. Именемъ *Шорым-бось-сьулдыры* (звѣзда утренней зари), они называютъ *Венеру*. Есть еще названіе созвѣздія — *Квенде-сьулдыр* (коромысло звѣзда), которое г. Золотницкій пріурочиваетъ къ одному изъ прекраснѣйшихъ созвѣздій, видимому зимою,—*Оріону*. Вѣроятно, имъ знакома и *Полярная звѣзда*, но неизвѣстно, какъ они ее называютъ (у Татаръ она называется Тимер казык, у Киргизъ — Темир-казык, «желѣзный колъ»).

Космогоническія понятія Чувашъ очень смутны. Согласно приведенному толкованію Сбоева это слѣдуетъ объяснять регрессивнымъ движеніемъ Чувашъ, забытіемъ того, что когда-то было извѣстно. Но если не принимать этого толкованія, то можно просто заключить, что Чуваши пребываютъ въ примитивномъ состояніи полудикаго народа, легко заимствующаго у народовъ сколько нибудь высшей культуры все, что понравится или чего недостаетъ въ собственномъ міровоззрѣніи. Говорятъ, что по словамъ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ чувашскихъ жрецовъ «ни вселенная ни стихіи не сотворены никѣмъ, а суть вѣчно пребывающія и непостижимыя». Приписывать сотвореніе той или другой области міра какому нибудь изъ боговъ Чуваши стали уже въ позднѣйшее время.

Почитаніе покойниковъ. Поминки.

Вѣроятно, болѣе къ древней порѣ слѣдуетъ отнести почитаніе покойниковъ. Мотивы этого почитанія у Чувашъ тѣ же, что и у Черемисъ, — могущество покойника; его

требовательность относительно жертвъ; отсюда — страхъ передъ покойникомъ. Родственники умершаго Чувашина отвозятъ на его могилу необходимыя для поминовенія запасы и, упавъ на землю у самой могилы, слезно умоляютъ покойника не тревожить ихъ видѣніями, не брать къ себѣ преждевременно и не насылать болѣзней, изъ которыхъ нѣкоторыя — боль въ поясницѣ, рѣзь въ животѣ — исключительно насылаются мертвецами, требующими себѣ поминовенія.

Поминки совершаются слѣдующимъ образомъ:

Въ Семикъ около полудня чувашскія кладбища бываютъ уже полны народа. Сюда привезено множество разныхъ съѣстныхъ запасовъ и питій.

«Каждое семейство располагается вокругъ могилы новоумершаго своего родственника; разстилаютъ около нея холсты и кафтаны и разставляютъ питія и кушанья. Сдѣлавъ три низкихъ поклона передъ могилой, поминающіе начинаютъ выть и оплакивать новоумершаго, восхваляя его достоинства и добродѣтели. Потомъ къ могильному столбу привѣшиваютъ полотенце въ знакъ открытія поминокъ; дѣлаютъ въ головахъ покойника ямку и, наливъ въ ковши пива, говорятъ: «таву сана (здравствуй)! молись о нашемъ здоровьѣ, храни насъ отъ бѣдствій, живи на томъ свѣтѣ хорошо, богато и весело и бери насъ къ себѣ до маститой старости»! Каждый изъ поминающихъ отливаетъ въ ямку пива и вина и кладетъ въ нее по куску отъ каждаго изъ предлагаемыхъ ему яствъ, разумѣется, на пользу и потребленіе собакъ. Пока съ плачемъ, воплемъ и причитаньями поминаютъ новоумершаго, до тѣхъ поръ пьютъ и ѣдятъ принесенное его ближайшими родственниками.

А какъ скоро начинаютъ поминать давноумершихъ, то на сцену являются запасы, принесенные дальними родственниками новоумершаго. О давноумершихъ уже не плачутъ и не воютъ; въ честь ихъ поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ подъ музыку. Поливая могилы ихъ пивомъ и виномъ, Чуваши мало по малу и сами въ буквальномъ смыслѣ наливаются до такой степени, что у самыхъ усердныхъ поминальщиковъ и поминальщицъ на рукахъ одинъ палецъ не сходится съ другимъ, сосѣднимъ.

Сцена изъ забавной постепенно дѣлается болѣе и болѣе отвратительною. Шумъ, гамъ, вопли плачущихъ, веселыя восклицанія пирующихъ, крики ссорящихся между собою, нестройная игра шыбырзе и гусельщиковъ, вой и визгъ собакъ, взвизгиванія пляшущихъ, ругательства дерущихся — все это вмѣстѣ превращаетъ чувашскія поминки въ настоящій шабашъ кіевскихъ вѣдьмъ на Лысой горѣ. До послѣдней степени экзальтированное вакхическое неистовство представляютъ собою женщины, недавно схоронившія мужей. Онѣ и плачутъ и пляшутъ въ одно и то же время, рвутъ на себѣ волосы, одежду, бросаются на могилы, роютъ на нихъ землю руками, со слезами причитаютъ добродѣтели и достоинства своихъ супруговъ, — и потомъ, вдругъ вскакивая на ноги, неистово топчутъ могилу и, жесточайшимъ образомъ понося своихъ дрожайшихъ сожителей, обнаруживаютъ изумительное искусство владѣть русскими, небывавшими еще въ печати словами, хотя вообще по-русски выражаются очень плохо... Не многіе возвращаются съ кладбища добрымъ порядкомъ. Большую часть усердныхъ поминальщиковъ малолѣтки отвозятъ домой, взваливъ ихъ на телѣги вмѣстѣ съ пустыми пивными и винными боченками» *).

О похоронахъ замѣтимъ, что умершаго хоронятъ въ томъ платьѣ, какое онъ носилъ при жизни; въ могилу съ покойникомъ кладутъ всякій домашній скарбъ, — котлы, ложки, ножи и проч., а на могилѣ водружаютъ деревянный столбъ, быть можетъ, въ значеніи кола, который препятствовалъ бы мертвецу выходить изъ могилы.

Женятся Чуваши очень рано; но дѣвушки выходятъ замужъ сравнительно поздно. Родители медлятъ выдавать ихъ замужъ, цѣня въ нихъ рабочую силу какъ въ домашнемъ хозяйствѣ, такъ при уборкѣ напр. сѣна, во время жнитва и пр. Въ прежнее время сплошь да рядомъ были случаи сватебъ, въ которыхъ женихомъ былъ 15-ти-лѣтній мальчикъ, а невѣстою—30-ти-лѣтняя дѣва. Мало того: Чуваши женили своихъ сыновей даже пяти или шести лѣтъ **). Приданаго за невѣстою не бываетъ; напротивъ—

Сватьбы. Разводъ.

*) Сбоевъ. Изслѣд. 142 с.
**) Ibid. 75 с.

женихъ или его отецъ платятъ родителямъ невѣсты калымъ, который достигаетъ иногда суммы 200 руб.

Часто бываютъ случаи, что женихъ, не имѣя средствъ заплатить калымъ или опасаясь несогласія родителей избранной невѣсты, рѣшается *украсть* невѣсту. Случаи эти не представляютъ собою чего либо необыкновеннаго или исключительнаго: это одинъ изъ обычаевъ, существующихъ у Чувашъ съ незапамятныхъ временъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что женихъ самъ по себѣ все-таки не воленъ совершить кражу; слово к р а ж а даже не вполнѣ подходитъ къ упоминаемому способу женитьбы, потому что ни одинъ Чувашинъ не рѣшится на похищеніе невѣсты безъ согласія своихъ родителей или—если ихъ нѣтъ—безъ согласія ближайшихъ родственниковъ; а кромѣ того и невѣста не допуститъ похитить себя безъ предварительнаго соглашенія. Родители невѣсты и ея родственники, узнавъ о похищеніи, конечно, преслѣдуютъ похителей по горячимъ слѣдамъ; но тѣмъ не менѣе преслѣдованія эти оказываются запоздалами: бракъ успѣваетъ быть совершенъ. Преслѣдователи выходятъ изъ себя; дѣло доходитъ до побоища. «Но не опасайтесь за его слишкомъ вредныя послѣдствія, замѣчаетъ игривымъ тономъ Сбоевъ: расквасятъ носа, вдавятъ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько фонарей подъ глаза и баста! это *только церемонія*». По окончаніи ея обѣ враждебныя партіи дружно отправляются въ питейный домъ и упиваются тамъ до безчувствія.

А вотъ какъ происходитъ сватьба вполнѣ уже законная, т. е. когда къ согласію брачащихся и родителей жениха присоединяется и согласіе родителей невѣсты. Послѣ благополучнаго сватовства и переговоровъ о калымѣ назначается *день брака и сватебнаго поѣзда*. Съ обѣихъ сторонъ варится въ изобиліи пиво, покупается вино, готовятся лучшія кушанья и приглашаются на торжество родственники и знакомые.

Въ новѣйшее время у Чувашъ установилось два поѣзда: *большой* и *малый*. Мы скажемъ о первомъ, какъ о старѣйшемъ и въ былое время единственномъ. Въ назначенный день въ домы жениха и невѣсты собираются гурьбою родственники и знакомые. Женихъ, нарядившись въ лучшее платье и взявъ съ собою нагайку, выходитъ со сви-

тою изъ избы, садится на лошадь и распоряжается укладкою гостинцевъ или, лучше сказать, угощеній для невѣстиной родни. На особую телѣгу ставятъ бочку пива ведеръ въ восемь или въ десять, около полведра вина и кожаную суму, наполненную лакомыми чувашскими яствами. Дружка, свахи родственники, товарищи жениха и *шыбырсь* (музыкантъ; отъ шыбыр—названія музыкальнаго инструмента въ родѣ волынки) встаютъ въ кибитки и отправляются вслѣдъ за женихомъ. «Если, говоритъ Сбоевъ, вы на селѣ или въ полѣ встрѣтите группу всадниковъ и нѣсколько кибитокъ, въ которыхъ мужчины и женщины ѣдутъ несидя, а стоя, при оглушительномъ звонѣ колокольчиковъ, съ гиканьемъ, съ пѣснями подъ игру на пузырѣ, знайте — это большой сватебный поѣздъ».

Между тѣмъ, невѣста до пріѣзда жениха посѣщаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и поетъ для нихъ импровизированныя прощальныя пѣсни. А отецъ или ближайшіе ея родственники приготовляются къ пріему жениха и его свиты: выставляютъ во дворъ скамьи и столъ *) съ питейными и съѣстными припасами. Пріѣзжаетъ женихъ. Хыйматлых, т. е., посаженый отецъ и вмѣстѣ дружка, спрашиваетъ у отца невѣсты позволенія въѣхать на дворъ. Дѣло рѣдко обходится безъ намѣренныхъ и, разумѣется, притворныхъ сопротивленій; но наконецъ рѣшается раствореніемъ воротъ настежь. Женихъ и его родные троекратно объѣзжаютъ назначенный для нихъ почотный столъ, каждый разъ кланяясь вышедшимъ изъ избы почотнымъ невѣстинымъ гостямъ; въ послѣдній объѣздъ женихъ трижды ударяетъ нагайкою по назначенному для него мѣсту въ увѣренности, что этимъ онъ отгоняетъ отъ пиршества шайтана.

Когда свита жениха усядется вокругъ стола, начинается угощеніе.

Въ то время въ избѣ невѣсты совершается особая церемонія. Невѣста, окончивъ прощальные визиты, снова начинаетъ оплакивать каждаго изъ своихъ гостей, послѣ чего подноситъ каждому изъ нихъ по ковшу сыра́ (пива), становясь притомъ на одно колѣно и оставаясь въ этомъ

*) Чувашскія сватьбы почти исключительно бываютъ весною и лѣтомъ, осенью же и зимою—весьма рѣдко.

положенiи до тѣхъ поръ, пока потчуемый не опуститъ въ *корга* (ковшъ) денегъ, сколько ему заблагоразсудится или сколько можетъ.

Послѣ того, какъ невѣста угоститъ всѣхъ, находящихся на лицо родныхъ и знакомыхъ и соберетъ съ нихъ приличную дань, хыйматлых входитъ въ домъ невѣсты, которая быстро облекается тогда покрываломъ и уходитъ за занавѣсь, гдѣ сидятъ ея подруги. Хыйматлых проситъ у отца и родныхъ невѣсты позволенiя войти въ избу жениху и его свитѣ. Получивъ на то согласiе, поѣзжане вслѣдъ за женихомъ входятъ въ избу съ открытыми головами; одинъ женихъ не снимаетъ ни шапки, ни рукавицъ. Нѣкоторые, нарочно для того назначенные, поѣзжане тотчасъ же вносятъ въ избу гостинцы жениха, т. е. всѣ привезенныя имъ съѣстныя и питейныя снадобья, и ставятъ ихъ на находящiйся близь двери столъ, вокругъ котораго женихъ и его свита по прежнему обходятъ трижды, каждый разъ кланяясь роднымъ невѣсты. Тогда женихъ начинаетъ угощать всѣхъ присутствующихъ своими питьемъ и яствами. Впрочемъ, тутъ особенной съ его стороны хлопотливости не требуется; гости сами потчуютъ другъ друга; одинъ черпаетъ ковшъ пива и подходитъ съ нимъ къ другому, говоря: *тава сана*! т. е., здравствую тебѣ, или за твое здоровье! потомъ выпиваетъ самъ ковшъ и тотчасъ же подноситъ другой ковшъ тому, за здоровье котораго пилъ, и который, какъ бы ни былъ пьянъ, не можетъ отказаться отъ потчиванья.

Тѣмъ временемъ невѣста оканчиваетъ свой туалетъ и свои сборы, свахи—также. Послѣднiя надѣваютъ на себя синiе суконные кафтаны, черезъ плечо—перевязь (теветь), которая у богатыхъ украшается бисеромъ и серебряными деньгами, какъ-то: полтинниками, четвертаками и гривенниками, а у бѣдныхъ—тухланками, т. е. тонкими оловянными или мѣдными кружочками, издали похожими на золотыя и серебряныя монеты. По окончанiи всѣхъ приготовленiй гости выходятъ и располагаются въ своихъ экипажахъ или садятся верхомъ на лошадей. Наконецъ свахи выводятъ изъ избы невѣсту. Хыйматлых беретъ ее въ охапку и сажаетъ верхомъ на лошадь, въ сѣдло. Весь поѣздъ трогается. За воротами невѣстина дома, если она

односельская съ своимъ суженымъ, а если нѣтъ, то за сельскою или деревенскою околицею, женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстѣ и, распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что женихъ будетъ глядѣть въ глаза своей суженой, т. е. любить ее, но что за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ея господинъ и повелитель.

Затѣмъ поѣздъ отправляется въ церковь для бракосочетанія, по окончаніи котораго надъ молодою совершается обрядъ окручиванія. Свахи расплетаютъ молодой косу и вмѣсто дѣвичьяго головнаго украшенія — *тохьи* надѣваютъ на нее *хошпу.*

Послѣ этого весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Хыйматлых и свахи вводятъ въ избу молодыхъ, которые, переступивъ черезъ порогъ, стоятъ съ преклоненною головою. Нарочно приглашенный йомзя, вооружившись подобно всѣмъ прочимъ гостямъ ковшемъ пива и взявъ шапку подъ мышку, говоритъ привѣтствіе наклонившимся передъ нимъ новобрачнымъ, желая имъ мира, сагласія, богатства и вообще всякаго добра. Выслушавъ это привѣтствіе, молодые отходятъ къ печкѣ; новобрачная, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ ей низкій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. Затѣмъ начинается церемоніалъ снятія съ молодой покрывала.

Ближайшій родственникъ новобрачнаго беретъ въ руки суковатую вѣтвь и съ нею при музыкѣ, при единогласномъ всѣхъ гостей гайканьи и хлопаньи въ ладоши, пляшетъ отъ порога до переднихъ наръ въ присядку, и, подошедъ къ молодой, дотрогивается этой вѣткой до ея покрывала; повторяетъ туже операцію въ другой разъ; наконецъ въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало сукомъ вѣтки, стаскиваетъ его съ невѣсты и на время выходитъ съ нимъ изъ избы. Тогда новобрачныхъ ведутъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; на столъ ставятъ горячую яшку; каждый изъ гостей подходитъ къ этому кушанью, и, почерпнувъ полную ложку яшки, немного прихлебнувъ, возлагаетъ остальное на головы новобрачныхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. Молодая беретъ ко-

ромысло съ ведрами и, предводимая сестрою новобрачнаго *), идетъ по воду. Подошедъ къ рѣчкѣ или ключу, изъ котораго мѣстные обыватели пользуются водою, она кланяется рѣчкѣ или ключу и, почерпнувши воду, ставитъ ведра на землю; а золовка, толкнувъ ихъ ногою, проливаетъ воду. Та же церемонія и въ другой разъ. Наконецъ, зачерпнувъ воды въ третій разъ, она даритъ золовку либо деньгами, либо какою нибудь цѣнною для молодой Чувашки вещью. Умилостивленная этимъ золовка не препятствуетъ уже снохѣ нести ведра до дому новобрачнаго.

Непосредственно за принесеніемъ воды, молодыхъ отводятъ въ клѣть на брачное ложе. Гости пируютъ между тѣмъ въ избѣ, а свахи поютъ и пьютъ около клети, гдѣ положены новобрачные. Какъ скоро деревянная, довольно хитро устроенная запорка клети отопрется, свахи, дружка и поддружье входятъ къ молодымъ. Если молодая оказалась невинною, то поддружье тотчасъ же беретъ *signa* ея *innocentiae*, торжественно вноситъ ихъ въ избу и съ отчаяннымъ удовольствіемъ пляшетъ, показывая эти signa всѣмъ роднымъ молодого и молодой. Спустя нѣсколько времени, является и новобрачная въ сопровожденіи свахъ; лѣвая рука ея обвита холстомъ, на правой лежатъ подарки для ближайшихъ родныхъ молодого: вышитыя мелкимъ бисеромъ или разноцвѣтными шерстями рубахи и сарпаны. Вошедъ въ избу, молодая какъ бы въ доказательство того, что она лицо домашнее, становится у печки, уже не кланяясь ей. Одна изъ свахъ наливаетъ въ ковшъ пива и передаетъ его молодой, а та съ низкимъ поклономъ подноситъ его сперва свекру, а потомъ и прочимъ гостямъ. Въ то же время она раздаетъ всѣмъ роднымъ своего мужа приготовленные для нихъ дары. Всѣ, не только одаренные молодою, но и удостоившіеся чести получить отъ нея ковшъ съ пивомъ, кладутъ въ него по нѣскольку монетъ мѣдныхъ или серебряныхъ**).

Этимъ заканчиваются обряды сватебнаго дня. Но затѣмъ еще нѣсколько дней продолжается пированье не только въ домѣ молодыхъ, но и у родственниковъ.

*) А если нѣтъ у новобрачнаго замужней сестры, то ближайшая его родственница заступаетъ ея мѣсто.

**) I Сбоевъ.

Въ случаяхъ несогласной жизни у Чувашъ, какъ и у Черемисъ, допускается разводъ. Обрядная сторона его состоитъ въ томъ, какъ разсказываетъ Палласъ, что мужъ разрываетъ головную повязку изъ длиннаго полотенца (сарпанъ) на двѣ части: одну оставляетъ у себя, а другую отдаетъ женѣ, которая послѣ этого должна уже оставить домъ мужа. Любопытно что обрядъ этотъ, сходный и съ черемисскимъ, сходенъ и съ стариннымъ русскимъ. Барберини въ XVI в. описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, состоявшій въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее, пока она не разрывалась, такъ что у каждаго изъ супруговъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ этого мужъ и жена расходились, становясь вполнѣ свободными отъ связывавшихъ узъ брака. Нельзя, конечно, сказать, кто у кого изъ трехъ народовъ заимствовалъ обрядъ развода; но если мы припомнимъ, что нѣкоторые авторы не прочь находить общность религіи у Мордвы и у Русскихъ (или, точнѣе, Славянъ), то и въ настоящемъ случаѣ можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что заимствованія обряда вовсе не было, что онъ ведетъ свое начало изъ глубины временъ не только далекихъ отъ нащего времени, но и отъ времени, съ котораго начинаютъ русскую исторію, и былъ общимъ достояніемъ многихъ различныхъ народовъ.

Мы уже разъ имѣли случай упомянуть, что въ старое время у Чувашъ имѣло мѣсто многоженство. Теперь обратимъ вниманіе на другое любопытное обстоятельство, именно—что у Чувашъ существовалъ обычай *ужичества*, въ силу котораго младшій братъ бралъ за себя жену умершаго брата; но обратно—старшій братъ не могъ жениться на вдовѣ младшаго. Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ обычаѣ заимствованіе, не беремся сказать; но замѣтимъ, что Сбоевъ называетъ этотъ обычай *еврейскимъ* закономъ.

Праздники.

Изъ праздниковъ чувашскихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя *Чуклэмэ* — моленіе по окончаніи полевыхъ работъ. Вотъ какъ знакомитъ насъ съ этимъ обрядомъ г. Золотницкій: прежде всего — самое слово *чуклэмэ* имѣетъ своимъ корнемъ *чук* (у Черемисъ *чок*, *цок*) съ зна-

ченіемъ «жертва» (чуклэ, а у Черемисъ чоклэ—приносить жертву). У Алтайцевъ *чок!* есть восклицаніе во время жертвеннаго кропленія на идоловъ или при положеніи на огонь начатковъ пищи. Пермяне, возвращаясь съ охоты, благодарили идола, падая на колѣни и восклицая: ѣшь! при чемъ мазали ему губы жиромъ рыбы или кровью убитаго звѣря. Черемисскіе карты также при жертвоприношеніи кропятъ священное дерево кровью убитой жертвы со словами: «на! возьми золотую кровь!» Подобнымъ образомъ и Чуваши приносятъ въ жертву животныхъ, что собственно и называется *чуклэс*. Для такихъ жертвоприношеній у нихъ нѣтъ опредѣленнаго срока, и совершаются они только для умилостивленія гнѣвныхъ божествъ и кереметей въ случаѣ постигшихъ болѣзней и несчастій. Но какъ у народа осѣдлаго и земледѣльческаго, у Чувашъ, равно какъ у Черемисъ и Вотяковъ, естественно возникла потребность обращаться къ божеству съ мольбою объ изобиліи плодовъ земныхъ и приносить *отъ нихъ* благодарственную жертву. Срокъ для такихъ жертвоприношеній опредѣлился самъ собою: мѣсяцъ, слѣдующій за окончаніемъ полевыхъ работъ и собраніемъ плодовъ въ житницы, у Чувашъ получилъ названіе Чугъ-ойыхъ—мѣсяца благодарственныхъ и просительныхъ жертвъ (онъ начинается около половины Ноября). А такъ какъ главнѣйшій продуктъ жизненнаго продовольствія Чувашъ—хлѣбъ, то онъ и предлагается при исполненіи обряда въ видѣ пищи—коровая и напитка—пива, что собственно и есть Чуклэмэ.

Нынѣшняго времени обрядъ Чуклэмэ состоитъ въ слѣдующемъ:

По окончаніи полевыхъ работъ, Чувашинъ, сваривъ пиво, созываетъ къ себѣ родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ. Изъ нихъ онъ выбираетъ одного, опытнаго въ исполненіи этого обряда, въ распорядители (пичькэ бось-лаган—починающій бочку) и нѣсколько человѣкъ въ товарищи ему. Они садятся за столъ, на который ставятся кадочки (чиряс, лянгыс-курегэ) съ пивомъ и коровай хлѣба изъ послѣдняго урожая, соль и *девять* ковшей съ пивомъ; для распорядителя выбирается самый большой ковшъ. Обрядъ начинается тѣмъ, что, взявъ приготовленные ковши съ пивомъ, обращаются лицемъ къ двери, а распорядитель, съ

ковшемъ въ рукѣ и съ шапкою подъ мышкою, начинаетъ молитву: «Тор! сьырлахъ ан-брахъ! Сана азынза пичкэ посьлас тетпер». «Боже помилуй, не оставь! Въ воспоминаніе Тебя хотимъ починать бочку».. Далѣе продолжаетъ почти то же самое, что говорится въ нижеизложенной послѣдней молитвѣ. Потомъ, обратясь къ иконѣ, говоритъ: Тор'сьырлахъ ан-брах! кюдэсьри Тора, Эс порь озалдан сьулах!.... «Боже помилуй, не оставь! въ углу находящійся Богъ, Ты спаси отъ всякаго зла»! За этимъ распорядитель надѣваетъ на голову шапку и какъ онъ, такъ товарищи его и хозяинъ выпиваютъ по три ковша пива.

Послѣ того всѣ садятся, а распорядитель, стоя и обращаясь къ мужчинамъ, говоритъ: «Алык паньчы Альбасам! хозя калать: кон-чол исьремер-сьйремер, Тор'Амышнэ азынмарымыр; Тор'Амышнэ азынза, Онн ячьпэ чондан корга исьмэ посьлаза ярас теть: эзеръ кильжэттер-и кильшмэстер-и?» «Отъ двери сидящіе міряне! хозяинъ говоритъ: до сей поры мы пили-ѣли, а Божію Матерь не воспоминали; поэтому въ воспоминаніе Божіей Матери онъ хочетъ отъ души предложить выпить ковшъ во имя Ея; вы на это согласны или нѣтъ?» Мужчины отвѣчаютъ: Кильжэтпер, кильжетпер сырэ висcь, пирэ пррэ! «Мы согласны, согласны, — вамъ три (ковша), а намъ одинъ!» Затѣмъ распорядитель обращается къ женщинамъ и спрашиваетъ ихъ точно также, какъ и мужчинъ, а онѣ отвѣчаютъ ему то же самое, что и мужчины.

Тогда распорядитель беретъ свой большой ковшъ съ пивомъ и говоритъ всему собранію: «Алык-паньчы Албассам, тюбельди Хорынзор-кассызэм, ильтьлер! Тор'сьырлах, Тор'ан-брах; хозя калать: чондан перь корга посьлаза ярадып, теть,—Тор'Амыш корги. Ана йыранла болдыр, сяран чигеллэ болдыр шыв'казялла болдыр, ут тордайми орба болдыр, ар сьюклэйми хумла болдыр! Кам да кам изэйман — хурах тобанба туххыр сьона вода кюмэллэ, теть; тада кам да кам изэйман-перь сьолги воникkь хулач хола топмалла, теть». «Отъ двери сидящіе міряне, въ тюбели сидящіе Березниковки, слушайте! Боже помилуй, Боже не оставь! хозяинъ говоритъ, что онъ отъ души предлагаетъ ковшъ; это —ковшъ Божіей Матери. Да будутъ поля съ межами, луга съ границами, воды переплыв-

чивы, ячмень такой, чтобъ лошади не свезти, хмѣль такой, чтобъ мужчинѣ не поднять *). Кто и кто не смогъ выпить, тотъ—говоритъ пословица—долженъ на одномъ полозѣ девять возовъ (саней) дровъ привезти; еще—говорится—кто и кто не смогъ выпить, тотъ долженъ найти одногодній прутъ въ 12 саженъ". По окончаніи этой рѣчи распорядитель безъ отдыха выпиваетъ свой ковшъ; потомъ также пьютъ его товарищи. Затѣмъ одинъ изъ послѣднихъ выбираетъ ямщика (подносчика), который подноситъ пиво каждому изъ присутствующихъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей. Выпить обязанъ каждый; за дѣтей пьютъ—отецъ за мальчика, мать за дѣвочку, за беременную женщину—ея мать или свекровь. Послѣ этого распорядитель, обращаясь къ мужчинамъ, спрашиваетъ: «Алык-панчы Албассам! хозя чондан перь корга посьлаза яче—Тор'Амыш корги: сырэ тивьр-и, тимэр и? кама тимэнь ора-синэ турыр». Отъ двери сидящіе миряне! хозяинъ отъ души предложилъ ковшъ во имя Божіей Матери: попалъ онъ вамъ или нѣтъ? если кому не достался, тѣ встаньте на ноги» **). Мужчины отвѣчаютъ: «тивьне, тивьне!»—попалъ, достался. Съ тѣмъ же вопросомъ онъ обращается къ женщинамъ и получаетъ отъ нихъ тотъ же отвѣтъ.

Чирясъ снова наполняется пивомъ, и распорядитель со всѣмъ собраніемъ обращается къ порогу для молитвы, говоря: Тор'сьырлàх, Тор'ан-брах! Хозя ятла коргà посьлаза-яче... Тора! ку выгыда чиберь сьидэрь ден, тада сьувà чиберь тохма бар; тада сьува тохсассын тыр'агас тіебер: шырт-тöреньзэнэ вый-хват пар, олтта лажы агара сюрэмэллэ болдыр, виссе кисри сюрэрэ, виссе тиги хыссьынь выллязa пымалла болдыр. Акны тырры холым полдыр, хумуль хумыш пэк полдыр, турры пурзя бэк полдыр: перь пюрчь (пюрчик) аксà пинь пюрчь ильмэ бар; Тор сьырлах! Иыван азнать витьнэть Сана, Тора! Вырас

*) Остряки для краснаго словца иногда прибавляютъ: Чых сьюклэйми алданболдыр. «Пѣтухъ да будетъ такой, чтобъ курицѣ не поднять.

**) Хотя здѣсь слова Тор'Амыш мы перевели буквально «Божія Матерь», замѣчаетъ Золотницкій, но, по воззрѣнію Чувашъ, въ нихъ не заключается понятія о Богородицѣ Дѣвѣ Маріи. Эти слова точнѣе слѣдовало перевести «супруга Бога» или «мать дѣтей Божіихъ», такъ какъ по шамански духи имѣютъ женъ и дѣтей и такъ какъ Чуваши, подобно другимъ восточнымъ народамъ, говоря о высшихъ лицахъ, вмѣсто «жена» выражаются «мать», напр. вмѣсто патш'арыме—супруга государя, говорятъ патш'амыже—мать государя, въ смыслѣ «мать дѣтей государевыхъ».

тіебер; вырны чохнэ ывысь кассан ывысь перегечь полдыр; кюльдэ тувыбыр, кюльдэ тузан кюльдэ перегечь полдыр, тюмь тузан тюмь перегечь полдыр; ойра сьюмель тувыбыр, сьумель перегечь полдыр; торттарны чох орабасинэ хорыбыр, ораба перегечь полдыр; ан-гардынэ изэбырза кабан тузан, кабан перегечь полдыр. Тада сикьсэ турза авын хорас тіебер: водыньчэнь-кварыньчэнь сьырлах Тора—сикьсэ юкьне хильгеминьчэнь. Авыньнэ сяпсан пурана (пюльмегэ) хорыбыр, пура перегечь полдыр: тватта вали хызялда выртдыр, виссе валинэ исьсэ-сыймалла болдыр. Сьичче тюсьлэ тырра сьичче клеть тытма бар. Сьичче тюсьлэ выльыга сьичче карда тытма бар: шыварма кайны чох перь вись кардара перь вись шыв'хириньчэ болдыр; тюгиньчэнь сьуминьчэнь тюлезэ пыдыр, пугыньчэнь шыгыньчэнь савындардыр. Сьырлах Тора! Иыван азнать витьнэть Сана. Тада язяран сьизимрэнь водыньчэнь кварыньчэнь сьирлах Тора! Тада содас тавара хакла сотма бар; илэс тавара юнь ильмэ бар. Сана азнатпыр витьнэтпер, Тора! Сяк сырана чиберь ялымъ-йыжымба кюршимькюппимьбэ исьсэ-сыйма бар, Тора: сьоратма бильдень дэ—осрама биль. Айван киллинэ хабыл-илэ-бар. Амыль! Сьырлах!

«Боже помилуй, Боже не оставь! хозяинъ предложилъ именной ковшъ... Боже, Ты благословилъ (насъ) благополучно дожить до настоящей поры, затѣмъ сподоби благополучно встрѣтить лѣто; по встрѣчѣ лѣта мы предпримемъ пашню и посѣвъ хлѣба, (тогда) рѣзцамъ и сошникамъ (плуговъ) дай силу и крѣпость; шесть мериновъ шли бы въ плугѣ, три кобылы — въ боронѣ и три жеребенка играя бѣжали бы за ними. Посѣянный хлѣбъ да будетъ густъ, стволъ да будетъ какъ камышъ, зерно — какъ горохъ: отъ каждаго посѣяннаго зерна сподоби получить тысячу зеренъ; Господи помилуй! Иванъ (хозяинъ) воспоминаетъ Тебя, уповаетъ на Тебя, Боже. Затѣмъ мы будемъ предпринимать жатву; во время жатвы, когда горсть (хлѣба) срѣжемъ (серпомъ)—да будетъ отъ нея прибыль, складемъ кучку сноповъ (пятокъ сноповъ)—да будетъ отъ нея прибыль; въ полѣ копну хлѣба сдѣлаемъ — да будетъ отъ нея прибыль; при перевозкѣ наложимъ (хлѣба) на телѣгу—да будетъ отъ воза прибыль: по привозѣ на гумно, когда скла-

демъ скирдъ — да будетъ отъ него прибыль. Затѣмъ, поспѣшно вставши, предпримемъ ставить овинъ; (во время сушки хлѣба) сохрани, Боже, отъ пожара (случающагося) отъ отстрекнувшей искры. Обмолотивши овинъ, ссыплемъ (хлѣбъ) въ сусѣкъ—да будетъ отъ сусѣка прибыль: четыре части пусть взади лежатъ, а три части да будутъ намъ въ пищу и питье. Семи сортовъ (видовъ) хлѣбъ въ семи клетяхъ держать дай. Семи видовъ скотъ въ семи скотныхъ дворахъ держать дай: во время выгона на водопой одинъ конецъ (стада) да будетъ во дворѣ, а другой — на берегу рѣки: перомъ и шерстью да вознаградятъ (птицы и скотъ за кормъ), удобреніемъ (для земли) да порадуютъ (хозяина). Господи помилуй! Иванъ прославляетъ Тебя, уповаетъ на Тебя. Еще отъ грома, отъ молніи, отъ пожара сохрани, Боже. При продажѣ товара дай продать дорого, а при покупкѣ товара дай купить дешево. Тебя, Господи мы призываемъ, на Тебя уповаемъ. Это пиво (и хлѣбъ) съ добрыми однодеревенцами, сосѣдями пить-ѣсть сподоби, Господи: если Ты благоволилъ (умѣлъ) создать (насъ), то и пропитать (хранить) благоволи (умѣй). Прими безсмысленную (эту) молитву. Аминь. Помилуй!

Окончивъ эту молитву, распорядитель беретъ свою шапку изъ подъ мышки (хол-хошшыньчэнь) и надѣваетъ на голову; онъ, товарищи и хозяинъ выпиваютъ по три ковша. Тогда подносчикъ и прочіе присутствующіе дѣлаютъ земной поклонъ распорядителю и его товарищамъ, а эти желаютъ поклонившимся нажить дѣтей, богатства и всякаго добра и запѣваютъ пѣсню: Аг-ах Тора, ах пюлюх, рахмат сьоратса яныжын! Тора-пюлюх сьоратман болзан эбирь сяк кона корас, сьок, сяк сырана да изэз сьок. Ахъ, ахъ Боже, ахъ податель, слава Тебѣ за сотвореніе (насъ)! Если бы Богъ податель не создалъ (насъ), то намъ не видать бы этого дня, не пивать бы этого пива». За симъ распорядитель привѣтствуетъ подносчика словами *тав-сана*, а товарищи его—прочихъ присутствующихъ, которые при этомъ поднимаются на ноги, цѣлуются съ распорядителемъ, его товарищами и хозяиномъ, получаютъ ковши пива, обращаются къ привѣтствующимъ и поютъ пѣсню, пѣтую послѣдними. Наконецъ распорядитель говоритъ: Пирьдэнь міре кайдыр — «отъ насъ да идетъ въ міръ»; т. е. теперь

предоставляется пировать всѣмъ здѣсь присутствующимъ; и вслѣдъ за этимъ начинается обычное гостевое угощеніе, пированіе и пѣніе пѣсенъ.

Дѣвичьи пиры и игры.

Кромѣ такого рода празднествъ Чуваши любятъ попировать-повеселиться и въ другое время. Такъ напр. въ юго-западной части Тетюшскаго и въ смежныхъ селеніяхъ Цивильскаго уѣзда въ ходу такъ называемые *«дѣвичьи пиры»*. Они начинаются въ Декабрѣ еще до Рождества и продолжаются иногда до самой Масляницы. Чувашское названіе этихъ пировъ *хйръ-сыры* буквально «дѣвичье пиво».

Дѣвушки того или другаго селенія, задумавъ устроить свой пиръ, выбираютъ для того особое помѣщеніе (избу какой нибудь вдовицы), гдѣ бы ни ихъ никто не стѣснялъ, ни онѣ бы не были кому нибудь помѣхою. Смотря по обстоятельствамъ, пиръ устраивается разомъ въ двухъ-трехъ избахъ. Собравъ вскладчину достаточное количество муки, солоду и хмѣлю, варятъ пиво; а по окончаніи всѣхъ приготовленій сзываютъ въ гости дѣвушекъ изъ ближней деревни, каждая по одной гостьѣ, при чемъ въ знакъ ненарушимости слова мѣняются съ гостьями кольцами.

Въ день пира всѣ разодѣваются въ лучшіе наряды и приглашаютъ заблаговременно нанятаго музыканта. Но знаменитый въ мѣстностяхъ сплошнаго чувашскаго населенія *шыбыр* здѣсь неупотребителенъ и замѣняется скрипкою или гармоніею. Слѣдуетъ репетиція пира *чильге кундармашкын* (турецк. гöндер-направить, согласить) въ цѣляхъ пріучить языкъ къ бойкому выговору, такъ какъ пировыя пѣсни поются по большей части самой быстрою скороговоркою, и безъ подготовки въ пѣніи легко можно сбиться.

Подъ вечеръ учредительницы пира отправляются за приглашенными, которыя къ тому времени собрались всѣ уже въ одной избѣ. Поются пригласительныя пѣсни:

Айдыр, эй Падрикь-ельзем,
Хйрь-сыры кормашкын —
Ачы-бычы ырзяба
Ватты-хытты тояба
Хамыр-бэкки ҳамырба!

«Идите, Байтеряковскіе, на дѣвичій пиръ — малые ре-

бята въ коробушкахъ *) старыя старушки съ посошками, намъ подобныя (т. е. дѣвушки) съ нами самими.

Сыра хоранъ оксям бор, (bis)
Алык-хысьнэ лартрымыр; (bis)
Аллы быран айдыр-ах, (bis)
Оры быран табыр-ах: (bis)
Аххайассым иххайас!

«Пивной котелъ денегъ есть (у насъ), за дверью мы (его) поставили: у кого руки способны (бить въ ладоши)—идите-ка, у кого ноги способны—притопывайте-ка: эхъ, моя радость! эхъ ты веселье!»

По возвращеніи съ гостьями въ свою деревню, учредительницы пира начинаютъ угощать ихъ по общимъ правиламъ чувашскаго этикета и съ соблюденіемъ тѣхъ особенностей, которыми отличаются «дѣвичьи пиры». Здѣсь каждая дѣвушка-хозяйка становится передъ собственною своею гостьею, беретъ особый ковшъ (корга) и, наполняя его пивомъ, угощаетъ исключительно одну только свою гостью и самое себя. Непремѣнное этикетное выраженіе при угощеніи — *тава* и здѣсь, какъ и всегда, имѣетъ свою силу. Хозяйка, подходя къ гостьѣ съ ковшомъ пива, говоритъ: Тава-сана — «за твое здоровье»; послѣ этого хозяйка, осушивъ ковшъ, показываетъ его гостьѣ, какъ бы требуя соотвѣтствія, и потомъ гостья, принявъ ковшъ пива, обязана выпить его такъ же исправно, какъ выпила хозяйка. Въ то же время каждая хозяйка занимаетъ свою гостью разговоромъ; если же говоритъ гостья, то хозяйка оказываетъ вниманіе поддакиваніемъ на каждое ея слово; такимъ образомъ разговоръ не умолкаетъ ни на минуту.

Затѣмъ, когда всѣ пирующія достаточно развеселятся подъ вліяніемъ угощенія, дѣвушки-хозяйки встаютъ въ рядъ посрединѣ избы передъ сидящими гостьями и начинаютъ, такъ сказать, вступительный танецъ. Пляска Чувашекъ отличается отъ русскихъ и отъ татарскихъ женскихъ плясокъ во 1-хъ тѣмъ, что приступая къ ней, Чувашки предварительно обращаются къ иконѣ и крестятся, и во 2-хъ той характеристичною особенностью, что Чувашки почти

*) Татарки здѣшняго края, отправляясь куда-либо пѣшкомъ, не носятъ дѣтей на рукахъ, какъ русскія женщины, но возятъ ихъ въ маленькихъ лубочныхъ коробкахъ съ верхомъ въ видѣ кибиточекъ; имъ подражаютъ и живущія смежно съ Татарами Чувашки; эти то кибиточки и разумѣются въ разбираемой пѣснѣ.

вовсе не поднимаютъ ногъ отъ поверхности пола, а только перестанавливая попеременно то пяту, то ступню, шаркаютъ и какъ бы скользятъ по полу бокомъ въ данномъ направленiи или же повертываются на пятахъ изъ стороны въ сторону. При этомъ танцующiя пятой одной ноги выбиваютъ тактъ, а руки съ опущенными кистями поднимаютъ выше груди или надъ головой или же хлопаютъ въ ладоши и поютъ подъ музыку:

Йыгыш-йыгыш ташлама,
Ор'ай яга болиньче,
Халь дэ яга ягинэ
Тада яга болиньче!

«Шаркъ-шаркъ поплясать (шаркая поскользить), полъ чтобы гладокъ (ровенъ) былъ, и теперь-то гладокъ онъ, да чтобъ еще глаже гладкаго былъ»!

Послѣ вступительнаго танца каждая изъ дѣвушекъ-хозяекъ по очереди приглашаетъ, или, какъ говорится у русскаго простонародья, поднимаетъ (съ мѣста) свою гостью и пляшетъ съ нею; приэтомъ въ видѣ поощренiя приглашенныхъ къ пляскѣ поется:

Ташлазам, аппа, ташлазам,
Кюрьги пюдек парып,
Иненьмэзерь тохса пых,
Хюри айынэ тытса пых!

«Попляши, сестрица, попляши; осенняго барашка подарю я; коль не вѣришь—выдь погляди *)...

Въ то же время въ похвалу, или въ видѣ комплимента танцующимъ гостямъ дѣвушки-хозяйки поютъ:

Хора инэ пулан-бэк,
Хюри визе сьюлэнь—бэк:
Хамыр тандыш ташланы чох
Шынаршыры ача бэк!

«Черная коровушка—какъ олень, конецъ хвоста—какъ змѣя: мы предъ нашими гостьями (ровесницами)—во время пляски—какъ зыбочныя дѣти».

Кромѣ приведенныхъ поется во время пляски много и другихъ пѣсенъ какъ по татарски, такъ и по чувашски, съ разными припѣвами.

*) Послѣднiй стихъ не совсѣмъ приличенъ въ переводѣ, но по деревенской простотѣ онъ можетъ возбудить не болѣе какъ только улыбку.

Наконецъ развеселившіяся и восхищенныя разгуломъ пира дѣвушки подъ музыку и пляску поютъ пѣсни на счетъ самаго пира и выражаютъ свои желанія относительно устройства подобныхъ пировъ на будущее время:

Ай-хай хавас хйрь-сыры! (bis)
Сьоллень сьолэх польмэжы? (bis)
Хальдэ сьоллень сьолленэх—(bis)
Сьоллень икке польмежы? (bis)

«Эхъ! что за веселье — дѣвичій пиръ! Будетъ ли онъ каждый годъ? И теперь-то онъ изъ года въ годъ—да нельзя ль ему бывать по-дважды въ годъ»?

Сьиттерь хале сьув'арни! (bis)
Пучух-шар ашат парыбыр, (bis)
Иккь-шэр хуна илебер, (bis)
Сар'алдырба изебер! (bis)

«Приходи теперь масляница! Дадимъ мы по двѣ пудовки солоду, возьмемъ мы (пригласимъ) по двѣ гостьи (каждая) и желтою братиною мы пить будемъ».

Въ заключеніе, послѣ веселыхъ плясовыхъ пѣсенъ и продолжительныхъ танцевъ, дѣвушки-хозяйки, какъ бы сознавая, что устроенный ими пиръ выполненъ вполнѣ удовлетворительно, затягиваютъ протяжную пѣсню, давая въ ней своимъ гостьямъ намекъ, чтобы и тѣ пригласили ихъ на подобный пиръ и приняли ихъ ласково.

Лажам (ахта) сьюрень (ай) болиньче,
Сьолым (ахта) сьол-зи болиньче
Хунам (ахта) ыра (ай) болиньче,
Хирись (эхтэ) тохса илиньче!

«Ахъ! еслибъ лошадка моя была рыжая! ахъ если бы дорожка моя была гладкая! если бъ гостьюшка моя была добрая, на встрѣчу вышедши приняла бы (меня)»!

Вслѣдъ за этой пѣсней учредительницы пира запѣваютъ другую также протяжную пѣсню, низко кланяясь во время ея своимъ гостьямъ и выражая въ ней одновременно и благодарность за посѣщеніе и извиненіе въ недостаткахъ пира.

«Нѣтъ у меня, моя гостьюшка, ни золота, нѣтъ у меня ни серебра: чего же бы дать тебѣ, моя гостьюшка? Далъ (мнѣ) Богъ (только лишь, ай) одну головушку: поклонюсь (же) я тебѣ, моя гостьюшка»!

Этой пѣсньюо оканчивается требуемая этикетомъ церемонія пира; послѣ нея снова начинаются угощеніе, пѣсни и пляска.

Дѣвушки пируютъ цѣлыя сутки, и только на другой день къ вечеру учредительницы пира провожаютъ своихъ гостей; причемъ послѣднія приглашаютъ первыхъ къ себѣ на Хйрь-сыры и угощаютъ ихъ точно такимъ же образомъ.

Во время пира въ избѣ бываетъ необыкновенно жарко и душно, потому что кромѣ пирующихъ набивается множество народа изъ любопытства. При этомъ дѣвушки-хозяйки не угощаютъ пивомъ никого изъ посѣтителей: желающій выпить непремѣнно долженъ заплатить деньги, которыя собираетъ одна изъ учредительницъ пира. Изъ этого сбора даютъ условленную плату музыканту, а остатокъ или дѣлятъ между собою, или покупаютъ на него дешевыхъ пряниковъ, которые съѣдаютъ вмѣстѣ.

Учредительницы пира сами вызываютъ посѣтителей на выпивку пива и на уплату за него денегъ, для чего поютъ разныя относящіяся къ этому предмету пѣсенки, иногда самыя безцеремонныя, какъ напр. (по-татарски):

Акча бирсянгь—акча бирь
Акча бирмясянгь—чигыб кить.

«Если хочешь дать денегъ—такъ давай деньги, а не давать денегъ—такъ ступай вонъ».

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ дѣвушки дѣйствуютъ большей частью намеками, заставляя, напр. воображаемую собачѐнку напоминать посѣтителямъ объ деньгахъ; такъ онѣ поютъ:

Кыдык-кыдык! шор'чыгы, (bis)
Сьымарда тума килэт'ул: (bis)
Шор'кюрюклэ печчезэм, (bis)
Окся бама килет'ул: (bis)
Окся баман пиччезэ (bis)
Кюрюк аргыньчэнь торт, йыттым!

«Кудак-кудак! бѣлая курочка: яйцо снести хочетъ она въ бѣлой шубѣ дядюшка (господинъ), денегъ дать хочетъ онъ; не давшихъ денегъ господъ за полу шубы тяни, собачка»!

Достойно вниманія, что въ пирахъ этихъ принимаютъ участіе и татарскія дѣвушки въ названной мѣстности. Онѣ свободно говорятъ по-чувашски, а чувашскія дѣвушки въ свою очередь свободно владѣютъ татарскимъ языкомъ.

Тѣ и другія поютъ поэтому однѣ и тѣ же пѣсни и по татарски и по чувашски. Мотивы пѣсенъ одни и тѣ же и, по словамъ стариковъ, остаются неизмѣнными съ незапамятныхъ временъ.

Чтобы читатель могъ нѣсколько судить о степени различія и долѣ сходства двухъ языковъ, приведемъ въ параллель два текста одной и той же пѣсенки (см. выше: «Нѣтъ у меня, гостьюшка»...) на татарскомъ и чувашскомъ языкѣ:

По-татарски:

Алтыным јук, кунагым, кӧмӧшӧм јук:
Ней бирейем, кунагым, минь синга?
Алла (да-гына) биргянь (ей) берь башым:
Башырыйым, кунагым, минь синга!

По-чувашски:

Ылтыным сьок, хуназам, кюмюлем сьок:
Минь барамжынь хуназам, эпь сана?
Тора (ахта) баны (ай) перь позим:
Посьсябам (ах), хуназам, эпь сана!

Кромѣ приведенныхъ пѣсенъ у Чувашъ есть и другія. Мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приведемъ двѣ-три изъ нихъ, что было время, когда писали (г-жа Фуксъ), будто пѣсни Чувашъ спрятаны въ ихъ воображеніи; будто когда они ѣдутъ лѣсомъ, то поютъ экспромтомъ пѣснь лѣсу; плывутъ по рѣкѣ—поютъ похвалу ей; ѣдутъ по дорогѣ—поютъ о ней и о разныхъ быляхъ и небылицахъ. Справедливо, какъ подтверждаетъ Сбоевъ, что Чуваши дѣйствительно часто импровизируютъ свои пѣсни; но это въ такомъ случаѣ говоритъ только въ пользу ихъ способностей, а не за отсутствіе у нихъ постоянныхъ пѣсенъ; таковыя у нихъ есть и переходятъ изстари отъ одного поколѣнія къ другому. Напр.

I.

Хора хирь-зэнэ	Брюнетокъ дѣвушекъ
Хора Тора сіоратны;	Черный богъ родилъ;
Хирле хирь-зэнэ	Красивыхъ дѣвушекъ

Херле Тора сіоратны	Красивый богъ родилъ,
Хирь-зэм хизирь болас-ран	А чтобы дѣвушки не были безплодны,
Пире Тора сіоратны.	Для того насъ Богъ родилъ.
Хора хирь зэнэ	Чернымъ дѣвушкамъ
Хора корга-ба сыра барас!	Чернымъ ковшомъ пива поднести!
Хирле хирь зэнэ	Краснымъ дѣвушкамъ
Хирле корга-ба сыра барас!	Краснымъ ковшомъ пива поднести!

2.

Чол-хола-ра чон выллять	Въ Нижнемъ душа играетъ,
Пирин хола-ра іон выллять.	Въ нашемъ городѣ кровь играетъ.
Симбирь котлых-чин котлых,	Симбирскія шлеи — ременныя шлеи;
Хазан кисрэ — хора кисрэ,	Казанская лошадь — вороная лошадь;
Сіол кюскетьме ву іорать;	Дорогу сократить она годится;
Хонимын хирь-хора хирь	Тестева дочь — черная дѣвушка,
Сюрь кюскетьме ву іорать;	Ночь сократить она годится,
Пирин окся хоним ра.	(Потому что) наши деньги (калымъ у тестя.
Хоним хирь мрт-туре,	(Услышавъ это) тестева дочь фыркнула,
Хозан кисрэ хрт-туре,	Казанская лошадь брыкнула,
Симбирь котлых мрт туре.	Симбирская шлея тррр... оборвалась.

3.

Кош, кош, вурман, кош, вурман!	Шумитъ, шумитъ дубровушка!
Миньма туджах кошлать ву?	Зачѣмъ же все шумитъ она?
Сіоллень торат хожас деть	Сучки родить сбирается.
Кош, кош, хумуш кош, хумуш!	Шумитъ, шумитъ камышокъ!
Миньма туджах кошлать ву?	Зачѣмъ шумитъ онъ все?
Сіоллень сыппаларас деть.	Колѣнца ставить думаетъ...
Кирь, кирь, халых, кирь халых!	Шумитъ народъ, волнуется!
Миньма кирьзеть сявъ халых?	Зачѣмъ же тотъ народъ шумитъ?
Сіолленег чіон хожас деть.	Душъ прибавлять думаетъ.
Атте боны хор-лажа;	Далъ мнѣ батюшка ворона коня;
Тыдам, кюлем-день-чочне...	Дай впрягу, подумалъ я:
Іоман-каски болза выртре.	Дубовой колодой конь сдѣлался...
Атте баны шор-ине,	Далъ мнѣ батюшка корову бѣлую;
Тыдам, сувам-день-чохне. .	Ну-тка подою, подумалъ я:

Хорын-каски болза выртре...	Березовой колодой она сдѣлалась...
Атте баны харле сорых;	Далъ мнѣ батюшка овцу;
Тыдам илем сюмне день-чохне:	Сниму шерсть съ нея, подумалъ я:
Херле янгар болза выртре...	Гнилушкой красной она сдѣлалась.
Атте баны порьзин пизихи;	Далъ мнѣ батюшка кушакъ шелковый;
Тыдам, сигам-день-чохне:	Дай подвяжу, подумалъ я:
Пожит-чиле болза выртре.	Лыкомъ кушакъ сдѣлался...
Атте баны порьзин тодыр;	Далъ мнѣ батюшка платокъ шелковый;
Тыдам, сигам-день-чохне:	Дай подвяжу, подумалъ я:
Вирене-сюльчи болза выртре.	Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Кромѣ этихъ пѣсенъ есть и другія въ этомъ родѣ; есть сатирическія, есть даже бранныя, пересыпанныя тѣми русскими выраженіями, которыя не удобны для печати и которыя — какъ это замѣчено на Нѣмцахъ-колонистахъ, на Калмыкахъ, Черемисахъ, Татарахъ—инородцы усвоиваютъ прежде всего и въ совершенствѣ.

По поводу пѣсенъ Сбоевъ замѣчаетъ, что устройство чувашскаго стиха — тоническое. «Первое условіе, говоритъ онъ, и основаніе чувашской версификаціи, составляетъ логическое удареніе, другое,—игра словъ и аллитерація, занимающая у Чувашъ мѣсто нашей рифмы; только рифма эта бываетъ у нихъ не на концѣ стиха, но въ началѣ или срединѣ».

Обрусеніе. Въ пирахъ и празднествахъ, а также въ пѣсняхъ Чувашскій народъ рисуется передъ нами снова, какъ народъ далеко не лишенный живости, впечатлителкности, ума и добродушія. Намъ сдается, что многіе изъ читателей представляютъ себѣ Чувашъ съ совершенно противоположными качествами и едвали свободны отъ того, чтобы подъ часъ не улыбнуться при имени Чувашинъ, которое долго служило браннымъ словомъ вмѣсто дуракъ разгильдяй, неряха и т. п. Если послѣ всего сказаннаго о Чувашахъ читатель, не чуждый до сего времени ложнаго предубѣжденія противъ нихъ, взглянетъ на нихъ иначе, и будетъ склоненъ признать тѣ же хорошія качества, какими онъ не прочь надѣлить Русскихъ, то пространность нашего

очерка Чувашъ найдетъ себѣ оправданіе, и тѣмъ большее что, какъ было уже сказано, вопросъ о степени развитія инородцевъ вообще и объ интеллектуальныхъ способностяхъ ихъ въ частности имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи и для будущихъ судебъ молодаго, еще не вполнѣ сложившагося Русскаго народа.

Не слишкомъ уже далеко то будущее, когда разсматриваемое Поволжье будетъ представлять сплошное Русское населеніе (развѣ только Татары долѣе прочихъ инородцевъ сохранятъ свои національныя отличія), и непосвященному въ тонкости антропологической науки невозможно будетъ признать въ этихъ Русскихъ потомковъ Мордвы, Черемисъ и Чувашъ, какъ теперь мы не можемъ сказать ни объ одномъ жителѣ верхняго Поволжья, течетъ ли въ его жилахъ чисто славянская кровь или чисто финская, татарская или наконецъ данный субъектъ представляетъ собою по происхожденію своему результатъ соединенія нѣсколькихъ этническихъ элементовъ.

Обрусеніе Чувашъ идетъ довольно успѣшно. Если мы до сихъ поръ говорили о ихъ напр. вѣрѣ, какъ о существующей до настоящего времени, то только потому, что она дѣйствительно не угасла совершенно. Но съ другой стороны будемъ имѣть въ виду, что уже болѣе 130 лѣтъ тому назадъ Чуваши обращены въ христіанство и что число приверженныхъ язычеству въ Казанской губерніи представляетъ собою ничтожную цифру въ тысячу человѣкъ съ небольшимъ *). А общность религіи — едвали нужно оговариваться — составляетъ уже большой шагъ въ процессѣ ассимиляціи инородцевъ. Правда, Чувашъ нельзя назвать истыми христіанами. Чувашинъ, кажется, имѣетъ очень смутное понятіе о Христѣ и еще болѣе смутное объ Евангеліи. Для него св. Николай-Чудотворецъ, повидимому, важнѣе Христа. Но и Николая Чудотворца онъ чтитъ своеобразно; онъ вѣритъ напр. торговцу, что, покупая у него образъ Николая Чудотворца, онъ покупаетъ вмѣстѣ и его покровительство. И тотъ же Чувашинъ въ простотѣ души своей находитъ, что не мѣшаетъ

*) По Лаптеву. Но по «Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерній» (1866) — до 3000. Для Самарской губерніи въ «Спискѣ» ея населенныхъ мѣстъ также значится до 3000 Чувашъ язычниковъ.

иногда прочесть и наставленіе Николаю Чудотворцу, чтобъ онъ не попался впросакъ: «смотри же, говоритъ, добродушный «Василій Иванычъ» *) обращаясь къ иконѣ: смотри же, Микола-богъ! (Мигула-Тора) можетъ быть, сосѣдъ мой Максимка что нибудь наговорилъ тебѣ на меня, или станетъ ябедничать; такъ ты его не слушай: я ему ничего худого не сдѣлалъ и зла не желаю. Самъ онъ негодяй хвастунъ и каштанъ (въ смыслѣ міроѣдъ); онъ тебя не почитаетъ, а только лицемѣритъ; а я вотъ тебѣ отъ души свѣчу поставилъ.»

Но если Чувашинъ слабъ въ понятіи о Богѣ и святыхъ и объ отношеніяхъ къ нимъ, то припомнимъ, что и Русскій (крестьянинъ) стоитъ въ этомъ отношеніи чуть не на одномъ уровнѣ съ Чувашиномъ. И въ вопросѣ объ ассимиляціи не имѣетъ большаго значенія (можетъ быть и никакого) смутность понятій Чувашина о христіанской религіи: достаточно чистосердечія вѣры и сознанія, что онъ, Чувашинъ, одной вѣры съ Русскимъ. А то и другое въ Чувашинѣ несомнѣнно.

Къ этому прибавимъ, что Чуваши оказываются очень склонными къ обрусенію. Странно, что Сбоевъ утверждаетъ, будто Чуваши съ какимъ то подобострастнымъ уваженіемъ придерживаются образа жизни предковъ; между тѣмъ какъ онъ же говоритъ: «къ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ Чуваши питаютъ отвращеніе и презрѣніе. Священныя рощи (керемети) повырублены такъ, что и слѣдовъ ихъ не осталось. О варварскомъ обычаѣ *тащить непріятелю сухую бѣду*, т. е. вѣшаться на дворѣ своего врага, не слышно болѣе.

Чувашинъ не смотритъ болѣе кретиномъ. Онъ не видитъ въ каждомъ Русскомъ своего повелителя»...... Въ другомъ же мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что «послѣдній предѣлъ, къ которому стремится честолюбіе Чувашъ (изъ зажиточныхъ, торгующихъ), составляютъ родственныя связи съ Русскими. Отдать дочь за Рус-

---

*) Въ Поволжьи «Василій Ивановичъ» есть шутливопочетное имя каждаго Чувашина, какъ *князь* шутливо-почетный титулъ Татарина. О происхожденіи этого имени-отчества есть преданіе, будто посланный для крещенія Чувашъ іеромонахъ Веніаминъ (впослѣдствіи митрополитъ казанскій), крестя Чувашъ цѣлыми толпами, давалъ имъ свое свѣтское имя *Василій*. Отчество же *Иванычъ* получилось будто бы отъ воспринимавшаго діакона Ивана Афанасьева.

скаго, или женить сына на Русской — это верхъ благополучія для Чувашина-аристократа», которому стремится подражать и нищая братія, «стараясь изучить русскій языкъ».

Стремленіе сдѣлаться похожимъ на Русскаго не ограничивается только внѣшностью. Чувашинъ самолюбивъ и хочетъ быть не глупѣе Русскаго. Мы уже говорили, что Чуваши оказываются очень способными къ умственному развитію. Приведемъ теперь замѣчательный примѣръ *саморазвитія*, представляемый Спиридономъ Михайловичемъ Михайловымъ. Это былъ крестьянинъ, природный Чувашинъ, служившій впослѣдствіи переводчикомъ при Козьмодемьянскомъ земскомъ судѣ. Родъ Михайлова между Чувашами, если не знатный, то старинный: прапрадѣдъ его Чувашинъ Тэвеля участвовалъ въ походахъ Петра I подъ Азовомъ, и его разсказы долго сохранялись между Чувашами. Михайловъ съ малолѣтства жилъ у одного изъ козьмодемьянскихъ купцовъ, выучился русской граматѣ и, женившись на русской ростовской мѣщанкѣ, также граматной, сильно пристрастился къ чтенію. Долгое время онъ могъ удовлетворять себя чтеніемъ разныхъ книгъ духовнаго содержанія, но наконецъ ему разъ попались разрозненные томы «Исторіи Государства Россійскаго». Увлеченный и содержаніемъ этихъ книгъ, и прелестью ихъ слога, Михайловъ съ этого времени душевно предался чтенію всего историческаго; а чтеніе это навело его на мысль собирать свѣдѣнія о минувшихъ судьбахъ и настоящемъ состояніи своего роднаго края. Въ 1851 году онъ рѣшился попытать свои силы на литературномъ поприщѣ и доставилъ въ Казанскія губернскія вѣдомости одну историческую статейку о Козмодемьянскѣ, «какъ знакъ уваженія и благодарности къ козмодемьянскимъ гражданамъ за то, что они его, инородца по происхожденію, возвысили на степень человѣка Русскаго и научили гордиться этимъ славнымъ именемъ». Привѣтъ, встрѣченный Михайловымъ со стороны редактора губернскихъ вѣдомостей, а также и отъ нѣкоторыхъ профессоровъ университета, одобрилъ его, и онъ сталъ съ большимъ усердіемъ заниматься историческими, этнографическими и статистическими изслѣдованіями о западныхъ уѣздахъ Казанской губерніи. Нѣкото-

рыя изъ статей его доставлены были имъ въ императорское русское Географическое Общество и пріобрѣли ему званіе члена-сотрудника этого общества и серебряную медаль. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ избранъ въ члены корреспонденты Казанскаго статистическаго комитета. Ученые путешественники, напримѣръ Регули, Кастренъ, Альквистъ, посѣщая Казанскую губернію для филологическихъ изслѣдованій, знакомились съ Михайловымъ и пользовались его указаніями *)

Выше мы имѣли случай сослаться на одного автора, который приписываетъ придавленность или извѣстную долю тупости Черемисъ вліянію позднѣйшаго времени. То же, кажется, можно сказать и о Чувашахъ. Если мы и говоримъ объ успѣшномъ обрусеніи этого народа, то должны будемъ имѣть въ виду, что успѣхи эти принадлежатъ позднѣйшему времени: чѣмъ цивилизованнѣе и свободнѣе становится Русскій народъ, чѣмъ либеральнѣе его правительство вкупѣ со всею администраціею, тѣмъ больше и больше шансовъ на поднятіе нравственнаго и умственнаго уровня Чувашъ. Не то было въ очень недавно минувшее время. Мы уже видѣли намеки на то, что когда-то Чуваши стояли на высшей ступени развитія. Что подѣйствовало губительно на ихъ развитіе — сказать трудно. Но съ увѣренностью можно полагать, что то хотя бы немногое, что уцѣлѣло въ нихъ въ періодъ покоренія ихъ Русскими, было сгублено русскою администраціею. Трудно развить человѣка, поднять его; но сдѣлать дуракомъ, унизить до значенія почти идіота и приравнять къ скоту очень легко, какъ то видимъ на русскомъ крѣпостномъ крестьянинѣ (особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ Волги).

Чѣмъ былъ въ глазахъ Чувашина не царь, министръ или, скажемъ, губернаторъ, а просто какой нибудь исправникъ, становой и т. п. мелкіе чины администраціи, можно судить по слѣдующему примѣру: какой то выгнанный изъ службы подканцеляристъ Брагинъ ѣдетъ чувашскими селеніями въ городъ Козьмодемьянскъ къ должности писца земскаго суда. Близко деревня—станція. Подканцеляристъ выпрямляется, принимаетъ величавую осанку и грозный видъ.

*) Сообщеніе о Михайловѣ принадлежитъ А. Артемьеву, автору обзора Казанск. губ. въ «Спискѣ» ея населенныхъ мѣстъ.

Подъѣхалъ. «Лошадей!» кричитъ канцеляристъ, и ни съ того ни сего, вмѣсто «здорово живешь» даетъ выборному двѣ горячія оплеухи. Тотъ съ знаками уваженія, съ низкими поклонами провожаетъ гостя въ домъ. Тамъ пріѣхавшій велитъ подать себѣ вина, пива, яицъ и супъ изъ курицы. Навалившись на все, а особенно на вино, канцелярская персона не безъ труда выходитъ изъ за стола и, шатаясь, направляется къ поданнымъ лошадямъ. Но что это: *пара* вмѣсто *тройки!* Каакъ! восклицаетъ баринъ: пара?! Не ѣду! и съ этимъ словомъ вынимаетъ изъ кармана какую то книжонку пошлыхъ стиховъ, какія-то двѣ-три черновыя просьбы (писанныя имъ же за пятіалтынный) и начинаетъ разбрасывать по двору (якобы важные документы), давая тѣмъ поводъ предчувствовать Чувашину какую-то страшную впереди бѣду. Оторопѣлый Чувашинъ бережно подбираетъ бумажный хламъ, велитъ ямщику пристегнуть свою собственную лошадь и, кланяясь въ ноги, жалобно молитъ грознаго подканцеляриста не погубить его съ ребятишками; и въ заключеніе вручаетъ синенькую ассигнацію...

А писарь? — шутка сказать! Писарь чуть ли былъ не страшнѣе самого Хаяръ-Кереметя, и ужь положительно страшнѣе просто Бога. «Побойся ты Бога!», говорятъ бывало Чувашину на базарѣ: слыханы ли такія цѣны!» «Эхъ, мачка (матушка), отвѣчалъ Чувашинъ: что Бога бояться: Богъ не писарь».

Нѣтъ хуже бѣды для Чувашъ, какъ столкновеніе съ русскою администраціею. Имъ и теперь «все еще мерещится, какъ страшный призракъ, возможность *бѣды*, т. е. столкновенія съ судомъ» замѣчаетъ Сбоевъ.*) Поэтому же, говоритъ Сбоевъ, Чуваши не заботятся объ улучшеніи своего быта. Чувашинъ вѣренъ въ своемъ словѣ, вѣренъ своей присягѣ; но «пирэ *вырысла* причак пайдалла мар», говорятъ они (для насъ *русская* присяга не дѣйствительна). Характерна также пословица: « *Тодар поятъ—арым илэтъ, Вырыс поятъ—лажа илэтъ, Чываш поятъ—негегэ баратъ*; т. е.: Татаринъ богатѣетъ — жену беретъ, Русскій бога-

---

*) Вспомнимъ расхищеніе башкирскихъ земель, или напр. о подвигахъ губернатора Скарятина среди Татаръ: это уже дѣянія нашего времени.

тѣетъ — лошадь покупаетъ, Чувашинъ богатѣетъ, — бѣду платитъ, — намекъ на то, что русскіе администраторы наведутъ бѣду и высосутъ все богатство.

О происхожденіи Чувашъ.

Намъ остается еще сказать о томъ, извѣстно ли что нибудь о прошломъ Чувашъ: кто они, откуда и когда явились на Волгѣ. Замѣчательно, что въ старинныхъ извѣстіяхъ арабскихъ писателей не встрѣчается имени Чувашъ. Но еще замѣчательнѣе, что о нихъ молчатъ и русскія лѣтописи. Впервые это имя встрѣчается подъ 1551 годомъ, т. е. уже накануне покоренія Казани, когда Русскіе уже проникли въ Чувашскую землю и, конечно, не могли бы не знать о внезапномъ появленіи новопришедшаго народа. Поэтому едвали можно сомнѣваться, что Чуваши и до прихода Русскихъ жили по Волгѣ. Чрезвычайное сходство, замѣчаемое у Чувашъ и Черемисъ во многихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и въ словахъ, изобличаетъ ихъ давнее сосѣдство. Невозможно допустить, чтобы въ какія нибудь три столѣтія могло проявиться въ широкихъ размѣрахъ вліяніе одного полудикаго народа на другой, притомъ, по мнѣнію многихъ, единоплеменный. Остается только одно допустить, что Чуваши были извѣстны подъ другимъ именемъ. Правда, они *сами* зовутъ себя Чувашами (Чуваш, Чываш, Йываш) и, казалось бы, должны были быть извѣстны подъ тѣмъ же именемъ и другимъ народамъ. Но оказывается, что очень часто одинъ народъ слыветъ у другаго не подъ собственнымъ своимъ именемъ, а подъ другимъ: такъ мы уже знаемъ, что народъ *Мари* у другихъ народовъ зовется Черемисами; теперь прибавимъ, что напр. народъ Казаки извѣстенъ у насъ подъ именемъ Киргизъ *), *Мадьяры* — подъ именемъ Венгровъ, *Манси* — подъ именемъ Вогуловъ; Вотяки, называющіе себя *Уд-мортъ*, у Татаръ слывутъ подъ именемъ *Ар*, а Татары у Вотяковъ зовутся *Бигер;* Чуваши зовутъ Киргизъ *Ногаями*; а у Киргизъ подъ именемъ Ногаевъ извѣстны Татары. Въ виду этого очень вѣроятно предположеніе, что Чуваши обязаны своимъ общепринятымъ теперь названіемъ Русскимъ, которые, встрѣтившись съ ними, стали называть ихъ такъ, какъ они, т. е. Чуваши сами себя

*) Собственно *Кыргыз* есть часть Киргизскаго народа, населяющая сѣверовосточныя земли Коканскаго ханства. Наши же Киргизы зовутъ себя *Казак* (т. е. вольный); такъ же зовутъ ихъ Татары, Бухарцы и Хивинцы.

зовутъ; до того же времени Чуваши назывались другими народами иначе, Черемисы и теперь зовутъ Чувашъ не Чувашами, а *Курук-Мари* (т. е. Горные Черемисы). Если послѣ этого мы найдемъ, что одновременно съ отсутствіемъ въ письменныхъ извѣстіяхъ имени *Чуваши* существовало здѣсь какое нибудь другое имя народа, то тѣмъ болѣе будемъ вправѣ принять, что этимъ то именемъ и назывались Чуваши. Такое имя и есть: это—*Буртасы.* Большое вѣроятіе тожества Буртасъ и Чувашъ подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что Буртасы сошли съ исторической сцены такъ внезапно и такъ безслѣдно, что можно подумать, будто они исчезли съ лица земли какимъ то сверхъестественнымъ способомъ.

Наконецъ скажемъ, что имя народа Буртасъ окончательно исчезло въ очень еще недавнее время. Оно было извѣстно Русскимъ спустя долго по занятіи ими средняго Поволжья. Такъ, въ одной граматѣ временъ уже Петра говорится (1693) напр.: «да им же Буртасомъ дано на животинный выпускъ и на сѣнные покосы... и послѣ де писцовъ тѣ Буртасы пособные Татаровя изъ деревни Ногаевы и изъ выставокъ сошли жить на иныя мѣста». Сбоевъ говоритъ, что Русскіе встарину отожествляли Буртасъ съ Чувашами; что вытѣсняя послѣднихъ съ выходныхъ мѣстъ, они называли иногда свои новыя селенія именемъ *Буртасы.* Таково происхожденіе двухъ русскихъ селъ Буртасъ; одного въ Свіяжскомъ, другого въ Цивильскомъ уѣздѣ. Всѣхъ же селеній съ этимъ именемъ въ Казанской губерніи 11; а сверхъ того 6 селеній съ именемъ Бурнашъ или Бурнашево.

Въ силу всего сказнннаго многіе ученые приходятъ къ любопытному историческому открытію, что Буртасы не исчезли, а пребываютъ и до нынѣ подъ тѣмъ же именемъ, подъ какимъ знали себя съискони, т. е. подъ именемъ Чувашъ; утратилось только названіе *Буртасы*, данное имъ, быть можетъ, Болгарами или Хозарами. Можетъ быть однако, что Чуваши, заимствуя у другихъ многое, не прочь были въ прежнее давнее время и сами называть себя не только Чувашами, но и даннымъ имъ именемъ Буртасъ, тѣмъ болѣе, что, какъ объясняетъ Сбоевъ, самое имя Буртасъ можетъ быть объяснено изъ чувашскаго же языка.

Бурт (вурт?), близко есъ *юрт* имѣетъ значеніе жилья; *сы*— партиципіальное окончаніе; такимъ образомъ Буртасы будетъ имѣть значеніе *осѣдложивущихъ*; или просто это будетъ перенесеніе имени главнаго жилья (становища) главнаго города *Буртаса* на цѣлый народъ. Городъ находился, по мнѣнію Сенковскаго, въ окрестностяхъ нынѣшняго Саратова. Также и названіе другаго буртасскаго города — *Сивара* Сбоевъ производитъ изъ чувашскаго языка. Даже извѣстный Саркелъ есть, по его мнѣнію, названіе чувашское: *шора-килъ*—бѣлый домъ. Греки, не имѣвшіе буквы *ш*, превратили это имя въ *Саркелъ*, а Руссы буквально съ чувашскаго перевели словами: Бѣлая Вѣжа.

Итакъ, многое говоритъ за то, что Буртасы и Чуваши— одинъ и тотъ же народъ. И по скольку это такъ, то говорить о прошломъ Чувашъ значитъ то же, что говорить о Буртасахъ, о которыхъ уже сказано. Однако слѣдуетъ замѣтить, что тожество Буртасъ и Чувашъ признается не всѣми единогласно. По крайней мѣрѣ въ прежнее время нѣкоторые не прочь были считать Чувашъ болгарскимъ народомъ; а съ другой стороны уже въ наше время одинъ изъ русскихъ ученыхъ утверждалъ, что подъ именемъ Буртасъ Арабамъ были извѣстны Мордва племени Мокша.

Изъ сдѣланной оговорки читатель можетъ видѣть также, что и по вопросу о принадлежности Чувашъ тому или другому племени не существуетъ еще единогласно, окончательно установленнаго мнѣнія. Въ послѣднее время преобладающимъ является то, согласно которому Чуваши относятся къ племени тюрскому. Но еще очень недавно большинство *филологовъ* считало Чувашъ принадлежащими къ финскому племени. Подчеркиваемъ слово «филологовъ», потому что *они* находили, что чувашскій языкъ есть *финское* нарѣчіе, между тѣмъ Сбоевъ утверждаетъ, что «чувашскій языкъ есть *чисто тюркское* нарѣчіе и *почти безъ всякой примѣси словъ финскихъ*». Дѣйствительно, знакомясь съ доказательствами, какими подкрѣпляетъ свое положеніе Сбоевъ, а также разсматривая корневой чувашскій словарь, не возможно не согласиться, что чувашскій языкъ долженъ быть отнесенъ къ нарѣчію тюрскому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что родство чувашскаго языка съ языками тюрк-

скихъ народовъ есть пока единственное доказательство принадлежности Чувашъ къ тюркскому племени. Само собою, что доказательство это очень сильно; но едвали оно достаточно для того, чтобы считать вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, читатель, что какой нибудь ученый, ознакомясь съ Мордвою Нижегородской губерніи, сталъ бы доказывать, что языкъ мордовскій почти не заключаетъ въ себѣ финскихъ словъ и что онъ необычайно близокъ къ русскому и что поэтому Мордва народъ славянскаго племени; а другой ученый, основываясь на необычайномъ родствѣ языка русскаго съ славянскимъ, пришелъ бы къ заключенію, что Русскіе — чистокровные потомки Славянъ: не ошиблись ли бы оба ученые? Дѣйствительность показываетъ, что Мордва,—финское племя, говорящее русскимъ языкомъ; а Русскіе—смѣсь Славянъ, Татаръ, Болгаръ, Литовцевъ и Финновъ; смѣсь, въ которой Славяне являются только господствующимъ элементомъ. Точно также въ нѣкоторыхъ тундрахъ легко было бы принять множество людей, занимающихся оленеводствомъ за Самоѣдовъ, такъ какъ они говорятъ самоѣдскимъ языкомъ: между тѣмъ это — Остяки, которые въ сильной степени ассимилируются Самоѣдами, забываютъ свой языкъ, промѣнивая его на самоѣдскій. Любопытный примѣръ въ этомъ родѣ представляютъ жители нѣкоторыхъ селеній въ Казанской губерніи: они называютъ себя Чувашами, а говорятъ по татарски. Г. Золотницкій высказываетъ убѣжденіе, что живущіе по правую сторону Волги (въ Казанской губерніи) Татары суть потомки отатарившихся настоящихъ Чувашъ. Что же намъ ручается за то, что Чуваши не финское племя, потерпѣвшее на себѣ вліяніе народа иного племени?

Затѣмъ спросимъ: что представляетъ большую устойчивость: языкъ или обычаи? Извѣстно, что языкъ въ значительной мѣрѣ подвергается измѣненіямъ какъ въ отношеніи словъ, такъ и въ отношеніи флексій (стоитъ только вспомнить о разницѣ нынѣшнихъ русскаго, итальянскаго, греческаго, нѣмецкаго и еврейскаго языковъ съ соотвѣтствующими имъ древними). При взаимныхъ враждебныхъ или дружественныхъ столкновеніяхъ двухъ народовъ, и тѣмъ болѣе при совмѣстномъ ихъ жительствѣ, каждый изъ нихъ

прежде всего знакомится съ словами и оборотами рѣчи сосѣдей; а при извѣстной степени подчиненности одного народа другому является болѣе или менѣе полное усвоеніе языка господствующаго народа. Не то видимъ по отношенію къ обычаямъ и вѣрованіямъ: каждый народъ упорно держится за свою вѣру и обычаи. Многіе изъ нашихъ инородцевъ давнымъ давно усвоили русскій языкъ, но еще не отказались отъ вѣры и обычаевъ. Даже въ русскомъ народѣ, уже давно перемѣнившемъ вѣру, сохраняются обычаи, ведущіе свое начало изъ самой глубокой древности. И если такимъ образомъ вѣрованія и обычаи представляютъ болѣе устойчивую сторону народа, нежели языкъ, то на основаніи существующаго сходства въ этомъ отношеніи между Чувашами, Черемисами и Мордвой трудно будетъ отказаться отъ мысли, что Чуваши—народъ финскаго племени. Правда, въ обычаяхъ или въ нѣкоторыхъ понятіяхъ Чувашъ указываютъ на сходство съ понятіями тюркскихъ народовъ. Между прочимъ находятъ напр., что у жителей востока придается особенное значеніе числамъ *семь* и *семьдясятъ семь*; то же замѣчается у Чувашъ, у которыхъ даже названіе числа *семь—сьичче*—родственно турецкому и киргизскому *йети*, *йадди* и татарскому *йиде*. Но въ такомъ случаѣ полезно имѣть въ виду, что и у Черемисъ эти числа пользуются особеннымъ вниманіемъ; а кромѣ того «замѣчательно, говоритъ г. Золотницкій, что съ мнѣніемъ магометанъ», будто Ева родила *семьдесятъ* паръ близнецовъ, отъ которыхъ произошло всѣхъ *семьдесятъ* народовъ и *семьдесятъ* языковъ, «не сходится мнѣніе Чувашъ и Черемисъ, которые признаютъ, что всѣхъ языковъ въ мірѣ не болѣе и не менѣе какъ *семьдесятъ семь*». Наконецъ у Чувашъ 77 относится не къ однимъ только языкамъ, а и ко многимъ другимъ предметамъ. Даже Вотяки (финскаго племени) почитаютъ это число, и напр. передъ посѣвомъ хлѣба просятъ Бога благословить и утвердить корень, чтобы отъ одного зерна было 77 колосьевъ и чтобы колосъ дѣлился на 7 суставовъ. Кромѣ *семи* у тюркскихъ народовъ пользуется почетомъ число *девять*. У Чувашъ — тоже. Но *тоже* и у Черемисъ и у Вотяковъ.

Приведемъ еще нѣкоторые примѣры, указывающіе на сходство, замѣчаемое между Чувашами и Татарами или

Чувашами и Черемисами или наконецъ Черемисами и Татарами. У Чувашъ, какъ и у Черемисъ, мужъ и жена до рожденія первенца зовутъ другъ друга по имени; а затѣмъ по имени первенца: напр., если первенецъ сынъ Иванъ или дочь Марья, то (какъ другъ другу, такъ и другъ о другѣ) говорятъ такъ: «*Йыван амышь! киль-га конда*» (Иванова мать, поди ка сюда) или «*Марья амыже пидэх сыв'мар*» (Марьина мать (т. е. жена моя) не совсѣмъ-то здорова).

Чуваши въ началѣ молитвословій и нѣкоторыхъ наговоровъ произносятъ въ значеніи нашего «Господи, благослови!» — *смэллэ!* или «*пиллэ!*» Это есть искаженіе арабскаго «бисм-иллях!» — «во имя Бога», и такимъ образомъ обнаруживаетъ *какое-то* отношеніе Чувашъ, посредственное или непосредственное, къ Арабамъ. У Черемисъ въ подобныхъ же случаяхъговорится: «смля!»

У Чувашъ употребляется привѣтственное выраженіе «*саламалик*!» У Евреевъ говорится при встрѣчѣ: «*салум-але-кем*»*!* или «шолом-алехем!» у казанскихъ Татаръ — „*салям аликм!*". Очевидно, что Чуваши не могли научиться такъ здороваться у финскихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда нельзя, конечно, выводить какого либо заключенія и о родствѣ Чувашъ съ тюркскими народами. У Черемисъ также имѣетъ мѣсто это привѣтствіе въ формѣ: «*саламанин!*» или иногда «цаламаникм!»

Если Чувашинъ (гость) выходитъ изъ избы за нуждою, то по возвращеніи долженъ, прежде нежели сѣсть, сказать хозяину: «тау сыйга!» — «благодарю за угощенье», послѣ чего хозяинъ снова усаживаетъ гостя на мѣсто. То же самое имѣетъ мѣсто у Татаръ, которые говорятъ: «*тав'сыйэ*». Но это же встрѣчаемъ и у Черемисъ съ тою только разницею, что они говорятъ: «*тау сыйлан*».

Подобнаго рода примѣровъ сходства можно было бы привести очень много. Но мы обратимъ вниманіе еще только на сходство словъ. Было уже сказано, что чувашскій языкъ принадлежитъ къ семьѣ языковъ тюркскихъ; черемисскій не причисляется къ тюркскимъ, но замѣчательно, что въ языкѣ Черемисъ многія самыя обыкновеннѣйшія понятія выражаются тѣми же словами какъ и у Чувашъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя слова:

	Почувашски:	Почеремисски (На другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ):
Человѣкъ	*эдэм*	*эдэм* (тат., перс. *адам*).
Человѣкъ, какъ отдѣльная личность	*сьын*	*йинг* (тат. *кеше*).
Душа	*чон*	лугов. Ч. *чон*, горн. Ч. *йанг* }кирг., тат. *йан*, перс. *джан*).
Отецъ	*атте*	*атьа* (тур. *ата*, венг. *атьа*)
Мать	*аннэ*, *аба*	*аба*, *авä* (морд. *авäй*; тур. *ана*)
Товарищъ	*йолдаш*	*йолташ* (тат. *йулдаш*, тур. *аркадаш*).
Врагъ, непріятель	*тушман*	*тушман* (тат. *дошман*; перс. *душман*).
Купецъ, хозяинъ	*хозя*	*хозя* (перс. *хаджа*).

(отсюда русское *хозяинъ*).

Хромой	*оксах*	*окшак* (тат. *аксак*).
Трезвый	*ора*	*ара* (тат. *айык*).
Слѣпой	*соккыр*	*сокыр* (тат. *сукыр*).
Злой	*хаяр*	*аяр* (араб. *аигар*).
Рябой	*шатра*	*шадра* (тат. *шадра*).

(отсюда русское *шадривый*).

Боль, недугъ	*чирь*	*черь* тат. *чирь*).

(не отсюда ли русское *чирей*?).

Умирать	*виль*	*колэм* (тат. *юль*, алт. *кал*.)

(отсюда русское *колѣть*, *околѣть*).

Ѣсть	*сьй*	*качкэм* (фин. куопіос syödä, морд. *сивиса*. вот. *си*, тур. *йи*, тат. *аша*).
Говорить	*кала*	*кэлем* (монг. *келе*).

(отсюда русское *калякать*).

Выть, ревѣть	*макра*	*мягрем* (тур. *бакыр*).
Языкъ	*чильге*	*дильмя* (тур. *диль*, тат. *тель*).
Слово, рѣчь	*сумах*	*шамак*.
Нѣтъ	*сьок*	*уке* (тур. *юк*, *йок*, тат. *йук*).
Міръ, погода, атмосфера	*сьяндалык*	*синдалик*.
Свѣтъ	*сьут*	*сота* (алт. *ярык*, тат. *якты*) русское *яркій*)
Голубой, сизый	*квак*	кöк (тат. кюк).
Вёдро	*ояр*	*ояр* (тат. айаз).
Пламя	*сьолым*	*солгым* (тат. *йалкын*).
Звѣзда	*сьулдыр*	*шюдюр* тур. *йулдуз*).
Весна	*сьор*	*шошо* (слав. *ярь*, лат. ver, тат. *йяз*).
Зима	*хиль*	*тэль* (венг. *tél*, вогул. *таалъ*, тур. тат. *кыш*).
Мгла	*тютрэ*	*тютрэ*
Столъ	*сьтель*, *сьюдэль*	*стель* (венг. *остол*, тат. öстяль).
Ковшъ	*корга*	*корка*.

Печь *кумага* *комака*.
Погребъ *нюхрепь* *нюряпь*.
Улица *орам* *урем* (тат. *урам*).

(вѣроятно, отсюда русское *урема* — древесная растительность, обрамляющая берега рѣкъ).

Лугъ, болото *олых* *олок*.
Крутой берегъ *сьырв* *йерь* (тат. *йар*).

(русское *яръ*).

Перевозить, переправлять *козярв* *кусарэм* (якут. кӧсӧр).

(чув. *кось*—переходить, алт. *коч*; отсюда русское *кочевать*).

Отправляться, идти, ѣхать *кай* *каэм* (тат. *кит*).

(русское *скитаться*).

Заворачивать *сяер*, *сявыр* *савыркалэм* (тур. *чäуер*).

(не отсюда ли русское *швыркать*? Ср. лат. *vertere*, русское *вертѣть*).

Удерживать, обуздывать *чар* *чарэм* (тат. *тый*).

(отсюда, вѣроятно, и русское *чаровать*).

Покинуть *прах* *прахэм* (тур. *брак*.).

(русское *брось*, которое въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ не находится, и *бракъ*, *браковать*).

Колоколъ *чан* *чан* (тат. *чанг*, *китайск*. *чжун*).

(русское *чанъ*).

Кольцо, перстень *сьюрю* *серьгаш* (тат. *йӧзӧк*).

(русское *серьга*).

Клеймо *тамга* *тамга* (тат. *тамга*).

(стар. русское *тамга*, откуда нынѣшнее *таможня*).

Лягушка *шаба* Луг. Ч. *ужаба*, Горн. Ч. *жава* } (тат. *бака*).

(ср. русское *жаба*).

Цапля *чарлан* *чарланга*
Свинья *сысна* *сасна*, *сысна* (лат. *sus*).
Волкъ *кашкыр* *пирэ* (*качкыр* и *бюрю*, алт. пӧрі, русск. *бирюкъ*).
Бабочка *либэ* *липпе* *).

---

*) Мы не осмѣливаемся сближать *липпе* съ *papilio* и *мотыль*, хотя не невозможно что слышимое созвучіе въ этихъ словахъ не есть случайное.

Яблоко	*олма*	*олма* (тат. *алма*).
Хмѣль	*хумла*	*умла* (тат. *кумлак*) } **).
Солома	*олым*	*олом* (тат. *салам*) }

Откуда произошло такое сходство или почти тожество въ этихъ словахъ? Утверждаютъ, что всѣ эти слова къ Черемисамъ перешли уже отъ Чувашъ. А это предполагаетъ собою, что Чуваши сосѣдили съ Черемисами съиспокони. Однако Сбоевъ опровергаетъ мнѣніе Георги относительно того, что Чуваши удержали мѣста древнѣйшаго своего жительства: «не правда, говоритъ онъ: у здѣшнихъ (Казанской губерніи Козьмодемьянаго уѣзда Чувашъ есть преданіе, что предки ихъ очень много лѣтъ тому назадъ пришли съ юга—изъ за Симбирска». Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, Черемисы жили прежде гораздо дальше на югъ и тамъ сосѣдили съ Чувашами, и потомъ Чуваши прогнали Черемисъ? Но это не совсѣмъ вяжется съ характерами двухъ народовъ, изъ которыхъ прогнанными оказались бы *Сярмысʼы* «воинственные», а прогнавшими *Йывашʼи*—«тихіе, мирные». Но, можетъ быть, передвиженіе Чувашъ или Черемисъ (или и тѣхъ и другихъ) вызвано было нашествіемъ Монголовъ. Въ такомъ случаѣ приходится недоумѣвать: достаточно ли было протекшаго съ тѣхъ поръ времени для того, чтобы Черемисы заимствовали отъ Чувашъ великое множество словъ... Спѣшимъ пояснить, что еслибы мы привели весь списокъ словъ черемискихъ, сходныхъ съ чувашскими, то число ихъ возросло бы съ 50 до 450. Достаточно ли — говоримъ — было времени, чтобы Черемисы заимствовали отъ Чувашъ даже очень многое изъ обычаевъ и вѣрованій, чтобы на взглядъ нѣкоторыхъ даже трудно было отличить Чувашина отъ Черемисина? И не странно ли нѣсколько, что народъ воинственный, встрѣтясь съ народомъ тихимъ, мирнымъ, подпалъ вліянію его, не бывъ покоренъ имъ; и этотъ послѣдній не потерпѣлъ на себѣ вліянія воинственнаго народа и не заимствовалъ отъ него ни словъ, ни обычаевъ, ни вѣрованій? Не забудемъ при этомъ, что и Мордва и Вотяки должны будутъ оказаться потерпѣвшими на себѣ вліяніе

**) Сбоевъ подозрѣваетъ, что *олым* — едва ли не заимствованіе нашего *солома*, а *умла*—нашего *хмѣль*. Но въ такомъ случаѣ читателю, быть можетъ, не безъинтересно будетъ знать, что полый стволъ растеній на латинскомъ языкѣ называется *calamus*, а хмѣль въ латинской ботанической номенклатурѣ — *humulus*.

Чувашъ. Обращаетъ на себя вниманіе и то еще обстоятельство, что Черемисы—допустимъ, что они сосѣдятъ съ Чувашами съ незапамятныхъ временъ — называя себя *Мари*, тѣмъ же именемъ зовутъ и Чувашъ съ прибавленіемъ только *Горные*— «Курукъ-Мари», какъ будто когда-то было время, что Чуваши были дѣйствительно Мари, и только впослѣдствіи (хотя бы и очень давно) историческія событія передѣлали ихъ въ отличный отъ Мари народъ, который сталъ говорить на другомъ языкѣ.

Все это, конечно, вопросы темные; но тѣмъ не менѣе трудно отъ нихъ отрѣшиться; трудно признать за несомнѣнное, что Чуваши народъ совершенно чуждый Черемисамъ, Мордвѣ и Вотякамъ, что Чуваши — народъ тюркскаго племени.

Если въ видѣ только предположенія допустить, что Чуваши въ основѣ своей имѣютъ элементъ финскій, и что они представляютъ собою на Волгѣ самую южную вѣтвь аборигеннаго финскаго племени, то легко будетъ видѣть, что на этой далекой окраинѣ финскій элементъ долженъ былъ претерпѣть на себѣ сильное вліяніе эпохи переселенія народовъ, взволновавшей и переродившей тогдашній міръ. Такъ, по всей вѣроятности, они не остались внѣ вліянія Гунновъ, двинувшихся изъ за Волги еще въ IV вѣкѣ. Кто были Гунны—не рѣшено съ достовѣрностью $2 \times 2 = 4$; говорили, что это монгольское племя; утверждаютъ, что это народъ угорскаго племени; а иные не прочь даже думать, что Гунны были Славяне. Прежде Гунновъ и послѣ, между Дономъ и Волгою, обиталъ народъ Аланы, о которомъ еще менѣе извѣстно, къ какому племени онъ принадлежалъ. Извѣстенъ въ исторіи еще народъ Авары и Обры, которые также въ свое время были знакомы съ Волгою; упоминаются и другіе народы, о которыхъ нечего сказать въ нашихъ цѣляхъ кромѣ только того, что всѣ они въ свое время побывали на Волгѣ. Въ новое время являются Печенѣги, народъ тюркскаго племени, которые первое время кочуютъ въ приволжскихъ степяхъ сѣвернѣе предѣловъ Хазарскаго царства, т. е. въ мѣстахъ, или близь тѣхъ мѣстъ, гдѣ указывается первоначальное пребываніе Чувашъ. Противъ Печенѣговъ воздвигается Саркелъ, названіе котораго, какъ мы видѣли, производятъ изъ чувашскаго языка. По-

томъ являются извѣстные Половцы — также народъ тюркскаго племени; а за ними Монголы. Прежде ихъ однако на нижней Волгѣ было сильное царство Хозаръ — народа также тюркскаго племени; а выше — царство Болгаръ, въ которыхъ, какъ было уже сказано, нѣкоторые также видятъ народъ того же тюркскаго племени. Скажемъ наконецъ, что на Волгѣ же, (между прочимъ, около Ветлуги) имѣли въ свое время пребываніе предки нынѣшнихъ Венгровъ, и еще въ 1237 г. одинъ венгерскій монахъ, проѣзжая по Волгѣ, встрѣтилъ въ мѣстности близь нынѣшней Казани народъ, говорившій, къ удивленію его, совершенно понятнымъ ему венгерскимъ нарѣчіемъ. Что же касается того, къ какому племени принадлежатъ Венгры, то и на этотъ счетъ нѣтъ единогласнаго мнѣнія, хотя должно сказать, большинство ученыхъ признаетъ за основу въ Венгерскомъ народѣ элементъ финскій (собственно угорскій), къ которому примѣшанъ элементъ тюркскій. При этомъ не лишне замѣтить, что финское племя одни стараются отдѣлить рѣзкою чертою отъ тюркскаго, другіе роднятъ эти оба племени, выводя ихъ изъ одной общей родины — Алтая. Еслибы оказалось, что послѣдніе правы, то, пожалуй, что въ Чувашахъ можно было бы предполагать одно изъ звѣньевъ, связующихъ два племени — тюркское и финское, претерпѣвшее на себѣ долговременное вліяніе разныхъ народовъ племени тюркскаго.

Можетъ быть, читатель, вспоминая характерныя физическія черты чувашскаго типа, найдетъ, что онѣ не согласуются съ извѣстными чертами, свойственными типу Финна и скорѣе напоминаютъ типъ Турка. Пусть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть имѣются въ виду и слѣдующіе два примѣра: *Остяки* причисляются къ угорской вѣтви *финскаго* племени; языкъ ихъ принадлежитъ къ *финскимъ* нарѣчіямъ; но все это не мѣшаетъ имъ имѣть цвѣтъ кожи темный и волосы черные. По Европеусу Угры, обитавшіе въ предѣлахъ сѣверной и средней Россіи, были народомъ длинноголоваго типа; Венгры же — т. е. потомки этой Угры — представляютъ типъ короткоголовый. Объясняется этотъ фактъ смѣшеніемъ Венгровъ съ различными другими окружавшими ихъ народами. Такимъ образомъ и у Чувашъ, которые смѣшивались съ народами тюркскаго племени, могъ вы-

работаться особенный типъ, который одинаково можетъ быть отнесенъ и къ типу финскому. Мы могли бы указать и еще примѣры вырожденія типа, если бы тѣмъ не забѣжали впередъ; мы разумѣемъ казанскихъ Татаръ.

Ко всему этому прибавимъ, пожалуй, что и въ новѣйшее время есть среди ученыхъ лица, принимающія финское происхожденіе Чувашъ. Такъ напр. г. Фирсовъ говоритъ, что Чуваши «несомнѣнно финскаго происхожденія» *). Или напр. г. Перетятковичъ также говоритъ положительно, что Чуваши «финскаго происхожденія, только подверглись болѣе сильному вліянію тюркскихъ племенъ, чѣмъ Черемисы **).

Еще «можетъ быть» — читатель ожидаетъ окончательнаго заключенія о Чувашахъ въ разсужденіи вопроса о принадлежности ихъ тому или другому племени. Но мы не можемъ рѣшаться на такой шагъ и отнюдь не имѣли того въ виду; это дѣло спеціалистовъ; наша цѣль состояла только въ томъ, чтобы не просто обрисовать въ стереотипныхъ выраженіяхъ типъ Чувашина и сказать, что Чуваши относятся учеными къ тюркскому племени; а ввести читателя въ пониманіе тѣхъ условій, которыя могли создать этотъ типъ, сдѣлать его любопытной загадкою, которую, по нашему мнѣнію, едвали слѣдуетъ считать разгаданною.

Что касается вліянія Чувашъ на Черемисъ, то оно также не представляется достаточно яснымъ или, по крайней мѣрѣ, вліяніе это, можетъ быть, слѣдуетъ ограничить со стороны Чувашъ и допустить вліяніе другихъ элементовъ. Помѣтимъ, что Бабстъ, описывая Чувашъ и Черемисъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что «Черемисы не смѣшиваются съ другими племенами; браковъ съ Татарами и Русскими у нихъ никогда не бываетъ ***), съ Чувашами же — очень

---

*) Общественный союзъ, извѣстный подъ именемъ Казанскаго царства, заключалъ въ себѣ кромѣ Татаръ,—Черемису, Мордву, Чувашей, Вотяковъ, Мещеряковъ и Башкирцевъ. За исключеніемъ послѣднихъ, на счетъ происхожденія которыхъ ученые изыскатели старины несогласны, ибо одни относятъ ихъ къ татарской породѣ, другіе къ финнской,—всѣ остальные народы несомнѣнно финнскаго происхожденія» Н. Фирсовъ—«Положеніе инородцевъ сѣверовосточной Россіи въ Московскомъ государствѣ» Казань 1866. Стр. 5—6.

**) *Г. Перетятковичъ* — «Поволжье въ XV и XVI вв.» Москва 1877. Стр. 119.

***) Мы ничего не говорили о географическихъ названіяхъ въ мѣстности прежняго обитанія Чувашъ, или Буртасъ.—Сбоевъ приводитъ такихъ названій очень немного; между ними—*Сокуръ*, *Кондаль и Чиберлей.* Онъ объясняетъ ихъ изъ чувашскаго

рѣдко, а въ другомъ мѣстѣ — что Чуваши съ Черемисами «никогда не смѣшиваются, такъ что браки между 2 племенами—вещь совершенно неслыханная». Тотъ же авторъ, касаясь вопроса о принадлежности Чувашъ къ тому или другому племени, говоритъ: «изъ здѣшнихъ туземцевъ *Угорскаго* племени главное мѣсто принадлежитъ Чувашамъ и Черемисамъ». Впрочемъ черезъ 3—4 страницы онъ же выражается такъ: «характеромъ Чуваши похожи не на сосѣдей своихъ и *единоплеменниковъ* Казанскихъ Татаръ, но не Черемисъ»....

V.

Татары.

Съ Татарами читатель, конечно, гораздо болѣе знакомъ, нежели съ другими инородцами, и съ нашей стороны чуть ли не лишне описывать наружность Татаръ, ихъ религію, пищу, занятія и пр. Но во 1-хъ не всѣ же читатели одинаково хорошо знаютъ Татаръ, особенно живущіе не въ Крыму и не близко къ Волгѣ; во 2-хъ можно сомнѣваться даже въ томъ, чтобы каждый читатель—хотя бы приволжскій житель—зналъ, что за народъ Татары кромѣ развѣ того, что это—потомки Монголовъ, приведенныхъ въ Россію Батыемъ въ 1236 г., что впослѣдствіи они приняли магометанскую вѣру, согласно предписаніямъ которой могутъ имѣть по нѣскольку женъ, ѣдятъ конину, не ѣдятъ свинины, совершаютъ нѣсколько разъ въ день омовенія, ходятъ въ мечети, носятъ ермолки и чалмы; наконецъ, говоря вообще, занимаются торговлею, а въ частности ходятъ по городамъ, скупая и перепродавая разное старье, «шурмъ-бурумъ». Такія свѣдѣнія не достаточны для того, чтобы можно было съ ясностью воспроизвести передъ собою типъ Татарина и осмысленно отнестись къ тѣмъ результатамъ, какіе обѣщаются въ будущемъ отъ со-

языка. По этому поводу замѣтимъ, что Европеусъ относитъ окончанія *кура* (оврагъ) и *даль* (верховье, источникъ) къ угорскимъ; а объ окончаніи *лей* (рѣка) говоритъ, что названія рѣкъ съ этимъ окончаніемъ «всего вѣрнѣе опредѣляютъ границы древней мордовской области». Мы съ своей стороны укажемъ на слѣдующія названія, напоминающія названія въ области верхней и средней Волги: *Кадада*, *Шингала*, *Пяша*, *Сердоба*, *Няньга*, *Вержняньга*, *Лелянга*, *Идолга*, *Нера*. Окончанія нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ подходятъ подъ исчисленныя Г. Европеусомъ окончанія угорскія.

единенія татарскаго элемента съ русскимъ въ одно національное цѣлое. Поэтому мы находимъ не лишнимъ сообщить о Татарахъ нѣсколько болѣе того, что было сказано сейчасъ, и прежде всего о ихъ наружности, на которую, въ виду дальнѣйшаго изложенія, не мѣшаетъ обратить особенное вниманіе.

Наружность.

Казанскіе Татары сложены очень хорошо и собою красивы. По тѣлесному развитію и умственнымъ способностямъ ихъ относятъ къ «благороднымъ породамъ» *). Ростъ ихъ, говоря вообще, средній; но часто попадаются и высокорослые: женщины однако замѣтно ниже мужчинъ. Затѣмъ, Татары широкоплечи, съ широкой грудью и толстой, короткой шеей, обнаруживающими силу и здоровье; далѣе, они имѣютъ продолговатый овалъ лица, пропорціональный прямой носъ; умные, выразительные черные глаза съ правильнымъ разрѣзомъ, какъ у прочихъ народовъ Европы славянскаго или германскаго племени; скулы почти не выдаются; губы не тонки, но и не очень толсты; борода по большей части не густая, клинообразная, а иногда окладистая, подстриженная. Татарки, хорошенькія собою, не рѣдкость; пожалуй, онѣ даже были бы не менѣе красивы, чѣмъ русскія женщины, еслибы не безобразили себя сами: онѣ густо намазываются бѣлилами и румянами; сюрмятъ брови и рѣсницы, чтобы глаза ихъ, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Но что всего хуже—онѣ чернятъ зубы и красятъ ногти. Еслибъ онѣ читали русскія книги, а въ нихъ очерки Татаръ, имъ, вѣроятно, былъ бы хорошо извѣстенъ вездѣ встрѣчаемый упрекъ, что онѣ «либо не знаютъ, либо забыли, что первообразцамъ ихъ, арабскимъ красавицамъ, говорятъ, какъ обыкновенный комплиментъ: уста твои пунцовы какъ геннахъ; *зубы твои бѣлы какъ слоновая кость*». Но во всякомъ случаѣ, эта порча красоты съ одной стороны нѣсколько условна, а главное не является результатомъ физической организаціи и можетъ быть устранена при первомъ желаніи. Другой недостатокъ татарскихъ женщинъ—также обусловленный не организаціею—замѣчательная неповоротливость, вызываемая частью мѣшкова-

*) Бабстъ и Гагстгаузенъ.

той одеждою ихъ, главное же—чрезвычайно замкнутымъ и сидячимъ образомъ жизни: въ то время какъ мужья и братья почти не живутъ дома, женщины почти не выходятъ изъ дома и проводятъ большую часть времени въ сидѣньѣ за чаями и жирными завтраками. Правда, онѣ и работаютъ, т. е. занимаются вышивкою красивыхъ тюбетеекъ (ермолокъ), или украшаютъ башмаки и ичеги (сапожки), цѣнность которыхъ доходитъ иногда свыше 100 рублей; но всѣ этого рода занятія сопряжены все-таки съ сидѣньемъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что менѣе богатыя татарки (особенно деревенскія) живутъ въ условіяхъ болѣе подвижной жизни, хотя все же далеко не въ тѣхъ, въ какихъ проводитъ жизнь русская женщина: послѣдняя не рѣдко и пашетъ и коситъ, не говоря о томъ, что непремѣнно жнетъ; первая же только въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ принимаетъ участіе въ жнитвѣ и сгребаніи сѣна, предоставляя тяжелыя работы мужчинѣ. Но и мужчины—неохотники до земледѣльческой работы.

Одежда. Одежда Татаръ—восточная, отличающаяся своей длиной и шириной: чѣмъ шире одежда, тѣмъ лучше, почтеннѣе. Рубашка *(кульмякъ)*—бѣлая холщевая или изъ синей крашенины—спускается ниже колѣнъ и *не подпоясывается*; штаны также широкія, запущенныя за сапоги или завернутыя за онучи. Поверхъ рубашки Татары носятъ безрукавый камзолъ, или зилянъ, доходящій до колѣнъ, и шитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полушелковой матеріи; затѣмъ, смотря по степени холода, идутъ—халатъ, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ, и, наконецъ, шуба (тун). Казанскіе Татары-купцы носятъ обыкновенно поверхъ зиляна нанковый или суконный кафтанъ, похожій покроемъ на русскій купеческій; за пазухой всегда шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то они носятъ много цѣнныхъ аксесуаровъ: кольца съ алмазами, толстыя золотыя цѣпи, опоясываются ременнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными, разнообразной формы бляхами, которыя, какъ знаки зодіака, охватываютъ дородную талію какого нибудь богача. Выбритая го-

лова татарина покрыта *ермолкою*, иногда расшитою золотомъ и жемчугомъ; затѣмъ—шапкою, у богачей опушенною бобромъ. Муллы, мудеррисы (профессора) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, и вообще почетные, зажиточные Татары носятъ бѣлую чалму (зеленыя чалмы присвоены только однимъ потомкамъ Магомета); масса же Татаръ носитъ поверхъ тюбетейки бѣлыя поярковыя шляпы, отличныя отъ русскихъ крестьянскихъ не только цвѣтомъ, но и формою *).

Что касается женщинъ, то онѣ, какъ женщины всѣхъ націй на свѣтѣ, очень любятъ наряды. Рубашка татарки—длинная ситцевая съ яркими обкладками, украшена нагрудникомъ, унизаннымъ серебряными монетами. Подъ рубашкою носятъ шальвары, принадлежность одежды, имѣющая важное гигіеническое значеніе: по мнѣнію медиковъ, татарки обязаны именно шальварамъ крайне рѣдкимъ появленіемъ у нихъ женскихъ болѣзней. На рубашку татарки надѣваютъ зилянъ, а на голову накидываютъ полотняное покрывало; или, вмѣсто зиляна, носятъ просто халатъ изъ парчи, изъ шелковой матеріи, или изъ китайки съ длинными, съуженными къ концамъ, рукавами. Халатъ накидывается прямо на голову и служитъ такимъ образомъ вмѣсто чадры (покрывала); другія (по бѣднѣе) обвиваютъ головы полотенцами съ узорчатыми концами, а у богатыхъ есть шелковые колпаки въ видѣ повязки съ дорогой бахромой, позументами и драгоцѣнными камнями, или, наконецъ, бархатныя круглыя шапочки съ плоскимъ верхомъ, отороченныя соболемъ. Затѣмъ татарки наряжаютъ себя разными украшеніями изъ благородныхъ металловъ и самоцвѣтныхъ камней: онѣ носятъ ожерелья, серьги, браслеты, множество перстней; а кромѣ того, въ косу вплетаютъ монеты, а на лѣвое плечо надѣваютъ болѣе или менѣе богато украшенную камнями и монетами перевязь, въ концѣ которой вложены изрѣченія Алкорана.

Не безъинтересно замѣтить о происхожденіи этого украшенія. А прежде, мимоходомъ, упомянемъ, что и у Чувашъ есть украшеніе въ этомъ же родѣ; это—ремень, шириною $1^1/_2$—2 вершка, унизанный бисеромъ, серебря-

*) Тѣ и другія—съ полями; но тульи русскихъ шляпъ имѣютъ видъ усѣченнаго конуса, а татарскихъ—полусферическую форму.

ными монетами или оловянными кружечками, а по краямъ ужовками или змѣиными головками. Называется онъ у Чувашъ *тэвэть*, а у Татаръ — *хозитя* или *бути*. Тэвэть, какъ объясняетъ г. Золотницкій, есть арабское *дэвэт* — чернилица; дэвэтдэр — тотъ, кому поручена чернилица, т. е. достоинство или должность секретаря. Шерефэддин-бен-Хасам-эддин-Булгари, между прочимъ, говоритъ, что сподвижники, проповѣдывавшіе исламъ въ Булгарѣ при Айдар-ханѣ, «имѣли отъ пророка Мухамеда слѣдующіе символы: Абд-уррахманъ — докторскую чалму, Зубейръ-Бен-Джадэ — чернилицу и Тулейха — жезлъ». Эта почетная чернилица носилась на «перевязи» черезъ плечо; перевязь, по роскошному этикету багдадскаго халифскаго дворца, безъ сомнѣнія, имѣла особенныя украшенія и поэтому была принята Чувашками, какъ почетный нарядъ, и въ мѣстностяхъ сплошнаго чувашскаго населенія доселѣ надѣвается только замужними женщинами при исполненіи обязанностей свахъ. У крещеныхъ изъ Татаръ Чувашъ тэвэть при праздничномъ нарядѣ надѣваютъ не только замужнія женщины, но и дѣвушки. У Татарокъ-мухамеданокъ подобный нарядъ, какъ было сказано, называется хозитя, или бути; послѣднее названіе должно имѣть отношеніе къ бти, бтек—письмо, записка. У Башкирокъ нарядъ, во всемъ подобный тэвэть, называется *дильбугя;* Будаговъ полагаетъ, что это то же, что казанско-татарское дильбугя — возжи (чувашкое тельгебе). По объясненію начальника иркутской миссіи о. архим. Мелетія и крещенаго Бурята, Якова Аѳан. Чистохина, у Бурятъ ламы при служеніи надѣваютъ чрезъ правое плечо желтую или красную перевязь—*оркымджы*, означающую достоинство полнаго священника *(гылун);* съ этою перевязью они носятъ имѣющій видъ чернилицы сосудъ — сабир, кропильница, съ освященною въ немъ водою (*аршан*); полагаютъ, что перевязь и сосудъ заимствованы ламами отъ другихъ народовъ; перевязь безъ сосуда, какъ знакъ посвященія, дается ламами и мірскимъ людямъ.

Жилища. Деревни. Пища. Занятія.

Жилище Татаръ дѣлится на двѣ половины — переднее и заднее; между ними сѣни, большею частью не крытыя, и предназначенныя для домашняго богомолья. «Войдемте въ переднюю половину болѣе или менѣе зажиточнаго

татарина-мѣщанина: вправо отъ входа въ комнату стоитъ большая печь и при ней большой котелъ, въ которомъ варится пища. На печи стоятъ два мѣдные, полуженные кувшина, одинъ мужу, другой женѣ, потому что законъ воспрещаетъ умываться изъ одного кувшина. За печью, въ углу стоитъ всегда большой мѣдный тазъ для умыванья, надъ которымъ висятъ два полотенца: одно для обтиранья лица и рукъ, другое для ногъ. Подалѣе направо, у стѣны, придѣланы широкія нары, гдѣ лежатъ пышныя перины за занавѣсомъ. Противъ двери, направо, стоитъ столъ, покрытый пестрою бумажною скатертью, а на столъ поставлено маленькое зеркало. Влѣво, въ углу стоитъ также покрытый столъ съ чайными фарфоровыми чашками, съ мисками и нѣсколькими подносами. Около самыхъ стѣнъ нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ; самоваръ всегда стоитъ у печи. Между столами у стѣны поставлены два красиво обитые сундука, служащіе украшеніемъ горницъ и покрытые коврами. На передней стѣнѣ, противъ дверей виситъ небольшое зеркало. У самыхъ столовъ постланы простые ковры. На каждомъ окошкѣ стоятъ горшки съ бальзаминами и душистыми базиликами. Отъ большой печи вправо, у стѣны, виситъ занавѣсъ, закрывающій небольшое мѣсто; здѣсь, когда бываютъ у хозяина гости, всегда должна обѣдать хозяйка, чтобы никто не могъ ее видѣть. Мужъ обѣдаетъ всегда напередъ съ сыновьями или съ гостями, а жена только прислуживаетъ, сама же обѣдаетъ послѣ, за занавѣсомъ.

Задняя изба назначается для черныхъ работъ; здѣсь же лежатъ кое-какіе домашніе пожитки; лѣтомъ здѣсь же спятъ хозяева.

Совокупность всѣхъ жилищъ татарскихъ, т. е. татарская деревня, похожа на случайно разбросанный таборъ. Теперь, правда, заставляютъ Татаръ строиться по извѣстному типу деревень, правильно, въ предупрежденіе опустошительныхъ пожаровъ. Но еще далеко то время, когда всѣ деревни будутъ перестроены согласно планамъ администраціи, и едвали не большая часть селеній сохраняетъ свой чисто татарскій типъ. Улицы кривы, дома не выходятъ на улицу, а по восточному обычаю прячутся за за-

борами во дворахъ, гдѣ выстроены также амбары и крытый соломою шишеобразный погребъ.

Пища Татаръ лучше, нежели пища Русскихъ: у послѣднихъ мясо является только въ праздники (само собою — мы разумѣемъ массу населенія); а кромѣ того, они обременены множествомъ постовъ, которыхъ у Татаръ только два, да и тѣ состоятъ не въ исключеніи питательной (мясной или молочной) пищи, а только въ воздержаніи отъ ѣды и питья вообще. Обыкновеннѣйшее кушанье Татаръ — *салма*, въ которой варится баранина или козлятина, а рѣже конина; затѣмъ кислое молоко, пироги съ зелеными огурцами, лепешки на скоромномъ маслѣ, сухіе плоды. Свиное мясо, какъ хорошо извѣстно всѣмъ Русскимъ, запрещено Кораномъ; лошадиное же не только разрѣшается, но считается у простыхъ Татаръ за самое лучшее мясо. Однако Татары, живущіе въ Казани, почти совсѣмъ не ѣдятъ конины. Замѣтимъ, что въ употребленіи мяса существуетъ правило, по которому слѣдуетъ, чтобы животное, предназначенное въ пищу, было заколото Татариномъ и съ произнесеніемъ словъ: *«бис-миляхъ»*, т. е. во имя Божіе. Вотъ почему Татары не могутъ есть мясо съ Русскими. Говорятъ, нерѣдко случается, что, приходя въ русскій трактиръ, Татаринъ приноситъ съ собою курицу, кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить или тутъ же самъ закалываетъ птицу съ «бис-миляхъ».

Наконецъ, Татары любятъ мореный медъ, пиво, и страстные охотники до чаю, который они потребляютъ чуть ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ русскіе купцы.

Трактирная жизнь Татарину очень по-сердцу; въ этомъ, какъ замѣчаетъ Лаптевъ, можетъ быть, проявляется любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ Татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіе дня 10—15 бутылокъ, для Татарина не составляетъ еще подвига; за пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни или слушаетъ органъ, куритъ табакъ (а у себя въ домѣ курить не позволяется). Пьяные Татары не такъ скоро ссорятся, какъ Русскіе; за то ужь если драка случится, то унимается она не скоро. Богатые Татары часто заходятъ въ кондитерскія пить шоколадъ съ огромнымъ количествомъ ванили. Вино

составляетъ запрещенный плодъ; запрещеніе, конечно, благотворно отражается на нравственности народа; но примѣръ Русскихъ дѣйствуетъ соблазнительно, и уклоненія отъ закона среди Татаръ бываютъ не особенно рѣдки, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ желающихъ обойти запрещеніе совершенно достаточенъ оправдательный аргументъ, въ силу котораго они пьютъ «*не вино, а бальзамъ*».

Въ занятіяхъ своихъ Татары рѣзко отличаются отъ прочихъ инородцевъ и отъ Русскихъ. Какъ земледѣлецъ, Татаринъ стоитъ не высоко; онъ далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи Чувашамъ и Русскимъ. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, Татары всѣ рѣшительно чужды земледѣлію: они сдаютъ свои земли Русскимъ, Чувашамъ и Вотякамъ въ годовое владѣніе или за деньги, или *исполу*; т. е. русскій или другой крестьянинъ снимаетъ у нихъ земли, пашетъ, боронитъ ихъ, засѣваетъ своимъ хлѣбомъ, ухаживаетъ за ними, проводя въ потребныхъ мѣстахъ канавки между загонами, жнетъ, молотитъ; а землевладѣлецъ является только къ раздѣлу — зерно на зерно. Татаринъ занимается по возможности легкой работой — торговлею, извозомъ, пчеловодствомъ, содержаніемъ постоялыхъ дворовъ или нанимается въ приказчики, въ половые, въ карaульщики и т. п. Торговля — его стихія. Если у него заведется хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ пускается въ торговлю: скупаетъ въ однѣхъ русскихъ деревняхъ яблоки и вишни, выгодно мѣняетъ въ другихъ на яйца, отыскиваетъ мерлушки, перекупаетъ лошадей; и все это продаетъ съ большими выгодами для себя. Впрочемъ, не мѣшаетъ оговориться, что Татары не чуждаются и тяжелыхъ работъ: на очень многихъ пристаняхъ можно встрѣтить ихъ въ качествѣ гребцовъ-перевозчиковъ или въ качествѣ грузчиковъ и притомъ самыхъ лучшихъ, какъ по силѣ, такъ и по честному отношенію къ исполненію работы. По своей смѣтливости, расторопности и плутоватости многіе изъ Татаръ обогащаются. Въ Казани есть очень богатые Татары, считаемые милліонерами. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются почетнымъ гражданствомъ.

Главныя занятія и ежедневное проведеніе свободнаго времени достаточно разнообразятъ жизнь Татарина. Но

далеко нельзя того же сказать о препровожденіи времени женщинами: жизнь ихъ необыкновенно скучна и однообразна. Богатыя, напр., не занимаются даже рукодѣльемъ; о хозяйствѣ хлопочутъ мужья или свекрови-старушки, а молодыя только заботятся о нарядахъ и о своихъ желудкахъ. Богатая Татарка какъ встанетъ, такъ и нарядится въ золотое платье, набѣлитъ и нарумянитъ лицо, какъ возможно болѣе, и, поджавъ ноги, сидитъ на диванѣ. Самоваръ кипитъ передъ ней. Она сама дѣлаетъ чай и пьетъ его до тѣхъ поръ, пока потъ сгонитъ всѣ бѣлила и румяна съ ея лица; тогда она намажетъ свое лицо снова и принимается за завтракъ, состоящій изъ самыхъ жирныхъ кушаній. Потомъ она опять усаживается; и ежели придетъ навѣстить ее подруга, то снова является на столѣ самоваръ, и она съ гостьей вторично пьетъ чай, столько же, какъ и поутру. Лицо снова разстроивается отъ пота, и его надо снова подкрасить, чтобы къ обѣду явиться передъ супругомъ въ полномъ блескѣ. Послѣ обѣда чай составляетъ для Татаръ необходимость, ибо они увѣряютъ, что его надо непремѣнно пить для сваренія желудка послѣ жирной пищи. Напившись чаю и отдохнувши, богатая Татарка вздумаетъ иногда ѣхать въ гости; тогда она наряжается въ другое дорогое платье, и пара лошадей, заложенныхъ въ крѣпкокованную и яркими красками выкрашенную повозку, везетъ ее, всю закутанную, къ ея знакомой, и она не выставляетъ носа изъ-подъ покрывала до самой горницы своей подруги. Богатыя Татарки лишены даже воздуха. Садовъ у нихъ нѣтъ, а ежели и есть у кого, то это — небольшие палисадники; туда татарская барыня не смѣетъ выйдти, непокрытая съ ногъ до головы зиланомъ, изъ опасенія встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ родственниковъ. Она боится взглянуть въ окно, чтобы мимоходящіе по улицѣ ее не увидѣли. Когда нѣтъ проходящихъ, она бы и могла посмотрѣть на минуту въ окно, чтобы дохнуть свободнѣе, но и тутъ нѣкоторое неудобство: всѣ окна уставлены сильно пахучими цвѣтами.

Чѣмъ Татаринъ богаче или знатнѣе, тѣмъ болѣе онъ скрываетъ своихъ женъ: онѣ открываютъ лицо въ своей спальнѣ, потому что лица ихъ запрещено видѣть даже свекрамъ, братьямъ мужа, дядямъ и ихъ дѣтямъ, словомъ,

всякому мужчинѣ. Въ настоящее время однако жены требуютъ европейскаго костюма; но этому противятся мужья, хотя сами они не прочь носить европейское платье, сверхъ котораго, впрочемъ, все-таки надѣваютъ халатъ. Татарки, менѣе богатыя, и особенно деревенскія, живутъ гораздо свободнѣе. Деревенскія Татарки, или вообще женщины нисшаго слоя, ходятъ почти безъ покрывала; а притиранья употребляютъ только по Пятницамъ. Онѣ сами хозяйничаютъ, стряпаютъ, доятъ коровъ, ходятъ сами въ городъ за покупками, хотя и подъ покрываломъ, но часто съ полуоткрытымъ лицомъ, и закрываются только встрѣтясь съ Татариномъ. Онѣ, какъ было уже замѣчено, занимаются рукодѣльемъ.

Нѣсколько словъ о религіи Татаръ, сватьбахъ, похоронахъ и пр.

О религіи Татаръ мы почти не будемъ говорить, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что Татары исповѣдуютъ религію Магомета. Основы этой религіи также общеизвѣстны. Вѣроятно, очень многіе знаютъ и то, что всѣ магометане раздѣляются на *шіитовъ* и *суннитовъ;* шіиты (Персіяне) признаютъ только Коранъ, а сунниты (Турки и др. магометанскіе народы) признаютъ и Коранъ и еще Сунну, т. е. сохраненныя преданіемъ изустное ученіе и дѣянія Магомета, собранныя первыми халифами: Абу-бекромъ, Омаромъ и Османомъ. Татары — сунниты.

Общественныя моленія происходятъ въ мечетяхъ. Вотъ какъ описываетъ это моленіе Гакстгаузенъ. Такого-то числа, въ *Пятницу*, пишетъ онъ, захотѣлось намъ видѣть татарское богослуженіе. «Полицейскій чиновникъ, Татаринъ и магометанинъ, но въ формѣ и безъ бороды, доставилъ намъ эту возможность. Мечеть помѣщалась въ простой, большой, но низенькой комнатѣ. Въ ней стоялъ аналой и родъ маленькой кафедры, въ срединѣ залы висѣла небольшая люстра, не было ни стульевъ, ни скамеекъ. Въ передней стояли въ рядъ татарскіе башмаки, такъ какъ правовѣрные входятъ въ мечеть босыми ногами. Мы пришли нѣсколько поздно, причетникъ пропѣлъ уже начальныя слова: «Склонитесь, вѣрующіе, такъ какъ это законъ»; мулла кончилъ уже свою обыкновенную пятницкую проповѣдь, и уже началась общая молитва присутствующихъ. Законъ воспрещаетъ вѣрующимъ повертываться во время молитвы и чѣмъ бы то ни было развлекаться, такъ что

нашъ приходъ не возбудилъ никакого вниманія. Молитва заключалась въ частыхъ поклонахъ въ землю, причемъ сначала обѣ руки поднимаютъ на высоту головы ладонями вверхъ, такъ что большіе пальцы прикасаются нижней части уха. Затѣмъ молящійся становится на оба колѣна и садится, по восточному обычаю, на свои ноги; потомъ онъ опускается на руки и касается лбомъ пола. При этомъ многіе шевелили губами, какъ будто произнося извѣстную молитву: «Богъ великъ» и т. д. Всѣ были съ покрытыми головами, но не у всѣхъ были чалмы. Имѣвшіе чалмы, развязывали во время молитвы концы ея и забрасывали ихъ на спину. Моленье въ описанномъ родѣ продолжалось болѣе четверти часа, въ продолженіе которыхъ нѣкоторые положили 26 земныхъ поклоновъ. Во время моленья царствовала глубочайшая тишина, каждый былъ вполнѣ погруженъ въ себя, никто ничѣмъ не развлекался. Это молчаливое собраніе людей, съ глубокимъ благоговѣніемъ, покаяніемъ и надеждою возносящихъ молитвы къ Богу, и чувствующихъ между собою связь единства вѣры, производитъ поистинѣ возвышенное впечатлѣніе на всякаго безпристрастнаго зрителя. По окончаніи моленья, мулла далъ знакъ непонятнымъ для меня словомъ. Всѣ тотчасъ сѣли на ноги; каждый очень старательно закрылъ свое лицо обѣими руками, и затѣмъ раскрылъ передъ собою руки въ видѣ раскрытой книги, какъ будто читая въ нихъ. Мулла началъ громко читать, или скорѣе пѣть изъ Корана. Мелодія была очень оригинальная, несложная, въ нѣсколько нотъ,— носъ, небо, горло, все было пущено въ ходъ, чтобы вызвать наиболѣе странные и удивительные тоны *). Пѣніе это продолжалось не долго, какія нибудь десять минутъ; затѣмъ правовѣрные помолились еще нѣсколько времени, потомъ каждый завязывалъ свою чалму и выходилъ изъ мечети, но не всѣ заразъ, а по мѣрѣ окончанія каждымъ своей молитвы».

Ѣздившіе по Волгѣ имѣли, конечно, случаи видѣть, какъ совершаютъ Татары свои ежедневныя молитвы, которымъ

*) Въ напѣвахъ староверовъ, Армянъ и Евреевъ слышатся такіе же тоны. На всемъ востокѣ, въ религіозномъ пѣніи, преимущественно употребительны носовые и горловые тоны, которые такъ отвратительны для европейскаго уха. Нѣкоторые ордена, напр. кармелиты, переняли этотъ обычай съ востока.

предшествуетъ каждый разъ омовеніе. Дѣлать омовенія и затѣмъ молиться, что называется *творить намазъ*, Татаринъ долженъ 5 разъ въ сутки, именно: утромъ, передъ восходомъ солнца, въ полдень, за часъ передъ закатомъ солнца, тотчасъ по закатѣ и вечеромъ около 9 или 10 часовъ.

Постовъ и праздниковъ у Татаръ немного. Предлагаемъ названія ихъ:

Мѣсяцы:

1. *Магаффемъ:* 1-го числа Новый годъ 1296, соотвѣтствуетъ нашему 1879. 10-го числа Ашура убіеніе Гуссейна; день строгаго поста въ память того, что въ этотъ день Ной вышелъ изъ ковчега.
2. *Сафаръ:* 29-го Праздникъ трубъ.
3. *Реби-эль-Аввелъ:* 11-го Священная ночь. 12-го Рожденіе и смерть Магомета.
4. *Реби-эль-Ахеръ.*
5. *Джемади-эль-Аввелъ:* 8-го Рожденіе Али. 15-го Смерть Али. 20-го Взятіе Константинополя.
6. *Джемади-эль-Ахеръ:* 1-го Гавріилъ является пророку. 11-го Рожденіе Абубекра. 20-го Рожденіе Фатимы.
7. *Реджебъ:* 1-го Построеніе Ноева ковчега. 4-го Ночь тайнъ. 28-го Магометъ является пророкомъ. Ночь (на 29-е) Восшествіе Магомета на небо.
8. *Шабанъ.* 3-го Рожд. Гуссейна. 15-го Ночь испытанія, въ которую Коранъ появился изъ неба. 16-го Мекка возводится въ Каабы.
9. *Рамаданъ* (или *Рамазанъ*): 4-го Посланіе Корана. 7-го Тора сходитъ съ неба. 27-го Ночь всемогущества. 29-го День печали, вслѣдствіе пораженія при Вѣнѣ въ 1683 г.

   Весь этотъ мѣсяцъ постъ.
10. *Шевалъ:* 1-го Малый Байрамъ. 7-го Смерть Гамзы. 16-го Воспоминаніе битвы при Огудѣ.
11. *Дзюль-Каде:* 1-го Моисей обѣщаетъ поститься 30 дней. 4-го Сонливыя бѣлки уходятъ въ пещеры. 5-го Построеніе Авраамомъ Каабы. 7-го Переходъ Моисея черезъ Нилъ.

12. *Дзюль-Хедже:* 10-го Большой Байрамъ. 18-го Праздникъ пруда. 22-го Праздникъ перемирія.

Наиболѣе торжественными праздниками считаются *Байрамъ*—(*Бэйрамъ*). Однимъ изъ нихъ, *Ид-эль-фитръ*, праздникомъ розговѣнья кончается строгій постъ мѣсяца Рамадана (Рамазана) и начинается съ той минуты, когда покажется новая луна Шевваля. (Въ Константинополѣ это возвѣщается пушечною пальбою изъ сераля, барабаннымъ боемъ и звукомъ трубъ на площадяхъ). Праздникъ розговѣнья обыкновенно продолжается 3 дня. Затѣмъ *Ид-эль-азха* (по арабски) или *Курбан-Байрамы* (по-турецки)—праздникъ жертвоприношенія—въ память принесенія на жертву Авраамомъ сына. Этотъ день назначенъ для закалыванія жертвъ странствующими въ Мекку богомольцами. Праздникъ длится 4 дня.

Что касается великаго поста *Рамазана*, то, какъ было уже замѣчено, втеченіе его Татары постятся, обращая вниманіе—не на качество пищи, а на воздержаніе отъ пищи и питья вообще, и то, впрочемъ, только впродолженіе дня; ночью же разрѣшается пить и ѣсть сколько угодно. Больнымъ и находящимся въ дорогѣ позволяется отлагать постъ до другого времени, или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. На бѣдныхъ магометанскій законъ обращаетъ большое вниманіе: какимъ бы то ни было образомъ магометанинъ долженъ отдать бѣднымъ $^1/_{10}$ часть своего имѣнія.

Кромѣ названныхъ религіозныхъ праздниковъ у Татаръ есть еще два общественные праздника: одинъ называется *Сабанъ*, другой—*Джуюнъ*.

На *Сабанъ* (плугъ; праздникъ въ честь весны и земледѣлія) собираются Татары для игръ: борются, скачутъ, бѣгаютъ въ перегонки. Здѣсь въ числѣ зрителей и даже участниковъ бываетъ не мало и Русскихъ. Татарки, закутанныя въ свои халаты, смотрятъ на Сабанъ издали а аристократки изъ нихъ считаютъ за несогласное съ ихъ достоинствомъ бывать на народномъ праздникѣ и на Сабанъ не пріѣзжаютъ вовсе. Въ Казани на Сабанѣ собирается до 6000 человѣкъ. Кромѣ игръ здѣсь имѣетъ мѣсто и музыка. Фуксъ, бывши на этомъ праздникѣ, не безъ удивленія замѣтилъ, что музыка состояла изъ иностранныхъ танцовальныхъ пьесъ, а плясали «казачка». Собственная плясовая

музыка *уже болѣе не нравится Татарамъ*, почему они и предпочитаютъ ей казачка и другіе танцы. Танцы, собственно говоря, запрещаются магометанскимъ закономъ; но какъ духъ времени и сила обстоятельствъ выше всякихъ законовъ, а танцы, кромѣ того, пріятны, то Татары (однако все таки только мужчины) находятъ возможнымъ обойти этотъ законъ и пляшутъ охотно, слушая «камаринскаго» и др. энергическія пѣсни. Мѣстами слышатся и простонародныя татарскія пѣсни.

Джуюнъ—праздникъ въ честь женскаго пола, справляется втеченіе 7 Пятницъ послѣ Сабана по многимъ деревнямъ подъ разными названіями (*Тенберъ*, *Качалджаръ*, *Биктау*). Преданіе приписываетъ начало этого праздника одному богатому Татарину, имѣвшему много дочерей, которыхъ онъ не могъ сбыть съ рукъ (т. е. выдать замужъ): чтобы помочь горю, онъ задалъ пиръ въ полѣ, куда созвалъ молодежь и вывелъ своихъ дочерей. Тѣмъ не менѣе на Джуюнѣ, который также проводится въ пѣсняхъ подъ музыку и пляскѣ, принимаютъ дѣятельное участіе только мужчины.

Наконецъ къ праздникамъ же можно причислить *сватьбы*, которыя тѣмъ болѣе не рѣдки, что каждый мусульманинъ можетъ имѣть разомъ четырехъ законныхъ женъ, не говоря о неограниченномъ числѣ наложницъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что только немногіе изъ богатыхъ Татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной. Вторую жену обыкновенно берутъ только тогда, когда первая состарится. Нѣкоторые купцы женятся на очень молоденькихъ женщинахъ изъ Бухаріи, а Бухарцы, пріѣзжая лѣтомъ на Нижегородскую ярмарку, берутъ себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ молоденькихъ и бѣдныхъ поселянокъ за большой калымъ, такъ какъ здѣшніе Татары потомъ неохотно женятся на этихъ вдовицахъ. Въ настоящее время, впрочемъ, такія бухарскія сватьбы составляются гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Татаринъ можетъ жениться на двухъ сестрахъ не прежде, какъ первая умретъ. Два родныхъ брата могутъ быть женаты на двухъ сестрахъ. Дѣти невольницъ пользуются одинакими правами по наслѣдству, и мужское поколѣніе наложницъ получаетъ по общему правилу вдвое больше,

чѣмъ дѣти женскаго пола отъ законной жены. Жена имѣетъ право требовать развода, когда мужъ не исполняетъ закона, ходитъ въ кабакъ, воруетъ и проч. Каждая жена по закону имѣетъ право пользоваться супружескими ласками по крайней мѣрѣ разъ въ четыре мѣсяца.

Когда у Татарина нѣсколько женъ, то онъ очень строго наблюдаетъ порядокъ и равномѣрность супружескихъ отношеній. При разводѣ, который совершается очень легко, существуютъ слѣдующіе обычаи. Если кто съ женою былъ разведенъ три раза, то уже не позволяется на ней же жениться въ четвертый разъ. Чтобы жениться послѣ перваго и втораго разводовъ на бывшей своей женѣ, необходимо, чтобы послѣ развода она была за кѣмъ нибудь другимъ, хотя на одну ночь.

Сватьбы Татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ. По закону запрещено жениху видѣть невѣсту прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай тайкомъ видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Лепехинъ, описывая сватовство у Татаръ, говоритъ даже, что женихъ *имѣетъ право* тайно отъ времени до времени посѣщать свою невѣсту, что у нихъ *за пазуху ходить «каскуйнена крядыр»* называется, ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольность простираться должна». Когда женихъ такъ или иначе облюбовалъ невѣсту, онъ посылаетъ сваху. Въ случаѣ согласія договариваются о *калымѣ*, который иногда доходитъ до 1000 р. Половина калыма платится при помолвкѣ; а другая — послѣ сватьбы и удерживается родителями невѣсты на случай развода. Мужъ, удалившій жену, обязуется давать ей на содержаніе въ теченіе $4^1/_2$ мѣсяцевъ. По смерти его жена, съ которою онъ уже развелся, имѣетъ право на полученіе $^1/_3$ части имѣнія.

Со дня помолвки женихъ посылаетъ своей невѣстѣ разные подарки (они идутъ однако въ счетъ калыма); а въ день сватьбы, какъ непремѣнный подарокъ, — кадка меду и кадка топленаго коровьяго масла для сватебнаго пира, который тѣмъ и начинается, что подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости на хлѣбъ намазываютъ того и другаго и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Сватебные пиры

назначаются за недѣлю до брака и бываютъ ежедневно по очереди у родныхъ жениха и невѣсты; одинъ день собираются женщины, а другой мужчины. Невѣста не участвуетъ въ пирахъ, и женихъ со времени помолвки не ходитъ въ домъ невѣсты. Всѣ эти пиры и праздники чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможной роскошью, усаживаются, поджавъ ноги, на ковры, разостланные по полу, смотрятъ другъ на друга, безконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ замѣчательнымъ аппетитомъ. Пиръ, впрочемъ, только и состоитъ въ непрерывной ѣдѣ; но не даромъ обходится это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что нибудь невѣстѣ, если, впрочемъ, она имѣетъ на это средства; бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, открывающійся тѣмъ же медомъ и масломъ; затѣмъ слѣдуютъ пироги, пилавы, жаркія и пирожныя, всего до 20-ти блюдъ, всѣ прежирныя, и ни одно блюдо не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ. Подобнымъ образомъ пируютъ и мужчины, и точно такъ же начинается сватебный обрядъ. Поужинавши, Татары начинаютъ на разные манеры откашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина; потомъ встаютъ и на разостланную скатерть кладутъ деньги для невѣсты. Сборъ этотъ называется «щербетомъ», оттого что въ старину онъ клался въ кубокъ съ щербетомъ и отдавался невѣстѣ, которая въ это время находится уже въ спальнѣ. Этотъ подарокъ относитъ отецъ, и, возвратясь, говоритъ, что дочь его деньги приняла, или, другими словами, согласна на замужество; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ молитву.

Молитва во время вѣнчанія (хютбе): «Хвала Богу, облаготворившему насъ способностью говорить и изъясняться, удостоившему насъ красотою рѣчи и вліяніемъ слова. Онъ, Всевышній, создалъ все на пользу человѣка. Онъ запретилъ все, что не полезно и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ и запретилъ развратъ. Онъ, Всевышній, говоритъ (въ Алкоранѣ):

берите себѣ въ супружество изъ женщинъ таковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три, или по четыре. О, Вѣчноблагодатный! Намъ принадлежитъ воздаяніе благодарности Тебѣ за милости Твои! О, Руководитель всещедрый! На насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружескіе! Путеводительствуй насъ, Господи, къ довольству и совершенству и запечатлѣй всѣ наши дѣянія Твоимъ совершенствомъ. Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, единаго, безтоварищнаго, и что Махометъ Его рабъ и посланный, одаренный всѣми превосходствами предъ смертными. Да будетъ благословеніе Божіе надъ лучшимъ изъ его твореній—Махометомъ, посланнымъ отъ Бога съ чудесами, и надъ его семействомъ святыней, освѣщающей истину. Богъ, направляя насъ на путь истины—на исламъ, опредѣлилъ супружество границею между позволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говоритъ пророкъ; да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе: супружество есть мой суннетъ, кто отвергаетъ мой суннетъ — не принадлежитъ мнѣ. Женящійся есть любящій, взятая въ замужество — любима, а калымъ между ними долженъ быть на основаніи обоюднаго согласія. Благослови чету, испроси милосердіе и благо Господне, ибо Онъ всемилосердый и милостивый!»

Затѣмъ мулла говоритъ: «По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы и по суннету великаго пророка Махомета-Мустафы, да будетъ благословеніе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ, по правиламъ секты имама Азима и по согласію имама Абу-Юсуфа-Алкази, и имама Махомета, сына Аль-Хасана, и пр. имамовъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ и при столькихъ-то руб. калыма, такой-то (отецъ невѣсты) соглашаешься-ли свою законную дочь выдать, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ) тому-то, въ замужество, по правиламъ мусульманскихъ вѣроисповѣданій за такого-то?» Отвѣтъ: «Согласенъ—выдаю.» — «Ты, такой-то (отецъ жениха), довѣренный со стороны *) сына своего, соглашаешься-ли взять

*) Ни женихъ, ни невѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ; поэтому отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія, и къ нимъ уже адресуются какъ къ самимъ жениху и невѣстѣ; если же нѣтъ отцевъ, то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

такую-то, дочь такого-то, при такомъ-то количествѣ калыма—въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру.»

Послѣ отъѣзда всѣхъ гостей сваха отводитъ жениха въ спальню, гдѣ дожидается его невѣста, и запираетъ ихъ. Въ этой комнатѣ сидятъ мужъ съ женою четыре дня, не выходя ни на минуту, и къ нимъ кромѣ свахи въ это время никто не ходитъ. Молодая жена остается у отца часто годъ и болѣе, а мужъ къ ней только ѣздитъ по временамъ.

Новорожденному ребенку на третій или четвертый день даетъ имя мулла. Родильницу навѣщаютъ женщины, приносятъ ей при этомъ на зубокъ деньги, какъ у Русскихъ, да сверхъ того—чаю и сахару, сколько кто можетъ, а новорожденному даютъ рубашки. Трехъ или пяти лѣтъ, только не въ четный годъ—иначе, по предразсудкамъ Татаръ, ребенокъ долженъ преждевременно умереть — малютку обрѣзываетъ мулла; при этомъ читается Алкоранъ.

Передъ смертью и по смерти кого либо изъ Татаръ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: когда Татаринъ почувствуетъ приближеніе смерти, призывается мулла (а за неимѣніемъ его какое нибудь другое лицо пожилыхъ лѣтъ), который читаетъ 36-ю *суру* (главу) Корана о воскресеніи мертвыхъ. Во время чтенія отходной умирающаго то и дѣло окликаютъ съ тѣмъ, чтобы напомнить ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: *«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его»*.

Умершаго кладутъ на столъ, ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Тѣло закрываютъ тремя покрывалами; мулла читаетъ Алкоранъ (67-ю суру). Татары долго тѣлъ покойниковъ не держатъ, всего только 12 часовъ, и русскій трехъ-дневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается. Покойника выносятъ на кладбище на лубкѣ; передъ мечетями останавливаются и читаютъ коротенькую молитву. Въ могилѣ выкапывается нишь или устраивается сводъ, куда и кладутъ трупъ въ саванѣ, на правый бокъ, лицемъ къ Меккѣ.

О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ такъ называемый намогильный судъ, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій. У правед-

наго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души павшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочія же скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего Татары по усопшимъ дѣлаютъ частыя поминки. Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые, родственники, приглашаются на обѣдъ; то же бываетъ въ 7-й, 40-й день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣсколько разъ читаетъ на дому Алкоранъ, что продолжается 6 недѣль, такъ же какъ и раздача милостыни.

На могилахъ Татары ставятъ памятники: бѣдные—простые четыреугольные срубы, родъ домиковъ изъ дерева или камня; надъ могилой сажаютъ березки; у богатыхъ тутъ же ставятся камни съ надписями. Эти надписи на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу, напр.: «Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Все, что живетъ, должно вкушать смерть...»

«Мы принадлежимъ Богу и къ нему возвращаемся. Въ смерти много ученія...»

«Отъ Гиджры въ 939 (1529) году, въ мѣсяцѣ Зулькадѣ, убитъ отъ руки иновѣрца Мухаметъ Саллей, сынъ Мухамета Таха...»

«На камнѣ семъ писалъ Юлвашка сынъ». Этотъ камень и еще нѣсколько подобныхъ составляютъ въ наше время древнѣйшіе и единственные памятники Казани временъ самостоятельнаго политическаго ея существованія.

Граматность и школы. Пѣсни, стихи.

Благодаря магометанской религіи, у Татаръ есть письменность; а благодаря этой послѣдней, Татары стоятъ по развитію выше всѣхъ прочихъ инородцевъ; мало того: ихъ слѣдуетъ поставить выше самихъ Русскихъ, если, впрочемъ, будемъ сравнивать собственно народныя массы, а не меньшинство, которое у насъ, Русскихъ, получаетъ болѣе или менѣе сносное*) образованіе въ городскихъ училищахъ, гимназіяхъ, затѣмъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Относительно казан-

*) Мы не станемъ спорить противъ возможной со стороны читателя поправки: «болѣе или менѣе несносное».

скихъ Татаръ, говоритъ Бабстъ, должно замѣтить, что они гораздо образованнѣе русскихъ купцовъ и поселянъ.» Образованіе Татаръ весьма и весьма ограниченно; но за то имъ пользуются всѣ. Татаринъ, не знающій граматѣ, презирается своими земляками и не пользуется уваженіемъ другихъ.

Обучаютъ у нихъ муллы и ихъ жены; они учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ другихъ селеніяхъ. При каждой мечети полагается училище.

Домъ для училища покупается какимъ нибудь богатымъ Татариномъ; отопленіе и ремонтъ беретъ на себя другой Татаринъ—на годъ или больше. Внутри училищнаго дома находится, кромѣ небольшихъ сѣней, одна большая комната, въ которой полъ возвышенъ на нѣсколько ступеней. На этомъ возвышеніи располагаются такъ, что учителю, его помощнику и ученикамъ достается каждому мѣсто шага въ полтора для подушки, ящика, посуды, книгъ и письменнаго прибора. Помощники учителя и ученики въ одной и той же комнатѣ учатся и ведутъ хозяйство. Ежели кто захвораетъ, то долженъ лежать въ самомъ училищѣ на своей подушкѣ до окончанія болѣзни. Учитель вмѣстѣ и врачъ; онъ лечитъ больнаго простыми средствами. Подушки учителей отдѣляются отъ ученическихъ занавѣскою изъ пестрой матеріи. Надъ мѣстомъ, которое занимаетъ учитель, на прибитыхъ къ стѣнѣ полкахъ, кладутся нужныя для ученія книги. Тутъ же часто можно видѣть и чеботарный приборъ: учитель учитъ и сапоги чинить, какъ себѣ, такъ и ученикамъ своимъ. Дѣти поступаютъ въ училище на 7-мъ и 8-мъ году своего возраста, и курсъ ихъ ученія продолжается, по меньшей мѣрѣ, 5 лѣтъ. Кто желаетъ однакожь со временемъ сдѣлаться священнослужителемъ или учителемъ, остается въ школѣ гораздо долѣе.

Ученіе начинается азбукой, послѣ которой читаютъ книгу Гавтіанъ, содержащую въ себѣ извлеченія изъ Алкорана, отчасти сокращенно, отчасти же цѣлыми сурами. Потомъ читаютъ разныя татарскія книги, напечатанныя въ Казани, въ коихъ заключаются изъясненія на Коранъ въ стихахъ или прозѣ и наконецъ книгу Мухамедъ-эфенди, заключающую въ себѣ наставленія въ торговлѣ. Кромѣ чтенія и изученія основъ религіи дѣти учатся и арабскому

языку столько, сколько то нужно для поверхностнаго разумѣнія Алкорана; также персидскому и бухарскому языкамъ; Татары учатся языкамъ, какъ для облегченія сношеній по торговлѣ, такъ и для того, чтобы умѣть читать турецкія книги, въ которыхъ часто встрѣчаются арабскія и персидскія слова, и писать высокимъ слогомъ, который состоитъ единственно въ примѣшиваніи безъ разбора къ татарскимъ словамъ арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ. Языку татарскому и грамматикѣ не учатъ. Замѣчательно, что казанскіе Татары, находясь посреди Русскихъ, съ которыми и по торговлѣ имѣютъ многія сношенія, весьма мало стараются знать русскій языкъ. Изъ нихъ нѣтъ почти ни одного, кто бы хорошо говорилъ на русскомъ языкѣ, и еще менѣе, кто бы умѣлъ на немъ писать. О женщинахъ ихъ въ этомъ отношеніи нечего и говорить: онѣ по-русски не понимаютъ или почти не понимаютъ. Но, помимо этого, говоря вообще, первая основа образованія достаточно распространена между Татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя не умѣли бы читать и писать по-татарски.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Казани была основана татарская типографія для печатанія различныхъ книгъ на восточныхъ языкахъ. О размѣрахъ печатанія можно судить напр. по тому, что въ 1859 году были отпечатаны 22 татарскія книги, въ количествѣ 138,850 экземпляровъ, т. е., дѣля поровну, въ 6,311 экземплярахъ каждая.

Татарамъ не чужда и поэзія, хотя собственно татарскихъ произведеній въ этомъ родѣ очень немного. Вотъ для примѣра нѣсколько татарскихъ пѣсенъ, приводимыхъ Бабстомъ и Лаптевымъ изъ сочиненія Фукса «О казанскихъ Татарахъ». Пѣсни эти — въ переводѣ на русскій языкъ:

«Разсвѣтъ ли, разсвѣтъ ли теперь? Видитъ ли кто нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ ли кто нибудь друга, какъ я жду ее?

Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Іосифъ любилъ Зюлейху, столько я люблю тебя.

Брови твои черны, какъ цвѣтъ чернилъ Корана, твой ростъ красивъ, красота твоя совершенна; меня съ тобой и тебя со мной соединитъ ли когда Господь?

О возьми меня и уложи меня въ колыбель! Нѣтъ, я не могу уснуть, не могу успокоиться: мнѣ нужны объятія друга.»

«Я сидѣлъ подъ деревомъ, когда оно было увѣнчано цвѣтами; я дремалъ подъ тѣнью его, и ты была предметомъ моего сновидѣнія.

Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; одинъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее.

Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: не рожденіе человѣка ты, ты — упадшая съ небесъ.

Свѣтъ намъ приносятъ солнце и луна; ты свѣтлѣе ихъ; только развѣ гуріи восьми раевъ могутъ поспорить съ тобой.

Лицо земное покрыто лѣсомъ, покрыто лѣсомъ; ничто не въ состояніи препятствовать нашему соединенію, если Богъ сего пожелаетъ; мы соединимся, описавъ пространный кругъ, какъ планеты.

Я не боюсь ни врага, ни его посланія, но боюсь твоего гнѣва: освѣщай меня своими веселыми очами.»

Вотъ еще образецъ татарскихъ стихотвореній, принадлежащихъ къ роду мюребба, т. е. четверостишій, въ которыхъ всѣ четыре стиха имѣютъ одинаковую рифму:

«О, душа моя, свѣтъ моихъ очей! свѣтъ моихъ очей исчезаетъ, когда гляжу я на тебя, ибо ты гурія райская!

О, душа моя, уголокъ моего сердца, чернота моихъ очей! Я не могу сносить твоего взора; я слабѣю; я схожу съ ума!

О, душа моя, мое сокровище! Ты единый другъ мой на семъ свѣтѣ: еслибы тебя далъ мнѣ Господь, то пламя моего сердца успокоилось бы.

Лице твое — полная луна, брови твои съ рѣсницами — эмблемы, луна и стрѣлы: кто на тебя взглянетъ, поразится; на кого ты взглянешь, тотъ пораженный лишится сердца.

Я спросилъ у муллъ: есть ли средства отъ болѣзни внутренней? Они на меня глядѣли и сказали: что съ тобой? ты весь горишь, у тебя жаръ; я открылся имъ; я сказалъ, что люблю.

О, душа моя, еслибы ты постигла мое положеніе, еслибы ты знала, какъ я тебя люблю, ты не отказала бы мнѣ въ своемъ вниманіи; ты полюбила бы меня.

Любовью къ тебѣ, душа моя, я весь сжегся, я утомился, я уничтожился! Неужели ты не захочешь знать это!

Будь великодушна, будь милостива, не убивай, не уничтожай меня!

Я оканчиваю свою рѣчь, я оканчиваю свое посланіе; я утопаю въ морѣ любви, я тону, я погибаю; смилуйся, о, душа моя!»

Вотъ одна изъ простонародныхъ татарскихъ пѣсенъ:

Какъ прекрасенъ величавый мѣсяцъ,
такъ ты любезна, подобно тихой
звѣздѣ вечерней.
Какъ красивъ лоснящійся соболь: такъ
ты привлекательна, подобно остистому
бобру. Какъ бы лишенный свѣта, я не могу
жить безъ тебя.

Бываетъ напр. такъ, что на праздникѣ одинъ курайчъ (музыкантъ) поетъ:

Я скрипку строю, и струны не рвутся:
къ тебѣ, милая, я ощутилъ любовь,
и надежда моя будь всегда крѣпка.

А прекрасная Татарка въ отвѣтъ спѣла:

Гибокъ и красивъ твой станъ,
какъ мѣсяцъ изгибаются твои брови,
свѣтлое лице твое въ сумракѣ вечера
блистаетъ.

Или напр. татарскій бардъ поетъ своей красавицѣ:

Какъ ковыль твои волосы;
все тѣло твое драгоцѣнный камень,
осыпанный базиликомъ;
сладки рѣчи твои,
какъ весенняя пѣснь соловья.

Приведемъ наконецъ образчики писемъ любовнаго содержанія, двѣ записочки Татарки къ своему возлюбленному. Тутъ есть и проза и стихи.

1.

(Проза.)

Любезный счастливецъ, передъ которымъ преклоняюсь! Душа безцѣнная! Сорвавшій страсть мою, и бросившій ее въ море страданія! Владѣющій моей душой! Преклоняю колѣно передъ тобою, и хотя насъ раздѣляетъ разстояніе, но мы близки сердцемъ; цѣлую землю и нанизываю жемчуги молитвъ на нить строкъ и посылаю ихъ къ тебѣ. Ты, милосердый другъ, не оставь меня: направь на меня ласковый взоръ, явись, моя звѣзда! Освѣти меня, солнце мое! О живи, живи, моя радость! Да продлитъ Богъ дни твои для меня.

2.

(Стихи.)

Завѣщаніе въ преданіи, завѣщаніе въ Алкоранѣ: люби Бога, люби ближняго. Кто мнѣ ближе тебя, милосердый другъ! Мой возлюбленный, пусть онъ кушаетъ съ золотаго блюда, серебряною ложкою; пусть онъ сидитъ на стулѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, пускай наслаждается онъ въ свѣтѣ; пускай онъ любитъ меня.

Ангелы живутъ на небесахъ; мой ангелъ, ты живи со мной! Пришли ко мнѣ вѣсточку, до свиданья: вѣсточка отъ друга — половина свиданья! Твои наряды—оружіе, твоя пища—фрукты, а моя одежда любовь къ тебѣ, моя пища — мысль о тебѣ. О, Боже. Ты одинъ знаешь, какъ люблю я его! Золотой перстень, брилліантовые браслеты мнѣ не доставляютъ радости; моя радость—ты, и одной мыслью о тебѣ могу изгнать мою тоску.

Въ саду много цвѣтовъ, въ саду много разновидныхъ цвѣтовъ; но тотъ цвѣтокъ, который напоминаетъ мнѣ о тебѣ, мой другъ, кратковременъ! Брови твои чернѣе ночи, ростъ твой красивѣе пальмы; подобные тебѣ рѣдко родятся на свѣтѣ.

(Проза.)

Ради Бога не оставь меня, мой другъ! Вѣрь мнѣ, мой земной Богъ, что безъ твоего милосердаго вниманія я уничтожусь и буду презирать свое существованіе.

Все, до сихъ поръ сказанное о Татарахъ, рисуетъ намъ их съ очень выгодной стороны. Если мы обратимся къ ихъ характеру и нравственности, то какъ отзывы большинства авторовъ, такъ и личныя наши впечатлѣнія, также говорятъ въ пользу этого народа. Правда, напр., отзывъ Сбоева не очень располагаетъ къ Татарамъ: «Въ нравственномъ отношеніи, говоритъ онъ, Татары вообще добры, обязательны; но это болѣе относится къ ихъ богатой аристократіи. Всего чаще случается, что небогатый Та- **Нравственность Татаръ.**

таринъ какимъ либо образомъ лишается лошади: «Такдиръ!» (предопредѣленіе) говоритъ онъ, и, отдавши свою землю въ наемъ, оставляетъ женъ и дѣтей, или просто отправляется скитаться съ мѣста на мѣсто, либо нанимается къ другимъ крестьянамъ въ работники и мало-помалу пріобрѣтаетъ навыкъ къ жизни бродяжнической, бездомной и безденежной, потому что весь заработокъ онъ тотчасъ же пропиваетъ и проѣдаетъ». Тотъ же авторъ пишетъ еще слѣдующее по поводу опрятности Татаръ: «Тѣ писатели, которые поверхностно и мимоѣздомъ наблюдали бытъ однихъ богатыхъ Татаръ, обыкновенно не нахвалятся ихъ чистоплотностью: и полы-то у нихъ, дескать, бѣлы, либо крыты циновками или войлоками, и печи выбѣлены, либо изразцовыя съ лежанкою, гдѣ ставятъ самоваръ, чайный приборъ съ чистымъ полотенцемъ. Но кто пристальнѣе всматривался въ татарскій бытъ, тотъ едва-ли станетъ вторить этимъ похваламъ. По крайней мѣрѣ я во время странствованій моихъ по населенныхъ Татарами уѣздамъ, имѣлъ случай убѣдиться, что эта чистоплотность есть небывальщина, миражъ, скрывающій отвратительную нечистоту. Татарка въ одной и той же посудинѣ и моетъ дитя, и стираетъ грязное платье, и подаетъ на столъ кушанье, даже не озабочиваясь предварительно вытереть посудину. Чистоплотности отъ Татаръ можно бы, казалось, ожидать отъ частыхъ, самою религіею предписываемыхъ имъ омовеній; но на дѣлѣ не то. У нихъ болѣе, чѣмъ у другихъ здѣшнихъ инородцевъ, господствуетъ болѣзнь, извѣстная въ простонародьи подъ именемъ парши, а въ медицинской наукѣ — подъ названіемъ tinea capitis. Ученый и многоопытный докторъ В. Л. Тиле, доказалъ, что она необходимо должна заряжаться отъ употребляемыхъ мусульманами тюбетеекъ, удерживающихъ головныя испаренія. Наконецъ, мнимой чистоплотности Татаръ противорѣчатъ весьма часто встрѣчающіяся у нихъ разныхъ родовъ накожныя болѣзни, особенно чесотка. Можетъ быть, отъ всѣхъ этихъ причинъ въ совокупности заряждается какой-то дурной запахъ, который поражаетъ васъ при входѣ въ татарскую избу.»

Мы не беремся сказать ни pro, ни contra, по поводу отзыва Сбоева, потому что намъ рѣдко случалось бывать

въ татарскихъ избахъ; а гдѣ бывали, тамъ не могли встрѣтить ничего такого, что подтверждало бы нечистоплотность и неопрятность Татаръ, быть можетъ, потому же, что были въ домахъ зажиточныхъ хозяевъ. Лаптевъ также говоритъ, что Татаръ нельзя похвалить за чистоту и опрятность; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же соглашается, что по крайней мѣрѣ «съ виду въ татарской избѣ все кажется чистымъ: печь бѣла, полъ, у мало-мальски исправнаго Татарина, покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или циновкою». Гакстгаузенъ, вслѣдствіе ли личныхъ наблюденій, или со словъ Фукса и другихъ писателей отзывается о Татарахъ, какъ о народѣ чистоплотномъ; онъ же обращаетъ вниманіе на любовь Татаръ къ цвѣтамъ, видя въ этомъ признакъ способности народа къ цивилизаціи; у Татаръ, говоритъ онъ, въ противоположность Русскимъ, даже на маленькихъ окнахъ самыхъ бѣдныхъ лачугъ стоятъ цвѣты въ горшкахъ. Бабстъ тоже лестно отзывается о расположеніи Татаръ къ чистотѣ, опрятности и комфорту. Вотъ его слова: «Татары живутъ очень опрятно; они имѣютъ страсть нѣсколько разъ въ годъ бѣлить печь; избы всегда вымыты; на широкихъ скамьяхъ постланы перины, а у бѣдныхъ — кошмы, и разбросаны подушки; по стѣнамъ развѣшаны лучшія женскія платья, мужскіе нанковые камзолы, халаты и множество разноцвѣтныхъ полотенецъ; на столахъ постланы татарскія издѣлія, скатерти съ красными узорами». Или еще: «Въ комнатѣ очень чисто; самоваръ и чайный приборъ стоятъ въ шкафѣ; на широкомъ подмарѣ (лавкѣ) лежатъ сложенныя перины и подушки и постланы персидскіе подержанные ковры. Судя по образу жизни нашихъ мужичковъ, подумаешь, что этотъ Татаринъ богатъ; — нѣтъ, это земледѣлецъ, немногимъ богаче своего сосѣда...»

Относительно характера Татаръ, кажется, нѣтъ разногласія въ писателяхъ и, вѣроятно, многіе изъ читателей сами хорошо знаютъ, что Татары обладаютъ мягкимъ, сговорчивымъ характеромъ, ласковымъ обращеніемъ и добродушіемъ. Мы хотѣли бы только оттѣнить ту черту ихъ характера, въ силу которой они, не противорѣча названнымъ качествамъ, умѣютъ держать себя съ достоинствомъ: нѣсколько горделивая осанка, свѣтлый взглядъ,

свободная добродушная улыбка и свободная рѣчь говорятъ какъ будто за полное сознанiе этого достоинства и независимости. Такое свободное состоянiе духа, по нашему мнѣнiю, имѣетъ важное значенiе въ дѣлѣ духовнаго развитiя народа. Два съ половиною вѣка Татары были народомъ господствующимъ; триста лѣтъ казанскiе Татары не знали надъ собой московской опеки и никогда не бывали рабами.

Происхожденiе Татаръ. Обрусенiе.

Можетъ однако казаться страннымъ—и справедливо—какимъ-же, все-таки, образомъ племя дикихъ варваровъ Монголовъ преобразилось, и физически и нравственно, въ народъ, чуть-ли не превосходящiй своими качествами Русскихъ (а затѣмъ, кстати, какъ могло случиться, что этотъ народъ былъ покоренъ Русскими?).

Въ самомъ дѣлѣ: вспомнимъ характерныя черты Монголовъ: среднiй ростъ, короткая шея, нѣсколько треугольная форма головы, выдающiяся скулы, далеко отстоящiе глаза, которые притомъ прорѣзаны накось, съ приподнятыми внѣшними углами; наконецъ искривленныя и худыя ноги; — и сопоставимъ этого Монгола съ хорошо сложеннымъ и красивымъ Татариномъ — разительная разница!

Недоумѣнiе, слѣдствiемъ котораго является уже поставленный вопросъ, разрѣшается слѣдующимъ образомъ: нашествiя на Россiю собственно Монголовъ не бывало. Монголы, образовавшiе исходное ядро движенiя, во главѣ котораго стоялъ знаменитый Чингисханъ, почти не покинули коренныхъ мѣстъ своего обитанiя; движенiе распространялось, такъ сказать, передаточно, при посредствѣ покоренныхъ сосѣднихъ и затѣмъ далѣе жившихъ народовъ. Народы эти принадлежали къ Тюркскому племени. Что касается имени *Татары*, то подъ нимъ разумѣется, правда, Монгольское племя, но и этотъ народъ въ движенiи азiатскихъ народовъ въ Европу принималъ участiе не весь, а только небольшою частью: изъ Татаръ въ Россiю пришелъ самъ Батый да его дружина; вся же масса полчищъ состояла изъ народовъ Тюркскаго племени. Кромѣ того, извѣстно, что нахлынувшiя на Россiю орды не остались въ ней, а удалились въ низовое Поволжье, и только часть ихъ осѣлась на мѣстахъ прежняго Болгарскаго царства, гдѣ, какъ мы видѣли, обиталъ народъ сильный, бо-

гатый и гражданственный. Невѣроятно допустить, чтобы народъ этотъ, т. е. Болгары, былъ вполнѣ истребленъ Татарами; но весьма вѣроятно, что Татары, поработивъ Болгаръ, слили ихъ съ собою и сами слились съ ними въ одно цѣлое, что было особенно не трудно при справедливости того мнѣнія, по которому однимъ изъ составныхъ элементовъ Болгарскаго народа было племя Тюркское. Принятіе же Татарами религіи порабощеннаго народа, вмѣстѣ съ сознаніемъ превосходства культуры вообще, окончательно облегчило сліяніе двухъ родственныхъ элементовъ въ одно цѣлое, гдѣ численное преобладаніе принадлежало Болгарамъ. Образовался смѣшанный такимъ образомъ народъ, который даже не знали какъ называть: съ одной стороны жителей павшаго Болгарскаго царства продолжали называть Болгарами, а съ другой (позднѣе)—Казанцами, а потомъ—Татарами. Татары же и сами были не прочь величать себя Булгарами. Сосѣдній народъ Вотяки по своему также называли, и продолжаютъ называть ихъ, Булгарами — «Бигеръ».

Послушаемъ, что говоритъ о томъ же предметѣ Сбоевъ: «*Татары*... Но Татаръ нѣтъ на свѣтѣ, да и быть не можетъ! восклицаетъ онъ: Ни одинъ въ мірѣ народъ, ни одно поколѣніе не присвоиваетъ себѣ названія Татары. Да и что это за слово—Татаринъ? Знаменитый нашъ исторіографъ Н. М. Карамзинъ, отчаявшись въ возможности объяснить это слово приличнымъ образомъ, прибѣгаетъ то къ Якутамъ, у которыхъ, будто бы, существовалъ идолъ *татаръ*, то къ Китайцамъ, называвшимъ, будто бы, всѣ сосѣдственные народы *та-та*, то къ Карпини, производившему слово это отъ рѣки Татаръ, которой, впрочемъ, нѣтъ ни на одной географической картѣ. Новѣйшіе историки, вообще очень смѣлые, производятъ это слово даже отъ Тартара, или ада, и говорятъ, что это были люди quasi ex tartaro emissi.

Дѣло въ томъ, что на обширномъ пространствѣ отъ Царьграда до Пекина и доселѣ живутъ племена тюркскія, которыя, несмотря на различіе въ физическомъ своемъ устройствѣ, на весьма часто враждебныя другъ къ другу отношенія, говорятъ нарѣчіями очень сходными одно съ другимъ. Эти-то племена, въ началѣ XIII вѣка, подпали

подъ власть побѣдоноснаго Монгола Чингисхана и его монгольской орды. Начальствуя ими, онъ самъ, лично, и чрезъ своихъ полководцевъ, совершилъ великія завоеванія. При Калкѣ грозною тучею разразился страшный громъ его непобѣдимаго оружія надъ Русью, весьма хорошо знакомою со многими изъ племенъ тюркскаго происхожденія, но доселѣ не знавшей даже имени орды, ставшей въ ихъ главѣ. Лѣтописецъ XIII вѣка (новгородскій) говоритъ: «Пріидоша языцы незнаеми, ихъ же добрѣ ни кто же вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ, а зовутъ ихъ Татары, а иніи глаголютъ Таурмени». Послѣднее названіе Таурмени (т. е. Туркмены) показываетъ, что въ ордахъ Чингисхана были многочисленныя племена тюркскаго происхожденія. Легко статься могло, что одно изъ нихъ называлось татарскимъ по такой же случайности, по которой мы, Русскіе, всѣ западные народы называемъ нѣмцами, т. е. нѣмыми, неумѣющими говорить по нашему. Каждое изъ этихъ тюркскихъ племенъ носило особое названіе по имени или вождей, или по названію заселенной имъ мѣстности, или по какому-либо особому случаю. Къ числу племенъ, покоренныхъ Монголами, принадлежали и Булгары, народъ сильный, красивый и богатый. Болгарское государство, какъ уже извѣстно, состояло изъ смѣси племенъ тюркскихъ и славянскихъ, и царь ихъ титуловался владавцемъ Славянъ. Этотъ-то образовавшійся изъ смѣси Славянъ (Болгаръ) и Тюрковъ народъ мы теперь называемъ Татарами, но самъ онъ и доселѣ порою величаетъ себя *булгарлыкомъ*, булгарствомъ. И такъ настоящее названіе ихъ должно быть Булгары, и въ нихъ, какъ и въ дунайскихъ ихъ соплеменникахъ, течетъ кровь славянская».

И такъ, передъ нами любопытный историческій или историческо-этнографическій фактъ: народъ, называемый нами Татарами, совершенно, или почти совершенно, не Татары. Это народъ исторически новѣйшій. Древнѣйшая основа его хорошенько неизвѣстна; но можно принять за несомнѣнное, что основа эта была обновлена кровью пришлыхъ изъ Азіи народовъ и что теперешніе Татары представляютъ собою весьма сложный этническій аггрегатъ, — смѣшеніе крови тюркской, славянской, татарской, чере-

мисской, чувашской и, вѣроятно, крови еще другихъ народовъ.

Физiологически смѣшенiе это имѣетъ значенiе благотворнаго обновленiя и оживленiя породы. Исторически это — фактъ прогрессивнаго характера на пути развитiя молодаго Русскаго народа. Мы говоримъ *Русскаго*, такъ какъ не сомнѣваемся въ томъ, что съ теперешними Татарами неизбѣжно долженъ совершиться метаморфозъ, результатомъ котораго будетъ перерожденiе ихъ въ Русскiй народъ. Мы, однако, говоримъ это отнюдь не по связи съ тѣми мѣропрiятiями, какiя имѣли или имѣютъ мѣсто относительно обрусенiя Татаръ. Въ направленiи этой цѣли сдѣлано такъ мало, что можно подумать: не сдѣлано ничего. Обрусенiе Татаръ мы ставимъ въ прямую зависимость отъ развитiя самого Русскаго народа: чѣмъ развитѣе и свободнѣе будетъ Русскiй народъ, тѣмъ болѣе Татары будутъ ощущать на себѣ нравственное и цивилизующее влiянiе Русскихъ, тѣмъ болѣе и охотнѣе они подчинятся этому влiянiю и тѣмъ свободнѣе отрекутся отъ всего того, что составляетъ наслѣдiе временъ невѣжества. А пока дѣло ограничивается однимъ административнымъ воздѣйствiемъ — просто смѣшною кажется надежда ассимилировать этотъ народъ. Французы, Нѣмцы, Шведы, Поляки, попадая въ среду Русскихъ, ассимилируются послѣдними въ какихъ нибудь два-три поколѣнiя; остаются только нерусскiя фамилiи; языкъ же, даже вѣра, обычаи, образъ мыслей, отсюда и патрiотизмъ—все становится чисто русскимъ; а между тѣмъ это представители цивилизованнѣйшихъ нацiй. Ясно, что они попадаютъ въ тотъ слой Русскаго народа, который стоитъ не ниже ихъ по развитiю и котораго влiянiе просачивается неизбѣжно, естественно и незамѣтно; притѣсняющаго и озлобляющаго влiянiя администрацiи здѣсь нѣтъ. Но тѣ же напр. Нѣмцы (приволжскiе колонисты), попавъ въ среду невѣжественную, не подаютъ ни малѣйшихъ признаковъ обрусенiя и при первыхъ попыткахъ администрацiи къ притѣсненiю обнаруживаютъ стремленiе бѣжать изъ Россiи. Взглянемъ и на Татаръ: они окружены массою русскаго народа, который и бѣднѣе, и забитѣе, и невѣжественнѣе Татаръ: мыслима ли тутъ ассимиляцiя (развѣ обратная)? А тутъ еще является

глупо-насмѣшливое отношеніе къ обрядамъ Магометовой религіи, «свиное ухо» и т. п. глумленія, и въ параллель съ этимъ административное навяливаніе русскаго языка и такихъ русскихъ школъ, отъ которыхъ сплошь да рядомъ сторонится и Русскій простой народъ, и русское земство, и русское общество.

Говорятъ, Чувашинъ и Мордвинъ гордятся породниться съ Русскимъ и даже называть себя Русскимъ; Татары не безъ гордости величаютъ себя булгарлыкомъ (булгарствомъ). Почему именно? Потому, что въ первыхъ двухъ случаяхъ сознается культурное превосходство Русскихъ, а во второмъ (сознавалось и перешло въ традицію)—превосходство Болгаръ. Но чтобы Татаринъ сознавалъ превосходство русскаго мужика — объ этомъ какъ-то странно и говорить — до этого еще далеко или если и близко, то ровно по стольку, по скольку близко время освобожденія самого Русскаго народа изъ-подъ условій, стѣсняющихъ его свободное развитіе. Теперь же, Татаринъ въ правѣ сказать Русскому, замѣчая его замашки въ направленіи якобы цѣлей цивилизаціи: «Врачу, исцѣлися самъ».

Закончимъ этотъ послѣдній этнографическій очеркъ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы скорѣе пришло это исцѣленіе, а съ нимъ и кровное сліяніе двухъ когда то враждебныхъ, а теперь мирныхъ и вмѣстѣ молодыхъ и способныхъ народовъ. И перейдемъ къ *историческому* очерку въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова.

VI.

Историческій очеркъ
(къ среднему теченію Волги).

Стремленіе Русскихъ на востокѣ къ Камѣ и Булгаріи.

Мы видѣли, что много вѣковъ тому назадъ подъ вліяніемъ историческихъ событій славянскій элементъ, полусознательно ища для себя мѣста, гдѣ бы онъ могъ съ удобствомъ осѣсться въ инстинктивныхъ цѣляхъ дальнѣйшаго органическаго роста, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ занять благодатныя земли юга по Днѣпру и Черному морю. Мы видѣли также что, и въ направленіи другихъ мо-

рей пути были заграждены народами болѣе зрѣлыми и сильными. По плечу приходися только финскій элементъ, представлявшій собою еще болѣе, такъ сказать, первичную этническую матерію, нежели элементъ славянскій. Вмѣсто морей въ центральной области Финновъ находились двѣ огромныя рѣки—Ока и Волга, обладающія тѣмъ большею притягательною силою для всего живущаго на этой землѣ, чѣмъ онѣ больше другихъ рѣкъ. Обѣ названныя рѣки одновременно и съ одинаковою силою потянули къ себѣ Славянъ, которые легко заняли берега этихъ рѣкъ, сначала по верховьямъ и среднему теченію, потомъ спускаясь все ниже и ниже, дошли до встрѣчи ихъ; и здѣсь въ междурѣчьи или даже въ цѣломъ четыреугольникѣ рѣкъ не только произошло окончательное осѣданіе славянства, но и пробудилась дальнѣйшая жизнедѣятельность, результатомъ которой было формированіе новаго народа—Русскихъ и новаго государства — Россіи. Разрозненныя стремленія и масса волей единицъ, концентрируясь, объединились въ лицѣ одного представителя народа—князя; съ этихъ поръ прежнія полусознательныя народныя стремленія дѣлаются гораздо болѣе сознательными; выясняется цѣль и намѣчаются пути къ ней; цѣль эта выражается отчасти въ словахъ «боронити Русскую землю» и «промыслити» о ней, а пути къ тому—заселеніе ея, или колонизація, потомъ торговля, пріобрѣтеніе другихъ земель, колонизація ихъ и, конечно, на ряду со всѣмъ этимъ военныя предпріятія. Личныя качества и воля народнаго представителя получаютъ съ этихъ поръ болѣе серьезное значеніе, и мы видѣли, что, по счастію для Русскаго народа, первыми представителями его были любимые народомъ, прославившіеся своими дѣяніями и оцѣненные потомствомъ знаменитые изъ рода знаменитаго же Мономаха—Юрій Владиміровичъ, Андрей и Всеволодъ Юрьевичи и Константинъ и Юрій (Георгій) Всеволодовичи. Эти пять личностей положили прочнѣйшій фундаментъ юнаго государства и воздвигли даже самое зданіе его, зданіе достаточно уже крѣпкое той внутреннею нравственною силою народнаго самосознанія, которая сохранила въ молодомъ организмѣ достаточный запасъ жизненныхъ силъ на черный день, къ сожалѣнію, такъ быстро наступившій—уже при Георгіи—въ годину

Ситской битвы... А у Георгія, какъ видится, зрѣли уже планы «промыслить» для Русской земли въ придачу къ ней болѣе привольныя и удобныя мѣста, лежавшія по Волгѣ и тотчасъ и гораздо далѣе за предѣлами Русской земли. До появленія Татаръ Русскіе успѣли занять весь Окско-Волжскій четыреугольникъ. На Окѣ *Муромъ*, а на Волгѣ *Радиловъ* (нынѣ село Городецъ) были однако уже самыми далекими пунктами; до встрѣчи же Волги съ Окою Русскіе или не дошли, или дошли, но еще не обосновались тамъ. Мѣсто это было однако хорошо извѣстно имъ; это былъ сборный пунктъ, «исады» (хотя это мѣсто и не носило именно такого названія): здѣсь высаживались для соединенія въ одно цѣлое войска во время войнъ съ Болгаріею; здѣсь же, по всей вѣроятности, былъ и остановочный пунктъ для торговыхъ людей, шли ли они съ верху Волги въ Оку, съ низу ли Волги далѣе вверхъ по ней или въ Оку, съ Оки ли вверхъ или внизъ по Волгѣ; словомъ, это былъ узелъ, отъ котораго шли по разнымъ направленіямъ три большіе водные пути. Два изъ нихъ были уже наши. Предстояло помыслить о третьемъ и самомъ лучшемъ. Дѣло было очень не легкое по многимъ причинамъ. Начать съ того, что государство само еще не вполнѣ сложилось; далѣе—оно было еще слабо и своею военною силою, затѣмъ—оно занимало область весьма еще просторную для роста его народонаселенія; не было также почти никакихъ другихъ неотразимыхъ побужденій непремѣнно и во что бы то ни стало шириться за Оку. Къ тому же наконецъ — тотчасъ за Окой жили Мордва, племя сильное и, повидимому, уже начинавшее смутно понимать, какая судьба можетъ ожидать ихъ отъ напиравшаго Славянства. Напротивъ Мордвы, за Волгою, на большомъ протяженіи обитали воинственные Мари или Сярмысъ, которые впослѣдствіи доказали, что они не отдадутся Русскимъ безъ жестокаго и упорнаго сопротивленія. Впрочемъ даже, еслибъ Русскіе и пошли на Мордву и Мари и одолѣли ихъ, они увидѣли бы, что хотя по протяженію и порядочное плесо Волги пріобрѣли, но отъ пріобрѣтенія этого толку было бы очень мало: Волга манила дальше и дальше,—туда, гдѣ обрѣтаются новые «Исады», гдѣ новый узелъ съ тремя огромными водными путями и гдѣ сосредоточивается дѣятельная торговая жизнь въ ши-

рокихъ по тому времени размѣрахъ. А мѣсто это принадлежало еще болѣе сильному народу, сложившемуся въ богатое и славное царство Болгарское.

Представлялся вопросъ: съ чего начать въ цѣляхъ завладѣнія заманчивымъ устьемъ Камы — съ начала ли, съ Мордвы, при чемъ надо потратить много силъ но понапрасну почти, или съ конца? Да наконецъ, не совсѣмъ ясно было и то: кто кого одолѣетъ: Русскіе Болгаръ, или Болгары Русскихъ. Казалось, надо было сначала сдѣлать опытъ, пожалуй и не одинъ. Дѣйствительно, не рѣшая вопроса принципіально, пожалуй, даже и не ставя его передъ собой, Русскіе князья, побуждаемые самою силою вещей, начинаютъ пробовать силу Болгаръ. Они, конечно, ясно еще помнили, что опыты такого рода уже бывали: въ 969 году Святославъ, а въ 985 Владиміръ ходили на Болгаръ, и не безуспѣшно, хотя *все таки предпочли ходить лучше на лапотниковъ*, а съ Болгарами устроить миръ, пока камень не начнетъ плавать, а хмѣль тонуть, такъ какъ убѣдились, что Русскимъ не заставить Болгаръ платить дань. Лѣтъ 100 спустя Русскіе безъ вѣдома князя пошалили надъ Болгарами, т. е. пограбили и побили болгарскихъ купцовъ. Болгары сначала честью просили князя русскаго усмирить разбойниковъ, но управы у князя не нашли и открыли военныя дѣйствія. Какъ шла война, о томъ лѣтописи молчатъ; извѣстенъ только конецъ войны, результатомъ которой было пограбленіе Болгарами русскихъ окраинъ, сожженіе селеній и наконецъ взятіе Мурома. Прошло еще лѣтъ 20 —и, по какимъ-то поводамъ, Болгары оказываются подъ стѣнами самаго Суздаля: они осадили городъ и много зла натворили, пожигая села и убивая жителей. Сами суздальцы однако отдѣлались только страхомъ и слезами: городъ не былъ взятъ и даже какимъ то чудомъ Богородицы была одержана побѣда надъ Болгарами.

Чтобы еще нѣсколько яснѣе видѣть, что бороться съ Болгаріей было опасно, прибавимъ, что Мордва, Черемисы и Буртасы были въ большей или меньшей зависимости отъ Болгаръ. Даже страшные Половцы считали не лишнимъ задабривать Болгаръ; «прідоша говоритъ лѣтопись, Половци къ Болгаромъ, и высла самъ князь Болъгарскый пити съ отравою, и пивъ, Аепакъ и прочіи князи вси помрьша».

Словомъ, Болгары всѣмъ давали почувствовать, что они не боятся никого, а тѣхъ, кто ихъ затронетъ, съумѣютъ наказать.

По счастію, Болгары, какъ видится, не были дальновидными политиками и не особенно озабочивались промышлять о своей Болгарской землѣ, живя, такъ сказать, день за день, предоставляя каждому дню «злобу его». Есть нѣкоторыя основанія даже думать, что Болгарія ко временамъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое Гнѣздо не только достигла уже апогея своего величія, но и начала клониться къ упадку, какъ это бывало со многими древними государствами: ее уже разъѣдалъ страшный и неизлечимый недугъ роскоши, изнѣженности и разврата. Съ нѣкоторымъ подтвержденіемъ тому мы скоро встрѣтимся. Русское же государство было еще очень юно и совершенно свободно отъ такого недуга. «Боронити Русскую землю», «промыслить» о ней, «достать себѣ чести, а князю славы» было для Русскихъ постоянною темою благородныхъ мечтаній и порывовъ.

Первые попытки. Походы: Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое-Гнѣздо.

И вотъ Русскіе начинаютъ дѣлать военные опыты надъ Болгарами. Первый такой опытъ сдѣлалъ еще Юрій Долгорукій въ 1120 году; опытъ былъ удаченъ: Болгары были побѣждены послѣ жестокаго боя, и взято было у нихъ много «полону». Къ слову сказать, походъ этотъ связываютъ съ погибелью половецкаго князя Аепака, на дочери котораго былъ женатъ Юрій.

Спустя слишкомъ 40 лѣтъ (въ 1164 году), уже Андрей Боголюбскій, по неизвѣстнымъ ближайшимъ поводамъ, производитъ второй опытъ, и также очень удачный: Болгары были разбиты, потеряли всѣ или почти всѣ знамена, и самъ князь болгарскій едва спасся, бѣжавъ съ небольшой дружиной въ Великій городъ. Однако отсюда не слѣдуетъ заключать все таки, что Болгаръ легко было побѣдить; это уже видно изъ того, что сраженія были упорны и кровопролитны, и радость послѣ побѣды была необыкновенная: князь Андрей съ прочими князьями и со всею дружиною «удариша челомъ передъ святою Богородицею и почаша цѣловати святу Богородицю съ радостію великою, со слезами хвалы и пѣсни воздавающе ей». Поразивъ Болгаръ, Андрей взялъ и славный ихъ городъ Бряхимовъ, да сжегъ

еще три другихъ города. Событіе это имѣло въ глазахъ современниковъ необычайную важность и покрывало русское оружіе громкою славою. Надо было такъ случиться, что въ тотъ же день, 1-го Августа, дружественный Андрею греческій царь Мануилъ одержалъ побѣду надъ Сарацинами. И говорятъ, что въ войскахъ Мануила и въ войскахъ Андрея «видѣша вси лучи огненныя отъ иконы Спасителя». Это по связи со всею совокупностью прочихъ обстоятельствъ побудило греческую и русскую церковь установить на 1-е Августа праздникъ честнаго и животворящаго креста. Тѣмъ не менѣе, особенно важныхъ послѣдствій этотъ походъ не имѣлъ еще. Достаточно было и того гордаго сознанія, что Русь равняется съ Болгаріей, а пожалуй, и сильнѣе ея.

Ровно 20 лѣтъ спустя (1184), дѣлается третій опытъ. Теперь идетъ уже Всеволодъ; впрочемъ не одинъ: онъ проситъ помощи у кіевскаго князя. «Дай Богъ повоевать намъ въ наше время съ погаными», отвѣчаетъ кіевскій князь, и посылаетъ войско. Восемь князей съ войсками выступили въ походъ, идя къ Болгарамъ Окою и Волгою. Независимо отъ нихъ Половцы тоже надумали идти на Болгаръ и, встрѣтясь съ Русскими, соединились. Подошли къ Великому городу и стояли подъ нимъ 10 дней. Крупныхъ сраженій не было. Въ стычкѣ, происшедшей передъ городомъ, былъ опасно раненъ племянникъ великаго князя. Обстоятельство это въ связи съ предложеніемъ мира Болгарами побудило Всеволода заключить миръ.

Можно спросить: неужели русскіе князья, идя Волгою до Болгаръ, не встрѣчали никакихъ препятствій со стороны Мордвы и Черемисъ? Положительныхъ отвѣтовъ на это нѣтъ. Но съ одной стороны легко могло быть, что и Мордва и Черемисы, пока ихъ не обижали, не видѣли резона, а то даже и возможности, препятствовать движенію сильной рати. Съ другой стороны еще болѣе вѣроятно и то, что если не черемисы, то, по крайней мѣрѣ, Мордва строили какія нибудь непріятности и не крупныя помѣхи русской рати. Вѣроятіе это поддерживается тѣмъ, что напр. Всеволодъ, возвращаясь изъ похода, приказалъ своей конницѣ двинуться на Мордву. Но ни о мотивахъ

этого движенія, ни о результатахъ ничего, кажется, неизвѣстно.

Миръ послѣ похода, не покрытаго славою, оказался непрочнымъ; и на другой же годъ (1186) Всеволодъ отправилъ на Болгаръ войско. Хотя особенной слявы Русскіе не пріобрѣли и на этотъ разъ, тѣмъ не менѣе, имъ удалось разграбить много селеній и возвратиться съ «полономъ».

Чтобы дать почувствовать свою силу, Болгары, вскорѣ послѣ смерти Всеволода рѣшились сами принять наступательное положеніе и пошли на Русскихъ. Результатомъ ихъ похода было взятіе Устюга (1217). А это было достаточнымъ поводомъ новому князю Георгію Всеволодовичу попытаться также добыть себѣ славы. И вотъ въ 1220 г. предпринимается пятый походъ на Болгяръ. Походъ былъ удаченъ. Сохранилось довольно подробное и картинное описаніе его, которое мы и приводимъ, не измѣняя стариннаго языка.

Походъ Святослава, брата Георгія Всеволод. Сожженіе Ошела.

«Князь великій Юрьи Всеволодовичь посла брата своего Святослава на безбожныя Болъгары, и съ нимъ посла плъкы своя, а воеводство приказа Еремѣю Глѣбовичю; а Ярославъ посла своя полкы изъ Переяславля, а Василкови Костянтиновичю повелѣ Юрьи послати своя полкы: онъ же изъ Ростова полкъ посла, а другій со Устюга на врьхъ Камы; посла же и къ Муромскымъ княземъ, веля имъ послати сыны своя, и посла Давыдъ сына своего Святослава, а Юрьи Олга. И сняшаоя вси на Волзѣ, на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша внизъ; и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противу Ошлю, и выидоша на берегъ. Изряди же Святославъ полкы своя: Ростовьскый по правой руцѣ, а Переславьской по лѣвой, а самъ ста съ Муромскими князи посреди, а инъ полкъ остави у лодей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду, и усрѣтоша ихъ Болгаре со княземъ своимъ на конехъ и поставиша полкъ на поли; Святославъ же поиде къ нимъ вборзѣ, они же, постоявше мало, пустиша по стрѣлѣ въ наши и возмятшеся побѣгоша ко граду, и, вбѣгше во градъ, затворишася. Князь же Святославъ поиде вборзѣ ко граду; бѣ же острогъ утверженъ около града, крѣпокъ тынъ дубовъ, а за тѣмъ два оплота и межи има валъ ссыпанъ, и по тому валу ры-

щуще изъ затканіа біахуся. Князь же Святославъ пришедъ къ городу и наряди люди впередъ со огнемъ и съ сѣкирами, и за ними стрѣлци и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крѣпка зѣло, и подсѣкоша тынъ, и разсѣкоша оплоты и зажгоша ихъ, а они побѣгоша въ городъ; си же гониша ихъ сѣкуще до города, потомъ же приступиша ко граду отовсюду и зажегши его.»

Татищевъ при этомъ разсказываетъ о храбромъ подвигѣ одного дворянина Охотина:

«Нѣкоторые, не могши терпѣть такъ великаго труда и опасности отъ многаго стрѣлянія болгарскаго, хотѣли уже отступать: да былъ тутъ на валу Ермилъ сынъ Охотинъ, дворянинъ Васильковъ, который, видя, что людей много напрасно гинетъ, сжалился о томъ и говорилъ своимъ: «Братіе! стыдъ намъ великой, если отступимъ, а стоять намъ на семъ мѣстѣ нѣтъ пользы, но весьма досадно видѣть, что непріятели намъ ругаются, и лучше съ честью умереть, и славу князей и Русской земли сохранить, нежели со стыдомъ отступить; а вы что разсудите?» И взявъ мечь въ руку, огнь въ другую, бросядоску, скочилъ чрезъ оплотъ и за нимъ не умедлилъ братъ его Вавило, и начали сѣчь Болгаръ; товарищи же ихъ, смотря съ вала, удивлялись и стали имъ помогать, и, приступя ближе, разметали оплотъ и зажгли самый градъ. Болгары же, прежде нежели къ Ермилу довольно въ помощь пришло, оступя множествомъ, обоихъ братьевъ убили».

Далѣе по лѣтописи: «И бысть дымъ силенъ зѣло, и потяну вѣтръ съ града на полкы Святославли, и не бѣ видѣти человѣка въ дымѣ, и не могуще трьпѣти дыма и зноя, паче же безводіа, и отступиша отъ града; и сѣдоша опочивати отъ многаго труда. Рече же Святославъ: «Поидемъ съ повѣтреа со другую страну града»; они же воставше поидоша объ ону страну града, и, пришедше, сташа противу вратомъ града; и рече имъ князь: «Братіе и дружино! сего дни намъ двое предлежитъи: ли добро или зло, да потягнемъ борже», и потече самъ князь преди всѣхъ ко граду. Видѣвше же его вои вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты и съ ту страну, и зажгоша, а Болгары побѣгоша въ городъ; сіи же погнаху ихъ сѣкуще

и потомъ зажгоша градъ отвсюду. И объятъ градъ огнь отвсюду, и бысть буря веліа и страшно бысть видѣти, и бысть во градѣ вопль великъ зѣло». Князь же Болгарьскый выбѣже инѣми вороты и утече на конехъ въ малѣ дружинѣ, а что пѣшець выбѣгло, мужи избиша, а жены и дѣти въ полонъ взяша, а иніи во градѣ погорѣша, а иніи сами изсѣкоша жены своя и дѣти, и потомъ сами ся избиша; нѣціи же отъ вой Святославлихъ дръзнуша внити во градъ, корысти дѣля, и едва утекоша пламене, а иніи ту изгорѣша.

Князь же Святославъ стоя ту, дондеже весь градъ згорѣ, и взяша же градъ Ошель іюня 15, и поиде оттуду Святославъ князь къ лодіямъ своимъ. Бывшу же ему у лодей, и воста буря съ дождемъ, яко же и лодіямъ возметитися, и потомъ нача буря тишитися, и пріиде князь Святославъ въ завѣтріе на островъ съ полкы своими, и Муромскіе князи съ нимъ, ту жъ и на ночь облеже; на утреи ту обѣдавше, поидоша прочь въ верхъ по Волзѣ.

Слышавше же Болгары въ Великомъ градѣ и во иныхъ градѣхъ, яко и городъ ихъ Ошель взятъ, и печални быша по велику зѣло, и собрашася вси со князьми своими: овіи на конихъ, друзіи пѣши, и пріидоша на брегъ. Слышавъ же Святославъ, оже Болгары собравшеся ждутъ его на Исадѣхъ, повелѣ же воемъ своимъ оболочитися во броня, и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и лодіяхъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели, а самъ князь по нихъ поиде. Болгари же, идуще по брегу, видяще своихъ ведомыхъ, овому отци, иному сынъ и дщерь, другому же братіа и сестры и соплемянницы, и стаху покивающе главами своими, и стоняще сердце ихъ, и смѣжающе очи свои.

Святославъ же минувъ Исады, и ста на усть Камы, и ту пріиде къ нему Воиславъ Добрыничь, и Ростовци и Устюжане со множествомъ полона и съ корыстію великою: тѣ бо отпущени бяху прежь еще въ низъ идуще воевати по Камѣ, и взяста по ней много городовъ, а селъ нѣсколько и пожгоша все, а люди изсѣкоша, а иныхъ во плѣнъ поведоша». Оттуду же посла Святославъ вѣсть предъ собою ко брату своему Юрью, и дошедъ Городца, и выиде изъ лодей, и поиде ко граду Володимерю на конѣхъ.»

Такимъ образомъ и Георгій Всеволодовичъ одержалъ

блистательный верхъ надъ Болгарами. Если читатель помнитъ, мы уже имѣли случай *) упомянуть о томъ, что Болгары были доведены Георгіемъ до полнаго униженія: они два раза тщетно умоляли великаго князя о мирѣ, заслышавъ, что великій князь снова намѣревается идти на нихъ, притомъ самъ стоя во главѣ предпріятія; и только послѣ третьяго посольства Георгій наконецъ склонился на ихъ неотступныя просьбы и далъ миръ на условіяхъ, конечно, очень выгодныхъ, хотя о нихъ и нѣтъ извѣстій, кромѣ указанія на то, что онъ завоеванныхъ земель не возвратилъ. Можно сказать, что послѣ этого пятаго разгрома Болгарія находилась уже наканунѣ покоренія ея Русскими, для которыхъ отнынѣ ясно уже былъ намѣченъ историческій путь — идти на востокъ и завладѣть Волгою. Очень можетъ быть, что Георгій потому и не давалъ Болгарамъ мира, что намѣревался покончить съ Болгаріею или по крайней мѣрѣ еще разъ нанести ей такой сокрушительный ударъ, послѣ котораго наслѣдникамъ Георгія оставалось бы объявить Болгарамъ, что царства ихъ болѣе не существуетъ и что имъ остается безропотно покориться неизбѣжной судьбѣ, если не захотятъ, чтобы города и села ихъ обратились въ развалины, населеніе же частью перебито, частью разселено по городамъ Владимірско-Суздальской области.

Отношенія къ Мордвѣ. Основаніе Нижняго Новгорода.

Однако прежде, нежели овладѣть Болгаріей, пора же было подумать и о промежуточномъ плесѣ Волги; надо было если не покорить, то хотя стать твердою пятой на землѣ непріязненной намъ и союзной Болгарамъ Мордвы.

Нечего и говорить, что пунктъ для занятія и утвержденія въ ней напрашивался самъ собою, бросался въ глаза и по своей стратегической и торговой важности и даже просто по соблазнительной красотѣ. Это было именно «устье Оки», надъ которымъ высились покрытыя лѣсомъ живописныя *Дятловы* горы. Дятловы не потому, какъ это было думали, что тутъ водилось много дятловъ, а по тому, вѣроятнѣе, что принадлежали мордовскому князю Дятлу. Надо замѣтить, что Мордва любила давать новорожденнымъ имена птицъ, какъ напр., *Торай* (гусь), *Тыръ-*

*) Въ 1-й части «Волги».

Пырз (дикій голубь) и т. д. Тутъ, т. е. на Дятловыхъ горахъ, что-то уже и было: не то Болгарская факторія, не то мордовское укрѣпленіе — хорошенько неизвѣстно. Есть только преданія съ легендарнымъ оттѣнкомъ. Разсказывается, напр., что на Дятловыхъ горахъ жилъ мордвинъ *Скворецъ*. Онъ былъ другъ и помощникъ *Соловья* разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Тутъ же, гдѣ-то въ ущельѣ, обиталъ чародѣй *Дятелъ*, также дружившій съ Соловьемъ. Скворецъ имѣлъ 18 женъ; эти 18 женъ родили 70 сыновей; жили они всѣ вмѣстѣ и занимались разведеніемъ скота, который пасли на горѣ, а на водопой по вечерамъ гоняли на Оку. Жили тихо, мирно, безпечно; только старый Скворецъ почему-то сталъ задумываться надъ вопросами будущаго и наконецъ, мучимый мрачными предчувствіями, пошелъ къ чародѣю Дятлу провѣдать, что будетъ съ его дѣтьми. Мудрый Дятелъ отвѣчалъ такъ: «коли дѣти твои будутъ жить согласно между собою — долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами; а нѣтъ, то Русскіе покорятъ ихъ и поставятъ на устьѣ Оки городъ, каменный, зѣло-зѣло крѣпкій, и вражескія силы не одолѣютъ его.»

Опасеніе Скворца и предреченіе Дятла оправдались: говорятъ, еще Андрей Боголюбскій оттѣснилъ Мордву отъ устья Оки. Георгій же (или Юрій) Всеволодовичъ тѣмъ болѣе долженъ былъ оцѣнить это мѣсто и признать своевременнымъ полное завладѣніе имъ и укрѣпленіе его. Георгій, кажется, внимательно осмотрѣлъ Дятловы горы у слiянія великихъ рѣкъ и плѣнился ими. Можно сказать, тотчасъ послѣ достопамятнаго взятія Ошела въ 1220 году Юрій рѣшился утвердиться на устьѣ Оки: именно въ самомъ началѣ *) слѣдующаго 1221 года онъ заложилъ на горѣ надъ Окою новый городъ, за которымъ такъ и оставилъ названіе Новаго; Новый градъ, находясь въ «Низовской землѣ», былъ нижній, относительно верховаго Новгорода и въ отличіе отъ него также усвоилъ себѣ этотъ эпитетъ, какъ имя собственное. Такъ-то возникъ одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ — *Нижній-Новгородъ*. Первое время, конечно, городъ былъ очень маленькій;

---

*) Нижній-Новгородъ празднуетъ день своего рожденія 4 Февраля.

сущность его собственно представляла деревянная стѣна, окруженная рвомъ, и валомъ; была также поставлена маленькая деревянная церковь и, разумѣется, нѣсколько избушекъ для жителей. Мордва молчала: какъ будто она собиралась съ мыслями, выжидая, что будетъ дальше. Но дальше было то, что число охотниковъ поселиться на Дятловыхъ горахъ въ новомъ русскомъ городѣ быстро возрастало, и городокъ не замедлилъ вскорѣ обнаружить первые признаки процвѣтанія: въ 1227 году Георгій Всеволодовичъ нашелъ возможнымъ построить въ Нижнемъ уже каменную церковь. Видно было, что князь очень полюбилъ свой новый городъ: смотря на воды и горы, онъ уносился мыслью къ Днѣпру и Кіеву: сходство мѣстностей побудило Георгія дать одному ручью, впадающему въ Оку имя рѣчки *Почайны*. Впослѣдствіи ниже города возникъ и монастырь *Печерскій*.

Впрочемъ, если мы и говоримъ: Мордва молчала, то это не значитъ, что съ нею совсѣмъ не было столкновеній ни за это, ни за прошедшее время. Не говоря о томъ, что Всеволодъ посылалъ на нее войско, еще гораздо раньше того (въ 1103 г.) одинъ изъ русскихъ князей ходилъ на Мордву, но былъ разбитъ ею. Вѣроятно, были и еще столкновенія, о которыхъ не дошло извѣстій; но всѣ они имѣли скорѣе характеръ случайныхъ столкновеній, нежели постоянной борьбы за обладаніе Поволжьемъ, какая возникаетъ со времени основанія Нижняго. Можно догадываться, что молчаніе Мордвы даже въ первые годы существованія Нижняго было прерываемо какими нибудь враждебными демонстраціями: уже въ 1226 году великій князь былъ вынужденъ послать на Мордву свои войска; Мордва была побѣждена, но не на столько, чтобы смириться; напротивъ, съ этихъ поръ она должна была еще болѣе убѣдиться въ необходимости напрячь всѣ силы, чтобы уничтожить Нижній и прогнать Русскихъ. Во главѣ Мордвы явился воинственный князь *Пургасъ*. Юрій, провѣдавъ о замыслахъ Пургаса на Нижній, поспѣшилъ предупредить его и осенью 1228 послалъ снова на Мордву войска; но походъ былъ неудаченъ по причинѣ непрерывныхъ дождей. Юрій переждалъ осень и зимою, въ Январѣ 1229 г., пошелъ на Мордву самъ. Русскіе войска вошли въ

Мордовскую землю, опустошая огнемъ и мечемъ селенія, нивы, жителей и скотъ; много плѣнниковъ было отправлено домой, въ Русскую землю. Въ то время, когда одна дружина подвизалась такимъ образомъ, другая, ища и себѣ славы, пустилась преслѣдовать Мордву, ушедшую въ дебри своихъ лѣсовъ. Когда она зашла уже далеко, Мордва окружила русскую рать и истребила до послѣдняго человѣка. Впрочемъ, говоря вообще, походъ все-таки былъ удаченъ: мордовскія земли были изрядно опустошены, и самъ Юрій съ своимъ войскомъ воротился домой благополучно. Но такого урока Мордвѣ было недостаточно; она все еще не была обезсилена, и весною того же года Пургасъ явился подъ стѣнами Нижняго; взять его — не взялъ, но пожегъ окрестныя укрѣпленія и Богородицкій монастырь, стоявшій внѣ города. Русскимъ не предстояло надобности снова идти на Мордву самимъ: будучи политичнѣе Мордвы, они успѣли заручиться союзникомъ въ средѣ самой Мордвы — княземъ *Пурешемъ*, который и напалъ съ Половцами на Пургаса и разбилъ его.

Нашествіе Татаръ останавливаетъ подготовленное Мономаховичами покореніе Болгаріи.

Но всѣ эти успѣхи Русскихъ показывали, что не мало еще предстоитъ труда одолѣть Мордву, прежде нежели мечтать о золотомъ краѣ—Болгаріи. Къ тому же, всего черезъ три года послѣ основанія Нижняго случилось весьма зловѣщее для Руси обстоятельство, именно появленіе въ 1224 г. невѣдомаго народа, который уже успѣлъ нанести Русскимъ пораженіе на Калкѣ. Впрочемъ, для Юрія обстоятельство это не могло казаться особенно зловѣщимъ, тѣмъ болѣе, что невѣдомый народъ (Татары), появившись внезапно, внезапно же и скрылся. И Юрій продолжаетъ укрѣплять за собою мордовское Поволжье; въ 1232 г. онъ снова посылалъ войска въ Мордовскую землю, которая была ужасно разорена, и Мордва наконецъ присмирѣла.

Теперь надо было подумать о колонизаціи или хотя объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ по Волгѣ, чтобы затѣмъ уже приступить къ осуществленію завѣтной мечты о Болгаріи. Но на востокѣ собралась уже грозная туча. Подошелъ 1236 годъ — и рухнули всѣ надежды на близко уже бывшее счастіе; всѣ подготовительные труды, казалось, пропали даромъ. Не то что «промыслити», но даже и «боронити» Русскую землю не хватило силъ! Палъ

сильный, храбрый и еще юный богатырь, истекая кровью отъ смертельной раны....

Вмѣсто того, чтобы поставить теперь нѣсколько страницъ точекъ, мы—пока, такъ сказать, идетъ процессъ медленнаго исцѣленія глубокой раны—перейдемъ *на берега Камы* и ближайшей къ ней части Волги.

VII.

(Историческій очеркъ).

Развалины Города Булгара.

Здѣсь, всего въ нѣсколькихъ верстахъ ниже устья Камы и верстъ 5—6 въ сторону отъ Волги, находится очень замѣчательное мѣсто. Мѣсто это — могила древняго величія Болгаріи — ея славнаго *Великаго города Булгара.* Мѣсто это посѣщали многіе ученые и путешественники; также были тутъ и Петръ Великій, и Екатерина II; былъ и Феодоръ Алексѣевичъ.... — побываемъ и мы тутъ; и взглянемъ на «царственное Болгарское мусульманское городище, которое весьма преславно и прекрасно», и которое, по мнѣнію Федора Алексѣевича, «достодолжно (было) возобновить», а по мысли Петра Великаго — по крайней мѣрѣ хранить, не допуская до разрушенія уцѣлѣвшихъ памятниковъ давней старины.

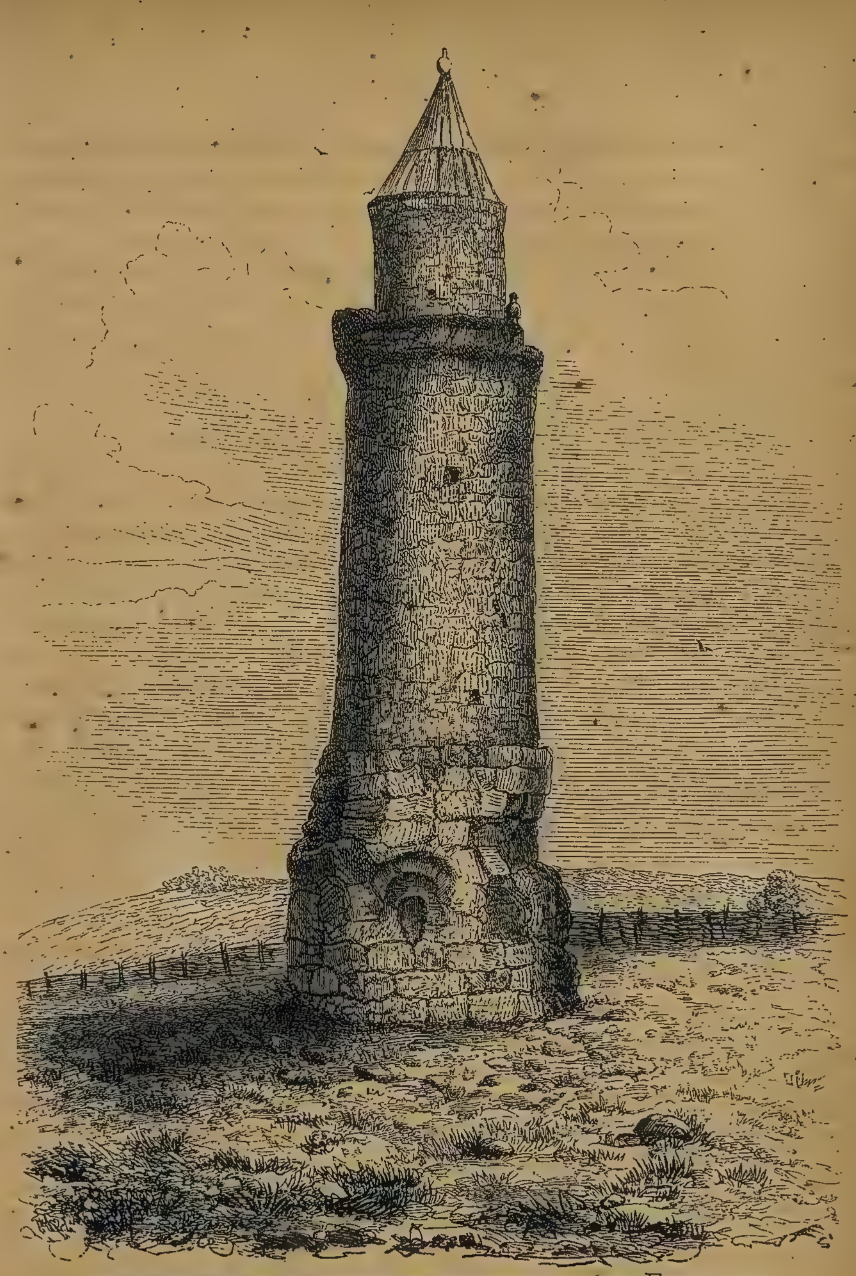
Къ сожалѣнію, кажется, только Петръ и позаботился объ этомъ. Съ той поры все, тогда еще довольно цѣлое, рушится, рушится до самого основанія и растаскивается народомъ.

Посмотримъ, по крайней мѣрѣ на то, что уцѣлѣло до нашихъ дней и послушаемъ, что намъ разскажутъ другіе объ этихъ славныхъ развалинахъ.

Еще издали, отъ деревни Тенишева, стоящей на берегу Волги, а также говорятъ и изъ Тетюшъ, видѣнъ вдали отъ Волги на возвышенной грядѣ какой то «столпъ».... Но, вмѣсто того, чтобы говорить о немъ, смотря на него издали, вообразимъ лучше, что мы находимся у него. Онъ сѣровато-бѣлаго цвѣта; сложенъ изъ хорошо обтесанныхъ известняковыхъ большихъ камней. Камни очень мало потерпѣли отъ вліянія времени, и весь столпъ не кажется слиш-

комъ древнимъ сооруженіемъ. Въ вышину онъ имѣетъ 7 саженъ, а въ толщину у основанія около трехъ. Къ верху онъ нѣсколько съуживается, но потомъ имѣетъ расширеніе, образующее вокругъ столпа террассу. Очевидно, это минаретъ. Въ одномъ мѣстѣ его, вверху, видно круглое окно; въ другомъ, внизу, вы видите узкій входъ; но попасть въ него не совсѣмъ легко, такъ какъ онъ находится на нѣкоторой высотѣ отъ земли. Внутри минарета идетъ на верхъ узенькая винтовая лѣстница, также каменная; нѣкоторыя ступени на столько оббиты, что представляютъ новое затрудненіе для желающаго идти на верхъ. Стѣны внутри, какъ вы замѣтите, оштукатурены очень прочною штукатуркой, въ которой то и дѣло попадаются вырѣзанныя надписи на татарскомъ, а можетъ быть, и арабскомъ языкѣ. Верхъ минарета былъ въ недавнее время покрытъ желѣзною крышей со шпицемъ и луной на немъ; но теперь крыша содрана, вѣроятно, тѣми же русскими озорниками, которые на стропилахъ начертали разныя пошлыя надписи; впрочемъ, встрѣчаются и просто подписи фамилій посѣтителей. Съ вершины минарета открывается видъ на окрестности; и если вы любитель старины и хотя кое что слыхали о Великомъ Городѣ и Болгарскомъ царствѣ, а также о томъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Болгаръ стоялъ на Волгѣ и о томъ, что здѣсь случаются иногда находки древнихъ монетъ и различныхъ вещицъ: то окрестности эти прикуютъ ваще вниманіе и невольно увлекутъ васъ въ міръ заманчивыхъ мечтаній и различныхъ, большей частью неразрѣшимыхъ, вопросовъ о минувшей жизни. И теперь здѣсь не мертвое царство, впрочемъ: всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ минарета передъ вами село *Болгары*, но безмолвіе этого мирнаго, какъ будто спящаго селенія едвали не усиливаетъ контрастъ съ той шумной жизнью, которую рисуетъ воображеніе для временъ минувшихъ при видѣ развалинъ, которыя кажутся огромными сравнительно съ избушками крестьянъ.

Мѣста эти посѣщаютъ не одни только русскіе путешественники, любопытствующіе видѣть развалины; гораздо большее число посѣтителей представляютъ Татары. Вотъ и теперь—когда надъ самимъ довелось побывать у минарета—откуда то прибыли три мусульманина; подошли къ

Малый минаретъ среди развалинъ города Булгара.

Дозвол. Ценз. Спб. 8 апрѣля 1881. Тип. К. Ретгера, Невскій пр., № 5.

минарету и стали молиться; потомъ взобрались на верхъ минарета; побывавъ тамъ, и спустившись на землю, они снова стали молиться; важная серьезность ихъ лицъ внушаетъ къ нимъ особенное на этотъ разъ почтеніе. Смотрятъ они на минаретъ; обходятъ его, останавливаются, и снова долго смотрятъ, какъ будто, во что бы то ни стало, хотятъ проникнуть въ какой то скрытый смыслъ этого мертваго камня или узнать отъ него все то, чего онъ многіе вѣка тому назадъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ, свидѣтелемъ чего-то прекраснаго, живаго, великаго, знаменитаго, чего то такого, что имъ родственно, съ чѣмъ связаны смутныя воспоминанія о золотомъ времени славнаго булгарства, чего-то такого, что было и не воротится больше никогда, къ горькому сожалѣнію мусульманъ.

— «Гм... дда»... задумчиво произнесъ сѣдобородый престарѣлый мухаммеданинъ, когда мы обратились къ нему съ какимъ-то вопросомъ о минаретѣ и ближайшей развалинѣ: «все прошло... наше было... Гляди, какіе камни!... какъ крѣпко... вотъ какъ умѣли строить!... На такую вышину — такіе камни! Развѣ нынче съумѣютъ такъ?»... И татаринъ потрясъ головой, не то саркастически, не то просто какъ то загадочно улыбнувшись и еще разъ окинувъ гордо-почтительнымъ взглядомъ такъ много говорившій его сердцу минаретъ....

Но пойдемте дальше. Впрочемъ намъ приходится тотчасъ же остановиться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ минарета передъ развалиною какого-то зданія. Теперь оно очень не велико; отъ него остались только четыре стѣны и поодаль особнякомъ пятая, или остатокъ пятой; но, можетъ быть, зданіе было и большое. Что это? невольно рождается вопросъ, на который отвѣтить некому. Догадываются, что это была мечеть. Видны еще какіе то слѣды фундамента; а дальше изъ подъ земли опять виднѣются кирпичи, прикрытые уже толстымъ слоемъ дерна, обрисовывающемъ иногда довольно замѣтно четыреугольную форму фундаментовъ, потомъ еще и еще то же самое, и, повидимому, въ одномъ прямомъ направленіи. Думаютъ, это была улица, которая вела къ срединѣ города на площадь. Вонъ высится какая-то, сравнительно очень большая, развалина съ уцѣлѣвшимъ еще однако сводомъ, на кото-

ромъ уже обильно и густо разрослись различные злаки. И снова напрашивается вопросъ: что это? на который также нѣтъ положительнаго отвѣта. Одинъ ученый говоритъ, что это была мечеть, а остатки фундаментовъ, примыкающихъ къ зданію, это были *«утаги»* — комнаты для *«ходамэ»*, т. е. служителей мечети, и наконецъ, *«медресэ»*, или духовное училище. Другіе почти утверждаютъ, что въ этой, называемой такъ и въ народѣ, Черной палатѣ, производился судъ. Разсказываютъ, что Черною она названа по связи съ слѣдующимъ обстоятельствомъ: когда Тамерланъ сдѣлалъ приступъ къ городу, то ханъ Абдуллахъ съ женами и нѣкоторыми дѣтьми заперся въ Судейской Палатѣ. Тамерланъ приказалъ завалить палату снизу до верху бревнами, облитыми горючими веществами, и зажечь. Ханъ Абдуллахъ сгорѣлъ со всѣми бывшими съ нимъ, исключая одной изъ дочерей, которая спаслась чудеснымъ образомъ. Когда палата сгорѣла, дѣвушку увидали сидящею на сводѣ въ бѣлой одеждѣ одного святаго муллы, что явно оправдывало ходившую молву о святости, цѣломудріи и добродѣтели царевны, прозванной за необыкновенную красоту райскою гуріею. Тамерланъ дивился чудному спасенію дочери хана; а увидѣвъ ее, былъ плѣненъ ея умомъ и красотой и взялъ ее съ собою. Судейская палата послѣ пожара оставалась закопченною дымомъ и съ тѣхъ поръ была прозвана Черною. Внѣшній и внутренній видъ Черной палаты ясно уже говорятъ за ея древность: камни очень потемнѣли и подъ вліяніемъ дождей и вѣтровъ, а также и огня, если вѣрить преданію, сдѣлались рыхлыми, ноздреватыми; всѣ они снаружи покрылись не однимъ слоемъ лишайника; осыпаніе наружнаго слоя во многихъ мѣстахъ лишило камни ихъ первоначально правильнаго вида; кругомъ у основанія палаты — мусоръ; входъ полуразрушенъ, и кажется, что вотъ-вотъ рухнетъ и самая палата, какъ рухнуло уже многое, не поддержанное заботливостью Русскихъ.

Въ противоположность Черной есть (или, лучше сказать, была) *Бѣлая Палата* саженяхъ во 100 къ югу отъ Черной. Зданіе очень любопытное, — съ подземными ходами, каналами, съ остатками въ стѣнахъ слѣдовъ водопровода, даже съ остаткомъ въ одной стѣнѣ желѣзной трубы. Сложная лѣпная работа, затѣйливость располо-

женія зданія, камни съ надгробными надписями, слѣды какъ бы бассейна — все это побуждало пытливые умы историковъ и археологовъ разрѣшить постоянный вопросъ: что это было?

И трудно, кажется, сказать, разрѣшилъ ли кто нибудь этотъ вопросъ вѣрно; такъ что въ концѣ концовъ выходитъ: если хотите—это была мечеть; а то—дворецъ; если не дворецъ, то, наконецъ, пагода индѣйская; а если и не такъ, то это были бани, которыми славился Булгаръ. Впрочемъ, теперь и хотѣть-то нечего уже стало, когда еще лѣтъ 50 тому назадъ одинъ путешественникъ писалъ: «Корыстолюбіе обывателей, а особливо рабочихъ существовавшаго въ селеніи селитрянаго завода, много принесло вреда вообще всѣмъ уцѣлѣвшимъ зданіямъ, а этому въ особенности. Зная о существованіи подземныхъ галерей и наполняя ихъ въ воображеніи несмѣтными сокровищами, они подрывались и разрушали ихъ, поколебавъ такимъ образомъ основаніе зданія.»

Пройдемте теперь въ самое село, къ церкви; она кругомъ въ памятникахъ древности: съ одной стороны ея вы видите довольно большое зданіе, безъ оконъ; въ вышину оно будетъ сажени 3 слишкомъ и сажени $4^1/_2$ вдоль и поперегъ. Послѣ того, какъ уже давнымъ давно палата эта отжила свое назначеніе (конечно неизвѣстное), она еще разъ послужила на дѣло и была церковью въ бывшемъ здѣсь монастырѣ. И теперь на ней крестъ; но она не служитъ церковью. Одни думаютъ, что это была мечеть, другіе считаютъ ее за какую-то башню; по мнѣнію третьихъ, это—кладовая, а четвертые видятъ въ ней молельню надъ гробомъ какого нибудь мусульманина.

Съ другой стороны сельской церкви — тоже развалины какихъ-то палатъ, о которыхъ также догадываются различно.

А вотъ тутъ у церкви груды кирпича съ едва замѣтными признаками основаній четырехъ башенъ. Еще недавно (въ сороковыхъ годахъ) здѣсь высился одинъ изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ цѣльныхъ памятниковъ—«Большой столпъ», т. е. тоже минаретъ. Онъ имѣлъ 12 саженъ въ вышину. Петръ Великій, замѣтивъ нѣкоторыя повреж-

денія въ немъ, приказалъ верхнюю часть минарета оковать двумя желѣзными обручами; впослѣдствіи, усердіемъ богатыхъ казанскихъ Татаръ, минаретъ былъ оштукатуренъ и покрытъ желѣзною крышею. Но въ 1841 году минаретъ этотъ рухнулъ. Говорятъ, его подрыли искатели кладовъ. Намъ же мѣстные жители разсказывали, что «столпъ» рухнулъ самъ собою однажды ночью. Впрочемъ, это можетъ не противорѣчить указанію на «господъ» кладоискателей, которые, по свидѣтельству тѣхъ же жителей, весьма усердно взворачивали—Богъ знаетъ съ чьего вѣдома—камни и остатки стѣнъ и фундаментовъ у самого минарета. Теперь отъ него видно только основаніе, да и его растаскиваютъ мало-по-малу.

Мы остановимся на этомъ бѣгломъ очеркѣ главнѣйшихъ развалинъ Булгара, и только добавимъ, что развалинъ этихъ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія было несравненно больше, чѣмъ теперь. И надо только удивляться, что на долю цивилизованнаго XIX вѣка пришлось разрушать то, что такъ заботливо старался сохранить Петръ Великій въ XVIII, болѣе невѣжественномъ вѣкѣ.

Упомянемъ однако еще о *«Греческой палатѣ»*. Кафтанниковъ, сообщая о посѣщеніи развалинъ Петромъ Великимъ, говоритъ: «Отъ большого минарета Петръ отправился къ развалинамъ, называемымъ *Греческою палатою*, или *греческимъ монастыремъ*. Найдя эту палату совершенно разрушенною, распрашивалъ о прежнемъ ея фасадѣ, но, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, приказалъ только беречь остатки въ воспоминаніе, что нѣкогда христіане поклонялись здѣсь Творцу міра и что прахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ покоится».

Отсюда съ большимъ или меньшимъ основаніемъ мы можемъ воскресить передъ собою тотъ фактъ, что въ Булгарѣ жили и христіане, и что у нихъ даже была въ немъ своя церковь. Но въ какое это время? уже трудно сказать. Мы увидимъ, что жители Булгара не всегда отличались вѣротерпимостью *). Какъ и относительно прочихъ

*) Желающимъ ознакомиться гораздо подробнѣе съ бывшими и теперь существующими развалинами Болгаръ, можемъ указать на сочин. *С. М. Шпилевскаго*: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань, 1877.

развалинъ, о Греческой палатѣ судятъ не единогласно: такъ, одинъ ученый говоритъ, что это совсѣмъ была не церковь, а просто жилище богатаго иностраннаго купца. Но не мѣшаетъ прибавить, что все же большинство видятъ въ Греческой палатѣ именно церковь.

Помимо развалинъ слѣдуетъ указать еще на одинъ важный памятникъ, именно на земляной валъ и ровъ. Валъ этотъ нынѣ уже очень обвалился, ровъ мѣстами сильно засыпался; глубину послѣдняго опредѣляютъ различно — отъ одной до трехъ саженъ. Длину вала опредѣляютъ около 7 верстъ; онъ огибалъ городъ съ трехъ сторонъ, оставляя открытою ту, которая была обращена на Волгу къ склону горы. За валомъ, какъ полагаютъ на основанiи вѣскихъ соображенiй, шла дубовая стѣна. Длина города съ сѣвера на югъ равнялась 2-мъ верстамъ, а ширина отъ 2 до 1 и $1^1/_2$ версты. Большая часть развалинъ помѣщается внутри вала; но, напр., *Греческая палата* находилась внѣ его и, значитъ, внѣ города.

Внѣ же города, подъ горою, были еще какiя-то палаты, указывающiя на существованiе предмѣстья; говорятъ еще, что, по преданiю, тутъ былъ маякъ. Но объ этомъ, какъ замѣчаетъ одинъ ученый, сказать ничего нельзя.

Наконецъ съ южной стороны къ Булгару примыкало четыреугольное укрѣпленiе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ «*Малаго городка*». Лепехинъ засталъ еще здѣсь развалины четырехъ какихъ-то палатъ. Позднѣе здѣсь уже видѣли только основанiе двухъ столбовъ, а потомъ уже писали, что развалины, видѣнныя Лепехинымъ, совсѣмъ исчезли. Малый городокъ былъ также обведенъ валомъ и рвомъ. Одинъ ученый (Березинъ) полагаетъ, что это былъ персидскiй аркъ (arx), крѣпость, въ которой находился ханскiй дворецъ. Слѣды двухъ столбовъ, это, по мнѣнiю другаго писателя (Риттиха), — были двѣ башни, связанныя аркою поверхъ деревянныхъ воротъ, впереди которыхъ былъ мостъ черезъ ровъ; вообще вся постройка могла состоять изъ двухъ фланкирующихъ башенъ, между которыхъ была сплошная стѣна съ бойницами, воротами и подъемнымъ мостомъ. Не остается безъ объясненiя и не кажется просто случайно образовавшеюся ямою и мочажина близъ югозападнаго угла укрѣпленiя: положенiе ея

и весьма правильная круглая форма дали поводъ видѣть въ ней искусственный водоемъ для пріѣзжавшихъ каравановъ.

Что касается времени постройки минаретовъ и различныхъ палатъ, то оно относится изслѣдователями къ періоду отъ X до XV вѣка и притомъ ближе къ XIII вѣку. А относительно матеріала уже несомнѣнно почти, что онъ брался изъ горъ праваго берега Волги и состоялъ изъ известняка, песчаника, доломита и частію гипса и голышей. Находятъ, что цементъ, употреблявшійся Болгарами, необычайно проченъ, а обтеска облицевочныхъ камней— превосходной чистоты и правильности. Внутренность стѣнъ выполнялась бетономъ изъ менѣе твердой известковой породы и изъ известковаго туфа. Строительный матеріалъ вывозился и за предѣлы царства, напр. при Андреѣ Боголюбскомъ во Владимірско-Суздальскую область.

Всѣ большія зданія постоянно завершались круглымъ куполомъ, а малыя постройки имѣли острыя крыши. Своды дѣлались изъ тесаныхъ камней, безъ желѣзныхъ связей, замковъ и ключей. Тѣмъ не менѣе сохраненіе построекъ среди атмосфернаго и человѣческаго разрушенія свидѣтельствуютъ о необыкновенной прочности ихъ и о томъ, что «степень развитія Булгаръ была значительно впереди всѣхъ окружавшихъ ихъ народовъ и что названіе «Славный», а по нашимъ лѣтописямъ «Великій», городъ было не менѣе какъ справедливо.

Останавливаясь на архитектурѣ Черной палаты, Большаго минарета и Бѣлой палаты, Березинъ говоритъ: «Архитектура Черной палаты и ея отдѣлка совершенно слѣдуютъ правиламъ арабскихъ архитекторовъ; но это зданіе представляетъ и нѣкоторыя оригинальности. Окна съ ихъ острыми сводами, тонкія пилястры съ длинными и многогранными капителями, большія звѣзды по бокамъ оконъ третьяго этажа, фальшивыя арки, переходъ изъ четырехугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ арабской архитектуры, притомъ месопотамской, такъ какъ Булгары состояли преимущественно въ сношеніяхъ съ Багдадомъ... Большой минаретъ формою своей походитъ на арабско-месопотамскіе и сирійскіе минареты небольшихъ мечетей... Главную часть

Бѣлой палаты составляетъ квадратъ, въ которомъ центръ накрытъ куполомъ и въ четырехъ углахъ находится по отдѣльной, также квадратной комнатѣ съ куполомъ; эта необыкновенная въ нашей архитектурѣ форма въ Персіи весьма употребительна преимущественно въ увеселительныхъ загородныхъ дачахъ или для пріемныхъ залъ, называемыхъ «таляръ», въ большихъ домахъ и дворцахъ. Кромѣ таляровъ и загородныхъ дачъ подобная форма постройки употребляется въ мусульманскихъ баняхъ».

Надгробные камни и надписи.

Мы уже упомянули разъ о нахожденіи надгробныхъ камней съ надписями. Камней этихъ теперь, конечно, нѣтъ уже (всѣ расхищены), и мы ровно ничего не знали бы о надписяхъ на этихъ камняхъ, еслибы на нихъ не обратилъ вниманія Петръ Великій. По его указу были списаны точныя копіи съ надгробныхъ надписей и переведены на русскій языкъ. Однѣ изъ надписей—армянскія, а другія—татарскія. Въ «Запискахъ» о своемъ путешествіи Лепехинъ приводитъ 50 надписей, изъ которыхъ армянскихъ только три. Вотъ содержаніе одной изъ армянскихъ надписей (какъ она переведена у Лепехина):

Сей камень положенъ надъ умершими Армяны Богоугоднемъ Артемьѣ и Кипріянѣ. И кто станетъ тое надпись читать, чтобъ ихъ поминать. 984 году; итого, какъ этотъ камень положенъ, 738 лѣтъ *).

А вотъ для примѣра нѣсколько мусульманскихъ надписей, которыя на камняхъ были изображены арабскимъ письмомъ.

1) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Всѣ живые вскорѣ получатъ смерть, кромѣ его Господа Бога. Имя Абубекиръ Ославяса мамукъ, сынъ Баклятевъ. Возполни Господь Богъ гробъ его милосердіемъ, и украси Богъ во царствіи небесномъ бесѣды его, и упокой его, отпустя грѣхи его во царствіи небесномъ. Отъиде къ милосердію вышняго Бога въ лѣтѣ отъ Махомета 619-мъ. Какъ поставленъ тотъ камень, тому по сіе время 563 года.

*) Послѣднія слова, какъ и въ нижеслѣдующихъ надписяхъ, конечно, принадлежатъ переводчику.

2) Гробъ Асана града Семерканда. Умре мѣсяца Апрѣля въ послѣднихъ числахъ лѣта 690. Какъ поставленъ тотъ камень, тому 444 года.

3) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Сія домовица пречестныя, премногомилосердыя, прекрасныя, превысокородныя и непорочныя, и препочтенныя, и пречистыя и многовѣрныя княгини Сары, дочери Ахметевы. Умре лѣта отъ Махомета 670. Какъ поставленъ сей камень, тому 464 года.

4) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный! Сія домовица прикрытныя, пречестныя, непорочныя, многотерпѣливыя и многопостныя Ратми, дочери Аюбовы. Аюбъ, сынъ Магометевъ, а Махометъ Юносовъ царства Болгарскаго. О Господи Боже, удовольствуй ее довольствомъ неодолимымъ. Отъиде къ милосердію вышняго Бога; скончалась отъ рожденія своего 22 лѣтъ, мѣсяца Генваря, лѣта отъ Махомета 717. Какъ поставленъ тотъ камень, тому 417 лѣтъ.

5) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. То есть подлинно, что грозный судный день пріидетъ: нѣтъ сему сомнѣнія. Господь Богъ подыметъ всѣхъ умершихъ во гробѣхъ. А для чего тотъ камень, и гдѣ былъ поставленъ, того перевесть не можно, понеже подпись стерлась.

6) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Всѣ живые, кромѣ его Бога, получатъ смерть. Милостивая рука и благодатный Сюверъ Алъ Ходжа, Али Ходжи сынъ, Атрячь ходжи сынъ, Абубекиръ Ходжи сынъ, Алепъ Ходжа, умре въ Февралѣ мѣсяцѣ лѣта 623; и того тому камню 511 лѣтъ, а поставленъ онъ былъ надъ оными умершими.

7) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Суваръ Асаковъ сынъ, роду Белюку. Господи Боже помилуй его милосердіемъ! лѣта 623; камню 511 лѣтъ.

8) Онъ Господь Богъ живый, такъ и бзсмерт-

ный. Сія домовица великаго и превеликаго, и высокаго повелителя, избраннаго отъ Бога, почтеннаго, благороднаго, призирателя учителевъ, и защитителя сирыхъ, Ахметя Хаджи сына Мумикова; Мумикъ сынъ Мурсиновъ Болгарскаго. О Господи Боже, удовольствуй его довольствомъ неодолимымъ, и учести его, отпустивше грѣхи его, и помилуй согрѣшенія его. Мѣсяца Марта 27 дня, 720 году; камню 414 лѣтъ.

9) Все повелѣніе вышняго великаго Бога. Сей гробъ Абубекара Юварна, сына Мамелеева Маметъ Юварня *). Господи Боже, помилуй его милосердіемъ неодолимымъ! лѣта 623; итого будетъ 511 лѣтъ.

10) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Сей камень поставленъ для знаку Абдыллы, сына Ахмедева, лѣта 624. Смерть какъ питья полна чаша. Всѣмъ людямъ пить, ни кому не миновать. Гробъ есть ворота: всѣ люди въ тѣ ворота пройдутъ. Тому минуло 511 лѣтъ.

11) Онъ Господь Богъ живый, такъ и безсмертный. Всѣ живые, кромѣ его Бога, получатъ смерть. Сей камень поставленъ для знаку Юсупа, сына Армяшева **) Господи Боже, помилуй его милосердіемъ неодолимымъ! лѣта отъ Махомета 623; и того минуло 511 лѣтъ.

Чаще другихъ въ надписяхъ встрѣчается 623-й годъ: именно изъ всѣхъ надписей, какія приведены у Лепехина, 623-й годъ выставленъ 21 разъ. Любопытно, что онъ выставленъ не прямо численными знаками, а посредствомъ хронограммы: «*Тарик джіат джейур*», что значитъ: *годъ прешествія угнетенія.* Но еще любопытнѣе, что переводчики разгадáли эту хронограмму: семь арабскихъ буквъ въ выраженіи «*джіат джейур*» означаютъ по порядку слѣ-

---

*) Эти имена чисто ли мусульманскія? Не слышатся ли въ нихъ финскія прозвища или финскія переименованія?

**) Откуда это имя: производное отъ Армя (нинъ)? Укажемъ также на имена: Ославясамамукъ, Курасанъ, Мяхкамъ, Саверъ, Сюверъ, Юварій, Иррысъ, Сыдража, Атрячь, (Мухамедъ)-Миръ, Шамгакъ, Темресъ, Суваръ, Резяпъ, Изаркуралъ и Вавакеръ.

дующія числа: 3, 10, 1, 400, 3, 6 и 200; сумма ихъ и составляетъ 623-й годъ «прешествія угнетенія» или по нашему лѣтосчисленію 1226-й годъ. Относительно самого факта «угнетенія» ученые ничего не говорятъ положительно: одни подъ угнетеніемъ полагаютъ моровую язву, другіе — покореніе Монголами, а третьи оставляютъ вопросъ открытымъ.

Наконецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ ученый мулла заявилъ сомнѣніе въ дѣйствительности обозначенія 623 года. Не «джіат джіур», говорилъ онъ, написано на камнѣ а «джіати джюръ», что также можно читать, «джити юз»; а это соотвѣтствуетъ татарскому—йіде йоз, т. е. 700. Не вводя читателя въ подробности толкованія ученаго муллы въ области фонетическихъ законовъ языка, мы однако помѣтимъ то интересное обстоятельство, которое явилось слѣдствіемъ этихъ толкованій: именно, принимая объясненіе муллы, что на языкѣ надписей отразилось вліяніе чувашскаго языка, утверждаютъ фактъ существованія самихъ Чувашъ въ области Болгарскаго Царства еще въ первое время монгольскаго владычества. Но если допустить, что уже въ ту пору чувашское вліяніе успѣло сказаться на Болгарахъ, то невольно приходится заключить и о гораздо болѣе древнемъ существованіи Чувашъ на тѣхъ же или почти на тѣхъ же мѣстахъ; а это въ свою очередь снова склоняетъ къ отождествленію Чувашъ съ Буртасами.

И такъ, по новому толкованію вмѣсто 623 г. слѣдуетъ читать 700-й годъ, т. е. по нашему лѣтосчисленію 1301. Но почему такое обиліе надписей относится къ 1301 году, на то ужь совсѣмъ, кажется, ничего не отвѣчаютъ изслѣдователи. Такимъ образомъ древнѣйшею изъ надписей будетъ уже не какая либо съ 700 годомъ; а другая—съ обозначеніемъ 670 г. т. е. 1272; что касается позднѣйшей, то таковая относится къ 1344 нашего лѣтосчисленія. Читатель можетъ замѣтить, что древнѣйшею надписью будетъ армянская, судя по замѣчанію переводчика: «итого, какъ тотъ камень положенъ, 738 лѣтъ» (переводъ дѣлался въ 1722); но оказывается, что и это невѣрно, что армянскій 984 г. соотвѣтствуетъ не тому же 984 нашему, а 1535 г.

и что кромѣ того надо читать не 984-й, а 784-й годъ, т. е. по нашему 1335-й.

Но что же говорятъ намъ всѣ эти надписи? Покамѣсть немногое, но все же не лишенное интереса. Именно:

1) Населеніе Болгара состояло изъ людей разноплеменнаго происхожденія, судя по нѣкоторымъ именамъ и нѣкоторымъ особенностямъ въ языкѣ надписей.

2) Въ Булгарѣ жили и христіане (хотя, быть можетъ, и не въ самомъ городѣ, а въ предмѣстьѣ).

3) Чуваши не только существовали въ то время, но, вѣроятно, представляли собою одинъ изъ видныхъ составныхъ элементовъ болгарскаго населенія. Наконецъ.—

4) Въ половинѣ XIV в. Булгаръ не только еще существовалъ, но, можно думать, и процвѣталъ, такъ какъ въ немъ жили «высокіе повелители», знатные и богатые люди, торговые Армяне и люди изъ отдаленныхъ странъ (упоминаются: шейхъ *ширванскій*, Хасанъ *самаркандскій*, Махмудъ *шамахинскій*).

Находки древностей.

Интереснымъ дополненіемъ къ развалинамъ Булгара и надгробнымъ памятникамъ служатъ различныя находки, сдѣланныя въ разное время прежде и дѣлаемыя до настоящаго времени. Находки дѣлаются большею частію, если не исключительно даже, случайно мѣстными крестьянами во время ихъ полевыхъ работъ или дѣтьми, которыя бродятъ по полямъ иногда съ прямою цѣлью найти что нибудь, особенно послѣ дождей или послѣ весеннихъ ручьевъ, размывающихъ землю и часто обнаруживающихъ такимъ образомъ различные предметы древности.

Всѣхъ находокъ сдѣлано было такъ много, что изъ найденныхъ вещей составилось нѣсколько коллекцій, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Впрочемъ, надо и то еще сказать, что если найденныхъ вещей и много хранится въ коллекціяхъ, то едвали не еще больше погибло ихъ въ плавильныхъ тигляхъ серебрянниковъ или въ рукахъ лицъ, которые по разнымъ причинамъ оставляли находки у себя; а потомъ онѣ терялись. Въ казанскій университетъ, куда бы, казалось, должны поступить всѣ находки безъ исключенія, поступила только часть ихъ, именно всего на всего 55 вещей; онѣ были пріобрѣтены у одного частнаго лица (г. Толмачева) въ 1856 г.; и съ тѣхъ поръ до

1875 г. эта университетская коллекція была пополнена только какою то обломанною пряжкою. Еще одна коллекція (проф. С. В. Ешевскаго), состоявшая изъ 200 вещей, поступила въ Румянцевскій музей въ Москвѣ. У одного казанскаго купца могла бы составиться богатѣйшая коллекція, въ которой одного серебра набралось бы, по его словамъ, не менѣе 7 пудовъ; но онъ всѣ вещи переплавилъ!! Совершенно иначе, нежели этотъ купецъ, отнеслось къ пріобрѣтеннымъ находкамъ другое лицо,—любитель, спеціалистъ и знатокъ древностей—А. Ф. Лихачевъ: дорожа находками, какъ драгоцѣннѣйшими памятниками старины, которые, говоря вообще, нерѣдко уясняютъ просвѣщенному взгляду ученаго многое изъ того, о чемъ не сохранилось никакихъ письменныхъ извѣстій, г. Лихачевъ *опредѣляетъ* значеніе пріобрѣтаемыхъ имъ вещей съ научной точки зрѣнія; описываетъ ихъ и заботится о томъ, чтобы сдѣлать свое собраніе *извѣстнымъ* ученому міру.

Но назовемъ же десятокъ-другой различныхъ вещей, чтобы удовлетворить любопытству читателя относительно того, въ какомъ да въ какомъ родѣ встрѣчаются находки въ развалинахъ или вообще на мѣстѣ бывшаго города Булгара.

Начнемъ съ вещей, общее назначеніе которыхъ становится извѣстнымъ съ перваго взгляда.

Вотъ напр. *кинжалъ*, который можетъ обратить на себя вниманіе не только знатока древностей, но и вообще всякаго мало-мальски развитаго человѣка. Кинжалъ имѣетъ и ножны; длина его съ ручкою—9 вершковъ; на долю одной ручки приходится вершка 3. Сдѣланъ онъ изъ дамасской стали, темной «какъ вороново крыло»; ручка—изъ слоновой кости; съ боковъ она украшена ярко-красными сердоликами въ серебряной оправѣ; не менѣе красивы и замѣчательны ножны; онѣ вылиты изъ чистаго серебра и украшены тройнымъ поясомъ затѣйливыхъ арабесокъ филиграмовой работы*), между которыми по остальному фону выведены фантастическіе узоры. Говорятъ, онѣ имѣютъ «такое совершенство въ отдѣлкѣ, что ихъ скорѣе можно принять за chef-d'oeuvre какого нибудь извѣстнаго нынѣ золотыхъ дѣлъ мастера, нежели за древность, найденную

---

*) Т. е. изъ тонкихъ нитевидныхъ металлическихъ пластинокъ.

въ Болгарахъ и пролежавшую нѣсколько столѣтій въ землѣ». Кинжалъ этотъ, почти несомнѣнно, не мѣстной болгарской работы, а завезенъ съ юго-востока, изъ Азіи.

Послѣ кинжала упомянемъ о *вазѣ*, описаніе которой намъ однако неизвѣстно, назовемъ еще *бокалъ*, найденный однимъ крестьяниномъ при пахaніи земли. Бокалъ вѣсомъ около фунта; сдѣланъ изъ золота превосходной чеканной работы съ барельефами и надписями.

Многіе предметы, именно орудія, сдѣланы изъ камня; еще болѣе вещей — изъ бронзы. Каменныя орудія, сдѣланныя большею частью изъ мѣстнаго кремня, думаютъ относить къ Каменному вѣку, что однако требуетъ еще подтвержденія въ будущемъ послѣ болѣе всесторонняго и обстоятельнаго изслѣдованія. Теперь уже напр. г. Лихачевъ полагаетъ, что каменнымъ орудіямъ, находимымъ въ мѣстностяхъ древней Болгаріи, едвали слѣдуетъ приписывать ту отдаленную древность, какую вообше приписываютъ предметамъ этого рода, находимымъ въ Западной Европѣ, такъ какъ въ Азіи употребленіе каменныхъ орудій продолжалось очень долго; въ Манджуріи, напримѣръ до XI в. Такимъ образомъ каменный періодъ для Болгаріи можетъ быть отнесенъ развѣ къ первымъ вѣкамъ христіанства, если еще не позднѣе. Изъ каменныхъ орудій были найдены: 1) *наконечникъ отъ копья* изъ очень твердаго роговика; 2) *ножъ* или *скобель*, можетъ быть, для выдѣлки кожъ; 3) четыре кремневые долота; 4) кремневый наконечникъ стрѣлы; 5) такой же наконечникъ отъ копья; 6) родъ круглаго долота изъ аспиднаго камня; 7) валунъ съ обоими истертыми концами, «который могъ служить вмѣсто пестика при растираніи хлѣбныхъ зеренъ на ручной мельницѣ»; кусочекъ окаменѣлаго дерева, съ одного конца просверленный.

Говорятъ, каменныя орудія въ почвѣ Булгара и его окрестностей попадаются на равнѣ съ мѣдными и желѣзными, и это обстоятельство крайне затрудняетъ при опредѣленіи дѣйствительнаго состоянія булгарской культуры. Невозможно допустить совмѣстнаго и одновременнаго употребленія всѣхъ трехъ родовъ орудій; но должно замѣтить, что бронзовыя *орудія* въ почвѣ великой Булгаріи встрѣчаются рѣже, нежели каменныя. Основываясь на этомъ

фактѣ, можно бы полагать, что въ Булгаріи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, періодъ собственно бронзовый былъ очень кратковременъ, или даже его и вовсе не было, и отъ Каменнаго вѣка переходъ совершился прямо къ Желѣзному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя сказать, — Булгары, или же ихъ предшественники выдѣлывали каменныя орудія.

Бронзовыхъ *орудій*, какъ было замѣчено, найдено очень мало, и едвали они не исчерпываются всего двумя-тремя предметами, каковы напр.: ножны отъ маленькаго ножичка, наконечникъ отъ копья (изъ красной мѣди), бронзовое долото и какія-то три бронзовыя шишки, будто отъ булавы. Но замѣчательно, что бронзовыя орудія (топоры, ножи, кинжалы, мечи, наконечники стрѣлъ и копій) были находимы далѣе, на сѣверъ отъ Болгаріи, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Пермской и Вятской губерній.

Если бронза мало употреблялась на приготовленіе инструментовъ и оружія, то она, а также и мѣдь, въ изобиліи встрѣчается въ предметахъ убранства. Они выдѣланы изъ мѣдной и бронзовой проволоки на манеръ филиграмовыхъ работъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Стиль этихъ работъ, иногда очень грубыхъ, напоминающихъ предметы, находимые въ свайныхъ постройкахъ, какъ замѣчаютъ, очень древній, относимый русскими археологами къ X вѣку. Западные археологи такимъ предметамъ приписываютъ древность доисторическую. Изъ предметовъ убранства можемъ назвать: *привѣски* къ чему-то, грудныя *застежки* съ привѣсками на цѣпочкахъ, *браслеты*, *перстни*, *печати* съ рельефно отлитыми и послѣ обработанными рѣзцомъ изображеніями, напр. въ такомъ видѣ: съ одной стороны изображенъ какой-то фантастическій звѣрь вродѣ льва, съ другой двѣ цапли, сидящія на деревѣ, головами одна къ другой. Далѣе — *чашечки отъ вѣсовъ*, *гирьки*, *игральныя кости*; потомъ разные сосуды, какъ напр. *лампы*, *котелки*, *ведерки*, *кунганы*, *чаши*; послѣднія иногда очень высокой работы, съ золотою и серебряною инкрустаціею.

Между различными вещицами также обращаетъ на себя вниманіе половинка жемчужной раковины, найденная среди развалинъ Булгара. Раковинка на одномъ концѣ просверлена, чѣмъ даетъ поводъ думать, что она носилась на

шеѣ; гладкая сторона раковинки изукрашена многими кругами; послѣ круга, имѣющаго значеніе бордюра, слѣдуетъ другой, содержащій стихъ изъ Алкорана. Думаютъ, что это былъ *талисманъ*.

Вотъ еще вещица,—родъ бляхи, величиною въ квадратный вершокъ; у нея есть ушко; сдѣлана она изъ золота. Въ срединѣ бляхи въ параллелограммѣ изображена идущая влѣво собака съ поднятымъ хвостомъ; по четыремъ краямъ — надпись арабскими буквами. Утверждаютъ, что это также *талисманъ*, употребленіе которыхъ и до нынѣ господствуетъ на мусульманскомъ Востокѣ. Что касается подписи, то содержаніе ея слѣдующее (начиная съ той стороны, къ которой придѣлано ушко):

«Духи, херувимы!
Ангелы! Маляхиль! Недиса! Нехишадъ!
Хисая! Реббинка! Шарахія!
Астата! Кутмиръ! Ашарилъ!»—

кабалистическія слова, значеніе которыхъ объяснить затрудняются. Впрочемъ, не говоря объ именахъ нѣкоторыхъ ангеловъ, извѣстно, что напр., Шарахія значитъ (съ еврейскаго) *князь-господинъ;* а Кутмиръ —имя собаки, стерегшей семь отроковъ въ пещерѣ; а если читать не Кутмиръ, а Кутрубъ (какъ это еще можно), то это будетъ имя какого-то «игриваго» демона.

Заслуживаютъ упоминанія еще довольно часто находимыя *зеркала*. По формѣ они круглыя, величиною вершка 3 въ діаметрѣ и съ ручкою или безъ ручки, а также съ выдающимся ободкомъ, который долженъ былъ предохранять отражающую поверхность отъ тренія. Нѣкоторыя изъ зеркалъ маленькія, не болѣе 3/4 вершка. Сдѣланы всѣ они изъ бронзы — особеннаго сплава для зеркалъ, темносѣраго цвѣта. Одна сторона зеркалъ представляетъ совершенно гладкую, тщательно отполированную поверхность; а другая всегда украшена какими нибудь орнаментами. На одномъ зеркалѣ, напр. изображена *Эль-Боракъ*, это крылатая лошадь-женщина, на которой Магометъ ѣздилъ на небо (Боракъ съ арабскаго значитъ *молнійный*). Кромѣ разнообразныхъ фигурныхъ орнаментовъ оборотная сторона зеркала часто украшалась надписями на арабскомъ языкѣ ку-

фическимъ шрифтомъ*). Всѣ эти надписи гласятъ одно или почти одно и то же, напр.: «Слава и долгоденствіе, счастіе и блескъ, возвышеніе и хвала, блаженство и высочество, власть и процвѣтаніе, могущество и божеская милость владѣльцу его навсегда.» Имени владѣльца нигдѣ на зеркалахъ не обозначено, что вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ найденныхъ зеркалъ указываетъ на фабрикацію зеркалъ въ большихъ размѣрахъ для публики и на большое распространеніе ихъ.

Любопытно, что кромѣ обыкновеннаго употребленія зеркала эти имѣли, какъ думаютъ, еще магическое значеніе: извѣстно, напр., что халифъ Аль-Хакемъ въ концѣ XV вѣка употреблялъ въ Каирѣ магическія зеркала для застрахованія зданій отъ пожарныхъ случаевъ. Говорятъ, что наши казанскіе Татары также кладутъ подобныя зеркала съ тою же цѣлью въ основаніе своихъ домовъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, мнѣнія не одинаковы. По крайней мѣрѣ по поводу нѣкоторыхъ зеркалъ, которыя на этотъ разъ именуются просто дисками, ученые говорятъ различно: одни, напр., думаютъ, что это, можетъ быть, были крышки отъ глиняныхъ сосудовъ, другіе не прочь допустить, что это были картины, а третьи принимаютъ ихъ за военные знаки, которые носились начальниками на груди, спинѣ и плечахъ. Но первое мнѣніе, по которому эти диски суть зеркала, кажется, преобладаетъ.

Большая часть зеркалъ хорошей работы и съ куфическими надписями найдены, говоритъ Савельевъ, въ курганахъ и почвѣ нашего отечества, «въ Сибири и Поволжской сторонѣ, этихъ рудникахъ всякихъ восточныхъ древностей и монетъ.» «Судя, говоритъ онъ же, по характеру куфическихъ письменъ, какими начертаны надписи, ихъ относятъ къ IX—XI вв. нашей эры, — эпохѣ торговыхъ сношеній народовъ Россіи съ халифатомъ, когда эти издѣлія багдадскихъ модъ привозились Арабами къ намъ на Волгу вмѣстѣ съ другими статьями торговли. Такъ какъ

*) *Куфическій* шрифтъ—отъ имени древняго города Куфы (на Евфратѣ)—древнѣйшая форма арабскаго письма. Новѣйшій скорописный арабскій шрифтъ носитъ названіе *Несхи*. Кстати — куфическими монетами называются монеты, на которыхъ надписи сдѣланы куфическимъ шрифтомъ, и которыя относятся къ временамъ халифовъ отъ VII до XI вѣка.

Одна изъ палатъ въ развалинахъ Булгара.

Дозвол. Ценз. Спб. 8 апрѣля 1881. Тип. К. Реггера, Невскій пр., № 5.

въ первой четверти X в. булгарскимъ царемъ были вызваны изъ Багдада и прибыли въ Булгаръ разные мастера и художники, то очень вѣроятно, что потомъ дѣлались ими зеркала на манеръ багдадскій и въ самомъ Булгарѣ.» Впослѣдствіи эти подражанія рѣзко уже отличались отъ багдадскихъ болѣе грубою работой и шрифтомъ надписей, который изъ куфическаго перешелъ въ новѣйшій, *несхи*.

Пополнимъ названныя находки перечнемъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, найденныхъ какъ въ Болгарѣ такъ вообще въ Болгарской землѣ. Вотъ эти предметы:

1) *Цѣпи* для вѣшанія котловъ, 2) серпы, 3) косы, 4) лемехи отъ плуговъ, 5) топоры, 6) сабельные клинки (одинъ изъ нихъ, относимый къ X в., имѣетъ на себѣ изображеніе Божьей Матери и греческую подпись, насѣченныя золотомъ), 7) кольчуги, которыя, по свидѣтельству Ибнъ-Даста и Мукадесси, носились всѣми Болгарами и вывозились изъ Болгаріи какъ товаръ, 8) замки и ключи, 9) ножницы, 10) щипчики «для выдергиванія волосъ» (?), 11) пряжки, 12) бусы или пронизки, 13) гвозди, 14) предметы изъ глины, причемъ замѣчаютъ, что разнообразіе узоровъ, выдѣланныхъ рельефомъ, изумительно и поражаетъ своей правильностью и отчетливостью, 15) изрѣдка обломки фарфора, китайскаго уже происхожденія, 16) бусы изъ тонкаго стекла, покрытыя серебромъ и золотомъ, сверхъ которыхъ наведенъ опять тонкій слой стекла, что придаетъ бусамъ видъ жемчужный. Бусы эти относятъ къ X—XII вв. и думаютъ, что онѣ получались отъ византійскихъ Грековъ, 17) перстни, браслеты, кольца, серьги, пронизки изъ стекла, янтаря, сердолика, агата, лазилута, рубина, аметиста, коралла, жемчуга и горнаго хрусталя, 18) разныя золотыя вещи, которыя во многихъ случаяхъ и дѣлались въ самомъ Булгарѣ, какъ можно судить по одной надгробной надписи, гдѣ поменованъ, «золотыхъ дѣлъ мастеръ Шагидулла, сынъ Мусы», 19) Различныя вещи, назначеніе которыхъ остается неизвѣстнымъ.

Перстни, находимые въ числѣ другихъ золотыхъ или серебряныхъ вещей, бывали украшаемы цвѣтными камнями; при этомъ иногда за неимѣніемъ драгоцѣнныхъ камней вставляли поддѣльные, напр. подъ бирюзу, изъ стекла голубаго цвѣта. Кромѣ черни и драгоцѣнныхъ камней для

отдѣлки украшеній употреблялись и другіе эмалевые, стекловатые разноцвѣтные сплавы.

Назовемъ наконецъ еще два рода предметовъ, обращающихъ на себя вниманіе. Вопервыхъ—*образа* и *кресты*. Ихъ, правда, такъ мало, что всѣ они извѣстны на перечетъ. Пишущему эти строки довелось пріобрѣсти въ с. Болгарахъ одинъ небольшой грудной крестикъ, который и былъ препровожденъ въ казанскій университетъ. Крестикъ этотъ мѣдный (или бронзовый) высеребреный, имѣетъ слѣдующій видъ съ лицевой стороны (оборотная — совершенно гладкая):

Въ описаніяхъ болгарскихъ древностей упоминаются мѣдные и каменные образки русскіе, а также обломки крестиковъ. Но замѣчательнѣйшую находку въ этомъ родѣ представляетъ образъ, который теперь находится въ сельской церкви. Образъ этотъ мѣдный, вызолоченый, древней греческой работы. Величиною онъ около 1 фута и заключаетъ 10 изображеній святыхъ, написанныхъ по красному полю. Лики расположены по 5 съ каждой стороны крестообразно и каждый нарисованъ на выпукломъ кружкѣ. Съ одной стороны, въ срединѣ, Іисусъ Христосъ, вверху—архангелъ Михаилъ, внизу—арх. Гавріилъ, справа—Богоматерь и слѣва—Іоаннъ Креститель. На другой сторонѣ: въ срединѣ—св. Козьма, по сторонамъ—Василій Великій и Николай Чудотворецъ, сверху—Кирилъ, внизу—Даміанъ. Арабески, которыми выполнены промежутки, сдѣланы, какъ говоритъ одно описаніе, «съ величайшимъ искусствомъ и разнообразіемъ; но въ изображеніи ликовъ святыхъ видно, какъ и въ прочихъ византійскихъ произведеніяхъ живописи, недостаточное знаніе рисунка и перспективы».

Такимъ образомъ находки еще болѣе подтверждаютъ предположеніе о существованіи въ Болгарѣ православной церкви.

Во-вторыхъ — *идолы.* Находки въ этомъ родѣ также чрезвычайно рѣдки, что и естественно въ виду господства въ Болгаріи магометанской религіи.

Одинъ идолъ отлитъ изъ красноватой бронзы; у него недостаетъ ступней и голеней ногъ, правой руки по локоть и головы съ шеею. Формы туловища исполнены довольно грубо; идолъ — мужескій, и полъ его охарактеризованъ весьма рельефно.

Другой идолъ съ тремя лицами и сравнительно лучшей работы. Третій идолъ,—собственно только голова; остальныхъ частей нѣтъ; сдѣланъ тоже грубо.

Четвертый и пятый идолы — оба золотые. Но о нихъ только и извѣстно, что когда-то они были найдены въ развалинахъ Булгара и что одинъ изъ идоловъ перешелъ въ руки «одной знатной особы, пріѣзжавшей въ Казань въ царствованіе Александра I», а другой «вскорѣ утратился».

Предположеніе о возникновеніи Болгаріи и о ея населеніи.

Откуда эти идолы и къ какимъ заключеніямъ или предположеніямъ приводятъ ученыхъ, мы не знаемъ; но нахожденіе идоловъ въ области, гдѣ въ настоящее время господствуетъ христіанская, а прежде господствовала магометанская религія, кругомъ же живущіе Черемисы и Чуваши не поклоняются и, повидимому, не поклонялись идоламъ,— очень любопытно. Впослѣдствіи, можетъ быть, эти идолы вмѣстѣ съ другими находками разъяснятъ намъ и вопросъ о самомъ возникновеніи Болгаріи. Разумѣется, однѣ только находки едвали могутъ разъяснить такой вопросъ: придется обратиться къ различнымъ фактамъ или посылкамъ другого рода и на совокупности всѣхъ данныхъ вмѣстѣ строить то или другое, болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе.

Даже тѣ относительно скудныя данныя, какія имѣются у насъ подъ руками, и то уже наводятъ мысль на предположенія о возникновеніи Болгаріи. Такъ напр. можно, какъ мы уже видѣли, поставить вопросомъ: не возникла ли Болгарія изъ Біарміи, причемъ главную роль не играли ли два обстоятельства, именно — движеніе Славянъ и открытіе волжскаго торговаго пути?

Какія соображенія наводятъ насъ на этотъ вопросъ, читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго:

1. Еще до начала *русской* исторіи въ области восточной Россіи имѣло мѣсто весьма оживленное торговое движеніе съ сѣвера на югъ и обратно. Крайніе исходные пункты торговли находились внѣ пространства, занимаемаго нынѣ европейскою Россіею: съ одной стороны они крылись въ Норвегіи, съ другой — въ Азіи. Торговый путь пролегалъ по Волгѣ и Камѣ, которыя представлялись — и это очень естественно — одною рѣкою (Итилемъ); далѣе путь шелъ небольшими волоками и затѣмъ Вычегдою и Сѣверною Двиною, въ устье которой такимъ образомъ приходили мѣстные товары (мѣха, медъ) и товары азіатскіе, а съ сѣвера, огибая Норвегію, Бѣлымъ моремъ входили корабли Норманновъ, (можетъ быть и Датчанъ, и даже, можетъ быть, прибалтійскихъ Славянъ) съ европейскими товарами. Кому главнымъ образомъ обязанъ открытіемъ этотъ путь, хотя мы и не можемъ сказать утвердительно, но весьма вѣроятно, что Норманнамъ. Естественно, что торговля вызвала къ существованію и пункты средоточія ея на этомъ длинномъ пути и вмѣстѣ съ тѣмъ, собирая разноплеменные народы въ немногіе опредѣленные пункты и знакомя однихъ съ нравами, обычаями и вѣрованіями другихъ, послужила причиною зарожденія гражданственной, культурной жизни. Область, гдѣ наиболѣе развилась эта жизнь, была извѣстна подъ именемъ Біарміи. Какимъ вѣкомъ опредѣлить цвѣтущее время Біарміи — тоже трудно сказать; можно только приблизительно указать на VI, VII, и VIII вѣка.

2. За все это время не имѣется никакихъ свѣдѣній о Болгаріи. Разумѣется, это еще можетъ не значить, что положительно ея не было, а только до извѣстной степени склоняетъ къ заключенію о несуществованіи ея.

3. Послѣ того, какъ появилась и сошла съ исторической сцены Болгарія, въ ней находятъ идолы, хотя извѣстно, что еще очень давно, именно въ 922 г. Болгары приняли исламъ. Само собою, что Болгары могли быть идолопоклонниками до этого. Но тутъ-то и приходится невольно обратить нниманіе на то, что если идолы бывали находимы въ Болгаріи, то ихъ еще болѣе находили въ Біарміи. Не

тамъ ли поэтому и коренная родина идолопоклонства, которое разлилось потомъ до устья Камы?

4. О Біарміи такъ мало извѣстно, или слышно, а о Болгаріи, сравнительно, такъ много, что, кажется, благодаря этому, Болгаріи иногда приписывается то, что, можетъ быть, слѣдуетъ относить къ Біарміи.

По словамъ знатока древностей г. Лихачева, сходство бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ въ Болгаріи, съ пермскими и вятскими древностями такъ велико, что объ этомъ даже «было бы излишне упоминать», такъ какъ, дескать, весьма правдоподобно, что «территорія теперешней Пермской губерніи, быть можетъ до самаго Урала, входила въ область Великой Булгаріи, а Чертово городище и Ананьинскій могильникъ близъ Елабуги даже и самое народное преданіе относитъ къ Булгарскому царству.»

Отсюда, казалось бы, можно предположить, что ранѣе X вѣка, напр. въ періодъ VI—IX вв., Болгары были *съ одной стороны* могущественнѣе, нежели послѣ, владѣя обширнѣйшею территоріею, а *съ другой* — они были еще погружены въ язычество и поклонялись идоламъ. Съ этой стороны вопросъ, что за народъ были *Болгары* и что случилось съ ними? что ихъ заставило впослѣдствіи ограничиться сравнительно уже маленькою областью около нижней Камы и прилегающей части Волги? возбуждаетъ еще большій интересъ.

Мы, съ своей стороны, отнюдь не склонны думать, чтобы собственно Болгарія когда либо простиралась такъ далеко. Но, не признавая за собою компетентности въ такого рода вопросахъ, мы сошлемся напр. на проф. С. М. Шпилевскаго, который не допускаетъ, «чтобы нынѣшнія Вятская и Пермская губерніи входили въ составъ Булгарскаго царства». Доказать принадлежность этихъ областей къ Булгарскому царству можно было бы «господствомъ въ предполагаемыхъ булгарскихъ земляхъ той же народности и той же культуры», что и въ Болгарскомъ царствѣ; но извѣстно, что за господствующій элементъ въ Болгаріи принято считать элементъ «Тюркскій, тогда какъ въ Вятской и Пермской губерніи древнѣйшимъ населеніемъ, одновременнымъ съ Булгарскимъ царствомъ, было исключительно финское: Вотяки, Пермяки, Зыряне, Остяки,

Вогулы». Къ тому же, продолжаетъ г. Шпилевскій, самъ г. Лихачевъ признаетъ, «что предметы даже ближайшей, сравнительно съ Пермской губ., мѣстности — Ананьинскаго могильника, во многихъ отношеніяхъ различествуютъ отъ находимыхъ въ Казанской губерніи. Я предполагаю, что вещи Ананьинскаго могильника и другихъ мѣстностей Вятской и Пермской губерніи принадлежатъ эпохѣ болѣе отдаленной, нежели Булгарское царство». Наконецъ «и самъ г. Лихачевъ ставитъ вопросъ: принадлежали ли многія находимыя въ Булгарѣ вещи Булгарамъ, или предшествовавшимъ имъ въ этой территоріи народамъ»? Но, заключаетъ цитуемый профессоръ, для разрѣшенія этого вопроса въ настоящее время не достаетъ данныхъ».

И такъ помѣтимъ, что хотя различные бытовые предметы находимые въ области древней Болгаріи и очень сходны съ біармійскими, но въ тоже время многіе изъ этихъ предметовъ принадлежатъ болѣе древнему періоду, нежели болгарскіе.

5. Обозначимъ далѣе то обстоятельство, что среди множества монетъ найденныхъ въ Болгаріи нѣтъ ни одной, которая принадлежала бы даже IX вѣку; самыя древнія монеты—X вѣка, и то второй половины его. Арабскій писасатель Ибнъ Фадланъ, бывшій самъ въ Булгарѣ въ 922 г., упоминаетъ о подати бычачьими шкурами, что по мнѣнію Френа, доказываетъ, что въ это время у Балгаръ не было монетъ. А современникъ Ибнъ-Фадлана Ибнъ Даста прямо уже говоритъ, что у Болгаръ «чеканной монеты *своей* нѣтъ». Въ древней Біарміи также, кажется, никто не знаетъ, чтобъ была своя чеканная монета; тамъ тоже были только чужеземныя монеты; только замѣчательно, что біармійскія монеты превосходятъ своею древностью болгарскія: такъ, тамъ были находимы монеты Сассанидовъ (персидскихъ царей династіи Сассана V и VI вѣковъ); потомъ попадались монеты уже VII вѣка; монетъ же позднѣйшихъ очень мало, тогда какъ въ Болгаріи наоборотъ: позднѣйшихъ очень много, а древнѣйшихъ нѣтъ. Это опять склоняетъ мысль къ предположенію, что торговля, развившаяся въ Біарміи, *постепенно* отлила къ устью Камы. Въ XI в. и даже позднѣе Біармію еще посѣщаютъ сѣверные гости, но, повидимому, съ цѣлями чисто разбойничьими. Новгородцамъ въ это же

или еще болѣе раннее время область Біарміи была не безъизвѣстна; но ни изъ чего не видать, чтобы они видѣли въ ней что нибудь особенное, что́ побудило бы ихъ *говорить* о славной Біарміи. Лѣтописецъ ничего не говоритъ о богатствѣ, силѣ и славѣ Біарміи; просто только перечисляетъ финскіе народцы, живущіе по рѣкамъ: Вычегдѣ, Печерѣ, Двинѣ, Камѣ и др.; и болѣе говоритъ о Югрѣ, жившей у Уральскаго хребта, именно о мѣновой торговлѣ съ нею (Новгородцевъ): «суть горы заидучи влуку моря, имьже высота, акы до небеси, и вгорахъ тыхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще просѣчися; и есть въ горѣ той просѣчено оконцо мало, и туда молвять, не разумѣти языку ихъ, но кажють желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ желѣзо, или ножь, или сокиру, и они дають скорою противу». Вотъ, между прочимъ, до какихъ предѣловъ забирались Новгородцы за «закамскимъ серебромъ» и мѣхами, свободно пересѣкая область Біарміи. Мѣха, которые вывозили отсюда Новгородцы, говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, они продавали въ Болгаріи, Хозаріи, а частью и европейскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ, быть можетъ, въ Новгородъ. Итакъ, не слыхать уже, чтобъ *Біармійцы* вели торговлю съ Болгаріею и Хозаріею, а слышно о Новгородцахъ; и европейскіе гости предпочитаютъ ѣздить въ Новгородъ, нежели огибать Скандинавію и Лапландію и углубляться въ негостепріимныя мѣста по Сѣверной Двинѣ.

6. Это было въ XI в.; но почти несомнѣнно, что то же было и въ X и въ IX вв. Можно даже думать, что Новгородцы еще гораздо ранѣе познакомились черезъ Норманновъ съ сѣверомъ нынѣшней Россіи и съ торговымъ путемъ по Сѣверной Двинѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что мы вынесли изъ школы слишкомъ ужь, кажется, рѣзкое представленіе о началѣ русской гражданственной жизни, пріучившись связывать это начало съ именемъ Рюрика. Чѣмъ далѣе идетъ развитіе исторической науки, тѣмъ болѣе и болѣе ученые склоняются къ отнесенію этого начала къ гораздо отдаленнѣйшему времени. И хотя читатель можетъ и, пожалуй, долженъ скептически относиться къ предположенію, которое мы сейчасъ выскажемъ, тѣмъ не менѣе онъ едвали будетъ вправѣ положительно отвергнуть оное.

Поселеніе Славянъ около Ильменя, можно думать, относится къ VIII, VII и даже къ VI вѣку, иначе какъ-то странно мириться съ тою мыслью, что, поселившись около Ильменя какъ будто чуть не наканунѣ призванія князей, Славяне необыкновенно быстро усвоиваютъ начала гражданственности, путешествуютъ въ разныя отдаленныя мѣстности новой невѣдомой страны, проникаютъ до Урала и ведутъ уже торговлю чуть ли не со всѣми рѣшительно народами тогдашняго міра. Новѣйшіе изслѣдователи, говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, нерѣдко возводятъ существованіе Новгорода къ отдаленнымъ періодамъ: «есть мнѣніе, что lacus Mursianus и civitas Novientunensis Іорнанда — не что иное какъ Ильмень («Моиско» въ баснословныхъ разсказахъ о Новгородѣ) и Новгородъ». Многіе, говоритъ онъ же, отождествляютъ Славянъ Ильменскихъ съ Кривичами, жителями областей Полоцкой и Смоленской, а г. Бѣляевъ считаетъ Полоцкъ, Смоленскъ и даже Черниговъ колоніями Новгорода. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали и о томъ, что даже Кіевъ, можетъ быть, не болѣе какъ новгородская колонія, пунктъ остановки на пути «Изъ Варягъ въ Греки». Наконецъ есть мнѣніе, по которому Новгородцы сближаются съ балтійскими Славянами.

И вотъ наряду съ такими мнѣніями, имѣющими за себя вѣроятіе, вдругъ открывается, къ удивленію и недоумѣнію, уже положительное, историческое извѣстіе, что на Волгѣ есть городъ Булгаръ и что «городъ Булгаръ городъ Славянъ,» что и царь тамошній называется *владавцемъ* Славянъ! Самое названіе *Булгаръ* есть, очень вѣроятно, славянское; нѣкоторые не прочь думать, что и *Волга* — славянское слово. Вскорѣ обнаруживается, что одинъ изъ островов на мѣстѣ сліянія Камы съ Волгою (или не много ниже) носитъ славянское имя *Исады*, а одна рѣка, или, какъ мы хотѣли бы догадываться, рукавъ Камо-Волги называется *Цѣвкою!*

Здѣсь Болгарія. О Болгаріи говорятъ всѣ; съ нею торгуютъ воюютъ, а о Біарміи ни слуху ни духу, какъ говорится. Здѣсь—новый народъ Болгары, Славяне! Какъ они сюда попали? Что сдѣлалось съ Біарміей?

Не затеряна ли здѣсь страница изъ нашей русской исторіи?

Вопросы эти, по связи съ тѣмъ, что было высказано передъ этимъ, наводятъ насъ на предположеніе: не явилась ли Болгарія постепенно, мало-по-малу наслѣдуя всю ту культурную жизнь, выразительницей которой была Біармія, причемъ населеніе Болгаріи въ общемъ осталось то же, что и было задолго до этого, т. е. финско-тюркское; осталась та же торговля, то же искусство и та же религія; только центръ тяжести торговой жизни отлилъ отъ сѣвера сюда и здѣсь закрѣпился окончательно. Но что же могло вызвать упадокъ торговли и сопряженной съ нею культурной жизни по Камѣ, Вычегдѣ и Сѣверной Двинѣ? Нашествіе? война? Едвали. Нашествіе могло пріостановить торговое движеніе, но не уничтожить его навсегда: былъ ли бы завоеватель выше по культурѣ, нежели покоренный народъ— онъ не замедлилъ бы воспользоваться удобствами жизни, доставляемыми торговлею, и принялся бы за нее; былъ ли бы онъ ниже—онъ подчинился бы вліянію побѣжденныхъ и также воспользовался бы благами торговли—и примѣръ этому мы скоро увидимъ, — но торговля не пала бы.

Попробуемъ теперь допустить, что съ устья Камы была бы какимъ нибудь чудомъ въ ту пору проложена прямо на западъ, въ направленіи къ Скандинавіи, Даніи и знаменитой славянской Винетѣ, желѣзная дорога: намъ уже будетъ очевиднымъ, что ни у кого не явилось бы охоты огибать Скандинавскій полуостровъ и идти Сѣверною Двиною на Каму, чтобы пріобрѣсть азіатскіе товары, или, съ другой стороны, плыть Итилемъ, потомъ Камою, потомъ Вычегдою, потомъ Двиною, чтобы обмѣняться товарами съ европейцами. Не говоря о томъ, что путь этотъ былъ неимовѣрно длиненъ, утомителенъ и опасенъ, онъ былъ еще и крайне невыгоденъ; желѣзная же дорога имѣла бы за себя всѣ преимущества. Вотъ такою-то чудесною дорогою, хотя и не желѣзною, а водяною, должна была оказаться Волга, по которой ранѣе того не было движенія, потому что еще некому было заняться ея эксплоатаціею: культура зарождалась, благодаря Норманнамъ, впервые по направленію Сѣверной Двины и Итиля; на Волгу Норманны не могли попасть, а кромѣ нихъ въ то далекое время некому было выступить на Волгѣ въ качествѣ сѣятелей тогдашней гражданственности; здѣсь жили почти совершенно дикіе

племена звѣроловов широко раскинувшагося, но не особенно густаго финскаго племени — Мари.

Ильменскіе Славяне, издавно усвоившіе себѣ привычки торговыхъ народовъ — быть можетъ, это были колонисты изъ области, главнымъ городомъ которой была знаменитая Винета—дойдя до Ильменя, не остановились на немъ окончательно, а шли далѣе на сѣверовостокъ, ища сухопутьемъ тѣхъ странъ, въ которыя моремъ ходили Норманны. Но, знакомясь съ аборигенною Мерею и Весью и проникая въ глубь ихъ лѣсовъ, Славяне обрѣли тутъ же въ изобиліи то, чего искали—всякаго пушнаго звѣря и меду. Спускаясь по рѣкамъ, они не видѣли конца имъ; туземцы имъ сообщали, что ихъ рѣки текутъ всѣ въ одну большую рѣку—*Волгу*. Можетъ быть, отъ туземцевъ же Славяне узнали, хотя бы въ видѣ полусказочнаго, смутнаго слуха, что Волгѣ и конца нѣтъ, что дальше за ними обитаютъ другіе народы, что гдѣ-то тамъ, «въ тридесятомъ царствѣ», есть рѣка Этиль или Итиль и что до этого Итиля можно плыть, нигдѣ не переволакиваясь, Волгою. Этого Славянамъ было достаточно, чтобы среди нихъ нашлись смѣльчаки извѣдать счастья—попытаться проѣхать Волгою до Итиля.

И вотъ Славяне на Итилѣ. Съ этихъ поръ передъ ними раскрылась вся суть дѣла: имъ было ясно видно, что они короче и дешевле провезутъ товары къ Ильменю, нежели Норманны въ Норвегію, а Датчане въ Данію. На Итилѣ Славяне могутъ дать значительно высшую цѣну за товаръ азіатскимъ или мѣстнымъ купцамъ, нежели какую эти возьмутъ съ Норманновъ, и не только не остаться при этомъ въ убыткѣ, но съ очень хорошимъ барышомъ продать купленное въ Винетѣ, а то и самимъ Датчанамъ или Норманнамъ. Этимъ послѣднимъ теперь стало трудно конкуррировать съ Славянами, и они мало по малу бросаютъ Біармію, посѣщая только сѣверъ ея, чтобы добыть моржевыхъ клыковъ, пожалуй и тамошнихъ мѣховъ и поразбойничать, поживиться на счетъ богатствъ біармійскихъ кургановъ и идола Юмалы. Усть-Камскіе жители какъ и азіатскіе купцы, конечно, должны были быть рады новымъ гостямъ волжскимъ—Волгарямъ Славянамъ, которые давали имъ хорошую цѣну и избавляли отъ непріятной необходимости вѣдаться за 2,000 верстъ съ Норманнами, которые,

притомъ, того и гляди, ограбятъ. Какъ народъ смышленый, Новгородцы умѣли, конечно, отрекомендовать себя съ самой наилучшей стороны: гдѣ нужно, они были ласковы, добродушны, щедры, исполнительны въ словѣ, а при случаѣ обнаруживали мужество, отвагу и силу, неменьшія, чѣмъ у Норманновъ. Словомъ, вскорѣ Волгари-Славяне пріобрѣли себѣ прекрасную репутацію и заняли почетное положеніе среди туземцевъ. Тѣмъ временемъ зажиточное біармійское населеніе волею судебъ должно было потянуться также къ устью Камы, забравъ съ собою всѣ пожитки и, конечно, идоловъ; а оставшіеся въ Біарміи либо мало по малу прожились и разорились, либо остались тѣмъ чѣмъ были, т. е. просто полудикими Зырянами, Пермяками, Двинянами, Устюжанами, Вычегжанами и т. п. Прошло 100—200 лѣтъ, и отъ славной Біарміи осталось только одно имя, развалины и, пожалуй, вѣчная память. Историческія событія слагали вначалѣ одну жизнь на Русской равнинѣ; географія слагала затѣмъ другую: Волга одолѣла сѣверъ, оттянувъ къ себѣ жизнь, зародившуюся тамъ случайно, точно также, какъ впослѣдствіи она оттянула къ себѣ и жизнь, зародившуюся на югѣ.

Итакъ, если реставрированная нами изъ обломковъ и обрывковъ картина не есть что либо невѣроятное, то мы теперь яснѣе видимъ, въ чемъ состоялъ одинъ изъ важныхъ историческихъ моментовъ въ исторіи Волги и Поволжья, а по дальнѣйшей связи — и въ исторіи Русскаго народа.

Но мы находимся вынужденными еще немного продолжить эту картину, чтобы придать ей нѣкоторую законченность.

Поселившіеся на устьѣ Камы принесли, конечно, съ собой и все, чѣмъ была богата ихъ культура (отсюда можно объяснить и нахожденіе идоловъ); Біармійцы принесли свое; финско-тюркское племя оставалось при своемъ или, пожалуй, при получужомъ; южные гости завозили свои бытовыя формы, а Славяне привносили свои. Возникшій здѣсь городъ мало по малу разростался, становясь не только средоточіемъ торговли, но и политической власти, исходнымъ пунктомъ управленія цѣлой области по нижней Камѣ и по Волгѣ. Въ виду того, что у Біармійцевъ уже была выра-

ботана форма государственнаго быта *), легко допустить, что послѣ ли кровавыхъ столкновеній, или послѣ мирнаго договора, въ городѣ является во главѣ населенія князь или царь, словомъ, единовластный *владѣтель*. Славяне, если и не составляли здѣсь преобладающаго численнаго элемента, и даже если не были господствующимъ классомъ, несомнѣнно имѣли очень вліятельное значеніе. Впрочемъ, мы хотѣли бы допустить, что они, даже подчиняясь общимъ условіямъ мѣстной жизни, сдѣлались все-таки элементомъ господствующимъ. Они ли себя прозвали Волгарями, или ихъ такъ прозвали другіе, слыша отъ нихъ же, впрочемъ, такое названіе,—только названіе Волгарей восторжествовало надъ другими, хотя въ устахъ туземцевъ и подверглось естественному измѣненію: *в* обратилось въ *б*, а *о* въ *у*, и образовалось имя *Булгаръ* (точно такъ же, какъ напр., изъ русскаго названія растенія *Волжанки* или *Таволги* (Spiraea) вышло у Татаръ *Табулга* **), а изъ *Кіева* вышло *Куяба*). Имя Булгаръ сообщалось и городу и населенію. Царь считалъ для себя почетнымъ величаться *владавцемъ Славянъ*. Здѣсь, кажется, опять буква *в* перешла въ *б*, и вмѣсто *владавцемъ*, мы, можетъ быть, могли бы написать: *бладавацемъ*.

Въ XV в. основаніе Булгара, совершенно забытое, облекается въ сказаніе легендарнаго свойства. Персидскій писатель Мархондъ сообщаетъ, напр., слѣдующее:

«Газъ, сынъ Яфета, побѣжденный братомъ своимъ Туркомъ, былъ принужденъ удалиться къ берегамъ *рѣки Булгара* и тамъ поселился.» У того же писателя говорится еще, что Гомари, другой сынъ Яфета, охотясь, дошелъ до береговъ того же Булгара и здѣсь поселился; у него родились затѣмъ два сына: *Булгаръ* и *Бертасъ*, которые впослѣдствіи построили по городу, каждый назвавъ свой городъ своимъ именемъ.

Еслибъ можно было дать какое нибудь толкованіе такому сказанію, то, на нашъ взглядъ, оно состояло бы въ томъ, что въ первомъ слышится воспоминаніе о покореніи

---

*) Какъ на то намекаетъ сказаніе о бракахъ между норманнскими и біармійскими князьями.

**) Любопытно, что въ Никоновой лѣтописи встрѣчается выраженіе: «взяша *Волгоры*, иже на Волзѣ и на Камѣ».

туземнаго финскаго элемента пришлымъ — тюркскимъ; а во второмъ — намекъ на пришествіе Славянъ и единеніе ихъ съ Буртасами. Что касается Іафета, то это, кажется, довольно обыкновенное начало, отъ котораго ведется происхожденіе различныхъ народовъ. Сильвестрова (Несторова) лѣтопись, говоря о началѣ Русской земли, также начинаетъ съ Іафета. Многое связываютъ также съ именемъ или временемъ Александра Македонскаго; такъ и основаніе Булгара у двухъ писателей (Бурханъ-кати и Гефтъ-Кулзумъ) относится ко времени этого великаго завоевателя. Наконецъ, въ татарскихъ рукописяхъ встрѣчалось и такое извѣстіе о началѣ Булгара: «г. Булгаръ построенъ Кассиръ-шахомъ самаркандскимъ, *прожившимъ 90 лѣтъ въ ученіи христовомъ*. Онъ оставилъ по себѣ сына — мудраго Сократа, который получилъ въ управленіе область Юнанъ (Юма(мъ)? Юмалы?) и въ это время *взялъ себѣ въ супружество жену въ Болгарахъ* вмѣстѣ съ Искандромъ Румельскимъ (А. Македонскимъ). Оба прожили 9 мѣсяцевъ въ Болгарахъ и отправились потомъ въ Діаръ Дамнату».

Словомъ, возникновеніе Булгара затерялось въ памяти народной и перешло въ легенду; но на этомъ послѣднемъ основаніи не слѣдуетъ еще думать, что Булгаръ возникъ чуть ли не до Р. X.: Казань, напр., возникла позже Нижняго, а основаніе ея уже успѣло закрыться такимъ туманомъ, что ученые не безъ труда разсѣяли его, да и то не совсѣмъ. Булгаръ возникъ едва ли ранѣе конца VII или даже первой половины VIII в.

Что касается того, какимъ образомъ Ильменскіе Славяне могли разобщиться съ Славянами-Волгарями, утратить всякое вліяніе на нихъ и даже какъ будто забыть о нихъ: то это можно объяснить и отдаленностью колоніи, и ея силою и наконецъ примѣромъ позднѣе возникшей колоніи на другой большой рѣкѣ—Вяткѣ. А что Славяне не забывали не только о Болгарахъ, но даже о морѣ Хвалынскомъ, то видно изъ похода Святослава и другихъ походовъ болѣе раннихъ.

Въ заключеніе гипотетическихъ соображеній, наведемъ читателя еще на одинъ вопросъ, уже не по связи съ исторіею Болгаріи, а по связи съ вѣчнымъ вопросомъ о началѣ Русскаго государства. Именно: если допустить, что у

Сильвестра вѣрно передается фактъ призванія князей, то нельзя ли было бы отвести долю вѣроятія предположенію, что идея объ утвержденіи порядка въ великой и обильной землѣ и о прісканіи для этого особаго лица, которое бы стало владѣть, была вынесена Славянами изъ Булгара, гдѣ они устроились именно такимъ образомъ, т. е. въ союзѣ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ подъ управленіемъ одного владавца? Это, конечно, не болѣе, какъ въ скобкахъ, такъ сказать; и мы спѣшимъ перейти отъ предположеній о первыхъ временахъ гражданственной жизни на Волго-Камѣ, или о возникновеніи Болгаріи, къ исторически уже извѣстнымъ обстоятельствамъ ея паденія.

Впрочемъ, чтобъ читателю не показалось, что паденіе слѣдовало вскорѣ за возникновеніемъ, мы скажемъ, что вслѣдствіе необыкновенно благопріятныхъ условій географическихъ, почвенныхъ, климатическихъ, бытовыхъ и историческихъ, Болгарія прежде, нежели пасть, пережила періодъ процвѣтанія. Со времени принятія ислама городъ Булгаръ расцвѣлъ во всей красотѣ своего величія: городъ былъ обширенъ и многолюденъ (въ немъ было до 10.000 жит.;) въ немъ были прекрасныя зданія; высокіе минареты сообщали городу еще большую красоту. Это былъ «*Великій*», «Славный» городъ; жители его были богаты и образованны; въ ихъ рукахъ были всѣ крупнѣйшія торговыя дѣла; окрестные народы либо входили прямо въ составъ Болгаріи, либо находились въ сильной зависимости отъ нея; Волга самой лучшей частью своею принадлежала Болгарамъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ городъ Булгаръ не былъ единственнымъ населеннымъ пунктомъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ—кажется, впрочемъ, печальныхъ для Болгаріи событій*) возникъ въ сторонѣ, отъ Волги другой городъ; мы думаемъ, это былъ, такъ сказать, филіальный городъ по отношенію къ Булгару — плоть отъ плоти и кость отъ костей его. Самое названіе его, случайно или нѣтъ, очень напоминаетъ Булгаръ: *Бюлафъ* на

---

*) Между прочимъ: арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ, писавшій въ концѣ X вѣка, говоритъ: «Булгаръ—небольшой городъ... онъ былъ нѣкогда знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства; но Русскіе разрушили его въ 358 году». 358=968—9 нашего счисленія. Но это ли или позднѣйшее событіе, о которомъ скажемъ ниже, можно было бы разумѣть, когда мы говоримъ о возникновеніи другого города—сказать не можемъ.

рѣкѣ, названіе которой снова соблазняетъ предполагать въ Болгаріи туземное населеніе изъ Курукъ-Мари, или Черемисъ, именно на рѣкѣ *Сярмесанъ* (Черемисы=Сярмысъ), нынѣ называемый *Черемшанъ* (малый). Бюларъ—на мѣстѣ его нынѣ городъ Билярскъ—сдѣлался такъ же знаменитъ, какъ Булгаръ и также прозванъ «Великимъ». Здѣсь также были славныя развалины и были сдѣланы многія находки; но теперь отъ бюларскихъ развалинъ кромѣ развѣ слѣдовъ ничего не осталось.

Съ позволенія читателя остановимся здѣсь нѣсколько на одномъ обстоятельствѣ, которое въ нашихъ глазахъ проливаетъ еще одинъ лучъ свѣта на вопросъ о населеніи Болгаріи. Когда мы говорили о Чувашахъ, тогда не сочли нужнымъ или умѣстнымъ упомянуть объ одномъ святомъ, многочтимомъ этимъ народомъ, намѣреваясь упомянуть о немъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ то время, когда наука обратила вниманіе на изученіе типовъ, языка, быта и вѣрованій нашихъ инородцевъ, послѣдніе успѣли уже утратить очень многое изъ того, что составляло ихъ отличіе отъ Русскихъ и между собою. Многое они перезабыли, многое перемѣшали, многому уцѣлѣвшему не могли дать объясненія и нерѣдко то или другое обстоятельство должно было казаться какимъ-то страннымъ привѣскомъ къ быту или культу, съ общимъ складомъ которыхъ оно не согласовалось. Напр., лѣтъ 10 тому назадъ, въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, въ амбарѣ одного Чувашина найдена была дощечка вершковъ 6 длиной и шириной; помѣщалась она на деревянныхъ гвоздяхъ на стѣнѣ и была закрыта бѣлою завѣсою; вѣроятно, это была совершенно полинявшая икона, но уже не въ значеніи иконы христіанской: съ дощечкой этой соединялось представленіе о какомъ-то чувашскомъ святомъ *Мелим-Хузя*. Оказалось, что на поклоненіе этому Мелим-хузѣ и этой дощечкѣ стекались Чуваши съ разныхъ сторонъ, даже издалека. «Мелим-Хузя, сьырлах мана! Киве кюмюль нохрат парня барам!» говорили Чуваши, обращаясь къ иконѣ-дощечкѣ, т. е. Мелим-Хузя, помилуй меня! Въ даръ приношу тебѣ старинную серебряную монету! «Подобныя святыни или посвященія, можетъ быть, находятся или были у Чувашъ и въ другихъ мѣстностяхъ, но объ нихъ мы ничего

не знаемъ», какъ замѣчаетъ г. Золотницкій. Конечно, прибавимъ мы, теперь уже очень многое утрачено Чувашами изъ ихъ культа, и, вѣроятно, открытый фактъ поклоненія Мелим-Хузѣ есть только остатокъ или отголосокъ того почитанія, какое въ старину воздавалось ему на обширномъ пространствѣ... Но можетъ быть, читатель съ нетерпѣніемъ спрашиваетъ мысленно: какое отношеніе имѣетъ чувашскій Мелим-Хузя къ историческому прошлому Болгаріи? Спѣшимъ отвѣтить.

На мѣстѣ Великаго города (Буляра) — теперь верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ Билярска есть гора *Балынгузъ*. На горѣ этой еще не давно видны были развалины какихъ-то строеній, а кругомъ были могилы съ остатками надгробныхъ камней. Сюда съ разныхъ концовъ стекались магометане на поклоненіе передъ могилами трехъ великихъ святыхъ: Маалум-Ходжи, Шейха-Мухаммеда и Абдуллы Ходжи. Читатель, разумѣется, и безъ нашего указанія узналъ въ Маалум-Ходжи чувашскаго Мелим-Хузя? Но какимъ же образомъ магометанскій святой изъ средины Болгаріи могъ внушить къ себѣ религіозное почтеніе въ мѣстности нынѣшняго Чебоксарскаго уѣзда среди язычниковъ-Чувашъ? На это отвѣтимъ, что если ужъ Николай Чудотворецъ—святой не только изъ чуждой религіи, но и изъ чуждой народности — попалъ въ число божествъ чувашскихъ, то тѣмъ легче могъ удостоиться той же чести Маалум-Ходжи, чтимый родственнымъ по происхожденію и языку народомъ. Позволительно думать, что почитаніе этого святаго было занесено въ данное время Чувашами же магометанами изъ самой Болгаріи, въ которой они составляли туземное населеніе, первоначально тожественное съ Черемисами.

Къ слову помѣтимъ здѣсь тотъ фактъ, что по одному татарскому извѣстію, Айдаръ-ханъ, при которомъ въ Болгаріи былъ принятъ исламъ, былъ изъ Черемисъ.

Если вспомнимъ вмѣстѣ съ этимъ объ указаніи на вліяніе чувашскаго языка на татарскій, замѣченное въ языкѣ надгробныхъ надписей, о рѣкѣ съ названіемъ *Сярмесанъ* и о когда-то бывшемъ нашествіи какого-то Тюркскаго племени, которое смѣшалось съ финскими аборигенами: то еще большее вѣроятіе пріобрѣтетъ предположеніе, что

основу болгарскаго населенія составляли Чуваши, т. е. Черемисы или, правильнѣе, Мари, которые сначала — въ забытое даже преданіями время — подверглись вліянію пришлаго тюркскаго элемента, потомъ славянскаго. Замѣчательно, сколько разнородной крови смѣшалось здѣсь, если обратимъ вниманіе на то, что впослѣдствіи примѣшалась кровь татарская, а теперь наступаетъ время смѣшенія съ кровью русской, — населеніе въ составѣ котораго наблюдаемъ пять, а съ предполагаемыми Біармійцами даже 6 и наконецъ съ Евреями даже 7 различныхъ этническихъ напластованій! *)

Кромѣ Буляра въ Болгаріи были и многіе другіе города изъ которыхъ, вѣроятно, о многихъ совершенно не дошло до насъ никакихъ извѣстій; а отъ другихъ остались только имена. Людямъ науки стоило большихъ усилій пріурочить эти названія къ настоящимъ мѣстамъ; да и то нѣкоторыя имена остаются и по сю пору предметомъ почти безплодныхъ догадокъ и толкованій; таковы напр.: *Соба*, *Куль*, *Челмата*, *Темтюзи*, *Торцкій:* города ли это, или племена, или даже просто жители одной народности, но названные по мѣстностямъ — пока съ достовѣрностью неизвѣстно. Упоминается городъ *Бряхимовъ*. Думаютъ, что это есть притяжательное названіе Булгара, которымъ одно время владѣлъ эміръ Ибрагимъ (Бряхимовъ, Ибрагимовъ). Другіе отрицаютъ это, считая Бряхимовъ особеннымъ городомъ. Потомъ наиболѣе замѣчательными городами были: *Керменчукъ*, *Жукотинъ* и *Кошанъ* на Камѣ; *Булымеръ* (*Суваръ*) и *Ошелъ* на Волгѣ. Прилагаемая составленная нами карта древней Болгаріи **) даетъ читателю болѣе полное наглядное представленіе о ней. А мы, не перечисляя другихъ городовъ, скажемъ два слова о *Суварѣ* и по поводу его.

Мы не выставляемъ города Сувара на нашей картѣ, такъ какъ одни хотѣли его видѣть на мѣстѣ нынѣшняго Свіяжска, другіе—на мѣстѣ Куралова Городища близъ города Спасска. Замѣтимъ теперь, что нынѣ Суваръ считаютъ уже не буртасскимъ городомъ, а болгарскимъ, и приходятъ къ заключенію, что у Буртасъ городовъ даже не было. Затѣмъ

*) О Евреяхъ, какъ о жителяхъ одного болгарскаго города, который былъ даже больше Булгара и Сувара, упоминаетъ арабскій писатель Мукаддеси.

**) Составлена по Шпилевскому.

обратимъ вниманіе на то, что самое названіе *Сувар*, быть можетъ, читалось неправильно, что послѣдняя буква въ куфическомъ письмѣ можетъ быть произносима какъ *с* или *ш*, изображеніе которыхъ не отличается отъ изображенія звука *р*. Мы потому останавливаемъ вниманіе на этомъ обстоятельствѣ, что является возможность читать вмѣсто *Суваръ*—*Сувасъ* и *Сувашъ*, что чрезвычайно уже напоминаетъ *Йывашъ*, *Чувашъ*, и по стольку снова утверждаетъ въ предположеніи, что жители Болгаріи были предки нынѣшнихъ Чувашъ.

Чувашъ мы отождествляемъ съ Буртасами,—и замѣчательно, что по нѣкоторымъ восточнымъ писателямъ у Буртасъ есть городъ того же имени—*Буртасъ*; не есть ли это просто другое названіе одного и того же города по другому имени одного же народа? Города съ именемъ Буртасъ изслѣдователи не признаютъ и изобличаютъ нѣкоторыхъ восточныхъ писателей въ невѣдѣніи, вслѣдствіе котораго они Буртасамъ приписываютъ то, что должно относиться къ Болгарамъ. Восточные писатели утверждаютъ еще, что земля Буртасъ лежитъ между землею Болгаръ и Хозаръ, что отъ начала Буртасской земли до ея конца 15 дней пути, что наконецъ языкъ у Буртасъ не турецкій, не хозарскій и не болгарскій. Это какъ будто прямо говоритъ за то, что Буртасы дѣйствительно были какой-то особый, теперь уже исчезнувшій народъ. Но мы думаемъ, что 15-ю днями пути опредѣлялось, безъ претензіи на точность, огуломъ все протяженіе Поволжья, не находившагося ни подъ властью Болгаръ, ни подъ властью Хозаръ и даже ни подъ чьей другой организованной политической властью; эта часть Поволжья была, вѣроятно, очень малолюдна; мѣстами можетъ быть, совершенно пустынна; никакого гражданскаго общественнаго союза здѣсь не было, и владѣли землею кто хотѣлъ, но, кажется, ни у кого — т. е. ни у Болгаръ, ни у Хозаръ — не доставало средствъ заселить это Поволжье, и оно оживлялось только мѣстами приходившими сюда по лѣтамъ кочевать разными народцами, среди которыхъ, можетъ быть, и выдѣлялись численностью Чуваши, которые столь же были независимы, сколько и зависимы отъ близко родственныхъ имъ Болгаръ; что языкъ этихъ Чувашъ былъ не турецкій и не хозарскій—совершенно правдоподобно,

а что онъ не былъ болгарскій, то развѣ по стольку, по скольку слѣдуетъ допустить, что особаго болгарскаго языка и не бывало; вѣроятно, за болгарскій языкъ путешественники - купцы принимали языкъ Волгарей - Славянъ; въ этомъ смыслѣ они правы: языкъ Буртасъ, конечно, не имѣлъ никакого сходства съ Болгарскимъ (волгарьскимъ); а если въ немъ преобладала еще основа финская, то онъ отличался и отъ того, какимъ говорило въ Болгарахъ, можетъ быть, большинство жителей, т. е. отъ финско-тюркскаго, или чувашскаго.

Болгарскіе города. Состояніе Болгаріи передъ ея паденіемъ. Паденіе Болгаріи.

Возвращаемся къ самой Болгаріи. Если считать всѣ спорныя названія за несомнѣнныя названія важнѣйшихъ городовъ, а не племенъ или мѣстностей, то окажется, что такихъ важнѣйшихъ городовъ въ Болгаріи было не менѣе 15, не говоря о многихъ второстепенныхъ пунктахъ. Замѣтимъ также, что нѣкоторые изъ городовъ, помимо Булгара и Буляра, именовались великими, если судить по выраженію Татищева: «и грады ихъ великіе разорили всѣ». Такимъ образомъ можно думать, что населеніе Болгаріи было по тогдашнему времени очень густо и превосходило въ этомъ отношеніи всѣ остальныя мѣстности по верхней и нижней Волгѣ. И въ остальныхъ отношеніяхъ, впрочемъ, оно долго стояло выше сосѣдей—и по богатству, и по силѣ и по образованности. Въ послѣднемъ отношеніи Болгары, можно думать, не довольствовались пассивнымъ положеніемъ народа замкнутаго въ самомъ себѣ съ своимъ просвѣщеніемъ: они ревностно распространяли исламъ, какъ объ этомъ можно судить по тому, что восточные писатели упоминаютъ о Буртасахъ, какъ уже объ магометанахъ. У болгарскаго писателя Шерефъ-Эддинъ-Булгари приводится перечень магометанскихъ миссіонеровъ, распространившихъ исламъ съ одной стороны до Тобола и Уфы, съ другой—до Ахтубы. Наконецъ извѣстно, что Болгары пытались, хотя и неудачно, просвѣтить тѣмъ же ученіемъ и Русскихъ, отправляя въ этихъ цѣляхъ пословъ къ Владиміру Св. Жившихъ у нихъ христіанъ они тоже стремились обратить въ магометанство. 1 Апрѣля 1229 въ Великомъ городѣ погибъ мученической смертью какой-то не русскій христіанинъ купецъ, именемъ Авраамій; а позднѣе (1323) такую же смерть принялъ какой-то Феодоръ. Въ селеніяхъ

болгарскихъ, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ Даста, были мечети и начальныя училища съ муэдзинами и имамами.

Относительно общественнаго устройства замѣтимъ, что если Болгарія не представляла собою государственнаго организма, построеннаго на федеративныхъ началахъ, то, во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что нѣкоторыя части ея имѣли своихъ князей; такъ, въ извѣстіи о походѣ 1220 года говорится, что на встрѣчу Русскимъ Болгары «собрашася вси со князьми своими». Гораздо позднѣе упоминаются особо князья жукотинскіе. Кромѣ того и самые Болгары различались между собою, судя по названіямъ: Волжскіе, Камскіе, Серебряные или Нукратные (Вятскіе *), Черемшанскіе.

Довольно продолжительное время Болгарія играла, безъ сомнѣнія, первенствующую роль на Волгѣ. Но затѣмъ у нея явились сначала два опасные врага, а за ними пришелъ и третій. Первый врагъ, и едва ли не самый опасный, былъ врагъ внутренній, явившійся какъ неизбѣжное слѣдствіе богатства и роскоши, это—изнѣженность и безнравственность высшаго класса народа, въ рукахъ котораго прямо или косвенно сосредоточивалось управленіе страною. Подтвержденіемъ тому могутъ служить слѣдующія слова булгарскаго писателя Шерефъ-Эддинъ-Булгари: «И наши Булгары славились своимъ развратомъ. Ученые законными уловками разрѣшили брать проценты, а равно много было грѣховъ прелюбодѣянія и смертоубійства; по причинѣ же пьянства оставили джуму (соборное моленіе въ Пятницу), оставили обряды, употребляемые послѣ пятикратныхъ молитвъ; считали позволеннымъ пить бузу и пиво; говоря, что нѣтъ у насъ мисра (большаго города), оставили соборное моленіе; порицали имама Шафи, говоря, что его слова—пустословіе; также оставили аидъ (праздникъ жертвоприношеній—Курбанъ-байрамъ); стали весьма грѣшны противъ Всевышняго Бога.»

Не мудрено послѣ этого, что Болгары, выходя въ поле противъ врага, очень были не стойки и, при первыхъ же

*) Нѣкоторые оспариваютъ пріуроченіе Нукратныхъ, или Серебряныхъ, Болгаръ къ рѣкѣ Нохратъ, или Нухратъ (Вяткѣ) и полагаютъ, что Болгары эти жили по рѣчкѣ Нохраткѣ, которая впадаетъ въ одинъ изъ притоковъ р. Ахтая, впадающаго въ устьевую часть Камы.

признакахъ неудачи, бросались въ городъ, надѣясь на защиту его стѣнами; а видя, что этотъ способъ защиты самъ по себѣ не достаточенъ для одолѣнія непріятеля, спѣшили добывать миръ *золотомъ* и тѣмъ еще болѣе роняли въ себѣ и въ народѣ понятіе о чести, пробуждали сознаніе безсилія, а въ непріятелѣ, напротивъ, рождали духъ отваги, сознаніе превосходства и жажду новыхъ нападеній. Этимъ непріятелемъ, этимъ вторымъ врагомъ, явились Русскіе, которые, какъ мы уже видѣли, довели Болгарію до совершеннаго безсилія и самаго постыднаго униженія. Русскимъ оставалось только уже нанести послѣдній ударъ, чтобы увѣнчать себя славою завоеванія Болгаріи и чтобы водворить въ ней иныя начала культурной жизни, которую впервые занесли сюда отчасти они же.

Но случилось такъ, что ударъ былъ нанесенъ не Русскими и притомъ ударъ этотъ былъ такого свойства, что съ одной стороны представляется, будто онъ уничтожилъ Болгарію, а съ другой—возродилъ ее. Явился третій врагъ—Татары. Трудно, кажется, утверждать съ несомнѣнною достовѣрностью, какъ именно совершилось покореніе Болгаріи, и мы, не входя въ разсмотрѣніе возможныхъ неточностей, скажемъ объ этомъ покореніи въ двухъ словахъ согласно извѣстіямъ Рашидъ Эддина, Джувейни и Ибнъ Эльасира, какъ они приведены въ трудѣ проф. Шпилевскаго.

Первое нашествіе Татаръ случилось вскорѣ послѣ знаменитаго похода Русскихъ въ 1220 г., именно въ достопамятномъ 1224 г. или, какъ выходитъ по Рашидъ-Эддину въ 1223, а судя по «году пришествія угнетенія» на надгробныхъ камняхъ — въ 1226 г., когда Монголы разбили 4000-ное войско Болгаръ, и пройдя Болгаріей, скрылись за Яикъ.

Въ исторіи втораго нашествія Монголовъ на Болгарію Рашидъ-Эддинъ говоритъ о принцахъ, которые были назначены на завоеваніе Кипчакской (Половецкой) степи; въ 1236 г. принцы соединились съ полководцемъ Батыя Субудай Багадуромъ и другими вождями въ предѣлахъ Болгаріи; отсюда они двинулись на завоеваніе Польши и Венгріи. По возвращеніи оттуда къ Джаяну, т. е. Яику, Бату (Батый) послалъ Субудай Багадура на Болгарію.

Дойдя до Кернека (думаютъ, до Керманчука; см. карту), Субудай Багадуръ разбилъ болгарское войско. Въ предѣлахъ Булгара, добавляетъ Джувейни, принцы сошлись вмѣстѣ; отъ множества войска стонала земля и обезумѣли звѣри и птицы. Монголы легко взяли городъ Булгаръ, хотя онъ и «славился по свѣту своимъ населеніемъ» и затѣмъ «губили жителей крѣпко и жестоко и поплѣнили.» Есть извѣстіе, что владѣльцы болгарскіе *Баянъ* и Джику послѣ пораженія ихъ пришли и изъявили покорность Монголамъ; что затѣмъ они были пожалованы и возвратились назадъ, но вскорѣ возстали. Возстаніе было подавлено и Субудай-Багадуръ овладѣлъ ихъ землею.

VIII.

(Историческій очеркъ).

Возрожденіе Болгаріи. При завладѣніи Волгою одни предпочитали лѣвый берегъ, другіе — правый. Значеніе этого обстоятельства.

Теперь, казалось бы, можно было сказать: такъ кончила Болгарія свое едвали менѣе нежели 400—лѣтнее существованіе. Но, строго говоря, сказать этого никакъ нельзя. Болгарія продолжала существовать. Побѣдители во 1-хъ увидѣли въ Болгарахъ народъ гораздо менѣе имъ чуждый, нежели напр. Русскіе; во 2-хъ — они скоро почувствовали на себѣ неотразимое вліяніе культуры побѣжденныхъ, а также—и это въ 3-хъ—вліяніе географическаго положенія завоеванной страны. Послѣднее обстоятельство, можетъ быть, не слишкомъ ясно читателю, между тѣмъ въ нашихъ глазахъ оно несомнѣнно и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важно по своему значенію въ судьбахъ дальнѣйшей исторической жизни на Волгѣ. Пусть читатель удостоитъ вниманіемъ то любопытное явленіе, что въ то время, какъ Русскіе очевидно предпочитаютъ правый берегъ Волги, Болгары—лѣвый. Русскіе строятъ на горахъ Тверь, Калязинъ, Скнятинъ, Угличъ, Рыбинскъ, Ярославль, Нижній, а позднѣе—Василь, Свіяжскъ,—Болгары создаютъ въ луговой сторонѣ Булгаръ, Буляръ, Булымеръ, Тухчинъ, Жукотинъ, а позднѣе—Казань. Объяснить это явленіе можно тѣмъ, что въ области верхней Волги нѣтъ привольной луговой долины, которая могла бы манить къ себѣ Русскихъ; почва верхняго По-

волжья скудна; народъ, колонизующій это Поволжье, не кочевой и по связи съ предыдущими условіями воспитавшій въ себѣ привычки народа промышленнаго по преимуществу; основа его промышленности—землепашество, способствующее къ осѣдлости и къ воспитанію устойчиваго во всякомъ дѣлѣ характера. Не то у Болгаръ: Болгары— въ самой основѣ своей народъ полукочевой—долго не оставляли привычекъ кочеванія, къ чему такъ соблазнительно влекли роскошныя необозримыя поймы Камо-Волги. Даже тогда, когда они приняли уже исламъ, и въ ихъ городѣ были каменныя зданія, они въ своемъ же славномъ Булгарѣ продолжали жить и въ юртахъ, и по лѣтамъ выселяться съ ними изъ города на широкое приволье Камско-волжскихъ прерій. Что имъ могли дать горы? Жизнь трудовую, скучную, приковывающую навсегда къ одному мѣсту; въ лугахъ же можно было жить легко, весело, беззаботно и обезпеченно. Правда, Болгары вели обширную торговую; но торговля—дѣло не требующее ни особеннаго напряженія умственныхъ, ни, тѣмъ болѣе, физическихъ силъ, и не только не исключающее возможности всласть полѣниться, но еще сильно способствующее лѣни и бездѣятельности ума, который при такомъ положеніи большею частью направляется къ изобрѣтенію только излишнихъ удобствъ животной жизни. Въ цѣляхъ торговли тогда было рѣшительно все равно—жить ли на горахъ или въ лугахъ; но какъ въ лугахъ лучше, т. е. пріятнѣе и даже полезнѣе съ точки зрѣнія скотовода, — то Булгары и предпочитали луговую сторону Волги правой. Впрочемъ, слѣдуетъ не забывать, что Болгары занимались и земледѣліемъ, которое, благодаря превосходной почвѣ, приносило также очень хорошія выгоды. Но оговорка эта только свидѣтельствуетъ за то, что Болгары не были настоящіе кочевники, а лишь частію сохраняли въ себѣ привычки кочевой жизни.

Пришли настоящіе кочевники—Татары. Посравнивъ жизнь Русскихъ и Болгаръ, они скоро рѣшили, что на горахъ у Русскихъ оставаться нечего, а въ лугахъ у Болгаръ было очень хорошо: и торговать и кочевать и даже дѣлать набѣги на трудолюбивыхъ Русскихъ и жить на ихъ счетъ. Такъ порѣшивъ, Татары тѣмъ самымъ напередъ поставили себя въ условія, которыя рано или поздно дол-

жны были обратить ихъ изъ побѣдителей въ побѣжденныхъ и изъ народа господствующаго въ данниковъ.

Хотя Татары и не основались именно въ Болгаріи, а ушли на Ахтубу, все же во 1-хъ это была лѣвая, луговая сторона Волги; во 2-хъ Татаръ не мало оставалось и въ Болгаріи; а въ 3-хъ самъ Батый во время лѣтнихъ кочевокъ навѣщалъ Болгарію и даже, какъ думаютъ (Эрдманъ), имѣлъ столицею Булгаръ, на что указываетъ и то обстоятельство, что въ Булгарѣ же до половины XV ст. чеканилась монета отъ имени татарскихъ хановъ, и Булгаръ назывался иногда «Алтунъ тахтъ», т. е. золотымъ трономъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ Болгаріи продолжался и прежній порядокъ; въ ней были свои князья, которые вмѣстѣ съ князьями русскими являлись за ярлыками на княженіе въ Золотую Орду; только князья эти представляются, по замѣчанію проф. Шпилевскаго, болѣе, нежели князья русскіе, съ характеромъ ханскихъ намѣстниковъ. Какъ бы то ни было, но Болгарія продолжала существовать, какъ существовала и Россія. Торговля, скотоводство и земледѣліе шли своимъ чередомъ. Городъ Булгаръ возвеличился еще болѣе; даже обстроился еще лучше; число жителей въ немъ доходило до 50,000.

Начало новыхъ столкновеній Болгаръ съ Русскими при нижегородскихъ князьяхъ. Нижегородское княжество. Колонизація мордовскаго Поволжья. Св. Макарій.

Лѣтъ за 20 до Куликовской битвы въ Золотой Ордѣ произошли крупные безпорядки, сопровождавшіеся убійствомъ хана. Воспользовавшись временемъ замятенія, одинъ изъ ордынскихъ князей, именемъ Пулатъ—Темиръ, овладѣлъ Болгаріей, воцарился въ ней и, какъ будто вспомнивъ о старыхъ счетахъ между Болгаріей и Россіей, въ 1367 г. предпринялъ походъ на Русскихъ. Ближе всего къ Болгаріи былъ, конечно, Нижній Новгородъ, который въ это время былъ уже главнымъ городомъ Нижегородскаго княжества; а княземъ въ немъ былъ Дмитрій Константиновичъ. Кстати: мы не имѣемъ въ виду подробно разсказывать исторію независимаго Нижегородскаго княжества, такъ какъ это заняло бы, пожалуй, не мало мѣста, а между тѣмъ то, что восполняетъ картину колонизаціоннаго движенія Русскихъ по Волгѣ за это время, можетъ быть передано въ нѣсколькихъ словахъ.

Скажемъ здѣсь, что Нижегородское княжество существовало совершенно независимо около полувѣка, а вооб-

ще какъ княжество—около 90 лѣтъ; въ первое время Нижній дѣлалъ попытки стать во главѣ всѣхъ городовъ русскихъ; но было уже поздно: московскіе князья были сильнѣе, и всѣ попытки Нижняго были въ концѣ концовъ безуспѣшны. Долѣе другихъ въ Нижнемъ княжилъ Дмитрій Константиновичъ. Ему, между прочимъ, русская исторія обязана извѣстнымъ спискомъ лѣтописи, списаннымъ для князя въ 1377 г. монахомъ Лаврентіемъ и потому называемымъ Лаврентьевскимъ. При Дмитріи же на Почайнѣ былъ заложенъ въ 1372 г. каменный нижегородскій кремль; именно была построена часть стѣны и башня, извѣстная и донынѣ подъ именемъ Дмитровской. Самая важная заслуга князей нижегородскихъ состояла въ томъ, что они расширили русскія владѣнія на счетъ земель мордовскихъ «не мечемъ и огнемъ, а мирнымъ заселеніемъ мордовскихъ земель, какъ говорится объ отцѣ Дмитрія, людьми русскими, которыхъ онъ выводилъ изъ Суздаля и вызывалъ изъ прочихъ княжествъ *). На зовъ князя шли охотно со всѣхъ сторонъ, такъ какъ, по словамъ лѣтописца, Константинъ «княжилъ честно и грозно, бороня вотчину свою отъ Татаръ и отъ сильныхъ князей». Такимъ образомъ были заселены многія мѣста по Волгѣ, по Окѣ и по Кудьмѣ. Нижегородскіе князья, можно сказать, достаточно за свою долю «промыслили» о Русской землѣ, сдѣлавъ ея достояніемъ Поволжье отъ Оки до самой Суры; на югъ мордовскія земли были подчинены до рр. Пьяны и Вада. По Волгѣ при преемникѣ Дмитрія Борисѣ упоминается уже село *Кадницы*; на рѣчкѣ Сундовикѣ, при впаденіи ея въ Волгу, былъ городъ *Сундавитъ*, который въ княженіе Дмитрія Константиновича былъ разоренъ Татарами. Вскорѣ на его мѣстѣ возникло село *Лысково*. Печерскому и Благовѣщенскому монастырямъ были пожертвованы Борисомъ: *Кадничи*, Новое и Каринское: оба послѣдніе *съ деревнями*, затѣмъ—рыбныя ловли *на Сурѣ*: озера, которыя уже носятъ русскія названія—*Пашково*, *Сосновское*, *Долгое*, *Солафево*, *Мягкое*, *Плоское* и всѣ озера отъ рѣчки *Курмышки* внизъ Сурою и бобровые гоны и самый стрежень Суры по Волгу. Это было однако, уже въ концѣ XIV вѣка, лѣтъ за 30

*) Храмцовскій.

до похода Булатъ-Темира, который такимъ образомъ, дойдя до Суры, долженъ былъ встрѣтить уже русскія поселенія.

Здѣсь пора напомнить читателю, что колонизація Поволжья производилась не одними только князьями, а и частными лицами внѣ всякаго вліянія князей. Много селеній возникло такимъ образомъ; но мы ихъ не можемъ назвать за неимѣніемъ положительныхъ указаній, какъ не можемъ назвать и основателей. Но за то мы можемъ и, думаемъ, даже должны вспомнить добрымъ словомъ объ одномъ, весьма уже извѣстномъ своею просвѣтительскою дѣятельностью основателѣ. Скажемъ же о немъ.

Мы не знаемъ, въ которомъ именно году, но приблизительно около половины XIV вѣка, въ Нижнемъ, въ одномъ купеческомъ семействѣ, родился мальчикъ *), который въ первые же годы дѣтства обнаруживалъ черты необыкновенно впечатлительнаго, возвышеннаго характера, нашедшаго себѣ потомъ неисчерпаемый источникъ удовлетворенія въ религіи. Подросши и обучившись грамотѣ, онъ съ особенной любовью посѣщалъ нижегородскій Печерскій монастырь и жадно слушалъ чтеніе или разсказы о высокихъ подвигахъ благочестивыхъ и святыхъ подвижниковъ. Уже съ этихъ поръ воображеніе его пылало ревностью къ религіозной дѣятельности. Понятно, что торговыя дѣла отца, домашняя будничная обстановка жизни, пустое времепровожденіе, а равно и шумныя гульбища, не только ни мало не плѣняли высокаго духа юноши, но должны были казаться ему отвратительными въ ихъ контрастѣ съ духомъ евангельскаго ученія и дѣятельностью людей истинно благочестивыхъ. Ему было только 12 лѣтъ, когда онъ рѣшился оставить отца и мать и свѣтскую жизнь и уйти окончательно въ Печерскій монастырь, гдѣ и былъ принятъ охотно. Читатель можетъ себѣ представить, какое необычайное наслажденіе долженъ былъ ощутить юный монахъ, когда почувствовалъ себя дѣтищемъ новой матери — святой обители, гдѣ никѣмъ и ничѣмъ уже не стѣсняемый, могъ отдаться всѣмъ своимъ существомъ неодолимой потребности духовнаго развитія. Со всею стра-

*) Для нижегородцевъ замѣтимъ, что мальчикъ этотъ былъ окрещенъ въ Мироносицкой церкви и, вѣроятно, родился въ ея приходѣ.

стностью впечатлительной и сильной натуры онъ предался чтенію и подвижничеству. Мы еще не сказали имени знаменитаго монаха: это былъ *Макарій*. Въ подвижничествѣ своемъ Макарій мало по малу превзошелъ всѣхъ братій, и о немъ уже начинала распространяться слава. Разумѣется, Макарій ея не искалъ; она даже мѣшала ему, такъ что онъ принялъ наконецъ рѣшеніе оставить стѣны воспитавшей его обители и уйти въ пустыню. Однако пустыню эту надо понимать въ нѣсколько ограниченномъ смыслѣ, ибо Макарій не хотѣлъ разставаться съ благолѣпіемъ нерукотвореннаго храма Бога живаго — Природы и въ исканіяхъ новаго мѣста не удалялся отъ береговъ великой Волги. Правда, вначалѣ онъ было остановился не на ней, когда встрѣтился съ другимъ почтеннымъ старцемъ, преподобнымъ Тихономъ, луховскимъ чудотворцемъ; но потомъ, разставшись съ нимъ, пришелъ на Волгу и невдалекѣ отъ Решмы построилъ себѣ маленькую хижинку, въ которой и сталъ жить одинъ. Но слава его подвижнической жизни преслѣдовала его и здѣсь: многіе пришли къ нему, желая раздѣлить съ нимъ тяжелую для тѣла, но сладостную для духа жизнь. Теперь Макарій устраиваетъ обитель, сооружаетъ церковь; но, сдѣлавши это, снова тяготится окружающимъ его почетомъ, ищетъ «конечнаго безмолвія» и покидаетъ основанный имъ монастырь, не сказавъ о томъ никому, назначивъ только братіи игумена. Онъ ушелъ за Волгу; долго шелъ онъ по ней на востокъ разными непроходимыми мѣстами и наконецъ остановился въ землѣ Черемисъ, у озера *«Желтыя воды»*, напротивъ того мѣста, гдѣ въ нагорной сторонѣ въ Волгу впадаетъ рѣчка Сундовикъ. Не долго пожилъ онъ одинъ «въ своей зѣло малой пещеркѣ»: стоустая молва открыла его и здѣсь; многіе «труждающіеся и обремененные» тяжкими невзгодами жизни потянулись къ славному и доброму подвижнику, который былъ братолюбивъ необычайно. Мало по малу братіи накопилось столько, что Макарій нашелъ нужнымъ и здѣсь построить церковь и учредить монастырское общежитіе. Нечего и говорить, что братія избрала его же и игуменомъ. Макарію было уже 85 лѣтъ, а онъ, игуменъ, игнорируя и свои преклонныя лѣта и свое положеніе, трудился, и трудился какъ всегда: мололъ зерна, пекъ и ва-

рилъ для всѣхъ пищу, «мня себе (по выраженію житія) не наставника и учителя, но яко раба и послушника». Но, чѣмъ большее смиреніе обнаруживалъ онъ, тѣмъ сильнѣе росла о немъ громкая слава. Народъ стекался къ нему отвсюду. Даже Черемисы-язычники прониклись къ подвижнику благоговѣйнымъ почтеніемъ и старались выразить это почтеніе, неся Макарію пшеницу, медъ и все, «яже на потребу». Макарій любезно принималъ къ себѣ язычниковъ, предлагая имъ наравнѣ съ христіанами убѣжище, пищу и покой. Мало-мальски зажиточные христіане жертвовали «отъ имѣній своихъ». Обитель росла и крѣпла. Но ее постигла страшная невзгода. Во время похода на Нижній Улу-Мехмета, о которомъ мы скоро будемъ говорить, обитель была буквально стерта съ лица земли и стерта надолго; часть братіи была безпощадно перебита, часть уведена въ плѣнъ. Макарій также былъ въ числѣ плѣнниковъ. Но почтенный видъ старца и необычайная слава о немъ внушила даже Улу-Махмету уваженіе къ славному подвижнику; онъ гнѣвно укорялъ воеводъ за то, что они оскорбили такого человѣка и велѣлъ немедленно освободить его; впрочемъ, съ условіемъ, чтобы онъ шелъ куда ему угодно, но не оставался на старомъ мѣстѣ; такъ какъ, говорилъ Улу-Махметъ, «земля та наша есть, Казанскому царству прилежащая».

Выпросивъ свободу и остальнымъ плѣннымъ (ихъ было 40 человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей), Макарій удалился на Унжу, гдѣ также основалъ монастырь. Такимъ образомъ Русскій народъ обязанъ этому замѣчательному лицу многимъ: благодаря Макарію, на Волгѣ расширилась, разрослась и обогатѣла слобода Решма, гдѣ и по сю пору существуетъ Макарьевскій монастырь и ежегодно бываетъ (25 іюля) Макарьевская ярмарка; благодаря Макарію возникъ городъ Макарьевъ на Волгѣ и выросло богатое село Лысково; наконецъ, благодаря ему же, въ глуши костромскихъ лѣсовъ возникъ на Унжѣ городъ Макарьевъ.

Пораженіе Пулатъ-Темира на Пьянѣ.

Теперь вернемся къ Булатъ Темиру. Разоривъ и пограбивъ, что только можно было пограбить въ низовой части русскаго Поволжья, Булатъ-Темиръ продолжалъ путь къ Нижнему. Дмитрій Константиновичъ собралъ большое войско и смѣло выступилъ на встрѣчу Болгарамъ, или уже

Болгаро-Татарамъ. Узнавъ объ этомъ, Булатъ-Темиръ поколебался въ рѣшимости сразиться съ Русскими и сталъ отступать; но Дмитрій преслѣдовалъ его; нагналъ на Пьянѣ и нанесъ страшное пораженіе. Почти все войско Булатъ-Темира было уничтожено и самъ онъ бѣжалъ въ Орду, но и тамъ не встрѣтилъ добраго пріема: въ Ордѣ онъ былъ казненъ. Но въ Болгаріи вмѣсто Булатъ-Темира явился другой царь, какой-то Асанъ.

Изъ событій, слѣдовавщихъ послѣ этого, напомнимъ о запьянскомъ пораженіи Русскихъ царевичемъ Арапшею въ 1377 г.; Нижній былъ тогда страшно разоренъ; зданія были сожжены, сгорѣли 32 церкви; множество жителей перебито; щадили только женщинъ и дѣтей съ тѣмъ однако, чтобы увести потомъ въ неволю; области нижегородскія были опустошены. А въ слѣдующемъ году Нижній, только что начавшій оправляться, снова былъ разоренъ до-тла; Березополье (отъ Нижняго къ Горбатову), уцѣлѣвшее тотъ разъ, теперь было также опустошено. Мордва въ этихъ опустошеніяхъ являлись, конечно, пособниками Татаръ; но за это потерпѣли на той же Пьянѣ поголовное истребленіе отъ собравшагося съ силами Дмитрія Константиновича, который вмѣстѣ съ тѣмъ и всю Мордовскую землю «пусту сотвори». Русскіе до того были озлоблены на Мордву, что плѣнниковъ изъ нихъ травили въ Нижнемъ на льду собаками. Но какъ ни ужасенъ весь этотъ эпизодъ 1377—8 гг., все же онъ никакого рѣшительнаго вліянія на общій ходъ жизни не имѣлъ. Терпя разныя невзгоды, Русскіе все-таки крѣпко держались за дѣлаемыя пріобрѣтенія по Волгѣ. Не задолго передъ тѣмъ, именно въ 1372 г. на нижней Сурѣ былъ основанъ *Курмышъ*, вѣроятно, на мѣстѣ мордовскаго поселенія, какъ показываетъ названіе.

Итакъ мы уже очутились въ томъ періодѣ нашей русской исторіи, когда рана нанесенная намъ Татарами при Сити, нѣсколько поджила; поджила и рана Болгаріи; и вотъ оба народа, претендующіе на обладаніе Волгою, снова встрѣчаются лицомъ къ лицу. Болгары начали первые и начали неудачно, что не мало, конечно, способствовало тому, что Русскіе тѣмъ охотнѣе стали продолжать воскресшую распрю. Мамай, обозленный на сепаратныя стремленія болгарскихъ владѣтелей, предложилъ Дмитрію Кон-

стантиновичу сдѣлать нападеніе на Болгарію. Дмитрій былъ радъ такому, можно сказать, любезному предложенію, и немедленно двинулъ войска на Болгаръ. Но до сраженія дѣло не дошло: Асанъ, чувствуя себя не въ силахъ противостать Русскимъ, рѣшился прямо просить мира, и съ этой цѣлью выслалъ пословъ съ дарами. Дмитрій принялъ дары, далъ миръ и удалился. Но въ 1376 году по поводамъ, о которыхъ разсказывать было бы долго, Дмитрій снова двинулся на Болгарію. На этотъ разъ Болгары рѣшились выступить противъ Русскихъ, болѣе всего надѣясь испугать ихъ верблюдами, на которыхъ выступила часть войска; разсчетъ оказался однако не вѣренъ: верблюжья конница была разбита и вогнана въ городъ, и снова пришлось покупать миръ у Русскихъ. Дмитрію было заплачено 3000 р. А Дмитрій московскій (Донской), также принимавшій участіе въ походѣ нижегородцевъ, рѣшился даже утвердить въ Болгаріи своего таможника. Не говоря—въ глазахъ Болгаріи, но главное въ глазахъ Золотой Орды это было уже черезчуръ дерзко со стороны Русскихъ. Мамай рѣшился напомнить Русскимъ времена Батыя, но потерпѣлъ пораженіе на Вожѣ, послѣ чего ополчился всею силою и самъ пошелъ на Русскихъ; но потерпѣлъ второе пораженіе на Куликовомъ полѣ.

Теперь, казалось бы, опять близко уже подошло время полнаго завладѣнія Болгаріею и золотою частью Волги и Камы; но, къ несчастію Русскаго народа, событія слагались точно нарочно наперекоръ его стремленіямъ. Только что успѣлъ Дмитрій Донской сломить могущество Мамая, какъ явился могучій и грозный Тохтамышъ. Дмитрій Донской не успѣлъ собрать войска, какъ Москва, обманутая Тохтамышемъ, отворила ворота, вслѣдъ зачѣмъ была разорена; были разорены и другіе русскіе города; Русскіе снова сдѣлались данниками Татаръ. Снова приходилось отложить на нѣкоторое время помыслы о пріобрѣтеніи усть-камскаго Поволжья.

Съ именемъ другаго, еще болѣе грознаго завоевателя—Тимура, или Аксакъ-Тимура (онъ же Тамерланъ, или, точнѣе Тимур-ленг, т. е. Тимуръ-хромой) связывается нѣкоторыми новое нашествіе и на Болгарію около 1398 г.; слѣдствіемъ его было разрушеніе «славнаго» Булгара.

Однако проф. Шпилевскій доказываетъ, что это второе нашествіе было сдѣлано гораздо ранѣе, около 1280 г. или 1301, и тоже Тимуромъ, только не тѣмъ — что и повело къ путаницѣ — а другимъ, именно Менгу-Тимуромъ. Но если такимъ образомъ знаменитый Булгаръ былъ разоренъ въ это нашествіе, то разореніе это не повлекло за собою паденія Булгара. Не это ли разореніе, между прочимъ, и было причиною одновременнаго появленія многихъ надгробныхъ камней съ обозначеніемъ 700-го года гиджры (если не читать: 623 г., «годъ пришествія угнетенія»)?

Что касается отношеній Тохтамыша къ Булгару, то извѣстно, что онъ послалъ туда грабить... но не самихъ Болгаръ, а Русскихъ. Въ лѣтописи объ этомъ говорится такъ: «Тактамышъ посла Татаръ своихъ въ Болгары, еже есть градъ на Волзѣ, и ту повелѣ торговцы русскіи избити и гостей грабити, а суды ихъ и съ товаромъ отъимати и попроводити къ себѣ на перевозъ». Это было въ 1382 г., и мы отсюда усматриваемъ, что городъ Булгаръ въ концѣ XIV вѣка продолжалъ быть важнѣйшимъ пунктомъ Болгаріи и что вмѣстѣ съ тѣмъ Русскіе вели съ нимъ дѣятельную торговлю. Замѣтимъ здѣсь же, что смѣшеніе Татаръ съ Болгарами въ это время уже происходило, но еще Русскіе отличали тѣхъ и другихъ, называя Болгаръ басурманами (въ смыслѣ магометанъ), какъ это ясно видно изъ лѣтописнаго выраженія: «взя городъ Болгары Великіе, и градъ Жюкотинъ и градъ Казань и градъ Керменчюкъ и всю землю ихъ повоева, и много *Бесерменъ и Татаръ* побиша, а землю *Татарскую* плѣниша». Земля—татарская; главный городъ—Болгары, а жители—Бесермены и Татары.

Первое завоеваніе Болгаріи Русскими.

Читатель можетъ спросить: какой походъ разумѣется въ приведенныхъ словахъ лѣтописи, когда это было и кто взялъ Болгары и плѣнилъ всю Болгарію? Отвѣчаемъ: походъ этотъ былъ совершенъ въ 1399 г. Городъ взяли и землю Болгарскую, или уже Татарскую, завоевали Русскіе. Походъ этотъ былъ славнѣйшій изъ всѣхъ: взяты важнѣйшіе города и самый Булгаръ. Воевали Русскіе 3 мѣсяца и воротились «съ великою побѣдою и съ многою користію въ землю Русскую». «И никто же не помнить», замѣчаетъ лѣтопись, чтобы «толь далече воеваша Русь Татарскую

землю». Болгарія была завоевана. Слава этого завоеванія принадлежитъ сыну Донского Василію Дмитріевичу, который слылъ съ того времени завоевателемъ Болгаріи. (Впрочемъ, собственно походомъ руководилъ не Василій, а его братъ Юрій).

Такимъ образомъ нашествіе Тохтамыша только на короткое время отодвинуло дѣло завоеванія Болгаріи. Но — и теперь, не смотря даже на совершившееся завоеваніе, Болгарія не досталась еще Русскимъ. Почему — мы не знаемъ навѣрное. Ничего, кажется, неизвѣстно и о томъ, какимъ образомъ опредѣлились отношенія завоеванной Болгаріи къ Россіи. Но въ 1411 г. упоминается о битвѣ при Лысковѣ русскихъ князей съ русскими же, съ болгарскими и жукотинскими; отсюда видно, что завоеваніе 1399 г. было неполное или неокончательное. Можно только догадываться, что причиною этому было то, что некому было воспользоваться плодами завоеванія: Нижнему было не до того въ его непосильной борьбѣ съ Москвою, а Москвѣ было неудобно владѣть Болгаріею, когда на дорогѣ стояло Нижегородское княжество, которое изъ своихъ политическихъ видовъ теперь даже дружило съ Болгаріею.

Второе завоеваніе Болгаріи Русскими и новое завладѣніе ею Татарами. Углу-Махметъ. Основаніе Казани.

Преемникъ Василія Дмитріевича Василій Темный возобновилъ нападеніе на Болгарію. Въ 1431 г. онъ послалъ на нее князя Федора Пестраго. Походъ былъ и на этотъ разъ вполнѣ удаченъ. Къ сожалѣнію, о немъ не сохранилось никакихъ подробныхъ извѣстій; только и извѣстно, что «онъ же (т. е. князь Пестрый) шедъ, взятъ ихъ и всю землю ихъ плѣни». Это, значитъ, было второе завоеваніе Болгаріи, но также не имѣвшее для Россіи важныхъ выгодныхъ послѣдствій. Болгаріею завладѣли Татары. Это новое завладѣніе поставило Россіи уже на долгое время неодолимую преграду къ обладанію дальнѣйшимъ Поволжьемъ и даже ставили ее въ довольно опасное положеніе: будь Татары болѣе сильными политиками, Россія могла бы легко лишиться на Волгѣ и того, что послѣ Мономаховичей пріобрѣли князья Нижегородскіе.

Все произошло слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ 6 спустя послѣ втораго завоеванія Болгаріи, именно въ 1437 году, въ Золотой Ордѣ случилось важное, хотя и не изъ рѣдкихъ тамъ въ ту пору, событіе: ханъ Улу-Махметъ былъ

низложенъ и изгнанъ своимъ братомъ. Улу-Махметъ явился въ Россію, но не одинъ, а съ силою, и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Василію Васильевичу, въ виду ли отношеній къ новому хану, или въ виду непріятностей, которыя могъ наносить Улу-Махметъ, или наконецъ по тѣмъ и другимъ соображеніямъ вмѣстѣ, было непріятно видѣть у себя такого гостя, и онъ отправилъ къ Бѣлеву войско, чтобы прогнать Улу-Махмета. Бывшій повелитель, испугавшись большой рати Русскихъ, сталъ просить мира и даже отдавался на всю волю великаго князя. Но князья, предводительствовавшіе войсками, не склонились на просьбы изгнанника; пошли къ городу; завязалась битва; Татары были совершенно разбиты, и на другой день бывшій ханъ снова послалъ мурзъ въ станъ Русскихъ просить мира; онъ давалъ этихъ мурзъ въ заложники, закладывалъ даже сына, обязывался стеречь Русскую землю, лишь бы Русскіе дали миръ. Но по невѣдомымъ причинамъ, можетъ быть, просто даже изъ желанія поломаться, русскіе воеводы не хотѣли ничего слышать. «Ну, коли не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ», сказали мурзы. И, къ великому изумленію, взорамъ воеводъ представилось страшное и постыдное зрѣлище: все русское войско бѣжало, гонимое Татарами! А случилось это такъ: литовскій воевода Григорій Протасьевъ, присланный своимъ княземъ на помощь Русскимъ, объявилъ вскорѣ воеводамъ, что его князь отмѣнилъ рѣшеніе биться съ ханомъ и велѣлъ заключить миръ. Должно быть, русскіе воеводы не придали этому особеннаго значенія; между тѣмъ Протасьевъ ночью послалъ хану сказать, чтобы онъ утромъ произвелъ нападеніе на Русскихъ. Утро было мглистое, и Русскіе не замѣтили, какъ Татары подкрались къ нимъ и внезапно напали. Произошло смятеніе, и Русскіе побѣжали. Такимъ образомъ Улу-Махметъ избавился русскаго плѣна и даже вышелъ изъ критическаго положенія побѣдителемъ; но онъ уже не остался въ Бѣлевѣ, а, видя нерасположеніе Русскихъ, пошелъ степью къ Волгѣ; перешелъ ее и остановился въ маленькомъ и уже разоренномъ городкѣ при верховьяхъ р. Казанки—Казани. Казань была здѣсь основана, по преданіямъ, выходцами изъ разореннаго Менгу-

Тимуромъ Булгара; а разорена была Русскими во время перваго завоеванія Болгаріи.

Одинъ изъ Русскихъ, проживших долгое время въ плѣну у Татаръ въ Казани (въ новой уже) написалъ исторію Казанскаго царства. Въ этой исторіи объ Улу-Махметѣ онъ говоритъ такъ: «Улу-Мухаммедъ прелѣзе Волгу рѣку и засѣде Казань пустую, Саина царя юртъ, и ради ему быша изоставшіе отъ плѣна худые Болгары, Казанцы и молиша его быти заступника бѣдамъ ихъ отъ насилія и воеванія русскаго помощника, да не до конца запустѣетъ, и повинушася ему. Царь же Улу-Ахметъ вселися и постави себѣ древяный градъ крѣпокъ на новомъ мѣстѣ, крѣпчайшій стараго, недалече отъ старыя Казани, разоренныя отъ московскія рати».

Отсюда мы можемъ видѣть, что послѣ двукратнаго разгрома и завоеванія Русскими Болгарія была близка къ запустѣнію; города разорены; вѣроятно, съ этого времени запустѣли и «славные», «великіе» дотолѣ Болгары; о городѣ этомъ ужъ болѣе не слышно. Жители были разогнаны, обѣднѣли, захудали и терпѣли насилія отъ Русскихъ. Понятно, съ какою радостью они должны были встрѣтить Улу-Махмета, съ именемъ котораго связывалось обаяніе верховнаго могущества, надежда воскресенія и отмщенія Русскимъ за всѣ ихъ походы; къ тому же Улу-Махметъ явился не жалкимъ, безсильнымъ изгнанникомъ, а побѣдителемъ. Въ общемъ несчастіи люди склонны къ тѣснѣйшему сближенію; а въ отчаяніи или злобѣ способны учетверять свои силы. Такимъ образомъ около Махмета стало формироваться ядро обновленной жизни, и на развалинахъ старой Болгаріи возникла новая. Надо допустить, что Улу-Махметъ очень хорошо понималъ невыгоды положенія старой Казани и сознавалъ важное значеніе Волги... Есть разныя толкованія объ основаніи новой Казани; но въ нашихъ цѣляхъ мы можемъ обойти ихъ молчаніемъ: пусть новая Казань основана не въ томъ, а въ другомъ году; пусть Казанское царство собственно началось не съ Улу-Махмета, а съ его сына — для насъ это все равно; важенъ только фактъ, что Болгары и Татары собрались вокругъ одного лица и что съ запустѣніемъ Булгара на Волгѣ возникъ новый политическій и торговый центръ —

Казань, перенесенная съ верховьевъ Казанки на ея устье.

Мы уже видѣли, что Улу-Махметъ пришелъ въ Казань не безъ войска; теперь же силы его должны были значительно возрости. И вотъ онъ начинаетъ давать чувствовать Русскимъ эту силу. Въ 1445 г. онъ вступилъ войною въ Русскую землю, безпрепятственно прошелъ до Нижняго и взялъ его почти, кажется, безъ бою; не удалось взять только цитадель, построенную, какъ было сказано, Дмитріемъ Константиновичемъ. Отсюда онъ пошелъ вверхъ по Окѣ, дошелъ до Мурома и только здѣсь встрѣтилъ серьезный отпоръ со стороны Русскихъ, которымъ удалось здѣсь, а потомъ подъ Гороховцемъ, побить Татаръ. Но Улу-Махметъ въ тотъ же годъ снова выступилъ противъ Русскихъ. Въ Москву пришло извѣстіе, что сыновья Улу-Махмета вторглись въ Русскую землю. Пока великій князь собирался, Татары уже были въ области Суздаля и уже переправлялись черезъ рѣку Нерль. Василій такъ и не успѣлъ приготовиться, какъ слѣдуетъ; войска у него было мало. Подлѣ Ефимьева монастыря русскіе полки встрѣтились съ Татарами; сначала было Русскіе одержали верхъ, но конецъ, увѣнчавшій дѣло, былъ болѣе нежели плачевенъ: Русскіе не только потерпѣли совершенное пораженіе, но и самъ русскій государь былъ взятъ въ плѣнъ! Вотъ какъ на первыхъ порахъ заявила себя воскресшая Болгарія. Пора, однако, сказать, что названіе Болгаръ объ эту пору хотя еще и существуетъ, но какъ самаго города Булгара уже не стало, а вмѣсто него возникла Казань, то на ряду со старымъ названіемъ употребляется новое, также по имени города — «*Казанцы*», «*Казанское царство*», а также вмѣсто Казанцы — Татары, но уже не Болгары. Однако отсюда же мы видимъ, что подобно тому, какъ Біармія, по сдѣланному предположенію, постепенно преобразилась въ Болгарское царство — и послѣднее, также постепенно, превратилось въ царство Казанское. Разобрать, гдѣ кончились Болгары и начались Татары, невозможно, ибо и тѣ и другіе на нашихъ глазахъ слились въ одинъ народъ, который можно было бы справедливо назвать *Болгаро-Татары*.

Болгарское царство усвоиваетъ новое названіе — царства Казанскаго.

Итакъ, съ этихъ поръ мы имѣемъ дѣло съ Казанскимъ

Основы государствен. строя Казанскаго царства.

царствомъ. На него можно и даже слѣдуетъ смотрѣть и съ иной еще точки зрѣнія. Возникновеніе Казанскаго царства, говоритъ проф. Фирсовъ, можно почесть возстановленіемъ самой Золотой Орды; здѣсь также можно наблюсти преемственную связь, олицетвореніемъ которой на первый взглядъ является самъ бывшій ханъ Золотой Орды — Улу-Махметъ. Въ существѣ связь эта, разумѣется, глубже. Начать съ того, что мѣсто дѣятельности обоихъ царствъ, элементы, входившіе въ составъ ихъ, направленіе образованности—одни и тѣ же. Усть-камское Поволжье—сцена дѣятельности и для Казанскаго царства и для Золотой Орды. Татарскій элементъ—и тамъ и здѣсь; и тамъ и здѣсь онъ выливается въ болгаро-магометанскія формы. «Но, говоритъ г. Фирсовъ, между тѣмъ и другимъ есть и важная разница. Татары, приведенные въ Поволжье, могутъ скорѣе почесться *ополченіемъ*, чѣмъ *народомъ*; ханъ— скорѣе военачальникъ, нежели правитель народа. Въ составъ этой орды входили кромѣ Татаръ люди разныхъ національностей. Въ этомъ громадномъ собраніи людей не было другаго дѣленія, кромѣ военнаго — на тысячи, сотни и пр. Степень значенія каждаго въ этомъ обществѣ условливалась личною храбростью и зависѣла отъ воли хана. Матеріальное благосостояніе каждаго находилось въ тѣсной связи съ этимъ общественнымъ значеніемъ его: передъ ханомъ были всѣ равны: онъ могъ самаго ничтожнаго человѣка возвести на первѣйшій постъ въ ордѣ и самаго заслуженнаго воина обратить въ ничто.» Въ этомъ строѣ Татаръ заключается разгадка ихъ военныхъ успѣховъ и въ немъ же—причина недолговѣчности ихъ союза. Но мы уже сказали, что побѣдители неминуемо должны были подпасть вліянію высшей культуры побѣжденныхъ. И Татары подпали этому неотразимому вліянію. Ханы, а съ ними и подданные ихъ, стали мало по малу предпочитать комфортъ мирной городской жизни кочеванью и войнѣ; собственность, охраненіе ея, увеличеніе и улучшеніе становятся главнѣйшими цѣлями жизни; цѣли эти на практикѣ были для каждаго выше цѣлей и интересовъ общегосударственныхъ. Но какъ такой порядокъ вещей водворился не сразу, то является антагонизмъ между принципами старой и новой жизни. Если ханъ — представитель

новыхъ началъ — противъ него войско или вообще тотъ слой населенія, который въ войнѣ, набѣгахъ и грабежахъ находитъ единственное наслажденіе и удовлетвореніе; если ханъ — поборникъ старины — противъ него была нарождающаяся аристократія, жаждущая покоя, роскоши и нѣги; противъ него всѣ, кому не люба война. Абсолютизмъ ханскій также становится не по нраву всѣмъ тѣмъ, кто чувствуетъ свое вліяніе въ отправленіяхъ государственной жизни и не хочетъ быть безсмысленной пѣшкой для капризной воли самодурнаго хана. Между тѣмъ еще нѣтъ никакихъ иныхъ формъ государственной жизни, которыя бы обуздывали хана и направляли въ одно русло все разнообразіе стремленій массы. Отсюда слѣдствіемъ невозможности урезонить хана путемъ убѣжденій и склонить его къ уступкамъ является, какъ послѣднее средство и слѣдствіе — убійство его или изгнаніе, и замѣна другимъ. Но въ пору крайняго общественнаго разномыслія, сопровождаемаго полнымъ отсутствіемъ руководящаго общественнымъ настроеніемъ интеллигентнаго слоя, замѣна одного хана другимъ, да еще, пожалуй, такимъ же, неспособна внести порядка и согласія. Однако простодушный людъ, бродя въ потемкахъ своего невѣжества, все еще надѣется, что *одно* лицо можетъ сдѣлать все, лишь бы у него была власть, которую однако инстинктивно хочется ограничить. И вотъ спроваживаютъ къ предкамъ и новаго хана, замѣняя его новѣйшимъ. Такой строй продолжался до тѣхъ поръ, пока наконецъ не распалась Золотая Орда на новыя орды, или царства. Въ устройствѣ ихъ, въ томъ числѣ и Казанскаго царства, были положены новыя начала, говоритъ тотъ же почтенный авторъ, на котораго мы ссылались нѣсколько выше: «власть хановъ, или царей поставлена была въ иное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находилась власть хановъ сарайскихъ. Сохраняя званіе неограниченныхъ повелителей, они должны были *допустить* существованіе подлѣ себя аристократіи, какъ постояннаго учрежденія, съ извѣстнымъ неизмѣннымъ устройствомъ, съ особенными *ей только* присвоенными правами, *съ непремѣннымъ участіемъ ея въ управленіи страною* и въ выгодахъ оттого проистекавшихъ». Такимъ образомъ въ Казани являются *бики, мурзы*, а изъ нихъ *карачіи*

въ четырехъ видахъ даже, потомъ *уланы*, потомъ *духовенство* съ *сеидомъ* во главѣ — и все это люди правящіе, первѣйшіе капиталисты. Выборъ царя зависѣлъ отъ нихъ; «они имѣли всю возможность выгнать царя или умертвить, когда онъ оказывался не по нраву *имъ*, и они пользовались этою возможностью»; между тѣмъ какъ Русскіе рѣшили, на сколько хватитъ терпѣнія, не пользоваться ею вовсе, и этимъ въ борьбѣ съ Татарами выиграли.

Политика русскихъ князей по отношенію къ Казанскому царству. Столкновеніе.

Борьба эта обнимаетъ собою очень продолжительный періодъ и представляетъ столь важный эпизодъ въ нашей исторіи, что мы на ней нѣсколько остановимся, тѣмъ болѣе, что въ связи съ нею, увидимъ и ходъ колонизаціи Волги, основаніе русскихъ поселеній, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ пунктахъ. Мы остановились на томъ, что русскій государь попался въ плѣнъ Татарамъ. Конечно, въ Москвѣ поднялся по этому поводу «плачъ и рыданіе многое» и, разумѣется, безплодное. Улу-Махметъ, повоевавъ въ Русской землѣ и нимало не питая къ ней никакихъ нѣжныхъ чувствъ, возвращался домой, ведя за собой и Василія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ посла къ двоюродному брату и, конечно, — врагу Василія Дмитрію Шемякѣ для переговоровъ. Переговоры что-то затянулись; Улу-Махметъ, опасаясь худа отъ новаго князя и имѣя въ рукахъ стараго, предпочелъ возвратить послѣдняго, напередъ однако воспользовавшись имъ по мѣрѣ умѣнія. Именно — Улу-Махметъ взялъ съ Россіи огромную контрибуцію (говорятъ, 200,000 р.) и обязалъ Василія какими-то условіями. Между прочимъ волей-неволей Василій долженъ былъ взять съ собою многихъ татарскихъ князей, которые предлагали ему свою службу съ тѣмъ, чтобы Василій далъ имъ богатое кормленіе; а это ложилось тяжелымъ бременемъ на Русскихъ и безъ того обремененныхъ непомѣрно большою контрибуціею. Русскіе роптали, но, разумѣется, и только. Василій, обезсиленный, обязанный условіями, не думалъ уже объ отомщеніи за понесенный Россіею срамъ; къ тому же онъ изъ одного плѣна попалъ въ другой — къ своему брату Шемякѣ, который ослѣпилъ его, прилично мотивировавъ такую печальную необходимость: «Зачѣмъ, говорилъ онъ несчастному Василію, привелъ ты Татаръ на

Русскую землю и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости?...» Оправдываться Василью было нечего; да если-бъ и оправдался — не прозрѣлъ бы. Тѣмъ не менѣе Василій былъ до извѣстной степени оправданъ самыми событіями: въ 1443 г., когда Василій снова былъ уже государемъ—Татары сдѣлали набѣгъ на окраины Россіи и произвели большое опустошеніе; однако же вскорѣ были разбиты и прогнаны и именно поступившимъ на службу къ Василію царевичемъ Касимомъ; онъ же отнялъ у Татаръ и всю добычу, и онъ же въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Русскими снова разбилъ Татаръ. Но, повидимому, Татарамъ эти пораженія были нипочемъ. Въ 1451 г. великому князю дали вѣсть, что изъ-за Волги идетъ на Россію какой-то царевичъ Мазовша. Василій выступилъ было къ Коломнѣ, но, услыхавъ, что Татары уже близко, воротился; воевода, посланный, чтобы не допускать Татаръ переправиться черезъ Оку, тоже испугался и воротился. Татары благополучно переправились и пошли на Москву. Василій ушелъ на Волгу; а Татары начали жечь и грабить московскіе посады; время было сухое (Іюль мѣсяцъ), и пожаръ охватилъ всю Москву. Впрочемъ, приступъ Татаръ былъ отбитъ, и Татары ушли; тогда пришелъ Василій и сталъ утѣшать народъ. Татары (но не Казанскіе) еще и еще приходили послѣ того, но ихъ удачно прогоняли. Съ Казанью же войны такъ и не было при Василіи, — стало быть, втеченіе 17 лѣтъ.

На русскомъ престолѣ съ 1462 г. воцарился сынъ Василія Темнаго Иванъ, по счету третій. Въ общемъ читателю, вѣроятно, извѣстно, что Иванъ III признается однимъ изъ умнѣйшихъ политиковъ среди другихъ русскихъ князей. Посмотримъ же, какъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи Казанскому царству, которое, какъ мы достаточно видѣли, успѣло сдѣлаться весьма опаснымъ сосѣдомъ Россіи, болѣе опаснымъ, нежели была въ свое время Болгарія. Казанцамъ было на руку воевать съ Россіею: они жили за Волгою, черезъ которую всегда могли переправиться какъ черезъ свою рѣку и затѣмъ громить только что заселявшіяся окраины Россіи, не опасаясь скораго прибытія серьезной защиты. Русскимъ же было очень неудобно воевать

въ Казанскомъ царствѣ, отдѣленномъ отъ чисто русскихъ владѣній обширнымъ пространствомъ земель полупокоренныхъ и враждебныхъ и даже вовсе еще не покоренныхъ народовъ, которые по симпатіямъ своимъ тянули къ Татарамъ; къ тому же Казань за Волгою и наконецъ она была такъ сильна, что бороться съ нею если не черезчуръ было опасно, то во всякомъ случаѣ пришлось бы трудно и долго. Оставить же ее въ покоѣ было не мыслимое дѣло. Было очевидно, что отношенія между двумя сосѣдями сводятся собственно къ серьезному вопросу «быть или не быть» одному изъ двухъ обладателемъ Волги. Татары безпрестанно были готовы чуть не безнаказанно вторгаться въ русскіе предѣлы и опустошать ихъ. Пассивная политика, стало быть, была и по этому уже не возможна; а сверхъ всего, было ясно, что оставлять Казанское царство такъ, значитъ дать разростись и усилиться ему до того, что оно будетъ грозить временами Батыя и Тохтамыша. Надо было дѣйствовать, не покладая оружія, совсѣмъ иными способами, на которые Иванъ Васильевичъ оказался великимъ мастеромъ. Къ тому же, на счастіе Русскихъ, казанскіе ханы въ противоположность Ивану Васильевичу были, повидимому, весьма бездарныя личности. Впрочемъ, какъ увидимъ, и бездарностью-то этой Казанцы были обязаны отчасти тому же Ивану, который умѣлъ и ставить хановъ въ такое положеніе, при которомъ одни дарованія были не достаточны, еслибъ они и имѣлись у хановъ. Еще надо сказать, что сами же Казанцы вырывали себѣ яму раздѣленіемъ на партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла видѣть на престолѣ лицо такого образа мыслей и дѣйствій, котораго какъ разъ не желала другая. Но мы объ этомъ собственно уже и говорили. Теперь же повторить это не лишне, чтобы читатель провидѣлъ тотъ неуловимый, тонкій, но вѣрный путь, въ направленіи котораго Иванъ Васильевичъ предприметъ свои дипломатическіе походы.

Въ Казани былъ въ это время царемъ Ибрагимъ. Но какъ немыслимо было, чтобы всѣ Казанцы были равно имъ довольны, то и оказалось, что Ибрагимъ не хорошъ. Стали искать другаго, и, нечего сказать, нашли, кого выбрать: это — того самаго Касима, который колотилъ Татаръ въ угоду Василію и котораго Иванъ наградилъ во-

лостью за его услуги и преданность! И вышло такъ, что всѣ были рады: Казанцы рады, что нашли себѣ *новаго* царя; Касимъ былъ радъ — поцарствовать; а Иванъ Васильевичъ былъ радъ оказать такую любезность Казани, отпустить въ это мышиное гнѣздо своего хорошаго кота. Тутъ, разумѣется, вышли кое какія недоумѣнія: часть Казанцевъ находила, что для нихъ и Ибрагимъ хорошъ; самъ же Ибрагимъ былъ въ этомъ убѣжденъ, какъ нельзя болѣе; а потому попытался посредствомъ военной логики внушить Касиму и Ивану, что они заблуждаются относительно истинныхъ желаній Казанцевъ. Съ 1467 г. начались военныя взаимныя визитаціи безъ особенныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ, если не считать того, что Русскіе до тла опустошили землю Черемисъ, дружившихъ съ Ибрагимъ; повторили тоже самое и еще разъ, побили купцовъ на Камѣ, побрали у нихъ много товару, воевали по Бѣлой и т. п.; а Казанцы ходили на Вятку и заставили Вятчанъ передаться хану Ибрагиму. Наконецъ въ 1469 г. великій князь предпринялъ на Казань походъ въ большихъ уже размѣрахъ, и русскія войска подошли къ самой Казани. Били, жгли и грабили ужасно много вокругъ Казани; наконецъ устали и отошли отъ Казани; война однако продолжалась съ ожесточеніемъ, но все безъ результатовъ, да такъ и кончилась ничѣмъ; но крайне не на долго: въ тотъ же годъ, когда она кончилась (1469) Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ подъ Казань «со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою». Опять подошли къ Казани. Татары вышли, немного побились и убѣжали опять въ городъ. Русскіе же обвели острогъ и отняли воду. Тутъ только Ибрагимъ догадался, съ которой стороны имѣются истинныя намѣренія, и отдался Ивану «на всей его волѣ». А разъ это было такъ, Ивану было все равно, Ибрагимъ или Касимъ будетъ въ Казани, и оставилъ Ибрагима въ покоѣ. На какихъ условіяхъ — это осталось неизвѣстнымъ. Пожалуй, даже ни на какихъ, какъ допускаетъ нашъ почтенный историкъ Соловьевъ: Ивану было уже не до Казани: Новгородъ, Литва, Золотая Орда — все требовало осторожности, вниманія и силъ. Вѣроятно, Ибрагимъ понималъ положеніе Ивана и потому (черезъ нѣсколько лѣтъ, впрочемъ) открылъ непріязненныя дѣй-

ствія, и пошли опять взаимныя и вмѣстѣ безрезультатныя опустошенія, кончившіяся ничѣмъ. Впрочемъ результатъ — только не военныхъ дѣйствій — послала сама судьба: Ибрагимъ умеръ. Но, къ несчастію Казанцевъ, оставилъ имъ послѣ себя двухъ сыновей — Алегама и Магметъ-Аминя. Этого обстоятельства оказалось вполнѣ достаточно, чтобы поселить въ Казанцахъ разногласіе и недоумѣніе относительно вопроса: который изъ дѣтей Ибрагима лучше? Одни были увѣрены, что Алегамъ лучше Магметъ-Аминя; другіе, напротивъ, не сомнѣвались, что Магметъ Аминь лучше Алегама; что касается братьевъ, то трудно сказать, который изъ нихъ былъ болѣе увѣренъ въ своихъ высокихъ качествахъ. Вслѣдствіе этого не замедлили обнаружиться братскія отношенія, въ которыхъ приняли дѣятельное участіе даже Ногаи или Ногайскіе Татары независимой Ногайской Орды, кочевавшіе между Дономъ и Волгою. У Ногаевъ нашлись поводы предпочесть Алегама, чего было достаточно, чтобы младшій братъ Магметъ Аминь убѣдился если не въ правахъ и превосходствѣ способностей старшаго брата, то въ большей силѣ его. Алегамъ сталъ царствовать; а Магметъ-Аминь сталъ искать себѣ большей силы, чѣмъ какою обладалъ Алегамъ. Онъ былъ какъ разъ на столько уменъ, чтобы сообразить, что эта большая сила имѣется въ Россіи; а потому, не размышляя уже о такихъ вещахъ, какъ польза, слава и достоинство своего отечества, отправился къ Ивану Васильевичу просить силы на брата Алегама, надѣясь на доброе сердце русскаго государя, который разъ уже помогалъ Касиму. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что мать Мегметъ Аминя вышла за-мужъ за могущественнаго Крымскаго хана Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Россіи. Иванъ же Васильевичъ имѣлъ уже это самое въ виду прежде, вѣроятно, нежели самъ Магметъ-Аминь, и потому не замедлилъ полюбить послѣдняго и пожалѣть о немъ; онъ обѣщалъ Магметъ-Аминю помощь. А тѣмъ временемъ въ Казани многіе вельможи стали замѣчать, что Алегамъ совсѣмъ не такъ хорошъ, какъ было думали и что, пожалуй, Магметъ-Аминь будетъ лучше. А потому и они послали къ Ивану Васильевичу пословъ сказать: «мы отпустили къ тебѣ Магметъ Аминя для того, что «если въ случаѣ» чего, такъ ты

ужь «отпусти къ намъ его». Добрый Иванъ Васильевичъ, желая Казани всего лучшаго, отпустилъ Магметъ-Аминя; но чтобъ чего нибудь не случилось непріятнаго, «послалъ съ нимъ большую рать». Было это въ 1487 г. Алегамъ вышелъ встрѣтить военныхъ гостей по военному а встрѣтивъ, т. е. «побившись не много», затворился накрѣпко въ Казани. И вотъ опять Русскіе обводятъ Казань острогомъ; а вслѣдъ затѣмъ—недѣли черезъ три—Алегамъ выходитъ изъ города и отдается Русскимъ «на всей ихъ волѣ». А воля эта состояла въ томъ, чтобы Алегамъ жилъ не въ Казани, а въ Вологдѣ. Такъ это и сдѣлалось. Иванъ Васильевичъ дѣйствовалъ, какъ видитъ читатель, совершенно безкорыстно. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что съ этихъ поръ включилъ въ свой титулъ именованіе «государя болгарскаго». Иные думаютъ, что это были знаменательныя слова; хотя нѣтъ спору, что эти два слова не выражали еще полнаго факта. Но несомнѣнно, что Иванъ Васильевичъ не могъ напр. возвеличить себя царемъ литовскимъ, какъ не можетъ напр. нынѣ австрійскій императоръ провозгласить себя государемъ Черногоріи. Читатель сейчасъ увидитъ, на сколько Казанское царство существовало независимо. Магметъ-Аминь сталъ царствовать и по скоромъ времени захотѣлъ жениться. Объ этомъ послѣднемъ не стоило бы упоминать, пожалуй: но здѣсь важно то, что, какъ оказалось, царь независимаго Казанскаго царства не могъ и жениться-то «на всей своей волѣ»: онъ вынужденнымъ нашелся сначала спроситься у Ивана Васильевича—можно ли? Тотъ позволилъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ благополучнаго царствованія Магмета-Аминя, когда наконецъ Казанцы пришли къ рѣшительному убѣжденію, что Мегметъ-Аминь тоже что-то не очень хорошъ и что свѣтъ не клиномъ сошелся—можно найти и получше. Стали искать и нашли какого-то *Мамука*. А Магметъ-Аминь, не дожидаясь, когда Казанцы «воспользуются возможностью»,—убѣжалъ къ своему другу, царственному патрону, брату и заступнику Ивану Васильевичу. Мамукъ, какъ только сдѣлался царемъ, немедля ни мало, сталъ хватать тѣхъ самыхъ, кто ему помогъ войти въ Казань, началъ грабить купцовъ «и всѣхъ земскихъ людей» и пошелъ воевать свою землю, находя, вѣроятно,

Казанцевъ очень глупыми. Можетъ быть, онъ и не вполнѣ ошибался въ этомъ; но все же ошибался: Казанцы довольно скоро прозрѣли, что они поспѣшили выборомъ и что Мамукъ невпримѣръ хуже и Магметъ-Аминя и Алегама и Ибрагима и всѣхъ прочихъ бывшихъ и даже навѣрное будущихъ царей. Послали Казанцы къ Ивану бить челомъ о царѣ, только чтобы онъ не присылалъ къ нимъ Магметъ-Аминя, «потому что отъ него большое насиліе и безчестіе женамъ ихъ». Иванъ Васильевичъ, заботясь объ интересахъ Казанскихъ, и тутъ не отказалъ въ просьбѣ, и, оставивъ про случай Мехметъ-Аминя при себѣ, рекомендовалъ Казанцамъ отыскавшагося въ Крыму третьяго сына Ибрагима — *Абдылъ-Летифа*. Абдылъ въ это время только лишь успѣлъ пріѣхать изъ Крыма и поступить на службу къ Ивану Васильевичу, который далъ ему въ кормленіе Звенигородъ «со всѣми пошлинами». Абдылъ-Летифа Иванъ Васильевичъ опять далъ Казанцамъ, можно сказать, даромъ: онъ только велѣлъ, вспомнивъ о своемъ новомъ титулѣ, чтобы князья Семенъ Холмскій и Федоръ Палецкій посадили Летифа на царство, да чтобы кстати и привели къ присягѣ за великаго князя всѣхъ князей казанскихъ, да улановъ, да земскихъ людей по ихъ вѣрѣ.

Но какъ же Мамукъ? спроситъ читатель. Мамукъ, возвратясь изъ похода подъ Арскъ, нашелъ, что Казань не только заперта, но что-то и не отворяется. Долго ли онъ пытался отворить ее, мы не знаемъ; знаемъ только, что онъ ея не отворилъ. А что до Махметъ-Аминя, то его Иванъ Васильевичъ облагодѣтельствовалъ много: далъ ему и Серпуховъ, и Каширу, и Хотунь со всѣми пошлинами. И слышно было, что Аминь и здѣсь нрава своего не перемѣнилъ и «жилъ съ насильствомъ и алчно ко многимъ».

Что же, наконецъ, касается Летифа, то читатель, разумѣется, предугадываетъ, что не могъ же Летифъ всегда быть хорошъ. Въ первый же годъ Казанцы послали къ Ивану жалобу, что Летифъ не годенъ и ужь лучше Мегметъ, чѣмъ Летифъ. Дѣлать нечего: никогда ни въ чемъ не отказывая Казанцамъ, великій князь велѣлъ отвезти Летифа на Бѣло-Озеро, а Казанцамъ опять отдать Мегмета. Умнѣе Казанцевъ и ихъ царей оказалась женщина,

жена Мегмета: она, кажется, первая заподозрила неподдѣльную чистоту доброжеланій русскаго государя и стала день и ночь твердить Мегмету, что Казанское царство должно совершенно сбросить съ себя зависимость отъ Россіи. Вѣдь и такъ! подумалъ наконецъ Мегметъ-Аминь— и отложился. Отложеніе это для начала состояло въ томъ, что Мегметъ велѣлъ перехватать всѣхъ русскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на ярмарку; иные были убиты, другіе ограблены; былъ схваченъ и русскій посолъ. Затѣмъ Мегметъ-Аминь пошелъ на Россію войной. Одинъ изъ эпизодовъ этой войны мы разскажемъ поподробнѣе, какъ потому, что онъ не безъинтересенъ самъ въ себѣ, такъ и потому, что вся война 1505 г. почти только и состояла въ этомъ эпизодѣ.

У Мехметъ-Аминя было 40.000 Татаръ и 20.000 Ногайцевъ. Противъ этой силы Иванъ Васильевичъ выслалъ 100.000-ное войско, которое по какимъ-то (неизвѣстнымъ намъ) причинамъ дошло до Мурома и встало или даже воротилось. Между тѣмъ казанскій царь шелъ, опустошая русскія поселенія, и дошелъ до Нижняго, который надо было взять, прежде нежели совершать дальнѣйшіе военные подвиги. Нижній ожидала одна изъ тѣхъ злыхъ участей, какія онъ уже испытывалъ прежде. Противостоять огромному полчищу Татаръ Нижній, нечего и говорить, былъ не въ силахъ. Даже защищаться не могъ. Были, правда, какія-то пушки плѣнныя, взятыя у Литовцевъ; нашелся даже и порохъ; но не нашлось, кто бы могъ стрѣлять изъ пушекъ. Войска не было; пытались горсть ратниковъ и волонтеры изъ нижегородцевъ дѣлать вылазки, но крайне неудачно. Сентября 7-го Мегметъ рѣшилъ сдѣлать приступъ. Ужасъ объялъ жителей, которымъ предстояла страшная и неминуемая участь. Къ счастію, въ Нижнемъ въ это время былъ воеводою молодой, отважный и сообразительный Хабаръ Симскій. Онъ вспомнилъ, что въ нижегородской тюрьмѣ томится до 300 плѣнныхъ воиновъ-Литовцевъ, умѣвшихъ стрѣлять изъ пушекъ. Ими-то Хабаръ и воспользовался; онъ объявилъ Литовцамъ, что они получатъ полную свободу, если помогутъ отразить врага. Литовцы согласились съ радостью. Вта-

щили пушки на Тверецкую башню *). Мехметъ-Аминь стоялъ въ это время по ту сторону оврага съ ручьемъ Почайной и дѣлалъ окончательныя распоряженія къ приступу. Еще часъ, два — и отъ Нижняго остались бы одни дымящіяся развалины, какъ это было въ 1377, 1379, 1408 и 1445 гг. Но вдругъ со стороны Русскихъ съ башни появился дымокъ и раздался пушечный выстрѣлъ. И какой счастливый выстрѣлъ! исторія сохранила даже имя стрѣлявшаго: это былъ Федя Литвичъ. Ядро попало въ самую грудь самого ногайскаго мирзы, и онъ упалъ мертвый. Судьба дала дурное предзнаменованіе Ногаямъ для начала важнаго дѣла. Если хотите — предзнаменованіе это и сбылось: потому что охваченные горемъ и паникою Ногаи отказались биться съ Русскими; Казанцы же стали настаивать, чтобы Ногаи бились; отказъ и настояніе, столкнувшись рѣзко вмѣстѣ, поселили раздоръ; раздоръ выросъ въ драку; драка въ настоящій бой: пошла рѣзня Татаръ съ Ногаями; а нижегородцы-Литовцы жарили по тѣмъ и другимъ изъ пушекъ. Надравшись вдоволь съ Ногаями вмѣсто Русскихъ и даже, можетъ быть, рѣшивъ, что это все равно, Татары освободили Нижній отъ осады, а Нижній освободилъ Литовцевъ; Ногаи освободились сами, а Татаръ и безъ того никто не стѣснялъ въ свободѣ. И разошлись всѣ свободные и довольные, кромѣ развѣ Магметъ-Аминя, которому должно было стыдно показаться на глаза своей супругѣ.

Здѣсь, между прочимъ, помѣтимъ два обстоятельства, касающіяся собственно Нижняго: 1-е — что многіе изъ освобожденныхъ Литовцевъ остались въ немъ жить и впослѣдствіи, конечно, обрусѣли; 2-е — что если читатель когда нибудь будетъ въ Нижнемъ и увидитъ въ числѣ многихъ другихъ церквей, церковь пророка Ильи, то пусть знаетъ, что она стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ сраженъ ногайскій мирза, что поставлена именно въ память этого событія; а что посвящена Иліи, а не кому нибудь другому изъ святыхъ — это, конечно, понятно само собою.

Въ томъ же 1505 году умеръ умный и добрый для Ка-

*) Она четвероугольная съ воротами, выводящими изъ кремля на Нижній Базаръ.

занцевъ Иванъ Васильевичъ, не успѣвъ отдать военнаго визита славному Казанскому царю Магметъ-Аминю. Что же сдѣлалъ Иванъ Васильевичъ въ разсужденіи искони намѣченной цѣли — пріобрѣтенія Волги? Повидимому, ничего; но, вникая въ дѣло глубже, найдемъ, что сдѣлалъ очень многое: Казанцамъ нечего было и мечтать теперь сдѣлаться для Русскихъ въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то вродѣ Золотой Орды. Разъѣдаемые безпрестанными волненіями партій они были жестоко одурачены Русскими и поставлены въ такую зависимость отъ русскаго князя, что ихъ царь даже жениться не могъ безъ спроса князя. Казанцы— въ одно время одни изъ нихъ, въ другое другіе — пользовались Россіею для достиженія своихъ ближайшихъ и довольно узенькихъ цѣлей; а Русскіе нарочно смѣняли одну цѣль другою, травили одну партію на другую и, благодаря такому вмѣшательству, веденному всегда искусно, подчинили себѣ Казанцевъ нравственно; русскій князь видѣлъ въ этомъ— и справедливо— такой большой шагъ въ дѣлѣ предстоящаго завладѣнія Волгою, что не безъ гордости, самоувѣренно назвался государемъ Болгаріи.

Мѣсто Ивана Васильевича теперь занялъ Василій Ивановичъ. Отблагодарить Магмета-Аминя за отца Василій считалъ своимъ священнымъ долгомъ, и только дожидался весны (1506 года), чтобы навѣстить возлюбленнаго царственнаго брата. Весна пришла, и русскія войска потянулись по Волгѣ и ея берегамъ по направленію къ Казани. Пришли, и тотчасъ же были встрѣчены войсками Магметъ-Аминя. Завязался военный пиръ на славу; Русскіе, развлекаясь съ одними Татарами, не замѣтили, какъ съ тылу подошли другіе и тѣмъ были страшно приконфужены за не вполнѣ основательное знаніе военнаго этикета, т. е. были разбиты на голову. Василій послалъ другое войско; но пока оно шло и частью прибыло уже, прежнее поспѣшило отплатить Татарамъ за пораженіе и бросилось на нихъ. Татары, повидимому, такъ испугались, что обратились въ бѣгство, предоставляя Русскимъ даже свой станъ. Обрадованные легко достающейся побѣдой и добычею, Русскіе бросились на покинутый станъ; но тутъ-то Казанцы и обнаружили, что отступленіе ихъ было не болѣе какъ шуткою; и что они собственно имѣли въ виду повторить не-

давнее угощеніе, что и дѣйствительно исполнили прекрасно, и Русскіе вторично были разбиты на голову.

Такимъ образомъ молодой русскій государь на первыхъ же порахъ своего княженія долженъ былъ убѣдиться, что если Казанцы и представлялись иногда глупыми, то собственно по силѣ вещей, ставившей ихъ нерѣдко въ положеніе одураченныхъ; но что въ существѣ они народъ довольно лукавый. Тѣмъ не менѣе имъ надо же было доказать, что Русскіе могутъ съ ними потягаться не только въ области политики, но и въ области военныхъ дѣйствій; къ тому же надо было смыть позоръ, запятнавшій русское оружіе: Василій сталъ готовиться къ походу. Но, къ удивленію, Мегметъ-Аминь вмѣсто того, чтобы жаждать новыхъ лавровъ, вдругъ проникся мирными пожеланіями. Намъ сдается однако, что и тутъ имъ руководила супруга. Но какъ бы то ни было, только казанскій царь, заслышавъ о новомъ походѣ Русскихъ, сталъ просить мира, чтобы «князь взялъ бы съ нимъ миръ по старинѣ, какъ было съ отцомъ его». Василій согласился (ему настоятельно надо было перевѣдаться съ Литвой, съ которой никакъ не сводились счеты при помощи однихъ только переговоровъ).

Прошло 5—6 лѣтъ, но Мегметъ-Аминь оставался вѣренъ миру и даже учинилъ нѣчто такое, что при неизвѣстности мотивовъ, кажется какъ-то страннымъ; именно — царь убѣдительно просилъ Василія, чтобы тотъ прислалъ къ нему вѣрнаго человѣка, передъ которымъ онъ хочетъ исповѣдаться въ прежнемъ дурномъ своемъ поведеніи! Можетъ быть, не начиналъ ли царь чувствовать приближеніе времени, когда Казанцы пожелаютъ «воспользоваться возможностью» и что поэтому не дурно заручиться расположеніемъ Василія, чтобы можно было опереться на него, а въ случаѣ — хоть найти гостепріимство. Василій не отказалъ въ вѣрномъ человѣкѣ. Мегметъ исповѣдался; поклялся быть въ вѣчномъ мирѣ, дружбѣ и любви и ручался, что Казань безъ вѣдома Василія никакого царя, ни царевича къ себѣ не возьметъ. Это было очень хорошо. Казанцы между тѣмъ терпѣли Мегмета; наступилъ 1518 годъ, когда добродушный Мегметъ сначала захворалъ, а затѣмъ вскорѣ и умеръ (своею смертью).

Надо было выбирать царя. Мегметъ-Гирею, хану Крым-

ской Орды, очень не хотѣлось видѣть на казанскомъ престолѣ одну личность, это именно астраханскаго царевича *Шигъ-Алея*, внука Ахматова, который проживалъ въ Россіи. Поэтому онъ сталъ просить Василія, чтобы Шигъ-Алей не былъ царемъ въ Казани, а за это обѣщалъ и дружбу и помощь на Литву. Но Василій увѣрялъ, что этого никакъ нельзя исполнить, такъ какъ Казанцы неотступно будто бы просятъ какъ разъ именно Шигъ-Алея. И послалъ его имъ. Надо сказать, что Казанцы и не думали настаивать. Вѣрно и замѣчательно только то, что они дѣйствительно прислали Василію грамату, гдѣ между прочимъ были слѣдующія знаменательныя слова: «земля Казанская—божія и твоя и мы холопы божіи и твои государевы, и ты бы, государь, о насъ помыслилъ и о всей землѣ Казанской, и государя бы намъ далъ.»

Посылая Шигъ-Алея, Василій велѣлъ взять *запись*, т. е. клятвенное письменное обязательство, состоявшее въ томъ, чтобы имъ Казанцамъ «въ Казани у Шигъ-Алея дѣла великаго князя беречи и неотступнымъ быти отъ великаго князя со всею Казанскою землею до своего живота и ихъ дѣтемъ.»

Читатель видитъ, что Казань все туже и туже затягиваетъ на своей шеѣ петлю, уготованную Иваномъ и надѣтую Василіемъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы Казанцы этого не замѣчали; но, замѣчая, ничего не могли сдѣлать для своего освобожденія, тѣмъ болѣе, что многимъ нерѣдко могло казаться, что, собственно говоря, и освобождаться-то нечего: Русскіе имъ никакого худа не дѣлаютъ; напротивъ—даже очень любезны къ нимъ и предупредительны. Странно, конечно, было, что они Казанцы, потомки славныхъ Болгаръ, или они Татары, покорители Русскихъ, обязывались передъ бывшими своими данниками чуть не класть свои животы за русскаго князя, да еще обязывались не только за себя, а и за дѣтей своихъ! Ко всему этому могущественный крымскій ханъ плѣнялъ Казанцевъ иными идеалами государственной жизни, жизни независимой отъ бывшихъ данниковъ. Понятно, что поэтому въ Казани находилось не мало людей, обращавшихъ взоры на Крымъ и чаявшихъ оттуда лучшей доли. А отсюда понятно и то, что новый царь Шигъ-Алей не явился исклю-

ченіемъ изъ правила, и не представлялъ собою такого лица, которое бы угодило на всѣхъ. И вотъ, когда въ 1521 году подъ стѣнами Казани явился съ войскомъ изъ Крыма Саипъ (братъ крымскаго хана Магметъ-Гирея), то Казанцы отдались ему безъ сопротивленія; а Шигъ-Алею указали дорогу въ Москву. Самъ Магметъ-Гирей двинулся на Россію; началъ опустошать ея села; дошелъ до Москвы и требовалъ, чтобы Василій обязался платить ему дань. Василій былъ совершенно не готовъ встрѣтить опаснаго врага, и Москва вынуждена была согласиться на унизительное условіе! Къ счастью, Гирей, уходя отъ Москвы, наткнулся въ Рязани на знакомаго уже намъ Хабара Симскаго. Думая провести умнаго воеводу, ханъ самъ былъ проведенъ такъ ловко, что самая грамата, по которой Россія дѣлалась данницею Татаръ, осталась въ рукахъ Хабара. Подобно Нижнему Рязань прогнала Татаръ при помощи пушекъ.

Казань дѣйствовала за одно съ Крымомъ; русскіе купцы, съѣхавшіеся на старинную ежегодную ярмарку, которая теперь была уже не въ Булгарѣ, а въ Казани, были ограблены; Саипъ вторгнулся въ Россію, дошелъ до Владиміра, взялъ и разграбилъ его; выжегъ и разграбилъ Березополье и осадилъ Нижній, но взять его не могъ и вскорѣ ушелъ въ Казань.

Мы не находимъ нужнымъ да и не имѣемъ возможности описать это двойное нашествіе на Россію подробно. Но чтобы читатель не представлялъ себѣ, что оно было такъ сказать заурядное, скажемъ по крайней мѣрѣ, что опустошеніе русскихъ земель было такое, какого Россія давно уже не видала. Говорили, что однихъ плѣнныхъ Крымцы и Казанцы увели съ собою до 800,000 человѣкъ. Правда, цифру эту признаютъ преувеличенною, но уже въ самомъ преувеличеніи сказывается опустошеніе давно небывалое. Отсюда же мы ясно видимъ, что Казань, особенно въ союзѣ съ Крымомъ, была еще очень опаснымъ и сильнымъ врагомъ.

По счастью, крымскій ханъ, мечтавшій о возстановленіи временъ Золотой Орды и уже овладѣвшій Астраханскимъ царствомъ, нашелъ себѣ врага въ Ногаяхъ, которые изъ за своихъ разсчетовъ не хотѣли усиленія Крыма. Ногаи

напали врасплохъ на Крымцевъ, разбили ихъ, убили хана и опустошили Крымъ до того, что ему было уже не до Казани. Казанскій царь не зналъ этого, и, торжествуя въ своихъ и крымскихъ успѣхахъ надъ Русскими, велѣлъ убить русскаго посла и снова перерѣзать русскихъ купцовъ. Это было въ 1523 г. Теперь Василій рѣшился самъ вторгнуться въ Казанскую землю и для этого отправилъ туда съ войсками Шигъ-Алея. Какъ видно, Казанцы не могли дать надлежащаго отпора, и земли ихъ были опустошены Русскими. Походъ этотъ имѣлъ бы ничтожное значеніе, еслибъ только ограничился опустошеніемъ земель; но въ немъ имѣетъ мѣсто одно очень важное обстоятельство; оно не имѣетъ за собою блеска или эффекта громкой побѣды, но за то славнѣе ея по результатамъ. Рано или поздно Русскіе должны были придти къ заключенію, что если окраины ихъ земли не будутъ ограждены, Татары будутъ имѣть возможность легкаго вторженія и постоянно будутъ опустошать колонизуемыя новыя земли по Волгѣ: пора было запереть зданіе, въ которое такъ часто навѣдывались воры. Нижній оказался хорошимъ замкомъ и не разъ къ нему прикладывались наши недруги и уходили ни съ чѣмъ; но съ того времени какъ государственное зданіе впервые было заперто на Окѣ, явилась новая большая пристройка, сдѣлавшая насъ настоящими сосѣдями съ Казанцами. Сура служила, такъ сказать, заборомъ, а устье ея — калиткою въ Волгу и по ней налѣво—въ Русскую землю, направо—въ Казанскую. Вотъ эту то калитку и надо было запереть. Но возникъ вопросъ: съ которой стороны? Многимъ казалось очевиднымъ, что слѣдуетъ запереться изнутри; другіе же, въ томъ числѣ и самъ Василій, разсудили иначе. Быть можетъ, примѣръ Нижняго еще болѣе склонялъ къ такому рѣшенію, и Русскіе не въ первый уже разъ доказали, что имъ луговыя стороны рѣкъ не такъ любезны, какъ нагорныя; можно сказать, они чутьемъ постигали справедливость той мысли, что кто умѣетъ владѣть нагорной стороной, тотъ завладѣетъ и луговою; а кто сразу предпочтетъ луговую, тотъ при ней только и останется, да и то до времени. Василій рѣшилъ соорудить крѣпость за Сурой, на ея устьѣ. Митрополитъ и многіе другіе, близко стоявшіе къ Василію, одобрили его рѣшеніе, хва-

Основаніе Василя.

лили князя и съ увѣренностью говорили: «тѣмъ городомъ мы всю землю Казанскую возьмемъ». Новый городъ на Сурѣ былъ поставленъ и названъ по имени своего основателя *Новгородомъ-Василевымъ;* но какъ на русской Волгѣ повыше Нижняго было уже селеніе съ такимъ же именемъ (слобода *Василева*), то новое мало по малу усвоило себѣ въ придатокъ названіе *Сурскаго.* Такъ возникъ въ 1523 г. городъ, нынѣ называемый *Василь-Сурскъ.*

Новый городъ пріобрѣлъ-было одновременно съ своимъ основаніемъ кромѣ значенія оплота еще другое, необыкновенно важное и этимъ былъ обязанъ также Василію. Видя что казанскіе цари при первыхъ же признакахъ непріязни обнаруживаютъ чисто разбойническіе пріемы и дѣлаютъ то, «чего ни въ одномъ государствѣ не ведется», т. е. убиваютъ и грабятъ пословъ и гостей (купцовъ): онъ надумалъ объявить торговому люду по всей Волгѣ, что отнынѣ русскіе купцы не будутъ болѣе ѣздить въ Казань, что въ Васильевѣ будетъ производиться ежегодно такой же торгъ какой производился до сихъ поръ въ Казани, и что всѣ, имѣющіе торговыя дѣла съ Россіею, благоволятъ пріѣзжать въ Васильевъ. Этимъ не военнымъ дѣломъ былъ нанесенъ Казани чрезвычайно чувствительный ударъ. Впрочемъ и Россія терпѣла отъ этого свои невыгоды, такъ какъ не позволяла своимъ купцамъ ѣздить на Арскую (въ Казани на Арскомъ полѣ) ярмарку, между тѣмъ какъ силою привычки южные и восточные купцы продолжали ѣздить въ Казань. Осталось даже неизвѣстнымъ, бывала ли ярмарка въ Василѣ-Сурскомъ; но вѣроятно, что сюда заѣзжали восточные гости съ Арской ярмарки, какъ они ѣзжали и прежде въ Русскую землю, даже далѣе Василя, и торговали въ Нижнемъ.

Какъ бы то ни было, но построеніе Василя и помимо ярмарки было событіемъ очень большой важности. Имъ было положено начало полному покоренію Казанскаго царства, какъ говоритъ Соловьевъ, «ибо подручническія отношенія, клятвы царей казанскихъ и народа оказывались недостаточными ручательствами». Казалось даже, что Василій, оцѣнивъ значеніе новаго города, дѣйствительно рѣшился завоевать Казань: онъ сталъ готовиться къ походу въ такихъ размѣрахъ, что многіе полагали

цѣлью его завоеваніе Казани. Въ 1524 г. было собрано 150.000 войско и даже болѣе. Какъ и всегда, пѣшая часть его, весь нарядъ и припасы поплыли по Волгѣ на судахъ, а конница пошла берегомъ. Въ первыхъ числахъ Іюня войска высадились въ виду Казани, но конница не приходила еще, не подошла еще рать князя Палецкаго съ съѣстными припасами и пушками. Между тѣмъ обстоятельства благопріятствовали Русскимъ, и будь они аккуратнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ или будь во главѣ ихъ способная личность, Казань была бы завоевана. Двадцать дней прошло, какъ судовыя войска высадились, а конница еще не подходила! Вдругъ на счастіе Русскихъ загорѣлась деревянная стѣна Казани. Но—удивительное дѣло—Русскіе не воспользовались этимъ случаемъ и даже послѣ пожара не мѣшали Казанцамъ строить новую стѣну! Между тѣмъ конницы все не было, не было и съѣстныхъ припасовъ. Начинался голодъ. Саипъ Гирей безпрестанно тревожилъ русскія войска, а Черемисы опустошили окрестности и засѣли на всѣхъ дорогахъ, не давая Русскимъ добывать кормъ; сообщенія были прерваны, такъ что нельзя было послать въ Москву извѣстія о печальномъ положеніи дѣлъ. Къ довершенію золъ разнесся слухъ, что конница потерпѣла пораженіе. Войска упали духомъ; воеводы перетрусили и рѣшили отступленіе; но вскорѣ узнали, что слухъ былъ ложный. Конница подъ начальствомъ Симскаго одержала двѣ побѣды надъ Татарами и, преодолѣвъ благополучно всѣ трудности, пришла къ Казани. Но это не надолго ободрило Русскихъ; случилось другое и очень большое несчастіе: часть судовой рати, которую велъ князь Палецкій, дойдя до Туричьихъ острововъ, гдѣ, какъ читатель помнитъ, впору идти и днемъ такъ съ огнемъ, встрѣтилъ загражденія всѣхъ проходовъ. Черемисы завалили узкій фарватеръ камнями и деревьями и, когда суда наткнулись на преграду, поражали Русскихъ стрѣлами; съ берега они бросали бревна на суда и топили ихъ. Вся почти флотилія погибла; едва-едва пробились немногія суда и достигли главной рати *). Тѣмъ не менѣе 15 Августа Казань была обложена;

*) Рычковъ разсказываетъ объ этомъ пораженіи такъ: «Казанскіе Черемисы для воспрепятствія отправленному водою войску, въ тѣсныхъ и островистыхъ мѣстахъ рѣки Волги наметали великое множество большихъ деревьевъ и каменьевъ и тѣмъ

были пододвинуты къ ея стѣнамъ осадныя машины. Опасное время переживала Казань; положенiе ея сдѣлалось совсѣмъ критическимъ, когда единственный пушечный мастеръ, стрѣлявшiй изъ казанскихъ пушекъ, былъ убитъ. Жизнь Казани висѣла на волоскѣ. Но и положенiе Русскихъ, надо думать, было весьма плачевное, когда русскiй главнокомандующiй, съ радостью узнавъ, что Казанцы предлагаютъ миръ, поспѣшно снялъ осаду. Теперь Казань просила русскаго государя простить ей ея вины и утвердить царемъ Сафу-Гирея. Василiй съ прискорбiемъ долженъ былъ подчиниться необходимости окончить войну, такъ много обѣщавшую вначалѣ и кончившуюся почти ничѣмъ. Объ этой войнѣ можно, кажется, сказать, что въ ней существенное значенiе имѣли Черемисы: они нанесли пораженiе Палецкому и уничтожили необходимѣйшiе припасы, какъ тѣ, которые велъ на судахъ Палецкiй, такъ и тѣ, какiе можно было бы добыть въ окрестностяхъ Казани. Черезъ 5 лѣтъ мирныя отношенiя были подтверждены со стороны Сафы-Гирея, но какъ будто только съ тѣмъ, чтобы ихъ тотчасъ нарушить: въ 1530 г. подъ Казань уже шла большая русская рать. Городъ былъ обложенъ. Произошло большое сраженiе; Русскiе одержали побѣду. Говорятъ, и на этотъ разъ Русскимъ представлялся необыкновенно удобный случай взять Казань, когда ворота крѣпости оставались отворенными и не защищенными втеченiе 3 часовъ *); но воеводы заспорили о томъ, кому пер-

---

сiю великую рѣку такъ запрудили, что многiя на сiи мѣста съ россiйскимъ войскомъ пришедшiя суда одно на другое наносило и разбивало. А Черемиса спереди и сзади, чиня нападенiя, стрѣляли. Сверхъ же того, приготовя большiя бревна и камни съ высокихъ береговъ на россiйскiя суда пущали, и такъ многiя суда съ людьми и съ бывшими на тѣхъ судахъ пушками и ядрами, и со всякими припасами затопили, и богатство россiйскихъ людей все пограбили. Убитыхъ и затопленныхъ ими въ Волгѣ считается близъ 30,000 человѣкъ. Пушки же и большiя ядра оные Черемиса, вытаскивая изъ воды, отсылали въ Казань». Тутъ же Рычковъ замѣчаетъ, что, можетъ быть съ того времени и пошла пословица: «съ одну сторону Черемиса, а съ другую берегися».

*) У Рычкова читаемъ слѣдующее объ этомъ походѣ: «Воеводы московскiе, пришедъ подъ Казань съ войскомъ, стояли тутъ черезъ цѣлое лѣто, и какъ къ городу, такъ и къ острогу дѣлали сильные приступы; напротивъ того и Казанцы весьма упорно оборонялись; но въ ночное время отходили они въ свой станъ, пили и ѣли по своему обыкновенiю; отдыхали и спали, не чая и не опасаясь россiйскаго нападенiя, а оставляли токмо одинъ караулъ въ острогѣ. Сiе не безъизвѣстно было въ россiйскомъ войскѣ и подало поводъ выбраться изъ молодыхъ и удалыхъ людей десяти человѣкамъ на отвагу. Сiи удальцы, взявши огонь, смолу и сѣру, и мѣшокъ пушечнаго пороху, поползли къ стѣнѣ, которую, вымазавъ смолою и сѣрою, зажгли

вому войти въ городъ; и пока спорили да собирались, Казанцы успѣли спохватиться и исправить свою оплошность. Тѣмъ не менѣе они опять стали просить мира. Послы казанскіе намекали Василію, что они, пожалуй, не постоятъ и за тѣмъ, чтобы вмѣсто Сафы-Гирея имѣть у себя другого царя, лишь бы только государь далъ имъ Казанцамъ, холопамъ государевымъ, прочный миръ:—Да мнѣ что, говорилъ Василій: «только бы Сафа Гирей былъ намъ послушенъ... но видите сами, что онъ не прямъ.»—«Видимъ, что не прямъ, соглашались послы: клятву преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ!—какому въ немъ добру быть! А теперь вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своею землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царь какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ.» Наконецъ ужь они прямо стали просить опять Шигъ-Алея: потому, говорили, что онъ «земли Казанской не грабилъ ничего, а не возлюбили его лихіе только люди». —«А какъ вы поѣхали къ намъ, спрашивалъ Василій, то былъ ли вамъ наказъ отъ князей и отъ земли просить у насъ въ цари Шигъ-Алея?»—«Такого наказа не было, отвѣчали послы: за какимъ дѣломъ насъ послали, о томъ дѣлѣ мы и били челомъ. А теперь бьемъ челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ ему служить, а Сафа Гирею служить не хотимъ. Сафа-Гиреемъ мы умерли, а государевымъ жалованьемъ ожили... Въ Казани у насъ родня есть, братья и друзья; а у Казанцевъ, что задержаны въ Нижнемъ, тоже есть въ Казани братья и

острогъ. Удалось имъ все то такъ тихо сдѣлать, что изъ Казанцевъ никто того не усмотрѣлъ; и одинъ изъ нихъ, прибѣжавъ въ россійское войско, о томъ объявилъ; почему воевода, князь Иванъ Овчина, на самой утренней зарѣ, когда Казанцы находились еще въ глубокомъ снѣ, изготовилъ свой полкъ, велѣлъ затрубить походъ, и съ великимъ устремленіемъ приступилъ къ острогу, у коего разбивъ ворота, вошли въ него. Было тутъ ужасное кровопролитіе: кто ни попадался, тѣхъ всѣхъ рубили и въ огонь бросали безъ милосердія. Сіе было по описанію въ лѣто 7038 (1530) Іюля 16 день. Побитыхъ Казанцевъ считается 60.000 человѣкъ..... Въ Казанѣ жъ оставалось тогда всякихъ людей до четырнадцати тысячъ.

Примѣчается здѣсь великая оплошность московскихъ воеводъ; ибо никакой причины не означено, да и не видно, для чего-бъ городъ взять и всѣмъ Казанскимъ царствомъ владѣть было не можно.»

Въ выноскѣ авторъ замѣчаетъ, что «въ лѣтописи г. Ломоносова объявлено, что отворенный городъ не взятъ за несогласіемъ россійскихъ воеводъ и за лакомствомъ главнаго военачальника князя Ивана Бѣльскаго».

друзья: какъ только мы придемъ къ Васильсурску и пошлемъ къ нимъ граматы, такъ они за насъ станутъ».

Нечего сказать—хорошъ царь казанскій, хороши и послы. Ясно, что Казань не только по сю пору не могла выбрать себѣ царя по душѣ, но и никогда не выберетъ такого. Не усвоивъ себѣ порядковъ ни болгарскихъ, ни русскихъ, не отказавшись отъ традицій первопришедшихъ Монголовъ, но возрастивъ въ себѣ стоглавую гидру всемогущей, продажной аристократіи, Казань положительно не могла существовать самостоятельно безъ того, чтобъ не разложиться самой въ себѣ какъ разложилась Золотая Орда или не быть покоренной Русскими. Надо было пользоваться казанскими неурядицами, и Василій, по мѣрѣ возможности и умѣнья, пользовался. Онъ послалъ въ Казань гонца, какъ будто съ отвѣтомъ Сафѣ-Гирею; на самомъ же дѣлѣ внушилъ ему, чтобы онъ поговорилъ съ казанскими вельможами—какъ они думаютъ? Видно было, что вельможи думаютъ не врознь съ послами, и Василій послалъ Шигъ-Алея въ Нижній; отсюда въ Казань были посланы граматы, рѣшавшія судьбу Сафы-Гирея. Какъ только Казанцы получили эти граматы, тотчасъ же Сафу-Гирея прогнали, а его совѣтниковъ Крымцевъ и Ногайцевъ перебили. Оставалось только устроить торжественную встрѣчу Шигъ-Алею. Но вдругъ Казанцамъ вспомнились нѣкоторыя непривлекательныя стороны его, и они стали раздумывать, брать или не брать Алея. Наконецъ порѣшили не брать, такъ какъ младшій его братъ Еналей казался имъ лучше. Василій не препятствовалъ; тѣмъ болѣе, что Еналей оказался скромнымъ и послушнымъ: надо было, чтобъ въ Казани оставалось оружіе (пищали)—онъ къ Василію съ просьбою; захотѣлъ жениться—опять съ просьбою о разрѣшеніи; наконецъ и разныя другія дѣла казанскія рѣшались въ Москвѣ, не говоря уже о томъ, что, вступая на престолъ, Еналей, а съ нимъ и князья и всѣ казанскіе люди должны были дать клятву за себя и за своихъ дѣтей быть въ неотступной вѣрности и чтобы имъ «ни царя ни царевича безъ великаго государя вѣдома никакого не брать».

Теперь дѣла обѣщали идти лучше, казалось Казанцамъ.

Но, къ несчастію ихъ, это именно только казалось. Еналей, не смотря даже на кротость нрава, подобно своимъ предшественникамъ оказался не въ состояніи разомъ угодить всѣмъ. Такимъ образомъ и новый царь сталъ не хорошъ для Казанцевъ; не для всѣхъ, впрочемъ; но достаточно уже и того, что во главѣ недовольныхъ всталъ вліятельный князь Булатъ, который и не замедлилъ «воспользоваться возможностью», т. е., по просту говоря, убилъ Еналея. Теперь стали снова припоминать добрыя качества Сафы Гирея и рѣшили опять позвать его, а чтобы уладить нѣкоторые вопросы объ отношеніямъ къ Ногаямъ, женили его на вдовѣ Еналея. Послѣ этого какъ бы на радостяхъ было найдено, что пришла пора пограбить русскія окраины. Такъ и сдѣлали: пожгли села около Нижняго, гуляли около Балахны; пошли въ костромскія волости; разбили тамъ князя Засѣкина... Это было однако не при Василіи, а уже при Иванѣ IV. Потомъ (1537 г.) Сафа Гирей опустошалъ окрестности Мурома, сжегъ его предмѣстья. Русскіе хотѣли было за это идти на Казань; но крымскій ханъ писалъ къ Ивану, чтобъ онъ этого не дѣлалъ; «а пошлешь, говорилъ онъ, рать свою на Казань, и ты къ намъ посла не отправляй: недругъ я твой тогда». Иванъ былъ еще малъ; а въ думѣ рѣшили согласно письму крымскаго хана, такъ какъ боялись одновременнаго нападенія на Россію и Крымцевъ и Казанцевъ. Впрочемъ, удовлетворяя крымскаго хана, Иванъ писалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ: Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья, я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля — юртъ *твой*, то посмотри въ старые твои лѣтописцы: не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ, и брали его войнами, неправдами? А какъ дѣдъ нашъ милостію божіею Казань взялъ и царя свелъ — того ты не помнишь?! Такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину и нашей не забывалъ».

Слѣдствіемъ разгрома костромскихъ волостей, относительно колонизаціи, было то, что по просьбѣ тамошнихъ

жителей въ ихъ мѣстности за Волгою была поставлена крѣпость на рѣчкѣ Корегѣ — *Буйгородъ*.

Итакъ, въ Казани опять Сафа-Гирей. Зная по опыту непостоянство Казанцевъ, Сафа привелъ съ собой изъ Крыма свою свиту и притомъ многочисленную и вдобавокъ бѣдную. Значитъ, этому зародышу новой аристократіи надо было дать доходныя мѣста, т. е. поотнимать ихъ у коренныхъ Казанцевъ. Казанцы хмурились; Сафа это видѣлъ и спѣшилъ только больше награбить, чтобы, въ случаѣ чего, не съ голыми руками бѣжать въ Крымъ; а Казанцы, въ свою очередь, видѣли и даже ощущали на себѣ продѣлки Сафы и хмурились больше и больше. Кончилось тѣмъ, чѣмъ и всегда прежде: послали въ Москву, чтобы великій князь простилъ ихъ прошлыя вины; только теперь они не просили новаго царя, а просили, чтобы великій князь прямо послалъ на Казань своихъ воеводъ съ войскомъ, а они — они либо убьютъ своего царя, либо схватятъ и выдадутъ, потому что отъ него казанскимъ людямъ просто житья не стало.

Мы пропускаемъ здѣсь все, что касается угрозъ и неудавшагося нападенія на Россію крымскаго хана и нѣкотораго примиренія Казанцевъ съ Сафа-Гиреемъ; прямо переходимъ къ тому времени, когда самъ Иванъ Васильевичъ задумалъ въ 1545 г. походъ на Казань. Опять одни войска плыли Волгою на судахъ, другія шли берегомъ; но кромѣ того третьи должны были прибыть съ Перми и Вятки. На этотъ разъ всѣ войска собрались необыкновенно удачно,—по выраженію лѣтописца: «во единъ часъ, яко изъ единаго двора». Походъ этотъ ограничился однако только пограбленіями и опустошеніями казанскихъ земель; но все-таки имъ всѣ были довольны, какъ походомъ очень удачнымъ, тѣмъ болѣе, что слѣдствіемъ его было возобновленіе неурядицъ въ Казани. Казанскій царь подозрѣвалъ своихъ князей въ сношеніяхъ съ Россіею и сталъ убивать ихъ; князья разбѣжались, кто куда, а многіе именно въ Россію. Наконецъ оставшіеся прислали къ Ивану Васильевичу двоихъ вельможъ съ просьбою, чтобы онъ послалъ свою рать на Казань, а что они своего Сафа-Гирея ему выдадутъ. Иванъ Васильевичъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе; только требовалъ, чтобы Казанцы еще

до прихода рати порѣшили съ Сафой. Такъ и было сдѣлано: въ Январѣ 1546 г. Ивану Васильевичу сообщили, что Сафа выгнанъ и при этомъ просили, чтобъ имъ дали другаго царя и не кого другаго, какъ Шигъ-Алея.

И это было сдѣлано: Шигъ-Алея посадили на царство; но, разумѣется, на самое короткое время: чуть не на другой же день Шигъ-Алей долженъ былъ бѣжать отъ своихъ подданныхъ; а Сафа-Гирей воротился и былъ принятъ. Воротившись, онъ началъ истреблять непріятныхъ ему князей. Тогда наконецъ Горные Черемисы рѣшились просить Ивана, чтобы онъ послалъ рать на Казань, что они и сами пойдутъ на Казанцевъ и что отнынѣ хотятъ быть лучше подъ рукою русскаго государя. Были посланы войска и воевали до устья Свіяги; а въ концѣ 1547 г. Иванъ Васильевичъ рѣшился и самъ выступить въ походъ; походъ состоялся, только не вполнѣ, потому что въ Январѣ 1548 г. сдѣлались сильныя оттепели; много пушекъ и пищалей на Волгѣ провалилось подъ ледъ; много потонуло людей; царь вернулся со слезами о неудачѣ. Впрочемъ, войско все таки дошло до Казани, сразилось успѣшно съ Казанцами, опустошило окрестности и воротилось.

Въ Мартѣ 1549 г. умеръ Сафа-Гирей. Царемъ былъ провозглашенъ сынъ его Утемишъ, которому отъ роду было 2 года. Казанцы стали сноситься съ Крымомъ, видя въ немъ солидный противовѣсъ русскому вліянію. А за это Иванъ IV пошелъ на Казань войною въ Февралѣ 1550 г. Войска дошли до Казани; осадили ее, сдѣлали приступъ, но неудачный. Множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ. А потомъ начались оттепели, вѣтра, дожди; сдѣлалась распутица, и Иванъ Васильевичъ, простоявъ 11 дней, вынужденъ былъ воротиться назадъ.

Такимъ образомъ и этотъ походъ не достигъ своей цѣли; но онъ знаменателенъ тѣмъ, что теперь Русскіе рѣшились сдѣлать еще большой шагъ въ пріобрѣтеніи Поволжья; это было тѣмъ удобнѣе, что царемъ въ Казани былъ ребенокъ. Ногайцы были настроены къ Казани враждебно; Крымъ, будучи въ натянутыхъ отношеніяхъ и къ Россіи и къ Ногаямъ, помощи къ Казани не посылалъ; а Горные Черемисы уже высказали свое нежеланіе быть подъ властью Казани. На пути домой, во время стоянки у устья Свіяги,

Основаніе Свіяжска.

Ивану Васильевичу пришла мысль — вѣроятно подсказанная воспоминаніями о Нижнемъ и Василѣ — новую «учинить тѣсноту Казанской землѣ», т. е. поставить въ виду уже самой Казани крѣпость. Ех-царь казанскій Шигъ-Алей и совѣтники Ивана одобрили его мысль, и было рѣшено поставить городъ какъ можно поскорѣе. Въ Россіи (въ Угличскомъ уѣздѣ) изготовили избы, церковь и другія строенія и матеріалы; даже нашли кѣмъ населить городъ: именно къ поселенію были назначены, какъ гласитъ преданіе, жители города Пересвитска на Окѣ, а также разные казанскіе князья и другіе выходцы. Весной 1551 года всѣ постройки въ разобранномъ видѣ были сплавлены къ Свіягѣ; лѣсъ на горѣ тотчасъ вырубили; отслужили молебенъ и начали постройку города. Черезъ 4 недѣли на нагорной сторонѣ Волги у устья Свіяги уже красовался новый русскій городъ на землѣ Казанской и древней Болгарской — *Свіяжскъ*. Чуваши и Черемисы теперь еще смѣлѣе и охотнѣе заявляли о своемъ желаніи подчиниться зависимости отъ Россіи и послали своихъ представителей въ Москву для переговоровъ о присягѣ; потомъ и присяга была принята, и инородцы даже ходили въ сраженія противъ Казанцевъ, за что русскій царь жаловалъ ихъ «паче своихъ воиновъ».

Отложеніе отъ Казани Чувашъ и Черемисъ.

Можно спросить, что побудило Чувашъ и Черемисъ отложиться отъ Казани послѣ того, какъ они такъ долго держались за нее и даже роднились съ Казанцами по религіи, вѣрѣ, языку и, вѣроятно, даже по крови? Причиною была казанская аристократія, ненасытная алчность которой побуждала налагать на Чувашъ и Черемисъ обременительные налоги. Чуваши и Черемисы, отдаваясь Россіи, ставили первымъ и единственнымъ условіемъ именно облегченіе податей, чтобы имъ платить подати по старому, какъ платили прежде. Иванъ Васильевичъ, разумѣется, согласился на это охотно и даже на первые 3 года совсѣмъ освободилъ отъ подати и Чувашъ и Черемисъ.

Теперь мы видимъ, какъ таяло мало по малу Казанское царство, теряя земли, лишаясь вассальныхъ союзниковъ, тратя своихъ людей въ безпрерывныхъ войнахъ, безпрерывно гоняя и убивая царей. Была всемогуща только аристократія, да и то могущество это было устремлено только

на обираніе народа, на перемѣны царей и на взаимное истребленіе.

Крымцы это видѣли; они, кажется, давно уже понимали, что Казань спасти невозможно, и теперь стали только помышлять о томъ, какъ бы совсѣмъ бросить Казань, напередъ поживившись, чѣмъ можно. Крымская знать собралась въ числѣ 300 человѣкъ; пограбивъ, что можно, и бросивъ женъ и дѣтей, бѣжала; но была перехватана русскими сторожевыми постами; многихъ во время сопротивленія побили на мѣстѣ; остальныхъ отправили въ Москву; а тамъ ихъ казнили.

Казанцы предложили Россіи выдать Утемыша, а себѣ опять стали просить Шигъ-Алея, питая въ тайнѣ надежду, что съ Шигъ-Алеемъ вернется и отхваченное Поволжье до Свіяги. Шигъ-Алея имъ дали, но Поволжья—нѣтъ. Но какъ Шигъ-Алей самъ обѣщалъ Казанцамъ, что воротитъ имъ Поволжье, а между тѣмъ сдѣлать этого не могъ, то и возбудилъ противъ себя тотчасъ же сильное неудовольствіе; оно возрасло еще болѣе, когда Казанцы узнали, что ихъ царь обязался возвратить Россіи русскихъ плѣнниковъ, которыхъ накопилось въ разное время огромное количество — болѣе 60.000! Натянутость отношеній между царемъ и его подданными не замедлила обнаружиться въ дѣйствіяхъ. Царь началъ казни; переказнилъ 70 улановъ и мирзъ; многіе бѣжали изъ Казани. Истерзанная безконечными невзгодами и распрями, Казань не знала, что дѣлать. Отчаявшись когда либо имѣть такого царя, который былъ бы хорошъ одновременно всѣмъ, она рѣшилась наконецъ заявить русскому царю, что ужъ лучше ей имѣть русскаго намѣстника, чѣмъ Шигъ-Алея, который грабитъ, убиваетъ и отнимаетъ женъ и дочерей. Шигъ-Алей, видя что ему не сдобровать, бѣжалъ изъ Казани. Такимъ образомъ пришло время, когда вслѣдъ за Чувашами и Черемисами изнеможенное Казанское—старое Болгарское—царство добровольно отдалось Россіи. Въ Казани уже приносили присягу на подданство; приготовляли дворы для русскихъ должностныхъ лицъ... Но Казань уподоблялась человѣку, который, рѣшась на самоубійство, въ самую послѣднюю минуту, когда взведенный уже курокъ остается только спустить, вдругъ, объятый ужасомъ и руководимый

инстиктомъ, самосохраненія, останавливается въ своемъ рѣшеніи. Русскіе бояре уже прибыли къ Казани; все было готово къ ихъ принятію, и они уже приготовились въѣхать въ городъ, какъ вдругъ — оказалось, что ворота заперты: раздумали Казанцы, и какъ утопающій хватается за соломинку, они рѣшили еще разъ, еще послѣдній разъ, извѣдать счастья и взять царя отъ Ногаевъ. Тѣ послали имъ астраханскаго царевича, по имени *Едигера*.

Третье и окончательное завоеваніе Волгаріи, или царства Казанскаго Русскими. Заключеніе.

Но было уже поздно. Правда, они Едигера получили; но въ Россіи уже состоялось рѣшеніе покончить съ Казанью. Лѣтомъ *1552 года* Иванъ Васильевичъ предпринялъ послѣдній и достопамятный походъ, состоя самъ во главѣ многочисленнаго войска...

«Приспѣло время, говорилъ царь собравшимся воеводамъ, боярамъ и разнымъ ратнымъ людямъ, когда войска пришли и расположились около Казани: приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ Казанцевъ! Вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други свои... Не пощадите головъ своихъ за благочестіе. Если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, умремъ же послѣ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ!»

Одинъ изъ князей отвѣчалъ царю: «Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго; и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими Агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется!»

«Владыко! О Твоемъ имени движемся!» громко воскликнулъ Иванъ Васильевичъ, взирая на образъ Спасителя.

Стопятидесятитысячное войско обложило Казань, и началась знаменитая осада, съ описаніемъ которой, вѣроят-

но, всѣ читатели знакомы. 2 Октября 1552 г. послѣ взрыва казанскихъ стѣнъ, послѣ приступа и необычайно ожесточенной упорной рѣзни, пала гордая аристократическая Казань. «Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти, говорили Казанцы Русскимъ: теперь отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго. Ведите его къ своему царю!... А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.» И вышли изъ города уцѣлѣвшіе изъ 30.000 защитниковъ Казани 6.000 храбрѣйшихъ воиновъ испить съ Русскими послѣднюю чашу, хотя въ практическомъ смыслѣ это и было совершенно излишне; но таковъ ужь сложился духъ геройства въ торжественно-трагическую минуту паденія Казанскаго, стараго славнаго Болгарскаго царства. Всѣ до единаго испили изъ кровавой чаши; если немногіе и уцѣлѣли, то только раненые.

Трудно описать торжество и неописанную радость всѣхъ Русскихъ, когда стало извѣстно, что пало наконецъ Казанское царство, такъ долго терзавшее Россію безпрерывными вторженіями и державшее въ постоянномъ страхѣ и царя и жителей. «Надобно, скажемъ словами Соловьева, перенестись въ XVI вѣкъ, чтобы понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ слова: завоевано Татарское царство!» Это было первое завоеваніе послѣ того далекаго и уже забытаго времени, когда первые русскіе князья завоевывали чужія страны. Грозная татарская сила, тяготѣвшая надъ Россіею цѣлые вѣка, была наконецъ сломлена окончательно и навсегда. Теперь только вмѣстѣ съ тѣмъ осуществились мечты, которыя лелѣялъ еще основатель Нижняго Новгорода: Волга лучшею своею частью отдалась Русскому народу. Вся многоводная Кама, Камское устье, Итиль, земля Буртасовъ и Болгаръ, Казань, Арская ярмарка, ключъ всей волжской торговли, лѣса, черноземныя тучныя нивы, необозримые луга, рыбныя ловли — все, все стало русскимъ достояніемъ!... Это было такое событіе, равнаго которому, по напряженности вызванныхъ имъ радостныхъ чувствъ, пожалуй, не найдемъ въ нашей исторіи. Даже подвиги величайшаго изъ нашихъ или даже изъ всѣхъ вообще царей — Петра не произвели бы такого взрыва всенароднаго энтузіазма,

какой былъ произведенъ Иваномъ Васильевичемъ, образъ котораго сталъ такъ высоко для русскихъ людей тогдашняго и даже дальнѣйшаго стараго времени, что затмилъ собою всѣ другіе образы.

Что касается насъ, отстоящихъ отъ этого событія на 300 лѣтъ, то мы можемъ уже и не преувеличенно смотрѣть на заслуги Ивана Васильевича. Намъ теперь виднѣе, нежели современникамъ взятія Казани, что Казанское царство пало не столько благодаря усиліямъ Ивана Грознаго, сколько благодаря всей суммѣ предшествовавшихъ событій. Но какъ бы то ни было, а паденіе это было однимъ изъ знаменательнѣйшихъ событій во всей нашей исторіи. И, повторяемъ,—не въ силу только отрицательной стороны этого событія, не въ силу того только, что не стало Казанскаго царства, а еще и въ силу положительной стороны дѣла, т. е. въ силу того, что отнынѣ Волга отъ Оки до Камы и Камское устье *стали* русскимъ достояніемъ. Но чье Камское устье, того и вся дальнѣйшая Волга; а чья Волга, тому принадлежитъ и господство надъ всею восточною Европою.

На этомъ мы и остановимся; но, конечно, только *пока*; такъ какъ ясно, что за покореніемъ долженъ былъ слѣдовать рядъ мѣропріятій къ полному умиротворенію края, къ его колонизаціи, просвѣщенію и обрусенію. Обо всемъ этомъ мы вкратцѣ скажемъ въ 4 томѣ «Волги» по связи съ ходомъ событій уже вообще на всей Волгѣ отъ Казани или даже отъ Нижняго до Астрахани.

А теперь заключимъ третій томъ пожеланіемъ, чтобъ все сказанное нами въ этой части родило въ читателѣ любовное отношеніе къ Волгѣ, исполненное болѣе глубокаго смысла, нежели при простомъ разсматриваніи пейзажной стороны ея береговъ. Теперь, когда, положимъ, мы спускаемся внизъ по Волгѣ, и когда передъ нами забѣлѣютъ вдали стѣны нижегородскаго кремля, мы имѣемъ возможность не просто любоваться очень красивой картинкою, но одновременно съ этимъ вспомнить въ эту минуту свободныхъ мечтаній о той порѣ, когда здѣсь былъ рубежъ нашего отечества, тогда такого еще маленькаго. Теперь какъ-то уже трудно представить себѣ, что было время, когда вотъ именно тутъ, гдѣ идетъ нашъ пароходъ, со-

всѣмъ уже кончалась Русская земля. Далѣе пошло чужое; нѣтъ далѣе ни единой церковки, ни единой избушки русской; не увидишь тамъ русскаго человѣка, не услышишь русской рѣчи, а тѣмъ болѣе русской пѣсни; тогда никто еще не пѣлъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; тогда еще она и не была матушкою; о н а б ы л а н е н а ш а. Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ всюду обрамлялъ ея молчаливые берега. А если и раздавались по временамъ на ея берегахъ крики и говоръ, то говоръ чужой,—то говорили Мари и Эрдзяне... Дятловы горы... Скворецъ... чародѣй Дятелъ... Юрій Всеволодовичъ—всѣ эти представленія вмѣстѣ со всѣмъ предыдущимъ пріятно толпятся въ воображеніи, застилаемыя мглою минувшихъ временъ и событій, какъ бы подобною той, сквозь которую такъ заманчиво проглѣдываютъ лѣса, луга и горы далекаго горизонта въ ясный лѣтній день. Воображеніе не всегда охотно подчиняется слишкомъ ужъ подъ часъ черствому разсудку и невольно шевелитъ въ нашей душѣ тѣ чувства или рисуетъ тѣ картины прошлаго, которыхъ не можетъ воспроизвести чистый разумъ. Но въ этомъ своя прелесть, своя поэзія. Минувшее минуло: намъ не воскресить всѣхъ деталей прошлаго; мы только смутно представляемъ себѣ всю цѣпь тѣхъ ожиданій, радостей, подвиговъ, неудачъ и страданій, которыя наполняли жизнь нашихъ предковъ, добывавшихъ Волгу упорно и долго, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Вотъ онѣ, эти старыя стѣны кремля, которыми добывалась Волга!... Итакъ мы созерцаемъ не просто картинку; картинка эта теперь для насъ не нѣмая; она повѣствуетъ намъ нашу исторію... Пароходъ подходитъ ближе и ближе; его свистокъ прерываетъ мечты — и передъ нами Нижній, Нижній современный съ его неугомоннымъ шумомъ, пестротой, движеніемъ, съ его славною ярмаркою. Воскресить бы теперь его святаго основателя и показать ему его Новъ градъ Нижній: вотъ, князь, плодъ отъ брошеннаго тобою сѣмени! Подивись на силу, которая взростила этотъ плодъ. Сила эта — въ твоемъ Русскомъ народѣ; но сила эта проявилась еще только вмалѣ, и мы, живущіе теперь, знаемъ, что близко время, когда она проявится вся и когда этотъ же Нижній будетъ еще въ нѣсколько разъ лучше!...

Но что же дальше, за Нижнимъ? Мы уже видѣли, что многое и тамъ можетъ возбудить наше вниманіе: впадаетъ ли рѣчка, выступаетъ ли островъ, развертываются ли луга—мы чувствуемъ жизнь Волги, мы свидѣтели ея современной геологической дѣятельности....... А вотъ горы—свидѣтели минувшей геологической дѣятельности; вотъ живописный видъ... и вдругъ—намъ представляется какъ шествуетъ по берегу Волги по ея трущобнымъ тальникамъ среди многочисленныхъ озеръ и высокой густой травы достопочтенный и славный Макарій... Вотъ завиднѣлась и Макарьевская обитель—и опять рядъ воспоминаній и картинъ; опять—исторія. Потомъ опять острова, луга, озера, горы, рѣчки, и опять любуешься всѣмъ и видишь вѣчно продолжающійся процессъ жизни нашей великой Волги. Любуясь ея красотой, и ощущая ея жизнь, чувствуешь, что живешь вмѣстѣ съ нею, и что жизнь эта полнѣе, содержательнѣе. Когда мы на палубѣ парохода, мы отнюдь не связаны никакою программою мыслей, и, убаюкиваемыя однообразнымъ шумомъ колесъ и пара, мысли наши свободно переносятся съ предмета на предметъ, изъ которыхъ каждый что нибудь да говоритъ воображенію. Послѣ того, какъ мысли о Макаріи смѣнились мыслями о горахъ и лугахъ или, пожалуй, хоть о чайкахъ,—вдругъ взоръ упадаетъ на какой-то городъ; это—Василь. И снова всплываютъ воспоминанія или мечтанія о тѣхъ цѣляхъ, которыя родили въ головѣ основателя этого города заботу, какъ бы «учинить тѣсноту Казанской землѣ»... Потомъ, какъ будто не по связи, вспоминаются Саипъ-Гирей, Летифъ, Улу-Махметъ: въ одно и то же время готовъ и улыбнуться при этихъ именахъ и серьезно задуматься: тяжко, очень тяжко отозвались Русскимъ всѣ эти цари казанскіе. Потомъ—Монголы, средняя Азія, Субудай-Багадуръ... Болгарія, Великій Булгаръ... Итиль. Было время, это былъ далекій край, невѣдомый для Славянъ, представлявшійся полусказочнымъ. Это было какое-то тридесятое царство, о которомъ даже восточные люди, бывавшіе въ немъ, разсказывали чудеса. Не мудрено, что и въ курныхъ избушкахъ деревень, разбросанныхъ по ростовско-суздальскимъ лѣсамъ, объ этомъ царствѣ говорилось, что «тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ» что тамъ «на невѣдомыхъ

дорожкахъ слѣды невиданныхъ звѣрей», «тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны»; а кромѣ того этотъ край богатъ и славенъ... Пробраться въ эти волшебныя, заманчивыя страны было соблазнительно для предпріимчивыхъ Славянъ ильменскихъ... Не они ли безъ огня и меча рушили еще болѣе сказочное царство Біармійцевъ? Не они ли дали начало и имя новому союзу—Болгаріи? Соображенія, увлекающія мысль по этому направленію, прерываются: намъ предлагаютъ взглянуть на Фадѣевы горы; и мысль принимаетъ новое направленіе, которое, конечно, смѣнится опять и снова возстановится при взглядѣ на одинъ пунктъ, именно на Свіяжскъ. Но прежде, нежели мы успѣемъ кончить свои мысли, пробужденныя видомъ Свіяжска, Свіяжской горы и Свіяги, вдали на горизонтѣ Волги уже забѣлѣется узенькая полоска. Это, говорятъ вамъ, Казань. Казань! Такъ это Казань?! спрашиваете вы, впиваясь глазами въ едва бѣлѣющую полоску. Да, это Казань; это опять любопытная картинка, которая побудитъ васъ вспомнить о той утомительно-долгой борьбѣ, о той огромной цѣнѣ крови и горя, какою досталась намъ эта теперь мирная и прекрасная Казань, а съ нею и Волга.

Известковый камень,
отломившійся отъ горы, около $^1/_4$ версты выше села
Ташевки на прав. б. Волги.

(Къ 270-й стран. II тома).

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОБЗОРУ ВОЛГИ ОТЪ ОКИ ДО КАМЫ

ТАБЛИЦА

главнѣйшихъ волжскихъ притоковъ и самой Волги съ обозначеніемъ начальныхъ пунктовъ судоходства, пароходства, ширины, глубины, высоты уровня водъ, средняго паденія на версту и различныхъ видовъ мелей.

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства.	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (для Волги отъ Нижн. до Казани въ саж.; для пр. мѣстъ и рѣкъ въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
			Ниже Маркваша 550. 1 в. выше уст. Казанки 440. 1 в. ниже уст. Казанки 370. Средн. изъ приведенныхъ 33 данныхъ = 522 с.	С. — Васильева сѣвернымъ ходомъ . . . . . 2,6 С. — Васильева (южн. х.) . . 2,7 Вас.—Кувемет. 5. Кувем.—Казанки . . . . . . 2,93 Средняя гл. на всемъ этомъ простр., изъ измѣреній въ 735 пунктахъ, — 3,45 сажени. (Въ графѣ видовъ мелей обозначены мѣста наибольшей глубины).			
ОКА.	Орелъ.	Рязань и Серпуховъ.	Ниже Орла 30. Въ Бѣлевск. у. 40. Въ Лихвинск. у. 50. При уст. Угры 80. При Алексинѣ 120. При Серпуховѣ 150. Въ Каширск. уѣздѣ 150—200. При Калугѣ 115. Въ Рязанск. губ. средняя шир. 100; измѣняется отъ 60 до 250. Въ Тамбовской губ. средняя шир. 210 Далѣе отъ 150—300. Въ Нижнемъ у ярмарочнаго моста 330.	Въ Бѣлевск. у 5—18 ф. Въ Алекс. у. до 24 Въ Калужск. губ. 5—21 Въ Каширск. у. до 28. Въ Рязанск. губ. средняя глубина 8—15, но мѣстами 4,22,31 Въ Тамбовской губ. отъ 7—21 Далѣе, до Волги, средняя гл 3—50.	При истокѣ 770. При устьѣ 155.	Отъ устья Угры до Каширы 0,6. Для всей Оки 0,44.	Песчаныя мели и хрящеватыя косы. Наиболѣе затруднительными мѣстами до 1872 г. считались: 1. У дер. *Вороновой*, Калужск. губ., песчаная мель, длиною около версты, и островъ. 2. Противъ дер. *Голоцкой* (той же губ.) песчаная мель длиною $\frac{1}{2}$ версты и песчаная коса у праваго берега. 3. При пер. *Сивковой* (той же губ.) песчаная мель на протяженіи $\frac{1}{2}$ версты, а версту ниже — песчаная коса у лѣваго берега. 4. *Калужская* мель. 5. *Колосовская* мель представляетъ постоянныя затрудненія для прохода судовъ; только въ прибылыя воды могутъ проходить суда съ осадкою свыше 8 вершковъ. Далѣе по Окѣ ежегодно по лѣтамъ открываются песчаныя мели преимущественно въ Рязанской губерніи близь селеній Дѣднова, Ловецъ, Бѣлоомута, Гаретова и Исадъ. Глубина воды на этихъ меляхъ иногда доходитъ до 2 футовъ, такъ что суда должны паузиться.
Зуша (прит. Оки)	Мценскъ.	—	У Мценска 30.	До 6.	—	—	Вообще мелководіе лѣтомъ.
Жиздра (прит. Оки)	Отъ Бобровой пристани Жиздринскаго уѣзда сплавна; отъ Козельска судоходна.	—	До 30.	Наибольшая 7.	—	—	Мельничныя плотины и мелководіе.

Названія рѣкъ	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
Угра (прит. Оки).	Отъ г. Юхнова.	—	У Юхнова 30.	До 16.	—	—	Броды, открывающіеся по спадѣ весеннихъ водъ. Изъ нихъ извѣстны: 1. Въ 1 верстѣ ниже д. Горячкиной; глуб. $1\frac{1}{2}$ ф., шир. $1\frac{1}{2}$ саж. 2. При с. Плюсковѣ; глуб. 3 ф., шир. 3 с. 3. Тамъ же; глуб. 2 ф., шир. 15 саж. 4. При д. Пахомовой; глуб. 2 ф.; шир. 60 с. 5. При д. Смагиной; глуб. 2 ф.; шир. 30 с. 6. При устьѣ рч. Сѣчни; глуб. $2\frac{1}{2}$ ф., ширина 25 саж. 7. При д. Дворцѣ, глуб. 2 — 3 ф.
Москва (прит. Оки).	Сплавна отъ с. Васильевскаго Рузск. у Судоходна отъ г. Москвы.	Туэрное отъ г. Москвы.	При Можайскѣ 13. У устья Рузы 25. У Звенигорода 30. Выше г. Москвы 40. У Бронницъ 60. Далѣе 70.	Выше г. Москвы отъ $1\frac{1}{2}$ до 5. Ниже—отъ 5 до 30.	—	—	Сплавъ *выше* г. Москвы встрѣчаетъ значительныя препятствія въ общемъ мелководіи рѣки. Кромѣ того въ этой части рѣки есть *быстрины*: при Артехинѣ, Васильевскомъ и Агафоновѣ; *отмели:* Иславскія косы, Ильинская, Троицкая, Гнилуша, Хорошевская, Подъ лужками и Ходынская. *Ниже* г. Москвы много мелей, каковы: двѣ Котловскія, Бараньи рожки, Печатниковская, Перервинская, Коломенская, Дьяковская, Сабуровская, Баратьевская, Чагинская, Рязанцевская, Шипуловская, Угрѣшинская, Соколовская, Петровская, Свинарская, Андреевская, Заоверная, Островская, Копотецкая, Новосельская, Сорочій бродъ, Софьинская, Марковская, Дурьевская, Ожогинская, Золотовская, Камышская, Гончарская, Бобровская и Акатьевская.
Руза (прит. Москвы).	Сплавна отъ различныхъ мѣстъ.		Наибольшая 15.	—	—	—	Множество бродовъ.
Озерна (прит. Москвы).	Сплавна, начиная съ 15-й версты отъ начала.	—	Наибольшая 10.	—	—	—	Броды.
Истра (прит. Москвы).	Отъ шлюзной части.	—	До 30.	—	—	-	Броды.
Проня (прит. Оки).	Отъ Жерновицъ Спасскаго уѣзда.		Отъ 30 до 40.	Средняя 6.	—	—	Отъ Жерновицъ до Перевлѣса мелководна на разстояніи 6 в. По песчаному свойству дна фарватеръ измѣняется, однако не препятствуя тѣмъ судоходству, такъ какъ измѣненія незначительны.
Пара (прит. Оки).	Отъ с. Борка Спасскаго уѣзда.	—	—		—	—	Мелководіе.

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
Мокша (прит. Оки).	Отъ с. Кочелаева Наровчатскаго уѣзда.	—	У Кочелаева 15. При Краснослободскѣ 40. Ниже 50—70.	Въ Пензенской губ. 2 3. Въ Тамбовской губ. 3—5.		—	Мелей немного, и всѣ находятся въ Тамбовской губ.; именно: въ 30 в. ниже с. Черныхъ; при с. Бутахъ; въ 4 в. ниже послѣдней *Рогиневская* мель, близъ Пятниковскаго яра, на такъ называемой Большой лукѣ. Болѣе препятствуютъ мельничныя плотины и неустройство бичевника.
Цна (прит. Оки).	Отъ г. Моршанска.		Отъ Моршанска до Конобеева 25—35. Отъ Конобеева до устья 30 80.	У Моршанска 5. У с. Шаморги 1½. У д. Тарханъ 16. У с. Глядкова 23 При устьѣ 3.	—	0,16.	Изъ болѣе затрудняющихъ судоходство мелей слѣдующія: 1. *Альменьевская*, во 123 в. отъ Моршанска, длиною въ 3½ версты; здѣсь глубина менѣе 2 ф.; скорость теченія 1,45 въ секунду. 2. *Шаморговская*, въ 4 в. отъ предъидущей; дл. болѣе 3½ верстъ; глуб. 1,5 ф., сторость теченія 1,63 въ секунду. 3. *Новосельская*, въ 12 верст. отъ предъидущей, дл. 4½ в., глуб. 1,8 ф.; паденіе 2,15 ф. 4. *Ининская*, въ 5 в. отъ предъидущей, длиною слишкомъ 3 версты; глуб. 1,8 ф; паденіе 1,58 ф. 5. *Раковская*, въ 4 в. отъ предъидущей; длиною слишкомъ 3 в.; глуб. 2½ ф.; паденіе 2,4 ф. 6. *Березовская*, въ 10 в. отъ предъидущей; длин. 4¼ в.; глуб. 1½ ф.; паденіе 2,65 ф. Мельничныя плотины и мелководіе.
Клязьма (прит. Оки).	Отъ г. Покрова.	—	До 80	Отъ Покровскаго до Владиміра 1½. Далѣе до Коврова 2. Ниже 2½.	—	—	Судоходство встрѣчаетъ главное препятствіе въ общемъ мелководіи, въ меляхъ, являющихся въ лѣтнее время, и въ безпрерывномъ измѣненіи фарватера. Отъ Владиміра до устья считается 16 мелей, на которыхъ въ межень глубина не превосходитъ 1¼ ф. Мели эти: Добросельская, Боголюбская, *Куницынская*, *Паткинская*, въ 55 верстахъ отъ Владиміра, Андреевская, Ковровская, Каменная Банка, *Городецкая*, въ 109 в. отъ Владиміра, Венецкая, Киссаровская, двѣ Крутецкихъ въ 148 в., Красноярская въ 153 в., *Мстерская* въ 161 в., Архидьякона Стефана въ 169 в. и Люлиховская въ 228 в. отъ Владиміра. Изъ нихъ Городецкая имѣетъ длины ок. 35 с.; двѣ Крутецкія по 1½ версты и представляютъ самое большое затрудненіе для судоходства; Красноярская длиною до 30 саж., Архидьяк. Стеф. - до 200 с., Люлиховская до 150. Для углубленія фарватера у мелей, названія которыхъ отпечатаны курсивомъ, были устроены плотины
Теза (прит. Клязьмы).	Отъ г. Шуи.		Отъ 10 до 20.	Отъ 1½ до 12.	—	0,[illegible]	Въ 25 верстахъ ниже г. Шуи песчаные наносы на протяженіи 7 верстъ, составляющіе 7 отдѣльныхъ мелей, которыя въ межень имѣютъ около 1 ф. глуб. и ежегодно измѣняются въ направленіи. Мели показываются также близъ Холуя. Въ 1836 г. на Тезѣ было устроено 5 деревянныхъ однокаморныхъ шлюзовъ, именно: 1) въ 18-ти верстахъ ниже Шуи, 2) въ 24 верстахъ отъ Шуи, близъ дер. Польковъ, 3) въ 52 в. отъ Шуи при .с.

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
							Хотимлѣ, 4) въ 74 в. отъ Шуи при запрудѣ Худуйской мельницы и 5) въ 83 в. отъ Шуи, близь устья.
Керженецъ.	Сплавенъ отъ различныхъ мѣстъ на протяж. до 150 в.	—	Отъ 10 до 20.	Отъ 1 до 7.	—	—	Мелководіе.
Сура.	Сплавна отъ с. Тарлакова Кузецк. у.; судоходна отъ Пензы на 660 верстъ.		При Тарлаковѣ 15. Отъ устья Узы до Пензы 15—25. Въ Симбирской губ. 35—80. Въ Нижегородской до 100.	Отъ 4 до 12.	При Алатырѣ 225. У Васидя 149.	—	Ниже Пензы находятся мели, но могутъ быть затруднительны лишь для взводнаго судоходства и только въ такомъ случаѣ, когда осенью вода совсѣмъ не поднимается, что бываетъ весьма рѣдко. Изъ мелей въ Пензенской губ. указываются: противъ Пензы, при с. Черкасскихъ Выселкахъ, противъ с. Бессоновки, и менѣе значительныя: противъ сс. Вазеровъ, Проказны, Шукши, Исаевки, Никитенки, Александровки и Чиркова, глубина воды на нихъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ четвертей. Очень важное препятствіе судоходство встрѣчаетъ также въ многочисленныхъ каршахъ.
Ветлуга.	Сплавна отъ устья Вохмы; судоходна отъ г. Ветлуги.	Отъ г. Ветлуги (для маленькихъ пароходовъ).	Въ Ветлужскомъ уѣздѣ отъ 30 до 60. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ отъ 60 до 120. При устьѣ около 60.	Отъ 2 до 21.	Уг. Ветлуги 232. Близъ с. Бакъ 173. Устье Ветлуги, подъ 56° 19′ с. ш. и 64° 5′ в. д., 130.	—	На Ветлугѣ много отмелей, которыя въ половодье переносятся съ одного мѣста на другое и тѣмъ измѣняютъ самое русло рѣки.
Рутка.	Сплавна въ нижней части теченія.	—	До 15.	—	—	—	Мелководіе.
Большая Кокшага.	Сплавна верстахъ во 100 выше впаденія въ Волгу.	—	Отъ 20 до 80.	$2—2\frac{1}{2}$.	—	—	Открывается множество мелей.
Малая Кокшага.	Сплавна отъ Царевококшайска.	—	До 15.	—	—	—	Мелководіе.
Илеть.	Сплавна почти на всемъ протяженіи.	—	До 20.	Отъ 4 до 7.	Устье Илети подъ 55°51′ с. ш. и 65°58′ в. д., 120.	—	Быстрое теченіе, вслѣдствіе котораго разбивается много плотовъ.
Казанка.	—	Въ устьевой части у г. Казани.	До 25.	Отъ 5 до 7.	Устье Казанки, подъ 53°47′ с. ш. и 66°42′ в. д., 116.	—	Мелководіе.

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
Кама.	Отъ Вишеры	Отъ Перми	Ниже Кая до 50. Въ Чердынскомъ уѣздѣ отъ 40 до 60, а мѣстами до 170. Въ Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ отъ 150 до 400. Въ Оханскомъ отъ 300 до 1 версты. При устьѣ Вятки 400. При Чистополѣ 250. При Лаишевѣ 350. При устьѣ 1 верста.	Въ Чердынскомъ у. отъ 7 до 10. Въ Соликамск. и Пермск отъ 9 до 15. Отъ Чусовой до Бѣлой отъ 7 до 56. Близъ Сокольихъ Горъ отъ 75 до 80. При Чистополѣ 30. При Рыбной слободѣ 60. При Лаишевѣ 28. При устьѣ 42.	—	Въ Пермской губерніи отъ 1 до $2\frac{1}{2}$.	До впаденія Вишеры лѣтомъ открывается много мелей. Далѣе, постоянно существующія мели: 1. Противъ ц. *Териной* въ 5 в. выше Соликамской пристани. 2. Въ 3 в. выше д. *Питеръ* Соликамскаго у. На этихъ 2-хъ меляхъ глубина бываетъ 3 до $3\frac{1}{2}$ ф. 3. *Соромскія*, въ 5 в. ниже Чермосскаго завода, въ Солик. у. 4. *Шеметинскія*, въ 4-хъ в. ниже Палазнинскаго завода, Пермскаго у. 5. *Хохловская*, 7 в. ниже предъидущей. На этихъ 3-хъ меляхъ глубина въ межень бываетъ около $2\frac{1}{2}$ ф. 6. Противъ с. *Нижнихъ Муллъ*, Пермскаго у. 7. *Островская*, противъ с. Березника, въ 5 в. выше Оханска. Черезъ эти двѣ мели суда съ осадкою не болѣе $3\frac{1}{2}$ ф. могли бы проходить безпрепятственно, еслибы фарватеръ былъ прямой; но онъ чрезвычайно извилистъ въ этихъ мѣстахъ, и прохожденіе судовъ, особенно буксируемыхъ пароходами, весьма затруднительно. Далѣе, отъ впаденія Бѣлой, мели на Камѣ хотя и встрѣчаются, но особенныхъ препятствій судоходству не представляютъ. Главное препятствіе представляется во время половодья отъ очень сильнаго теченія.
Вишера (прит. Камы).	Сплавна отъ устья Улсуя. Судоходна отъ устья Колвы.	—	Отъ 50 до 160.	Отъ 4 до 28.	При устьѣ Колвы 900.	—	Неудобства въ отношеніи сплава и судоходства составляютъ карши, мели и нерасчищенный бичевникъ. Мели на судоходной части рѣки состоятъ изъ песчаныхъ наносовъ и хотя существуютъ постоянно, все же ежегодно болѣе или менѣе измѣняютъ свое положеніе. Въ межень глубина ихъ бываетъ не болѣе 2 ф. На протяженіи 9 верстъ отъ устья находятся слѣдующія три мели: 1. *Мошленская*, въ 5 в. отъ дер. Сартиковой. 2. *Фроловская*, противъ д. Froловой. 3. Кондратьевская, противъ д. Кондратьевой.
Колва (прит. Вишеры).	Сплавна въ 40 верстахъ ниже истока. Судоходна отъ устья Вишерки на 63 версты.	—	Отъ 10 до 25.	Отъ $2\frac{1}{2}$ до 4.	—	—	Судоходству препятствуютъ: извилистое теченіе, карши, пороги и мели; послѣднія открываются только во время засухъ. Главныя изъ мелей находятся на протяженіи 2-хъ верстъ ниже г. Чердыни и извѣстны подъ именемъ *Чудовскихъ* Утесы мѣстами образуютъ пороги и опасныя для судовъ прибрежныя скалы, каковы: *Свѣтикъ*, *Боецъ*, *Пасынокъ*, *Бобыльскій*, *Дивій* и *Ветланъ*

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства.	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ).	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
Пожва (прит. Камы).	Сплавна отъ Пожевскаго завода.	—	До 5.	Отъ 4½ до 12.	—	—	Мелководіе.
Инва (прит. Камы).	Сплавна отъ с. Кудымкорскаго Соликамск. у. Судоходна отъ Никитинскаго завода.	—	Отъ 20 до 50.	Отъ 2 до 12.	—	—	Мелководіе и заводская плотина.
Обва (прит. Камы).	Сплавна на большей части своего теченія. Судоходна весною отъ с. Рождественскаго.	—	Отъ 30 до 60.	Отъ 5 до 15.	—	—	Мелководіе.
Чусовая (прит. Камы).	Отъ Ревдинскаго завода.	—	50, 80 до 150.	1—7, мѣстами до 21.	При Ослянской, подъ 57° 58′ с. ш. и 76° 28′ в. д., 555. У Кыновскаго завода, подъ 57° 52′ с. ш. и 76° 20′ в. д., 583. При Илимкѣ, подъ 57° 30′ с. ш. и 76° 44′ в. д., 792. При Уткинской, подъ 57° 2′ с. ш. и 77° 13′ в. д. 926.	-	(О неудобствахъ судоходства см. во II т., въ описаніи Чусовой).
Сылва (прит. Чусовой).	Сплавна отъ устья Вогулки. Судоходна отъ Молебскаго зав.	—	Отъ 25 до 75.	Отъ 4 до 11.	—	—	Мелководіе и извилистое теченіе.
Бѣлая (прит. Камы).	Отъ Бѣлорѣцкаго зав., въ 70 в. ниже истока.	Отъ Уфы.	Въ Оренбургской губ. до 45. До устья Уфы 80. Ниже — отъ 175 до 250.	Въ Оренб. губ. 1½—5. До устья Уфы до 10. Ниже до 21 и болѣе.	-	Въ Оренб. губ. 2.	Быстрое и извилистое теченіе рѣки, а въ верхней части мелководіе и береговые утесы, при которыхъ быстрота теченія увеличивается.

Названія рѣкъ.	Начальные пункты судоходства.	Начальные пункты пароходства	Ширина (въ саженяхъ).	Глубина (въ футахъ).	Высота уровня водъ надъ моремъ (въ футахъ)	Среднее паденіе на версту (въ футахъ).	Различные виды мелей и нѣкот. друг. препятствія судоходству.
Уфа (прит. Бѣлой).	Отъ Уфалейскаго завода.	—	Въ Пермской губ. отъ 20 до 60. Въ Уфимской до 80 и мѣстами болѣе.	Отъ 4 до 12 и мѣстами до 17.	—	—	Мелководіе и извилистое теченіе.
Вятка (прит. Камы).	Сплавна отъ устья Омутницы. Судоходна отъ г. Слободскаго.	Отъ г. Вятки.	У г. Слободскаго 120. Въ Яранскомъ у. 200. Далѣе отъ 150 до 300.	У Слободскаго 35. Въ Яранскомъ у. до 49. Далѣе столько же и мѣстами болѣе.	—	—	Изъ болѣе значительныхъ мелей слѣдующія: 1. Противъ г. Вятки рѣка раздѣляется мелями на нѣсколько рукавовъ. 2. У с. *Филейскаго*, нѣсколько ниже р. Великой, и вообще между гг. Вяткою и Орловымъ. 3. Ниже устья р. Суноди. 4. Противъ устья Буя. 5. Пониже устья Уржумки. 6. Противъ устья Тушмы. 7. Близъ Мамадыша.
Молома (прит. Вятки).	Сплавна отъ с. Фроловскаго. Способна къ судоходству отъ устья Кобры.		Отъ 30 до 60.	Отъ 2 до 14.	—	—	Мелководіе.
Чепца (прит. Вятки).	Сплавна отъ устья Пизепа.	—	Въ Глазовскомъ у. 25—35. Противъ с. Сезеневскаго, въ 80 верстахъ выше устья 114.	Въ Глазовскомъ у 14—21. Ниже отъ 4½ до 7.	—	—	Мелководіе.
Кильмезь (прит. Вятки).	Отъ устья р. Ута на 120 верстъ.		Отъ 10 до 25.	Отъ 1 до 23.	—	—	Мелководіе.

ТАБЛИЦА

рѣкъ, рѣчекъ и нѣкоторыхъ (имѣющихъ собственныя имена) ручьевъ, питающихъ ВОЛГУ.

Примѣчанія: 1. Числа, означающія длину рѣкъ, выставлены тѣ, какія были получены измѣреніями по картамъ въ 10-тиверстномъ масштабѣ. Въ случаяхъ, когда для протяженія рѣки имѣлись данныя изъ матеріаловъ, мы выставляли и ихъ въ скобкахъ и кавычкахъ.

2. Нумерація рѣкъ составляетъ продолженіе нумераціи соотвѣтствующей таблицы въ I-мъ томѣ.

256. **Ока** п. $\frac{«1830»}{1400}$ («до 1400»).
У нея: (см. особую табл., озаглавл. «*Бассейнъ Оки*»).
257. **Вевломка** л. ок. 50.
258. *Нуженка* л. ок. 12.
259. *Рахма* л. ок. 15.
260. **Вáтома** л. 38.
261. **Старушка** л. ок. 7.
262. **Кудьма** п. 115 («90»).
У нея: 1. **Сечуга** п. 30.
2. **Шилокша** л. 25.
3. **Ункоръ** п. 33.
4. **Озерка** п. 56.
У нея: 1. **Пичесъ** л. 26.
2. **Пустеръ** л. 30.
5. **Шава** п. 27.
263. *Татинка* п.
264. *Нюжма* л. ок. 20.
265. *Киттмера* (*Китнеръ*) п. 27.
266. **Керженецъ** л. 233 («175 — 200»).
У него: 1. **Бѣлбажъ** (на картахъ Бѣльмошь и Бельмошь) п. 32.
2. **Козленецъ** п. 26.
3. **Мошня** л. 30.
4. **Песочня** п. 29.
5. **Ухтышъ** л. 26.
6. **Черная** л. 29.
7. **Яловша** л. 30.
267. **Сундовикъ** п. 66 («60»).
268. *Черная Маза* л. ок. 15.
269. **Большая Маза** л. ок. 30.
270. *Комариха* (= *Балчуга*?) л. 12.
271. *Каменка* (вмѣстѣ съ *Разнѣжскою* заводью) л. 18.
272. *Коноплянка* л. ок. 15.
273. **Чугунка** п. 30.
274. **Сура** п. $\frac{«659»}{810}$ («800», «до 1000»)*).
У нея: 1. **Труевъ** л. 52.
2. **Тешняръ** п. 45.
3. **Катмисъ** п. 28.
4. **Кадада** л. 130.
У нея: 1. **Елань-Кадада** л. 57.
У нея: **Илимъ** п. 27.
2. (у Кадады) **Тютняръ** п. 25.
3. **Камишкирь** п. 26.

---

*) Цифра 860, данная на 182 стр. II-го тома, получена при измѣр. по картамъ въ 20-верстномъ масштабѣ, а выставленная въ настоящей таблицѣ 810 получена измѣреніемъ по вдвое болѣе крупнымъ картамъ «Спец. карты Россіи» Стрѣльбицкаго.

5. [illegible]ловъ (вверхъ по Ружду-
му) п. 45.
6. Ишимъ п. 30.
7. Калдаисъ л. 42.
8. Уза л. 167.
У нея: 1. Поштокомякъ п. 32.
2. Вершаутъ л. 38.
У него: Лиляевка п. 28.
3. Чердымъ л. 55.
4. Няньга л. 61.
У нея: Кандаль л. 26.
9. Пенза л. 60 («до 60»).
У нея: 1. Елань п. 29.
2. Вязовка л. 25.
3. Ардымъ п. 35.
10. Вяда п. 33.
11. Иванырсъ п. 34.
12. Шукша л. 69.
13. Айва п. 69.
У нея: 1. Вежаевка п. 30.
14. Пелетьма л. 57.
У нея: 1. Ломовка п. 40.
15. Вьясъ л. 40.
16. Инза (въ верховьѣ отъ с. Вороновки) п. 100.
У нея: 1. Кеньша л. 26.
2. Сызганъ п. 30.
3. Сюксюмъ п. 46.
4. Маисъ (вверхъ по Виргану) л. 31.
17. Умысъ л. 28.
18. Кша Б. л. 34.
У нея: 1. Кша М. л. 27.
19. Аргашъ п. 25.
20. Тала п. 30.
21. Штырма л. 50.
22. Лама л. 31.
23. Чеберчинка л. 47.
24. Барышъ п. 207 («до 180»).
У нея: 1. Стемасъ п. 26.
2. Карсунка л. 40.
У нея: Карсунка л. 34.
3. Урень п. 42.
4. Якла п. 48.
25. Сарка Б. л. 60.
26. Сарка М. л. 39.
27. Бездна п. 77 («80»).
У нея: 1. Балмандышка л. 28.
28. Алатырь л. 267 («280»).
У него: 1. Ирсеть п. 36.
2. Рудня п. 69.
3. Иклей л. 29.
4. Инсаръ п. 138.
У него: 1. Пырма п. 34.
2. Лемжа л. 27.
3. Тавла п. 31.
4. Аморда п. 40.
5. Атьма Б. л. 42.
6. Атьма М. л. 27.
5. Нуя п. 51.
29. Люля п. 35.
30. Сіява п. 30.
31. Киря п. 78.
32. Меня л. 66.
33. Киша л. 40.
34. Алгашка п. 37.
35. Мѣдяна Б. л. 66 («50»).
У нея: Мѣдяна М. п. 32.
36. Пьяна л. 345 («до 300»).
У нея: 1. Сала л. 27.
2. Чека л. 48.
3. Ежать л. 53.
У нея: 1. Шнара л. 26.
2. Аратка (вверхъ по Кочкоемкѣ) л. 52.
3. Пекшать п. 34.
4. (у Пьяны) Келя л. 28.
5. Вадка л. 41.
6. Кетарша п. 26.
7. Пица п. 27.
8. Пара п. 29.
9. Анда л. 35.
37. Урга л. 148.
У нея: 1. Имза л. 84 («120»).
2. Уранга п. 40.
38. Выла п. 45.

275. *Возгрѣвка* п.
276. *Хмѣлевка* п. ок. 15.
277. *Лотоша* п. ок. 10.
278. Дорогуча л. 65.
279. *Шумецъ* п. ок. 7.
280. *Сумка* п. ок. 20.
281. **Ветлуга** $\frac{\text{«550»}}{\text{706(«606», «700»)}}$.

У нея: 1. Матюгъ п. 26.
2. Черная п. 26.
3. Паозерь л. 41.
У нея: 1. Нерюга л. 28.
4. Люптюгъ (вверхъ по Сосновкѣ) п. 37.
5. Шортюгъ (вв. по Оленьей) л. 33.
6. Вохма п. 120 («до 200»)
У нея: 1. Пенома п. 26.
2. Парюгъ М. л. 30.
3. Парюгъ Б. л. 35.
3. Нюрюгъ л. 36.
5. Вочь п. 60.
6. Ирдомъ (вв. по Каменкѣ) л. 45.
7. (У Ветлуги) Лекма п. 28.
8. Якшенга л. 58.
9. Пижма п. 30.
10. Пыщугъ п. 57.
11. Сухой Фердосъ п. 29.
12. Фердосъ п. 28.
13. Шистома (вв. по Черной) п. 29.
14. Яшанга Б. л. 27.
15. Утросъ Б. п. 27.
16. Якшенга Б. (вверхъ по Крутой) л. 40.
У нея; 1. Якшенга М. л. 38.
17. Нея (вв. по Черной) л. 78.
У нея: 1. Хмѣлевка п. 35.
18. Какша Б. л. 93 («до 100»).
У нея: 1. Кукъ Б. п. 29.
2. Шуя Б. л. 36.
3. Вохтома Б. л. 39.
19. Какша М. (вв. по Месковой) л. 70.
20. Волъ (вв. по Афанасовкѣ) п. 75.
У него: 1. Нужня л. 49.
21. Пижугъ п. 32.
22. Шуда п. ок. 30.
23. Лопшанга п. ок. 80.
У нея: 1. Шада л. ок. 40.
24. Курдома п. 26.
25. Уста л. 193.
У нея: 1. Шаранга л. 26.
2. Вая п. 58.
3. Темта (вв. по Сосновкѣ и Ползневкѣ) п. 28.
4. Лукерья Б. л. 28.
5. Черная п. 48.
6. Ижма (вв. по Сеньгѣ) л. 51.
26. Юронга л. 46.
У нея: 1. Кума л. 33.
27. Икша л. 30.
28. Рижумъ (выше на картѣ Кыжимъ) л. 26.
29. Люнда п. 94 («100»).
282. Б. Юнга п. 50.
283. *М. Юнга* п. ок. 20.
284. Рутка л. 100 («250»).
У нея: 1. Покшашъ п. 28.
285. Арда л. 32 («30»).
286. *Сундырка* п. ок. 25.
287. Паратъ л. ок. 45 («до 70»).
288. *Шешкарка* п. («ок. 15»).
289. *Кинярка* п. ок. 10.
290. *Черный* п.
291. *Вурманка (Вурнарка)* п
292. *Сюктера* п.
293. (Безъимен. рч. верстъ 8 — 9 передъ Чебоксарами) л. 10 — 12.
294. *Завражный* п.
295. *Травянка* л. ок. 10.
296. *Чебоксарка* п. 12.
297. *Гремячевскій* п.
298. *Кувшинг* п. 7—8.
299. *Чинурша* (*Уржумка* тожъ?) л. ок. 15.
300. Цывиль п. 150 («195»).
У него: 1. М. Цивиль л. 90.
У него: 1. Сорма л. 43.
2. Шатьма Б. л. 28.
3. Унга л. 56.
2. Рыкша л. 33.
301. *Верхняя Сундырка* (*Черная* тожъ?) п. 8.
302. *Сундырка* п. ок. 20.
303. Б. Кокшага л. 214 («до 200»).
У нея: 1. Мамокша л. 42.
2. Кундышъ п. 126 («50»).
304. М. Кокшага л. 165 («до 150»)
У нея; 1. Ошла Б. п. 45.

2. Ошла п. 50.
3. Кундышъ л. 90 («80»).
У него: 1. Шуля п. 28.
305. *Кознарка* п.
306. *Звенига* л.
307. *Кинерка* п. 13.
308. Илеть л. 185 («до 240»).
У нея: 1. Шара л. 40.
2. Ировка (вв. по Кокшеру) п. 61.
3. Ашитъ л. 75.
4. Маламашъ (вв. по р. неизвѣстнаго имени) п. 40.
5. Петьялъ л. 40.
309. Анишъ п. 53 («50»).
У него: 1. М. Анишъ п. 27.
2. М. Анишъ п. 29.
310. *Бѣлая Воложка* п. 20.
311. *Качемировка* п. ок. 25.
312. Сумка л. ок. 30 («60»).
313. Свіяга п. 365 («380»).
У нея: 1. Свіяга л. 33.
2. Ташла п. 26.
3. Гуща л. 56.
4. Сельдь л. 58.
5. Вирючъ л. 49.
6. Цыльна л. 55.
У нея: 1. Цыльна п. 27.
7. Тильча л. 33.
У нея: 1. М. Тильча л. 23.
8. Кильна (вв. по Урюмкѣ) п. 33.
9. Карлы л. 70.
10. Була л. 96 («100»).
У нея: 1. М. Була л. 29.
2. Черемшанъ л. 30.
11. Улема п. 59.
12. Бія л. 25.
13. Сухая Улема п. 41.
14. Имелла л. 30.
15. Бирля л. 37.
16. Кубня л. 132.
У нея: 1. Урюмъ л. 37.
2. Ута л. 38.
17. Аря л. 46.
У нея: 1. Бува л. 32.
18. Сулица п. 46.
314. *(Безъименн.)* п. 6—7.
315. *Марквашка* п. 14.
316. Казанка л. ок. 140 («150»).
У нея: 1. Кисьмесь л. 30.
2. Сайра (вв. по ея прит. Крылайкѣ) п. 26.
3. Сула п. 25.
4. Нокса п. 36.
317. *Воробьевка* п. 5—7.
318. *Тенька* пр. ок. 14.
319. (*Безъименн.* у дер. Антоновки) п.
320. Кама л. $\frac{«1050}{1760}$ («отъ 1500 до 1600»).
У нея: (см. особую табл., озаглавленную: «*Бассейнъ Камы*»).

Изъ перечисленныхъ здѣсь 65 притоковъ Волги 36 — правые, 29 — лѣвые. Общее протяженіе правыхъ притоковъ 3377 в.; лѣвыхъ — 3921.

Такимъ образомъ распредѣленіе притоковъ вообще и большихъ притоковъ въ частности по обѣ стороны Волги на протяженіи ея отъ Оки до Камы значительно равномѣрнѣе, нежели на верхней Волгѣ.

ТАБЛИЦА ВОЛЖСКИХЪ МЕЛЕЙ.

Примѣчаніе. Нумерація мелей составляетъ продолженіе нумераціи соотвѣтствующей таблицы въ I томѣ «Волги».

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
123. **Стрѣлка,** коса, образующаяся сліяніемъ Оки съ Волгою.		Мель у стрѣлки измѣняется ежегодно и даже не разъ въ теченіе меженняго времени, принимая совершенно различныя направленія и имѣя по два фарватера и болѣе.
124. **Боровской** перекатъ.	У приверха Козьяго острова.	На перекатѣ этомъ тоже часто бываютъ измѣненія въ фарватерѣ; въ иные годы бываетъ даже не одинъ фарватеръ. Между Фофановыми горами и Козьимъ островомъ есть теченіе въ воложку; еслибы оно было загорожено рыжами или плотиною, то переката, полагаютъ, здѣсь не было бы; между тѣмъ бывали года (какъ напр. 1872), когда суда извѣстной осадки, проходившія до этого переката, должны были паузиться здѣсь для того, чтобы пройти какихъ нибудь 5—6 верстъ до пристани.
125. **Подновскій** перекатъ.	У Подновья (на картѣ противъ буквы *е*, выставленной на Козьемъ островѣ).	Фарватеръ здѣсь достаточно глубокъ, но узокъ. Подходя къ Подновскому яру, необходимо имѣть по горному яру створные маяки. А пройдя яръ, встрѣчается печина и побочень, которые для ночнаго времени должны быть обставляемы бакенами.
126. **Телячій бродъ** мель.	Между Артемьевскими лугами и Савинымъ островомъ.	Это былъ самый дурной изъ всѣхъ перекатовъ, но съ установкою плотинъ, хотя не совсѣмъ удовлетворительныхъ, перекатъ этотъ почти уничтожается, такъ что, на пр., въ 1876 г. на немъ даже не ставились бакены.

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
127. **Собачій проранъ.**	Въ концѣ Артемьевскихъ луговъ.	Фарватеръ Волги у Собачьяго прорана хотя и глубже, чѣмъ на перекатахъ, но попасть на него очень трудно. Вообще это мѣсто весьма опасное и разбоистое. Вслѣдствіе встрѣчи луговыхъ песковъ съ горными, ниже Собачьяго прорана, необходимо ставить освѣщающіеся створные знаки на луговомъ яру.
128. **Безводнинскій перекатъ.**	Тотчасъ ниже села Безводнаго.	Безводнинскій перекатъ образуется разливомъ Волги на широкое пространство; розсыпь отъ луговыхъ песковъ встрѣчается съ песками горными (т. е. горной стороны) и образуетъ перекатъ. Онъ представляетъ затрудненіе при сбѣгѣ пароходовъ внизъ и при подъемѣ вверхъ; самый же ходъ по немъ безопасенъ; а потому только на подъемѣ и сбѣгѣ необходимы створные знаки или бакены.
129. **Кадницкій перекатъ.**	У села Кадницъ, между Кудьминскимъ островомъ и Жуковскимъ затономъ.	Кадницкій перекатъ былъ обставляемъ бакенами безъ створовъ. Слѣдуетъ весенній знакъ на ухвостьѣ Жукова яра освѣщать и въ межень, такъ какъ главное затрудненіе состоитъ здѣсь въ томъ, что представляется опасность зайти снизу въ Жуковскій затонъ, а сверху, держась на знакъ, какъ на маячный огонь, можно пройдти свободно этотъ перекатъ. Безъ огня же на маякѣ проходъ этимъ перекатомъ всегда опасенъ по широкой и продолжительной розсыпи.
130. **Татинская гряда.**	У с. Татинца.	На грядѣ этой необходимо ставить одинъ или два освѣщенные бакена, такъ какъ нерѣдко случалось, что пароходъ, уклоняясь отъ гряды, ничѣмъ не обозначенной и оттѣняемой горами, заходилъ на луговой песокъ.
131. **Юркинскій перекатъ.**	У с. Юркина.	Онъ образуется встрѣчею *Юркинскаго* осередка (противъ устья р. Китмера) съ луговымъ пескомъ; довольно широкъ и прямъ, но

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
		для ночнаго хода необходимы въ горахъ освѣщаемые створные знаки.
132. Верхній **Керженскій** перекатъ.	У впаденія рѣки Керженца.	Былъ обставляемъ знаками удовлетворительно.
133. **Нижній Керженскій** перекатъ.		Долженъ быть обставленъ освѣщающимися бакенами.
134. **Исадскій** перекатъ.	Между Макарьевымъ и Исадами.	Онъ образуется встрѣчею ухвостья лысковскаго затоннаго острова съ луговымъ пескомъ. Необходимы створные маяки въ горномъ яру. Идя внизъ по горному яру, встрѣчается печина, на которой долженъ быть помѣщаемъ освѣщенный бакенъ.
135. **Просѣцкій** перекатъ.	Пониже села Просѣка.	Перекаты и перевалы образуются здѣсь розсыпями высокихъ песковъ на всемъ пространствѣ отъ Просѣка до Кременокъ. Перекатовъ здѣсь нѣсколько; они мелки, кривы и опасны; но всѣ ихъ или большую часть можно исправить подвижными плотинами. Для безопаснаго хода все это пространство должно быть обставляемо освѣщаемыми створными знаками и бакенами, смотря по характеру образовавшагося переката, что опредѣлить заранѣе нѣтъ возможности, такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ пески пересыпаются и измѣняютъ фарватеръ не только ежегодно, но и въ теченіе одной навигаціи.
136. **Крестовскій** перекатъ.	Пониже предъидущаго.	
137. **Осельскій** перевалъ.	Противъ с. Оселокъ и ниже, между Великовскою заводью и Шелковымъ затономъ.	
138. **Осельскій** перекатъ.		
139. **Барминскіе** огрудки.	Повыше с. Бармина въ горной.	Здѣсь необходимы освѣщаемые бакены.
140. **Барминскій** перевалъ.	Ниже с. Бармина.	Должны быть освѣщаемые знаки; а на луговомъ яру близь рѣчки — створные знаки.
141. **Сомовскій** перевалъ.	У д. Сомовки.	Ухвостье Сомовскаго острова и приверхъ горнаго Фокинскаго песка должны быть освѣщаемы бакенами.
142. **Фокинскій** перекатъ.	Пониже с. Фокина.	Фокинскій перекатъ образуется изъ розсыпей горныхъ и луговыхъ песковъ и осередковъ, весь-

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
		ма часто пересыпающихся. Можетъ быть исправленъ подвижными плотинами. Знаками обставляется удовлетворительно.— Вслѣдствіе большаго протяженія и поворотовъ между песками необходимы створные знаки, освѣщаемые ночью яркимъ огнемъ.
143. **Коноплянскій перевалъ.**	Верстъ 7 выше Василя-Сурска, противъ устья рч. Коноплянки.	Долженъ быть перевальный освѣщаемый знакъ. На приверхѣ Чугунскаго острова также долженъ быть освѣщаемый знакъ.
144. **Верхне-Сумскій** перекатъ. 145. **Нижне-Сумскій** перекатъ,	Противъ Сумскаго острова, который начинается отъ устья рч. Сумки.	Сумскіе перекаты начинаются розсыпью выше Сумскаго острова и образуются вверху встрѣчею горныхъ песковъ съ луговымъ побочнемъ, а внизу встрѣчею песковъ горнаго острова съ луговыми песками. Все это кривое и разбоистое мѣсто необходимо обставить освѣщаемыми створными перевальными знаками и бакенами. Сумскіе перекаты пересыпаютъ свои пески и могутъ быть исправлены подвижными плотинами. На ухвостьѣ Шумецкаго острова долженъ быть освѣщенный знакъ для опредѣленія входа въ пески. Въ концѣ нижняго переката створные знаки должны быть освѣщены яркими огнями. О верхнемъ перекатѣ слѣдуетъ замѣтить, что онъ имѣетъ два хода, изъ которыхъ старый, болѣе мелкій, слѣдуетъ загородить плотиною, черезъ что углубится второй; иначе бываетъ, что по выходѣ съ переката караванъ валится теченіемъ стараго фарватера по старому ходу на горный песокъ.
146. **Троицкій перекатъ.**	Ниже впаденія Ветлуги и Юнги.	Троицкій перекатъ съ годами спускается ниже и ниже; въ 1876 г. онъ спустился до Троицкаго острова. Полезно было бы загородить входъ по-за-острову въ луговую плотиною, чтобы усилить горный фарватеръ; иначе вода лежитъ прямо на приверхъ острова и срываетъ его. Перекатъ былъ обставляемъ знаками удовлетворительно.

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
147. **Руткинскій перекатъ.**	Пониже Козьмодемьянска, на 1430-й верстѣ Волги.	Полезно поставить освѣщаемый знакъ или на руткинскомъ яру, или на приверхѣ козьмодемьянскаго острова.
ТУРИЧЬИ острова и: 148. **Костоватый перевалъ,** 149. **Верхнетуричій перевалъ,** 150. **Среднетуричій перевалъ,** 151. **Нижнетуричій перевалъ,** 152. **Орѣховскій яръ и перевалъ.**	Вслѣдъ за предъидущимъ до впаденія Сундырки.	Не было никакихъ перевальныхъ или другихъ знаковъ, и лоцмана отъискиваютъ повороты по ветламъ, часто принимая одну ветлу за другую и сбиваясь такимъ образомъ съ пути. Всѣ перевалы необходимо обставить створными знаками съ яркими огнями.
153. **Кинярская мель и перевалъ.** 154. **Шешкарская мель.**	Одна за другую по впаденіи р. Парата.	
155. **Сосуниха перекатъ и Боровской перевалъ.**	Между 1460 и 1470-й верстами Волги, за 10, за 15 верстъ до Чебоксаръ.	Перекатъ на Сосунихѣ былъ обставляемъ удовлетворительно. На ухвостьѣ Маслова острова полезно поставить освѣщаемый знакъ. Кривизна здѣшняго плеса, полагаютъ, можетъ быть исправлена плотинами.
156. **Чебоксарская мель.**	Уг. Чебоксаръ.	Мель эту можно исправить плотинами. Была обставлена знаками удовлетворительно.
157. **Гремячевскій перекатъ.**	Пониже предъидущаго, противъ дер. Гремячева.	Былъ обставляемъ знаками удовлетворительно.
158. **Козинскій перекатъ.**	Противъ островов Козина и Ишлиха, лежащихъ противъ впаденія Цывиля.	Необходимо обставлять знаками и бакенами. Огни у створныхъ знаковъ должны быть весьма сильны.
159. **Ураковскій перекатъ.**	Пониже впаденія М. Кокшаги, противъ дер. Уракова.	Ураковскій перекатъ, одинъ изъ самыхъ мелкихъ, образуется встрѣчею песковъ острова съ горной розсыпью. Есть другой судовой ходъ — въ луговую поза-острову. Необходимо плотинами образовать одинъ фарватеръ, вслѣдствіе чего перекатъ

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
		уничтожится самъ собою. Знаки и бакены должны быть ставлены сообразно образованію переката и освѣщаемы огнями.
160. **Кушниковскій перекатъ.**	Названъ по имени села Кушникова, стоящаго версты 4 ниже Уракова.	Былъ исправляемъ плотинами; тѣмъ не менѣе проходъ былъ мелокъ и кривъ.
161. **Чекурскій перекатъ.**	Между Звенижскимъ и Чекурскимъ затонами (близъ 1540-й версты).	Перекатъ этотъ долженъ быть исправленъ подвижными плотинами и обставляемъ створными знаками и бакенами. По мнѣнію нѣкоторыхъ полезно обставлять знаками вновь образовавшійся фарватеръ по луговой, по-за-острову (на 1540-й верстѣ), или на приверхѣ этого острова имѣть освѣщаемый въ теченіе всей навигаціи знакъ.
162. **Кріушинскій перекатъ.**	Передъ Кріушинскимъ островомъ и дер. Кріушами.	Кріушинскій перекатъ образуется встрѣчею горнаго и луговаго песковъ. На луговомъ яру необходимо долженъ быть освѣщаемый створный знакъ.
163. **Анишскій перекатъ.**	Между впаденіемъ Аниша и Илети.	Перекатъ этотъ образуется горными песками, встрѣчающимися съ луговымъ побочнемъ пониже устья Илети. Онъ можетъ быть исправленъ плотинами и долженъ быть обставляемъ освѣщаемыми створными знаками и бакенами.
164. **Курочкинъ перекатъ.**	На границѣ Чебоксарскаго и Свіяжскаго уѣздовъ, противъ Вильнаго или Курочкина затона.	Обставляемъ знаками удовлетворительно.
165. **Розсыпь.**	Повыше с. Вязовыхъ.	Необходимо обставить освѣщенными бакенами. А на луговомъ яру пониже Вязовыхъ долженъ быть створный или перевалочный знакъ.
166. **Гуляевскій, или Васильевскій перекатъ.**	У островковъ того же имени близъ впаденія Свіяги.	Судовые ходы здѣсь мѣняются очень часто; необходимы освѣщаемые створные знаки. Изъ двухъ фарватеровъ одинъ долженъ быть загороженъ плотиною, чтобы углубился другой. На выходѣ изъ Васильевской во-

Названія и виды мелей и нѣкоторыя другія препятствія судоходству.	Мѣстонахожденіе.	Различныя замѣчанія относительно состоянія мелей (преимущественно въ 1877 г.).
		ложки, противъ с. Васильевскаго, въ луговомъ яру необходимо ставить освѣщаемые створные знаки.
167. **Матюшинскій перекатъ.**	Между с. Ключищами и дер. Матюшиной.	Перекатъ этотъ долженъ быть обставляемъ бакенами и створными знаками. Можетъ быть исправленъ плотинами.
168. **Шелангинскій перекатъ.**	Пониже с. Шеланги.	Чтобы фарватеръ на перекатѣ углубился, слѣдуетъ преградить слабое теченіе Волги по-за-острову. А до того времени слѣдуетъ обставлять ходъ знаками и бакенами.
169. **Лобышкинская розсыпь.**	У дер. Лобышки.	Розсыпь эта тянется на протяженіи 3—4 верстъ. Должна быть обставлена освѣщающимися знаками и бакенами; на сбѣгѣ и на подъемѣ ея необходимы маяки.
170. **Буртасскій перекатъ.**	Между сс. Тенькеми и Буртасами.	Перекатъ этотъ образуется встрѣчею косы отъ полуострова, образующаго Теньковскій затонъ, съ луговыми песками. Необходимо долженъ быть обставляемъ бакенами и створными знаками. Пониже Буртасъ противъ поворота въ луговую мимо Красновидовской косы, въ луговой долженъ быть створный знакъ.
171. **Красновидовская мель.**	У с. Красновидова.	Чтобы углубить фарватеръ, слѣдуетъ съузить слишкомъ расширившееся русло постановкою направляющей плотины съ луговой стороны. Мель должна быть обставляема бакенами и маяками.
172. **Антоновская розсыпь.**	У с. Антоновки (на 1660-й верстѣ); составляетъ непосредственное продолженіе предъидущей мели.	Здѣсь фарватеръ необходимо долженъ быть обставляемъ бакенами, такъ какъ ходъ затруднителенъ даже днемъ.
173. **Богородскій перекатъ.**	Противъ с. Богородскаго, или Камскаго устья.	Онъ образуется встрѣчею песковъ осередка съ луговыми песками и зависитъ отъ большаго или меньшаго подпора воды Камою.
174. **Камское устье.**		Для ночнаго хода долженъ быть маякъ повыше Старой Камы, въ луговой, чтобы избѣжать горныхъ песковъ, и затѣмъ для обхода Свѣтлой косы также долженъ быть маякъ при входѣ въ Чертыкъ въ горномъ яру.

21*

ТАБЛИЦА

затоновъ и другихъ мѣстъ для зимовокъ отъ Рыбинска до Камы.

На съѣздѣ представителей пароходства и судоваго промысла по Волжскому бассейну, бывшемъ въ 1877 г., всѣ мѣста зимовокъ были раздѣлены на слѣдующія IX разрядовъ:

I. Вполнѣ благонадежныя зимовки для значительнаго числа большихъ судовъ, при чемъ поблизости имѣются ремонтныя заведенія.

II. Такія же зимовки, но вблизи отъ которыхъ нѣтъ ремонтныхъ заведеній.

III. Мѣста зимовокъ сомнительнаго достоинства, но могущія вмѣстить значительное число большихъ судовъ, при чемъ по близости имѣются ремонтныя заведенія.

IV. Такія же зимовки, какъ и зимовки III разряда, но не имѣющія по близости механическихъ мастерскихъ.

V. Вполнѣ благонадежныя зимовки, вмѣщающія незначительное число большихъ судовъ, или же удобныя только для малыхъ судовъ. Поблизости отъ такихъ зимовокъ находятся механическія мастерскія.

VI. Такія же зимовки, какъ и въ предъидущемъ разрядѣ, но поблизости которыхъ механическихъ мастерскихъ нѣтъ.

VII. Зимовки сомнительнаго достоинства и притомъ для судовъ малаго размѣра или для ограниченнаго числа большихъ судовъ. Поблизости отъ такихъ зимовокъ находятся механическія мастерскія.

VIII. Подобныя же зимовки, не имѣющія близко механическихъ мастерскихъ.

IX. Зимовки неудовлетворительныя, опасныя.

Эти разряды и обозначены въ настоящей таблицѣ соотвѣтственными римскими цифрами.

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
1. Устье рѣчки Черемхи.	III	Въ Рыбинскѣ въ устьѣ Черемхи устраивается гавань.
2. Устье рѣки Шексны. (У механическаго завода).	V	
3. *Горѣлая гряда.*	VIII	Зимовка только въ крайности. При вскрытіи уводятся въ устье Колокши, пониже гряды.
4. Итское устье.	VIII	Зимуютъ болѣе тихвинки. Баржи ставятся только въ крайности и весною заводятся въ Итъ.
5. *Иваньковская гряда*, противъ с. Иванькова.	IX	
6. Заостровскій затонъ, у д. Заостровки передъ Ярославлемъ.	V	
7. Устье Которости.	VII	
8. *Орлова гряда*, у д. Орлова.	IX	
9. *Туношенская* воложка, противъ впаденія р. Туношны.	IV	
10. Устье р. Солоницы и повыше ея у д. Турова.	II	
11. Уваровскій затонъ, подъ дер. Уваровымъ (№ 124 на прав. б.)	VIII	Зимуютъ изрѣдка только мелкія суда. Вообще же зимовать можно только по необходимости.
12. Устье Костромы.	III	
13. При городѣ Костромѣ, повыше собора.	III	Случается, что суда выпираетъ льдомъ на берегъ.
14. У дер. Гоманихи и въ устьѣ Танги (на излучинѣ Волги, ниже 950-й версты).	VIII	Зимовка только въ крайности.
15. У дер. Глинищи.	?	Отъ осенняго и весенняго льда спасаются за островами, что противъ устья Шачи (въ Сидоровской воложкѣ).
16. У г. Плеса.	IV	Зимуютъ въ горной подъ нижнимъ концомъ гряды. Въ случаѣ большой прибыли воды не безопасно, такъ какъ ледъ весною идетъ черезъ гряду.
17. У д. Борщевки (№ 39 на лѣв. б.).	IX	

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
18. У г. Кинешмы.	III	Зимуютъ подъ грядой, ниже собора. Осенью стараются стать ближе къ рѣчкѣ и весною уводиться въ нее.
19. У с. Николы-Еза (№ 77 на прав. б.) въ небольшомъ затончикѣ.	VIII	Зимовка довольно опасная, только по необходимости.
20. У г. Юрьевца.	VII	Въ горной, повыше города, тихая вода. Зимовка плохая.
21. Сокольскій затонъ (между 1110 и 1120 верст., въ луговой).	IV	Не глубоко. Весною иногда тревожитъ отъ прорвы (прорана), что выше изъ яра. Здѣсь мало зимуютъ.
22. У посада Пучежа.	IV	Въ горной у посада, пониже собора, тихая вода. Зимовка не очень удобная: бываетъ, что суда срѣзаетъ льдомъ; но годами — хорошая зимовка.
23. У дер. Абрашкина, при впаденіи Ширмокши.	VIII	
24. Марковскій затонъ, въ луговой, повыше дер. Маркова.	VIII	
25. Татаркинскій затонъ, у дд. Татарки, Заскочихи и Поповки, въ луговой.	VIII	При входѣ надо опасаться огрудковъ.
26. У с. Катунокъ.	VIII	Въ горной, въ верхнемъ концѣ, тихая вода. Зимуютъ мелкія суда.
27. Василевскій затонъ, у слободы Василевой.	II	
28. У той же слободы. за грядами у амбаровъ.	IV	
29. Рахмановскій затонъ, пониже Василевой слободы.	II	
30. Салогузовская воложка, у д. Салогузова.	IV	
31. Городецкій затонъ.	II	
32. У г. Балахны.	IX	Противъ завода В. И. Рагозина баржамъ зимовать можно; осенью отъ льда уводиться некуда.
33. Линдинскій затонъ при впаденіи Линды.,	VI	

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
34. **Копосовскій** затонъ, противъ с. Копосова.	V	
35. Безъименный затонъ въ луговой, повыше верхней брантвахты.	II	
36. Сибирскій песокъ. (У Нижняго Новгорода.)	III	
37. Стрѣлка	IX	
38. Боровская воложка.	III	Здѣсь довольно опасно; осенью при воложкѣ мелко; а весною уводятся въ полой.
39. Подъ садомъ набережной, у ледорѣзовъ.	V	
40. Печерскій песокъ и воложка.	III	
Кромѣ того зимуютъ въ Окѣ:		
a) у д. Борзовки, у горнаго берега,	III	
b) У д. Молитовки у луговаго берега,	III	
c) въ Дуденевскомъ затонѣ у с. Дуденева, верстъ 30 выше Нижняго,	III	
d) въ Доскинскомъ затонѣ.	?	
41. **Собщинскій** затонъ.	III	Бываетъ опасно только въ случаѣ большихъ заторовъ ниже.
42. **Кстовскій** затончикъ.	VIII	Затончикъ очень маленькій. Зимуютъ только въ крайности.
43. **Люлиховскій** затонъ, въ луговой немного повыше с. Безводнаго.	I	(Но если вѣрно сообщеніе, что механическія мастерскія здѣсь уничтожены, то Л. з. будетъ второразряднымъ.)
44. Пониже с. Безводнаго подъ ухвостьемъ 2-го острова затончикъ.	VI	Затончикъ очень маленькій, но удобный для небольшаго каравана и безопасный.
45. Устье Кудьмы.	IV	Входъ возможенъ при водѣ нѣсколько выше меженной.
46. **Жуковскій** затонъ.	II	(Но если привести въ дѣйствіе оставленныя мастерскія, то затонъ станетъ перворазряднымъ.)

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
47. **Голощубинскій** (Голощубихинскій) затонъ, подъ дер. Голощубихою, на 1280 верстѣ.	IV	Зимуютъ весьма рѣдко.
48. У села Работокъ.	VIII	Въ горной тихая вода за грядами; становятся и подъ устьемъ рѣчки Алферовки ниже села и весною уводятся въ рѣчку. Здѣсь обыкновенно зимуютъ мелкія суда; большимъ же судамъ и пароходамъ зимовать тутъ опасно, такъ какъ рѣчка, въ которую заводятся суда по прибыли, узка и бываетъ иногда сплошь занята мелкими судами.
49. У с. Татинца, въ горной, у гряды.	IX	По мнѣнію нѣкоторыхъ здѣсь нельзя ставить суда на зимовку даже въ крайности. Зимуютъ только мѣстныя мелкія суда.
50. У с. Борка, напротивъ Татинца, въ луговой, въ Борковской воложкѣ.	IX	Зимовать опасно, такъ какъ въ воложку идетъ ледъ, и спастись можно только развѣ подъ ухвостьемъ.
51. У с. Юркина, у устья Китмера.	VIII	Довольно мелкое мѣсто; и рѣчка мелка.
52. **Керженскій** затонъ, передъ впаденіемъ Керженца.	VIII	Затонъ этотъ опасенъ отъ заторовъ, мелокъ, даже начинаетъ заростать тальникомъ; къ тому же по близости нѣтъ жилья.
53. **Макарьевскій** затонъ у г. Макарьева.	VIII	
54. **Лысковскій** затонъ, подъ с. Лысковымъ.	IV	Годами бываетъ, что при сильныхъ низовыхъ вѣтрахъ заноситъ много льду, которымъ жметъ караванъ, а послѣ этимъ же льдомъ выноситъ его.
55. **Мазинскій** затонъ, въ луговой, пониже впаденія Б. Мазы.	IX	Въ недавнее время въ немъ еще зимовали иногда нѣкоторые пароходы; но сильно заноситъ, и теперь въ немъ не зимуютъ.
56. У с. Просѣка.	IX	
57. **Безъименный** затонъ въ луговой, верстъ 5 ниже Мазинскаго затона.	VIII	
58. Подъ с. Оселками, въ горной.	IX	
59. **Великовская** заводь, въ луговой, немного пониже с. Великовскаго.	IV	Мелокъ входъ. Весною въ него идетъ ледъ.
60. **Шелковый** затонъ, въ горной, противъ предъидущаго.	IV	

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
61. При началѣ Барминской воложки.	IX	Зимуютъ лишь досчаники и пристани.
62. Духовскій затонъ, въ горной, ниже Барминскаго острова.	IX	Зимовка въ крайности.
63. Разнѣжская заводь, у с. Разнѣжья, въ луговой.	—	Не зимуютъ.
64. Безъименный, новообразующійся затонъ у Сомовскаго острова въ луговой.	—	Не зимуютъ.
65. Малоразнѣжскій затонъ, въ луговой у у М. Разнѣжья, противъ с. Фокина.	II	
66. У с. Фокина, пониже его, въ горной.	VIII	Зимуютъ досчаники.
67. Поздняковъ затонъ, въ луговой, передъ впаденіемъ Коноплянки.	—	Не зимуютъ.
68. Въ Старочугунской воложкѣ, передъ впаденіемъ Суры.	IV	Весною грузовыя суда большихъ размѣровъ заводятся въ полой.
69. Тамъ же, на выходѣ изъ волжки, у самаго впаденія Суры.	VIII	
70. Въ устьѣ Суры.	IV	
71. Передъ Хмѣлевкою.	IX	
72. У с. Сумокь, въ горной.	VIII	Зимуютъ мелкія мѣстныя суда.
73. Въ Дорогучинской воложкѣ.	?	Можно зимовать маленькому каравану.
74. Безъименный затонъ въ луговой, противъ с. Юрина и дер. Новой.	?	
75. Въ Сумской воложкѣ.	IV	Опасно зимовать по причинѣ ледохода.
76. Ус. Б. Юнги, въ горной, противъ впаденія Ветлуги.	VIII	Зимуютъ лишь мелкія суда.
77. У Козьмодемьянска, у верхняго конца.	VIII	Вода тихая, но берегъ отмелый. Зимуютъ пристани.

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
78. **Карачуринскій затонъ, въ Туричьихъ, въ луговой пониже переката.**	IV	**Карачуринскій затонъ очень мелокъ.**
79. **Безъименный** *) **затонъ, выше Ильинской Пустыни, передъ впаденіемъ Сундырки.**	?	
80. **Паратскій затонъ, переходящій въ оз.** *Долгое*, **куда впадаетъ Паратъ.**	?	**Не зимуютъ.**
81. **Рѣчка** *Елшанка* **(?) и возлѣ нея затонъ въ горной (?) при сбѣгѣ изъ Туричьихъ островогъ въ горы.**	III	
82. **Сосунихинскій затонъ, въ луговой.**	II	**Нѣтъ близко жилья. Не зимуютъ.**
83. **У Чебоксаръ близь рѣчки.**	VIII	
84. **Безъименный затонъ въ луговой, передъ впаденіемъ рч. Травянки.**	IV	
85. **У Сундыря, въ горной, подъ верхней грядой у рѣчки.**	IX	**Зимовка плохая, и только для малыхъ судовъ.**
86. **Тамъ же, въ луговой, за островомъ.**	IX	**Не зимуютъ.**
87. **Въ горной, противъ впаденія М. Кокшаги, повыше Уракова.**	VIII	
88. **Пониже с. Кушникова, у дер. Новой, въ горной затонъ (другіе называютъ воложкою).**	VIII	
89. **Бѣличій затонъ.**	?	
90. **Звенижскій затонъ, въ луговой.**	I	**Зимуютъ пароходы общества «Дружина». Дружининское механическое заведеніе.**
91. **Чекурскій затонъ, въ горной пониже предъидущаго.**	IX	**Не зимуютъ.**

*) На нашей картѣ подъ буквою *l* затонъ этотъ названъ *Волжскимъ*, какъ то сдѣлано въ спец. атласѣ Волги. Но оказывается, что такого названія ему нѣтъ, и онъ волжскій, какъ и всѣ затоны на Волгѣ, т. е. въ смыслѣ нарицательномъ.

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
92. **Анишскій затонъ** при впаденіи Аниша.	IV	По причинѣ стѣсненія льдомъ зимовка здѣсь не безопасна.
93. У Бѣлой Воложки, пониже Козловки.	IX	Тоже.
94. **Вильный затонъ** въ луговой противъ д. Красной Поляны.	IV	
95. **Литинскій затонъ**, въ луговой, противъ с. Вязовыхъ въ горной.	VIII	
96. Въ Васильевской воложкѣ.	III	
97. Въ Свіяжскѣ, въ р. Свіягѣ.	IV	
98. У д. Марквашъ, въ горной, у рѣчки.	IV	
99. **Урахчинскій затонъ**, въ луговой, противъ д. Урахчина.	III	
100. У с. Верхняго Услона, при началѣ воложки.	IV	Часто случается, что суда прорѣзаетъ льдомъ. Если Казанка очищается раньше Волги, то пароходы уходятъ въ нее.
101. Въ луговой р. Казанки.	III	
102. Пониже нижнихъ Бакалдъ.	III	
103. **Нижнеуслонскій затонъ**.	VIII	Здѣсь зимовка годъ отъ году становится опаснѣе; затонную косу срѣзываетъ; зимуютъ на открытой Волгѣ, вслѣдствіе чего тревожитъ осеннимъ льдомъ и скрыться бываетъ некуда.
104. Затонъ **Соляная** воложка (на картѣ подъ буквою t', противъ д. Матюшиной).	(II)	При условіи удобнаго входа эта зимовка можетъ быть причислена ко II разряду; надо расчистить входъ противъ д. Гребеней. С. в. — оставленная самолетская зимовка.
105. Кленовая воложка (на картѣ подъ буквою w', противъ с. Шеланги).	?	Нѣтъ близко жилья.
106. **Теньковскій затонъ**.	—	Не зимуютъ.
107. Безъименный затонъ въ луговой, противъ с. Красновидова.	?	Затонъ хорошъ, но тѣсенъ.

Названія затоновъ и другихъ мѣстъ зимовокъ.	Разряды.	Примѣчанія.
108. **Красновидовскій затонъ.**	IV	**Зимовка въ крайности.**
109. **Богородскій затонъ, въ луговой, противъ с. Богородскаго.**	IV	**Жалуются на мелкость, особенно входа, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заноситъ.**
110. **У с. Богородскаго, повыше, за грядой.**	VIII	**Зимуютъ пристани.**
111. **Тамъ же, пониже села.**	VIII	**Зимовка только по нуждѣ.**

БАССЕЙНЪ ОКИ.

Таблица рѣкъ и рѣчекъ, питающихъ Оку.

Примѣч.: 1) Рѣчки, имѣющія менѣе 30 верстъ протяженія, въ таблицу не входятъ, исключая очень немногихъ.

2) Звѣздочкою обозначены рѣки и рѣчки, о которыхъ краткія свѣдѣнія сообщены въ особомъ приложеніи далѣе.

3) Числа, означающія протяженіе рѣкъ и рѣчекъ, получены тщательнымъ измѣреніемъ по «Специальной картѣ Россіи», изд. военнотопографич. отд. главнаго штаба подъ редакц. *Стрѣльбицкаго*. А числа въ скобкахъ и кавычкахъ принадлежатъ различнымъ печатнымъ матеріаламъ и преимущественно «Географическо-статист. словарю Россійской имп.», составленному *П. Семеновымъ*.

4) Буквы л. и п. означаютъ: лѣвый притокъ, правый притокъ.

---

1. Крома л. 45 («55»).
2. Ицка л. 39.
3. Цонъ л. 63.
4. Рыбница п. 53.
5. Орликъ л. 53.
6. Неполодь л. 37.
7. Оптула (Оптушка) п. 55.
8. Зуша п. ок. 200.
   У нея: 1. Раковка л. ок. 40.
   2. (—?—) л. 40.
   3. Неручъ л. «100».
   4. Чернь п. ок. 80.
      У нея: 1. Розка л. 40
   5. Снѣжедь п. 53.
9. Иста п. 57.
10. Нугрь л. 85 («75»).
    У него: 1. Мошокъ л. 36
11. Рука л. 31.
12. Выра л. 32.
13. Упа п. 290 («290»).
    У нея: 1. Уперта п. 42.
    2. Шиворонь п. 32.
    3. Шать п. ок. 50.
    4. Тулица п. 28.
    5. Солова л. 37.
    6. Плава л. ок. 80.
       У нея: 1. (— ? —) л. 30.
    7. Мизгея (?) л. 33.
14. Черепеть п. 38.
15. Жиздра л. 190 («150»).
    У нея: 1. Брынь л. 49 («до 60»).
    2. Ресета п. ок. 100 («до 100»)
       У нея: 1. Велья л. 30.
       2. Ловать л. 34.
    3. Вытебеть п. «114».
    4. Серена л. 84 («93»).
16. Высса л. 34.
17. Угра л. 360 («до 350»).
    У нея: 1. Ворона п. 38.
    2. Рославка л. 31.
    3. Немка л. ок. 30.
    4. Волоста п. 45.
    5. Жижала л. 55.
    6. Воря л. 116 («100»).
       У нея: 1. Истря л. 30 («до 30»).
    7. Ресса (Реса, Рѣса) п. 98 («до 80»).

У нея: 1. Пополта л. 61.
8. Теча п. 42.
9. Изверя л. 55 («до 50»).
10. Шаня л. 103.
У нея: 1. Суходровъ л. 63.
У него: 1. Медынка п. 46.
18. Калужка л. 27.
19. Крушма п. 30.
20. Вашана п. 47.
21. Таруса л. 70.
22. Протва л. 230 («230»).
У нея: 1. Берега п. 30.
2. Исьма л. 42.
3. Лужа п. 94 («90»).
23. Нара л. 130 («165»).
У нея: 1. Таруса л. 28.
2. (— ? —) п. 38.
24. Лопасня л. 86 («50»).
25. Безпута п. 51.
26. Каширка л. 47.
27. Смедва п. 44.
28. Осетръ п. 190 («100»).
29. Москва л. 440 («420»).
У нея: 1. Колоча п. ок. 30.
2. Исконя л. 60 («до 60»).
3. Руза л. 130 («не превышаетъ 100 в., хотя, по оффиц. свѣд., длина Рузы исчисляется въ 124 в.»).
У нея: 1. Озерна л. 46 («50»).
4. Истра л. 114 («102»).
У нея: 1. Мал. Истра п. 42.
У нея: 1. Маглуша л. 34.
5. Горедва л. 39.
6. Яуза л. ок. 40.
7. Пахра п. 112 («120»).
У нея 1. Моча п. 45 («40»).
2. Десна л. ок. 75.
У нея: 1. Незванка л. ок. 30.
3. Рожая п. 42.
8. Гжель л. 30.
9. Нерская л. 70 («70»).
10. Сѣверка п. 80.
У нея: 1. Гнилуша л. ок. 30.
2. Городенка п. ок. 30.
11. Коломенка п. 37.
30. Цна л. ок. 80.
31. Солодча л. 40.
31. Вожа п. 82 («50»).
У нея: 1. Меча л. 38.
33. Плетенка п. 50.
34. Рака п. 30.
35. Тысья п. 33.
36. Исья п. 80 («80»).
37. Проня п. 284 («210»).
У нея: 1. Кердь п. 46.
2. Ранова п. 135 («до 150»).
У нея: 1. Полатебна л. 33.
2. Верда л. 68 («75»).
3. Моша л. ок. 30.
4. Хупта п. 75.
5. Мостья п. 65.
38. Непложа п. ок. 40.
39. Пара п. 167 («130).
У нея: 1. Верда л. 63.
2. Пожва л. 48.
40. Тырница п. 85.
41. Середникъ п. ок. 40.
42. Пра л. (Рѣчка Ялма, или Ялна (ок. 25 в.) принимается какъ начало р. Пры, а р. Поля — какъ притокъ. Но какъ Поля (70 в., «120») гораздо больше Ялмы, то ее основательнѣе принять за начало Пры. Т. о. р. Пра составляется изъ р. Поли, потомъ ряда большихъ озеръ, какъ напр. Святое, Дубовое, Сокорево, и наконецъ собственно Пры) 223 («150»).
У нея: 1. Бужа п. 56.
43. Гусь л. 108 («100—110»).
У него: 1. Колпь л. до 65 (до «75»)
2. Нарма п. до 50.
44. Сынтулъ л. до 35.
45. Петъ п. 85.
46. Мокша п. 575 («575»).
У нея: 1. Азась л. (—?— но не менѣе 30).
2. Атмисъ л. «болѣе 80».
3. Ломовъ л. 70.
У него: 1. Норломовка п. 33.
4. Шелдаисъ л. 43.
5. Панжа л. 42.

6. Иса п. 133 («до 100»).
У нея: 1. Инсарка л. ок. 35.
2. Сеитьма л. ок. 40.
7. Сивинь п. ок. 100 («80»).
У нея: 1. Кивчей п. 30.
8. Варма п. 30.
9. Уркатъ п. 50.
10. Урей л. 53.
11. Сатисъ п. 80 («62»).
У него: 1. Путша л. 30 *).
12. Сарма п. 50.
13. Варнава, или Варнаватка, или Вороноватка п. ок. 50 («35»).
14. Еремша п. 62 («до 60»)
15. Вадъ л. 158 («151»).
У него: 1. Парца п. 85.
У нея: 1. Виндрей п. 60.
2. (прит. Вада) Евасъ п. 52.
16. Цна л. до 370 («300», «423»).
У нея: 1. Осиновка п. ок. 30.
2. Кареянъ л. ок. 42.
3. Сява л. ок. 40.
4. Липовица л. ок. 45.
5. Лѣсной Тамбовъ п. ок. 55.
У него: 1. Кензарь л. ок. 40.
6. Челновая л. ок. 95.
7. Керша п. ок. 75 («до 70»; «130».)
У нея: 1. Хмѣлина л. ок. 36.
8. Кашма п. «130».
У нея: Ломовисъ л. ок. 76.
У него: М. Ломовисъ п. ок. 44.
9. Серпа (вверхъ по рч. Вопшѣ) л. 53.
У нея слѣва: 1 Разовка 32 съ 2 Островкою 30.
10. Шача л. 35.
11. Аза л. 35.
12. Выша п. 147 («160»).
У нея: 1. Раевка л. 40.
2. Кермесъ л. 45.
13. Черная п. ок. 30.
47. Унжа л. 93.
48. Мокрая л. 32.
49. Велетьма п. «70».
50. Тёша п. 240 («до 200»).
У нея: 1. Пожа л. 37.
2. Леметь (ниже—Ужовка) л. 30.
3. Сережа п. 140 («120»).
У нея: 1. Ковакса л. 30.
51. Ушна л. 113.
У нея: 1. Колпь л. 67.
У нея: 1. Кестрома л. 36.
2. Тетрухъ л. 40.
52. Мотра л. 45.
53. Кутра п. 40.
54. Кишма и, какъ ея продолженіе, Ворсма п. 54.
55. Клязьма л. 585 («отъ 550 до 600»).
У нея: 1. Учъ л. 47.
2. Воря л. 71.
3. Шерна, вверху—Сѣрая, л. 125.
У нея: 1. Молокча п. 54.
4. Киржачъ л. 100 («102»).
У него: 1. М. Киржачъ л. 43.
2. Шередарь л. 37.
5. Вольга л. 37.
6. Сеньга п. 32.
7. Липня л. 37.
8. Пекша л. 90 («110»).
9. Ушма п. 41.
10. Поля п. 77 («до 80»).
У нея: 1. Воймига п. ок. 30.
11. Ворша л. 55.
12. Колокша л. до 110 («140»).
У нея: 1. Колочка л. ок. 30.
13. Нерль л. 234 («болѣе 350»).
У нея: 1. Тошма п. 37.

*) Путша—на картѣ; Пушта—по Географич. словарю.

2. Шаха п. ок. 50.
3. Селекша п. 52.
4. Ухтома л. 57.
У нея: 1. Сухода л. ок. 35.
5. Ирмесъ п. 53.
6. Недуга л. 30.
14. Судогда п. 85 («95»).
У нея: 1. Сойма л. ок. 40.
15. Нерехта п. 32.
16. Уводь л. 127.
У нея: 1. Ухтохма п. ок. 75.
2. Вязьма п. ок. 70 («72»).
17. Шижехта л. 40.
18. Теза л. 150 («до 160»).
У нея: 1. Посна л. 33.
2. Парша л. до 50.
3. Молохта п. 32.
4. Люлихъ л. 40.
19. Тара п. 46.
20. Лухъ л. 170 («до 200»).
У него: 1. Ландихъ л. 52.
21. Люлихъ л. 30.
22. Суворощъ п. до 100 («82»).
56. Сейма л. 32.

Такимъ образомъ Окскій бассейнъ составляютъ 224 рѣки, меньшія изъ которыхъ имѣютъ протяженіе около 30 верстъ.

Изъ этой таблицы мы можемъ сдѣлать слѣдующій небезполезный въ чисто географическомъ смыслѣ выводъ.

Мы уже имѣли случай говорить, какими признаками опредѣляется величина какой либо рѣки, или калиберъ, и степень ея важности относительно другой рѣки, съ которою ее приходится сравнивать. Въ числѣ этихъ признаковъ было отведено мѣсто и величинѣ бассейна. Но тогда подъ бассейномъ мы разумѣли собственно бо́льшую или меньшую обширность площади земли, орошаемой рѣкою и ея притоками; вся же совокупность водъ, образующихъ бассейнъ, какъ бы отходила на второй планъ при опредѣленіи величины бассейна квадратными милями.

Теперь намъ представляется возможность обратить преимущественное вниманіе именно на совокупность всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ даннаго бассейна безъ отношенія къ величинѣ площади земли подъ этимъ бассейномъ. Эту сторону понятія о бассейнѣ мы выдѣляемъ, для большей отчетливости представленія, какъ особое понятіе, которое и назовемъ *развитіемъ*. Самый терминъ *развитіе* не есть нововведеніе: онъ имѣетъ мѣсто въ географической наукѣ, только примѣняется къ другому понятію, и мы съ нимъ еще встрѣтимся. Такимъ образомъ подъ *развитіемъ* бассейна мы будемъ разумѣть всю сѣть (количество) водныхъ артерій, несущихъ свои воды къ одному, относительно

главному, руслу, и вмѣстѣ это самое русло, и затѣмъ совокупную величину (протяженіе) всѣхъ артерій бассейна.

Узнавъ число притоковъ, длину каждаго изъ нихъ и длину главной (относительно главной) рѣки, мы можемъ дать развитію бассейна и краткое цифровое выраженіе. Такъ, развитіе бассейна напр. *Зуши* опредѣляется съ одной стороны числомъ притоковъ и самою Зушею — VII, и протяженіемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ — 553. Можно бы это развитіе выразить и такъ: $\frac{VII}{553}$; это и значило бы, что 7 рѣкъ даннаго бассейна развиты на 553 версты. Но какъ число, выражающее совокупное протяженіе, въ значительной степени свидѣтельствуетъ о степени обилія притоковъ, если, конечно, напередъ знаемъ протяженіе главной рѣки: то при опредѣленіи развитія бассейна мы можемъ для краткости ограничиться однимъ этимъ числомъ, т. е. числомъ, выражающимъ совокупное протяженіе. Да и его видъ можемъ упростить, принявъ за единицу мѣры развитія 1000 верстъ; такъ что развитіе бассейна взятой нами Зуши выразится числомъ $0,_{553}$ или, округляя, — $0,_{55}$; а напр. развитіе бассейна *Угры* (1173 версты) — числомъ $1,_{2}$.

Возьмемъ теперь нѣсколько примѣровъ приблизительно равныхъ рѣкъ и сравнимъ ихъ попарно. Беремъ *Клязьму* и *Мокшу*. Клязьма 585 верстъ, Мокша 575. Значитъ, на вопросъ, которая рѣка больше, придется отвѣтить — Клязьма. Между тѣмъ развитіе бассейна Клязьмы = $3,_{1}$, а Мокши = $3,_{5}$. Отсюда мы имѣемъ если не полное, то все же вѣское основаніе видѣть въ Мокшѣ рѣку большаго калибра, чѣмъ Клязьма. Впрочемъ, все таки здѣсь разница не довольно ощутительна, и обѣ рѣки могутъ равняться между собою. Точно также не слишкомъ рѣзко разнятся между собою качественно *Упа* и *Нерль*: первая 290 верстъ, вторая 234; развитіе бассейна первой = $0,_{6}$, второй $0,_{5}$; но все же замѣтно, что Нерль, порядочно уступающая Упѣ въ длинѣ, приближается къ ней развитіемъ своего бассейна и, поэтому по качеству своему почти равняется съ нею. Вотъ еще двѣ рѣки одного, повидимому, калибра по протяженію: Москва и братая уже нами *Мокша*. Москва 440 верстъ, Мокша 575. Здѣсь оказывается, что Москва, уступая Мокшѣ въ длинѣ немного, уступаетъ ей уже

очень много въ развитіи бассейна, а именно: развитіе бассейна Москвы равняется 1,6, а Мокши — 3,5. Отсюда мы видимъ, что рѣка Москва по калибру своему никакъ нейдетъ въ сравненіе съ Мокшею; ее придется сравнивать съ притокомъ Мокши — *Цною;* да и эта послѣдняя, не смотря на то, что по протяженію меньше Москвы на 70 верстъ, все таки почти не уступаетъ ей развитіемъ бассейна, полное выраженіе котораго будетъ 1,525 противъ московскаго 1,556. Еще рѣзче выступаетъ качественное различіе въ зависимости отъ развитія бассейна у рр. *Пры* и *Зуши*. Пра 236 верстъ, Зуша 200; а развитіе бассейна послѣдней 0,55, тогда какъ у первой 0,28. Ясно, что хотя Зуша короче Пры, однако она обладаетъ значительно большею, такъ сказать, мощью и по калибру должна встать выше Пры. Наконецъ еще пара совершенно равныхъ рѣкъ — *Осетръ* и *Жиздра* являютъ примѣръ самаго крайняго различія въ развитіи бассейновъ: обѣ рѣки имѣютъ по 190 верстъ протяженія; но развитіе бассейна Осетра на основаніи данныхъ нашей таблицы только и выражается длиною его самого, т. е. 0,2, тогда какъ развитіе жиздринскаго бассейна = 0,6.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, какое важное значеніе имѣетъ развитіе бассейна въ сужденіи о качествѣ рѣки, или ея калибрѣ, или при сравненіи одной рѣки съ другою.

Отмѣтимъ теперь хотя только тѣ рѣки въ Окскомъ бассейнѣ, развитіе которыхъ достигаетъ условленной единицы мѣры или превышаетъ ее. Вотъ эти рѣки:

	Развитіе бассейна:
1. Угра	1,173
2. Цна	1,525
3. Москва	1,556
4. Клязьма	3,131
5. Мокша	3,496
Наконецъ 6. самая Ока	17,897

Такъ-какъ подробная таблица притоковъ Оки по обстоятельствамъ работы составлялась послѣ отпечатанія 2-го тома «Волги», то мы и не могли своевременно сравнить развитіе бассейна Волги съ развитіемъ бассейна Оки до встрѣчи обѣихъ рѣкъ. Чтобы сдѣлать это теперь, мы вмѣ-

стѣ съ тѣмъ должны пополнить самую таблицу притоковъ Волги слѣдующимъ перечнемъ:

Жукопа. *У нея:*
1. Тюдьма п. 27.
2. Ветожетка п. 27.

Песочня. *У нея:* 1. Пырошня л. 36.

Селижаровка. *У нея:* 1. Тихвина п. 42.

Итомля, длина которой осталась не означенной въ таблицѣ I-го тома не по ничтожности размѣровъ, а по недосмотру. 45.

Вазуза. *У нея:* 1. Гжать.
У нея: 1 (притокъ съ неизвѣстн. намъ именемъ) л. 33.
2. Яуза п. 56.
2. Косна. *У нея:* 1. Сежа п. 62.
3. Осуга. *У нея:* 1. Лысенокъ п. 33.
2. Ракитня п. 29.

Тьма. *У нея:* 1. Нашига л. 33.
2. Рочайна л. 35.
3. Шостка п. 47.

Тверца. *У нея:* 1. Осуга.
У нея: 1. Повѣдь л. 67.
2. (у Тв.) Логовяжь.
У нея: 1. Средняя л. 42.

Шоша. *У нея:* 1. Ржать л. 39.
2. Вязьма л. 33.
3. Лобь (въ табл. *Лобь*).
У него: 1. Рузца л. 50.
4. Лама
У нея: 1. (прит. съ неизв. намъ имен.) л. 32.
2. Б. Сестра п. 44.
3. М. Сестра п. 42.
4. Яуза п. 31.
5. (у Шоши) Инюха л. 37.
6. Вѣдома п. 29.

Дубна. *У нея:*
1. Курга и ниже — озера съ истокомъ въ Дубну п. 31.
2. Сестра. *У нея:* Яхрома.
У нея: 1. Волкунъ [illegible] л. 30.

Нерль. Во 1-хъ мы принимаемъ для нея вмѣсто 70 или 117—141 версту, вводя въ составъ Нерли Вексу, Переяславское озеро и Трубежъ. Во 2-хъ, *у нея:*
1. Кубрь л. 68.
2. Сабля п. 62.
У нея: 1. Сольба л. 37.
3. Вьюлка л. 35.
4. Волножка л. 28.

Корожична. *У нея:* 1. Кадка л. 38.

Юхоть. *У нея:* 1. Улейма л. 67.

Сутка. *У нея:* 1. Ильдь л. 34.

Чагодоща. У нея послѣ Лиди слѣва притокъ, назв. котораго осталось намъ неизв., ок. 56.

Которосль. *У нея:* 1. Устье л. 110.
2. Лахость п. ок. 70.
3. Пахма л. 36.

Солоница. *У нея:* 1. Емсна л. 30.
2. Нерехта, вверхъ по ррч. другихъ названій, л. ок. 30.

Мера. *У нея:* 1. Сендега п. 48.

Елнадь Желватая. *У нея:* 1. Нодога, выше — Медоза; далѣе вверхъ по рч. Иванковицѣ, п. ок. 70.
У нея: 1. Шача п. ок. 35.

Немда. *У нея:* 1. Талица п. ок. 30.

Линда. *У нея:* 1. Кеза п. 40.
2. Санда п. 32.

Складывая цифры этого дополненія, получаемъ 2200 верстъ и прикладываемъ ихъ къ цифрѣ, даваемой таблицами перваго тома, т. е. 13.621; а къ обоимъ этимъ числамъ прибавляемъ протяженіе самой Волги 1.228 верстъ и находимъ, что развитіе бассейна Волги до встрѣчи ея съ Окою выражается цифрою 17.049 верстъ. Замѣтимъ

при этомъ, что при вычисленіи длина Шексны была увеличена нами длиною Бѣла-озера и длиною впадающей въ него Ковжи, т. е. вмѣсто 426 верстъ взято 526; а 23-верстная длина Селижаровки увеличена 72-мя верстами протяженія озера Селигера. Точно также въ вычисленіе введено нѣсколько рѣчекъ, не достигающихъ 30-ти верстъ, такъ какъ и въ таблицу Окскаго бассейна были введены нами нѣкоторыя изъ такихъ рѣчекъ. Такимъ образомъ, сравнивая Волгу и Оку по развитію ихъ бассейновъ, мы видимъ, что бассейнъ Волги, говоря относительно, развитъ не только не хуже, но, пожалуй, даже лучше Окскаго; но тѣмъ не менѣе онъ абсолютно меньше Окскаго слишкомъ на 800 верстъ, и Волга еще разъ должна уступить Окѣ въ вопросѣ о главенствѣ.

Краткія свѣдѣнія,
замѣтки и дополненія относительно нѣкоторыхъ рѣкъ и рѣчекъ Окскаго бассейна *).

Атмисъ, лѣвый притокъ Мокши. Длина его болѣе 80 верстъ. На берегахъ его находятся многолюдныя села, изъ которыхъ 12 превосходятъ по своему населенію 1.000 душъ. Въ 2-хъ изъ числа этихъ селъ, именно въ *Атмисѣ (Федоровкѣ)* и *Головщинѣ (Сергіевскомъ)* бываютъ ярмарки.

Брынь, лѣвый притокъ Жиздры. Длина ея 49 в., а по другимъ свѣдѣніямъ до 60. Ширина рѣки 5—10 саж., глубина 2—4 аршина. На Брыни находится заштатный городъ *Сухиничи* (Калужской губерніи), въ которомъ болѣе 6.000 жителей; въ городѣ нѣсколько заводовъ, преимущественно кожевенныхъ, съ общею производительностью слишкомъ на 200.000 р.; три ярмарки: 18 Января, 2 Мая и 14 Сентября; впрочемъ торговцы съѣзжаются только на майскую. Далѣе, на Брыни есть *Брынскій* желѣзодѣлательный заводъ; при немъ устроена запруда, образовавшая значительное озеро. Наконецъ, по Брыни встарину тянулись извѣстные дремучіе *Брынскіе* лѣса, въ которыхъ ютились скиты раскольниковъ; эти же лѣса служили притономъ разбойниковъ.

Вадъ, лѣвый притокъ Мокши. Длина рѣки 158 в. Развитіе бассейна 0,355. Ширина рѣки 20—25 саж., глубина незначительна. Вадъ течетъ въ отлогихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ берегахъ. Въ половодье Вадъ съ притокомъ своимъ Парцею служитъ для сплава лѣса.

---

*) Свѣдѣнія эти, какъ легко замѣтить, составлены не по опредѣленному плану: для этого у насъ не было—да кажется, и совсѣмъ нѣтъ—обстоятельныхъ данныхъ. Мы даемъ поэтому только тѣ свѣдѣнія, какія могли найти. Описанію городовъ и замѣчательныхъ селеній, которое совершенно заслоняетъ въ другихъ сочиненіяхъ описаніе главной рѣки, мы придаемъ второстепенное значеніе и отводимъ мѣсто здѣсь, въ приложеніяхъ. Кромѣ длины, ширины и глубины рѣкъ мы выставляемъ и развитіе бассейна каждой изъ нихъ, если только у рѣки есть притоки не менѣе 30 верстъ протяженія.

Вашана, правый притокъ Оки, течетъ въ высокихъ и крутыхъ берегахъ, состоящихъ изъ глинистыхъ наносовъ; дно рѣки песчаное и частью каменистое; длина 47 в.; ширина отъ 2 до 10 саж., а глубина достигаетъ 6 футовъ, но вообще на рѣкѣ много бродовъ.

Велетьма, правый притокъ Оки, течетъ по твердому дну въ ровныхъ, песчаныхъ берегахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ. На Велетьмѣ 2 значительные завода — *Велетьминскій* желѣзный въ Ардатовскомъ уѣздѣ и винокуренный въ Муромскомъ уѣздѣ; по ней же 6 водяныхъ мельницъ. Протяженіе Велетьмы 70 в.

Верда, лѣвый притокъ Рановы. Длина ея 68 в. Дно рѣки глинистое. Лѣвый берегъ возвышенный и покрытъ лѣсомъ. Подпочва возвышенностей состоитъ изъ сѣроватой горшечной глины, заключающей въ себѣ множество окаменѣлостей Юрской формаціи, именно аммонитовъ и белемнитовъ. Особенно много ихъ въ лѣсу между г. Скопинымъ и деревней Ивановскимъ. При Вердѣ, на лѣвомъ берегу ея, расположенъ городъ *Скопинъ* (Рязанск. губ.), въ старину называвшійся *Острожкомъ* и составлявшій родовую отчину боярина Никиты Романова. Въ городѣ болѣе 9.000 жителей. Скопинъ принадлежитъ къ лучшимъ городамъ въ губерніи. Въ немъ извѣстный банкъ, учрежденный въ 1863 г. Главные предметы торговли — хлѣбъ, постное масло, котораго приготовляется до 35.000 пудовъ, и скотъ, особенно откармливаемыя выжимками свиньи, которыхъ ежегодно убивается въ городѣ для отправки въ Москву до 3.000. Въ 1866 г. въ Скопинѣ считалось 27 заводовъ съ общею производительностью на 105.000 р. Заводы эти — кожевенные, мыловаренные, свѣчные, костеугольные, маслобойные, крупорушки, крахмальный, колокольный, чугунолитейный и гончарный. Въ году бываютъ 2 ярмарки: въ Троицу и 14 Сентября.

Вожа, правый притокъ Оки, имѣетъ отлогіе, мѣстами болотистые и покрытые кустарникомъ берега; дно иловатое. На Вожѣ 10 мельницъ. Протяженіе Вожи 82 («52»). Разв. басс. 0,12.

Ворсма, см. Кишма.

Воря, лѣвый притокъ Клязьмы, беретъ начало близь села Озерецкаго Дмитровскаго уѣзда; по этому уѣзду

Воря течетъ въ глубокомъ и лѣсномъ оврагѣ; далѣе, въ Богородскомъ уѣздѣ, долина расширяется; берега становятся открытѣе и отложе. Близь устья на правомъ берегу находится довольно значительное возвышеніе. Длина Вори 71 верста.

Воря, лѣвый притокъ Угры, беретъ начало въ Гжатскомъ уѣздѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ истоковъ рѣки Гжати; течетъ по открытой мѣстности; грунтъ дна песчаный. Весною по Ворѣ сплавляется строевой и дровяной лѣсъ. Лѣтомъ Воря имѣетъ всего 10—12 саж. ширины и 1 арш. глубины. Протяженіе Вори 116 в. Разв. басс. $0,_{146}$.

Вытебедь, или Вытебеть, правый притокъ Жиздры. Беретъ начало въ Болховскомъ уѣздѣ на границѣ Козельскаго; ширина рѣки довольно значительна; берега преимущественно низменны, мѣстами болотисты и лѣсисты. Сплава по рѣкѣ не производится. На Вытебеди въ сельцѣ того же имени есть винокуренный заводъ силою 196.000 ведеръ и свеклосахарный, приготовляющій 1.000 пудовъ сахарнаго песку и 1.300 пудовъ патоки.

Выша, правый притокъ Цны (Тамбовск. губ.), беретъ начало въ Керенскомъ уѣздѣ при обитаемомъ Мещерою селѣ Куземкинѣ; а въ Цну впадаетъ близь Вышинской пустыни противъ с. Купли. Длина Выши 147 («160») в. Разв. басс. $0,_{23}$. Берега Выши отлоги и лѣсисты; ширина до 25 саж., но глубина незначительна. Говорятъ, Выша прежде была гораздо глубже; еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія по Вышѣ ходили суда отъ села Выши (Спасск. уѣзда); но теперь рѣка даже не сплавна, хотя по веснамъ и могла бы быть сплавною. На Вышѣ много мельницъ.

Вязьма, правый притокъ Уводи. Беретъ начало въ Шуйскомъ уѣздѣ. Длина Вязьмы около 70 в. Ширина очень незначительна, — отъ 3 до 5 саж. и только мѣстами до 10; за то глубина показывается 9—14 арш. Берега отлогіе и безлѣсные; теченіе чрезвычайно тихое. На рѣкѣ 6 мельницъ. Изъ селеній по Вязьмѣ замѣчательно по развитію ситцевой фабрикаціи Тейково. Въ немъ значится 9 фабрикъ и болѣе 1.500 жителей *).

---

*) Въ «Географическ. Слов.» Семенова ошибочно при Вязьмѣ же показано большое село Лежнево. Оно расположено на другой рѣкѣ, именно Ухтохмѣ, какъ это и значится въ томъ же словарѣ въ статьѣ «Лежнево»; только вмѣсто Ухтохмы рѣка названа Ухтомою.

Гжель, лѣвый притокъ Москвы, длиною 30 в. На ней расположено большое село *Гжель* (Бронн. уѣзда), въ которомъ около 1.000 жит. Замѣчательность этого села составляетъ извѣстная глина, употребляемая на фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и гончарныхъ заводахъ, которыхъ въ окружающей мѣстности считается до 120 со 140 горнами и печами; на этихъ заводахъ ежегодно употребляется до 320.000 пудовъ глины. Фарфоровое и фаянсовое производство утвердилось здѣсь съ 1802 г., когда крестьянинъ Куликовъ устроилъ первый заводъ близь села Гжели. Гжельская посуда развозится не только всюду по Россіи, но и въ Персію и Закавказье. Пласты глины лежатъ здѣсь на горномъ известнякѣ и прикрыты кремнистымъ конгломератомъ на глубину 4—18 аршинъ. Лучшими сортами глины служатъ «мыловка» и «песчанка»; въ первой $88{,}8\%$ чистой глины, а во второй 51%. Жалуются однако на упадокъ производства, проистекающій отъ возвышенія цѣнъ на глину и отъ недостатка дровъ.

Гусь, лѣвый притокъ Оки. Длина Гуся 108 в.; разв. басс. 0,22; ширина не болѣе 20 с.; глубина во Владимірской губ. 2 арш., а въ Рязанской до $2^1/_2$ саж. Берега низменны и болотисты; дно песчаное; мѣстность, орошаемая Гусемъ, лѣсиста. Верстъ 20 выше устья Гусь образуетъ большое озеро *Гусь*, или *Колпь*. Озеро это однако искусственное и образовалось вслѣдствіе запруды рр. Гуся, Колпи и Нармы. У этого озера стоитъ *Гусевскій* желѣзный заводъ, основанный еще при Екатеринѣ II. На немъ въ 1860 году выдѣлывалось слишкомъ 400.000 пудовъ желѣзныхъ издѣлій — ведеръ, ковшей, сковородъ, подковъ, полосоваго и листоваго желѣза. Заводское селеніе обширно; въ немъ болѣе 5.000 жителей, и извѣстно оно подъ именемъ *Веркуцы*. На Гусѣ кромѣ того есть стеклянные заводы и нѣсколько мельницъ. На послѣднихъ 2-хъ верстахъ своего теченія Гусь судоходенъ; на немъ строятся, какъ было прежде нами сказано, суда *гусянки*, сплавляемыя въ Оку.

Еремша, правый притокъ Мокши, длиною 62 в., беретъ начало изъ лѣсовъ на границѣ Ардатовскаго и Темниковскаго уу. Глубина этой рѣки 1 арш.; дно песчаное. При заводахъ Еремшинскомъ и Мердушинскомъ рѣка запружена и образуетъ огромные, глубокіе (отъ 3 до 5 саж.)

пруды; по одному изъ нихъ ходитъ маленькій пароходъ. Названные заводы оба чугуноплавильные и желѣзодѣлательные. На Еремшинскомъ заводѣ въ 1860 г. было проплавлено около 170.000 пудовъ чугуна и передѣлано около 300.000 пуд. желѣза; на Мердушинскомъ приблизительно вдвое менѣе. Въ селеніи перваго завода около 5.000 ж., а въ селеніи втораго съ небольшимъ 2.000.

Жиздра, лѣвый притокъ Оки, беретъ начало въ Жиздринскомъ уѣздѣ въ 12 верстахъ къ СЗ отъ уѣзднаго города, между деревнею Заболотье и Суглицы. Длина Жиздры 190 в.; разв. басс. 0,6; ширина Жиздры отъ 8 до 30 саж.; глубина до 6 фут. Въ началѣ теченія берега Жиздры не высоки и болотисты, но потомъ въ Козельскомъ уѣздѣ становятся выше, а въ Перемышльскомъ дѣлаются высокими и обрывистыми. Прибрежья Жиздры очень лѣсисты; лѣсъ мѣшанный. Въ Козельскомъ уѣздѣ лѣвый берегъ открытъ, а по правому ростутъ хвойные лѣса; въ Перемышльскомъ уѣздѣ такіе лѣса по обѣимъ берегамъ рѣки. Дно рѣки въ Жиздринскомъ уѣздѣ вязкое; далѣе твердое и песчаное. Въ сухое время года рѣка переходима въ бродъ. По Жиздрѣ есть хорошіе заливные луга. На ней же расположены два города: *Жиздра* съ 10.000 жит.—городъ этотъ ничѣмъ особеннымъ не замѣчателенъ — и *Козельскъ*, принадлежащій къ древнѣйшимъ поселеніямъ, находившимся въ землѣ Вятичей. Въ исторіи Козельскъ составилъ себѣ громкую извѣстность геройскою защитою противъ Батыя, который взялъ Козельскъ только послѣ 7 недѣль осады; городъ тогда былъ совершенно разрушенъ, и всѣ жители, не исключая дѣтей, перебиты. Въ 1610 г. многіе жители были истреблены сообщниками Тушинскаго вора. Теперь въ Козельскѣ съ небольшимъ 7.000 жит.; 8 церквей; нѣсколько заводовъ, на которыхъ выдѣлываютъ кожи (на 20.000 руб.), парусныя полотна (на 21.000 р.); одинъ изъ заводовъ химическій; на немъ приготовляется кали (на 1.500 р.). На пристани грузилось въ началѣ 60-хъ годовъ товаровъ на 50.000 р., главнымъ образомъ лѣсъ, спиртъ и пенька.

Зуша, правый притокъ Оки, беретъ начало въ Чернскомъ уѣздѣ близь села Спасскаго; протекаетъ около 200 верстъ; развитіе ея бассейна 0,55; ширина отъ 5 саж. при

селѣ Спасскомъ до 30 саж. въ Мценскомъ уѣздѣ; глубина отъ 3 до 7 фут. Берега сначала отлогіе, но правый выше лѣваго; далѣе берега становятся высокими и у Мценска возвышаются даже до 28 саж. надъ уровнемъ рѣки. Долина рѣки узка, теченіе извилисто; дно въ Чернскомъ уѣздѣ глинистое, вязкое, а далѣе твердое, хрящеватое. По недостатку лѣсовъ ни сплава, ни судостроенія по Зушѣ нѣтъ, и суда доставляются съ Оки. На Зушѣ стоитъ городъ *Новосиль* Тульской губ., одинъ изъ самыхъ старинныхъ нашихъ городовъ. Онъ упоминается еще подъ 1155 г. какъ мѣстопребываніе супруги Юрія Долгорукаго. Былъ удѣльнымъ городомъ князей Новосильскихъ. Въ концѣ XIV вѣка Новосиль былъ завоеванъ Литвою и оставался литовскимъ городомъ въ теченіе почти вѣка. Въ XVI вѣкѣ онъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ сторожевой линіи, и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія укрѣпленіе сохранялось, обнесенное съ 3 сторонъ рвомъ. Въ это время въ Новосилѣ было 990 жит. Нынѣ въ немъ 4.000 жит. Но онъ принадлежитъ къ числу бѣднѣйшихъ городовъ губерніи. Ниже Новосиля на Зушѣ, недалеко уже отъ впаденія ея въ Оку, стоитъ *Мценскъ*, въ просторѣчіи *Амченскъ*, городъ старинный, упоминаемый въ лѣтописяхъ въ 1147 г. подъ именемъ Мценска или Мьченска. Въ городѣ около 14.000 жит.; 11 церквей; соборъ стоитъ на высокомъ, крутомъ холмѣ (30 саж.), окруженномъ со всѣхъ сторонъ крутояромъ, состоящимъ изъ крѣпкаго известняка. Въ періодъ 1859—62 г. на Мценской пристани грузилось хлѣба болѣе 3.000.000 пуд., пакли до 120 000 пуд., табаку 45.000 пуд., меду и воску 1.140 пуд.

Изверя, лѣвый притокъ Угры. Беретъ начало въ Медынскомъ уѣздѣ, въ болотѣ близъ села Вязоваго. Длина 55 в.; ширина при устьѣ 15 саж.; глубина $1^1/_2$ фут.

Иса, правый притокъ Мокши, беретъ начало въ юговосточномъ углу Инсарскаго уѣзда и протекаетъ 133 в.; разв. ея басс. $0{,}_{17}$. Отъ устья Исы Мокша становится судоходною. На Исѣ и на рѣкѣ Инсарѣ стоитъ городъ *Инсаръ* (Пензенск. губ.), городъ небольшой, имѣющій всего около 4.000 жит., и не замѣчательный. Правда, въ немъ бываютъ 4 ярмарки: 21 Мая, 23 Іюня, 8 Іюля и 27 Сентября;

но на всѣ эти ярмарки вмѣстѣ привозится товаровъ развѣ что на 50.000 рублей.

Исконя, лѣвый притокъ Москвы, беретъ начало въ сѣверной части Можайскаго уѣзда. Длина Искони 60 в.; теченіе извилисто, берега частію пологи, частію круты и вездѣ открыты. Рѣка вообще мелководна и имѣетъ много бродовъ.

Иста, правый притокъ Оки, беретъ начало близь дер. Вылевки на границѣ Чернскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ. Длина теченія 57 («30») в., ширина до 5 саж., глубина до 7 футовъ; дно песчаное или хрящеватое. По рѣкѣ много мельницъ и хорошихъ поемныхъ луговъ.

Истра Большая, лѣвый притокъ Москвы, беретъ начало въ Клинскомъ уѣздѣ и течетъ на протяженіи 114 в.; разв. ея басс. $0{,}_2$; ширина отъ 5 до 30 саж.; глубина незначительна; много бродовъ; берега невысоки, мѣстами круты, обрывисты и лѣсисты. Правый берегъ вообще выше лѣваго; только у села Дмитровскаго чрезвычайно крутой лѣвый берегъ выше праваго. Долина рѣки луговая; весною Истра разливается на версту и даже на $1^1/_2$ в. и въ это время производится по ней судоходство. Истра соединена системою каналовъ съ р. Сестрою (притокомъ Дубны); но нынѣ система эта совершенно оставлена. На Истрѣ стоитъ заштатный городъ *Воскресенскъ*, встарину село *Рогожа*. Патріархъ Никонъ купилъ это село и назвалъ его Воскресенскимъ по имени основаннаго имъ вблизи Воскресенскаго монастыря. Въ городѣ около 3.000 жит.; бываетъ ярмарка. Близь города, гдѣ сходятся съ Истрою рѣчки: Малая Истра, Песочная, Іорданъ и Маглуша, мѣстность очень живописна; особенно хорошъ видъ на городъ и монастырь съ возвышенности, поднимающейся надъ сліяніемъ Большой и Малой Истры. Воскресенскій монастырь, называемый *Новый Іерусалимъ* — монастырь І-го класса, мужской, ставропигіальный. Никонъ построилъ его по образцу Іерусалимскаго храма, для чего поручилъ бывшему тогда въ Іерусалимѣ монаху Арсенію Суханову снять модели съ Іерусалимской Воскресенской церкви, съ часовни Гроба Господня и съ Вифлеемской церкви. Модели эти хранятся и донынѣ въ ризницѣ монастыря. Нынѣ въ монастырѣ 6 церквей; изъ нихъ соборъ, съ 27 придѣлами, принадле-

житъ къ величайшимъ храмамъ въ Россіи (173 саж. въ окружн.). Подъ Голгофою устроена церковь, въ которой погребенъ и самъ основатель монастыря. Церковь во имя царицы Елены находится подъ землею; туда ведетъ спускъ въ 33 ступени, въ память числа лѣтъ жизни Іисуса Христа.

Истря, лѣвый притокъ Вори, беретъ начало въ Гжатскомъ уѣздѣ и протекаетъ 30 верстъ; ширина до 8 саж.; глубина до $1^1/_4$ арш. Берега песчаны и невысоки; дно песчаное и хрящеватое. По Истрѣ черезъ Ворю сплавляется въ Угру небольшое количество лѣса.

Исья, правый притокъ Оки, беретъ начало на границѣ Михайловскаго и Пронскаго уѣздовъ. Длина теченія 80 в.; ширина около 10 саж.; глубина незначительная; дно песчаное, мѣстами иловатое; берега невысоки; луговая долина саженъ въ 300 шириною. Лѣтомъ Исья представляетъ совершенно ничтожный ручей. На Исьѣ 9 мельницъ. На ней же большое село *Исье*, или *Истье*, Пронскаго уѣзда; въ немъ болѣе 1.500 жит. и чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, гдѣ выдѣлываютъ кованое и прокатное желѣзо, тянутъ проволоку, строятъ машины и разные приборы. Исья приводитъ заводъ въ дѣйствіе; но на случай спада воды имѣются паровыя машины. Въ началѣ 60-хъ годовъ на заводѣ выплавлялось 36.000 пудовъ чугуна; выдѣлывалось около 20.000 пуд. кричнаго желѣза; такое же количество его прокатывалось для проволоки; изъ этого желѣза дѣлалось около 8.500 пуд. проволоки телеграфной, сортовой и игольной.

Калужка, лѣвый притокъ Оки, длиною 27 в. На этой рѣчкѣ есть село того же имени; а около села находится городище, обнесенное землянымъ валомъ. Полагаютъ, что здѣсь первоначально находился городъ Калуга.

Каширка, лѣвый притокъ Оки, длиною 47 в. На этой рѣчкѣ прежде стоялъ городъ Кашира; теперь на мѣстѣ его село *Старая Кашира*.

Кашма, правый притокъ Цны (Тамб. губ.), беретъ начало въ сѣверной части Кирсановскаго уѣзда; протекаетъ 130 в.; разв. басс. $0_{,25}$. На Кашмѣ два села того же имени, оба Моршанскаго уѣзда. Въ первомъ, или иначе *Васильевщинѣ*, 2.400 жит.; бываетъ ярмарка; есть 7 кожевен. заводовъ. Во второй Кашмѣ, или иначе *Волхонщинѣ*, около

1.200 жит. и также бываетъ ярмарка; въ этомъ селѣ есть суконн. фабрика, изготовляющая до 20.000 арш. армейскаго сукна; кромѣ того — винокур. заводъ, на которомъ въ 1862 — 63 г. было выкурено около 47.000 вед. алкоголя.

Керша, правый притокъ Цны, беретъ начало въ Тамб. уѣздѣ, верстахъ въ 20 къ Вост. отъ Тамбова и протекаетъ 75 в., а по свѣд., даваемымъ «Сп. населенн. м. Тамб. губ.», 130. Берега Керши круты и обрывисты и представляютъ обнаженія зеленыхъ и бѣлыхъ песчаниковъ съ характер. окаменѣл. Мѣловой формаціи, напр. Inoceramus Crispii, In. lobatus, Exogyra и др.

Кишма и, какъ ея продолженіе (по картѣ Стрѣльб.), *Ворсма*, правый притокъ Оки; протяж. ея 54 в.; образуетъ на своемъ пути озеро *Ворсминское*, имѣющее до 2 в. дл. и до 1½ в. шир.; сѣверные берега его круты, южные отлоги; на озерѣ есть островъ, а на этомъ островѣ стоитъ *Троицкій* монастырь. При озерѣ же и р. Кишмѣ расположено извѣстное село *Ворсма* (Горбатовск. уѣзда). Въ немъ около 4.000 жит. и 4 церкви. 8 Іюля бываетъ ярмарка. Всероссійскую извѣстность Ворсма составила себѣ стальными издѣліями. Почти всѣ жители занимаются слесарнымъ и кузнечнымъ мастерствомъ. Въ 1860 г. считалось 280 мастеровъ, 300 подмастерьевъ, 520 учениковъ. Ими было приготовлено въ 1860 г. на 300 верстакахъ около 30.000 шт. ножей; кузницъ было 100; точилъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, 20. Самая значительная и всеизвѣстная фабрика — бр. Завьяловыхъ, основанная въ 1827 г.; на ней приготовляются разнаго рода ножи, бритвы, ножницы, кинжалы, топоры, столярные и токарные инструменты, всего (въ 1860 г.) 21.000 дюжинъ, болѣе чѣмъ на 100.000 р. при 550 рабочихъ.

Киржачъ, лѣвый притокъ Вязьмы, беретъ начало въ Александровск. у. близь дер. Чернецкой, на плоской возвышенности, въ *Берендѣевомъ* болотѣ; длина теч. 100 в.; разв. басс. $0,_{18}$; шир. въ нижнихъ частяхъ 25 саж., а глуб. 4—6 арш. Дно рѣки песчаное и частію глинистое; берега вообще ровные и пологіе, только мѣстами возвышенные; въ Александр. у. открытые, въ Покровскомъ лѣсистые. На Киржачѣ 18 мельницъ и 3 завода. На немъ же распо-

ложенъ заштат. городъ *Киржачъ*. Встарину здѣсь былъ только монастырь, потомъ около него возникла слобода, а потомъ (въ 1778 г.) образовался и городъ. Какъ село, Киржачъ можно бы назвать большимъ, но какъ городъ онъ ничтоженъ; въ немъ всего около 2.800 жит. Въ церкви упраздненнаго монаст. обращаютъ на себя вниманіе старинныя каменныя гробницы бояръ Милославскихъ; ихъ 12; самая древняя относится къ 1492 г. Въ Киржачѣ 4 шелков. и бумаготкацк. фабрики и мѣдно-латунный заводъ, на которомъ въ нач. 60-хъ годовъ выдѣлывалось котловъ, латуни, тазовъ, самоваровъ около 11.000 пуд. Въ году бываетъ 5 ярмарокъ: 6 Января, 25 Марта, въ Троицу, 1 Авг. и 25 Сент. Обороты всѣхъ ярмарокъ простираются на сумму болѣе 275.000 рублей.

Клязьма, лѣвый притокъ Оки, беретъ начало въ сѣверозападн. части Московск. уѣзда, въ болотахъ близь с. Овсянникова. Длина теч. Клязьмы 585 в.; разв. басс. 3,13. Средняя шир. рѣки отъ 20 до 40 саж.; наибольшая—отъ 80 до 120 саж. Глуб. весьма различна; нерѣдко глуб. въ 1 арш. граничитъ съ глубиною въ 3—4 саж. Дно преимущественно глинистое или песчаное и только въ немногихъ мѣстахъ мелко-каменистое; теченіе сравнительно съ другими рр. довольно быстро. Въ верховьяхъ рѣки оба берега круты и довольно высоки до г. Богородска; далѣе долина рѣки расширяется, но большая часть ограничена холмами. Правый берегъ, какъ было уже прежде сказано, вообще выше лѣваго; однако нерѣдко бываетъ и на оборотъ. Во Владим. губ. до р. Пекши оба берега одинаково возвышенны; потомъ лѣвый становится выше праваго и достигаетъ у Владиміра 30 саж. надъ уровнемъ рѣки; долина р. здѣсь расширяется версты на 3. Отсюда къ устью Нерли лѣвый берегъ понижается, а правый становится выше. Между Нерлью и Тезою лѣвый бер. совершенно низменный, а правый слабо холмистый, но потомъ становится выше и круче до Гороховца, откуда снова начинаетъ быстро понижаться и наконецъ сглаживается; лѣвый же бер. и ниже Тезы остается низменнымъ и покрытъ непроходимыми болотами. Береговыя обнаженія Клязьмы до устья Колокши состоятъ преимущественно изъ песчано-глинистыхъ наносовъ; далѣе до Нерли — изъ черныхъ юрскихъ глинъ, бо-

гатыхъ аммонитами и белемнитами, а ниже впаденія Нерли, особенно отъ села Спасо-Купелицъ Судогодскаго уѣзда до Вязниковъ, встрѣчаются обнаженія верхняго яруса горнаго известняка. Известнякъ этотъ добывается здѣсь въ количествѣ 200.000 пуд.

Въ прежнее время по Клязьмѣ было множество лѣсовъ; но теперь они значительно истреблены. Дубъ теперь очень рѣдокъ въ здѣшнихъ лѣсахъ; онъ встрѣчается часто въ большомъ количествѣ въ глубокихъ ямахъ на днѣ рѣки; мѣстные жители употребляютъ его на домашнія подѣлки.

Весенніе разливы Клязьмы весьма значительны; во Владимірской губ. Клязьма разливается на версту, нерѣдко на 4 версты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже верстъ на 7; вслѣдствіе этого Клязьма богата прекрасными поемными лугами.

Клязьма — рѣка судоходная и по степени судоходности дѣлится на 3 части: 1) между Покровомъ и Владиміромъ; здѣсь суда ходятъ только по веснамъ и только небольшія; 2) отъ Владиміра до Коврова, гдѣ также ходятъ малыя суда, но въ теченіе всего навигаціоннаго времени; а весною могутъ ходить и большія суда; 3) остальная часть Клязьмы, по которой въ теченіе всей навигаціи могутъ ходить большія суда; конечно однако, не безъ препятствій, и препятствія эти не маловажны, какъ напр. частыя измѣненія въ направленіи фарватера, дурное состояніе бичевника, маловодье въ меженюю пору, когда между Ковровымъ и Владиміромъ воды бываетъ всего 10 вершк., а далѣе 16. Мелей довольно много.

Главныя пристани на Клязьмѣ: Покровъ, Владиміръ, Ковровъ, Овиницы, Мстера, Вязники, Гороховецъ, да на притокѣ ея Тезѣ—Шуя и Холуй. На всѣхъ этихъ пристаняхъ въ 1859—62 гг. грузилось ежегодно средн. числомъ 660.000 пудовъ. Предметами груза служатъ: бумажныя и льняныя ткани (55.000 п. на 660.000 р.), хрусталь, фарфоръ, фаянсъ, глиняная посуда (68.000 п. на 120.000 р.), лѣсъ и лѣсныя издѣлія (300.000 п. на 16.000 р.), сахаръ (6.000 п. на 43.000 р.), гипсъ, образа, ленъ, лукъ. На долю Покровской пристани приходилось 110.000 пуд. на 250.000 р.; на долю Владимірской 46.000 п. на 385.000. Въ то же время разгружалось средн. числ. на всѣхъ названныхъ пристаняхъ около 3.000.000 пуд., оцѣненныхъ

въ 2.000.000 р. Главные предметы разгрузки: хлѣбъ, металлы, соль, краски, рыба, хлопокъ.

Къ большимъ судамъ, ходящимъ по Клязьмѣ, принадлежатъ *мокшаны* и *гусянки*, поднимающія отъ 20.000 до 40.000 пуд. Малыя суда — *коломенки*, *тихвинки*, *тезянки*, *расшивы*, *полубарки*, поднимающія отъ 5.000 до 10.000 п.; наконецъ самыя малыя суда—*досчаники*, *лодки*, поднимающія до 800 пуд. Судостроеніе на Клязьмѣ мало развито вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ. Рыболовство тоже ничтожно, вслѣдствіе недостатка въ рыбѣ. А въ прежнее время Клязьма была богата рыбою, и рыболовство было весьма значительно. Уменьшеніе рыбы въ К. приписываютъ «истребительному» способу лова—*громленію*. Въ К. водятся: стерляди, лещи, налимы, щуки, ерши, окуни, сазаны, сомы, судаки.

Если так. обр. Клязьма и теперь еще можетъ считаться значительной рѣкой, то въ прежнее время, когда она была несравненно богаче и лѣсомъ, и рыбою, и водою, и звѣремъ, — значеніе ея было еще большее; но особенно оно увеличивалось еще историческими обстоятельствами, которыми обусловливалось заселеніе клязьминскаго порѣчья. Объ обстоятельствахъ этихъ мы уже говорили. Ясно, что на Клязьмѣ мы должны встрѣтить не одинъ, не два, а нѣсколько крупныхъ, населенныхъ пунктовъ. Первымъ изъ нихъ, начиная съ верховьевъ рѣки, будетъ городъ *Богородскъ* (Моск. губ.). Какъ городъ, онъ, впрочемъ, не великъ; въ немъ всего 1.300 жит. *). Въ немъ есть фабрика шелковыхъ издѣлій (на 150.000 р.); двѣ фабрики бумажныхъ (на 16.000 р.).

За Богородскомъ слѣдуютъ:

2) *Павловскій посадъ* при Клязьмѣ и ррч. Вохонкѣ и Хотцѣ и вмѣстѣ при нижегородской жел. дор. Посадъ этотъ образованъ въ 1844 г. изъ слободы *Вохны*, которая еще въ XVIII ст. славилась ручною выдѣлкою шелковыхъ матерій и крашенины. И теперь главное занятіе жителей состоитъ въ работахъ на мѣстныхъ фабрикахъ и обработкѣ фабричныхъ матеріаловъ на дому. Фабричная промышленность на столько развита, что цѣнность производства Павл. пос.

---

*) «По Географич. слов.». Въ календарѣ же Суворина число жит. Б. означено въ 6,500.

простирается свыше 1.000.000 р. Здѣсь считается 35 фабрикъ, (ситцев., шерст. и шелков.). На пристани грузится посуда, привозимая изъ Гжели (см. р. Гжель) и нѣкоторые др. товары на сумму до 25.000 р. Грузъ этотъ идетъ въ Нижній Новгородъ. Въ посадѣ въ теченіе года бываетъ 8 ярмарокъ: 1) въ Понед. на Масляницѣ, 2) 23 Апр., 3) въ Троицу, 4) въ 11-ю Пятницу по Пасхѣ, 5) 8 Іюля, 6) 8 Сент., 7) 16 Окт., 8) 28 Ноября. Оборотъ ихъ простирается до 135,000 р. Жителей въ Павловскомъ посадѣ около 5.000.

3) *Покровъ* (Владимірск. губ.). Расположенъ не на самой Клязьмѣ, а невдалекѣ отъ нея, при рч. Шиткѣ и близь нижегородской жел. дор. Покровъ — городъ очень молодой. Не говоря о томъ, что онъ подобно великому множеству нашихъ уѣздныхъ городовъ, сдѣланъ городомъ изъ села въ 1778 г.,—даже и первое возникновеніе на его мѣстѣ населеннаго пункта относится только къ концу XVII вѣка. И также подобно очень многимъ населенн. пунктамъ, возникшему здѣсь поселенію предшествовало основаніе монастыря. Именно, на мѣстѣ Покр. въ XVII ст. находилась *Антоніева Пустынь*. Около нея стали селиться люди разнаго званія; возникло селеніе, кот. меньше чѣмъ черезъ 100 лѣтъ стало городомъ. По свѣд. 1864 г. въ немъ было 3.000 жит., а календарь 1878 года даетъ уже слишкомъ 5.700. Впрочемъ, все-таки Покр. не представляетъ важнаго значенія ни въ промышленномъ, ни въ торговомъ отношеніи. Мѣстное купечество торгуетъ хлѣбомъ, имѣетъ довольно обширныя фабрики, но не въ самомъ городѣ, а въ уѣздѣ. 1—2 Октября бываетъ небольшая ярмарка.

4) *Владиміръ*. Съ исторической стороной этого города мы уже знакомы. Съ именемъ Владиміра связаны воспоминанія о юныхъ и лучшихъ дняхъ историческаго бытія нашего отечества. Не только имя, но и многое въ самомъ городѣ напоминаетъ о старинѣ, о лицахъ и дѣлахъ давно минувшихъ дней. Напр. *Успенскій* соборъ: въ немъ покоятся тѣла всѣхъ князей владимірскихъ. Здѣсь почиваютъ мощи и знаменитаго князя св. Андрея Боголюбскаго и мощи также знаменитаго основателя Нижняго Новгорода, воителя въ Болгаріи, св. Георгія Всеволодовича, погибшаго въ несчастной битвѣ съ Татарами на

Сити. Или напр. *Рождественская* церковь при архіерейскомъ домѣ, основанная въ 1191 г.; въ ней до 1723 года почивали мощи Александра Невскаго; здѣсь хранится икона Знаменія, которою былъ благословленъ Александръ Невскій матерью, когда шелъ на Шведовъ. Церковь *Георгія* — основана въ 1129 г. Юріемъ Долгорукимъ. Церк. *Преображенія* заложена въ 1160 г. Андреемъ Боголюбскимъ. *Княгининъ Успенскій* монастырь — основ. въ XII в.; здѣсь мощи св. Авраамія, того, который, какъ помнитъ читатель, былъ замученъ въ Болгарахъ. Въ 1237 г. монастырь этотъ былъ сожженъ и разграбленъ Татарами, а игуменъ и всѣ иноки были перебиты. Въ 1606 году здѣсь жила въ заточеніи Ксенія Годунова. Здѣсь же погребены многія владимірскія княгини. Упомянемъ наконецъ *Золотыя ворота*, построенныя Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году.

Теперь Владиміръ не только въ сравненіи съ такими городами, какъ Петербургъ, Москва, Одесса, Кіевъ, но и въ сравненіи со многими другими губернскими городами кажется малымъ и глухимъ. Въ немъ 16 или 17 тысячъ жителей. Для губернскаго города это довольно скромная цифра. Нѣтъ въ немъ ни университета, какъ въ Казани, напр., никакихъ ученыхъ обществъ, какъ напр. въ Ярославлѣ, ни другихъ какихъ либо высшихъ учебныхъ заведеній, какъ въ томъ же Ярославлѣ, ни особаго проявленія промышленной дѣятельности, какъ во многихъ другихъ городахъ Волжскаго бассейна, ни особаго проявленія дѣятельности торговой, какъ въ Нижнемъ, Рыбинскѣ и Самарѣ. Всѣми этими отрицательными сторонами онъ становится въ одну категорію съ такими городами, какъ напр. Кострома и Симбирскъ съ тою разницею, между прочимъ, что Кострома и Симбирскъ все же болѣе оживляются Волгою, нежели Владиміръ желѣзною дорогою. Есть, впрочемъ, во Владимірѣ нѣсколько фабрикъ, но онѣ весьма незначительны. Не придется помянуть Владиміръ даже садами и вишнями, которыми онъ славился прежде: давно уже жалуются на упадокъ въ немъ садоводства. Въ городѣ бываетъ съ 21 по 28 Мая ярмарка, называемая Царевоконстантиновской.

Всего 10 верстъ ниже Владиміра стоитъ при впаденіи Нерли въ Клязьму и при нижегородской желѣзной дорогѣ.

5) знаменитое село *Боголюбово* и *Боголюбовъ* мужск. 3-го класса монастырь. Когда, кѣмъ и какъ основаны они, мы уже говорили. Сообщимъ теперь, что въ Боголюбовѣ 1.000 жит.; жители богаты и занимаются иконописью и др. различными промыслами. Съ 1846 г. въ селѣ открыта выставка сельскихъ произведенiй для губ. Владимiрской, Ярославской, Костромской и Вологодской. Бываетъ съ 8 по 15 Сент. ярмарка.

Далѣе на Клязьмѣ и при жел. же дорогѣ стоитъ городъ

6) *Ковровъ*, о возникновенiи котораго еще въ XII вѣкѣ мы также говорили, и, какъ о городѣ не замѣчательномъ въ наше время ничѣмъ особеннымъ, не имѣемъ ничего почти сказать. Есть, впрочемъ, бумаготкацiя фабрики, выдѣлывающiя тканей на 100.000 р. Въ году бываетъ 2 ярмарки: 28 Iюля и Рождественская 25 Дек.; обороты последней простираются до 100.000 р. Жителей въ Ковровѣ около 6.000.

7) *Вязники* на возвышенномъ прав. бер. Клязьмы, въ 2-хъ верстахъ отъ ея русла, по обѣ стороны рч. Войнюши и при нижег. жел. дорогѣ. Въ старину здѣсь былъ городъ *Ярополчъ* и слобода *На Вязяхъ*. Объ этомъ мы упоминали. Въ городѣ съ небольшимъ 5.000 жит.; 6 церквей; изъ нихъ соборъ Каз. Богор. основанъ въ 1670 г. иждивенiемъ Алексѣя Михайловича. Изъ фабрикъ обращаютъ на себя вниманiе полотняныя; на нихъ еще въ 1860 г. выдѣлывалось полотенъ на 860.000 р. И вообще главное занятiе жителей — тканье полотенъ; но многiе занимаются также садоводствомъ. Здѣсь считается 60 садовъ, и они служатъ разсадникомъ для цѣлой губернiи. На пристани въ 1860 г. грузилось 29 судовъ грузомъ въ 30.000 п. на 82.000 р.; а разгрузилось 78 суд. съ груз. въ 240.000 п. на 320.000 р.

8) *Гороховецъ* — городъ очень старинный и когда-то пограничный пунктъ, отдѣлявшiй Русскую землю отъ земли Мордовской. Въ лѣтописяхъ онъ впервые упоминается подъ 1239 г., когда Татары, завоевавъ Мордовскую землю, сожгли Муромъ и «градъ св. Богородицы — Гороховецъ». И еще въ 1680-хъ гг. здѣсь было уже 231 дворъ, 36 лавокъ и 15 оброчныхъ кузницъ. Теперь въ Гороховцѣ около 3.000 жит.; 7 церквей. Жители занимаются преимущ. огородничествомъ и садоводствомъ; въ садахъ раз-

водятъ вишни. По суммѣ хотя и не большой промыселъ, но здѣсь весьма выдающійся и составляющій нѣкоторую извѣстность, это — пряденіе нитокъ женщинами, притомъ особенно тонкихъ нитокъ, употребляемыхъ на кружева. Нитки идутъ на продажу въ Нижній, на сумму до 1.000 р. Съ пристани отправляется грузовъ приблиз. 40.000 пуд., оцѣниваемыхъ 20.000 р. Разъ въ годъ бываетъ ярмарка.

Наконецъ, на самомъ концѣ Клязьмы, уже при впаденіи ея въ Оку, стоитъ 9) деревня *Овинищи*. Въ ней около 700 д. жит. Она обращаетъ на себя вниманіе обозрѣвателя рѣки, какъ дов. значительная по мѣсту пристань. Въ 60-хъ гг. съ нея отправлялось слишкомъ 30.000 п. груза на 16,000 р., да разгружалось хлѣба ок. 12.000 п.

Колокша, лѣвый прит. Клязьмы, бер. нач. въ Юрьевск. у., въ болотахъ, окружающихъ с. Елохъ. Дл. течен. ея до 110 («140») в.; разв. басс. ничтожно; шир. отъ 3 до 8 саж.; глуб. отъ 3 четв. до 4 арш.; дно частью иловатое, част. песч.; теченіе дов. быстрое и извилистое. Берега вначалѣ низменны и болотисты, а далѣе высоки, круты, мѣстами обрывисты, и состоятъ изъ юрскихъ глинъ съ белемнитами и др. окаменѣлостями. Въ низовьѣ бб. снова сглаживаются и представляютъ хорошіе поемные луга. Въ старину на Колокшѣ водились бобры.

На Колокшѣ и притокѣ ея *Гэнъ* въ XII и XIII вв. происходило нѣсколько битвъ. Объ одной изъ нихъ мы упоминали, это о битвѣ между Георгіемъ Всеволодовичемъ и его братомъ Константиномъ.

На Кол. же стоитъ старин. гор. *Юрьевъ Польскій.* Въ немъ около 5.000 жит.; 7 церквей, 2 монастыря и болѣе 15 фабр. и завод. съ оборомъ до 800.000 р.

Колоча. Это первый притокъ Москвы, имѣющій ок. 30 в. протяж. Громкую историческую извѣстность эта рѣчка пріобрѣла со времени достопамятной битвы съ Французами при с. Бородинѣ, кот. расположено при Колочѣ и ррч. Войнѣ и Стонцѣ.

На Кол. же (выше Бородина) стоитъ старинный *Колоцкій* монаст., основанный въ 1413 г. Можайскимъ кн. Андр. Дмитр. При монаст. этомъ въ 1812 г. Платовъ разбилъ Французовъ, причемъ самый монастырь сильно пострадалъ отъ ядеръ, но вскорѣ былъ возобновленъ.

Колпь, лѣвый притокъ Гуся, беретъ нач. въ неболш. болотѣ на границѣ Судогодск. у. близь с. Вѣтки. Дл. рѣки до 65 («до 75») в.; шир. отъ 2 до 17 саж.; глуб. до 2 арш.; берега пологи и болотисты; лѣв. бер., впрочемъ, выше праваго. Рѣка сплавна

Крома, лѣвый прит. Оки, первый изъ значительныхъ ея притоковъ. Дл. ея 45 («55») в. Колпь не судоходна и не сплавна, но на ней много мельницъ. На ней же гор. *Кромы* (Орл. губ.); городъ весьма старинный, упоминаемый въ лѣтописяхъ еще подъ 1147 г. Впослѣдствіи упоминается о *Кромскомъ городищѣ,* на кот. въ 1595 г. былъ выстроенъ острогъ, для защиты отъ набѣговъ Татаръ. Городъ состоялъ изъ землянаго вала съ башнями и палисадомъ, окруженнымъ глубокимъ рвомъ. Теперь въ Кромахъ ок. 3.000 жит.; 6 церквей. Въ 10-ю и 11-ю нед. по Пасхѣ бываютъ небольшія ярмарки.

Ломовисъ, лѣв. прит. Кашмы (прит. Цны), беретъ нач. въ Тамб. у. на границѣ съ Кирсан. у. Длина 76 в. На немъ и его прит. М. Ломовисѣ три большихъ села съ тѣмъ же именемъ. Въ кажд. изъ нихъ около 2.000 жит.

Ломовъ, лѣв. прит. Мокши. Дл. теченія 70 в. На немъ стоитъ городъ Пензенск. губ. *Нижній Ломовъ.* Существуетъ съ 1636 г. Въ гор. около 19.000 жит. Съ 5 по 12 Іюля бываетъ ярмарка, на которую привозится товаровъ болѣе чѣмъ на 300.000 рублей.

На притокѣ Л. *Норломовкѣ* расположенъ другой *Ломовъ* (Верхній), ровесникъ по основанію съ первымъ. Теперь это заштатный городъ. Въ немъ около 9.000 жит.

Лопасня, лѣв. прит. Оки, беретъ нач. въ Подольск. у., близь села Богоявленскаго. Дл. теч. 86 («50») в. Рѣка не глубока; на ней много бродовъ; берега дов. круты, но не высоки. На р. много мельницъ. Вдоль р. расположено 35 селеній и 1 монаст. Изъ нихъ одно носитъ то же названіе, что и рѣка, и имѣетъ до 1.700 жит. Около села видны курганы. Въ 1572 г. кн. Воротынскій одержалъ здѣсь блестящую побѣду надъ Дэвлетъ-Гиреемъ.

Лужа, прав. прит. Протвы, беретъ начало на гран. Гжатскаго у., Смоленск. губ. Дл. теч. 94 в.; шир. до 10 саж.; глуб. до 1½ арш. Въ прежнее время по Лужѣ производился сплавъ.

Лухъ, лѣв. прит. Клязьмы, беретъ нач. въ Юрьевецк. у. Костр. губ., протекаетъ 170 («до 200») в.; разв. басс. 0,22. Паденіе рѣки слабо; шир. 5—40 саж., а при устьѣ 70 саж.; глуб. отъ 1 арш. до 2 саж., но попадаются яры до 11 саж. Въ верхней части теченія берега довольно возвышенны и лѣсисты; лѣв. бер. выше праваго. Далѣе бер. низки, болотисты и покрыты мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ; а на послѣднихъ 50 верстахъ теченія рѣку сопровождаютъ громадныя и пустынныя болота, верстъ на 60 въ ширину; только въ 25 верст. отъ Гороховца стоитъ на берегу рѣки монастырь *Флорищева Пустынь*. Весною Лухъ разливается версты на 2; въ это время по Л. производится небольшой сплавъ лѣса. На Л. 5 мельницъ. Въ верхней части теченія, въ Костр. губ., на Л. стоитъ заштат. гор. *Лухъ* съ 2.000 ж., которые занимаются главн. обр. огородничествомъ, разводя въ больш. количествѣ капусту и лукъ. 8 Іюля въ городѣ бываетъ небольшая ярмарка.

Мокша, прав. прит. Оки, беретъ начало верстъ 15 выше Мокшана, у гран. Пенз. у. съ Мокш., изъ 3-хъ родниковъ въ лѣсныхъ болотахъ близь селеній Симбухина и Владыкина (Мокш. у.). Проходитъ до впад. въ Оку 575 в. и на пути своемъ дѣлаетъ нѣсколько крупныхъ поворотовъ и этимъ, между прочимъ, отличается отъ 2-хъ другихъ большихъ притоковъ Оки—Москвы и особенно Клязьмы. Достаточно сказать, что прямое разстояніе отъ истока Мокши до ея устья не болѣе 180 верстъ, т. е. менѣе 1/3 всего протяженія. Ширина Мокши на первыхъ 150—180 верстахъ незначительна; у с. Кочелаева (на сѣверѣ Наровч. у.) ширина ея достигаетъ 15 саж.; у Краснослободска 40, далѣе 50 и даже до 70. Глубина отъ 1/2 арш. до 2 и 3 арш. Русло песчаное; есть небольшіе острова; мелей въ судоходной части теченія немного. Долина широка, мѣстами даже очень: напр. при устьѣ Цны Мокша разливается верстъ на 7, а при Кадомѣ даже верстъ 18! Самый Кадомъ въ это время почти весь подвергается наводненію, такъ что сообщеніе между жителями происходитъ уже на лодкахъ. Разливъ держится до 7 недѣль, и вода возвышается отъ 1 1/2 до 3 саж. Но это однако относится болѣе ко 2-й половинѣ Мокши, а въ Пензенской губ. разливы не такъ значительны. Мокша замерзаетъ въ концѣ Октября, а

вскрывается въ концѣ Марта. О самой водѣ Мокши пишутъ, что она чиста, прозрачна, мягка и здорова. Берега М. до впад. Исы непостоянны. Отъ Троицка до поворота на западъ въ Тамбовскую губ. лѣв. бер. сопровождается возвышенностями, правый же бер. совершенно плоскій. Въ Тамбовск. губ. бер. М. не высоки, всего 2 — 3 саж., но круты; грунтъ ихъ песчаный или глинистый; лѣсовъ по берегамъ много; лѣсъ, извѣстный здѣсь подъ именемъ *Мокшанскаго*, начинается отъ Краснослободскаго у. Пенз. губ., сопровождаетъ теченіе М. по Тамб. губ. и уходитъ далѣе по Окѣ во Владимірскую губ. Большая часть Мокшанскаго лѣса находится въ вѣдѣніи морскаго министерства; въ лѣсу этомъ заготовляется значительное количество дуба для постройки кораблей. Крестьяне Темниковск. у. дерутъ здѣсь лыко, гонятъ смолу, деготь, дѣлаютъ деревянную посуду.

Отъ с Кочелаева или, иначе, отъ мѣста впаденія р. Исы Мокша становится судоходною на всемъ остальномъ протяженіи, т. е. на 370 или 380 в. Но, говорятъ, «русло М. положительно не тронуто человѣческими руками; съ давнихъ, вѣроятно, поръ лежитъ валежникъ на днѣ ея; карши въ берегахъ и нерасчищенный бичевникъ замедляютъ сплавъ судовъ», тогда какъ «Мокша не имѣетъ ни пороговъ, ни мелей, ни подводныхъ островов (камней?) и во всѣхъ отношеніяхъ способна къ судоходству» *).

На верхней части М. для пособія судоходству существуетъ 7 подпорныхъ плотинъ съ отводами; на плотинахъ этихъ устроены мукомольныя мельницы. Но если *эти* плотины и устроены для пособія судоходству, то многія другія служатъ во вредъ его развитію. «Судоходство по М. могло бы быть гораздо значительнѣе», говоритъ обозрѣватель Тамб. губ. въ «Сп. нас. м.»: препятствуютъ тому не столько мелководіе рѣки и частые повороты ея теченія (*извилины,* вставимъ отъ себя), сколько существующія мельничныя плотины», а также неустройство бичевника и остающіяся отъ разбираемыхъ мостовъ сваи. Поэтому взводное судоходство весьма рѣдко простирается за г. Кадомъ; на всемъ остальномъ протяженіи произво-

---

*) Спис. нас. м. Пенз. губ. с. VI.

дится сплавъ постоянно на новыхъ судахъ, преимущественно на тахъ называемыхъ *мокшанахъ*.

Пристани на Мокшѣ: Кочелаево, Троицкъ, Краснослободскъ, Пурдышки, Кондровка, Темниковъ, Баево, Мокшанская Пристань (Козловка), Высокое, Красный Яръ, Кадомъ, Черные и Кателино (Котельня). На послѣдней грузится до 250.000 п. хлѣба, спирта, поташа и льнянаго сѣмени на сумму до 275.000 р. А на всѣхъ пристаняхъ вмѣстѣ — около 1.000.000 пуд. на 630.000 р. Но потомъ по Мокшѣ же идутъ грузы съ Цны, вмѣстѣ съ которыми количество грузовъ возрастаетъ до 7.000.000 пуд. (по свѣд. 1859—62 гг.).

Важнѣйшіе изъ населенныхъ пунктовъ по Мокшѣ:

1) *Мокшанъ*—есть поводъ думать, чрезвычайно древній пунктъ: полагаютъ, что здѣсь еще въ IX в. стоялъ мещерскій городокъ *Мурундза*. Собственно же Мокшанъ построенъ въ 1535 г., какъ передовое укрѣпленіе на гран. Мещерской земли съ землями Кубанскихъ Татаръ. Остатки рва и вала сохранились и донынѣ. Въ Мокшанѣ болѣе 14.000 жит.; 6 церквей. Есть небольшіе заводы (поташн., овчинн., воскобойн., салотоп.). Въ году 2 небольшія ярмарки.

2) *Наровчатъ*, собств. на р. Шелдаисѣ, недалеко отъ впад. его въ Мокшу. На мѣстѣ Наровчата, говорятъ, находилось встарину мордовское селеніе. Въ 1627 г. здѣсь было поставлено укрѣпленіе. Жит. около 5.000. Бываютъ въ году 2 незначительныя ярмарки.

3) Троицкъ, зашт. гор.; съ небольш. 5.000 жит. Разъ въ году бываетъ ярмарка. Имѣетъ значеніе какъ пристань.

4) *Кочелаево*, село Наровч. у., очень большое с.,—слишкомъ 3.000 жит. Пристань; на ней грузилось въ 60-хъ гг. ежегодно до 120.000 п. на 75.000 р. Кочелаево служитъ главнымъ пунктомъ торговли для уѣздовъ Краснослободскаго и Наровчатскаго.

5) *Краснослободскъ*. Время основ. его намъ неизвѣстно; можно думать однако, что К. принадлежитъ къ новѣйшей формаціи городовъ и былъ поставленъ въ XVI в. въ качествѣ острога, длѣ защиты отъ Татаръ; въ XVII в. упоминается подъ именемъ «Града Красной Слободы». Въ К.

5 церквей, монастырь; слишкомъ 5.000 жит. Есть два поташн. зав. (на 10.000 пуд.) Бываетъ небольшая ярмарка.

7) *Пурдошки* — большое село; пристань. Въ П. 3.000 жит.; много поташныхъ заводовъ.

8) *Темниковъ* — городъ старинный; въ давнія вемена находился въ землѣ Мордовской, которую въ XIV в. ханъ Тохтамышъ призналъ за вел. кн. московскимъ. Первоначально Т. стоялъ гдѣ-то на другомъ мѣстѣ, но тоже на Мокшѣ; а на нынѣшнее мѣсто перенесенъ въ 1535 г. Въ XVII в. здѣсь попъ Савва и старица Алена водрузили знамя бунта С. Разина; но были потомъ здѣсь же казнены (1670). Въ Т. около 14.000 жит.; 6 церквей; нѣсколько кожевен., чугунно-литейн. и маслоб. заводовъ съ общимъ произв. на сумму около 80.000 р., 1 фаянсов. зав. (на 14.000 р.). Произвед. эти везутся въ Нижній и др. мѣста на ярмарки. Однако вообще торговля Т. незначительна; и въ этомъ отношеніи зашт. городъ Кадомъ имѣетъ бо́льшее значеніе. Съ 15 по 28 Іюля въ Т. бываетъ ярмарка, на которую привозится разныхъ товаровъ на сумму до 80.000 р.

9) *Кадомъ*, зашт. гор. Тамб. губ., Темниковск. у. Городъ старинный. Онъ находился въ Мещерской области, которую купилъ Дмитрій Донской въ 1381 г. у тамошняго крещенаго князя Александра Уковича. Въ К. 7.000 жит.; 4 церкви, женская община. Есть нѣсколько небольшихъ заводовъ. Съ Кадомской прист. въ 60-хъ гг. отпускалось ежегодно до 70.000 пуд. на 53.000 р. Бываютъ 2 небольшія ярмарки 29 Іюня и 1 Октября.

Москва, лѣв. прит. Оки. Въ дополненіе къ тому, что было уже о ней сказано, прибавимъ слѣдующее: шир. рѣки въ Смол. губ. отъ 1 до 7 саж.; далѣе въ Моск. губ. отъ 15 до 70 саж. Глуб. выше гор. Москвы отъ 1/2 арш. до 2-хъ арш., а ниже отъ 2 арш. до 4 1/2 саж. Количество притока воды, измѣренное близь города Москвы, = 343 куб. ф. въ секунду, а въ низовьѣ отъ 350 до 500 куб. ф. Русло М. песчано, какъ и берега; но мѣстами, гдѣ р. проходитъ по слоямъ известняка, каменисто. Ширина долины весьма различна; мѣстами доходитъ до 6 верстъ. Долину находятъ весьма красивою вслѣдствіе того, что р. при непрерывныхъ изгибахъ подмываетъ то правую, то лѣвую изъ своихъ береговыхъ возвышенностей. Берега вообще высоки; до Можайска они

высоки оба, но лѣвый нѣсколько выше праваго; ниже Можайска правый бер. обрывистъ, но не выше лѣваго; между устьями Искони и Рузы долина узка; оба берега высоки и обрывисты, но лѣвый выше праваго. Далѣе до села Покрова оба берега продолжаютъ быть высокими и то правый выше, то лѣвый. До Звенигорода опять лѣвый выше праваго. Отъ поворота къ ЮЗ долина М. расширяется; берега спускаются къ р. пологими скатами; а на изгибахъ р. подмываетъ вогнутую часть берега, вслѣдствіе чего б. становится крутымъ и обрывистымъ. Отъ гор. Москвы до впад. Пахры лѣв. бер. продолжаетъ командовать правымъ; но отсюда до самаго устья Москвы прав. бер. почти всюду выше лѣваго. Береговыя обнаженія вдоль М. состоятъ изъ горныхъ известняковъ, юрскихъ глинъ и песчаниковъ. Особенно богаты окаменѣлостями юрскія глины при селѣ Хорошевѣ и затѣмъ — известняки, ломка которыхъ производится при с. Мячковѣ; здѣшнія каменоломни снабжаютъ гор. Москву строевымъ матеріаломъ.

По р. М. лѣсной сплавъ производится отъ самой границы губерніи, а барки съ камнемъ и кирпичемъ начинаютъ сплавляться верстъ 140 выше города Москвы; но вполнѣ судоходною Москва считается только отъ гор. Москвы, т. е. на 170 верстъ теченія. Пристани на М., кромѣ самаго гор. Москвы: *Мячково*, *Бронницы*, *Николо-Романовскій* погостъ и *Коломна*. Въ 60-хъ гг. на М. ежегодно грузилось средн. числомъ около 5.500.000 п. на 2.300,000 р. Главный грузъ — мануфактурн. тов., особ. бумажныя, льняные и пеньковыя издѣлія. Сюда же, т. е. къ общей цифрѣ грузовъ, слѣдуетъ прибавить грузы коломенской пристани, такъ какъ больш. часть ихъ идетъ вверхъ по М.; грузовъ этихъ 3.400,000 п. на 900.000 рублей.

По М. ходятъ плоскодонныя суда въ 36 арш. дл., 20 шир. и съ осадкою на 1 арш. весною и менѣе 6 вершковъ лѣтомъ.

Важнѣйшіе изъ населенныхъ пунктовъ по Москвѣ:

г. *Можайскъ* при впад. ррч. Можайки и Петровки въ Москву съ прав. стороны. Годъ основ. Мож. неизвѣстенъ; но М. существовалъ уже въ первой полов. XIII в., принадлежа Черниговскому княжеству. При Ив. Грозн. М. былъ сильною крѣпостью. Въ 1812 г., послѣ отступленія Напо-

леона изъ Москвы, М. сдѣлался центромъ военныхъ движеній. Въ 10-ти верстахъ отъ него произошла знаменитая Бородинская битва.

Въ М. слишкомъ 4.000 жит.; 10 церквей, *Лужецкій* монастырь. Въ 1862 г. значились 2 ленточныя фабр., выдѣлывавшія 4.300 кусковъ лентъ на $6^1/_2$ тыс. р., а также другіе небольш. зав.; 29 Іюня быв. ярмарка съ привозомъ на 100.000 р. приблизительно.

2. *Звенигородъ* — одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ русскихъ; основанъ около 1152 г. Юріемъ Долгорукимъ. Въ немъ нынѣ около 8.000 жит. Жители занимаются огородничествомъ. Есть небольшія завед. для выдѣлки крестьянскихъ мѣдныхъ серегъ, для ручной размотки шелка, получаемаго изъ Москвы, и для окраски и набивки холста.

3. *Москва*, объ основаніи которой и историческомъ значеніи было говорено прежде. А современное ея состояніе и значеніе достаточно общеизвѣстны, или уже требуютъ такого обзора, который выведетъ насъ за поставленные предѣлы.

4. *Брønницы;* упоминаются въ лѣтописяхъ въ 1-й разъ въ 1453 г. подъ именемъ села *Бронница*. Въ Б. $3^1/_2$ тыс. жит. Ничего, особенно заслуживающаго вниманія, въ этомъ городѣ нѣтъ.

5. *Коломна* — очень старинный пунктъ, упоминаемый еще подъ 1177 г. Терпѣла много опустошеній, — отъ Батыя, Тохтамыша, Олега Рязанскаго, Махмета (царя каз.), Магметъ-Гирея, Лисовскаго, Тушинскаго самозванца, Владислава. Укрѣпленія Коломны, разрушенныя Махметомъ, были потомъ возведены снова при Ив. Грозномъ; стѣны ихъ существуютъ и донынѣ.

Стоя при р. Москвѣ близь впад. ея въ Оку, Коломна съистари имѣла и имѣетъ по сю пору большое торгово-промышленное значеніе. Въ ней около 20.000 жит., 20 церквей, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя ц. Вознесенія въ Кремлѣ; церковь весьма древней постройки; въ ней вѣнчался Дм. Донской съ суздальской княжною Евдокіею. Есть затѣмъ два монастыря: *Успенскій-Брусенскій* женск. и *Ново-Голутвинскій-Богоявленскій* мужской, образовавшійся переводомъ сюда стараго Гол. мон. Въ гор. въ 60-хъ гг. считалось болѣе 400 мастеровъ-

ремесленниковъ. Разныхъ ремесл. произвед. сбывается въ годъ приблиз. на 140.000 р. Пристань, заводы и фабрики привлекаютъ въ К. много рабочихъ рукъ. 16 фабр. и завод. производятъ на сумму около 450.000 р.; изъ нихъ 3 фабр. шелковыхъ матер. на 230.000 р. На друг. зав. выраб. кожъ на 25.000 р., 20.000 пуд. мыла, около 12.000 пуд. пшеничнаго крахмала; 2 зав. приготовляютъ сахарную, такъ наз. коломенскую пастилу до 1.200 пуд. Ведется значит. торговля скотомъ, хлѣбомъ, лѣсомъ, саломъ и проч. На пристани грузится до $3^1/_2$ милліоновъ пудовъ на 900.000 р. Весь оборотъ коломенской торговли полагаютъ 6—8 милліоновъ руб. Ярмарокъ нѣтъ, но базары (по Понд. и Четв.) бываютъ многолюдны, особ. зимою; обороты ихъ опредѣляются суммою до 700.000 р. въ годъ.

6. *Глутвинъ Богоявленскій* (старый) зашт. мужск. мон. при впад. Москвы въ Оку, на живописн. мѣстѣ. Основанъ Дмитріемъ Донскимъ въ 1385 г. и строенъ ученикомъ преп. Сергія, Григоріемъ. Названіе свое мон. получилъ отъ мѣстности, гдѣ встарину былъ притонъ разбойничьей шайки *голытьбы*. Въ началѣ XVIII в. мон. былъ упраздненъ съ переводомъ въ Коломну и образованіемъ Ново-Голутв. мон., но въ XIX в. снова возстановленъ.

Нара, лѣвый прит. Оки, бер. нач. въ болотахъ с. Крымскаго (Верейскаго у.) Длина теч. 130 («165») в.; разв. басс. 0,2; теченіе извилисто. Средняя шир. 7 саж., а у устья до 20. Глуб. больш. ч. до 2 арш. Берега въ верховьяхъ низменные и болотистые; далѣе становятся возвышенными и образуютъ узкую и красивую долину. Обнаженія состоятъ изъ горныхъ известняковъ, иногда прикрытыхъ юрскими глинами. По Н. производится небольшой сплавъ. На Н. на гористомъ мѣстѣ по обѣ ея стор., а вмѣстѣ при рч. Серпейкѣ, и всего въ 4 верстахъ отъ впад. въ Оку расположенъ г. *Серпуховъ* Время основ. Серпухова неизвѣстно и впервые онъ упоминается въ 1328 г. подъ имен. Серпуховскаго. При Ив. Грозн. здѣсь была крѣпость и еще была цѣла въ прошл. столѣтіи; а теперь отъ нея едва замѣтны кое-какіе остатки. Нынѣ въ Серпуховѣ около 20.000 жит.; 20 церквей и *Высоцкій* монаст. съ 6 церквами, основанный св. Сергіемъ Радонежскимъ въ 1373 г. Главныя занятія жит.—ремесла, торговля, работы на пристани, при

желѣзн. дорогѣ и на мѣстныхъ фабрикахъ. Изъ всѣхъ городовъ Моск. губ. Серпуховъ имѣетъ самую значит. фабричную промышленность. Въ 1870 г. здѣсь было 36 фабрикъ и заводовъ, производившихъ на 2.000.000 р.; изъ этой суммы на долю ситценабивныхъ приходилось 1.400.000; затѣмъ на долю суконной ф. 160.000 и на 2 кожев. 184.000. На мѣстной пристани производилась только разгрузка, но съ проведеніемъ жел. дор. стало грузиться небольш. колич. товаровъ, отправляемыхъ въ приокскіе города. Въ концѣ 60-хъ гг. разгружалось $2^1/_2$ милл. пуд. на 2 милл. р., главн. обр. пенька и пакля, потомъ хлѣбъ, сало, соль, лѣсъ и пр. А грузилось въ 1868 г. всего 7.000 пуд.

Затѣмъ по Нарѣ расположено болѣе 80 селеній, съ 30 тыс. жит. Изъ этихъ селеній заслуживаютъ быть упомянутыми: с. *Нара* (Верейск. у.) съ 2.500 жит.; съ бумагопр. фабр., производящею бумажной пряжи на 500.000 руб.; другая фабр. бумаготкацкая; на ней въ 1861 г. было выдѣлано миткалю ок. 2.700.000 арш. Другое село — *Тарутино* (Калужск. губ. Боровск. у.). Въ немъ около 1.000 ж. и бываетъ ярмарка. Но главная замѣчательность его историческая: 6-го Окт. 1812 г. здѣсь произошла битва Русскихъ съ Французами. Русскіе подъ начальствомъ Кутузова одержали побѣду; а освобожденные гр. Румянцовымъ въ память этой побѣды здѣшніе крестьяне поставили памятникъ въ ознаменованіе той же побѣды.

Нерехта, прав. прит. Клязьмы, бер. нач. на гран. Судогодск. и Ковровск. у., близь д. Слышки. Дл. теч. 32 в. Шир. 1—7 саж.; глуб. отъ $1^1/_2$—7 арш. Берега вообще низки и болотисты; но все таки лѣв. бер. выше праваго. Вдоль Н. расположено 8 селеній съ 2.000 жит., изъ кот. до 700 чел. занимаются ломкою извести, продаваемой на сумму до 6.000 рублей.

Нерль, лѣв. прит. Клязьмы, замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что ей присвоено было названіе *Малой* въ отличіе отъ значительно меньшей ея «*Большой*» Нерли. Но болѣе важную замѣчательность Нерли составляютъ историческія воспоминанія; такъ, въ 1096 г. сыновья Мономаха Мстиславъ и Вячеславъ разбили на берегахъ Н. черниговскаго князя Олега Святославича. Въ 1174 г. на берегахъ Н. былъ убитъ знаменитый Андрей Боголюбскій.

Въ 1445 г. Василій Темный былъ разбитъ на берегахъ Н. сыновьями Улу-Махмета. Наконецъ, въ 1608 г. здѣсь былъ разбитъ Лисовскимъ Шереметьевъ.—Дл. теч. Н. по нашему измѣр. 234 в., а другіе даютъ ей болѣе 350. Разв. басс. 0,55. Вдоль Н. расположено 74 сел. съ 16.000 жит. Хотя и не на ней, но всего въ 5 верстахъ отъ нея на ея маленькомъ притокѣ Каменкѣ стоитъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ — *Суздаль*. Въ Сузд. 9.000 жит.; 25 церквей, больш. ч. старинныхъ, и 4 монаст. Изъ нихъ *Спасо-Евфимьевскій* основ. въ 1352 г. инокомъ нижегородскаго Печерскаго мон. Евфиміемъ по волѣ вел. кн. нижег. Бориса Константиновича. Здѣсь-то собственно, подъ стѣнами этого монаст. и было то кровопролитное сраженіе, въ которомъ Василій Темный былъ взятъ въ плѣнъ Татарами. Въ монаст. почиваютъ мощи его основателя — Евфимія. Здѣсь же близъ церкви могила кн. Дм. Мих. Пожарскаго. Да вообще здѣсь, какъ и въ Суздалѣ, много разныхъ памятниковъ старины. Иконопись, офени-ходебщики составляютъ, такъ сказать, извѣстную извѣстность Суздаля. Слѣдуетъ только замѣтить, что нынѣ эта извѣстность остается за С. только по традиціи; на дѣлѣ же она перешла на села Холуй и Палехъ Вязниковск. у. И вообще надо сказать, что славный, древній Суздаль упалъ, не говоримъ уже въ политическомъ, но и въ торгово-промышленномъ отношеніи. Теперь здѣсь развито огородничество, какъ въ Ростовѣ. Одного, напр., хрѣну вывозится въ Москву и др. города до 20.000 пуд. Занимаются также садоводствомъ. Что касается фабрично-заводской производительности, то она измѣряется суммою до 300.000 р., большая ч. которыхъ относится на долю миткалевыхъ фабр. Съ 25 Сент. по 1-е Окт. бываетъ ярмарка съ оборотомъ до 25.000 р.

На Нерли же стоитъ село *Боголюбово*, (см. Клязьма).

Нерская, лѣв. прит. Москвы, бер. нач. у гран. Рязанской губ. и протекаетъ по Богор. и Бронницк. уу. 70 в. Шир. до 25 саж. Берега сначала болотистые, отъ Спаса лѣсистые и сухіе, а отъ Егорьевскаго пог. возвыш. и крутые. Въ нижн. части теч. берега станов. отлогими, особ. лѣвый.

Неручъ, лѣв. прит. Зуши, бер. нач. въ Малоарханг. у.

Длину теч. опредѣляютъ во 100 в. Неручъ — рѣка не сплавная; но по ней множество мельницъ.

Нугрь, или **Нугра,** лѣв. прит. Оки, бер. нач. изъ болотъ с. Гаврилова (Болховск. у.); протекаетъ 85 в.; шир. отъ 5 до 10 саж.; глуб. достигаетъ 1 саж. Берега круты, но не высоки; мѣстами болотисты, а мѣстами, какъ напр. у Болхова, представляютъ обнаженія песчанистыхъ доломитовъ нижнедевонской формаціи. Прежде по Н. производился значительный сплавъ лѣса. На рѣкѣ 16 мельницъ. При ней же и рч. Болховкѣ стоитъ гор. *Болховъ* (Орл. губ.), городъ весьма старинный, извѣстный съ самаго начала XIII в. Нынѣ въ Б. считается до 20.000 жит., 18 церквей и 2 монастыря. Въ городѣ много кожевенныхъ заводовъ, общее производство которыхъ оцѣнив. въ 1.200,000 р.; много также заводовъ пенькотрепальныхъ. Кожи и пенька — главные предметы довольно значительной торговли Б. Разъ въ году бываетъ ярмарка.

Озерна, лѣв. прит. Рузы (Моск. басс.), бер. нач. въ оз. Тростянскомъ (Рузск. у.); протекаетъ 46 в. Шир. до 10 саж. Сплавна на 35 в.

Орликъ, лѣв. прит. Оки, беретъ нач. въ Болховск. у. близь д. Слободки. Дл. теч. 53 в.; шир. 25—30 саж. Берега круты, дов. высоки и состоятъ изъ известняковъ Девонской формаціи. Дно О. иловатое и глинистое. Весною теченіе быстро. На рѣкѣ нѣсколько мельницъ. На ней же, при впаденіи въ Оку, по склонамъ большой котловины, расположенъ губ. гор. *Орелъ,* городъ весьма еще молодой; онъ основанъ уже при Ив. Грозн., около 1564 г., для защиты отъ Татаръ и долго былъ очень небольшимъ и незначительнымъ пунктомъ, такъ что напр. въ 1709 г. онъ состоялъ чуть ли не изъ одной улицы возлѣ болота и лѣса, гдѣ водились дикіе гуси и утки. При Петрѣ Великомъ образовались слободы Стрѣлецкая и Пушкарская. Въ 1781 г. въ Орлѣ было уже ок. 3.000 домовъ и 20 церквей. А нынѣ въ немъ считается около 45.000 жит. Если не говорить о такого рода отличіяхъ Орла какъ города, которыя составляютъ принадлежность каждаго губернскаго города, то намъ нечего повѣдать о немъ особенно важнаго или любопытнаго. Предметами его торговли служатъ: хлѣбъ (на 1 милл.), пенька и издѣлія изъ нея (также на 1 милл.), конопл. масло (на 500 тыс.), а также сало и свѣчи изъ него. Съ пристани въ нач.

60-хъ гг. отпускалось грузовъ ок. $2^1/_2$ милл. пуд. на $1^1/_2$ милл. р. *).

Осетръ, прав. прит. Оки, бер. начало въ Тульск. у. близь д. Мелеховки; имѣетъ протяженіе по наш. измѣр. 190 в., но другіе даютъ ему почти вдвое менѣе. Шир. О. достиг. 22 саж., глуб. до $4^1/_2$ ф.; дно вообще иловатое, берега высоки, каменисты и то правый выше, то лѣвый; состоятъ они изъ горн. известняка, прикрытаго черными юрскими глинами. Долина р. очень извилиста и узка, почему и разливы весенніе не значительны, — отъ 50 до 100 саж., и разливъ продолжается всего 10 дней или менѣе. Бассейнъ О. ничтоженъ по его протяженію; никакихъ значительныхъ притоковъ нѣтъ; ни судоходства, ни сплава тоже нѣтъ; впрочемъ, въ прежнія времена сплавъ производился; по рѣкѣ много мельницъ и есть хорошія ломки горнаго известняка. Вдоль О. расположено 71 селеніе съ 36.000 жит. Изъ нихъ самое большое *Серебряные Пруды* съ 4.000 жит.; село это принадлежитъ къ числу значительныхъ торговыхъ пунктовъ **).

На О. же стоитъ гор. *Зарайскъ*, возникшій въ годину Калкской битвы по обстоятельству, напоминающему возникновеніе нѣкоторыхъ другихъ городовъ: въ 1224 г. переносили изъ Корсуни (Херсонеса) въ земли рязанскія икону св. Николая. И вотъ Юрій Ингваревичъ, встрѣтивъ ее здѣсь на Осетрѣ, заложилъ по этому поводу на мѣстѣ встрѣчи церковь; около нея возникло село *Красное*. Оно-то потомъ (въ XIII же вѣкѣ) переименовано было въ Зарайскъ. Въ 1531 г. здѣсь была выстроена каменная крѣпость на мѣсто прежней деревянной; крѣпость эта сохранилась и донынѣ. При Вас. Шуйскомъ здѣсь воеводою былъ князь Пожарскій. Нынѣ въ Зарайскѣ 5.000 жит. Есть нѣск. заводовъ; бываетъ 3 ярмарки: 9 Мая, въ Троицу и въ Петровъ день. Лучшая изъ нихъ первая; на нее стекается много богомольцевъ къ иконѣ св. Николая.

Пара, прав. прит. Оки, бер. нач. въ Морш. у. Дл. ея теч. 167 в.; разв. басс. ок. $0,_3$; шир. и глуб. незначит.; грунтъ иловатый; теченіе тихое; берега низкіе, частію лѣсистые. На П. 11 мельницъ. Судоходна П. на $2^1/_2$ версты отъ с.

---

*) О томъ какъ повліяла на Орелъ жел. дор., мы свѣд. не имѣемъ.

**) Въ Географич. словарѣ Семенова упомин. еще *Дѣдино* съ 6.595 жит., но оно на Окѣ.

Борокъ, но только втеченіе мѣсяца весною. На пристани с. Борокъ въ нач. 60-хъ гг. грузилось ежегодно средн. числ. около 700.000 п. на 350.000 р.; почти весь грузъ состоитъ изъ хлѣба. Вдоль П. расположено 46 сел. съ 25.000 жит. А въ ея бассейнѣ стоитъ небольш. уѣздн. гор. *Сапожокъ* (Рязанск. губ.), основ. Борисомъ Годуновымъ въ 1605 г.

Пахра, прав. прит. Москвы, бер. нач. въ болотахъ Верейск. у. Дл. теч. 112 в.; разв. басс. 0,3; шир. отъ 5 до 30 саж.; весною же разливается отъ 50 до 400 саж. Берега, говоря вообще, не высоки, но мѣстами достиг. 18 саж. и больш. ч. обрывисты и утесисты; состоятъ изъ горн. изв., прикрытаго черными юрскими глинами. Вдоль р. 83 сел. съ 15.000 жит., и много мельницъ. На П. по обѣ стор. ея, соединенныя красивымъ мостомъ, расположенъ гор. *Подольскъ*, бывшій до 1764 г. селомъ подъ именемъ *Подола* Въ П. 11,000 жит. Въ году бываетъ 2 незначит. ярмарки: 9 Мая и 15 Августа.

Пекша, лѣв. прит. Клязьмы, бер. нач. въ лѣсахъ Юрьевск. у. и течетъ 90 в. Шир. отъ 5 до 15 саж.; глуб. отъ 1/2 арш. до 2 и даже 3 саж.; дно мѣстами иловатое, но больш. ч. песчаное. Теч. быстрое. Берега низкіе, лѣсистые. Разливы весьма значительны. Вдоль П. расположено до 50 сел. съ 9.000 жит.

Поля. Въ нашей таблицѣ Окскаго бассейна мы принимаемъ эту рѣку за нач. р. Пры. Но она считается притокомъ послѣдней и ей даютъ до 120 в. длины. Поля бер. нач. на гран. Влад. и Судог. уу. изъ оз. Асерхова. Берега П. такъ пологи и болотисты, что почти недоступны на больш. ч. протяженія рѣки. Въ нижней части теч. П. образуетъ нѣсколько озеръ, изъ которыхъ самыя большія *Святое*, *Дубовое* и *Сокорево*. Лѣтомъ однако П. до того высыхаетъ, что озера разобщаются между собою. Весною П. сплавна, но сплавъ производится рѣдко. Вдоль р. расположено только 7 селеній съ 1.000 жит.

Пра, лѣв. прит. Оки. За начало ея было бы правильнѣе считать предъидущую р. Полю. Но обыкновенно за начало ея принимается рѣчка Варна въ Егорьевск. у. (Ряз губ.), вытекающая въ дачахъ Ялматскаго и Телемскаго лѣсовъ изъ оз. *Сарыбьева* (*Серероово* на спец. к. Россіи), извѣстная далѣе подъ имен. *Ялны* (*Ялма* на спец. к. Россіи), потомъ

Зелени и наконецъ *Просинцы* при вступленіи въ оз. *Сокорево;* изъ него входитъ въ оз. *Мартыново* и уже по выходѣ изъ этого послѣдняго называется *Прою.* Описываемой такимъ образомъ Прѣ даютъ 150 верстъ протяж.; шир. отъ 8 до 10 саж.; берега низки и болотисты; вода красноватаго цвѣта отъ болотныхъ желѣзныхъ рудъ. На П. 3 мельницы и вдоль ея расположено 46 селеній съ 9.000 жит. Изъ нихъ назовемъ д. Гришину (Ряз. губ. и у.) съ 900 жит. Въ ней есть инструментальный заводъ, на которомъ въ 60-хъ гг. выдѣлывалось на 70.000 р. болѣе 30.000 штукъ разныхъ инструментовъ, именно математическихъ и хирургическихъ, а также ножей, вилокъ, бритвъ.

Проня, прав. прит. Оки, бер. нач. въ Михайловск. у. (Ряз. губ.) близъ села Кадушкина. Измѣр. по спец. к. Россіи дало для протяж. Прони 284 в.; но другіе даютъ только 210. Шир. П. 20, 30 и 40 саж. Разв. басс. $0{,}_{74}$. Дно песчаное; мѣстами иловатое или каменистое. Берега высокіе и крутые въ верхн. части теч., особ. лѣвый, кот. высокъ и крутъ до самаго Пронска и даже нѣсколько далѣе; прав. берегъ мѣстами значительно понижается, какъ напр. у Михайлова. Ниже устья Рановы оба берега круты и овражисты, и только близъ устья, лѣв. берегъ становится низменнымъ. Долина П. мѣстами расширяется версты на 2 и на 3 и богата лугами. Проня приводитъ въ дѣйствіе 26 мельницъ и проволочные, игольные и чугуноплавильные заводы. Въ теченіе одного весенняго мѣсяца, когда горизонтъ П. поднимается сажени на 2, Проня становится судоходною на 29 в. своего теченія отъ с. Жерновищъ. На Жерновищенской и Перевлѣсской прист. въ 60-хъ гг. грузилось ежегодно болѣе 3 милл. п. на $1^1/_2$ милл. р., главн. обр. хлѣба, конопл. сѣмени и пеньки. А разгружалось около 900.000 п., на $^1/_2$ милл. р., преимущ. металловъ, соли, лѣса и лѣсн. издѣлій. Вдоль П. расположены 2 города и 105 селеній съ 70.000 жит. Эти 2 города — *Михайловъ* и *Пронскъ*.

Михайловъ расположенъ на обоихъ берегахъ П. Основаніе города относятъ къ очень давнему времени — къ 1137 г. Но болѣе положительныя свѣдѣнія относятся къ 1551 году, когда по приказанію Ив. Грознаго здѣсь былъ заложенъ городъ, названный въ честь найденной иконы Арх. Михаила. Первыми поселенцами Михайлова были стрѣльцы, пуш.

кари и плотники, основавшіе вокругъ города слободы. Нынѣ въ М. около 3.500 жит. Въ году бываетъ 2 незначит. ярмарки: въ 10-ю Пятницу по Пасхѣ и 1 Сентября.

Пронскъ. Полагаютъ, основанъ въ 1186 г. Въ свое время былъ главнымъ городомъ независимаго княжества. Нынѣ это оченьнебольшой городокъ, имѣющій менѣе 2.000 жит. Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ бываетъ ярмарка, продолжащаяся 6 дней. На нее привозится товаровъ тыс. на 15 руб.

Протва, лѣв. прит. Оки *), бер. нач. въ Гжатск. у. Смол. губ. близь гран. Моск. губ. Дл. ея теч. 230 в.; разв. басс. 0,4; шир. отъ 20 до 50 саж.; глуб. отъ 1$^1/_2$ ф. до 2 саж. Теч. очень извилистое; дно песчаное, мѣстами хрящеватое; много отмелей и бродовъ. Берега въ началѣ перемѣнны и иногда оба пологи, а далѣе, въ Калужск. губ., прав. бер. возвышенъ и обрывистъ; лѣвый ниже и покрытъ лѣсомъ. Въ обнаженіяхъ встрѣчается горный известнякъ. Весною П. разливается до $^1/_2$ версты и въ это же время дѣлается сплавною. На П. стоятъ гг. *Верея* и *Боровскъ;* а на ея притокѣ Лужѣ — *Малоярославецъ*. Старшій изъ нихъ — Боровскъ, основ. въ XIII в., а младшій — Малоярославецъ основ. въ концѣ XIV или даже въ нач. XV в. Города ничѣмъ особ. не замѣчательные, если не говорить о Малоярославцѣ, напоминающемъ о сраженіи въ 1812 г.

Ранова, прав. прит. Прони, бер. нач. въ Данковск. у. (Ряз. губ.) въ дачѣ села *Рановскіе верхи*. Дл. теч. 135 в.; разв. басс. 0,4; шир. 15—20 саж. Берега въ началѣ возвышенны, причемъ лѣв. бер. больш. частью выше праваго; состоятъ изъ известняковъ и сланцеватыхъ глинъ; въ послѣднихъ есть признаки нахожденія каменнаго угля. Во второй половинѣ теч., ниже впад. Верды, берега становятся низки и болотисты. Вдоль Р. расположено 67 сел. съ 25.000 жит. На притокахъ Р. Вердѣ и Хунтѣ стоятъ города *Скопинъ* и *Ряжскъ*. Послѣдній имѣетъ всего 3.000 жит. и принадлежитъ къ городамъ очень еще молодымъ (онъ возникъ не ранѣе нач. XVI в.) и ничѣмъ не замѣчателенъ. О Скопинѣ было сказано, при описаніи рѣки Верды.

Реса (Рѣса, Ресса), прав. прит. Угры, бер. нач. у гран. Мещовск. и Жиздринск. уу. верст. 1$^1/_2$ отъ дер. Шибаевки

*) Въ Геогр. словарѣ ошибочно названа правымъ прит. Москвы.

и Поздновки. Дл. теч. 98 в.; шир. 8—10 саж.; глуб. 1 арш. Теч. извилисто; берега густо заселены. По веснамъ иногда производится небольшой сплавъ лѣса. На самой Р. нѣтъ городовъ; но всего въ $1^1/_2$ в. отъ нея, при впад. рч. Серпейки, стоитъ зашт. гор. *Серпейскъ* (Калужск. губ.), извѣстный по лѣтописямъ съ нач. XV в. какъ городъ литовскій, окончательно сдѣлавшійся русскимъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ. Нынѣ въ С. 2.000 жит. Ниже Серпейска, въ сторонѣ отъ Ресы, въ 4-хъ верстахъ отъ нея, по обѣимъ бб. рч. Можайки стоитъ гор. *Мосальскъ* (Калужск. губ.), очень древній городъ, уже существовавшій въ нач. XIII в. и дов. долгое время принадлежавшій Литвѣ. Нынѣ въ М. съ небольш. 2.000 жит. Въ году быв. 4 ярмарки: 23 Апр., 8 Іюля, 28 Сент. и 26 Ноября. На лучшую изъ нихъ, 8 Іюля, привозится товаровъ тысячъ на 17.

Ресета (Рѣсета), прав. прит. Жиздры, бер. нач. въ Брянскомъ у., недалеко отъ гран. Калужск. губ. Дл. теч. ок. 100 в.; шир. отъ 5 до 20 саж.; глуб. отъ 1 арш. до 2 саж. Берега Р. больш. ч. песчаны, невысоки и покрыты лѣсомъ. Долина болотиста и лѣсиста; луговъ очень мало. По веснамъ производится сплавъ строеваго лѣса въ Калугу. Вдоль Р. только 4 сел. съ 600 жит.

Руза, лѣв. прит. Москвы, бер. нач. изъ болотистаго лѣса въ Волоколамск. у. на гран. Смол. губ. Дл. теч. 130 в. Шир., начиная отъ 5, доходитъ до 25 саж.; глуб. незначит. и много бродовъ. Берега больш. ч. возвышенные, крутые и твердые, представляющіе въ нижней части теч. обнаженія горнаго известняка; лѣв. бер. вообще выше праваго. Мѣстами Р. съ своими обрывистыми бб., оврагами и перелѣсками, при извилистомъ теч. р., очень живописны. Разливы въ нѣкот. мѣстахъ доходятъ до 300 саж. Въ короткое время водополья — всего съ недѣлю — по Р. сплавляется строевой и дровяной лѣсъ; сплавъ начинается въ 10 верстахъ ниже истока р. Вдоль Р. расположено 84 сел. и одинъ городъ съ общимъ числ. жит. 14 000. Городъ—*Руза*. Онъ расположенъ по обѣ стороны р. Рузы въ ея низовьѣ; но не смотря на послѣднее обстоятельство, здѣсь р. Руза во время лѣтнихъ жаровъ бываетъ такъ мелка, что ее переѣзжаютъ въ бродъ. Время основанія города Рузы не извѣстно, но съ увѣренностью можно сказать, что въ XIII в. Руза уже существо-

вала; въ 1328 г. она сдѣлалась удѣльнымъ городомъ старшаго сына Калиты. Въ Рузѣ ок. 4.000 жит. Существуетъ старая крѣпость на горѣ, окруженной съ 3-хъ сторонъ рѣками.

Сатисъ, прав. прит. Мокши. Дл. теч. 80 в.; шир. незначит.; аглуб. достигаетъ 2-хъ саж. По С. бываетъ незначительный сплавъ лѣса. Вдоль рѣки расположено 8 сел. съ 3.000 жит. На Сатисѣ и рч. Саровкѣ въ живописной мѣстности расположена *Саровская Пустынь*. Въ концѣ XIV в. здѣсь былъ татарскій городокъ *Сараклычъ*, имѣвшій особаго владѣтеля, зависѣвшаго отъ Золотой Орды. Впослѣдствіи городъ былъ разрушенъ, мѣсто его запустѣло и, какъ урочище, слыло подъ именемъ *Стараго Городища*. Но потомъ, спустя уже долгое время, въ здѣшнія необитаемыя мѣста, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, явились отшельники и изъ Арзамаса схимонахъ Іоаннъ, который, по стеченіи братіи, сталъ строить келіи, въ горѣ ископалъ пещеры; начата была постройка церкви. Это было въ 1699. А нынѣ здѣсь 8 церквей, и пустынь принадлежитъ къ первымъ въ эпархіи и пользуется обширною извѣстностью. Между прочимъ, одна изъ церквей устроена въ пещерахъ, подъ самымъ монастыремъ, со многими галлереями, изъ которыхъ самая длинная имѣетъ 300 саж. Изящностью и величественнымъ видомъ отличается Успенскій соборъ. Здѣсь, въ С. П., подвизался іеромонахъ Серафимъ, память котораго уважается особенно.

Сережа, прав. прит. Тёши, бер. нач. въ Нижегородск. у. близь с. Старое Поле. Дл. теч. 140 в.; шир. отъ 3 до 10 саж.; глуб. отъ ½ арш. до 4 арш.; разливы достигаютъ 400 саж. Берега низменные, лѣсистые и мѣстами болотистые. На р. 10 мельницъ и расположено 15 селеній съ 6.000 жит. Въ одномъ мѣстѣ, приблиз. на полпути своего теч., С. образуетъ большое озеро верстъ 6 дл. и отъ 100 саж. до 1½ верстъ шир.; озеро это, называемое *Святымъ*, окружено лѣсомъ, а въ сѣверовосточн. углу его расположено с. *Пустынь* среди живописной мѣстности. Упоминаемъ объ этомъ с. не столько ради его величины или глухой живописной мѣстности, сколько потому, что оно напоминаетъ объ одномъ изъ способовъ вольной колонизаціи: съ одной стороны колонизаторами являются добровольно отрекшіеся отъ міра — монахи, а съ другой отверженные міромъ —

преступники. Во время оно здѣсь первоначально поселились религіозные отшельники; возникъ монастырь; когда-то — забыто уже — онъ былъ уничтоженъ. За монахами сюда же стекались бродяги и бѣглые, скрывавшіеся въ здѣшнихъ лѣсахъ; возникъ поселокъ, разросся, и образовалось село, въ которомъ нынѣ около 500 жит.

Серена, лѣв. прит. Жиздры, бер. нач. въ Мещевск. у., близь д. Потаповой и протекаетъ 84 в.; шир. С. до 50 с.; глуб. отъ 1 арш. до $2^1/_2$ саж. Дно песчаное и каменистое; теч. быстро; разливы дов. значительны; берега глинистые и мѣстами каменистые. На р. 13 мельницъ и 43 сел. съ 9.000 жит. Кромѣ того на С. стоитъ *Серенскій* желѣзодѣлат. заводъ, основанный еще въ 1756 г. Онъ приводится въ дѣйствіе Сереною, посредствомъ 8 колесъ въ 40 силъ. Въ 1863 г. на Серенск. зав. было выдѣлано ок. 30.000 п. жел. и болѣе 4.000 п. гвоздей. Здѣсь же, близь завода, на б. Серены въ 1841 г. былъ найденъ пластъ каменнаго угля толщиною $1^1/_2$ арш. Назовемъ еще на С. одну маленькую деревеньку съ названіемъ, несвойственнымъ деревнѣ — *Серенскъ*. Названіе это удержалось за деревнею отъ глубокой старины. Здѣсь стоялъ въ давніе годы одинъ изъ старинныхъ нашихъ городовъ — Серенскъ. О немъ упоминается еще подъ 1147 г.; онъ принадлежалъ потомству св. Михаила, замученнаго въ 1246 г. въ Ордѣ. Потомъ Серенскъ былъ до конца XV в. литовскимъ городомъ. А когда и какъ во времена московскаго управленія превратился въ деревушку — неизвѣстно.

Сивинь, прав. прит. Мокши, бер. нач. въ Инсарск. у. и протекаетъ ок. 100 в. С.—рѣка не сплавная. Вдоль ея расположено 9 селеній съ 7.000 жит. Въ Краснослободск. у. на С. стоитъ *Сивинскій* желѣзодѣлат. заводъ, на которомъ въ нач. 60-хъ гг. выдѣлывалось болѣе 500 п. кричнаго жел. и ок. 9000 п. чугунныхъ издѣлій.

Солодча (Солотча), лѣв. прит. Оки. Рѣка небольшая, всего 40 в. Отъ села того же имени по ней сплавляется лѣсъ. И рѣка и село напоминаютъ золотые дни Рязанскаго княжества, при знаменитомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ. О монастырѣ, основанномъ имъ на Солодчѣ, мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же находился и основанный супругою

О. И. монастырь *Зачатейскій*, переведенный въ позднѣйшее время (1682 г.) въ Аграфенину Пустынь.

Суворощъ, прав. прит. Клязьмы, бер. нач. въ Вязник. у. и протекаетъ 100 в. Шир. С. 2—15 саж.; глуб. отъ $1^1/_2$ до 7 арш. Дно песчаное, отчасти иловатое. Изъ береговъ лѣвый возвышенъ, но въ Гороховецкомъ у. низменъ, болотистъ и частію лѣсистъ. По веснамъ его разливъ соединяется съ разлив. Клязьмы и Оки, такъ что образуется цѣлое море воды, верстъ на 35 въ ширину. Долина С. богата лугами. На С. 5 мельницъ и 24 селенія съ 6.000 жит.

Судогда, прав. прит. Клязьмы, бер. нач. въ лѣсахъ Меленковскаго у., протекаетъ 85 в. и впадаетъ въ Клязьму тремя рукавами у с. Спаса Купалицъ. Шир. С. 17—25 с.; глуб. 2, 3 и мѣстами 5 арш. Дно песчаное, мѣстами иловатое. Берега круты и покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Теч. С. быстро, вслѣдствіе чего она покрывается льдомъ позже другихъ сосѣднихъ рр.; и бываетъ нерѣдко, что и зимою на ней ледъ ломается. Въ рѣкѣ много камней. О С. сообщаютъ еще, что въ старину по ней водились бобры. Но то же самое говорится и о многихъ другихъ рр. всего Волжскаго бассейна; поэтому при описаніи другихъ рр. мы не будемъ упоминать о такомъ обстоятельствѣ, принявъ почти за достовѣрное, что бобры водились на всѣхъ описываемыхъ рѣкахъ, равно какъ не будемъ повторять и о томъ, что всѣ рѣки были во много разъ или даже несравненно богаче рыбою. На С. въ небольшихъ размѣрахъ производится судостроеніе (барокъ 6 въ годъ). Вдоль по С. расположено 24 насел. пункта съ 6 или 7 тыс. жит. и 10 мельницъ. Въ числѣ насел. пунктовъ городъ одноименный съ рѣкою — *Судогда*, расположенный при впад. въ С. рѣчки Черной, среди лѣсистыхъ и болотистыхъ окрестностей. С.—городъ новый, или молодой сравнительно съ другими, если судить по тому, что о немъ впервые упоминается какъ о слободѣ въ началѣ XVII в., когда она принадлежала какому-то кн. Минѣ Грязеву, который передъ смертью отказалъ слободу Симонову монастырю. Въ 1778 г. когда еще въ С. было всего 50 дворовъ, она была сдѣлана уѣзднымъ городомъ, потомъ была оставлена за штатомъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова возстановлена уѣздн. гор. Это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и незначительныхъ у. городковъ. Въ ны-

нѣшнемъ стол. С. дважды страдала отъ опустошительныхъ пожаровъ; достаточно сказать, что въ 1838 г. въ городѣ, какъ когда-то прежде, оставалось всего 50 домовъ. Теперь въ С. считается 2.500 жит. Есть кожевенн. зав. съ произв. на сумму ок. 25.000 р., и заводъ, приготовляющій восковыхъ свѣчъ на 2.500 р.

Сынтулъ, лѣв. прит. Оки, — незначит. рч., всего 35 в. длины. Но на ней есть *Сынтульскій* чугунн. заводъ, основ. въ 1786 г. и приводимый въ дѣйствіе силою рѣки. На этомъ заводѣ въ 60-хъ гг. выплавлялось чугуна до 50 тыс. пуд., и даже болѣе, и приготовлялось чугунн. изд. 25—40 тыс. пуд. Въ заводскомъ селеніи болѣе 1.000 жит.

Таруса, лѣв. прит. Оки, имѣющій 70 в. протяж. При ея впад. въ Оку стоитъ городъ, названный именемъ этой рѣки,—*Таруса.* Но едва ли этотъ городъ — произведеніе р. Тарусы, вѣроятнѣе допустить, что онъ былъ вызванъ къ существованію Окою. Поэтому о городѣ Т. мы предпочитаемъ сказать, какъ объ одномъ изъ приокскихъ городовъ.

Теза, лѣв. прит. Клязьмы, бер. нач. въ болотахъ Нерехотскаго у. Костр. губ., всего въ 20 верстахъ отъ Волги, и, направляясь на югъ, вступаетъ во Владим. губ., протекая на всемъ своемъ пути 150 в. Разв. ея басс. $0{,}3$; шир. 10—20 саж.; глуб. отъ $1^1/_2$ ф. до $1^1/_2$ саж. Теченіе Т. извилисто и быстро; среднее паденіе опредѣляется въ $0{,}4$ ф. на версту. Но для скорости теченія Географич. словарь даетъ очевидно ошибочную величину 103 саж. въ часъ! Еслибы даже было дано 1.000 с. въ часъ, то и такая скорость ничтожна для р., о которой говорится, что ея теченіе быстро. Дно и берега Тезы песчаны. О судоходности Т. мы говорили. Жалуются на постоянно увеличивающееся количество мелей, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ. Весною по р. сплавляется въ Шую на 10.000 р. лѣсу; строятся въ небольш. колич. суда, ходящія по Т. Все грузовое движ. по этой р. для 60-хъ гг. опредѣлялось 360.000 п. хлѣба, спирту, мануфакт. изд. (тканей), металлическ. изд., лѣсу и лѣсн. изд. Пристани на Т. въ Шуѣ и Холуѣ.

Шуя,—вѣроятно, довольно старинный городъ; но время основанія его неизвѣстно; извѣстно только, что въ 1403 г. упоминаются князья Шуйскіе. Въ такъ называемое смутное время Шуя претерпѣла неоднократныя разоренія: ее

разоряли въ 1609 г., потомъ въ 1612, затѣмъ въ 1615 и наконецъ въ 1619 г. Въ этомъ послѣднемъ году дозорщикъ Неплюевъ доносилъ Михаилу Федоровичу, что онъ видѣлъ въ Шуѣ вмѣсто дворовъ и церквей одни только выжженныя, не застроенныя мѣста, а жители скитались гдѣ день, гдѣ ночь. Но затѣмъ Шуя такъ или иначе оправилась и, можетъ быть, тогда же въ ней уже существовалъ промыселъ, сдѣлавшій ее впослѣдствіи однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктовъ въ губерніи. Въ наше время въ Шуѣ считается 14.000 жит.; въ городѣ 6 церквей; на р. пристань, отпускающая грузовъ около 1 милл. пуд. и болѣе; въ году бываетъ 2 ярмарки. Фабрикъ и заводовъ считается 21, главн. обр. бумаготкацкія и ситцевыя, производящія на сумму болѣе 2.000.000 р.

Холуй слобода, имѣющая 2.500 жит.; 2 церкви, 1 монастырь; на Т. пристань, съ кот. въ нач. 60-хъ гг. отправлялось болѣе 10.000 п. груза, — полотна тыс. на 70 и хлопчатобумажныхъ тов. тыс. на 40. Въ Х. въ году быв. 3 ярмарки: 1) Тихвинская съ 24 по 29 Іюня; 2) Флоровская съ 17 по 24 Авг.; на каждую изъ этихъ ярм. привоз. товаровъ на сумму ок. 300.000 р. и $^2/_3$ всего колич. продается; а на 3) ярмарку Введенско-Никольскую, кот. быв. съ 20 Ноября по 9 Дек., привозится тов. на сумму до 600.000 р. и половина распродается. Большая часть жителей Холуя занимаются иконописью. Въ работѣ ихъ нечего искать художественности; извѣстно, что холуйскіе художники слывутъ богомазами. Они въ точности копируютъ контуръ съ древнихъ иконъ, оттискиваютъ на доски и передаютъ ученикамъ, умѣющимъ писать только *доличное*, а *лицевое* дописываютъ другіе. Въ другихъ селахъ — *Палехѣ* и *Мстерѣ* — иконопись совершеннѣе. Но за то Холуй поспѣваетъ изготовлять въ годъ $1^1/_2$ милл. иконъ, продавая ихъ офенямъ, какъ говорятъ, по 2 р. за сотню! *)

Тёша, прав. прит. Оки, бер. нач. изъ болотъ Лукоян. у. Дл. ея теч. 240 («200») в.; разв. басс. $0_{,48}$; шир. отъ 5 до 25 саж.; глуб. отъ 1 арш. до 1 саж. Разливы мѣстами достигаютъ 3 в. шир. Теч. извилистое. Дно песчаное и глинистое, берега такіе же, но мѣстами обнажены известняки

*) Спис. насел. м. Влад. губ. XXXIII с.

Пермской формаціи. Правый бер. выше лѣваго. Въ 12 в. выше Арзамаса на прав. бер. Т. находятся большія ломки гипса; тутъ же есть пещера въ известнякѣ, а на днѣ ея озеро глубиною въ 1 арш. Съ 1847 г. Т. стала судоходною въ своемъ низовьѣ на 15 в. отъ с. *Новошина*. Въ этомъ с. и въ с. *Шилокшѣ* строятъ суда, на кот. сплавляютъ въ Муромъ и въ Павлово лѣсъ. Кромѣ лѣса, грузятъ деготь, смолу, скипидаръ, хлѣбъ и парусину.

Болѣе замѣчательные изъ населенныхъ пунктовъ по Тешѣ суть:

Лукояновъ, кот. въ качествѣ города, впрочемъ, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ городовъ Нижег. губ. Ни въ историческомъ, ни въ промышл. отношеніи не представляетъ ничего замѣчательнаго. Разъ даже (въ 1817 г.) пересталъ быть и городомъ, благодаря опустошительному пожару. Городомъ сдѣлано было большое с. Мадаево, и уѣздъ назывался Мадаевскимъ. Но въ 1820 г. Л. снова сдѣланъ былъ у. гор. Въ Л. всего 3.000 жит., т. е. меньше, нежели въ с. Мадаевѣ.

Арзамасъ на прав. возвыш. б. Т. Быть можетъ, это одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ городовъ. Онъ существовалъ еще до прихода сюда Русскихъ, въ области Мордвы племени Эрдзя, откуда и самое названіе города, причемъ окончаніе *мас* означ. красивый, — эпитетъ, котораго онъ заслуживаетъ и теперь. Особенно красивъ на него видъ изъ-за Т. *Выѣздная* слоб., по ту сторону Т., по величинѣ своей не уступающая многимъ городамъ Нижегор. губ., придаетъ еще большую красоту Арзамасу, соединяясь съ нимъ очень длиннымъ мостомъ черезъ Т. и всю ея пойму. Въ 1366 г. А. былъ разрушенъ болгарскимъ царемъ Булатъ-Темиромъ; но впослѣдствіи былъ возобновленъ и заселенъ казанскими Татарами, о которыхъ мы уже знаемъ, что они столько же Татары, сколько и Болгары. Весьма вѣроятно, что имъ и обязанъ былъ Арзамасъ своимъ торгово-промышленнымъ значеніемъ, а отсюда богатствомъ и красотою. До Петра Великаго Арзамасъ имѣлъ значеніе крѣпости. Крѣпость въ немъ была построена еще при Ив. Грозномъ, деревянная съ башнями. Нынѣ ни отъ крѣпости, ни, тѣмъ болѣе, отъ Татаръ, не осталось и помину; городъ сталъ самымъ мирнымъ, тихимъ и чисто русскимъ.

Въ немъ 25 церквей и 4 монастыря или даже 5, считая *Высокогорскую Пустынь*, стоящую особнякомъ на Т. же, въ 5 верстахъ отъ города. Богатѣйшій изъ монастырей—*Алексѣевская* женская община, первоначальное основаніе которой относится къ 1634 г. А изъ церквей красивѣйшая не только въ городѣ, но и въ губерніи—соборъ. Жителей въ Арзамасѣ ок. 12.000. Заводская промышленность обращена преимущ. на кожи, что снова напоминаетъ Болгаръ и Казань и давнее, теперь забытое, вліяніе ихъ на Арзамасъ. Кожев. и др. заводовъ считается до 20. По торговлѣ Арзамасъ занимаетъ первое мѣсто въ губерніи въ ряду прочихъ уѣздныхъ городовъ.

Выѣздное или *Выѣздная* слоб. противъ Арзамаса на лѣв. стор. Т. имѣетъ до 4.000 жит. Село торговое и промышленное. Однимъ сапожничествомъ занимаются до 400 чел. и производятъ товару на 50.000 р. Въ В. бываетъ ярмарка 20 Іюля.

Въ бассейнѣ Т. на рч. Лемети стоитъ небольшой у. гор. *Ардатовъ* съ 3.000 жит.

Уводь, лѣв. прит. Клязьмы, бер. нач. въ Костромск. губ. и протекаетъ 127 в.; разв. басс. 0,27. На У. стоитъ извѣстное село *Иваново*, передѣланное въ гор. Иваново-Вознесенскъ. Теперь въ Ивановѣ считается до 12.000 жит. Фабричная промышленность здѣсь была уже развита въ прошл. стол. Такъ Иваново-Суздальскій лѣтописецъ того времени говоритъ, что «въ ономъ селѣ у обывателей имѣются фабрики полотняныя, на которыхъ штуки разныя ткутъ, канифасы, салфетки и прочія тому подобныя, и не токмо на фабрикахъ, но и кромѣ ихъ, полотна знатныя состроютъ и бѣлятъ, которыя полотна и въ другихъ мѣстахъ честь имѣютъ; и множество тѣхъ полотенъ отвозятъ торговыя по разнымъ странамъ.» *) Бумаготкацкое и ситценабивное производство занесено было въ Иваново въ 1751 году съ шлиссельбургской фабрики крестьянами: Грачевымъ, Бутримовымъ, Соковымъ и Гарелинымъ. По мѣрѣ того, какъ производство развивалось, Иваново росло: око-

*) Мы беремъ эти слова, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ; въ настоящемъ случаѣ именно изъ «Сп. насел. м. Влад. губ.», который ссылается на статью Соловьева въ Ж. М. Г. И. 1854 г. А о лѣтописи замѣч., что она находится еще въ рукописи и написана суздальскимъ ключаремъ Ананіемъ Федоровымъ около 1770 года.

ло него образовались слободы; слободы эти образовали Вознесенскій посадъ; а этотъ послѣдній присоединенъ къ Иванову, образовавъ так. обр. одинъ населенный пунктъ. На многочисленныхъ фабрикахъ ивановскихъ и вознесенскихъ въ началѣ 60-хъ годовъ вырабатывалось до 560.000 шт. ситцевъ и до 130.000 шт. миткалей. Торговые обороты простирались до 10.000.000 р. Въ Ивановѣ же есть механическая фабр., изготовляющая машины для ивановскихъ фабрикъ; при ней есть граверное заведеніе. Базары въ Ивановѣ бываютъ очень значительны въ зимнее время: въ одинъ базаръ продается ситцевъ на 50 — 90 тыс. руб. 14 Сент. быв. ярмарка, на которую привозятся сукна, шелковыя матеріи и др. тов. на сумму отъ 50 до 100 тыс. руб.

Назовемъ еще на Уводи большое село *Кохму*. Въ селѣ 3 церкви и болѣе 1.000 жит. На фабрикахъ его вырабатывается ситцевъ и миткалей на сумму болѣе 700.000 р.

На притокѣ Уводи **Ухтомѣ** стоитъ другое большое и промышленное село *Лежнево*. Въ немъ 4 церкви и болѣе 2.000 жит. Въ 1860 г. на фабрикахъ его было выдѣлано миткалю на сумму свыше 700.000 р.; а въ красильн. завед. выкрашено 3.000 пуд. бумаги на 100.000 р. Здѣшніе базары весьма значительны. Жители Л. и двухъ сосѣднихъ деревень занимаются шитьемъ сапоговъ, башмаковъ, рукавицъ и приготовляютъ ихъ до 50.000 паръ на 75 000 р. Другіе работаютъ подковы, гвозди на сумму 5—6 тыс. р., а женщины ткутъ рѣдину для клеенки; рѣдину эту здѣсь скупаютъ болѣе чѣмъ на 3.000 р. для отправки въ Петербургъ. Ткутъ также миткаль на фабрики.

И на другомъ притокѣ Уводи, **Вязьмѣ,** стоитъ большое промышленное село *Тейково*. Въ немъ болѣе 1.500 жит., 4 церкви; въ Троицу быв. небольшая ярмарка. На 5 его фабрикахъ въ 1868 г. было выдѣлано бумажной пряжи 65.000 пуд., 200.000 куск. миткалю и 173.000 куск. ситцу. Все это производство оцѣнивалось суммою около 4 милл. руб.

Угра, лѣв. прит. Оки, бер. нач. въ Ельнинск. у. Смол. губ.; течетъ сначала на сѣверъ, потомъ на востокъ, потомъ на сѣверовостокъ, и затѣмъ круто поворачиваетъ на юговостокъ и въ общемъ слѣдуетъ этому направленію до самой встрѣчи съ Окою, откуда и эта послѣдняя принимаетъ на нѣкоторое время то же направленіе, измѣняя его по-

степенно въ восточное. Такимъ образомъ Угра въ своемъ теченіи дѣлаетъ очень крупные повороты, образуя въ общемъ форму почти прямаго угла. Она впадаетъ въ Оку всего въ нѣсколькихъ верстахъ выше Калуги. Длина теч. У. 360 в., и развитіе бассейна достигаетъ полной условленной нами единицы и даже нѣсколько превышаетъ ее; именно: 1,173. Теченіе У. умѣренно; шир. близь впад. въ Оку равняется 40 саж.; глубина до 3 и до 6 арш.; но вмѣстѣ съ тѣмъ на У. много мелей и бродовъ. Дно твердое, песчаное, мѣстами хрящеватое или иловатое. Берега песчаны и гористы и частію покрыты краснымъ лѣсомъ. По долинѣ есть богатые луга. Весною У. становится судоходною отъ Юхнова, т. е. приблизит. на 1/4 своего протяженія.

Не смотря на значительное протяженіе, Угра весьма не богата крупными населенными пунктами. На ней изъ городовъ только и есть одинъ—*Юхновъ* (Смол. губ.) съ 3.000 жит.; да и то мы дѣлаемъ нѣкоторую натяжку, помѣщая его на самой Угрѣ: онъ отъ нея въ нѣкотор. разстояніи, на ничтожной рч. Кунавѣ.

Унжа, лѣв. прит. Оки, бер. нач. во Владим. губ. почти въ срединѣ Меленковск. у., въ окрестн. с. Синжанъ. Дл. ея теч. 93 в. На ней, при впад. въ нее рч. Меленки, стоитъ у. гор. Влад. губ. *Меленки*. Подобно тому, какъ Арзамасъ (см. Теша) въ его позднѣйшемъ образованіи можно поставить въ зависимость отъ далекой отъ него Казани, — и Меленки своимъ существованіемъ обязаны далекой отъ нихъ Костромѣ. Въ 1463 г. Кострома была разорена; часть разбѣжавшихся жителей ея прибыла на Оку и невдалекѣ отъ нея, на р. Унжѣ, основала селеніе *Приклонъ*. И вотъ, согласно преданію, новые поселенцы устроили пониже села на Унжѣ меленку; позднѣе тутъ же, по близости были поставлены и другія меленки; а потомъ тутъ же у меленокъ стали селиться жители, и образовалось село, за которымъ такъ и осталось названіе Меленки. А въ 1778 г. село это сдѣлано городомъ. Нынѣ въ М. около 6.000 жит.; много заводовъ; общее ихъ производство оцѣнивается въ 200.000 руб. Заводы эти: кожевенные (произв. на 8.000 р.), салотопенные, вытапливающіе болѣе 4.000 п. сала, маслобойные, на кот. выбив. до 1.500 п. льн. масла, дегтярные и скипидарные, производящіе до 8.000 п. дегтю и до 500 п.

скипидару; наконецъ льнотрепальные съ производствомъ на 150.000 р. Съ 1 по 7 Окт. быв. ярмарка съ привозомъ на 30.000 р.

Но главную замѣчательность Унжи составляетъ ея чисто географическая особенность. Она идетъ недалеко отъ Оки, но совершенно въ противоположномъ ей направленіи. Очень странно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть двѣ рѣки, одна отъ другой всего въ 3—4 верстахъ, текущія одна на сѣверъ, другая на югъ. Но мы полагаемъ, что странность или, правильнѣе сказать, особенность въ направленіи теченія принадлежитъ нисколько не Унжѣ, а только одной Окѣ; Унжа течетъ не противорѣча съ своими сосѣдями: также на югъ течетъ Сынтулъ, на югъ же текутъ и Гусь, и Колпь, и Поля, и Бужа, а съ другой стороны Оки — и Мердушъ, и Варнава, и Сатисъ. Только одна Ока, вопреки всѣмъ имъ, идетъ на сѣверъ. И это дѣйствительно ея особенность; она сдѣлается яснѣе, если читатель мысленно построитъ схематическій чертежъ для главной рѣки и притоковъ въ томъ видѣ, въ какомъ это имѣетъ мѣсто въ громадномъ большинствѣ случаевъ; чертежъ этотъ покажетъ, что линіи, изображающія общее направленіе притоковъ, образуютъ съ общимъ направленіемъ главнной рѣки острые углы или что главная рѣка направляется какъ бы по равнодѣйствующей всѣхъ направленій силъ притоковъ. Въ нашемъ же случаѣ рѣки: Сережа, Теша, Велетьма, Мотра, Ушна, Колпь, Кестрома, Тетрухъ, Ушна текутъ въ общемъ своемъ направленіи подъ прямымъ или даже тупымъ угломъ къ Окѣ, или, какъ Унжа, въ совершенно противоположномъ направленіи съ нею. Объясненія этой особенности теченія Оки надо ждать отъ геологіи.

Упа, прав. прит. Оки, бер. нач. въ Богород. у. Тульск. губ.; течетъ на сѣверъ до встрѣчи съ Шатью; потомъ въ направленіи этой послѣдней проходитъ черезъ Тулу, направляясь къ Окѣ; но не доходя до нея верстъ 20, поворачиваетъ на ЮЗ. и идетъ верстъ 25 въ направленіи противоположномъ Окѣ, затѣмъ мѣняетъ это направленіе на южное, слѣдую ему до Крапивны верстъ 35; а отъ Крапивны дѣлаетъ поворотъ на западъ и, пройдя приблизит. верстъ 50, вступаетъ въ Калужскую губ. и вмѣстѣ съ тѣмъ на СЗ и С и немного повыше Лихвина впадаетъ въ Оку,

Такимъ образомъ, начавшись съ небольшимъ въ 100 верстахъ отъ Оки, Упа многими крупными поворотами и мелкими извилинами удлиняетъ свое теченіе до 290 верстъ. Развитіе ея бассейна $0{,}_{62}$. Въ виду столь достаточнаго развитія бассейна и почти 300-верстнаго протяженія, можно было бы ожидать, что Упа—рѣка судоходная, тѣмъ болѣе, что протекаетъ по центральнымъ и хлѣбнымъ губерніямъ, между тѣмъ оказывается, что Упа совсѣмъ не судоходна. На вопросъ: почему? находимъ отвѣтъ, что на У. много мельницъ. Можетъ быть отчасти это и такъ; но мы думаемъ, что тутъ слѣдствіе принято за причину: не потому У. несудоходна, что на ней мельницы, а потому на ней мельницы, что она не судоходна. И въ Упѣ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть хорошій примѣръ того, какъ вліяетъ обезлѣсеніе мѣстности на мелководіе. Упа течетъ на всемъ своемъ протяженіи по мѣстамъ совершенно безлѣснымъ, если не считать всего нѣсколькихъ верстъ лѣса повыше Крапивны. То же надо сказать и о всемъ бассейнѣ У. Было ли больше лѣсовъ въ Упскомъ бассейнѣ въ прежнее время, мы не знаемъ, хотя и можно предполагать, что, конечно, было; но достовѣрно, что пол-вѣка тому назадъ судоходство по У. производилось и «плаваніе по ней было такъ удобно, что барки, поднимавшія отъ 300 до 500 кулей, а въ полую воду и большія суда, ходили отъ Одоева *).

Дѣйствительную глубину Упы опредѣлить трудно по множеству находящихся на ней мельницъ. Передъ самыми плотинами (въ предѣлахъ Калужск. губ.) глубину опредѣляютъ 2—4 арш., а для ширины, при впаденіи въ Оку, даютъ—трудно вѣрить—12 саженъ! Бб. У. къ Одоеву гористы, а къ Окѣ понижаются. Дно глинистое и ямистое.

На Упѣ стоитъ губ. гор. *Тула*, имѣющій 60.000 жит. Время основанія Тулы не извѣстно; но нѣкоторые полагаютъ, что она существовала еще въ XII в. До конца XIV в. Т. принадлежала Татарамъ и была, какъ полагаютъ, мѣстопребываніемъ жены хана Чанисбека—Тайдулы, отъ имени которой будто бы и самый городъ получилъ свое названіе. Послѣ Т. входила въ составъ городовъ Рязанскаго княжества и имѣла значеніе оборонительнаго пункта, на который

*) Спис. нас. м. Тульской губ., с. VII.

были устремлены нападенія Татаръ. Но при Михаилѣ Федоровичѣ были возобновлены такъ называемыя *Тульскія засѣки*, которыя, въ видѣ глубокихъ рвовъ, начинались въ Тульск. у. и оканчивались въ Веневскомъ. Эта оборонительная черта была раздѣлена на 5 частей, и каждую изъ нихъ охранялъ особый воевода съ войскомъ. Позднѣе былъ насыпанъ земляной валъ, остатки котораго примѣтны еще и нынѣ; онъ начинался отъ Челковской засѣки у гор. Тулы и шелъ на 130 верстъ, оканчиваясь въ Веневской засѣкѣ. Въ смутную эпоху русской исторіи Тула была сборнымъ пунктомъ сторонниковъ самозванца и, переходя изъ рукъ въ руки, не разъ дѣлалась пунктомъ кровавыхъ столкновеній. Къ числу замѣчательныхъ историческихъ особенностей принадлежитъ существованіе довольно древняго *руднаго дѣла*, которое служило поводомъ къ населенію здѣсь и образованію особаго рода промышленниковъ — кузнецовъ, положившихъ начало Тульскому оружейному производству. Первоначально въ 30 в. отъ Тулы, въ бывшемъ городѣ Дѣдиловѣ, добывалось желѣзо изъ глыбовой руды и плавилось мѣстными жителями. Тульскіе кузнецы дѣлали изъ этого желѣза самопалы. Въ XVI ст. въ Тулѣ было уже значительное число горновъ для выдѣлки орудій, пріобрѣтаемыхъ казною. Потомъ появились на р. Скангѣ чугунолитейные и желѣзные зз., основанные иностранцами; изъ за границы выписывались литейщики, молотоваго, шпажнаго и ружейнаго дѣла мастера, ствольники, замочники; сюда посылались на ученье тульскіе мастера. При Феод. Іоанновичѣ образовалось особое сословіе тульскихъ оружейниковъ и образовалась кузнечная слобода. Но казенныя работы имѣли характеръ случайный, временный; Петръ же Великій въ 1705 г. замыслилъ поставить здѣсь постоянный казенный заводъ. Въ 1712 г. заводъ былъ основанъ, по плану кузнеца Крашенинникова, а оконченъ солдатомъ Ботищевымъ. Вполнѣ строеніе завода было закончено въ 1718 г. плѣнными Шведами.

Кромѣ оружія Тула, какъ всѣмъ извѣстно, снабжаетъ всю Россію самоварами и разнаго рода посудою и инструментами, гармониками и мн. др. издѣліями изъ мѣди и желѣза. Всего въ Тулѣ считается болѣе 100 фабрикъ и заводовъ.

Выше Тулы, на притокѣ Упы **Шиворони**, стоитъ село

Дѣдилово. Упоминаемъ объ этомъ селѣ, какъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ пунктовъ. Въ старину это былъ городъ *Дѣдиловъ*. Онъ упоминается въ походахъ Святослава подъ 1147 г. Теперь это большое село, имѣющее до $3^1/_2$ тыс. жит. Въ немъ 16 Іюля быв. ярмарка. Говоря о Тулѣ, мы упоминали, что въ окрестностяхъ Дѣдилова добывалось прежде желѣзо; въ половинѣ XVI в. кузнечное мастерство въ здѣшнихъ мѣстахъ было очень распространено; дѣдиловскія мастера дѣлали копья, сабли, пищали и пр. и пользовались льготами отъ правительства. Впослѣдствіи мастера эти вошли въ составъ Тульскаго оружейнаго завода.

Ниже Тулы на р. Плавѣ, близь впад. ея въ Упу, стоитъ гор. *Крапивна*. Имя ея встрѣчается въ духовномъ завѣщ. Дм. Донск. (1371 г.). Полагаютъ, что прежній гор. К. находился, гдѣ нынѣ д. Крапивенка, а на настоящее мѣсто перенесена когда-то послѣ. Въ настоящее время въ К. считается ок. 3.000 жит. Въ 1863 г. въ городѣ значилось 14 фабрикъ и зз. съ производствомъ на 35.000 р. Бываетъ нѣсколько ярмарокъ въ году, но онѣ весьма незначительны.

Въ торговомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія на р. Плавѣ с. *Сергіевское* Крап. у. Оно считается однимъ изъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ въ губерніи; въ немъ болѣе 2.000 жит. 5 Іюля и 25 Сент. въ с. быв. ярмарки, съ привозомъ тыс. на 10 руб.

Еще ниже по Упѣ, на возвыш. лѣв. б. ея расположенъ гор. *Одоевъ*. Время основанія его неизвѣстно, но извѣстно, что онъ уже существовалъ во второй полов. XIV в. и принадлежалъ князьямъ Одоевскимъ. Въ 1407 г. О. былъ отнятъ Литвою и оставался въ ея власти до половины этого стол. Находясь на окраинѣ со степями, по которымъ бродили Татары, О. не разъ подвергался опустошительнымъ набѣгамъ, которые продолжались почти до половины XVI в. Нынѣ въ О. болѣе 4.000 жит. Торговое значеніе О. хотя и считается значительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признается, что торговля упала, съ тѣхъ поръ какъ Упа оказалась несостоятельною въ дѣлѣ судоходства. Прежде отъ О. шли по Упѣ и далѣе по Окѣ до Калуги суда съ хлѣбомъ и пенькою, а нынѣ товары везутся сухопутно. Въ 30-хъ гг. торговые обороты (хлѣбомъ и пенькою) достигали до 300.000 р. Въ О. въ теченіе года бываетъ нѣсколько незначительныхъ

ярмарокъ, на которыя преимущественно пригоняютъ скотъ, лошадей и привозятъ разную посуду.

Цна, лѣв. прит. Мокши, — важнѣйшая р. Тамбовской губ., главная жизненная артерія торгово-промышленной жизни ея. Ц. образуется изъ трехъ рч.: *Бахиревки*, *Понзаря* и *Осиновки*, источники которыхъ лежатъ въ ЮВ. части Тамб. у. близь селеній: Понзаря, Срединовки, Верхоценья. Отсюда Цна протекаетъ вдоль всей Тамб. губ., раздѣляя ее на двѣ приблизительно равныя половины и слѣдуя въ общемъ неуклонно разъ принятому сѣверному направленію. Длину теч. ея мы опредѣляемъ до 370 верстъ, но другіе даютъ ей всего 300, а иные, напротивъ, болѣе 400. Въ верхней половинѣ, до Моршанска, Цна имѣетъ характеръ р., протекающей по широкой долинѣ, въ низменныхъ, и оттого подверженныхъ наводненіямъ, и болотистыхъ берегахъ, которые, говоря вообще, довольно обильно покрыты лѣсомъ. Эта часть Ц. не судоходна и не сплавна, хотя, говорятъ, и было предположеніе о приведеніи ея въ судоходное состояніе на протяженіи отъ Тамбова до Моршанска. Вліяніе этой части р. на судоходство весьма важно: вода, задерживаемая здѣсь мельничными плотинами, образуетъ резервуаръ, безъ котораго судоходство, особенно осенью, было бы невозможно. Отъ Моршанска до с. Лѣснаго Конобеева, на протяженіи 117 в., Ц. достигаетъ шир. 25—35 саж., при глуб. отъ $1^1/_2$ до $4^1/_2$ арш., течетъ дов. быстро по глинисто-песчаному грунту, въ невысокихъ и б. ч. открытыхъ бб. При с. Конобеевѣ р. упирается въ кряжъ известковыхъ горъ, которыя возвышаются надъ уровнемъ Ц. саженъ на 20. Русло р. здѣсь значительно съуживается и отбрасывается подъ прямымъ угломъ къ В., но верстъ 10 далѣе Ц. поворачиваетъ опять на сѣверъ, впрочемъ всего на версту или на двѣ, а потомъ верстъ 5—6 течетъ на западъ и т. о. описываетъ луку, напоминающую по формѣ Самарскую, только гораздо меньше ея. И это единственный изъ болѣе или менѣе крупныхъ поворотовъ Ц. Вся величина излучины не болѣе 20 верстъ. Далѣе Ц. идетъ на сѣверъ до самой Мокши, какъ бы завѣщая и ей это направленіе, ибо Мокша, встрѣтясь съ Ц., поворачиваетъ также на сѣверъ, а обѣ вмѣстѣ склоняютъ къ тому же Оку. Ниже описанной луки, Ц. расширяется до 80 саж.,

но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно мелѣетъ. Особенно велики и затруднительны мели при селеніяхъ: Новоселкѣ, Раковѣ, Стар. Березовѣ и Ст. Амесьевѣ. Впрочемъ, и здѣсь встрѣчаются мѣста, какъ напр. у сел. Тархановъ, Темгешева, Глядковки, гдѣ глубина достигаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ слишкомъ саженъ, и Цна въ это время разливается въ верхней своей половинѣ версты на 3, на 5 и даже на $8^1/_2$ верстъ, а въ нижней половинѣ отъ $^1/_2$ в. до 4 в. Осенью меженняя вода, при спускѣ всѣхъ запрудъ, поднимается на 1 арш. и болѣе. Судоходство по Ц. очень значительно. Преимущественно оно производится въ весеннее половодье; въ лѣтнее же время ходятъ въ небольшомъ количествѣ только небольшія суда. Осенью взводятся лошадьми, пустыя суда съ Мокши и Оки, такъ какъ судостроеніе по Ц. не производится, или производится въ ограниченномъ количествѣ; такъ напр., съ 1870 г. по 1874 г. включ., на Ц. было построено всего 53 судна, общая стоимость которыхъ 30.000 руб. Строятся именно гусянки, коломенки, лодки, паромы и полубарки. А сплавлялось по этой рѣкѣ въ 1871 г. 406 судовъ съ грузомъ въ 6.000.000 пуд. Но съ этого года количество грузовъ начинаетъ убывать: въ 1872 г. грузилось уже 345 суд., въ 1873 г. — 346, а въ 1874 — 292 съ грузомъ въ 2.777.000 пуд. По болѣе старымъ свѣдѣніямъ, относящимся къ началу 60-хъ гг., число грузившихся судовъ на Ц. простиралось до 470, съ грузомъ въ 7.000.000 пуд. Хлѣбъ и спиртъ—главные предметы груза и составляютъ приблиз. $^6/_7$ общаго колич. грузовъ. Пристани по Ц., въ порядкѣ важности ихъ значенія: Моршанская, Коршуновская, Прорвинская, Карельская, Новосинская, Печинская, Чернѣевская, Боровская и Рыслинская. За неимѣніемъ данныхъ мы пока умалчиваемъ здѣсь о томъ, какъ на каждой изъ этихъ пристаней отразилось проведеніе чрезъ нихъ, или по близости, желѣзныхъ дорогъ. Мелководіе Ц. и извилины причиняютъ не мало препятствій судоходству. Для устраненія этихъ неудобствъ устроено нѣсколько гидротехническихъ сооруженій. Сооруженія эти, какъ сообщаетъ о нихъ «Сп. нас. м. Тамб. губ.», слѣдующія: каналъ у с. Карелей, дл. 4 версты; кан. между сс. Алкужами и Серповымъ, дл. почти 9 верстъ; кан. между сс. Ст. Чернѣевымъ и Боровымъ Ялтуновымъ, дл. болѣе 10 верстъ. Кромѣ того существуютъ

малые каналы, или «перекопы» у сс.: Рыслей, Носинъ и Шаморги. Искусственныхъ водохранилищъ для Цны не устроено, но ихъ замѣняютъ мельничныя запруды на верхней половинѣ Ц. и ея притокахъ. Запрудъ этихъ очень много; ихъ считается до 230, и при спускѣ онѣ въ состояніи дать почти 6.000.000 кубич. саж. воды. Для правильнаго и своевременнаго спуска воды, вся эта система запрудъ раздѣлена на 3 части. Къ первой относится Ц. до устья Кашмы (нѣсколько ниже Моршанска); здѣсь запруды открываются съ 20 Сент. Ко второй части отнесено остальное теченіе Ц.; вода спускается здѣсь съ 25 Сент. по 15 Окт. Третья часть — собственно резервная и состоитъ изъ запрудъ на ррч. Серпѣ, Шачѣ, Азѣ, Арзазовѣ, Вышѣ и нѣк. др., вода которыхъ спускается тогда, когда суда подходятъ къ ихъ устьямъ.

Въ чисто географическомъ отношеніи не лишне еще прибавить, что, — какъ говоритъ обозрѣватель Тамбовск. губ. *) — многіе изъ тамбовскихъ жителей считаютъ Цну впадающею въ Оку, а въ Мокшѣ хотятъ видѣть притокъ Цны и основываютъ свое мнѣніе на прямизмѣ направленія Цны и принятіи Мокшею этого направленія взамѣнъ того, какому она слѣдовала до встрѣчи съ Цною. Кто-то даже пріискалъ и другое доказательство, основанное на древнихъ актахъ. Именно: въ 1382 г. Дм. Донской, заключая договоръ о границахъ съ Олегомъ Рязанскимъ, выразился между прочимъ такъ: «а на низъ по Оцѣ по рѣку по Тцну, отъ устья Тцны вверхъ по Тцнѣ». На этомъ основаніи мѣстный составитель карты Тамб. губ. подписалъ «Цна» у впаденія Мокши въ Оку. По той же ли причинѣ, или вслѣдствіе ошибки, теченіе Цны такъ же обозначено у Иловайскаго на картѣ Рязанскаго княжества. На картѣ Тамб. губ. въ «Подробн. атласѣ Росс. имп.» изд. А. Ильина то же самое. Между прочимъ оказывается, что въ приведенной выше ссылкѣ на слова древняго акта, рѣчь идетъ совсѣмъ не о Цнѣ тамбовской, а о Цнѣ рязанской! Что касается направленія, то мы уже говорили какъ о немъ, такъ и вообще объ условіяхъ, могущихъ вліять на рѣшеніе вопроса о главенствѣ одной р. относительно другой, и старались доказать, что одно изъ этихъ условій,

*) «Сп. нас. м. Тамб. губ.» стр. VIII.

взятое въ отдѣльности, вопроса рѣшить не можетъ, и что существеннѣйшимъ признакомъ въ понятіи о рѣкѣ, какъ болѣе важной водной артеріи, сравнительно съ прочими водотоками, служитъ *величина* рѣки. Будь Цна больше Мокши, тогда, пожалуй, можетъ быть, ее и слѣдовало бы признать за главную; но этого-то ей и недостаетъ: до встрѣчи съ Мокшею она проходитъ менѣе 350 верстъ, тогда какъ Мокша, до встрѣчи съ Цною, проходитъ болѣе 500 верстъ. А кромѣ того развитіе бассейна Цны 1,525, а Мокши — конечно до встрѣчи съ Цною — 1,928.

Первымъ изъ важнѣйшимъ населенныхъ пунктовъ, выросшихъ на Цнѣ, будетъ губернскій гор. *Тамбовъ*, одинъ изъ самыхъ молодыхъ русскихъ городовъ. До построенія его въ здѣшнихъ мѣстахъ не было еще осѣдлаго населенія, и только по временамъ подъ *Липовецкій лѣсъ* (выше Тамбова по Цнѣ) высылались сторóжи для наблюденія за Ордынцами. Только уже въ 1636 г. было повелѣно строить городъ *Танбовъ* на полѣ, на р. Цнѣ, на устьѣ рч. Липовцы, для береженья отъ воинскихъ людей. Строитель, стольникъ Романъ Боборыкинъ, выбралъ мѣсто въ 25 верстахъ ниже назначеннаго мѣста, при впаденіи въ Цну рч. Студенца, и прежде нежели успѣлъ Боборыкинъ окопаться рвами и валами, началась служебная дѣятельность тамбовскаго гарнизона, который первое время состоялъ изъ 20 пушкарей при 8 пушкахъ. Татары, Калмыки и разнаго рода воровскіе люди и мятежники долго еще появлялись въ окрестностяхъ Тамбова; только со временъ Петра, городъ становится вполнѣ мирнымъ мѣстомъ; да и то, впрочемъ, съ однимъ исключеніемъ, когда въ 1708 г. онъ выдержалъ втеченіе 10 дней осаду казацкаго полковника Булавина. Не смотря на позднее возникновеніе, Тамбовъ успѣлъ вырости въ довольно большой городъ и даже перерости многихъ изъ своихъ старѣйшихъ собратовъ, какъ напр., Владиміръ, Ростовъ, Рязань, Вятку; въ Тамбовѣ считается слишкомъ 30.000 жит. Въ 70-хъ годахъ производительность тамбовскихъ заводовъ оцѣнивалась суммою до 500.000 р.; особенное развитіе получили заводы: винокуренные, салотопенные, свѣчные и мыловаренные, есть 1 табачная фабр. Городскіе доходы въ 1872 г. достигали 100.000 р. Благодаря своему административному значенію и положенію на жел. дор.,

Тамбовъ имѣетъ довольно видное торговое значенiе, но уступаетъ въ этомъ Моршанску, Козлову и Борисоглѣбску. Въ Т. быв. 3 ярмарки: на 10-й недѣлѣ послѣ Пасхи, 22 Окт. и 6 Дек.; обороты первыхъ двухъ опредѣляются суммою въ 350—400 тыс. для каждой; послѣдняя же ярмарка незначительна.

Ниже Т. на Цнѣ стоитъ *Моршанскъ*, или, въ просторѣчiи, *Морша*, — городъ также очень молодой. Мѣстность нынѣшняго города была пожалована въ XVII в. рязанскимъ архiереямъ. Впослѣдствiи—не ранѣе полов. того же в.— здѣсь образовалось село *Морша;* а въ слѣдующемъ столѣтiи (1779 г.) село это было сдѣлано городомъ. Городъ быстро разростался, и нынѣ въ немъ считается болѣе 20.000 жит.; 8 церквей, изъ коихъ Троицкiй соборъ отличается громадностью и великолѣпiемъ. По стар. свѣдѣн. (1866 г.) доходы города исчислялись въ 22.000 р. Тогда же въ городѣ считалось 28 заводовъ, изъ которыхъ 20 — салотопенные, вытапливавшiе до 26.000 пуд. сала; сало это отправлялось по Цнѣ въ Петербургъ и Москву. Въ М. пригоняется на убой до 20.000 головъ крупнаго скота и 100.000 мелкаго. Мы не имѣемъ свѣдѣнiй о томъ, какъ отразилось на М. проведенiе ж. д., а также на его пристани, которая въ 60-хъ годахъ отправляла 2.800.000 пуд. груза, именно: хлѣба, сѣмени, спирту, сала, поташу тряпья, купоросу и меду. А разгружалось на пристани до 500.000 пуд. — желѣза, соли, рогожъ, лѣсу и лѣсныхъ издѣлiй. Независимо отъ судоходства въ М. привозилось щепнаго товару изъ сѣв. части Тамб. и Пенз. губ. на сумму до 150.000 р.

Тотчасъ ниже Моршанска назовемъ на Цнѣ большое село *Карѐли*. Въ немъ ок. 3.000 жит.; пристань на Ц., отпускала въ 60-хъ гг. до 600.000 пуд. грузовъ, — главн. образ. хлѣба, сала, льнянаго и конопл. сѣмени и спирту.

Въ сторонѣ отъ Ц., но въ ея бассейнѣ, на рч. Шачѣ стоитъ у. гор. *Шацкъ* съ 7.000 жит., съ 5 завод. (мылов., кожев. и свѣчн.). Въ Ш. быв. 2 ярмарки. На мѣстѣ Шацка встарину (XV—XVI в.) было укрѣпленiе, носившее названiе *Шацкихъ воротъ;* а городъ Ш. былъ поставленъ въ годъ взятiя Казани — въ 1552 г.

Цонъ, лѣв. прит. Оки, бер. нач. въ Карачевск. у. близь с. Успенскаго, протекаетъ 63 версты и впадаетъ въ Оку

верстъ 10 выше Орла. Шир. Цона до 15 саж.; глуб. до 2 и 3 арш.; долина болотиста. Задержанный частыми плотинами, Ц. образуетъ многіе пруды значительной величины и глубины.

Болѣе замѣчательные населенные пункты по Окѣ.

На самой **Окѣ** расположены слѣдующіе изъ болѣе замѣчательныхъ населенныхъ пунктовъ:

1. *Орелъ* (см. р. Орликъ).

2. *Бѣлевъ*, у. гор. Тульск. губ. на лѣв. б. Оки. Принадлежитъ къ самымъ стариннымъ русскимъ городамъ. Въ лѣтописяхъ впервые упоминается подъ 1147 г. Въ XIV в. принадлежалъ Литвѣ. Въ зависимости отъ нея возникло въ слѣдующемъ столѣтіи Бѣлевское удѣльное княжество. Въ 1494 году Б. отошелъ къ Россіи. Въ XVI в., именно въ 1507, 1512, 1530, 1536 и 1544 гг. Б. претерпѣлъ страшныя разоренія отъ Татаръ. Въ Б. нынѣ считается ок. 9.000 жит., 16 церквей, 1 монаст., публичная библіотека, театръ, 6 заводовъ. Публ. библ. учреждена въ память Жуковскаго, который родился въ с. Мишенскомъ близь Бѣлева и первые годы своей юности провелъ въ этомъ городѣ. Заводская производительность оцѣнивается суммою до 360.000 руб. Б. ч. этой суммы относится на долю салотоп. зз. Есть 1 сахарный з. (на 5.000 р.). Послѣ Тулы Б.—первый городъ въ губерніи въ торговомъ отношеніи. Главные предметы торговли—пенька, сало и коноп. масло. Городскіе доходы ок. 14.000 р. Съ 28 Авг. по 10 Сент. быв. ярмарка, на которую привозится красныхъ, галантерейныхъ и бакалейныхъ товаровъ приблизительно на 1.000.000 р.

3. *Лихвинъ*, у. гор. Калужск. губ., на л. б. Оки, при вп. рч. Лихвинки, — очень маленькій городокъ, всего съ небольшимъ 2.000 жит. Соотвѣтственно его величинѣ и доходы его ничтожны, не болѣе $2^1/_2$ тыс. р. Торговля также ничтожна; даже нѣтъ пристани. Бываютъ въ году 2 ярмарки съ привозомъ на 10.000 руб. Л. принадлежитъ къ весьма старымъ городамъ: по преданію, онъ существовалъ еще во время нашествія Татаръ и оказалъ имъ столь от-

чаянное сопротивленіе, что будто бы они и дали ему названіе Лихаго.

4. *Перемышлъ*, у. гор. Калужск. губ., на л. б. Оки. Время основ. П. неизвѣстно; а мнѣніе, что онъ основанъ въ XII в. Юріемъ Долгорукимъ, опровергается, но вмѣстѣ съ тѣмъ все же свѣдѣтельствуетъ за древность города. Нѣкоторое время онъ принадлежалъ Литвѣ; а позднѣе,—во вр. Мих. Феодор., — неоднократно подвергался разореніямъ отъ приверженцевъ различныхъ партій. П. хотя и больше предъидущаго, Лихвина, — въ немъ около или даже нѣсколько болѣе 4.000 жит., — все же городъ весьма незначительный. Доходы его не достигаютъ 5.000 р. Был. 2 ярмарки: въ 10-ю Пятницу по Пасхѣ и 15 Сент.; на нихъ привозится товаровъ тыс. на 30 р.; изъ этого числа $^2/_3$ приходится на долю первой.

5. *Воротынскъ.* Собственно говоря, В. не на Окѣ, а на рч. **Выссѣ**, но очень близко къ Окѣ, всего верстахъ въ 4 отъ нея. Это заштатный городъ. Въ немъ не болѣе $1^1/_2$ тыс. жит., и ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи не замѣчателенъ; но обращаетъ на себя вниманіе, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Онъ принадлежалъ Черниговскому княжеству и упоминается въ Ипатьевской лѣтописи, гдѣ говорится, что въ 1155 г. кн. Святославъ Ольговичъ взялъ Воротынскъ, Карачевъ и Сновскъ. В. имѣлъ своихъ князей до второй половины XVII в.

6. *Калуга*, на л. б. Оки. Время основанія К. неизвѣстно. Предполагаютъ, что городъ первоначально находился не на теперешнемъ его мѣстѣ, а переносился до 3 разъ съ мѣста на мѣсто. Въ первый разъ К. упоминается въ 1389 году. Во время самозванцевъ въ Калугѣ утвердились Болотниковъ и Тушинскій самозванецъ. Въ 1619 г. Калугою овладѣлъ запорожскій гетманъ Сагайдачный, при чемъ городъ былъ разграбленъ. Прочную, но также печальную память оставилъ по себѣ 1654 г., когда втеченіе 3 мѣсяцевъ въ К. перемерло отъ какой-то болѣзни $^2/_3$ ея жителей. А ранѣе того, въ 1622 г. городъ выгорѣлъ весь безъ остатка. Пожарами этотъ городъ особенно замѣчателенъ: въ 1742 г. былъ также страшный пожаръ, уничтожившій до 700 дворовъ, всѣ ряды и 11 церквей; а лѣтъ черезъ 12 (1754 г.) случился пожаръ еще болѣе опустошительный:

сгорѣло 1.200 дворовъ, 14 церквей, крѣпость (деревянная), всѣ ряды и погибло 177 человѣкъ. Въ 1760 г. опять большой пожаръ, испепелившій до 300 дворовъ; въ 1761 г. опять такой же пожаръ; въ 1785 снова такой же пожаръ. Ко всему этому въ промежутокъ двухъ послѣднихъ огромныхъ пожаровъ, въ 1771 г., въ городѣ свирѣпствовала чума. Какъ бѣденъ былъ городъ въ нач. XVII в., можно видѣть изъ того, что здѣсь было всего 302 жит., да и изъ нихъ 105 челов. кормились подаяніемъ. Въ 1719 г., когда Калуга была сдѣлана провинціальнымъ городомъ, въ ней было однихъ посадскихъ людей ок. 6.000 чел. Въ 1734 г. число ж. достигало почти 14.000. Въ историческомъ отношеніи относительно К. можно еще помѣтить то обстоятельство, что на ея долю нѣсколько разъ выпадало быть мѣстомъ заключенія знатныхъ плѣнниковъ. Такъ, при Ив. Грозномъ здѣсь 17 лѣтъ провелъ въ плѣну крымскій посолъ Янъ-Болдый. Сюда же былъ присланъ въ 1786 г. послѣдній крымскій ханъ Шагинъ-Гирей. Въ 1828 г. сюда былъ привезенъ султанъ Малой Киргизской орды Аригази-Абдулъ-Газисъ. Въ 30-хъ гг. жила здѣсь грузинская царевна Фекла Ираклiевна. Наконецъ въ 1859 г. сюда былъ помѣщенъ Шамиль съ семействомъ.

Въ настоящее вр. въ К. ок. 40.000 жит.; много фабрикъ и заводовъ съ общимъ производствомъ на 1.000.000 руб. Первое мѣсто между ними занимаютъ зз. кожевенные; ихъ 25; произв. ихъ оцѣнивается суммою въ 450.000 р.; за кожев. слѣдуютъ зз. мѣховые, овчинные и щетинные. Есть 1 бумаготкацкая ф. съ произв. на 35.000 р.; 6 воскобойн. зз. съ произв. на 35.000 р.; свѣчныхъ 4 з. (на 20.000 р.); 8 зз. рогожныхъ (на 20.000 р.). Это болѣе крупные зз.; о прочихъ не упоминаемъ. Здѣшніе купцы, ѣздившіе еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ кожами, мѣхами, юфтью въ Лейпцигъ, Бременъ, Данцигъ, нынѣ ведутъ торговлю преимущ. хлѣбомъ. Городскіе доходы исчисляются круглою цифрою въ 70.000 р.

7. *Алексинъ*, у. гор. Тульск. губ., на пр. б. Оки и по обѣ ст. рч. Мордовки. И черезъ Оку, и черезъ М. устроены мосты; черезъ О.—плашкотный. Прежде А. находился на л. б. Оки, гдѣ и до нынѣ видны остатки стараго городища. Алексинъ изъ числа мало замѣчательныхъ городовъ. Жителей въ немъ ок. 4.000 и такая же цифра городскихъ дохо-

довъ. Преданіе приписываетъ основаніе А. сыну Александра Невскаго. Но въ первый разъ о существованіи А. извѣстіе является при Симеонѣ Гордомъ, когда городъ назывался городомъ св. Петра Митрополита. Въ 1348 г. въ лѣтописяхъ упоминается А. по поводу опустошенія его Татарами. Въ 1472 г. Ахматъ разграбилъ городъ, а жителей частію перебилъ, частію взялъ въ плѣнъ, но вскорѣ былъ самъ разбитъ. Во время междуцарствія А. держалъ сторону самозванцевъ. Въ 1611 г. онъ былъ разоренъ Сапѣгою; а въ 1611 г. былъ свидѣтелемъ пораженія Лисовскаго.

8. *Таруса*, у. гор. Калужск. губ., на л. б. Оки, при впад. р. **Тарусы.** Хотя время основанія этого города и неизвѣстно, тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ. Въ 1246 г. Т. сдѣлалась особымъ удѣломъ одного изъ сыновей убитаго Татарами черниговскаго кн. Михаила. Въ XVI стол. Т., находясь на Окѣ, за которой шли земли, принадлежавшія Крымцамъ и Ногайцамъ, пріобрѣла значеніе важнаго стратегическаго пункта и была тщательно укрѣплена рвами и валами; укрѣпленія эти, кромѣ одного вала, были уничтожены Окою въ 1760 г. Нынѣ Таруса принадлежитъ къ числу маленькихъ у. городовъ, не имѣющихъ ни торговаго, ни промышленнаго значенія. Жит. въ Т. менѣе 3.000; а городскихъ доходовъ менѣе 4.000 р.

9. *Серпуховъ.* Мы о немъ упоминаемъ, какъ о приокскомъ городѣ, потому что онъ стоитъ очень близко къ Окѣ; но собственно онъ на Нарѣ, о которой и сказано выше.

10. *Кашира* (Кошира), у. гор. Тульск. губ., на п. б. Оки. Время основанія К. неизвѣстно; но все же это одинъ изъ древнихъ городовъ. Документальное извѣстіе о К. встрѣчается подъ 1353 г., когда епископъ коломенскій писался и коширскимъ. К. была неоднократно отдаваема въ кормленіе разнымъ татарскимъ ех-царямъ, какъ напр. Махметъ-Аминю, Абдулъ-Летифу, Шигъ-Алею, а послѣ была отдана въ кормленіе кн. Мстиславскому. Такъ какъ на К. часто направлялись Крымскіе Татары, то около нея и стоялъ сторожевой полкъ, а въ 1531 г. она была укрѣплена валомъ и дерев. башнями. Но надо сказать, что въ тѣ времена К. стояла на л. б. Оки; на п. б. она перенесена въ позднѣйшее вр., именно въ нач. XVII в. Нынѣ въ К. ок. 4.000 жит.; есть нѣсколько небольшихъ заводовъ (салотоп.,

кожев., свѣчн.). Быв. 5 ярмарокъ: 23 Апр., въ Вознесенье, въ 10-ю Пятницу по Пасхѣ, 15 Сент. и 1 Окт.; преимущ. на нихъ пригоняютъ лошадей и скотъ; но всѣ эти ярмарки ничтожны, и обороты лучшихъ изъ нихъ не превышаютъ 3.000 р. Грузка на пристани тоже не велика, всего ок. 45 тыс. пуд., и главн. обр. сост. изъ соли, спирта и желѣза. Городскіе доходы ок. $5^1/_2$ тыс. р.

11. *Коломна*, какъ и Серпуховъ, не въ тѣсномъ смыслѣ приокскій городъ, но очень близко къ ней стоящій, близь впаденія Москвы, въ описаніи которой сказано и о К. а равно упомянутъ и

12. *Глутвинскій монастырь.*

13. *Дѣдиново*, или *Дѣдново*, на л. б. Оки — древній населенный пунктъ и богатѣйшее нынѣ изъ селъ Рязанской губ. Въ немъ ок. 7.000 жит.; 3 церкви, въ одной изъ которыхъ хранятся 2 серебр. ковша, подаренные царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами. При Мих. Феодоров. здѣсь строились корабли для голштинскаго посольства, отправлявшагося въ Персію; а при Алексѣе Михайл. построенъ корабль Орелъ, назначавшійся для плаванія по Касп. морю, но сожженный потомъ Разинымъ. Наконецъ, говорятъ, что здѣсь же Петръ Великій собственными руками построилъ ботикъ названный имъ дѣдушкою русскаго флота и отправленный въ Петербургъ въ 1723 г. Жители Дѣдинова пахатной земли не имѣютъ, а занимаются разными промыслами и собираютъ большое количество сѣна съ своихъ превосходныхъ пойменныхъ луговъ. Съ Дѣдиновской пристани ежегодно отправляется до 600.000 пуд. сѣна. Въ селѣ есть кожевенный заводъ съ производствомъ на 6.000 р. (по свѣдѣніямъ 1860 г.). 8 Іюля бываетъ ярмарка съ оборотомъ тысячи на 4 рублей.

14. Немного ниже Дѣдинова на лѣвомъ же берегу расположено другое большое и старинное село *Любичи* съ $2^1/_2$ тыс. жит. А еще немного пониже опять и старинное, и большое село

15. *Бѣлоомутъ*, на томъ же лѣв. бер. Въ немъ до 5.000 жит., которые, подобно дѣдиновцамъ, не имѣютъ пахатной земли и получаютъ доходы съ прекрасныхъ сѣнокосовъ; съ пристани села ежегодно отправляется въ Москву до 500.000 пуд. сѣна. Въ окрестностяхъ Бѣлоомута не разъ

были находимы клады; въ одномъ изъ нихъ были куфическія монеты X в. Тотчасъ же ниже Бѣлоомута, на той же правой сторонѣ Оки, стоитъ еще большое село, также

16. *Бѣлоомутъ*, называемое Нижнимъ, въ отличіе отъ перваго, Верхняго. Въ этомъ Бѣлоомутѣ также до 5.000 жит. Съ пристани его отпускается до 200.000 пуд. сѣна. Въ году бываютъ 2 ярмарки.

Далѣе слѣдуютъ:

17. *Солодча*, древнее село на рч. того же имени.

18. *Аграфенина Пустынь*, то же древнее поселеніе. Въ немъ болѣе 2.000 жит.; жители эти — потомки Мещеряковъ; промыселъ ихъ состоитъ въ томъ, что они ходятъ наниматься въ пастухи. Село получило названіе отъ бывшей здѣсь женской пустыни, основанной въ 1507 году и упраздненной въ 1764 г. Отъ упраздненнаго монастыря остались 2 церкви.

19. *Рязань*, на рукавѣ Оки Трубежѣ. Объ основаніи города и вообще объ исторической сторонѣ его мы говорили въ историческомъ очеркѣ Оки. Напомнимъ только, что эта Рязань—собственно *Переяславль Рязанскій*, время основанія котораго съ точностью неизвѣстно. Въ Рязанскомъ лѣтописцѣ есть мѣсто, гдѣ говорится: «въ лѣто 6716 при в. к. Романѣ Игоревичѣ, внукѣ Глѣбовѣ, былъ на Рязани епископъ Арсеній. Онъ градъ *Переславль* заложилъ у озера.» Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что Переяславль возникъ еще ранѣе, что онъ уже существовалъ въ 1095 г. и былъ основанъ Ярославомъ Святославичемъ. До конца XIII в. Переяславль оставался незначительнымъ пунктомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ, по преданію, сюда прибылъ чудеснымъ образомъ по водѣ на мантіи св. Василій, епископъ муромскій, и утвердилъ здѣсь кафедру епископовъ рязанскихъ и муромскихъ,— Переяславль сталъ возвышаться и сдѣлался столицею Рязанскаго княжества взамѣнъ Рязани. Нынѣ въ Рязани считается 20.000 жит. Изъ церквей, которыхъ въ Рязани 20, обращаетъ на себя особенное вниманіе огромный Успенскій соборъ; по своей архитектурѣ, онъ считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Россіи. Въ немъ хранится и икона Божіей Матери, съ которою приплылъ еписк. Василій въ 1294 г. Есть и разныя другія достопримѣчательности, которыя мы не будемъ пе-

речислять. Ни въ промышленномъ, ни въ торговомъ отношеніи Рязань не представляетъ ничего выдающагося. Торговля Рязани считается незначительною сравнительно съ торговлею уѣздныхъ городовъ: Егорьевска, Зарайска и Касимова. Бываютъ 2 раза въ годъ ярмарки: Федотьевская 2 Іюля и Предтеченская 29 Авг. съ оборотомъ на 14.000 руб.; на ярмарки эти привозятся преимущественно крестьянскіе товары. Городскіе доходы Рязани исчисляются съ небольшимъ въ 20.000 р. На пристани въ срединѣ 60-хъ годовъ грузилось до 220.000 пуд. хлѣба, сѣмени, сѣна, металловъ и др.; а разгружалось болѣе 1.000.000 пуд. различныхъ товаровъ. Пристань находится у самаго города только въ половодье; лѣтомъ же отстоитъ отъ города версты на двѣ, что, конечно, представляетъ немаловажное неудобство въ торговлѣ.

20. *Старая Рязань*, на прав. высокомъ и крутомъ бер. Оки въ красивой мѣстности. Это и есть настоящая, древняя Рязань, которая почти втеченіе 300 лѣтъ была столицею Рязанскаго княжества. Теперь это небольшое село съ 600 жит. Древній городокъ, имѣющій 389 саж. длины и 336 ширины, окруженный съ 3 сторонъ высокимъ валомъ, а съ 4-й укрѣпленный природною крутизною окскаго берега, до сихъ поръ ясно обозначаетъ мѣсто стараго города. Черезъ него теперь пролегаетъ дорога, а въ ЮЗ-номъ углу находится церковь и дома церковнослужителей. Вправо отъ дороги (изъ Спасска въ Шацкъ) виднѣются два высокіе холма. Одинъ изъ этихъ холмовъ былъ разрытъ въ 1836 г., и подъ нимъ обнаружились остатки древняго Борисоглѣбскаго собора, стѣны и своды котораго сложены изъ каменныхъ плитъ; тутъ же открыты каменныя гробницы рязанскихъ князей, древніе образа и др. церковныя вещи. Близь дороги, въ самой срединѣ городка, въ 1822 г. крестьяне, пахавшіе землю, нашли замѣчательныя драгоцѣнности, составлявшія нѣкогда богатое убранство княжеской одежды. Находки эти хранятся теперь въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ.

21. Тутъ же, но на лѣвой сторонѣ Оки, на высокомъ, песчаномъ берегу стараго русла ея — оз. Спасскаго, расположенъ г. *Спасскъ*, который, по своему наружному виду и промышленности, скорѣе похожъ на село. Въ немъ около

4.000 жит., которые занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ. 24 Іюня и 8 Сентября бываютъ ярмарки, изъ которыхъ на первую привозилось товаровъ, по свѣдѣніямъ конца 60-хъ гг., на 3.000 р., а на вторую—на 27.000 р.

22. *Свинчусъ*, древнее село Рязанск. губ. Касимовск. у., съ пристанью. Жителей около $1^1/_2$ тысячъ.

23. *Забѣлина*, деревня того же уѣзда. Пристань. Жителей около 600.

24. *Касимовъ*, на л. б. Оки. Городъ старый. Объ основаніи его было нами сказано прежде. Изъ остатковъ старины обращаютъ на себя вниманіе мечеть и минаретъ, построенные, какъ полагаютъ, еще Касимомъ; впрочемъ, минаретъ былъ перестроенъ въ XVIII в. Кромѣ того, здѣсь же есть 2 мавзолея: одинъ близь мечети, основанный Шигъ-Алеемъ, а другой, выстроенный въ 1616 г. при царевичѣ Орсланѣ. Въ нихъ находятся гробницы царей. Жителей въ Касимовѣ значится болѣе 14.000; изъ нихъ около 1.000 магометанъ. Въ городѣ 10 церквей, монастырь, магометанская мечеть. Жители занимаются преимущественно кузнечнымъ и сапожнымъ мастерствами, ручною пряжею, шитьемъ тулуповъ, очисткою козьяго пуха и литьемъ ямскихъ колокольчиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ касимовскихъ. Сапожное производство оцѣнивается суммою въ 130.000 р., кузнечное во 140.000; козьяго пуху очищается на сумму около 35.000 р. Мануфактурная дѣятельность по городу весьма значительна. На его 18 главнѣйшихъ заводахъ — овчинныхъ, канатныхъ, желѣзолудильныхъ и др. выдѣлывается на сумму свыше 600.000 р. Оборотъ торговли Касимова полагаютъ до 2.400.000 р. Съ 7 по 14 Іюля бываетъ ярмарка съ привозомъ на сумму свыше 75.000 р. Городскіе доходы Касимова—до 12.000 р.

25. *Елатьма*, у. гор. Тамбовск. губ., на л. б. Оки. Въ первый разъ имя этого города упоминается въ 1381 г. въ договорной грамматѣ Дм. Донскаго съ Олег. Рязанскимъ. Основаніе Елатьмы приписываютъ Мещерякамъ и Мордвѣ. И теперь посреди города находится площадь, называемая *Городищемъ* и обрытая рвомъ. Въ Елатьмѣ ок. 8.000 жит.; 12 церквей; 6 заводовъ и фабрикъ (салотопенныхъ, канатныхъ), производившихъ въ 60-хъ годахъ издѣлій на 14.000 руб. Изъ ремеселъ развито кузнечное; гвоздей, подковъ

и земледѣльческихъ орудій выдѣлывалось на 20.000 р. На мельницахъ здѣшнихъ выдѣлывается извѣстная подъ именемъ елатомской мука, отличающаяся бѣлизною; она сбывается въ Москвѣ. Съ 29 Августа по 5 Сентября бываетъ ярмарка на которую стекается до 6.000 народу. Близь города находятся ломки известняка. Доходы гор. Елатьмы исчисл. въ 8.000 р.

26. *Карачарово*, село Владим. губ., Муромск. у., на л. б. Оки, — изъ самыхъ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній на Окѣ; по народному сказанію — родина славнаго Ильи Муромца. Нынѣ въ Карачаровѣ ок. 3.000 жит., которые, кромѣ хлѣбопашества, занимаются также торговлею хлѣбомъ. Близь села, на урочищѣ *Бучихъ* 2 винокур. зз.

27. *Муромъ*, на л. б. Оки. По древности своей стоитъ въ одномъ ряду съ такими городами, какъ Ростовъ или Новгородъ. Онъ существовалъ еще до прихода сюда Славянъ; основанъ Муромою, и еще въ X вѣкѣ былъ уже извѣстенъ по своей торговлѣ съ Волжско-Камскими Болгарами. Теперь въ Муромѣ считается до 11.000 жит., 14 церквей, 3 монастыря; въ Рождественскомъ соборѣ почиваютъ мощи муромскаго князя Давида и его супруги Февроніи, скончавшихся въ 1228 г. Одно изъ болѣе видныхъ занятій жителей — садоводство и огородничество. Заводско-фабричная промышленность довольно значительна. Болѣе чѣмъ на 20 заводахъ и фабрикахъ въ 60-хъ гг. выдѣлывалось издѣлій на сумму до 800.000 р.; изъ числа которыхъ около 520.000 приходилось на долю 10 полотняныхъ фабрикъ. На крахмальныхъ заводахъ выдѣлывалось 7.000 п. крахмалу; на паточномъ 10.000 п. патоки; производство 2-хъ щетинныхъ заводовъ оцѣнивается слишкомъ въ 30.000 р.; а 3-хъ салотопенныхъ и свѣчныхъ — въ 90.000 р.; наконецъ 2 кожевенныхъ завода выдѣлываютъ до 12.000 кожъ красной и бѣлой юфти на 50.000 р. Съ муромской пристани въ 60-хъ гг. отправлялось до 3.000.000 пуд. грузовъ — хлѣба, сѣмени, постнаго масла, пеньки, металловъ, алебастра, дегтю, смолы, сала, свѣчъ, спирту, холста, пряжи, кожевеннаго товара, стекла, лѣсу и лѣсныхъ издѣлій. Разгружалось ок. $1^1/_2$ милл. пуд. — хлѣба, соли, соленой рыбы, металловъ, хлопка, чаю, сахару, по-

ташу, соды и пр. По зимамъ на базары свозится до 3 и до 5 тыс. подводъ хлѣба. Съ 25 Іюня по 1 Іюля бываетъ ярмарка съ привозомъ на 70—140 тыс. р. Городскіе доходы исчисл. до 12.000 р.

28. *Павлово*, село Нижегор. губ. Горбат. у., на пр. б. Оки. Время основанія его неизвѣстно. Но въ началѣ XVII вѣка оно упоминается въ «Книгѣ Большому Чертежу» какъ городъ: «а ниже Теши рѣки 60 верстъ, на Окѣ городъ *Павловъ*». Теперь Павлово одно изъ богатѣйшихъ селъ въ Нижегородской губ. и даже вообще въ Россіи. Въ немъ до 9.000 жит., 10 церквей. Всеобщую извѣстность его составляетъ слесарное производство, получившее начало еще въ XVII в. Въ селѣ считается до 700 слесарныхъ заведеній и до 500 кузницъ. Кромѣ того, по оффиц. свѣд. значится 21 слесарн. ф., на которыхъ въ 60-хъ гг. выдѣлывалось болѣе 280.000 замковъ, разнаго рода ножей болѣе 16.000 дюж., до 10.000 дюж. ножницъ, до 1.500 дюж. бритвъ. Въ Павловѣ же есть 4 мыловар. зз. съ производ. до 35.000 п. 12 Іюня быв. ярмарка съ оборотомъ не болѣе 4 тыс. р.

29. *Горбатовъ*, у. гор. Нижегор. губ., на пр. б. Оки, имѣющемъ здѣсь до 40 саж. высоты. Мѣстность, занимаемая нынѣ Горбатовымъ, принадлежала въ старые годы кн. Андрею Михайловичу Горбатому-Шуйскому, и въ 1565 г. пожалована Спасо-Евфимьевскому суздальскому монастырю. Самый Горбатовъ былъ въ ту пору деревнею и назывался *Мещерская поросль;* а потомъ, когда въ 1672 г. была здѣсь построена церковь, деревня Мещерская поросль стала селомъ *Горбатовымъ;* а въ 1779 г. село было сдѣлано городомъ. Въ Горбатовѣ считается съ небольшимъ 3.000 ж. Въ немъ довольно много садовъ, но, какъ слышно, садоводство упадаетъ. Въ нач. 60-хъ гг. въ городѣ были 2 канатныя фабрики, 1 стальной заводъ и 2 кирпичныхъ: производство всѣхъ ихъ оцѣнивалось въ 90.000 р. Купечество здѣшнее ведетъ значительную торговлю слесарными издѣліями, снастями, кожею и рыбою. Городскіе доходы исчисл. съ небольшимъ въ 4.000 р.

30. *Избылецъ*, село, сливающееся съ Горбатовымъ въ одинъ населенный пунктъ и расположенное подъ горою,

Въ Избыльцѣ до 2.000 жит.; 10 прядиленъ, вырабатывающихъ веревокъ на 10.000 р. Жители занимаются садоводствомъ. 20 Іюля бываетъ ярмарка съ оборотомъ до 2.000 р.

31. *Нижній Новгородъ*, о которомъ мы приведемъ главнѣйшія свѣдѣнія при описаніи насел. пп. по Волгѣ.

БАССЕЙНЪ КАМЫ.

Таблица рѣкъ и рѣчекъ, питающихъ Каму.

(Примѣчанія тѣ же, что и къ бассейну Оки.)

---

1. Лопья л. 33.
2. (безъ имени,—что впадаетъ 2-мя верстами выше слѣд. Совы) л. 45.
3. Сова л. 40.
4. Томызъ л. 40.
5. Нарышъ л. 34.
6. Колычъ п. 55.
7. Чусь, а выше Полуденная п. 55.
8. Сузьва п. 40.
9. Лупья л. 67.
   У нея: 1. Чернушка л. 36.
10. Волосница л. 67.
11. Кымъ п. 55.
   У него: Тадунъ л. 35.
12. Чусь п. 47.
13. Кымъ п. 24.
14. Кужва п. 58.
   У нея: 1. Волва п. 24.
15. Порышъ л. 95 («до 80»).
   У него: 1. Гудычъ п. 30.
16. Веслена, или Весляна л. 150(«90»).
   У нея: 1. Виской л. ок. 90.
   2. Онылъ п. 46.
17. Лупья (на картѣ Упья) л. 110.
   У нея: 1. Чугрумъ п. «до 30» }
   2. Сочь л. «85» } [1].
18. Леманъ (на картѣ Лиманъ) л., вверхъ по рч. Лели 32 («до 150») [2].
   У него: 1. «Калсыка» л. «до 50» [3].
19. Коса п. 215 («150»).
   У нея: 1. Янчеръ л. 35.
   2. Юмъ п. 36.
   3. Лопва п. 57.
   4. Сопель (Сопѣль?) л. 40.
   5. Сюролъ п. 33.
   6. Ополва, а выше Урья, л. 53.
   7. Лопанецъ п. 45.
   8. Лологъ л. 100 («100»).
      У него: 1. Вурламъ л. 42.
      2. Вулачъ л. 35.
   9. Симъ л. ок. 40.
20. Южная Кельтма л. 120 («175»).
   У нея: 1. Джуричъ, или Журичъ л. 38 («70»).
   2. Лопья л. 46 («20»).
      У нея: 1. Иктымъ л. 37.
   3. Тимшеръ п. 128.
      У него: 1. Чепецъ л. 44.
21. Пильва л. 148 («до 100»).
   У нея: 1. Сыпанъ л. 32.
22. Сумичъ п. 65.

---

[1]) [2]) [3]) Иногда затрудняешься, чему вѣрить: картографическимъ даннымъ или даннымъ въ литературѣ. Такъ, даже на спец. к. Россіи (Стрѣльб.) р. *Чугрума* совсѣмъ нѣтъ, а *Сочь* изображена 10-верстн. ручьемъ. *Лиманъ*, если измѣрять не вверхъ по рч. Лели, имѣетъ всего 25 верстъ; *Калсыки* не значится вовсе. На этотъ разъ мы рѣшаемся довѣриться литературнымъ даннымъ, и при вычисленіи развитія Камскаго басс. беремъ длину Лимана не 32 в., а 150 согласно «Сп. нас. мѣстъ» Пермск. губ. Въ Географич. словарѣ Семенова описанія этихъ рр. совсѣмъ нѣтъ; но въ немъ нѣтъ и многихъ другихъ рр. такой же и большей величины, хотя въ предисл. къ словарю и говорится, что въ составъ словаря входятъ «*всѣ* судох. и сплавн. рр., а также *всѣ* рр., превышающія 50-верстное протяженіе».

23. Уралка (Уролка), а выше Илимъ, п. 124 («до 100»).
У нея: 1. Ульва л. 32.
2. Кысьва п. 35.
24. Вишера л. 435 («420»).
У нея: 1. Вельсуй, а выше Шудья, л. 48 («до 40»).
2. Улсуй л. 38.
3. Говоруха п. 33.
4. Вижаиха л. 50.
5. Язьва л. 188.
У нея: 1. Мальма л. 113.
У нея: 1. Бурдынка л. 33.
2. Мальва л. 30.
2. Глухая Вильва л. 150.
3. Кальвизну л. 40.
6. Колва п. 380 («370»).
У нея: 1. Березовка л. 84.
2. Вишерка, а выше Чусовскаго ов. Березовка, а еще выше Вогулка, п. 140.
У нея: 1. Помасова (собственно впад. въ Чусовск. ов.) п. 55.
3. Низва л. 70.
25. Мошева л. ок. 40.
26. Боровая л. 47.
27. Усолка л. 45 («70»).
28. Лысьва п. 60 («до 50»).
29. Зырянка л. 37.
30. Яйва л. 275 («240», «почти 300»).
У нея: 1. Кадъ л. 45.
2. Ульвичъ п. 68.
3. Чикманъ л. 46.
4. Чиньва л. 63.
5. Икъ п. 30.
6. Вильва л. 70 («70»).
У нея: 1. Лытва п. 30(«20»).
7. Усолка л. 38.
8. Уньва п. 30.
31. (Сѣверный) Кондасъ п. 80 («60»).
У него: 1. Полуденный Кондасъ п. 56.
У него: 1. Увьва л. 34.
32. Сынва л. ок. 30.
33. Пожва п. 32 («35»).
34. Лысь л. 31.
35. Иньва, или Инва, п. 227(«до 160»).
У нея: 1. Котышъ п. 35.
2. Кува л. 44.
3. Вильва л. 110.
У нея: 1. Евга п. 33.
4. Юсьва п. 64.
5. Доега л. 30.
6. Пой л. ок. 30.
7. Исылъ л. 52.
36. Косьва или Косва л. 300 («отъ 280 до 300»).
У нея: 1. Тылай п. 30.
2. Лиманская л. 40.
3. Язьва п. 56.
4. Вильва л. 60.
5. Пожва л. 31.
6. (безъ имени?) л. 32.
37. Нижній Лухъ п. 38.
38. Чермосъ п. 80.
39. Большой Висимъ л. 30 («30»).
40. Обва п. 243 («до 200»).
У нея: 1. Кызьва л. 40.
2. Сива п. 60.
3. Буба п. 36.
4. Лысьва п. 62.
5. Язва л. 40.
6. Сюрва л. ок. 30.
7. Нердва л. 79.
У нея: 1. Тетля п. 30.
8. Челва п. ок. 30.
41. Гарева п. 34.
У нея: 1. Березовка п. 35.
42. Добрянка л. 35.
43. Чусовая л. 666 («550»).
У нея: 1. Омутная л. 28.
2. Ревда л. 60.
3. Утка л. 45.
4. Шишимъ п. 55.
5. Больш. и Полуденная Утка, а выше Таловая п. 41.
6. Сулемъ п. 114 («70»).
7. Межевая Утка п. 83(«70»).
У нея: 1. Утка п. 40.
2. Ашка п. 32.
8. Іоква п. 30.
9. Серебрянка п. 124 («120»).

10. Б. Кынъ л. ок. 30.
11. Сылвица п. 70.
12. Кумышъ л. 34.
13. Койва п. 82 («90 до 100»).
У нея: 1. Турымъ л. 36.
2. Кусья п. 33.
14. Усьва п. 230 («до 190»).
У нея: 1. Ольховка п. ок. 30.
2. Вильва л. 147 («60»).
У нея: 1. Вижай, или Вежай л. 112 («до 100», «30»).
У него: 1. Паша (на картѣ Пашія) п. ок. 30 («20»).
15. Лысьва, или Лысва л. 80 («175»).
16. Сылва л. 552 («отъ 400 до до 450», «350»).
У нея: 1. Унъ л. ок. 30.
У него: 1. Дикая Утка п. 25.
2. (прит. Сылвы) Вогулка л. 82.
3. Молебка п. 40 («до 15»).
4. Утъ л. 51.
5. Тисъ л. 25.
6. Иргина л. 74 («70»).
У нея: 1. Шуртанъ л. 35.
7. Суксунъ л. «30».
8. Лекъ п. 38.
9. Барда п. 158 («до 150», «до 100»).
У нея: 1. Асовка, а выше Лювъ л. ок. 30.
10. Кишерка л. 40.
11. Шаква п. 110.
У нея: 1. Култымъ л. 31.
12. Ирень л. 163 («болѣе 150»).
У него: 1. Тюшъ п. 30.
2. Тарты л. ок. 30.
3. Телесъ п. ок. 40.
4. Оспа л. ок. 40.
5. Сыпъ л. 46.
6. М. Ашапъ л. 24.
7. Б. Ашапъ л. 34 («до 40»).
8. Турка л. 53.
У нея: 1. Югъ л. 31.
9. Бымъ л. 30 («до 40»).
10. Кунгурка п. 44.
13. Бабка л. 106 («до 80»).
У нея: 1. Бырма л. ок. 30.
2. Югъ п. 30 («до 35»).
3. Юмышъ Б. п. ок. 30.
14. Сыра л. 38.
15. Кутамышъ п. 54.
У него: 1. Юрманъ л. 39.
44. Тайва п. 50 *).
45. Мулянка л. 47.
46. Мулянка п. 31.
47. Б. Ласьва п. 62.
48. Сюзва п. 47 («50», «60»).
У нея: 1. Сынъ л. 44.
2. Поломка п. 43.
49. Качка л. 30.
50. Нытва п. 50 («до 50»).
У нея: 1. Шерья л. ок. 30.
51. Югъ л. 30.
52. Очеръ п. 80. («до 80»).
53. Полуденный Ашапъ п. 30.
54. Полуденная Пиза л. ок. 30.
55. Паль л. 31 («до 30»).
56. Тулва л. 108 («до 80»).

---

*) Въ «Сп. нас. м.» Пермск. губ. на стр. 611 ниже Чусовой значится р. *Рыжъ* длиною 50 в., но мы не нашли такой рѣки на спец. к. России Стрѣльбицкаго; либо она нанесена и значится въ предлагаемой таблицѣ подъ другимъ именемъ.

У нея: 1. Ашапъ, а выше Б. Шлыкъ л. ок. 30.
2. Тюндюкъ л. ок. 30.
3. Барда л. 50.
4. Б. Амзя л. 39.
5. Тунтаръ п. 33.
У него: 1. Шермяикъ л. 26 (Но въ «Сп. нас. м.» *Шермяитъ* названъ притокомъ Тулвы, а длина его опред. въ 35 в.).
6. Елпачиха, а выше Уймужа л. 39.
7. Пизь п. ок. 30.
57. Ножевка п. ок. 30.
58. Сайга л. 51.
59. Сива п. 165 («150»).
У нея: 1. Бутъ (Буть) п. 37 («до 25»).
2. Сосновка п. 51. («до 35»).
3. Черная п. 30.
4. Подка п. 31.
5. Липъ п. 37.
6. Киваръ п. 34.
7. Вотка п. 60 («40»).
У нея: 1. Шаркунъ л. 50.
60. Б. Сарапулка п. 46.
У нея: 1. М. Сарапулка п. 39.
61. Шалья л. 31.
62. Буй л. 138 («до 120»).
У него: 1. Ара л. 33.
2. Армизя (вверхъ по р. Лаигѣ п. ок. 40).
3. Сава п. 37.
4. Орья л. 33.
5. Пизъ п. 107.
У него: 1. Б. Уса л. 38.
2. Визъ, а выше Атшугай, л. ок. 30.
3. Паша п. 33.
6. Камбарка п. 50 («50»).
63. Ильянъ (?) л. 34.
64. Бѣлая л. 1351 («1000»).
У нея: 1. . . . . . ? . . . . п. 33.
2. Тирлянъ п. 43.
У него: 1. Арша л. 27.
3. Нура п. 36.
4. . . . . ? . . . . л. 36.
5. Узянъ л. 40.
6. Кага, а выше Уралъ-Магаяшты, л. 57.
7. Авзянъ п. 53.
8. Узянъ л. 76.
У него: 1. Суванаръ л. 39.
2. Бутарла, а выше Тупяргасъ, п. 49.
9. Ала-Куянъ п. 31.
10. Кана л. 75 («70»).
У нея: 1. Куркатау п. 40.
11. Уртюбакъ л. 32.
12. Мелеузъ л. ок. 30.
13. Мекатевли л. 33.
14. Нугушъ п. 195 («130», «до 160»).
У него: 1. Нугушъ л. 32.
2. Калгасау, а выше Урюкъ, п. 48.
3. Урюкъ, а выше Ялмашъ, п. 52.
4. Суханышъ л. ок. 30.
5. Тора (Торъ) п. 42.
15. Тасерюкъ п. 30.
16. Ашкадаръ, въ верховьѣ Беркутла л. 155 («до 150»).
У него: 1. Кундракъ л. 57.
2. Сухойля п. 85.
17. Стерля л. 60 («до 60»).
18. Селеукъ п. 68.
19. Куганакъ л. 81 («до 50»).
20. Зиганъ (Сиганъ) п. 67 («до 70»).
21. Усолка п. 44 («14»).
22. Зилимъ п. 70 («до 150»).
У него: 1. Мандымъ п. ок. 30
23. Инзеръ п. 275 («до 200», «до 235»).
У него: 1. М. Инзеръ п. 86.
2. Тюльмень п. 65.
3. Аскинъ (на картѣ Аскитъ) л. 38.
4. Симъ (24? Симъ?) } (На спец. к. Россіи Симъ изображенъ впадающимъ въ Инзеръ съ правой стор. какъ разъ подъ 54°30′ с. ш. въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ (по теченію) отъ сліянія съ Бѣлою. Въ подробн. атл. Россійск.

имп., изд. Ильина, Симъ и Инзеръ также сливаются вмѣстѣ, недоходя нѣсколько верстъ до Бѣлой. Но въ «Геогр. Словарѣ» Семенова сказано: «правый притокъ Бѣлой ... впадаетъ въ Бѣлую». Въ «Сп. нас. мѣстъ Уфимск. губ.» также говорится, что Симъ «впадаетъ въ Бѣлую и рядомъ съ Инзеромъ»). п. 200 («175», «до 165»).

У него: 1. Курякъ л. 34.
2. Миньяръ, а выше Біянка п. 38.
3. Укъ л. 32.
4. Лемеза л. 86.
У нея: 1. Янышъ п. ок. 30.
5. Куртъ-Елга л. ок. 30.
24. Карламанъ л. 35.
25. Уршакъ л. 162 («до 140»).
У него: 1. Аургазы (вверхъ по направленію р. Турсугали) п. 42.
2. Узень п. 45.
26. Берсуянъ л. ок. 30.
27. Уфа п. 795 («до 600»).
У нея: 1. Кизилъ п. 32.
2. Уфалей п. 54.
3. Сурояшъ л. 31.
4. Указаръ п. 32.
5. Нязя п. 44.
6. Урайма л. 38.
7. Серга п. 93.
У нея: 1. Бардымъ л. 57.
2. Демидъ п. 55.
8. Артя л. 53 («60»).
9. Еманъ-Зелга п. 48.
10. Бисертъ п. 140 («до 120»).
У него: 1. ... ? ... п. 40.
2. Путъ л. 38.
3. Бисертскій Утъ п. 41.
11. Сарана п. 39.
12. Ай л. 495 («до 300»).
У него: 1. Кувашъ л. 36.
2. Куса п. 50 («40»).
3. Арша п. 58 («до 50»).
4. Асса-Илга п. 30.
5. Сатка, а въ верховьѣ Кылъ л. 101 («60»).
У нея: 1. М. Сатка п. 42.
6. Улуаръ л. 36.
7. М. Икъ п. 54.
У него: 1. Кига л. 53.
У нея: 1. Леуза п. 38.
8. Икъ п. 78.
У него: 1. Малтюба, а выше — Вассы - Елга п. 40.
9. Ока п. 83 («60»).
У нея: 1. Икъ, а въ верховьѣ Лантисъ л. 74.
У него: 1. Суя п. 34.
10. Ярославка л. 60.
13. Тюй п. 132 («до 80»).
У него: 1. Атеръ л. 39.
2. Сарсъ л. 104.
14. Байка п. ок. 40.
15. Юрезань л. 398 («приблиз. до 400»).
У нея: 1. Березякъ п. 37.
2. Катавъ л. 104 («до 60»).
3. Бердяшъ п. 49.
16. Урюшъ п. ок. 40.
17. Исимъ-Елга л. 30.
18. Салдыбашъ л. 57.
19. Уса п. 79 («до 60»).
20. Лобовка л. 36.
21. Изякъ п. 54.

У него: 1. М. Изякъ вверхъ по рѣчкѣ Мимандѣ л. 33.
22. Таушъ л. ок. 30.
23. Юрмашъ л. 47.
28. Дёма (Димъ, Діома), вверху по рч. Изякъ, л. 452 («350»).
У нея: 1. Дёма л. 30.
2. Тятеръ п. 71.
3. Садакъ л. 60.
У него: 1. Садакъ л. 48.
4. Уязы п. 45.
5. Менеузъ л. 48.
6. Міакъ п. 36.
7. Курсакъ л. 50.
8. Тюмень, вверхъ по рч. Ташлы, л. 37.
9. Асли-Удрякъ, вмѣстѣ съ оз. Асли-Куль, л. 56.
У него: 1. Удрякъ л. 36.
10. Балышлы л. ок. 30.
11. Ува л. 35.
29. Кармасанъ л. 100 («до 87»).
У него: 1. Карякъ л. 32.
30. Чермасанъ, или Сармасанъ л. 143 («до 160»).
У него: 1. Идяшъ л. ок. 30.
2 Идяшъ л. 35.
3. Тюряшъ л. 33.
4. Савадъ л. 34.
5. Калмашъ л. 44.
6. Сейрышъ л. 32.
31. Бирь (Бирь-Су) п. 97 («до 120», «до 70»).
У него: 1. Инякъ (Укашъ?) п. 34.
2. Шада п. 30.
3. Кынгыръ п. 28.
32. Яубаза л. 43.
33. Кувашъ п. 55.
34. Таныпъ, въ верховьѣ Кадалей п. 250 («200»).
У него: 1. Сульмашъ п. ок. 30.
2. Сыресъ, а выше Бадряшъ, п. 36.
3. Тюльгуръ л. 31.
4. Югъ п. 49.
5. Аръ л. 38.
У него: 1. Карышъ п. ок. 30.
6. Сибирганъ л. 30.
7. Гарей п. 59.
8. Кіябякъ п. 36.
9. Калтасъ п. ок. 30.
10. Тыктемъ п. ок. 30.
35. База, или Баса, а на картѣ Кый-Кичу, л. 104 («до 100»).
36. Сюнь л. 200 («до 180»).
У него: 1. Маты п. 40.
У нея: 1. Шарашлы л. 30.
2. (прит. Сюня) Калмій л. 33.
37. Шабызъ п. 38 («35»).
65. Ижъ, въ верховьѣ Ожъ, п. 179 («до 200»).
У него: 1. Чуръ, а выше Лыса, п. 35.
2. Позимъ л. 45.
3. Лудзя п. 31.
4. Постолъ п. 44.
5. Агрызъ п. 33.
6. Бобья п. 39.
7. Чажъ п. 44.
У него: 1. Бугрышъ (вверхъ по рч. Юрѣ) л. ок. 30.
8. Кырыкмасъ л. 75.
У него: 1. Быма л. 45.
2. Шихостанка (на картѣ Шилостанка) п. 33.
66. Икъ л. 435 («400», «до 350»).
У него: 1. М. Икъ л. 26.
2. Ря п. 48.
3. Кандызъ л. 44.
4. Кандывъ л. 47.
У него: 1. Сула, а выше — Ташлы, л. 30.
5. Кидашъ п. 37.
У него: 1. Стевянча (на картѣ Чевянзя) л. 37.

6. Дымка л. 69.
7. Юмара л. 36.
8. Усень п. 114 («90»).
У него: 1. Нугушъ п. 44.
9. Стерля л. 44.
10. Милля л. 56.
11. Менвела л. 112 («до 100», «95»).
У нея: 1. Игини л. 33.
67. Тойма п. 90.
У нея: 1. Юрашка п. ок. 30.
68. Танайка п. 27.
69. Зай л. 195 («150»).
У него: 1. Ирня п. 59.
70. Вятка п. 1077 («отъ 900 до 1000», «1600», «1632»).
У нея: Омутница л. 39.
2. Бѣлая п. 60 («60»).
3. Медвѣжья, вверхъ по рч. Озерницѣ, л. 30.
4. Таловошанка л. 30.
5. Черная Холуница л. 70.
6. Кобра п 142 («135»).
У нея: 1. Ташнакъ л. 66.
2. Бѣлая, вверхъ по рч. Векшеводихѣ, п. 40.
3. Федоровка п. 90.
У нея: 1. Мытица л. 37.
7. Иванцевка л. 36.
8. Озерница п. ок. 30.
9. Лѣтка п. 124 («160»).
У нея: 1. Слудка п. 30.
2. Лекма п. 35.
10. Холуница л. 96.
У нея: 1. Сома, вверхъ по рч. Боровкѣ л. 49.
11. Чепца л. 416 («до 400»).
У нея: 1. Липъ п. 44.
У него: 1. Юса п. 36.
2. (пр. Чепцы) Лоза, въ верх. Кошуръ л. 96.
У нея: 1. Нязь п. 35.
2. Ита, вверхъ по рч. Ягвай, п. 66.
3. (пр. Чепцы) Пизепъ п. 47.
4. Люкъ п. ок. 30.
5. Сепычъ, вверхъ по рч. Сюйзюда, л. 43.
6. Пизепъ, вверхъ по рч. Мучану, п. 40.
У него: 1. Варижъ л. 30
7. Убыть л. 80.
8. Лема л. 44.
У нея: 1. Лекма п. 31.
9. Вотская Сада л. 42.
10. Святица л. 90.
11. Коса л. 101 («100»).
У нея: 1. Ухтымъ л. ок. 30.
2. Суна п. 61.
12. Б. Кордяга л. 52.
13. Мельковка п. ок. 30.
14. Филиповка л. 53.
12. (пр. Вятки) Проснища л. 64.
У нея: 1. Проснища л. 33.
13. Никуличанка п. ок. 30.
14. Мѣдянка п. 52.
15. Чахловица, вверхъ по рч. Бахтѣ л. 32.
16. Великая п. 140 («130», «не превышаетъ 150»).
У нея: 1. Березовка, вверхъ по рч. Святицѣ, л. 39.
2. Рамовица, вв. по рч. Мочалкѣ, п. ок. 30.
У нея: 1. Сизма л. 31.
3. Грядовица л. 30.
17. Хвощевица п. 38.
18. Быстрица л. 133 («125»).
У нея: 1. Кумена л. 54.
2. Ивкина л. 70.
3. Снѣгиревка л. 55.
19. Молома п. 315 («350»).
У нея: 1. Билина л. 32.
2. Поломица п. 38.
3. Кая л. 33.
4. Волманга, вверху Черная, п. 57.
5. Кузюкъ л. 60.
6. Волгарица л. ок. 30.
7. Хвойка п. ок. 30.
8. Вононга, вверху Чащевка, п. 33.
9. Сосновица л. 44.

У нея: 1. Поломка л. 30.
10. Кобра, вверху Черная, п. 52.
11. Куринка п. 35.
12. Черненица п. 40.
13. Дубяна л. ок. 30.
20. Кишкиль, вверху Багаевка, л. 43.
21. Шижма л. 44.
22. Пижма п. 203 («180»).
У нея: 1. Унжа п. 30.
2. Сюзюмъ л. 48.
3. Юма л. 53.
У него: 1. Кликважъ л. 34.
4. Ошма п. 49.
5. Иръ л. ок. 30.
6. Боковая л. 63.
У нея: 1. Шембетъ л. ок. 30.
7. Ярань п. 86.
У нея: 1. Немдышъ л. 46.
8. Шуванна л. ок. 30.
9. Ижъ п. 57.
У него: 1. Шуда л. 37.
10. Немда п. 126.
У нея: 1. Ронга л. 39.
2. Толмань л. 32.
3. Ляжъ п. 57.
4. Немдежъ л. 38.
23. Суводь л. 37.
24. Щербай л. 34.
25. Ситма л. 32.
26. Лудяна л. 60 («60, по другимъ свѣдѣн. 150»).
27. Байса п. 44.
28. Воя л. 124 («80»).
У нея: 1. Курчумъ п. 30.
2. Суна п. 55.
29. Буй п. 82.
30. Уржумка п. 81.
У нея: 1. Ноли л. 35.
31. Немда л. 72.
32. Максинка л. 42.
33. Кильмезь (Кильмесъ), вв. по рч. Пестеру, л. 182(«170»).
У него: 1. Ушнетъ л. 30.
У него: 1. Чибирь, вверхъ по рч. Англету, л. 34.
2. (прит. Кильм.) Уть, вверхъ по р. Пиманкѣ, п. 65.
3. Кирсма п. 34.
4. Лунпукъ (на картѣ Лутпуль) п. 102.
У него: 1. Кеза п. 35.
5. Вала л. 130 («130»).
У нея: 1. Ныша л. 33.
2. Пычасъ п. 34.
3. Сюга л. ок. 30.
4. Ныlга п. 71.
5. Ува п. 88.
6. Кылты л. 37.
7. Какможь п. 41.
8. Энга п. 48.
9. Идыкъ, вверхъ по рч. Бенженшуру, л. 41.
6. Лобань («или Льбань») п. 120 («100»).
7. Кульма п. 30.
34. Аджамка п. 30.
35. Мелеть л. ок. 30.
36. Гонбинка п. 30.
37. Шошма п. 85.
У нея: 1. Куtоборка п. 38.
38. Шабанка л. 36.
39. Бура п. 41.
40. Казанка л. 36.
41. Ошторма п. 33.
42. Пижманка л. 40.
43. Люга л. 54.
44. Умякъ, вверху Изошуръ, л. 70.
У него: 1. Адамъ л. ок. 30.
45. Шія п. 50.
46. Анзырка л. 41.
71. Уратьма, л. 38.
72. Омарка, вверхъ по рч. Кирменю, п. 36.
73. Шешма л. 234.
У нея: 1. Шешма п. 44.
2. Кувакъ п. ок. 30.

3. Кичуй п. 85.
4. Толкишъ л. 39.
5. Аша п. 30.
74. Берсутъ п. 43.
75. Шумбутъ п. 42.
76. Простъ л. 48 («40»).
77. Сума п. 30.
78. Шантала л. 44.
У нея: 1. Бахта п. 35.
79. Бетька п. 31.
80. Ошнякъ п. 36.
81. Курланка л. 33.
82. Брисса п. 38.
83. Мокрый Каразинъ л. 31.
84. Мёша п. 207 («250»).
У нея: 1. М. Меша п. 46.
2. Нырса л. 30.
3. Нурма п. 34.
85. Ахтай, или Актай, л. 89 («55»).

Такимъ образомъ, считая всѣ рр., имѣющія не менѣе или около 30 верстъ протяженія и всѣ бо́льшія рр., мы находимъ, что Камскій бассейнъ составляютъ 574 рр., которыя въ сложности представляютъ протяженіе слишкомъ въ 36.000 верстъ. Число это само, такъ сказать, напрашивается на сравненіе, напоминая намъ, что такой водной линіи достаточно, чтобы опоясать ею весь Земной Шаръ, почти у самаго экватора. Разсматривая таблицу, мы находимъ и въ Камскомъ бассейнѣ любопытные примѣры того значенія, какое имѣетъ *развитіе бассейна* для рѣки въ разсужденіи ея величины, или калибра. Нѣкоторыя изъ рѣкъ, совершенно равныя между собою по протяженію, обнаруживаютъ ощутительную разницу въ развитіи ихъ бассейновъ, вслѣдствіе чего, равенство рѣкъ является только кажущимся. Таковы, напр., рр. *Нугушъ* и *Зай*, имѣющія по 195 верстъ длины, развитіе же бассейна Зая значительно ниже развитія бассейна Нугуша: у Зая это развитіе выражается цифрою $0{,}_{26}$, а у Нугуша $0{,}_{4}$. Таковы же *Симъ* и *Сюнь*, имѣющіе по 200 в. длины, но представляющіе большое различіе въ богатствѣ питающихъ ихъ притоковъ: развитіе бассейна Сюня = $0{,}_{3}$, а Сима $0{,}_{45}$. Или вотъ еще два-три подобныхъ примѣра:

	Длина.	Развитіе бассейна.
Бисертъ	140	0,259
Великая	140	0,270
Яйва	275	0,695
Инзеръ	275	0,914
Инъ	435	1,212
Вишера	435	1,887

Но любопытнѣе тѣ случаи, въ которыхъ одна изъ сравниваемыхъ рр., будучи меньше другой по протяженію, должна встать несомнѣнно выше въ силу бо́льшей мощности бассейна. Вотъ примѣры:

	Длина.	Развитіе бассейна.
Чермесанъ	143	0,351
Кобра	142	0,375.
Быстрица	133	0,312
Вала	130	0,553.
Усьва	230	0,549
Инва	227	0,625.
Воя	124	0,209
Ю. Кельтма	120	0,413.
Сива	165	0,495
Ирень	163	0,535.

Такимъ образомъ, если напр. Воя *длиннѣе* Ю. Кельтмы, то это не значитъ, что она и *больше* ея, подобно тому, какъ напр. какая нибудь башня, будучи несомнѣнно выше дворца, въ то же время несомнѣнно меньше его. Поэтому же самому *Чусовая* съ своимъ бассейномъ въ 4.416 верстъ должна встать выше Уфы съ ея бассейномъ въ 2.992 версты, хотя Чусовая и имѣетъ только 666 верстъ длины, противъ 795 верстъ Уфы. Что касается вообще степени развитія бассейновъ рр., питающихъ Каму, то здѣсь, какъ и въ бассейнѣ Оки, мы встрѣчаемъ и примѣры слабо развитыхъ бассейновъ и бассейновъ развитыхъ прекрасно. Всего лучше это будетъ видно изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ примѣровъ. Такъ,—

Ашкадаръ	при 155 в. дл.	имѣетъ	бассейнъ		0,297,
а *Ю. Кельтма*	» 120 »	»	»	»	0,413.
Усьва	» 230 »	»	»	»	0,549,
Ижъ	» 179 »	»	»	»	0,633.
Зай	» 195 »	»	»	»	0,254,
Чепца	» 416 »	»	»	»	1,497.

Зай являетъ собою примѣръ самаго дурнаго развитія бассейна въ бассейнѣ Камы, точно также какъ *Меша* (207—0,317). Но за то есть примѣры еще лучшаго развитія бассейна, нежели у Ю. Кельтмы, какъ напр. *Вишерскій* бас-

сейнъ, развитіе котораго по даннымъ нашей таблицы выражается цифрою $1_{,887}$ при длинѣ самой Вишеры въ 435 верстъ. Необыкновенный примѣръ являетъ собою *Пижма*, которая при длинѣ въ 203 версты, имѣетъ бассейнъ $1_{,088}$. И наконецъ еще болѣе разительный примѣръ представляетъ *Кильмезъ:* рѣка эта протекаетъ всего 182 версты и при этомъ имѣетъ бассейнъ $1_{.185}$! Такъ могутъ быть развиты только бассейны очень большихъ рѣкъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что чѣмъ длиннѣе рѣка, тѣмъ — говоря вообще — развитѣе бассейнъ. Это, конечно, можетъ казаться очевиднымъ; но, во 1-хъ, мы уже видѣли случаи, противорѣчащіе такому правилу; а, во 2-хъ, мы собственно указываемъ на то, что бассейнъ рѣки съ увеличеніемъ длины увеличивается болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать съ перваго раза. Такъ, возьмите для примѣра *Ай* или притокъ Волги *Мологу:* обѣ эти рр. вдвое менѣе *Вятки* и имѣютъ бассейны: первая $1_{,36}$, вторая $2_{,25}$; Вятка же имѣетъ бассейнъ не вдвое бо́льшій, т. е. не $2_{,7}$ или даже не $4_{,5}$, а $9_{,0}$. Точно также *Бѣлая*, будучи приблизительно вдвое длиннѣе *Уфы*, имѣетъ бассейнъ не $6_{,0}$, какъ можно было бы ожидать, а $9_{,31}$. Разрѣшеніе этого явленія не представляетъ затрудненій, если только отбросимъ исключительные случаи и примемъ во вниманіе, что чѣмъ далѣе течетъ рѣка, тѣмъ, въ большей части случаевъ, крупнѣйшіе встрѣчаетъ притоки, которые, конечно, въ нѣсколько и даже во много разъ превосходятъ притоки начальные. Отсюда, между прочимъ, мы еще разъ убѣждаемся, какой правильный указатель имѣемъ въ развитіи бассейна, при опредѣленіи калибра рѣки или ея отношенія къ другой, сравниваемой съ нею: чѣмъ больше рѣка, тѣмъ не пропорціонально большаго слѣдуетъ ожидать бассейна и наоборотъ, чѣмъ непропорціональнѣе величина развитія бассейна рѣки относительно ея длины, тѣмъ крупнѣе и самая рѣка.

Такимъ образомъ, удивляясь развитію бассейна Пижмы, превосходящаго ея длину въ 5 разъ, мы уже не будемъ удивляться тому, что бассейнъ большой рѣки Бѣлой въ 7 разъ превосходитъ ея собственную длину. И если хотимъ судить о качественной сторонѣ развитія бассейна Бѣлой, то должны будемъ сравнить ее съ рѣками такого же ка-

либра, т. е. напр. съ самою Камою, или съ Окою, Волгою (какъ притокомъ Оки) и Вяткою. Бѣлая не особенно много превосходитъ своимъ протяженіемъ Волгу и не особенно много уступаетъ Окѣ; поэтому мы въ правѣ ожидать, что къ той или другой изъ этихъ рр. она приближается развитіемъ своего бассейна. Но оказывается, что она въ этомъ отношеніи не только далеко уступаетъ бо́льшей ея Окѣ, но почти такъ же много уступаетъ и Волгѣ, которая противъ 9 тысячъ верстъ бассейна Бѣлой имѣетъ 17 тысячъ, т. е. чуть не вдвое болѣе; откуда можно вывести заключеніе, что бассейнъ Бѣлой развитъ сравнительно слабо, однако не особенно, такъ какъ надо при этомъ помнить, что Бѣлая выигрываетъ въ своей длинѣ совсѣмъ неодобрительными, съ человѣческой точки зрѣнія, способами, т. е. безпрестанно мѣняя свое направленіе, причемъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ прямаго пути успѣваетъ пройти очень много, такъ что отбрось мы ея *извилины*, оставляя однако *повороты*, подъ которыми разумѣемъ болѣе крупныя и общія перемѣны въ направленіи, мы найдемъ, что длина Бѣлой значительно сократится, и бассейнъ ея не будетъ казаться черезчуръ слабо развитымъ.

Если сдѣлаемъ еще одно сравненіе, сравнимъ Бѣлую съ Чусовою, то увидимъ, что бассейнъ Бѣлой развитъ пропорціонально бассейну Чусовой: Бѣлая вдвое больше Чусовой и бассейнъ ея вдвое больше Чусовскаго. Но, имѣя въ виду только-что наблюденное нами весьма постоянное явленіе непропорціональности развитія бассейновъ относительно длины рѣкъ, мы не только не сдѣлаемъ заключенія о нормальности развитія бассейновъ Бѣлой и Чусовой, но, напротивъ, въ правѣ будемъ заключить какъ разъ обратное, т. е. снова подтвердить довольно слабое развитіе бассейна Бѣлой.

Что касается бассейна *Чусовой*, то должны будемъ признать, что онъ развитъ превосходно, и если мы о немъ не упомянули, приводя въ примѣръ Пижму и Кильмезь, то только ради того, что имѣли въ виду сказать о немъ особо. Въ сравненіе съ Чусовой при ея длинѣ въ 666 верстъ могутъ быть поставлены напр. *Ай* (495 верстъ), *Молога* (534), *Унжа* (550), *Мокша* (575), *Клязьма* (585), *Уфа* (795): и

ни одна изъ нихъ не имѣетъ столь хорошо развитаго бассейна. Именно:

Ай	1,36
Молога	2,25
Унжа	1,7
Мокша	3,5
Клязьма	3,1
Уфа	3,0
Чусовая	4,4.

Изъ нихъ только Мокша приближается къ Чусовой. Изъ рѣкъ меньшаго калибра съ Чусовою соперничаютъ только приведенныя уже нами Пижма и Кильмезь, да развѣ еще р. *Кострома*, которая при длинѣ всего въ 310 верстъ имѣетъ бассейнъ въ 1,623 версты.

Изъ рр., питающихъ Каму, имѣютъ хорошо развитые бассейны еще *Чепца* 1,5 при длинѣ въ 416 верстъ и Вятка 9,0 при длинѣ въ 1,077 верстъ.

Перечислимъ теперь всѣ рр. Камскаго бассейна, имѣющія не менѣе или почти не менѣе условленной единицы для развитія своихъ бассейновъ. Вотъ эти рр.:

1. *Инзеръ*	0,914	8. *Чепца*	1,497
2. *Юрезань*	0,994	9. *Вишера*	1,887
3. *Дема*	1,034	10. *Сылва*	2,184
4. *Пижма*	1,088	11. *Уфа*	2,992
5. *Кильмезь*	1,185	12. *Чусовая*	4,416
6. *Икъ*	1,212	13. *Вятка*	9,0
7. *Ай*	1,362	14. Бѣлая	9,311

и, наконецъ, 15. самая *Кама* 36,553.

Но что же скажемъ о всемъ бассейнѣ Камы — хорошо онъ разитъ или нѣтъ? Цифра 36.000 безспорно сама за себя говоритъ достаточно, и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что эпитетъ *многоводной* прилагается къ Камѣ по справедливости. Однако, чтобы намъ было на что опереться въ своей увѣренности, сравнимъ Каму съ однокалиберными съ нею рѣками, именно: Бѣлою, Окою и Волгою (какъ притомъ Оки, т. е. до встрѣчи съ нею). Сравненіе это ясно обнаруживаетъ подавляющее превосходство Камскаго бассейна:

Бѣлая	9,311
Волга	17,049
Ока	17,897
Камы	36,069.

Мы пробовали дѣлать разсчетъ, каково бы должно было быть развитіе Камскаго бассейна, еслибъ относительно Волжскаго и Окскаго онъ былъ развитъ такъ же, какъ бассейнъ Бѣлой относительно Чусовскаго, т. е. пропорціонально превосходству въ длинѣ. Оказывается, что, при сравненіи съ Волгою, Кама должна была бы имѣть бассейнъ равный 24,44; а при сравненіи съ Окою 22,5, т. е. почти то же самое. Но если еще сдѣлаемъ разсчетъ по сравненію съ Бѣлою, то окажется, что развитіе Камскаго бассейна могло бы равняться только 12,2. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ, что Кама, превосходя сравниваемыя съ нею рѣки на 300, 400 верстъ, даетъ бассейнъ вдвое и даже втрое бо́льшій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ 20 разъ превосходитъ длину самой Камы — примѣръ, подобнаго которому мы еще не встрѣчали среди всѣхъ описанныхъ нами рѣкъ. А потому мы можемъ основательно-увѣренно сказать, что бассейнъ Камы развитъ прекрасно.

Краткія свѣдѣнія,

замѣтки и дополненія относительно нѣкоторыхъ рѣкъ и рѣчекъ Камскаго бассейна.

Ай, лѣвый притокъ Уфы, беретъ начало въ Златоустовскомъ у. (Уфимской губ.), изъ ущелья горы Калгана, верстахъ въ 15 отъ Уйташа, недалеко отъ истоковъ Урала, Бѣлой, Міяса и Уя. До Златоуста лѣвый бер. Ая гористъ; на правомъ же берегу долина, имѣющая при Златоустѣ 1.000 ф. абсолютной высоты (по другимъ 1.500), постепенно расширяется. Здѣсь Ай огибаетъ сѣверную оконечность хребта Уренги, а ниже Златоуста обтекаетъ гору Юртышъ-тагу и образуетъ къ сѣверу большую луку. На протяженіи этой луки, Ай течетъ преимущественно между высокими утесами, состоящими изъ синеватаго известняка. Три изъ этихъ утесовъ близь Кусинскаго завода носятъ названіе *Трехъ братьевъ;* а при устьѣ Сатки, у Саткинской пристани, находится опасный утесъ *Медвѣжій лобъ;* недалеко отсюда въ утесѣ лежитъ самая обширная изъ пещеръ, встрѣчаемыхъ на Аѣ. Она находится именно въ 1 верстѣ отъ дер. Лаклы; саженяхъ въ 5—6 отъ входа пещера раздѣляется на двѣ: одна 42 саж. длины и до 5 саж. въ вышину, а ширина саж. 5; дно ея, или полъ, загроможденъ громадными камнями, а мѣстами имѣетъ провалы; провалы эти на столько глубоки, что звукъ отъ брошеннаго камня отдается не быстро. Другая пещера 60 саж. въ длину и состоитъ изъ трехъ обширныхъ гротовъ, соединенныхъ корридорами. Вся пещера находится въ известнякѣ и украшена сталактитами. Верстъ 10 ниже находятся еще утесы въ 14 и 28 саж. вышины, носящіе названія *Б.* и *М. Притеста.* Еще далѣе отъ Саткинской пристани въ рѣку вдается съ праваго бер. невысокая — всего саж. 3 — опасная скала *Разбойника,* а съ полчаса пути далѣе есть подводная скала; до устья Улуджира и дер. Лаклая Ай течетъ въ горной долинѣ, гдѣ теченіе его очень быстро; а

далѣе вступаетъ въ степную мѣстность до самаго устья и течетъ уже гораздо тише. Длину Ая опредѣляютъ до 300 верстъ, но измѣреніе по Спец. картѣ Россіи даетъ гораздо болѣе, именно 495 верстъ, разумѣется, считая по возможности всѣ извилины, какъ и во всѣхъ случаяхъ сдѣланныхъ нами измѣреній болѣе чѣмъ для 1.500 рр. Волжскаго бассейна. Ширина Ая 30 — 50 саж. Теченіе быстро; въ верховьяхъ оно достигаетъ 14 верстъ въ часъ. Ай судоходенъ только въ высокую воду. Плаваніе по немъ сопряжено съ опасностями, по причинѣ береговыхъ утесовъ, подводныхъ скалъ и мелей. Верхняя часть долины Ая до Златоуста совершенно не заселена; а далѣе по Аю расположено 50 селеній съ 21.000 жит. и городъ *Косотуръ*, или *Златоустъ*, образовавшійся изъ Златоустовскаго горнаго завода, который основанъ въ 1750-хъ гг. Т. о. это одинъ изъ юнѣйшихъ русскихъ городовъ; но въ немъ уже числится около 17.000 жит.; 6 заводовъ: 1 свѣчной, 2 мыловареныхъ, 1 кожевенный, 1 кирпичный и 1 желѣзодѣлательный. На этомъ послѣднемъ въ 1861 г. было добыто болѣе 320.000 пуд. желѣзныхъ рудъ, выплавлено 80.000 пуд. чугуна, приготовлено желѣза 55.000 пуд. и выдѣлано разныхъ издѣлій болѣе 20.000 п. На оружейной фабрикѣ въ то же время приготовлено литой стали около 1.500 п., орудій изъ литой стали 1.500 пуд., корабельныхъ досокъ, ружейныхъ стволовъ болѣе 1.000 п.; оружія 32.000 штукъ. Въ Златоустѣ бываетъ ярмарка съ 27 Января по 3 Февраля.

Артя, лѣвый притокъ Уфы; длина теченія 53 в. По ней сплавляютъ желѣзо и доски въ р. Уфу отъ *Артинскаго* завода. Артинскихъ заводовъ два: *Верхній* и *Нижній*. На первомъ въ 1855 г. изъ 34.000 пуд. чугуна было выковано 25.000 пуд. желѣза, а на второмъ изъ 84.000 пуд. чугуна выковано 62.000 пуд. желѣза и приготовлено болѣе 2.000 пуд. стали; на косной фабрикѣ завода сдѣлано ок. 12.500 косъ и 1.000 дроворѣзныхъ пилъ; въ кузницѣ приготовлено 135.000 гвоздей, 1.200 солерубныхъ топоровъ и 150 кирокъ. Чугунъ получается съ другихъ заводовъ. Жителей на заводѣ 5.000. Бываетъ ярмарка.

Аургазы, правый притокъ Уршака (25-й притокъ Бѣлой). Длина теченія Аургазы опредѣляется 30-ю в.; но мы, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, имѣя въ виду направленіе

27*

наибольшаго протяженія водной артеріи, даемъ въ таблицѣ Камскаго бассейна этой рѣкѣ 42 версты, измѣряя ее вверхъ по р. Турсугали. Аургазы течетъ по Стерлитамацкому уѣзду Уфимской губ. и обращаетъ на себя вниманіе особеннымъ вкусомъ своей воды; вкусъ воды горькій, такъ что напр. жители дер. Курманаевой берутъ воду уже изъ озерка, находящагося въ близь лежащей пещерѣ.

Ашапъ, лѣвый притокъ Иреня, который впадаетъ въ Сылву, а эта въ Чусовую. Длина теченія 34 в. А. течетъ между невысокими лѣсистыми горами. На немъ много мѣдныхъ рудниковъ, а въ 4 верстахъ выше устья — Ашапскій мѣдеплавильный заводъ, основанный въ 1744 г.; на немъ выплавлено до 50.000 пуд. мѣди. Число жит. около 3 1/2 тыс. Выплавляемая мѣдь можетъ сплавляться по Ашапу въ Ирень и т. д.

Ашкадаръ, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало изъ отроговъ Общаго Сырта, а впадаетъ въ Бѣлую у гор. Стерлитамака. Длина теченія 155 верстъ; развитіе бассейна $0,_3$; берега состоятъ изъ сѣраго известняковаго сланца, содержащаго много окаменѣлостей. А. не судоходенъ, но весною способенъ для сплава лѣса. На Ашкадарѣ стоитъ *Стерлитамакъ* (см. Бѣлая).

Бабка, лѣвый притокъ Сылвы, беретъ начало въ Осинскомъ у., въ дачахъ Аннинскаго завода. Длина теченія 106 верстъ, развитіе бассейна $0,_2$. Въ верхнихъ частяхъ Бабка имѣетъ правый берегъ гористый и лѣсистый, а по лѣвому разстилается широкая долина. Берега состоятъ изъ песчаника, который, подмываясь водою, обрушивается въ рѣку и заваливаетъ песчаное дно рѣки; въ низовьяхъ р. прибрежныя скалы, поросшія еловымъ лѣсомъ, состоятъ изъ гипса. Шир. Б. отъ 10 до 35 саж., глуб. 2—7 фут. Она не судоходна и не сплавна. Въ бассейнѣ ея есть мѣдеплавильные заводы; на самой Б. въ ея верховьѣ былъ *Аннинскій* мѣдеплавильный заводъ, а теперь село *Бабка*, въ которомъ около 1.000 жит. По Б. расположено 21 селеніе съ 5.500 жителей.

Барда, правый притокъ Сылвы. Длина теченія 158 в., развитіе бассейна $0,_2$, шир. отъ 15 до 20 саж., глуб. очень незначительна; теченіе быстро; берега круты и покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Б. не судоходна и только по вес-

намъ по ней сплавляютъ лѣсъ въ Кунгуръ и Пермь. Въ 40 в. выше устья и въ 2 в. ниже дер. *Бурундуковой* на Б. находились соловарни. По Б. расположено 29 селеній съ 5.000 жит.

Бардымъ (Бартымъ), лѣвый притокъ **Серги** (прит. Уфы). Беретъ начало на западномъ склонѣ Урала изъ болота въ Ревдинской дачѣ, двумя вѣтвями. Длина теченія 57 в. По принятіи справа рч. Каменки, течетъ въ болотистыхъ берегахъ; а далѣе отъ впаденія рч. Ревделя имѣетъ быстрое теченіе среди скалъ, которыя состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ и кварцитовъ. При впаденіи справа Курушева ключа, лежитъ въ горѣ *Бардымскій* оставленный рудникъ.

Бирь, у Татаръ *Бирь-су* т. е. Волчья-вода, правый притокъ Бѣлой, беретъ начало изъ болотъ, окружающихъ село Новотроицкое Бирскаго у. Уфимской губ.; впадаетъ въ Бѣлую въ 9 в. ниже гор. Бирска. Длина р. 97 (по другимъ до 70 и до 120) верстъ. Шир. отъ 5 до 20 саж.; глуб. 1—2 саж. или мѣстами до $2^1/_2$ саж. Развитіе бассейна $0{,}_{19}$ При устьѣ Б. есть камни и пороги, въ которыхъ вода течетъ съ стремительной быстротою и шумомъ; поэтому вода здѣсь никогда не замерзаетъ. Берега открытые; дно песчаное. По берегамъ Бири расположено 14 селеній съ 6.000 жит. Обратимъ кстати вниманіе на одну особенность, отличающую Бирь, это — часто образующіяся провалы. Ими изобилуетъ теченіе р. Бири. Замѣчателенъ, между прочимъ, провалъ, образовавшійся лѣтомъ 1855 г. въ 270 саж. отъ дер. Куткиной на лѣв. бер. Бири. Провалъ этотъ, наполненный водою, находится на одномъ уровнѣ съ Бирью, при кочковатомъ болотѣ, поросшимъ мелкимъ ольховымъ лѣсомъ. Провалъ имѣетъ округлую форму, отъ 30 до 35 саж. въ діаметрѣ и глубиною до 3 саж. На поверхности его пловучій островокъ, поросшій ольховникомъ и березникомъ. Старожилы помнятъ, что прежде здѣсь было озеро, богатое рыбою; оно постепенно заростало и на немъ образовался островокъ. Одинъ крестьянинъ, очевидецъ событія 1855 г., разсказываетъ, что островокъ вдругъ зашатался и скрылся вмѣстѣ съ деревьями, которые однако вскорѣ опять показались. Въ то же время послышались три сильные удара; земля на пространствѣ до 40 саж. вздулась и стала проваливаться, производя сильный подземный гулъ; а черезъ $^1/_4$ часа фонта-

номъ, въ аршинъ вышиною, бросилась вода, смѣшанная съ пескомъ, и разлилась по лугу на 100 саж. въ окружности.

Бисертъ, правый притокъ Уфы; беретъ начало въ Красноуфимскомъ у. на западномъ склонѣ Урала. Длина теченія 140 в., развитіе бассейна $0_{,26}$; шир. 7—14 саж., глуб. 2 фут.; дно песчаное; берега мѣстами крутые и большею частью лѣсистые. На Б. расположено большое село *Бисертъ* Красноуфимскаго у.; оно лежитъ на главномъ сибирскомъ трактѣ; въ немъ около 1.500 жит. *Бисертскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ при прудѣ р. Б., основанъ въ 1761 г. Въ 1858 г. на немъ было выплавлено около 120.000 пуд. чугуна. Жит. около 4.000.

Буй, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ южной части Осинскаго у. и протекаетъ многочисленными извилинами 138 в.; развитіе его бассейна $0_{,54}$. Ниже устья Камбарки Б. судоходенъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ до устья. Нижней половиною своего теченія составляетъ границу между Пермской и Уфимской губ. По Бую расположено 7 селеній съ 2.000 жит.

Буй, правый притокъ Вятки. Длина теченія 82 в. На Б. 2 мельницы и *Буйскій* желѣзодѣлательный заводъ, основанный въ 1768 г.; въ 1860 г. на немъ было выдѣлано около 57.000 пуд. полосоваго и сортоваго желѣза изъ чугуна, получаемаго съ другихъ заводовъ; жит. около $2^1/_2$ тыс. При устьѣ Б.—*Буйская* пристань, на которой въ томъ же году грузился 1 плотъ, на сумму около 3.000 р.

Бымъ, лѣвый притокъ Иреня (Ирень впадаетъ въ Чусовую), беретъ начало въ Осинскомъ у. Пермской губ. между крутыми, лѣсистыми горами, недалеко отъ Бымскаго завода. Длина теченія 30 («40») в.; шир. при устьѣ 6 саж. Бымъ не судоходенъ и не сплавенъ. Въ верховьѣ его стоитъ *Бымовскій* мѣдеплавильный заводъ, основанный въ 1793 году. Число жит. 2.000.

Быстрица, лѣвый притокъ Вятки, беретъ начало въ лѣсахъ на границѣ Нолинскаго и Вятскаго уу., протекаетъ по Орловскому у., въ которомъ и впадаетъ въ Вятку в. 30 выше Орлова. Длина теченія Б. 133 в.; развитіе бассейна $0_{,31}$; шир. до 7 саж.; глуб. 2 арш. Берега лѣсисты, частію высоки и обрывисты; дно каменистое. Весенніе разливы Б.

значительны. Отъ дер. Быстрицы, верстахъ въ 20 выше устья, рѣка сплавна.

Бѣлая, правый притокъ Вятки, течетъ въ Глазовскомъ у. Вятской губ. Это первый изъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ Вятки. Длина ея теченія 60 в. Въ весеннее время Б. сплавна, отъ впаденія рч. *М. Залазны*. Здѣсь строятъ небольшія барки, на которыхъ сплавляютъ чугунъ.

Бѣлая, лѣвый притокъ Камы (см. стр. 338 II т.). Приблизительно на полпути ея стоитъ гор. *Стерлитамакъ* (Уфимской губ.). Онъ расположенъ между рр. Ашкадаромъ и Стерлею, верстахъ въ 2-хъ отъ впаденія ихъ въ Бѣлую. Стерлитамакъ выросъ на этихъ рр. въ очень недавнее время; это дитя Ашкадара и Стерли не имѣетъ еще отъ роду 120 лѣтъ. Въ 1766 г. какой-то коллежскій совѣтникъ Тетюшиновъ представилъ правительству проектъ о доставкѣ илецкой соли въ Нижній Новгородъ. Осуществленіе проекта было ему же предоставлено. Онъ выбралъ мѣсто на Ашкадарѣ, близь впаденія его въ Бѣлую и устроилъ здѣсь пристань. Соль привозили сюда на подводахъ; а здѣсь грузили на барки, шли по Бѣлой въ Каму, оттуда въ Волгу и по ней въ Нижній. Такъ возникла пристань *Ашкадарская*. И вотъ, подобно тому, какъ въ стародавнюю старину населеніе тяготѣло къ монастырямъ, теперь — но съ еще болѣе неодолимою силою — оно стало тяготѣть къ промышленнымъ центрамъ. Ашкадарская пристань сдѣлалась бойкимъ мѣстомъ; съ нея отпускались и металлы съ мѣстныхъ горныхъ заводовъ; люди стали селиться здѣсь на постоянное жительство; возникло большое селеніе, въ названіи котораго Ашкадаръ уступилъ мѣсто Стерлѣ, и отъ устья ея прозвалось селеніе Стерлитамацкимъ. Прошло всего 15 лѣтъ со дня появленія пристани, какъ молодое селеніе было сдѣлано городомъ (1781 г.), которому т. о. нынѣ исполнилось 100 лѣтъ. Въ 1833 г. здѣсь было уже болѣе 3.000 жит.; по свѣдѣніямъ «Сп. насел. мѣстъ Уфимской губ.», въ Стерлитамакѣ значится уже около 6.000 жит., а еще позднѣйшія календарныя свѣдѣнія даютъ уже слишкомъ 8.000. Затѣмъ въ Стерлитамакѣ значатся: 2 церкви, мечеть съ медресэ, болѣе 30 заводовъ, изъ которыхъ 4 салотопенныхъ, 1 мыловаренный и болѣе 20 кожевенныхъ;

общее производство ихъ оцѣнивается суммою ок. 200.000 руб.; городскіе доходы исчисляются въ 15.000 р. Въ году бываютъ 2 ярмарки: съ 14 по 24 Февраля съ привозомъ на 300.000 р. и съ 14 же по 24 Октября съ такимъ же привозомъ. Съ ярмарокъ этихъ городъ получаетъ 1 $^1/_2$ тыс. дохода, да жители, за квартированіе, получаютъ до 1.000 руб. Народу съѣзжается въ это время до $2^1/_2$ тысячъ.

Ниже Стерлитамака стоитъ при Бѣлой, близь впаденія въ нее Уфы, губ. городъ *Уфа*, основанный между 1573 и 1586 гг. по просьбѣ Башкиръ, для облегченія взноса ясака и огражденія отъ набѣговъ Киргизовъ. Городъ, значитъ, тоже еще не старый, но уже успѣвшій разростись довольно значительно; въ немъ считается 21.000 жит.; 19 церквей, 2 монастыря, мечеть, 38 заводовъ, изъ числа которыхъ 7 салотопенныхъ, 5 свѣчныхъ, 3 мыловаренныхъ, 6 кожевенныхъ, 1 паточный, 1 спичечный. Съ 21 по 31 Января бываетъ ярмарка. Городскіе доходы въ 60-хъ гг. исчислялись въ 30.000 р.

Между Стерлитамакомъ и Уфою, при впаденіи въ Бѣлую Усолки, стоитъ большое село *Табынское* (см. Усолка).

Ниже Уфы, на прав. бер. Б., стоитъ *Благовѣщенскій* мѣдеплавильный заводъ, основанный въ 1756 г. Выплавляетъ ежегодно отъ 5.000 до 15.000 пуд. мѣди. Заводу принадлежитъ болѣе 150 рудниковъ, раскинутыхъ на 150 и 300 верстъ отъ завода. Изъ 100 пуд. руды получается отъ $2^1/_2$ до 5 пуд. мѣди. Жит. около 6.000.

Наконецъ, на Б. же, расположенъ *Бирскъ*, уѣздный гор. Уфимской губ., съ 4.000 жит., которые занимаются хлѣбопашествомъ, ловлею звѣрей и мелочной торговлей. Фабрикъ и заводовъ нѣтъ. Городскіе доходы 5—6 тыс. р. Съ 14 по 19 Января бываетъ ярмарка; по прежнимъ свѣдѣніямъ считалось даже двѣ, съ привозомъ на 200.000 руб. Бирскъ основанъ въ томъ же вѣкѣ какъ и Уфа, но, полагаютъ, нѣсколько ранѣе ея, и первоначально назывался с. *Челядниным* по строителю города и *Архангельскимъ* по церкви. Поводомъ къ постройкѣ его была необходимость защиты отъ набѣговъ Башкиръ.

Вала, лѣвый, по счету 5-й, и крупнѣйшій притокъ Кильмези (или Кильмеса), который впадаетъ въ Вятку. В. беретъ начало въ Елабужскомъ у. Длина теченія 130 в.; раз-

витіе бассейна $0_{,5}$; шир. отъ 5 до 15 саж.; глуб. отъ $1^1/_2$ арш. до 2 саж. В. течетъ въ низменныхъ луговыхъ берегахъ, по топкой почвѣ, поросшей дровянымъ лѣсомъ. Теченіе ея тихое; разливы незначительны. Изъ лѣсовъ Сарапульскаго и Малмыжскаго уу. по В. производится сплавъ лѣсу.

Великая, правый притокъ Вятки, беретъ начало въ лѣсахъ Устьсысольскаго у. Вологодской губ. Длина теченія 140 в.; развитіе бассейна $0_{,27}$; шир. до 25 саж.; глуб. отъ 1 до 3 арш. Берега чрезвычайно лѣсисты; прав. бер. выше лѣваго. Разливы простираются на 2, на 5 и на 7 верстъ. При устьѣ рч. *Переходницы* на В. прежде строились суда и сплавлялись пустыми въ Вятку.

Вельсуй, лѣвый притокъ Вишеры, течетъ съ западнаго склона Уральскаго хребта, направляясь къ западу. Длина теченія 48 в. В. замѣчателенъ по нахожденію на немъ золотыхъ розсыпей и мѣдной руды. Содержаніе золота въ 100 пуд. песку до 30 долей. Мѣдный рудникъ разработывался прежде, но давно уже оставленъ. По В. сплавляется лѣсъ въ Вишеру.

Весляна (Веслена), лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ лѣсистыхъ болотахъ Устьсысольскаго у. Длина теченія 150 в. (по другимъ 90). Шир. 10—15 саж.; глуб. 1—2 арш. Берега болотисты и лѣсисты. Кое гдѣ по В. есть бѣдныя деревушки. По В. сплавляется лѣсъ.

Вижай (Вежай), лѣвый притокъ Вильвы, впадающей въ Усьву, притокъ Чусовой. Беретъ начало въ Уральскихъ горахъ. Длина теченія 112 в.; течетъ быстро; дно каменисто. Лѣтомъ В., ниже впаденія рч. *Паши*, исчезаетъ подъ высокою горою, извѣстною подъ именемъ *Переволоки*, за которою снова показывается изъ весьма глубокаго отверзтія. Въ это время русло, по которому весною проходятъ барки, нагруженныя до 4.000 пуд., на 9 в. высыхаетъ. На В. ежегодно строится до 20 барокъ, именно на *Архангело-Пашійскомъ* заводѣ. Архангело-Пашійскій заводъ—чугуноплавильный и желѣзодѣлательный. Онъ основанъ въ 1784 г. Въ 1858 г. на немъ было выплавлено ок. 320.000 пуд. чугуна. На заводѣ приготовляютъ якори, гвозди, топоры. Жит. около $3^1/_2$ тыс. Въ 2 верстахъ отъ завода находится каменный уголь, пластомъ до $3^1/_2$ арш.

толщины; онъ простирается къ ЮЮЗ и падаетъ почти вертикально.

Вильва, лѣвый притокъ Усьвы, беретъ начало на западномъ склонѣ Уральскаго хребта. Длина теченія 147 («60») верстъ; развитіе бассейна 0,3. По В. сплавляются барки, строящіяся на ея притокѣ *Вижаи*.

Вильва, лѣвый притокъ Яйвы, течетъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ берегахъ по каменистому дну до Всеволодо-Вильвенскаго завода, а ниже — по плоской равнинѣ. Берега имѣютъ въ высоту 2—3 саж. и состоятъ изъ песчаныхъ и глинистыхъ наносовъ. Длина теченія В. 70 в.; шир. не болѣе 30 саж., но весною разливается на версту и больше; тогда по В. сплавляются суда съ металлами въ Пожевской заводъ. На притокахъ В. *Кызелѣ* и *Лытвѣ* есть желѣзные рудники и заводы *Кызеловскій* и *Александровскій*; а на самой В. — *Всеволодо-Вильвенскій* желѣзодѣлательный заводъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Шабурно*. Онъ основанъ въ 1808 г. Производительность его оцѣнивается въ 75.000 р. Жителей около 2.000.

Для многихъ читателей не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ подобные населенные пункты, называемые заводами, въ сущности — села. Такъ, и въ заводѣ Шабурно есть напр. церковь, 2 часовни; въ немъ же волостное правленіе.

Помѣтимъ еще кстати, что есть еще:

Вильва, лѣвый притокъ Инвы. Длина теченія 110 в.

Вильва, лѣвый притокъ Косьвы. Длина теченія 60 в.

Вильва (Глухая Вильва), лѣвый притокъ Язьвы (притока Вишеры). Длина теченія 150 в.

Но мы о нихъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

Висимъ, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало и протекаетъ въ сѣверной части Пермскаго у. Длина теченія 30 в. По В. производится сплавъ строеваго лѣса на $1^1/_2$ тыс. р. Въ 1735 г. на В. былъ устроенъ *Висимскій* мѣдеплавильный заводъ, на которомъ выплавлялось до $1^1/_2$ тыс. пуд. руды, получавшейся изъ рудниковъ Мотовилихинскаго и Пыскорскаго заводовъ; но рудники эти потомъ истощились, и Висимскій заводъ въ 1785 г. былъ закрытъ.

Вишера, первый изъ очень крупныхъ притоковъ Камы съ лѣв. стороны. По-вогульски В.—*Пассеръ-я*. Она беретъ начало на западномъ склонѣ Уральскаго хребта съ горы

Поримонгитъ-Уръ. Все теченіе В. 435; развитіе бассейна 1,9. Отъ своего истока до устья *Лопьи* (верстъ 30) В. течетъ въ глубокомъ скалистомъ и лѣсистомъ ущельѣ. Здѣсь на ней много бродовъ. Далѣе В. течетъ уже по довольно широкой болотистой и лѣсистой долинѣ верстъ на 60 до *Курыксерскаго* и *Березовскаго* камней; первый изъ нихъ прямо подступаетъ къ р. съ лѣвой стороны своимъ скалистымъ отрогомъ; а второй находится на противоположной сторонѣ р. Здѣсь В. имѣетъ отъ 20 до 70 саж. шир. и до 4 фут. глуб. Дно р. каменисто, теченіе быстрое; много острововъ и мелей, а вдоль горъ, которыя зовутся *Тулымскимъ* камнемъ, верстъ на 12 большіе и частые пороги. Далѣе в. 20 В. течетъ по широкой, сырой и лѣсистой долинѣ, а потомъ отъ *Пропащинской* горы до устья Улсуя на протяженіи 50 верстъ — между крутыми каменистыми берегами въ узкой долинѣ; шир. р. здѣсь саж. 50, теченіе также быстро, особенно на переборахъ, и также много острововъ и мелей. Въ теченіе р. вдаются нерѣдко скалы замѣчательной формы, носящія свои имена, какъ напр., *Дыроватый* камень, *Іольмскій* камень, камень *Кедръ*, *Бѣлый*, *Кирина кладь*, *Филиновъ*, *Дунькинъ* и др. Прибрежные лѣса состоятъ главнымъ образомъ изъ пихты, ели, сосны, кедра, а частію изъ березы и ивы. Ниже впаденія Улсуя долина продолжаетъ оставаться узкою; только мѣстами выдаются довольно широкія луговыя поймы; берега круты, высоки и лѣсисты; шир. та же, или немного больше *), но глуб. увеличивается до 6 фут., хотя острова, мели и переборы все еще встрѣчаются часто. Изъ острововъ обращаютъ на себя вниманіе *Сыпуческіе* съ большими отмелями и каменными переборами; а изъ утесовъ, падающихъ отвѣсно къ рѣкѣ: *Головскій*, камень, *Золотая* гора, *Вѣтринскій* и *Ябурскій*, *Писаный*, *Сыпучій*, *Ветланъ*, *Говорливый* и *Полюдовъ* камни. На Писаномъ камнѣ какія-то еще неразобранныя надписи. Ветланъ отличается величественнымъ видомъ, а Говорливый замѣчателенъ по эхо, повторяющему нѣсколько разъ всѣ переливы звуковъ. Послѣдній изъ камней, Полюдовъ, — самый высокій и скалистый; онъ поднимается на 214 саж. надъ уровнемъ рѣки на СЗ отъ дер. Бахарей. По преданію,

*) По другимъ свѣдѣніямъ ширина достигаетъ и 160 саж.

Полюдовъ камень получилъ свое названіе отъ жившаго на немъ, или при немъ, необыкновеннаго силача Полюда. Въ ясную погоду Полюдовъ камень виденъ изъ Чердыни, т. е. слишкомъ за 30 верстъ, и служитъ нѣкоторымъ образомъ барометромъ чердынцамъ, такъ какъ скопленіе облаковъ около вершины горы предвѣщаетъ дождь. Вся эта часть В., т. е. чуть не на 300 верстъ, весьма пустынна: едва ли можно насчитать болѣе 20 деревень. Обнаженія на всемъ протяженіи состоятъ изъ известняковъ съ Productus giganteus и др. окаменелостей и песчаниковъ Каменноугольнаго періода. На Полюдовомъ камнѣ производится ломка песчаниковъ. Отсюда В. уже до самаго впаденія въ Каму течетъ въ низменныхъ берегахъ, не представляющихъ болѣе горнокаменныхъ обнаженій. При устьѣ послѣдняго и большаго своего притока, Колвы, Вишера имѣетъ уровень на высотѣ 900 фут. надъ уровнемъ моря. Вишера замерзаетъ въ концѣ Октября, а вскрывается въ концѣ Апрѣля, или въ первыхъ числахъ Мая. Въ разливъ глуб. р. достигаетъ 5 саж., а въ меженнее время глуб. судоходной части отъ 3 до 5 арш. Вишера сплавна отъ перваго изъ означенныхъ въ нашей таблицѣ притоковъ — Вельсуя, а судоходна отъ послѣдняго притока, Колвы. На В. строятся суда — барки, баржи, бѣляны, но въ небольшомъ количествѣ: въ пятилѣтіе 70—74 гг. всего 7 судовъ стоимостью около 30.000 р. Населенныхъ пунктовъ вдоль судоходной части В. хотя и больше, но замѣчательныхъ между ними нѣтъ. Всѣхъ селеній по рѣкѣ 25 съ 3.000 жителей.

Вишерка, правый притокъ Колвы, которая впадаетъ въ Вишеру. Названіе свое получаетъ по выходѣ изъ Чусовскаго озера, но непрерывная водная нить идетъ и далѣе вверхъ подъ именемъ **Березовки**, а еще выше — **Вогулки**. Такимъ образомъ и длина всей водной артеріи съ 70 верстъ, даваемыхъ собственно Вишеркѣ, увеличивается до 140. Теченіе В. очень извилисто и проходитъ между холмами, поросшими лѣсомъ. Шир. р. 10, 15, 30—50 саж.; глуб. отъ 2 до 4 арш. По Вишеркѣ производится сплавъ лѣса. На одной изъ извилинъ былъ для сокращенія пути прорытъ каналъ чердынскимъ купцомъ Валуевымъ, но проведенный не совсѣмъ удачно, онъ доступенъ судамъ только весною.

Вогулка, р. Чердынскаго у. По соединеніи съ рч. *Еловкою* и уже подъ именемъ ея, а потомъ *Березовки*, впадаетъ въ озеро Чусовское, изъ котораго выходитъ подъ именемъ Вишерки, а эта впадаетъ въ Колву. Вогулка важна, какъ путь сообщенія, потому что съ нея ведетъ *Печорскій волокъ*, на протяженіи 4 верстъ, къ р. Волосницѣ, впадающей въ Печору. Въ Половодье В. доступна для судовъ съ грузомъ въ 300 — 400 пуд. почти до самаго истока. По спадѣ воды суда поднимаются по В. только до Пуповской пристани, отстоящей отъ волока сухимъ путемъ на 6 в., а водою до 40 в. На В. нѣсколько пристаней: *Остожье*, *Свинка*, *Пуповская* и *Вештылова*. Въ верховьяхъ В. по берегамъ ея ростетъ прекрасный *Пищальный* боръ.

Вотка, правый притокъ Сивы (впадающей въ Каму), беретъ начало изъ горъ, называемыхъ по-вотски *Кіенгопеки;* течетъ по иловатому дну, въ низменныхъ берегахъ, покрытыхъ большею частью кустарникомъ. Длина теченія 60 («40») верстъ; шир. отъ 1 до 5 саж., глуб. отъ 1 до $4^1/_2$ арш. Передъ устьемъ В. образуетъ обширный, въ 13 квадр. верстъ, заводскій прудъ. Отъ этого мѣста ходятъ казенныя барки съ заводскими издѣліями, а выше производится сплавъ лѣса къ заводу. Для спуска барокъ въ Сиву горизонтъ В. поднимаютъ водою, спускаемою изъ заводскаго пруда. На В. 10 мельницъ. На ней же *Воткинскій* желѣзодѣлательный заводъ, отъ котораго до Камы 12 в., и тамъ находится принадлежащая заводу *Устьрѣчинская* пристань. Заводъ основанъ въ 1759 г. Въ 1774 г. онъ былъ разграбленъ Пугачевымъ. Нынѣ въ заводѣ значится около 18.000 жит. На заводѣ выдѣлывается желѣзо и сталь изъ чугуна, получаемаго съ Гороблагодатскихъ заводовъ. Чугуна передѣлывается до 400.000 пуд. Изъ желѣза приготовляютъ разные предметы для адмиралтейства и артиллеріи, затѣмъ якоря, проволоки, цѣпи и разныя принадлежности для пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Заводъ состоитъ собственно изъ 16 фабрикъ. Общая производительность завода въ 1874 году оцѣнивалась слишкомъ въ 1.000,000 р.

Воя, лѣвый притокъ Вятки, течетъ по Нолинскому у. Вятской губ. и впадаетъ въ Вятку въ 20 в. ниже Нолинска. Длина Вои 124 в. (по другимъ 80); развитіе бассейна 0,2;

шир. до 2 саж. (?!) *). Теченіе В. медленно и проходитъ въ низменныхъ и болотистыхъ берегахъ по вязкому, иловатому дну. Въ прежнее время по берегамъ рѣки было много лѣсу, но нынѣ онъ большею частію истребленъ. Весенній разливъ В. достигаетъ мѣстами 2 в. Въ нижней части теченія Воя судоходна; на ней считается двѣ пристани: одна повыше, другая пониже города *Нолинска*, стоящаго на прав. бер. Вои. Мѣсто, на которомъ стоитъ этотъ городъ, принадлежало въ концѣ XVI в. вятскому Успенскому Трифонову монастырю. Въ 1688 г. уже существовало село *Ноли*, или *Никольскій погостъ*. Въ 1780 г. село Ноли было преобразовано въ городъ Нолинскъ, въ которомъ теперь до 3.000 жит.; главное занятіе ихъ — хлѣбопашество и огородничество, особенно разведеніе капусты и огурцовъ, вывозимыхъ даже въ Вятку. Производительность нѣсколькихъ заводовъ (клеевареннаго, кожевеннаго и салотопеннаго) оцѣнивается приблизительно въ 270.000 р. Кожи и сало идутъ въ Казань; а изъ овчинъ шьютъ большое количество рукавицъ (болѣе 12.000 паръ), сбываемыхъ въ Сибири. Купечество ведетъ торговлю хлѣбомъ, отсылая его въ количествѣ около ½ милл. пуд. черезъ Орловъ и Вятку въ Архангельскъ, на Медвѣдицкую пристань на Вяткѣ, въ Астрахань и Рыбинскъ. Льняное сѣмя, около 20.000 пуд. и ленъ болѣе 20.000 пуд., идутъ также въ Архангельскъ; а скупаемый, въ количествѣ до 7.000.000 арш., холстъ продается въ Казани и Нижнемъ. При городѣ на Воѣ находится пристань, на которой грузится до 8.000 пуд., а разгружается до 55.000 пуд. (преимущественно соли). Въ городѣ бываетъ ярмарка съ 24 Ноября по 6 Декабря, съ привозомъ отъ 9 до 12 тыс. р. Городскіе доходы Нолинска исчислены около 3½ тыс. р.

Вятка, правый притокъ Камы, беретъ начало изъ небольшаго озера въ болотахъ Глазовскаго у. въ 5 в. отъ дер. Колеваевской. Длину теченія Вятки опредѣляютъ различно: отъ 900 до 1.000 в. («Спис. насел. м. Вятской губ.» и Словарь Семенова), 1.600 в. (Лаптевъ), 1632 в. (Михайловъ), почти вдвое болѣе Бѣлой (Бабстъ), т. е. уже болѣе 2.000 в., и наконецъ, мы даемъ ей 1.077 в. Развитіе ея

*) Географич. Слов. Семенова.

бассейна 9,0. Отъ истока своего до поворота на западъ В. имѣетъ теченіе медленное по песчано-каменистому дну со многими ямами, или нерѣдко отмелями; берега большею частью низменны и покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Здѣсь Вятка достигаетъ 60 саж. шир. и наибольшей глуб., до 3 саж. Далѣе берега постепенно возвышаются. Отъ Пудемскаго завода (Глазовскаго у.), т. е. отъ самаго верховья В. становится сплавною во время половодья. Судоходною же становится послѣ 400 в. теченія, отъ гор. Слободскаго, достигая 120 саж. шир. и до 5 саж. глуб. Теченіе дѣлается быстрѣе, а берега выше и круче. По принятіи большихъ притоковъ — Чепцы, Моломы и Пижмы, В. расширяется еще болѣе: шир. ея достигаетъ 200 саж., а глуб. увеличивается до 7 саж.; но вскорѣ по принятіи Пижмы русло Вятки стѣсняется холмистыми берегами, вслѣдствіе чего глуб. увеличивается еще болѣе, достигая 10 саж.; теченіе становится быстрѣе. На протяженіи отъ устья Валы до конца теченія В. имѣетъ различную шир., отъ 150 до 300 саж.; глуб. также различна, но очень значительна, именно 7 и болѣе саж., а мѣстами 18 саж. — глубина, какой нѣтъ нигдѣ даже на Волгѣ, до встрѣчи ея съ Камою. Лѣв. бер., говоря вообще, выше праваго. Пороговъ на В. нѣтъ, но въ межень открываются мели и переборы. Долина В. открытая или поросшая мелкимъ кустарникомъ; изобилуетъ лугами, которыя считаются лучшими въ губерніи. Среднимъ временемъ замерзанія В. считается 1 Ноября, а временемъ вскрытія — 1 Апрѣля. Разливы рѣки съ конца Апрѣля стоятъ отъ 12 до 45 дней. Но кромѣ весеннихъ разливовъ бываютъ еще паводки въ концѣ Іюня и около Ильина дня. Въ половодье В. судоходна почти на всемъ протяженіи, а лѣтомъ по ней могутъ ходить небольшіе пароходы до Хлынова (Вятки). На Вяткѣ до 30 пристаней, которыя имѣютъ не одинаковое значеніе: однѣ служатъ только для сплава лѣса; на нихъ суда и плоты дѣлаются не каждый годъ (въ періодъ съ 70 по 74 г. было выстроено 205 разныхъ судовъ, оцѣненныхъ во 170.000 р.); другія же пристани служатъ для нагрузки судовъ разными произведеніями губерніи. Грузовое движеніе по В. въ періодъ съ 1871—74 г. выражалось 5 — 7 милл. пуд.; цѣнность грузовъ опредѣлялась въ 2½ и 3½ милл. р.

Изъ населенныхъ пунктовъ по Вяткѣ болѣе важные слѣдующіе: 1) *Песковскій* чугуноплавильный и при немъ *Петропавловскій* желѣзодѣлательный заводъ (Глазовскаго у.) при рч. Песковкѣ при впаденіи ея въ Вятку. Песковскій заводъ основанъ въ 1771 г., а Петропавловскій—въ 1814. Въ 1863 г. было выплавлено чугуна 190.000 пуд. и выковано желѣза слишкомъ 11.000 пуд. При устьѣ Песковки—пристань, гдѣ и строятся суда для перевозки металловъ. Жит. около 1.600.

2) *Кирсинскій* желѣзодѣлательный заводъ (Слободск. у.) при рч. Кирсѣ, близь впаденія ея въ Вятку. Это древнѣйшій изъ всѣхъ заводовъ Вятской губ.; онъ основанъ въ 1729 г. Чугунъ для завода привозится съ Песковскаго завода. На Вяткѣ устроена пристань, на которой грузилось въ 60-хъ гг. до 30.000 пуд. желѣза и чугуна на 25.000 р. Жит. около 2.000.

3) *Шестаковъ*, Слободскаго у.,—пунктъ замѣчательный только въ историческомъ отношеніи, какъ одно изъ самыхъ древнихъ поселеній, основанныхъ еще Новгородцами въ XII в. Нынѣ это небольшое село.

4) *Слободской*, уѣздн. гор., на прав. возвышенномъ бер. В.; основанъ около 1546 г. выходцами изъ города Шестакова и первоначально назывался просто Слободою. Въ 1562 г. Слобода называлась уже посадомъ, а въ началѣ XVII в.—городомъ. Въ настоящее время Слободской принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ Вятской губ. Въ немъ болѣе 7.000 жит.; 7 церквей, 2 монастыря; около 20 разныхъ заводовъ съ общимъ производствомъ на 1½ милл. руб. Изъ нихъ на 11-ти кожевенныхъ въ 1868 г. было выдѣлано кожъ на 540.000 р. Кожи въ сыромъ видѣ идутъ сюда съ Сивы, Обвы, изъ Перми, Екатеринбурга, Семипалатинска, изъ Вологодской и своей губерній; а выдѣланныя поставляются въ казну и развозятся по разнымъ городамъ. Шерсть, остающаяся отъ кожи, отправляется въ Казань и Нижній для суконъ, войлоковъ и шляпъ, а часть употребляется на мѣстѣ для тканья половиковъ. Мездра поступаетъ на мѣстные клееваренные заводы, которыхъ въ то же время было 3 съ производительностью слишкомъ на 10.000 р. Винокуренный заводъ производилъ на 390.000 р. Колокольный заводъ съ производствомъ на 75.000 р.; хи-

мическій—на 40.000 р.; 2 салотопенныхъ—на 14.000 р.; 8 солодовыхъ—на 10.000 р. Въ ту же пору было 2 фосфорноспичечныхъ съ производствомъ на 44.000 р.; 5 шубныхъ—на 70.000 р.; 3 скорняжныхъ—на 60.000. Какъ на особенность можно указать еще на мастерскую каповыхъ издѣлій, гдѣ приготовляются баульчики, шкатулки, портпапиросы и т. п. вещи на сумму 1.800 р.; онѣ находятъ себѣ сбытъ не только въ Вятской губ., но и въ Петербургѣ. Ремесленная дѣятельность направлена на выдѣлку бѣличьихъ, заячьихъ шкурокъ, овчинъ, мерлушекъ, на шитье тулуповъ, рукавицъ и т. п. Одних полушубковъ отправлено къ Архангельску до 100.000. Рукавицъ приготовлено до 200.000 паръ; онѣ расходятся по Вятской губ., но главнымъ образомъ идутъ въ Сибирь. Торговля съ Архангельскимъ портомъ, по причинѣ неудобства отправки товаровъ, падаетъ: прежде (въ 50-хъ гг.) отпускалось ржи до 200.000 четв., муки ржаной до 700.000 п., овса до 100.000 четв., льнянаго сѣмени до 50.000 четв., льна до 70.000 п., крупъ до 4.000 четв. Отсюда же шли: рогожа, кулье, щетина, конскій волосъ, кожа. Вообще отпускалось на сумму свыше 1.200.000 р. Въ 1869 г. цифра эта упала на половину. Въ Слободскомъ бываетъ 4 ярмарки, обороты которыхъ простираются до 15.000 р. Городскіе доходы—приблизительно около 20.000 р.

5) *Никулицкое*, с. Вятскаго у., въ 12 в. отъ Хлынова, близь устья Чепцы. Село это — самый древнѣйшій изъ населенныхъ пунктовъ, основанныхъ Новгородцами въ области Камскаго бассейна да и вообще принадлежитъ къ древнѣйшимъ русскимъ поселеніямъ въ Россіи. Оно даже нѣсколько древнѣе самаго Хлынова. Объ основаніи его мы говорили прежде. Теперь прибавимъ, что вскорѣ послѣ основанія Хлынова былъ установленъ крестный ходъ изъ Никулицкаго въ Хлыновъ въ благодарность Богу за избавленіе отъ набѣговъ Черемисъ и Вотяковъ. Этотъ-то крестный ходъ совершается и до нынѣ въ день Преполовенія. Въ остальномъ отношеніи Никулицкое не представляетъ ничего замѣчательнаго; въ немъ всего съ небольшимъ 200 жит. Упомянемъ развѣ о винокуренномъ заводѣ, на которомъ въ 60-хъ гг. выкуривалось около 70.000 вед. спирту.

6) *Хлыновъ*, или *Вятка*, губ. гор., на лѣвомъ, крутомъ и

высокомъ берегу Вятки, на абсолютной высотѣ въ 63 саж. Хлыновъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили, основанъ Новгородцами въ 1181 г. и т. о. представляетъ древнѣйшій пунктъ русской колонизаціи въ здѣшнемъ краѣ. Какъ бы памятуя о первыхъ основателяхъ города, Татары и Черемисы зовутъ Хлыновъ *Ноуградъ.* Хлыновъ долгое время не только выдерживалъ набѣги Черемисъ и Вотяковъ, но не сдавался и русскимъ князьямъ, съ завистью смотрѣвшимъ на возраставшее его могущество. Такъ онъ и держался до времени нашествія Тохтамыша; но въ 1391 г. былъ разоренъ царевичемъ Бектутомъ. При Василіи Темномъ Вятчане съ Устюжанами взяли Сарай, подъ предводительствомъ Бориса Слѣпца и кн. Ив. Оболенскаго. Въ 1477 г. казанскіе Татары разорили Вятскую область и взяли много городовъ; а вскорѣ, въ 1489 г., она вошла въ составъ Русскаго государства. Въ 1629 г. Хлыновъ имѣлъ 17 церквей, монастырь Благовѣщенія, 50 церковныхъ дворовъ, 15 дворовъ пушкарскихъ, 390 тяглыхъ, 80 бобыльскихъ, 82 нищихъ и 30 пустыхъ, откуда можно приблизительно заключить, что въ Хлыновѣ было отъ 3½ до 4½ тыс. жит. Въ 1664 г. городъ вмѣсто прежняго острога укрѣпленъ былъ большимъ землянымъ валомъ, на которомъ была построена деревянная стѣна съ башнями. 600 лѣтъ городъ стоялъ подъ именемъ Хлынова, и только сто лѣтъ тому назадъ (въ 1780 г.) былъ переименованъ въ Вятку. Теперь въ Хлыновѣ, или Вяткѣ, считается по календарнымъ свѣдѣніямъ болѣе 21.000 жит.; заводовъ 14 (кожевенные, мыловаренные, клееваренные, сальносвѣчные, восковыхъ свѣчъ). Мы почти не имѣемъ свѣдѣній о производительности Вятки. Можно только сказать, что въ 1860 г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ производительная сила всѣхъ заводовъ выражалась суммою всего во 126.000 руб.; но по частнымъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 1856 г. Вятка производила на 340.000, а въ слѣдующемъ 1857 на 560.000 р. Главные предметы производства: кожи, юфть, сальныя и восковыя свѣчи. Въ томъ же 1857 г. вся годовая промышленная и торговая дѣятельность, не считая, впрочемъ, торговли хлѣбнымъ виномъ, оцѣнивалась въ 2.000.000 р. Въ городѣ бываетъ ярмарка съ 28 Августа по 9 Сентября, съ привозомъ товаровъ на сумму около

200.000 р.; на нее же, кромѣ того приводится до $2^1/_2$ тыс. лошадей, и самая ярмарка зовется конною Семеновскою *). При городѣ пристань на р. Вяткѣ; съ нея въ 1860 г. было отправлено 18 судовъ съ 70.000 пуд. груза; а пришло и разгрузилось 4 судна съ кладью на 10.000 р. Городскіе доходы Вятки около 20.000 р.

7) *Орловъ*, уѣздн. гор. Вятской губ.,—городъ изъ самыхъ старинныхъ; полагаютъ, что онъ основанъ въ одно время съ Хлыновымъ (въ XII в.). Двинянами и Устюжанами. Въ 1811 г. въ Орловѣ числилось 788 жит., а нынѣ съ небольшимъ $3^1/_2$ тыс. Въ городѣ есть нѣсколько заводовъ, преимущественно кожевенныхъ, съ производствомъ (по старымъ свѣдѣніямъ) на сумму около 100.000 р. Изъ ремеслъ развиты: шорное, сапожное и скорняжное съ общимъ производствомъ тысячъ на 40 р. Сбытъ производится въ Вологодскую и Костромскую губ. и на Котельничскую ярмарку. Прежде Орловъ велъ значительную торговлю съ Архангельскомъ; но теперь торговля эта въ упадкѣ, хотя все таки продолжается. Предметы торговли этой—хлѣбъ, льняное сѣмя и ленъ. Въ Нижній на ярмарку везутъ холстъ и полотно. На городской пристани отпускалось товаровъ 25.000 пуд. на сумму 50.000 р., а разгружалось 40.000 п. соли. Въ Іюнѣ (21-го) бываетъ ярмарка, съ привозомъ на 25.000 р. Городскіе доходы превышаютъ 7.000 р.

8) *Котельничъ*, у. гор. Вятской губ., на лѣв. сторонѣ В., въ мѣстности, прорѣзанной оврагами, по которой текутъ ручьи: Балакиревица, Котлянка и Родіоновка. Котельничъ также принадлежалъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ, и если считать, что онъ основанъ на мѣстѣ черемисскаго города *Кокшарова*, то онъ будетъ даже древнѣйшимъ изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ Вятской губ. Рычковъ въ 1770 г. видѣлъ еще развалины Кокшарова, которыя находились на возвышенности къ ЮЗ отъ нынѣшняго города, за оврагомъ. Здѣсь и до послѣдняго времени находили бердыши, кольчуги, древнія монеты и т. п. Если судить по тому, что въ 1654 г. въ Котельничѣ было 3 церкви и 1496 домовъ, а нынѣ тѣ же 3 церкви и только около 340 домовъ, то

*) О ней совсѣмъ не упоминается въ перечнѣ ярмарокъ въ «Статистическомъ Временникѣ» 1866 г. Но за то въ «Сп. насел. м.» Вятской губ. въ Вяткѣ значится 3 ярмарки.

придется заключить, что Котельничъ совсѣмъ не ростетъ, а, напротивъ, становится меньше; тѣмъ болѣе, что, несмотря на опустошеніе пожарами въ 1687 и 1721 гг., онъ имѣлъ въ 1771 г. почти 4.000 жит. и 559 дворовъ. Въ 1863 же году значилось 3.344 жит.; а въ «Спискѣ насел. мѣстъ» Вятской губ. въ Котельничѣ значится уже только 2841 жит. Тѣмъ не менѣе фабрично-заводская и торговая дѣятельность довольно значительна по размѣрамъ города. Въ 1861 г. на 2-хъ табачныхъ фабрикахъ было приготовлено около 5.000 пуд. табаку; на 3-хъ кожевенныхъ заводахъ выдѣлано болѣе 20.000 шт. юфти, на 2-хъ салотопенныхъ — до 1.000 пуд. сала, на 1 мыловаренн.—до 500 пуд. мыла, а на заводѣ восковыхъ свѣчъ, послѣднихъ было приготовлено 250 пуд. Винокуренный заводъ давалъ 150.000 вед. спирта. Заводскія издѣлія отправляются въ Архангельскъ и въ столицы. Главные предметы торговли съ Архангельскомъ, Петербургомъ и поволжскими городами — хлѣбъ, ленъ, сѣмя (это отравляется въ Архангельскъ), холстъ, овесъ, шерсть, кожи, масло (эти предметы отправляются въ Нижній, Казань, Самару, Саратовъ и Астрахань), всего на сумму до 700.000 р. На пристани въ 60-хъ гг. грузилось ежегодно около 27.000 пуд. и разгружалось около 53.000 пуд. (соли, рыбы, металловъ). Городскіе доходы превышаютъ 10.000 р. Особенное оживленіе въ Котельничѣ наступаетъ въ Мартѣ, во время Алексѣевской ярмарки съ 1-го по 23 число. Ярмарка эта существовала еще при Алексѣ Михайловичѣ; и, говорятъ, значеніе ея годъ отъ году усиливается. На нее съѣзжаются купцы Вятской, Московской, Владимірской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Тульской и др. губ. Пріѣзжаго народу бываетъ до 12.000 чел. Въ 1849 г. привозъ простирался на сумму до 936.000 р., продано было на 626.000 р. Въ 1858 г. привезено на 1.069.000 р., продано на 706.000 руб. Потомъ значится, неизвѣстно за какой годъ, привозъ на 1.117.000, продажа на 763.000. Наконецъ, послѣднее свѣдѣніе за 1860 г., когда было привезено на 1.817.000, продано на 917.000. На эту ярмарку, между прочимъ, пригоняется лошадей на сумму до 20.000 р.

9) Слобода *Кукарка*, Яранскаго у. (Вятской губ.). Она собственно расположена на Пижмѣ, и мы о ней здѣсь

упоминаемъ только ради ея близости къ Вяткѣ; а подробнѣе скажемъ при описанiи р. Пижмы.

Также очень близко къ В. стоятъ города: *Уржумъ* и *Малмышъ*. Послѣднимъ городомъ на В. будетъ *Мамадышъ* (Казанской губ.). Онъ стоитъ на прав. бер. Вятки, при впаденiи рч. Ошмы. Если вѣрить одной татарской рукописи, то оказывается, что въ давнiе годы, на мѣстѣ города поселился татаринъ Мамадышъ; онъ ушелъ сюда послѣ разоренiя Булгара Тамерланомъ. Когда впослѣдствiи, — въ XVII в., — здѣсь стали селиться Русскiе и построили здѣсь церковь, то село стало называться *Троицкимъ;* но старое названiе также держалось и наконецъ осталось за селенiемъ, когда въ 1781 г. оно было преобразовано въ городъ. Жителей въ Мамадышѣ съ небольшимъ 4.000. Они занимаются хлѣбопашествомъ, мелкою торговлею, бурлачествомъ. Въ городѣ есть нѣсколько заводовъ (кожевенныхъ, канатныхъ, кулевыхъ, поташныхъ) съ общимъ производствомъ на 37.000 р. Торговые обороты города простираются на сумму до 350.000 р., большая часть которыхъ относится на долю хлѣбной торговли и затѣмъ рыбной. На пристани въ 60-хъ гг. грузилось до 400.000 пуд. преимущественно хлѣбныхъ товаровъ, а затѣмъ льняное сѣмя и лѣсныя издѣлiя. Разгружалось въ 1860 г. около 140.000 пуд. — соли и рыбы; въ слѣдующiе затѣмъ годы количество разгружаемыхъ товаровъ сильно уменьшилось. Городскiе доходы достигаютъ $9^1/_2$ тыс. руб.

Дёма, *Дiома*, или *Димъ*, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало въ югозападномъ углу Стерлитамацкаго у., въ дачахъ дер. Алешкиной, на плоской возвышенности, поросшей чернолѣсьемъ, изъ углубленiй, заросшихъ камышомъ. Впадаетъ въ Бѣлую верстахъ въ 5 ниже Уфы. Длину теченiя опредѣляютъ въ 350 в.; но измѣренiе, сдѣланное нами по спец. картѣ Россiи, дало 452 в. Развитiе бассейна Дёмы = 1,03; шир. отъ 2—3 фут. въ верховьяхъ увеличивается постепенно до 5, 10 и 40 саж.; глуб. незначительна; однако мѣстами достигаетъ $3^1/_2$ саж. Мѣстность, по которой протекаетъ Д., холмиста; мѣстами, однако рѣдко, покрыта лѣсомъ и считается плодородною. Водою, какъ пишутъ, Д. бѣдна, на что можно обратить вниманiе, сопоставивъ съ этимъ обстоятельствомъ ничтожное количество лѣсовъ

во всемъ бассейнѣ рѣки. Въ этомъ случаѣ Д. напоминаетъ рѣку Окскаго бассейна — Упу, область которой еще бѣднѣе лѣсомъ и которая изъ судоходной стала несудоходною. Вѣроятно, по той же причинѣ, вода Д. очень мутна; лѣсныя рр., сколько мы знаемъ, имѣютъ очень чистую воду, хотя нерѣдко красноватую. Берега Д. состоятъ изъ рыхлыхъ, слоистыхъ песчаниковъ; въ нихъ встрѣчаются мѣдныя руды и окаменѣлое дерево, а въ прибрежныхъ наносахъ попадаются кости мамонта. Кромѣ того, по ней встрѣчаются остатки чудскихъ копей и древнихъ развалинъ, которыя были описаны Рычковымъ. Д. не судоходна и не сплавна. По ней расположено 55 селеній съ 17.000 ж.

Джуричъ, или *Журичъ*, лѣвый притокъ Южной Кельтмы, беретъ начало въ обширномъ болотѣ Гуменцѣ (въ Чердынскомъ у.), течетъ по болотистой и лѣсистой мѣстности. Длину теченія опредѣляютъ въ 70 в.; но измѣреніе по спец. картѣ Россіи даетъ не болѣе 40 в. Рѣка эта имѣла значеніе, входя въ систему Сѣв. Екатерининскаго канала, проведеннаго изъ Сѣв. Кельтмы въ Джуричъ, въ который каналъ впадалъ 16 в. выше устья рѣки. Нынѣ все это водное сообщеніе оставлено. Дж. былъ судоходенъ только весною; лѣтомъ же не пригоденъ даже для сплава.

Зай, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ Бугульминскомъ у., близь дер. Зай-Каратай, двумя водотоками, которые соединяются въ одну р. у дер. Карабашъ. По нашему измѣренію длина теченія Зая 195 в.; но другіе даютъ ему только 150 в.; шир. отъ 5 до 8 (?) саж., глуб. незначительна. О водѣ Зая говорятъ, будто она такъ чиста, что въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ видно дно, и приписываютъ это множеству источниковъ, вытекающихъ изъ окрестныхъ горъ. По Заю расположено 17 селеній, съ 10.000 жит. *). Зай не судоходенъ; можетъ быть, по немъ нѣтъ и сплава, судя по молчанію объ этомъ источниковъ.

Зиганъ (Сиганъ), правый притокъ Бѣлой, протекаетъ по Стерлитамацкому у., Уфимской губ. Длина его 67 в. Долина въ верхней части гориста, а ниже представляетъ

---

*) По различнымъ обстоятельствамъ, мы не рѣшаемся взять на себя задачу провѣрки населенности береговъ рѣкъ, и, предупреждаемъ читателя, что даемъ цифры, заимствуя ихъ, въ настоящемъ, напр., случаѣ, изъ «Сп. насел. м.» Уфимск. губ.; вмѣстѣ съ чѣмъ выражаемъ сомнѣніе въ вѣрности ихъ, ибо, взявъ на пробу Зай, мы насчитали по картамъ на этой рѣкѣ болѣе 25 селеній.

плодородную луговую равнину. По З. расположено 6 селеній съ 3.000 жит.

Ижъ, правый притокъ Камы, беретъ начало въ болотахъ Сарапульскаго у. и протекаетъ 179 в. Развитіе его бассейна $0{,}_{63}$; шир. отъ 5 до 18 саж., глуб. отъ $1^1/_2$ до 4 арш.; берега низки, лѣсисты; теченіе не быстро; дно иловатое или песчаное. Разливы весьма значительны. Ижъ сплавенъ верстъ на 50. На Ижѣ стоитъ *Ижевской* казенный оружейный заводъ (въ Сарапульскомъ у.). Онъ основанъ въ 1760 г.; во время Пугачевскаго бунта былъ разоренъ, но вскорѣ снова возстановленъ. Сначала здѣсь приготовлялось только желѣзо; но потомъ, въ 1807 г. была устроена оружейная фабрика, на которую было отпущено 1.700.000 руб. асс. и назначено 7.000 рекрутъ для работъ. Въ 1811 на заводѣ было выдѣлано 3.000 ружей; въ 1812 г.—7.000, а въ 1816—15.000. Нынѣ на заводѣ приготовляется огнестрѣльное оружіе по заказамъ казны. Какъ росло селеніе, видно изъ того, что уже въ 1771 г. въ немъ было около 2.500 жит., а въ 1825 — слишкомъ 8.000; наконецъ въ 1859 г. значилось уже слишкомъ 21.000 жит., 4.247 дворовъ, 4 церкви, синагога, мечеть, 14 фабричныхъ зданій. Какъ велико населеніе теперь—свѣдѣній о томъ, къ сожалѣнію, не имѣемъ *). Здѣсь, между прочимъ, есть памятникъ бывшему генералъ-фельдцейхмейстеру в. кн. Михаилу Павловичу.

Икъ, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ югозападной части Белебейскаго у., повыше дер. Икскія Вершины (Кожаева), въ 30 в. отъ гор. Белебея. Онъ вытекаетъ изъ горы нѣсколькими источниками. Длину теченія Ика одни полагаютъ до 350 в., другіе даютъ 400 в., а наше измѣреніе по картамъ дало 435 в. Развитіе бассейна Ика $1{,}_2$; шир. отъ 10 до 45 саж.; глуб. отъ $1^1/_2$ до 9 фут. и мѣстами до $2^1/_2$ саж. Берега Ика большею частію возвышенны и мѣстами спускаются къ рѣкѣ крутыми утесами; но прав. бер., говоря вообще, болѣе гористъ; онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ и покрытъ лѣсами; а къ лѣв. бер. подступаютъ степи и пойменные луга. Долина И. до границъ Мензелинскаго у. большею частію тѣсна. Теченіе р. быстро; вода чиста и

*) Даже спеціальные труды по этой части, изданные въ 1876 г., даютъ все ту же цифру 1859 г.

прозрачна; дно по большей части каменисто. Икъ могъ бы быть судоходенъ верстъ на 150; первый опытъ судоходства былъ сдѣланъ въ 1768 г., когда съ мѣстныхъ заводовъ было сплавлено судно съ грузомъ мѣди въ 2.000 пуд.; судоходство началось, но впослѣдствіи прекратилось. Говорятъ, судоходству препятствуютъ во множествѣ находящіяся на днѣ рѣки карши. Въ верховьяхъ Ика, среди его крутыхъ береговыхъ возвышенностей, состоящихъ изъ гипса, нерѣдко встрѣчаются пещеры. Одна изъ нихъ называется *Иксчою* и замѣчательна болѣе другихъ. Пещера эта—въ Белебейскомъ у., къ СЗ отъ Белебея въ 2-хъ верстахъ отъ лѣв. бер. рѣки, къ сѣверу отъ башкирской деревни Мескеу, и въ 30 верстахъ отъ Троицкаго завода. Входъ въ пещеру находится въ воронковидномъ углубленіи въ 5 саж. глуб.; отсюда, на протяженіи 1 саж., идетъ очень низкій корридоръ, вводящій въ первую пещеру; влѣво отъ нея находится другая пещера, очень обширная, въ длину саж. 25, въ ширину 10 и въ вышину 2 саж. Дно или полъ пещеры, стѣны и потолокъ состоятъ изъ лучистаго и слоистаго гипса. Здѣсь и лѣтомъ бываетъ такъ холодно, что вода замерзаетъ и ледъ можетъ держать на себѣ человѣка. На западной сторонѣ второй пещеры есть еще третья, въ которой находится озеро. По увѣренію мѣстныхъ жителей, вода имѣетъ стокъ въ Икъ. Въ верстѣ отъ пещеры и въ 400 саж. отъ Ика находится оставленный мѣдный рудникъ, снабжавшій Троицкій заводъ. Такихъ оставленныхъ рудниковъ не мало вдоль по Ику, и они замѣчательны остатками древнихъ чудскихъ разработокъ; встрѣчаются также курганы и остатки древнихъ укрѣпленій. По берегамъ Ика расположено 50 селеній съ 22.000 жит. На притокѣ Ика, **Кидашѣ**, стоятъ два *Троицкіе* завода — верхній и нижній; въ каждомъ по суконной фабрикѣ; въ первомъ около 2.000 жит.; во второмъ свыше 1.000. Въ бассейнѣ же Ика, невдалекѣ отъ его притока **Усеня**, на впадающей въ него маленькой рч. Белебеѣ, расположенъ уѣздный городъ Уфимской губ. *Белебей*, начало которому было положено Чувашами, поселившимися на мѣстѣ Белебея въ 1745 г. Въ 1860 г. въ Белебеѣ было около $2^1/_2$ тыс. жит.; 5 кожевенныхъ заводовъ, съ произ-

водствомъ на 30.000 р. Съ 28 Октября по 1 Ноября — ярмарка, съ оборотомъ до 100.000 р.

Рѣкъ съ названіемъ Икъ въ Камскомъ бассейнѣ не одна; вотъ еще Ики, о которыхъ мы, не имѣя свѣдѣній, ничего сообщить не можемъ:

Икъ, лѣвый притокъ только что описаннаго Ика, 26 в. длиною.

Икъ, лѣвый притокъ Оки (притокъ *Ая*, впадающаго въ Уфу), 83 в. длиною.

Икъ М., правый притокъ Уфы, 54 в.

Икъ Б., правый притокъ также Уфы, 78 в.

Икъ, правый притокъ Яйвы (притокъ Камы), 30 в.

Инва, правый притокъ Камы, беретъ начало на границѣ Глазовскаго у. Вятской губ. Длина теченія 227 («до 160») в.; развитіе бассейна $0{,}_{63}$; шир. 20—50 саж., а весною до 100 и до 300; глуб. отъ 2 до 12 фут., на меляхъ только $^1/_2$ — 2 фут. Теченіе посредственной быстроты; дно глинистое, мѣстами хрящеватое; берега плоски и лѣсисты. Судоходству и сплаву по И. препятствуютъ въ верховьяхъ мельницы, а въ 30 верст. выше устья—плотины Никитинскаго завода. Впрочемъ, по веснамъ по И. отъ устья Кувы все-таки сплавляютъ въ небольшомъ количествѣ плоты чрезъ плотину завода. Отъ завода по И. ходятъ суда съ желѣзомъ. Вдоль И. и по ея притокамъ встрѣчается много старыхъ городищъ. Упомянутый *Никитинскій* заводъ на Инвѣ, извѣстный болѣе подъ именемъ с. *Майкорскаго* (въ Соликамскомъ у.), основанъ при этомъ селѣ въ 1811 г. Заводъ чугуннолитейный и желѣзодѣлательный. На немъ въ началѣ 60-хъ гг. выдѣлывалось болѣе 120.000 п. кричнаго желѣза, а изъ него и изъ получаемаго съ другихъ заводовъ желѣза приготовлялось полосовое въ количествѣ около 180.000 пуд., а отсюда листовое свыше 150.000 пуд. Жит. въ селѣ до 3.000. Всѣхъ населенныхъ пунктовъ по Инвѣ 60 съ 8.000 жит.

Инзеръ, по картамъ приходится правымъ притокомъ Бѣлой; но «Географич. Словарь» Семенова говоритъ о немъ какъ о лѣвомъ притокѣ Сима. Мы помѣщаемъ его въ своей таблицѣ Камскаго бассейна притокомъ Бѣлой. Таковымъ же онъ значится и въ обзорѣ Уфимской губ. въ «Сп. насел. м.» ея. Прибавимъ, что Инзеръ ни по длинѣ, ни по

развитію бассейна не можетъ быть притокомъ Сима. Начало свое Инзеръ беретъ въ Верхнеуральскомъ у., изъ уральскаго отрога Бакты. Длину теченія «Географ. словарь» опредѣляетъ до 200 в., «Спис. насел. м.» Уфимской губ. — 235 в., ближе къ нашей цифрѣ, но все же менѣе ея на 40 в. Развитіе бассейна Инзера, считая Симъ за его притокъ, $0{,}92$; шир. до 40 саж.; глуб. мѣстами до $1^1/_2$ саж. И. течетъ по мѣстности чрезвычайно лѣсистой, гористой и малонаселенной; берега его круты и обрывисты. Въ одномъ изъ обрывовъ еще Лепехинымъ былъ найденъ нефтяной ключъ. Инзеръ способенъ къ сплаву, и въ 1857 г. сюда былъ посылаемъ инженеръ для узнанія степени способности рѣки къ судоходству.

Иргина, лѣвый притокъ Сылвы (впадающей въ Чусовую), беретъ начало въ горахъ южной части Красноуфимскаго у. Длина теченія 74 в. Иргина обильна водою и запружена при Иргинскихъ заводахъ. Берега р. возвышенны и круты. При с. *Ключи*, недалеко отъ береговъ Иргины есть сѣрные ключи, которыми въ прежнее время пользовались отъ различныхъ болѣзней. И. не судоходна. *Иргинскіе* чугуноплавильные и желѣзодѣлательные заводы основаны — одинъ *(Нижній)* въ 1790 г., другой *(Верхній*, или *Тохтамышъ)* въ 1796 г. На Верхнемъ въ 60-хъ гг. было приготовляемо сортоваго желѣза отъ 25 до 37 тыс. пуд.; на Нижнемъ было выплавлено чугуна до 150.000 пуд. и выдѣлываемо кричнаго желѣза отъ 20 до 40 тыс. пуд., а также до 900 пуд. гвоздей. Число жит. въ Верхнемъ около $3^1/_2$ тыс., въ Нижнемъ около 200. Въ Верхнемъ есть еще заводъ, на которомъ въ 1860 г. было приготовлено восковыхъ свѣчъ на 14.000 р. По р. И. расположено всѣхъ 22 селенія съ 13.000 жит.

Ирень, лѣвый притокъ Сылвы, беретъ начало въ лѣсистыхъ болотахъ югозападной части Красноуфимскаго у. и впадаетъ въ Сылву при Кунгурѣ. Длина теченія И. 136 в.; развитіе бассейна $0{,}54$; шир. отъ 10 до 30 саж.; а въ низовьѣ до 70 саж.; глуб. отъ 4 до 11 фут. Дно песчаное и только мѣстами иловатое или глинистое. Вода прозрачна, но, говорятъ, имѣетъ непріятный вкусъ. Берега большею частью возвышенные, особенно правый, который состоитъ преимущественно изъ известняковъ, между тѣмъ какъ лѣв.

бер. состоитъ изъ песчаниковъ; и тѣ и другіе нерѣдко покрыты пластами глинъ и мергелей. Прибрежья И. лѣсисты, особенно въ верховьѣ; лѣса — лиственные. По И. сплавляются лѣсъ, металлы и водка. Въ прав. бер. И., близь впаденія его въ Сылву, находятся пользующіяся извѣстностью большія гипсовыя пещеры. На И. стоитъ гор. *Кунгуръ* (см. Сылва). А кромѣ его вдоль по И. расположено 33 селенія съ $1^1/_2$ тыс. жит.

Камбарка (на картѣ Камборка), правый притокъ Буя (62-й притокъ Камы). Длина теченія 50 в. Въ 6 в. выше устья р. — откуда она становится и судоходною, — стоитъ Камбарскій желѣзодѣлательный заводъ (Осинскаго у.). Онъ основанъ въ 1767 г. Въ началѣ 60-хъ гг. на немъ выдѣлывалось разнаго желѣза болѣе 100.000 пуд. Число жит. около 4.000.

Кана, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало на западномъ склонѣ Урала; длина теченія 75 в.; шир. близь дер. Атиковой 150 саж. Выше этой деревни К. протекаетъ въ дикомъ, недоступномъ ущельѣ съ отвѣсными скалами, а ниже течетъ въ горной долинѣ, на скатахъ которой обнажены глинистые сланцы, сланцеватыя глины и известняки Силлурійской формаціи. Въ прежнее время по Канѣ сплавлялись барки съ мѣдью отъ *Кананикольскаго* завода. Этотъ мѣдеплавильный заводъ былъ основанъ на К. въ 1751 г. Въ 1855 г. на немъ было выплавлено мѣди 9.705 пуд.; затѣмъ въ началѣ 60-хъ гг. среднимъ числомъ ежегодно выплавлялось 5 300 пуд. Число жит., съ 683 въ 1771 г., возрасло къ 1859 г. до 2960.

Катавъ (Катай), лѣвый притокъ Юрезани (15-й притокъ Уфы), вытекаетъ изъ западнаго отрога Яманъ-Тау, называемаго Чиберги-Катавъ, близь истоковъ М. Инзера, въ предѣлахъ Верхнеуральскаго у.; вскорѣ входитъ въ Уфимскій у., имѣя главное направленіе къ сѣверу. Разница въ опредѣленіи его длины весьма велика: измѣреніе по спец. картѣ Россіи дало для нашей таблицы Катаву 104 в.; но «Спис. насел. м.» Уфимской губ. опредѣляетъ длину К. только 70, а Географич. словарь даже 50 в. Берега Катава высоки, круты и состоятъ изъ сѣрыхъ известняковъ. На К. стоитъ *Катавъ-Ивановскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ и къ нему вспомогательный же-

лѣзодѣлательный *Усть-Катавскій* заводъ (Уфимскаго у.). Заводъ основанъ въ 1755 г. Въ началѣ 60-хъ гг. на заводѣ выплавлялось болѣе 400.000 пуд. чугуна; а выдѣлывалось желѣза на обоихъ заводахъ около 300.000 пуд. Жителей въ заводскомъ селеніи болѣе 6.000.

Кельтма, или *Южная Кельтма*, называемая такъ въ отличіе отъ Сѣверной К., впадающей слѣва въ Вычегду; Ю. К. — лѣвый притокъ Камы; она беретъ начало на границѣ Вологодской губ. изъ болота Гуменца, или Кетчемъ-уывъ-нюръ. Длина теченія 120 в., по нашей таблицѣ; но по другимъ свѣдѣніямъ — 175 и даже до 200 в. при шир. въ 10—20 саж.; глуб. весьма различна, но, какъ сообщаютъ, достигаетъ 5 и болѣе саж.; а вслѣдъ за такими омутами встрѣчаются переборы, на которыхъ глубина не болѣе 1 арш.; и здѣсь, вслѣдствіе быстраго теченія, которое вообще отличаетъ Ю. Кельтму, вода рѣдко замерзаетъ. Развитіе бассейна К. $0{,}41$. Берега рѣки холмисты и покрыты лѣсомъ. К. сплавна, а при существованіи Екатерининскаго канала по ней ходили и суда.

Кильмезь, лѣвый притокъ Вятки, беретъ начало въ Глазовскомъ у. и впадаетъ въ Вятку на границѣ Уржумскаго и Малмышскаго уу. Длина теченія 182 в.; развитіе бассейна $1{,}19$; шир. 10—25 саж.; глуб. отъ $^1/_2$ арш. до $3^1/_2$ с. К. — очень многоводная р. и судоходна на протяженіи 120 в. отъ устья р. Ута. Дно К. песчаное, со множествомъ валуновъ. Берега мѣстами круты, мѣстами пологи, но оба весьма лѣсисты. Прибрежные жители занимаются судостроеніемъ и сплавляютъ суда, а также лѣсъ и частію хлѣбъ въ р. Вятку. Такъ, въ началѣ 60-хъ гг. по К. ежегодно сплавлялось среднимъ числомъ болѣе 80 лѣсныхъ плотовъ и слишкомъ 280.000 пуд. лѣсныхъ издѣлій на 120.000 р. Въ то же время поднималось по рѣкѣ ежегодно до Кильмезской пристани болѣе 17.000 пуд. грузовъ на 12.000 руб. Притоки К. (см. табл. Камск. басс.) значительны, многоводны и сплавны.

Кобра, правый притокъ Вятки, беретъ начало въ лѣсахъ Усть-Сысольскаго у. Длина теченія 142 в.; развитіе бассейна $0{,}38$; шир. отъ 10 до 25 саж., а глуб. достигаетъ 8 с. Глинистые и песчаные берега К. высоки и обрывисты. По К. сплавляется лѣсъ и на Нижегородскую ярмарку желѣзо

съ Кажимскаго завода; желѣза этого на *Кобринской* пристани ежегодно грузилось въ началѣ 60-хъ гг. до 45.000 пуд.

Койва, правый притокъ Чусовой, беретъ начало на западномъ склонѣ Урала. Длина теченія 82 в. Теченіе быстро, русло порожисто; берега скалисты, состоятъ изъ известняковъ и сплошь покрыты лѣсами. Самые возвышенные и извѣстные изъ береговыхъ утесовъ — *Тискасъ*, *Куртымъ* и *Порожка*. Вдоль Койвы находилось нѣсколько желѣзныхъ рудниковъ, какъ напр. Койвинскій, Осиновскій и Куртымовскій.

Колва, правый притокъ Вишеры (24-й притокъ Камы), беретъ начало изъ горы, извѣстной подъ именемъ *Колвинскаго камня*, на разстояніи одного дня пути отъ верховьевъ Печоры. Верстъ 8 пониже Чердыни К. впадаетъ въ Вишеру. Длина теченія К. 380 в.; развитіе бассейна 0,73; шир. отъ 10 до 25 саж.; глубина отъ 1$^1/_2$ до 4 фут., весною же до 10—16 ф. Берега К. очень гористы и скалисты, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно богаты лѣсами и нерѣдко представляютъ дикіе, но необыкновенно живописные виды. Береговыя обнаженія состоятъ изъ сланцевъ, известняковъ и песчаниковъ частію Каменноугольной формаціи съ характеристическими окаменѣлостями ея, частію же Пермской формаціи. Вдоль К. много рудниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ слѣды древнихъ, можетъ быть, чудскихъ, разработокъ. Въ пластахъ Пермской формаціи есть соль, которая и добывалась изъ разсоловъ, близь устья Вишерки на солеваренныхъ заводахъ, но потомъ добываніе соли было оставлено вслѣдствіе близости богатыхъ разсоловъ на Камѣ. Долина Колвы такъ тѣсна, что сообщенія между селеніями, въ ней лежащими, весьма затруднительны и совершаются преимущественно водою, а зимою по льду рѣки. Съ крутыхъ утесовъ, окоймляющихъ долину, падаютъ мѣстами прекрасные водопады, какъ напр., въ 4 в. выше Ветлана. Утесы мѣстами образуютъ пороги и опасные выступы въ рѣку въ видѣ скалъ. Особенно замѣчательны утесы: *Свѣтикъ*, близь устья Вишерки, а ниже—одинъ противъ другаго —*Боецъ*, опаснѣйшій изъ всѣхъ, и *Пасынокъ;* потомъ *Бобыльскій* и *Дивій*, тоже одинъ противъ другаго, въ 10 в. отъ с. Ныроба, и, въ 5 в. отъ того же села, — *Ветланъ*. Въ береговыхъ утесахъ нерѣд-

ко встрѣчаются и сталактитовыя пещеры. Одна изъ такихъ пещеръ, пользующаяся извѣстностью, находится въ Дивьей горѣ и состоитъ изъ нѣсколькихъ обширныхъ отдѣленій, соединенныхъ корридорами; стѣны украшены известковыми осадками и сталактитами, представляющими чудный видъ; въ одномъ изъ отдѣленій есть озерко; есть даже и населеніе этихъ пещеръ, это — филины и летучія мыши. Колва сплавна на 220 в., отъ Усть-Тулпана; а судоходна на 100 слишкомъ в., отъ устья Вишерки. По Колвѣ строятся суда, сплавляется значительное количество лѣса. Въ отношеніи судоходства К. служитъ важнымъ путемъ сообщенія между Чердынью и Печорою, чрезъ посредство рр. Вишерки и Вогулки, потомъ Печорскаго волока и р. Волосницы. Этимъ путемъ въ Печорскій край доставляются изъ Чердыни хлѣбъ, соль и др. товары, а съ Печоры идетъ рыба и точильный камень. Путь этотъ извѣстенъ съ глубокой древности. По Колвѣ встрѣчаются древнія городища, какъ напр.: при с. Пахчѣ (6 в. выше Чердыни), при с. Вильгортѣ (еще 14 в. выше), при с. Искорѣ (еще 20 в. выше), потомъ у Дивьяго Камня, потомъ у с. Ныроба и въ др. мѣстахъ. Въ городищахъ этихъ находили восточныя монеты. Колва замерзаетъ въ Октябрѣ, а вскрывается въ началѣ Мая. Въ 1871 г. на К. грузилось 6 судовъ 155.000 пуд. груза. На Колвѣ стоитъ уѣздный гор. Пермской губ. *Чердынь*, основанный, по преданію, Новгородцами не позднѣе начала XV в. или ранѣе того. Въ Чердыни слишкомъ 3.000 жит. Есть 6 кожевенныхъ заводовъ. Всѣхъ населенныхъ пунктовъ по Колвѣ 14, съ $3^{1}/_{2}$ тыс. жит.

Замѣтимъ въ заключеніе, что на сѣверѣ Россіи есть еще р. *Колва* и тоже довольно большая (300 в.), но принадлежащая уже системѣ р. Печоры.

Кондасъ, правый притокъ Камы. Онъ образуется сліяніемъ Сѣвернаго Кондаса и Кондаса Полуденнаго. Въ таблицѣ мы принимаемъ Сѣв. Кондасъ за главную вѣтвь, и въ такомъ случаѣ протяженіе К. будетъ равняться 80 в. К. довольно глубокъ; шир. его 10 — 20 саж.; дно иловатое; берега низкіе, покрытые лѣсами. К. удобенъ для сплава.

Коса, правый притокъ Камы; образуется сліяніемъ многихъ ручьевъ среди болотъ Чердынскаго у. на границахъ Слободскаго у. Вятской губ. Длину теченія опредѣляютъ

во 150 в.; но измѣреніе, сдѣланное нами по спец. картѣ Россіи, дало 215 в.; развитіе бассейна К. $0,_{73}$; шир. отъ 5 до 25 саж.; глубина 2—6 фут. К. сплавна отъ устья втораго (по нашей табл.) притока—Юма. По К. расположено 4 селенія съ 1.000 жит.

Коса, лѣвый притокъ Чепцы (11-й прит. Вятки, по табл.), беретъ начало въ Глазовскомъ у. Вятской губ. и протекаетъ 101 в. Въ прежнія времена по Косѣ производился сплавъ лѣсу.

Косва (Косьва), лѣвый (36-й по табл.) притокъ Камы, вытекаетъ изъ Косвинскаго камня на западномъ склонѣ Урала... *Косвинскій*, или *Ростесной*, камень находится въ Верхотурскомъ у. Пермской губ. въ округѣ Богословскаго завода, имѣетъ высоту 2.375 фут. надъ уровн. моря и состоитъ изъ гранита. Вокругъ горы будетъ около 40 в. Подошва ея поросла лѣсомъ, а вершина обнажена, большею частью покрыта туманомъ, и представляетъ неровную поверхность, усѣянную гранитными скалами и небольшими озерками образующимися отъ тающихъ снѣговъ. Отсюда-то и вытекаетъ Косва. Длина теченія К. 300 в.; развитіе ея бассейна $0,_{55}$; шир. отъ 20 до 90 саж., а глуб. отъ 1 ф. до 2 саж. Теченіе К. быстро; дно каменистое; берега покрыты лѣсомъ, весьма гористы, возвышаются надъ уровнемъ р. саж. на 80 и состоятъ изъ песчаниковъ и горныхъ известняковъ Каменноугольн. формаціи, прикрытыхъ иногда пермскими слоями. Берега эти замѣчательны по мѣсторожденіямъ мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля. Послѣднія находятся въ Губахинскомъ пріискѣ, въ 25 в. къ Ю. отъ Кызеловскаго завода. Въ пластахъ Пермской формаціи находятся мѣсторожденія гипса. Въ 4 в. отъ пріиска находится *Губахинская* пристань отъ которой К. становится судоходною на 120 в. своего теченія. По К. сплавляются: лѣсъ, каменный уголь, жерновой камень и металлы. Вдоль К. расположено 31 селеніе съ $3^1/_2$ тыс. ж.

Куганакъ, лѣвый (19-й по табл.) притокъ Бѣлой, беретъ начало въ Стерлитамацкомъ у., близь дер. Куганакбашъ. Длина теченія 81 в. По немъ расположено 14 селеній съ 5.000 жит.

Куса, правый (2-й по табл.) притокъ Ая (Ай впадаетъ въ Уфу, притокъ Бѣлой), беретъ начало на сѣверо-запад-

номъ склонѣ горы Юрмы. Длина теченія 50 в. К. мелководна; теченіе ея быстро; берега круты и каменисты. На ней стоитъ *Кусинскій (Куса)* казенный чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ (Троицкаго у. Оренбургской губ.), въ 25 в. отъ Златоуста. Заводъ основанъ въ 1778 г. Въ 1861 г. на немъ было выплавлено чугуна 220.000 пуд.; желѣза выдѣлано 68.000 пуд. и приготовлено кузнечныхъ издѣлій около 3.000 пуд. Въ 1859 г. въ заводскомъ селеніи было 172 жит.

Леманъ (на картѣ Стрѣльбицкаго *Лиманъ*), лѣвый притокъ Камы, течетъ по Чердынскому у. въ низменной, болотистой равнинѣ, поросшей сплошнымъ лѣсомъ. Въ Каму впадаетъ 5-ю в. выше с. Гаинъ. Длину этой р. «Сп. насел. м.» Пермской губ. опредѣляетъ до 150 в.; на картѣ среднихъ размѣровъ (карта Пермской губ. изд. Ильина) р. эта изображена почти такою, но на спец. картѣ Россіи Стрѣльбицкаго изображена на соотвѣтствующемъ мѣстѣ маленькая рч., не болѣе 25 в., съ надписью *Лиманъ*. Шир. Лемана до 10 саж. Въ него справа впадаютъ: нанесенная на картахъ рч. *Лель* («дл. до 20 в.») и не нанесенная, но упоминаемая въ «Сп. насел. м.» Пермской губ., впадающая слѣва, *Калсына*, «длиною до 50 верстъ».

Лобань, или *Льбань*, правый и послѣдній притокъ Кильмези, беретъ начало въ Нолинскомъ у. Длина теченія 120 в. Берега лѣсисты и малообитаемы. На Л. стоитъ небольшое село (около 300 жит.) *Лобань*, въ которомъ въ зимній и вешній Николины дни бываютъ ярмарки; на нихъ въ 1856 году привозилось товару на сумму около 55.000 р. (Въ «Сп. насел. м.» Вятской губ. при этомъ селѣ ярмарокъ однако не означено).

Лологъ, лѣвый притокъ Косы (19-й по табл. прит. Камы). Длина теченія 100 в. Вода р. мутная. Берега низменные и болотистые; но мѣстами лѣв. бер. возвышается до 30 фут. надъ уровнемъ р. Въ прежнее время по Л. производился сплавъ лѣсу.

Лопья, лѣвый притокъ Южн. Кельтмы (20-й прит. Камы). Длина теченія 46 в. Весною р. сплавна на 15 в.

Есть еще:

Лопья, лѣвый, и по табл. 1-й, притокъ Камы. Длина те-

ченія 33 в. На сѣверѣ Россіи другія двѣ *Лопьи* — притоки Вычегды (сист. сѣв. Двины).

Лудяна, лѣвый притокъ Вятки. Длина теченія 60 в. (по друг. свѣд. 150); шир. незначительна, глуб. отъ 2 до 6 ф. Дно частію песчаное, частію иловатое. Берега мѣстами возвышенные и утесистые, мѣстами низменные. На р. нѣсколько мельницъ. Весною по ней производится небольшой сплавъ лѣсу; а въ прежнія времена ходили даже барки.

Лупья, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало на границѣ Устьсысольскаго у., изъ болота Гуменца. По спец. картѣ Россіи длина теченія Л. не болѣе 110 в., но ей даютъ и 125 и даже 140 в. Шир. отъ 5 до 10 саж.; глуб. 2—4 фут. По Л. производится небольшой сплавъ.

Лысва, правый притокъ Камы, беретъ начало въ Чердынскомъ у. и впадаетъ въ Каму немного ниже Соликамска. Длина теченія 60 верстъ.

Лысва *(Лысьва)*, лѣвый притокъ Чусовой, беретъ начало въ Кунгурскомъ у. и проходитъ по пустынной, лѣсистой мѣстности Пермскаго у. Длина теченія ея по спец. картѣ Россіи не выходитъ болѣе 60 в.; но ей даютъ 175 в.; замѣчательно въ такомъ случаѣ, что на столь значительномъ протяженіи Л. не имѣетъ ни одного притока, достигающаго 30 в.; къ тому же и ширину ея опредѣляютъ достигающею только «до 10 саж.», а глуб. 2 — 3 саж. На Л., верстахъ въ 12 отъ устья, стоитъ *Лысвенскій* чугунолитейный и желѣзодѣлательный заводъ, отъ котораго по Л. начинается сплавъ. Лысвенскій заводъ основанъ въ 1785 году и со времени основанія до 1852 г. выплавилъ болѣе 5.000.000 пуд. чугуна; желѣза выдѣлывалось около 80.000 пуд. Жителей въ заводѣ около 3.000.

Лытва, правый притокъ Вильвы (прит. Яйвы, а Яйва — 30-й по табл. прит. Камы)—р. очень небольшая, всего 30, а по друг. свѣдѣніямъ даже 20 в.; но замѣчательна тѣмъ, что въ ея области найдены значительные запасы каменнаго угля. Весною Л. сплавна. На ней же стоитъ *Александровскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, основанный еще Строгановыми въ 1773 г. На немъ въ 1858 г. выплавлено чугуна слишкомъ 200.000 пуд. Жит. около 2.000. Въ дачахъ этого завода и находятся каменноугольныя копи

на правой сторонѣ рч. Полдневной Луньи; копи эти даютъ угля пока по 200.000 пуд. въ годъ.

Летка, правый притокъ Вятки, беретъ начало въ лѣсахъ Устьсысольскаго у. Длина теченія 124(«160»)в. Л. сплавна отъ устья Лекмы.

Межевая Утка, правый притокъ Чусовой, беретъ начало въ болотѣ на западномъ склонѣ Уральскаго хребта, въ Верхотурскомъ у. Длина теченія 83 в. Теченіе ея быстро; ложе каменистое, даже скалистое и только мѣстами песчаное. Шир. весьма различна, такъ какъ при заводахъ рѣка значительно расширена плотинами; глуб. 3—4 фут. Берега въ верхней половинѣ теченія состоятъ изъ крутыхъ каменныхъ утесовъ, возвышающихся надъ уровнемъ р. саж. на 15, на 25 или даже болѣе. Ниже Висимо-Уткинскаго завода М. У. судоходна. На М. У., при впаденіи небольшой рч. *Шайтанки*, стоитъ *Висимо-Шайтанскій* желѣзодѣлательный заводъ, основанный еще Акинф. Демидовымъ въ 1741 г. На немъ выдѣлывается сталь и желѣзныя издѣлія изъ чугуна, доставляемаго съ другихъ заводовъ. Жит. съ небольшимъ 2.000. Другой желѣзодѣлательный заводъ — *Висимо-Уткинскій* основанъ Демидовымъ въ 1771 г. На немъ выдѣлывается сталь, якорья, косы и пр. Жит. болѣе $2^1/_2$ тысячъ.

Мензела (Мензеля), лѣвый притокъ Ика (по табл. 66-й прит. Камы). Длина теченія 112 в. Теченіе р. быстро; вода чиста и прозрачна. Прав. бер. высокій и крутой, лѣв. — низкій и лѣсистый. Вдоль р. есть мѣдные рудники. На М., на лѣвой ея сторонѣ, стоитъ уѣздный гор. Уфимской губ. *Мензелинскъ*, въ 6 в. отъ впаденія М. въ Икъ и въ 15 в. отъ Камы. Мензелинскъ основанъ въ 1584 г. на землѣ Башкиръ и служилъ восточнымъ пунктомъ старой Закамской линіи, оберегавшей незадолго пріобрѣтенное Казанское царство отъ нападенія кочевниковъ. Въ то время онъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ съ тыномъ, рогатками и бойницами по угламъ. Первыми поселенцами острога были 100 конныхъ стрѣльцовъ, а въ 1655 г. къ нимъ было присоединено въ качествѣ служилыхъ людей 124 семейства шляхты, выведенныхъ изъ Смоленска; имъ даны были обширныя земли съ угодьями. Съ тѣхъ поръ Мензелинскъ не разъ выдерживалъ осады отъ Ногайцевъ, Калмыковъ,

Башкиръ, Киргизъ и шаекъ Пугачева. Въ концѣ XVII в. Мензелинскъ сталъ называться пригородомъ, а въ 1781 г. былъ сдѣланъ городомъ. Въ 1825 Мензелинскъ сгорѣлъ, и погорѣльцамъ было пожаловано въ пособіе 100.000 р. асс. Въ 1864 г. въ Мензелинскѣ числилось болѣе 5.700 жит.; но затѣмъ, по свѣдѣніямъ, даваемымъ «Списк. насел. м.» Уфимской губ., изд. 1877 г., жит. въ Мензелинскѣ значится только 4.940. Занятія жителей заключаются преимущественно въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и огородничествѣ; многіе жители получаютъ значительные выгоды отъ отдачи въ наймы квартиръ пріѣзжающимъ на *Мензелинскую* ярмарку, выручая на этомъ до 11.000 р. Ярмарка эта и составляетъ главную и обширную извѣстность Мензелинска. Исторія возникновенія этой значительной ярмарки намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Она бываетъ съ 26 Декабря по 11 Января (по «Сп. насел. м.» съ 1 по 11 Января и кромѣ того еще 2 ярмарки: съ 19 по 25 Мая и 20 Іюля). Разнаго люда съѣзжается на нее до 20.000 чел. Обороты ея въ 1861—63 гг. были слѣдующіе въ округленныхъ цифрахъ:

	Въ 1861 г.	1862 г.	1863 г.
Привезено на . . .	4.600.000 р.	4.770.000 р.	4.950.000 р.
Продано на	3.320.000 »	4.000.000 »	3.13.0000 »

Главные предметы торговли: бумажные товары, чай, кубовая краска, москательные товары, шелковыя издѣлія, сахаръ, шерстяныя издѣлія, мѣха, кожи; лошадей пригоняется на 70.000 р. Городскіе доходы Мензелинска исчислены для 60-хъ гг. въ 20.000 р. Съ недавняго времени къ городу по Мензелѣ стали сплавлять лѣсъ во время разлива, когда рѣка эта своими водами соединяется съ разливами Ика и Камы

Мёша, правый притокъ Камы, беретъ начало въ Мамадышскомъ у. Казанской губ., невдалекѣ отъ Ныртынскаго или Мёшинскаго мѣдеплавильнаго завода. Отсюда она протекаетъ съ многочисленными извилинами по срединѣ Мамадышскаго и Лаишевскаго уу. и впадаетъ въ Каму недалеко отъ устья послѣдней, при дер. Епанчинѣ. Это предпослѣдній притокъ Камы. Длину Мёши опредѣляютъ до 250 в.; но мы, согласно измѣреніямъ по спец. картѣ Россіи, даемъ М. только 207 в., вводя въ протяженіе рѣки, ко-

29*

нечно, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ измѣреній, по возможности и всѣ извилины. Шир. М. не соотвѣтствуетъ ея протяженію, если только вѣрны сообщенія, по которымъ шир. эта не болѣе 5—10 саж.; глуб. отъ 2 до 4 арш. Но во время разлива шир. М. достигаетъ 100 и 150 саж., а глуб. увеличивается до 3 и до 5 саж. Развитіе бассейна М. $0,_{32}$. Берега пологіе, покрытые лѣсомъ или кустарникомъ, или нерѣдко обнаженные, глинистые. М. не судоходна; сплава по ней также не бываетъ, и она служитъ исключительно механическою силою для приведенія въ дѣйствіе мельницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстна,—какъ писали въ 1861 г.,—по богатству рыбою и раками. Погрузка производится только въ устьѣ, и то рѣдко и въ незначительныхъ размѣрахъ. Сообщимъ еще о М., что было время, когда въ Казани еще не было водопровода и городъ поневолѣ пользовался водою изъ озера Кабана—Мёшу не разъ подумывали провести въ Кабанъ, соединивъ съ нимъ каналомъ, и т. о. превратить ее изъ притока Камы въ притокъ Волги. Однако оказалось при изслѣдованіяхъ, что М. въ Волгу не потекла бы, а напротивъ, грозила бы увлечь за собою въ Каму всю воду изъ озера Кабана. Въ верховьяхъ М. стоитъ селеніе *Ныфты*, въ которомъ болѣе 1.500 жит. и есть мѣдеплавильный заводъ, почему и самое селеніе называется также *Мёшинскимъ заводомъ*. Заводъ этотъ основанъ въ 1749 г. На немъ выплавляется отъ 1.000 до 2.000 пуд. мѣди.

Молома, правый притокъ Вятки, беретъ начало въ Никольскомъ у. Вологодской губ., верстахъ въ 30 отъ р. Юга, на такъ называемомъ *Кай-волокѣ* и впадаетъ въ Вятку немного повыше гор. Котельнича. Длина теченія М. по измѣреніямъ на спец. картѣ Россіи 315 в.; но другіе опредѣляютъ длину этой р. до 350 в. Шир. достигаетъ 60 саж., а глуб. до 2 саж. Развитіе бассейна М. $0,_{86}$. Теченіе извилистое, тихое, дно песчаное, мѣстами каменистое. Берега вначалѣ (до устья *Волманги*) не высоки, но затѣмъ становятся возвышенными; отъ самаго начала они покрыты густыми лѣсами; въ Вятской губ. прав. бер. возвышенный, крутой и открытый, а лѣв.—луговой и лѣсистый. Весенніе разливы М. достигаютъ 5 в. Для судоходства М. неудобна; но сплавъ лѣсу производится. Впрочемъ, отъ устья *Кобры*

М. могла бы быть судоходна, только судоходства не производится. А говорятъ, что въ прежнія времена М. служила воднымъ торговымъ путемъ, который отъ Вятки шелъ вверхъ по М., потомъ черезъ Кай-волокъ на Пушму и Югъ.

Нугушъ, правый притокъ Бѣлой, беретъ начало въ Верхнеуральскомъ у. Оренбургской губ., изъ отраслей Уральскаго хребта, извѣстныхъ подъ именемъ Пшетякъ. Разница въ опредѣленіи длины Н. весьма ощутительна: по нашимъ измѣреніямъ рѣка эта протекаетъ 195 в.; «Сп. насел. м.» Уфимской губ. уменьшаетъ эту цифру до 160, а Географич. словарь даетъ Нугушу только 130 в. Шир. Н. 10—30 саж.; глуб. достигаетъ $1^1/_2$ саж. Развитіе бассейна 0,4. Берега гористы. Долина Н., отдѣленная неширокимъ хребтомъ (в. 15—25) отъ р. Бѣлой, наполнена лѣсистыми горами и въ верхней части совсѣмъ необитаема. Отъ устья послѣдняго своего притока Тора Н. способенъ къ судоходству. Вдоль Н. расположено 11 селеній съ 4.000 жителей.

Нытва, правый притокъ Камы. Длина теченія Н. 50 в.; шир. до 15 саж., а глуб. отъ 2 до 5 фут. Протекаетъ по мѣстности гористой (въ Оханск. у. Пермской губ.); верстахъ въ 3 выше устья образуетъ заводскій прудъ *Нытвинскаго* чугунолитейнаго и желѣзодѣлательнаго завода. Заводъ основанъ въ 1756 г. Въ 1863 г. на этомъ заводѣ было отлито чугунныхъ издѣлій около 2.700 пуд. и приготовлено разнаго желѣза и издѣлій изъ него около 140.000 пуд. Жит. въ селеніи около $4^1/_2$ тыс. Бываютъ 2 ярмарки: 2 Сентября и 9 Декабря. При устьѣ Нытвы — *Нытвинская* пристань, на которой въ 60-хъ гг. грузилось среднимъ числомъ около 260.000 пуд. почти исключительно металловъ; а въ 1871 г. грузилось 185.000 пуд.

Обва, правый притокъ Камы, беретъ начало въ Оханскомъ у. Пермской губ., близь границъ Вятской губ., невдалекѣ отъ верхняго теченія Камы. Длину теченія О. мы полагаемъ въ 243 в.. а другіе — въ 200. Развитіе бассейна $0_{,65}$. Шир. до 60 саж.; глуб. отъ 1 арш. до 2 саж. Въ сухія лѣта на О. образуются мели. Теченіе р. средней быстроты; дно иловатое, а мѣстами песчаное и хрящеватое. Берега пологіе, но мѣстами возвышаются, особенно лѣвый, кото-

рый представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменныя обнаженія; большею же частью глинистые, въ началѣ теченія О.—лѣсистые, потомъ открытые. На большей части своего теченія О. сплавна, а въ нижней части, отъ с. Рождественскаго Соликамскаго у.,—судоходна весною. Въ это время по О. сплавляютъ къ *Слудской* пристани, близь которой О. впадаетъ въ Каму, хлѣбъ въ каюкахъ и разныя сельскія произведенія, а вверхъ ведутъ соль. Долина О. принадлежитъ къ самымъ населеннымъ мѣстностямъ Пермской губ. Вдоль р., особенно около с. Рождественскаго, встрѣчаются древнія городища и развалины, изъ которыхъ въ концѣ прошлаго столѣтія выкапывали различные предметы древности, сдѣланные изъ мѣди, иногда изъ серебра или золота съ цвѣтными каменьями. На притокѣ Обвы, *Язвѣ*, стоитъ село *Верхъ-Язвинское* съ 300 жит. Въ немъ бываютъ 2 конныя ярмарки. Село это—бывшій уѣздный городъ *Обвинскъ*. Всѣхъ населенныхъ пунктовъ по Обвѣ 78 съ 8.000 жит.

Ока, правый притокъ Ая (Ай впадаетъ въ Уфу, а Уфа—въ Бѣлую), беретъ начало въ Красноуфимскомъ у. и протекаетъ 83 («60»)в. Развитіе ея бассейна o_2. Ока не судоходна и не сплавна.

Очеръ, правый притокъ Камы. Длина теченія 80 в.; шир. отъ 5 до 8 саж. Берега мѣстами возвышены и состоятъ изъ красноватыхъ глинъ, песчаныхъ и известковыхъ отложеній. На О. стоитъ *Очерскій* чугунолитейный и желѣзодѣлательный заводъ, основанный въ 1761 г. Въ 1863 г. на заводѣ было отлито чугунныхъ издѣлій около 14.000 пуд., выдѣлано болваночнаго желѣза 270.000 пуд., желѣза рѣзнаго 14.000 пуд., ручныхъ и машинныхъ издѣлій слишкомъ 1.000 пуд. Жителей въ заводскомъ селеніи около $4^1/_2$ тыс. Бываютъ ярмарки: 6 Января, 25 Марта, 9 Мая и 8 Ноября. Всѣхъ населенныхъ пунктовъ по Очеру 24, съ 10.000 жит.

Пижма, правый притокъ Вятки, беретъ начало въ Ветлужскомъ у. Костромской губ., и протекаетъ по Котельничскому и Яранскому уу. Вятской губ. Длина теченія П. 203 в.; развитіе бассейна $1_{,1}$; шир. отъ 25 до 60 саж.; глуб. отъ 1 до 14 фут. *). Дно песчано-иловатое; теченіе тихое, извилистое. Берега невысокіе, но крутые и большею частью

*) Въ «Сп. насел. м.» Вятской губ., на стр. VIII, вѣроятно, ошибочно сказано: «глубина же отъ 1 до 14 саж.».

лѣсистые. Весенніе разливы П. довольно значительны, простираясь до 2 в. П. не судоходна; но весною изъ Котельничскаго у. по ней сплавляется лѣсъ. Въ бассейнѣ Пижмы, на притокѣ ея **Ярани**, стоитъ небольшой уѣздный городъ Вятской губ. *Яранскъ* съ 3.000 жит.; въ немъ бываетъ ярмарка съ 20 Сентября по 1 Октября съ привозомъ на сумму около 120.000 р. Городскіе доходы около 3.000 р. А на самой Пижмѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Вятку, и еще ближе къ самой Вяткѣ, стоитъ большая слобода Яранскаго у. *Кукарка*. Въ ней 4 церкви и около $3^1/_2$ тыс. жит. Промыслы ея жителей разнообразны: есть хорошіе слесаря, кузнецы, экипажные мастера, рѣзчики; иные дѣлаютъ патоку и приготовляютъ пряники, иные занимаются лѣснымъ промысломъ. Изъ заводовъ — 3 пряничныхъ, 1 свѣчной (съ выдѣлкою 500 пуд. свѣчъ), 2 солодовни; есть ремесленное заведеніе. Въ году бываютъ 3 ярмарки: 1) съ 26 Августа по 19 Сентября, 2) съ 6 по 20 Декабря и 3) съ 23 по 25 Декабря; товаровъ на нихъ привозится тысячъ на 100 и болѣе. При Кукаркѣ есть пристань, на которой въ началѣ 60-хъ гг. грузилось ежегодно болѣе 200.000 пуд. и около 30 лѣсныхъ плотовъ. Грузъ — преимущественно хлѣбъ. Разгружалось болѣе 100.000 пуд. — соли.

Помѣтимъ кстати, что на сѣверѣ Россіи есть еще двѣ рѣки *Пижмы:* одна—правый притокъ Мезени, 200 в. длиною; а другая — лѣвый притокъ Печоры, 230 в. длиною. Обѣ сходятся своими верховьями, раздѣляясь только волокомъ не болѣе 3 верстъ.

Пильва, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ Вологодской губ. и оттуда протекаетъ по Чердынскому у. Пермской губ. Длина теченія 148, а по другимъ свѣдѣніямъ до 100 в.; развитіе бассейна ничтожно: у П. всего одинъ притокъ *Сыпанъ* 32 в. длины. Берега Пильвы возвышенны; по нимъ ростетъ хорошій строевой лѣсъ, сплавляемый въ с. Вильгортъ для постройки судовъ. С. *Вильгортъ*—въ 18 в. къ сѣверу отъ Чердыни, при р. Колвѣ.

Пожва, — рѣчка, протекающая по Соликамскому у. Пермской губ., правый притокъ Камы. Длина ея 32 или по другимъ свѣдѣніямъ 35 в.; шир. отъ 3 до 5 саж., а глуб. отъ 2 до 5 арш.; дно глинистое. Берега низменные, болотистые, частію открытые, частію покрытые лѣсомъ. Рѣка образуетъ

большіе пруды у заводовъ *Елизавето-Пожевскаго* и *Пожевскаго*. О первомъ можемъ сообщить только, что это заводъ желѣзодѣлательный, называемый иначе *Сибиряки;* въ немъ около 1.000 жит. Пожевской заводъ, также желѣзодѣлательный и вмѣстѣ чугунолитейный, основанъ въ 1754 г. Въ 60-хъ годахъ на немъ отливалось чугунныхъ издѣлій отъ 10.000 до 30.000 пуд., выдѣлывалось пудлинговаго желѣза отъ 140.000 до 180.000 пуд. Заводъ приводится въ дѣйствіе Пожвою, 18-ю колесами въ 405 силъ, а затѣмъ также 3-мя паровыми машинами во 125 силъ. Въ заводскомъ селеніи, какъ и во многихъ большихъ заводахъ, волостное правленіе; есть 2 церкви, жит. около 4½ тыс. Бываютъ 2 ярмарки. Пристань; съ нея въ то же время отпускалось среднимъ числомъ около 190.000 пуд. одныхъ металловъ.

Порышъ, лѣвый притокъ Камы, протекаетъ на самомъ сѣверѣ Вятской губ. Длина теченія 95 («до 80») в. По П. сплавляется лѣсъ для соляныхъ варницъ.

Прость. Это, кажется, столько же собственное имя, сколько и нарицательное. Такихъ именъ можно встрѣтить въ Россіи нѣсколько, и всѣ они прилагаются не къ самостоятельнымъ рѣкамъ, а къ частямъ таковыхъ; происходя отъ слова *простой* (въ смыслъ порожній), *прость* означаетъ, повидимому, названіе *опроставшагося* русла, т. е. русла, по которому главное теченіе уже не проходитъ; это, такъ сказать, отслужившее уже русло, но еще съ теченіемъ; т. е. по существу это то же, что воложка, хотя и не всегда, такъ какъ иногда названіе прости остается и за протокомъ, уже замкнувшимся и принявшимъ видъ озера. Въ нашемъ случаѣ Прость беретъ начало изъ р. Шешмы и впадаетъ въ Каму у Чистополя; т. е. это есть рукавъ Шешмы, но столь длинный, что считается какъ бы особою рѣкою. Вся длина Прости до 48 верстъ.

Ревда, лѣвый и почти первый притокъ Чусовой. Она протекаетъ въ Екатеринбургскомъ у. и, какъ пишутъ, составляется изъ множества рѣчекъ, изъ которыхъ будто бы однѣхъ только имѣющихъ названія наберется болѣе 40, а за ними остается еще много безъименныхъ. Длина теченія Р. 60 в.; шир. отъ 5 до 15 саж.; глуб. до 1 саж. Берега высоки и лѣсисты. При Ревдинскомъ заводѣ устроенъ

огромный прудъ въ версту шириною и 9 в. длиною; версты 3 ниже завода на устьѣ пристань, на которой суда грузятся металлами въ количествѣ до 400.000 пуд. Весною по Р. къ заводу сплавляется лѣсъ въ количествѣ до 3.000 бревенъ. *Ревдинскій* заводъ — мѣдеплавильный, чугуноплавильный и желѣзодѣлательный. Онъ основанъ еще Акинф. Демидовымъ въ 1741 г. Дача этого завода замѣчательна между прочимъ тѣмъ, что въ ней находится единственное въ Россіи мѣстонахожденіе никкеля. Въ 1863 г. заводъ имѣлъ 30 дѣйствующихъ желѣзныхъ рудниковъ и 1 мѣдный. Заводъ работаетъ силою Ревды, которая приводитъ въ дѣйствіе 31 колесо въ 762 силы. Въ настоящее время на заводѣ проплавляется до 9.000 пуд. мѣдныхъ рудъ и 1.000.000 пуд. желѣзныхъ. Въ 1856 г. было выплавлено мѣди 1.170 пуд.; но въ слѣдующіе годы съ 1860 по 1863 г. выплавлялось гораздо менѣе, именно отъ 100 до 250 пуд. Чугуну выплавлялось среднимъ числомъ около 550.000 п.; желѣза выдѣлывалось болѣе 200.000 пуд. Кромѣ того добывалось и промывалось ежегодно золотоносныхъ песковъ отъ 40.000 до 180.000 пуд., а получалось золота: въ 1859 году — 7 золотниковъ; въ слѣдующемъ году — 81 золотн., въ слѣдующемъ — 68, затѣмъ въ 1862 г. — 4 ф. 6 зол. и въ 1863 г. — 2 ф. 39 зол. Жителей въ заводскомъ селеніи около 10.000.

Сатка, лѣвый притокъ Ая (Ай впадаетъ въ Уфу). Длина теченія въ направленіи наибольшаго протяженія вверхъ по *Кылу*, 101 в. Развитіе бассейна $0{,}_{14}$. С. течетъ въ продольной горной долинѣ Урала. На С. стоитъ казенный *Саткинскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ (Златоустовскаго у.); онъ основанъ въ 1756 г. Строгановымъ. Производительность его весьма неравномѣрна; такъ въ 1860 г. было выплавлено чугуна 187.000 пуд. и разнаго желѣза приготовлено 40.000 пуд.; а въ 1862 г. выплавлено чугуна около 10.000 пуд., а желѣза выдѣлано 6.000 пуд. Уменьшеніе это зависѣло, впрочемъ, отъ случайнаго обстоятельства — прорыва плотины. Какова дѣятельность завода въ настоящее время, о томъ свѣдѣній въ имѣющихся у насъ матеріалахъ нѣтъ.

Серга, правый притокъ Уфы. Длина теченія 93 в.; развитіе бассейна $0{,}_{2}$. По С. отъ Сергинскаго завода весною

производится сплавъ. Не извѣстно, въ какомъ отношеніи *Бардымъ*, притокъ С., считается значительнѣе самой С. (Географ. слов.): по протяженію онъ значительно меньше ея; въ промышленномъ отношеніи на Бардымѣ упоминается только оставленный рудникъ; по немъ нѣтъ даже сплава, тогда какъ на Сергѣ есть два *Сергинскихъ* завода и *Сергинскія* сѣрныя воды. Сергинскіе заводы, *Верхній* и *Нижній*, оба чугуноплавильные и желѣзодѣлательные, оба основаны Ив. Демидовымъ въ 1743 г. Производительность ихъ почти равная; оба вмѣстѣ производятъ отъ 300 до 500 тыс. пуд. чугуна и чугунныхъ издѣлій и желѣза до 300 тыс. пуд. Въ Верхнемъ заводѣ число жит. около 6.000; бываютъ 2 ярмарки: 6 Августа и 21 Ноября. Въ нижнемъ заводѣ число жит. около 8.000; и также бываетъ одна ярмарка—14 Сентября. Сергинскія сѣрныя воды находятся на берегу Серги, у подошвы крутой горы, въ 2-хъ в. ниже Нижняго Сергинскаго завода. Здѣшнія воды — холодныя солено-сѣрнистыя; на видъ вода чиста и прозрачна, на вкусъ — горько-солоновата и издаетъ сѣрнистый запахъ. Воды эти стали посѣщаться больными съ 1832 г.; онѣ считаются полезными въ болѣзняхъ пищеварительныхъ органовъ, золотушныхъ болѣзняхъ, геморроидальныхъ, накожныхъ, ревматизмѣ, нервныхъ и нѣкоторыхъ женскихъ. Удобное время пользованія водами — Іюнь и Іюль. Курсъ отъ 4 до 6 недѣль. Для удобства больныхъ устроены крытыя галлереи и 2 дома съ 22 ваннами.

Серебрянка, правый притокъ Чусовой, беретъ начало на Уральскомъ хребтѣ. Длина теченія 124 в. Развитіе бассейна $0{,}_{124}$; шир. 5—6 саж.; теченіе быстрое; вода необыкновенно чиста и прозрачна, вслѣдствіе чего рѣка и получила свое названіе, данное Ермакомъ. На С. есть лѣсистый островъ въ полверсты длиною; онъ называется Ермаковымъ. При устьѣ рч. Кокуя сохранились и остатки Ермакова городища,—мѣсто его послѣдней зимовки на пути въ Сибирь. Серебрянка образуетъ обширный заводскій прудъ при Серебрянскомъ заводѣ, откуда весною производится сплавъ. Серебрянскій желѣзодѣлательный и якорный заводъ (Кунгурскаго у. Пермской губ. въ Гороблагодатскомъ округѣ) основанъ въ 1764 г. На немъ выдѣлывалось въ 60-хъ гг., среднимъ числомъ, около 125.000 пуд.

разнаго желѣза и якорей 5—6 тыс. пуд. Заводъ идетъ силою Серебрянки, приводящею въ дѣйствіе 30 водяныхъ колесъ въ 476 силъ; есть также 1 паровая машина въ 36 силъ. Жителей въ заводѣ около 5.000.

Сива, правый притокъ Камы, беретъ начало въ Оханскомъ у. Пермской губ., течетъ на значительномъ протяженіи между Оханскимъ и Сарапульскимъ уу. Длина теченія 165 в.; развитіе бассейна 9,5; отъ устья послѣдняго своего притока, Вотки, она становится сплавною (верстъ на 20). По Сивѣ расположено 20 селеній съ 5.000 жит.

Симъ, у Башкиръ *Эссюмъ*, по картографическимъ даннымъ приходится притокомъ Инзера, впадающаго въ Бѣлую, а по литературнымъ матеріаламъ значится притокомъ Бѣлой и въ одномъ случаѣ — принимающимъ въ себя Инзеръ, а въ другомъ—впадающимъ въ Бѣлую отдѣльно отъ Инзера. Симъ беретъ начало въ дачахъ Катавъ-Ивановскаго завода, Уфимскаго у., нѣсколько выше дер. Карауловки, между двухъ горъ Сапошузы и Явуша. Направляясь къ ССЗ, Симъ верстахъ въ 30 отъ своего истока съ ужаснымъ шумомъ ударяется объ утесъ горы Эссюмъ, состоящей изъ известняка. Здѣсь, вымывъ глубокую впадину, Симъ скрывается подъ гору и продолжаетъ свое подземное теченіе на протяженіи болѣе 1/2 версты. Изъ горы С. снова появляется четырьмя ключами, отстоящими другъ отъ друга на нѣсколько саженъ. Въ половодье вся вода въ гору не вмѣщается, и тогда течетъ вокругъ горы, пробираясь среди камней и скалъ. Не мѣшаетъ однако оговориться, что, по другимъ свѣдѣніямъ, не весь Симъ скрывается подъ горою, а только одинъ изъ рукавовъ его. Все теченіе на первыхъ 20 в. проходитъ среди высокихъ горъ; здѣсь С. достигаетъ 5—6 саж. шир. Отвѣсныя берега его состоятъ изъ известняковъ, возвышаются надъ рѣкою на 20, на 30 саж. и очень живописны. Здѣсь же въ верхнемъ теченіи С. при впаденіи рч. Ямазе въ горѣ Ямазе-тау лежитъ весьма обширная пещера, посѣщенная Палласомъ, который нашелъ здѣсь кости звѣрей и человѣческія. По преданію, въ этой пещерѣ скрывались отъ Русскихъ Башкиры во время бунтовъ. Утесъ горы имѣетъ 25 саж. въ вышину, а отверзтіе саж. на 5, на 6 надъ водою рѣки С. Сначала пещера очень широка, именно саж. 17 шир., и болѣе 4

саж. въ вышину; но потомъ съуживается и дѣлается низкою, а далѣе снова нѣсколько расширяется и становится выше; но еще дальше главный ходъ до того съуживается и понижается, что, слѣдуя имъ, приходится ползти; потомъ, снова расширившись, раздѣляется на двое: лѣвая часть, похожая на большую яму, за простѣнкомъ съуживается, дѣлается ниже человѣческаго роста и идетъ саж. 15, опускаясь все ниже и ниже, такъ что подъ конецъ представляетъ углубленіе, обращенное прямо внизъ и наполненное водою; правая же вѣтвь хода, шириною отъ 1½ до 2½ саж. тянется къ сѣверу на протяженіи почти 30 саж. и оканчивается обширною залою. Потомъ также въ верхнемъ теченіи Сима, въ крутой горѣ Шишкѣ, омываемой прудомъ Симскаго завода, находятся еще двѣ пещеры, изъ которыхъ одна, на высотѣ болѣе 100 саж., лежитъ въ каменной стѣнѣ и идетъ въ ней на 16 арш. и оканчивается высотою въ 1½ саж., теряясь узкими рвами между каменьями. Ниже Симскаго завода Симъ направляется къ ЮЗ; это его главное направленіе, которому онъ слѣдуетъ до самаго впаденія въ Инзеръ. Берега его въ нижней части теченія ровные, песчаные и нерѣдко болотистые. Теченіе С. очень быстро. Длину его опредѣляютъ во 165 и 175 в.; но, согласно даннымъ спец. карты Россіи, длину теченія С. можно опредѣлить въ 200 в. Развитіе его бассейна 0,45. Судоходство бываетъ только весною и то исключительно сплавное. Оно затрудняется и мелководіемъ и подводными камнями и каршами. Особенную опасность представляютъ ниже Миньярскаго завода до устья слѣдующія мѣста: 1) на первой верстѣ отъ Миньярскаго завода, при крутомъ поворотѣ рѣки, гдѣ залегаетъ камень, называемый Отводнымъ; здѣсь спускаются бревна для предохраненія судовъ отъ удара о камень; 2) на 12-й верстѣ камень Благой; 3) въ 5 верстахъ ниже дер. Казаяка, у такъ называемой Зайцевой поляны, лежитъ большой камень, къ тому же и самые берега каменисты; 4) ниже Тикеевскаго перевоза, гдѣ ложе р. засорено каршами и мелями. Берега С. мало заселены; по нимъ всего считается 5 селеній съ 6½ тыс. жит. *Симскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ основанъ въ 1759 г. Онъ работаетъ силою Сима, который приводитъ въ дѣйствіе 17 колесъ въ 250

силъ. На заводѣ выплавлялось въ 60-хъ гг. ежегодно до 300.000 чугуна и отливалось чугунныхъ издѣлій отъ 1.000 до 2.000 пуд.; желѣза выдѣлывалось до 70.000 пуд. и желѣзныхъ издѣлій отъ 400 до 1.500 пуд. Жителей въ заводѣ около $3^1/_2$ тыс. При заводѣ устроена пристань, на которой въ 1868 г. грузилось 188.000 пуд. исключительно металловъ. *Миньярскій* чугунолитейный и желѣзодѣлательный заводъ, при впаденіи *Миньяра* въ Симъ, основанъ въ 1784 г.; онъ служитъ вспомогательнымъ заводомъ Симскому. Въ 1863 г. на Миньярскомъ заводѣ было отлито чугунныхъ издѣлій 1.758 пуд.; выдѣлано кричнаго желѣза 74.000 пуд.; а изъ него приготовлено: листоваго, шиннаго и рѣзнаго желѣза, пильныхъ, лопаточныхъ полотенъ и гвоздарнаго желѣза 25.000 п. и желѣзныхъ издѣлій около $2^1/_2$ тыс. пуд. Жит. въ заводѣ около $3^1/_2$ тыс. По свѣдѣніямъ 1870 г. съ Миньярскаго завода по Симу было сплавлено 20 судовъ съ грузомъ металла слишкомъ въ 360.000 пудовъ.

Стерля, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало близь дер. Стерлябашъ въ Стерлитамацкомъ у. Длина теченія ея 60 верстъ. По берегамъ С. расположено 8 селеній съ 3.000 жит. и кромѣ ихъ городъ *Стерлитаманъ* (см. Бѣлая).

Есть еще р. **Стерля,** лѣвый притокъ Ика (66-й притокъ Камы). Длина ея теченія 44 версты.

Суксунъ, лѣвый притокъ Сылвы (Сылва впадаетъ въ Чусовую), р. очень небольшая, всего 30 в. длиною. При Суксунскомъ заводѣ образуется обширный заводскій прудъ, изъ котораго по веснамъ производится сплавъ въ Сылву. *Суксунскій* желѣзодѣлательный заводъ (Красноуфимск. у.) основанъ еще Акинф. Демидовымъ въ 1729 г. Заводъ работаетъ силою Суксуна, приводящаго въ дѣйствіе 15 колесъ въ 390 силъ. Въ 1863 г. на заводѣ было приготовлено кричнаго желѣза около $3^1/_2$ тыс. пуд.; а въ 1860—50 тыс. пуд. Въ селеніи заводскомъ болѣе 3.000 жит. На Сылвѣ—заводская пристань, на которой въ 1868 г. грузилось 99 тыс. пуд., столько же грузилось въ 1870 г.

Сулемъ, правый притокъ Чусовой, беретъ начало на водораздѣлѣ Уральскаго хребта и направляется къ ЮЗ. Длина теченія по однимъ 70 в., по нашему измѣренію 114; тою же цифрою выражается и развитіе бассейна, такъ

какъ у С. нѣтъ притоковъ, превышающихъ или достигающихъ 30 в. протяженія. Ширина С. до 10 саж.; теченіе быстрое; берега высокіе, состоящіе изъ сланцеватаго известняка. При впаденіи С. въ Чусовую стоитъ деревня *Сулемъ* съ 500 жит.; здѣсь пристань, на которой въ 1865 г. грузилось исключительно одного металла 100.000 пуд.; а въ 1868 г. — 87.000 пуд.

Сылва, лѣвый притокъ Чусовой, самый значительный изъ ея притоковъ; она покрываетъ своею системою части уѣздовъ: Красноуфимскаго, Кунгурскаго, Осинскаго и Пермскаго. Беретъ начало въ Красноуфимскомъ у., выше Сылвинскихъ заводовъ, направляется къ С и СЗ, потомъ къ ЮЗ, а потомъ снова къ ССЗ. Длину теченія С., какъ и длину очень многихъ даже весьма значительныхъ рѣкъ, опредѣляютъ различно: такъ, одни даютъ С. и 400 и даже 450 в., другіе только 350. Изображеніе же С. на спец. картѣ Россіи (Стрѣльбицкаго) обнаруживаетъ значительно большую длину; согласно сдѣланнымъ измѣреніямъ, мы даемъ Сылвѣ 552 в.; развитіе ея бассейна 2,25. Шир. С. въ верхней части теченія отъ 10 до 15 саж.; въ средней отъ 20 до 30, въ нижней отъ 50 до 75; глуб. отъ 1½ до 5 и даже до 9 арш. За 2 в. до устья С. раздѣляется на два рукава, огибающіе островъ Толстой. Берега часто высоки, круты и скалисты; дно каменистое, богатое известняковыми валунами, содержащими окаменѣлости; долина мѣстами узка, мѣстами расширяется. Мѣстность, по которой течетъ С., хотя и не можетъ быть названа гористою, но она вездѣ холмиста. Теченіе С. очень извилисто, что можетъ быть и служитъ нѣкоторымъ объясненіемъ противорѣчій въ опредѣленіи длины этой рѣки. Весною р. значительно прибываетъ и въ это время становится судоходною отъ третьяго своего притока — р. *Молебки* (всѣхъ притоковъ у С. по нашей таблицѣ 15), а выше Молебки она сплавна. На С. 3 пристани: Кунгурская, Плисовская и Молебская. На всѣхъ нихъ въ 1865 г. грузилось 270.000 пуд. сала, металловъ и камня, а въ 1871 г. около 240.000 пуд. Въ одной верстѣ выше Кунгура находится пещера; пещеръ вообще не мало встрѣчается по Сылвѣ, и по Ирено, и по Чусовой; но та, о которой мы упоминаемъ, пользуется наибольшею извѣстностью. Она назы-

вается *Ледяною*, такъ какъ и при входѣ въ нее и внутри лежитъ никогда не растаивающій ледъ. Эту Ледяную пещеру посѣтилъ въ 1770 г. Лепехинъ, который замѣчаетъ, что подробное описаніе пещеры можетъ составить цѣлую книгу. Мѣстные жители разсказывали ему, что пещера до его посѣщенія простиралась болѣе чѣмъ на 10 верстъ, но что потомъ во многихъ мѣстахъ проходы завалились каменьями. Пещера состоитъ изъ множества гротовъ, соединенныхъ между собою просторными и длинными коридорами. Въ одномъ изъ гротовъ находится озерко, окружностью саженъ въ 20 съ прозрачною водою; мѣстами нагроможденъ ледъ большими массами; всюду видны обвалившіеся камни; по стѣнамъ — сталактитовыя образованія разнообразныхъ формъ. О пещерѣ сохранились легенды, и Лепехинъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ полусгнившіе образа и множество крестовъ. Въ 1877 г. по Сылвѣ, вмѣсто Чусовой, поднимался по ошибкѣ Ермакъ и зашелъ такъ далеко, что вынужденъ былъ зазимовать здѣсь; а потомъ уже снова воротился на Чусовую. Въ верховьѣ на Сылвѣ стоитъ *Сылвинскій* чугунолитейный и желѣзодѣлательный заводъ; онъ основанъ еще въ 1729 г. Къ нему есть два вспомогательныхъ завода: *Нижнесылвинскій* и *Саргинскій*. Заводы работаютъ силою Сылвы и рч. Сарги, приводящими въ дѣйствіе болѣе 30 водяныхъ колесъ слишкомъ въ 200 силъ. Въ 1863 г. на заводѣ было отлито 18.000 пуд. чугуну, 90.000 пуд. кричнаго желѣза и еще разныхъ сортовъ желѣза 100.000 пуд. Въ заводскомъ селеніи около 4.000 жит.; 2 церкви, одна православная и одна единовѣрческая; волостное правленіе и есть еще 1 лѣсопильный заводъ. При впаденіи въ С. 3-го притока ея, Молебки, стоятъ два *Молебскіе* завода, изъ которыхъ одинъ основанъ только въ 1861 г. и служитъ вспомогательнымъ другому, основанному Демидовымъ въ 1787 г. На этомъ послѣднемъ заводѣ въ 1863 г. было выплавлено болѣе 100.000 пуд. чугуна и выдѣлано желѣза около 30.000 пуд. Въ заводѣ около 3$^1/_2$ тыс. жит., 2 церкви, изъ которыхъ одна православная, другая единовѣрческая. На С., по обоимъ берегамъ ея и на прав. бер. впадающаго здѣсь Иреня, стоитъ уѣздный городъ Пермской губ. *Кунгуръ*. Кунгуръ былъ основанъ въ 1647 г.; это было укрѣпленное мѣсто (острогъ), постав-

ленный по просьбѣ первыхъ поселенцевъ здѣсь, вышедшихъ изъ Вятки, Чердыни, Соликамска, Кайгородка, Сольвычегодска и Устюга и купившихъ землю у Иренскихъ Татаръ. Только тогда Кунгуръ находился не на Сылвѣ, а на притокѣ Иреня Кунгуркѣ, въ 17 в. отъ нынѣшняго города. Черезъ 15 лѣтъ послѣ основанія, въ 1662 г., Кунгуръ былъ осажденъ, взятъ и разоренъ Башкирами, Татарами, Черемисами и Чувашами; немногіе жители успѣли спастись въ лѣсахъ и пещерахъ. По ихъ просьбѣ въ слѣдующемъ 1663 г. острогъ былъ снова построенъ, но уже на новомъ, нынѣшнемъ, мѣстѣ, гдѣ тогда стояло село *Мысъ*, или *Носовское*. Въ 1673 г. городъ былъ опять перенесенъ, но здѣсь же, по близости, на болѣе возвышенное мѣсто. Крѣпость имѣла видъ четыреугольника, съ бойницами, въ 3 саж. высоты, съ 8 башнями. Въ началѣ нынѣшняго вѣка крѣпость была уничтожена; уцѣлѣла только Преображенская башня на Зарѣчинской сторонѣ. Въ 1771 г. въ Кунгурѣ было 5½ тыс. жит.; менѣе нежели 100 лѣтъ спустя, число жителей слишкомъ удвоилось; т. о. почти 20 лѣтъ тому назадъ въ Кунгурѣ значилось уже около 12 тыс., такъ что теперь число жителей простирается, можетъ быть и до 14 или до 15 тыс., если только Кунгуръ не находится въ условіяхъ той неподвижности нѣкоторыхъ другихъ городовъ, результатомъ которой является иногда даже уменьшеніе числа жителей. Но, конечно, о Кунгурѣ этого нельзя сказать. Въ Кунгурѣ 9 церквей; есть общественный банкъ; болѣе 60 различныхъ заводовъ, изъ которыхъ двѣ трети кожевенныхъ; а за ними слѣдуютъ мыловаренные, свѣчные, мѣдные, фаянсовая фабрика и проч. Производительность всѣхъ этихъ заводовъ оцѣнивается болѣе чѣмъ въ 1.000.000 р. Заводскія произведенія идутъ въ разныя мѣстности Россіи, достигаютъ (какъ напр. сало) до Нижняго и Петербурга; юфть и кожи распродаются въ Оренбургѣ, Ирбитѣ, Вяткѣ и по своимъ качествамъ цѣнятся въ торговлѣ. Купцы торгуютъ чаемъ, получаемымъ изъ Кяхты и отправляемымъ въ города, лежащіе отъ Кунгура до Нижняго и Москвы, затѣмъ—хлѣбомъ, лѣсомъ и прочими различными товарами. По своимъ торговымъ оборотамъ Кунгуръ уступаетъ только Екатеринбургу. Торговля развилась въ немъ, благодаря положенію на Сылвѣ и на почто-

вомъ сибирскомъ трактѣ. Словомъ, Кунгуръ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ восточныхъ русскихъ городовъ, которые выросли и разбогатѣли быстро, оставивъ далеко назади множество старѣйшихъ собратій — захолустныхъ городовъ внутренней Россіи. Только городскіе доходы его не особенно соотвѣтствуютъ значительности промышленнаго города: въ 1862 г. они едва превышали 7.000 р. Прибавимъ еще, что изъ ремеселъ особенно развито въ Кунгурѣ чеботарное, такъ что изъ общаго числа 1.700 ремесленниковъ болѣе 1.300 — сапожники; произведенія свои они сбываютъ на уральскіе горные заводы и на золотые пріиски въ Сибири. Въ городѣ въ году бываютъ 3 ярмарки (по другимъ свѣдѣніямъ 2): 6 Января, 11 Ноября и въ 9-ю Пятницу по Пасхѣ; привозъ на нихъ простирается на сумму до 48.000 р.; значительнѣйшая изъ нихъ послѣдняя, продолжающаяся 15 дней; въ это время въ городъ собирается до 5.000 и болѣе народу по случаю принесенія св. иконъ изъ селъ Кылосова (Крылосова) и Стефановскаго. Съ Кунгурской пристани въ 1871 г. было отправлено товаровъ болѣе 70.000 пуд., главнымъ образомъ сала, а затѣмъ бѣлой глины. Сала, собственно, было отправлено 42.000 пуд.; но въ другіе годы отправляется и значительно больше; такъ въ 1865 году сала было отправлено почти 100.000 пуд.

Въ заключеніе о рѣкѣ Сылвѣ скажемъ, что по ней расположено 125 селеній съ 30.000 жителей.

Сюзьва, правый притокъ Камы, протекаетъ по Оханскому у. Пермской губ. Длина теченія 47 в. Въ 20 в. ниже истока С. на ней стоитъ *Екатерино-Сюзьвенскій* заводъ, изъ пруда котораго по веснамъ производится сплавъ.

Сюнь, лѣвый и вмѣстѣ предпослѣдній притокъ Бѣлой, получаетъ начало въ Белебейскомъ у. Уфимск. губ., выше дер. Нуреевой; течетъ далѣе по границѣ уу. Мензелинскаго и Бирскаго до самаго впаденія въ Бѣлую. Длина С. 200 («180») в.; развитіе бассейна 0,3; шир. отъ 10 до 15 саж. По Сюню расположено 26 селеній съ 11.000 жит.

Таныпъ, правый притокъ Бѣлой; изъ значительныхъ притоковъ это послѣдній ея. Онъ беретъ начало въ Осинскомъ у. Пермской губ. Длину Т. опредѣляютъ въ 200 в.; но въ направленіи наибольшаго протяженія, вверхъ

по Кадалею, измѣреніе по спец. картѣ Россіи даетъ для Т. 250 в. Развитіе бассейна его $0_{,65}$; шир. отъ 10 до 30 саж.; о глубинѣ по однимъ свѣдѣніямъ приходится сказать, что она незначительна, а по другимъ — отъ 1 до 1$^1/_2$ саж. Но, судя по нѣкоторымъ подобнымъ же противорѣчіямъ, слѣдуетъ, кажется, вообще признать, что свѣдѣнія о глубинѣ рѣкъ далеко неосновательны. Теченіе Т. быстро; на спец. картѣ эта рѣка названа *Быстрый Танышъ;* берега открыты, мѣстность ровная, образующая къ устью широкую и болотистую долину. Т. служитъ только для сплава лѣса. По Т. расположено 16 селеній съ 5$^1/_2$ тыс. жителей.

Торъ, или *Тора,* правый и вмѣстѣ послѣдній притокъ Нугуша (а Нугушъ — 14-й притокъ Бѣлой). Длина этой р. 42 в. На Торѣ стоятъ *Верхоторскій* и *Воскресенскій* мѣдеплавильные заводы. Первый основанъ въ 1750 г. На немъ въ 1860 г. было выплавлено около 13.000 пуд. мѣди; жит. болѣе 3.000. Воскресенскій заводъ основанъ въ 1745 г.; на немъ выплявляется ежегодно отъ 10 до 20.000 пуд. мѣди; жит. слишкомъ 3.000.

Тюй, правый притокъ Уфы. Длина его теченія 138 (по другимъ «до 80») в. По Тюю расположено 14 селеній съ 4$^1/_2$ тыс. жит.

Уралка, или, какъ на спец. картѣ Россіи и въ кн. Больш. Черт., *Уролка,* правый притокъ Камы, беретъ начало въ Соликамскомъ у., и, пройдя по немъ верстъ 40, вступаетъ въ у. Чердынскій. Длина теченія У. 124 в.; развитіе бассейна около 0_2; шир. отъ 5 до 14 саж.; глуб. отъ 2$^1/_2$ до 5 фут. У. удобна для сплава дровъ. Въ верховьяхъ рѣки находятся два цѣлительные ключа, вытекающіе изъ сосѣднихъ возвышенностей; лѣтомъ изъ окрестныхъ мѣстъ сюда съѣзжаются больные, которые живутъ здѣсь въ особо устроенныхъ для того избахъ.

Уржумка, правый притокъ Вятки; длина теченія 81 в. На этой р. стоитъ уѣздный гор. Вятской губ. *Уржумъ,* — городъ небольшой, имѣющій всего 2 или 2$^1/_2$ тыс. жит. Въ немъ значится бумагопрядильная фабрика; бываютъ 2 ярмарки, изъ которыхъ на одну, бывающую въ Октябрѣ, въ 60-хъ гг. привозилось товаровъ на 100.000 р.; продавалось на 25.000 р. Городскіе доходы въ то же время исчислялись въ 2.700 р. Время основанія Уржума неизвѣстно; но онъ

существовалъ уже при Иванѣ Грозномъ и упоминается во время похода его на Казань.

Уршакъ, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало въ Стерлитамацкомъ у. Уфимской губ., близь дер. Уршакбашъ, и, направляясь къ сѣверу, служитъ естественною границею между уу. Стерлитамацкимъ и Белебейскимъ; потомъ входитъ въ Уфимскій у., въ которомъ и впадаетъ въ Бѣлую, верстъ за 15 до впаденія Уфы. Длина теченія Уршака 162 в. На У. расположено 28 селеній съ 8.000 жит. Изъ притоковъ Уршака обращаетъ на себя вниманіе р. *Аургазы* горькимъ вкусомъ своей воды.

Уса, правый притокъ Уфы, беретъ начало и протекаетъ съ сѣвера на югъ по Бирскому у. Уфимской губ., далѣе течетъ по Уфимскому у. Длина теченія Усы 79 в. По У. расположено 9 селеній съ 2.000 жит.

Усолка, лѣвый притокъ Камы, протекаетъ по Соликамскому у. Пермской губ. Длину ея теченія опредѣляютъ въ 70 в., но по картѣ не болѣе 45. Усолка не судоходна; но по веснамъ, пользуясь напоромъ воды изъ Камы, подводятъ къ стоящему на Усолкѣ городу Соликамску небольшія суда для нагрузки солью. Выше города по Усолкѣ сплавляютъ дрова. Городъ *Соликамскъ* расположенъ по обоимъ берегамъ Усолки и всего въ 5 в. (по прямому направленію и въ 7 по теченію У.) отъ Камы. Согласно одной лѣтописи начало Соликамску положили солепромышленники Калинниковы. Это было 450 лѣтъ тому назадъ. Сначала они имѣли варницы на р. Боровой (Боровая по нашей таблицѣ 26-й притокъ Камы, а Усолка 27-й); но разсолъ здѣсь былъ не достаточно богатъ солью; тогда Калинниковы стали искать другаго мѣста и поселились на Усолкѣ. Новый поселокъ назывался *Соль-Камская*, а жители *Усольцами;* подъ этимъ именемъ они и существовали въ оффиціальныхъ документахъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. Есть, надо замѣтить, и другое мнѣніе, по которому Соликамскъ возникъ позднѣе лѣтъ на 100 слишкомъ. Послѣ появленія Строгановыхъ въ при-камскомъ краѣ (около 1558 г.), Соликамскъ кромѣ промышленнаго значенія пріобрѣлъ и торговое, такъ какъ въ 1598 г. черезъ городъ былъ открытъ новый трактъ на Верхотурье и въ Сибирь, и въ Со-

ликамскѣ была учреждена таможня; но потомъ, съ уничтоженіемъ таможни, въ половинѣ XVII в., Соликамскъ утратилъ свое торговое значеніе. За время своего существованія Соликамскъ претерпѣлъ нѣсколько бѣдствій. Такъ напр. въ 1581 г. пелымскій князь Кихекъ взялъ и сжегъ городъ; множество жителей было побито; другіе уведены въ плѣнъ. Послѣ этого несчастнаго случая Соликамскъ былъ укрѣпленъ деревяннымъ городомъ съ 4 воротами и 5 башнями. Крѣпость эта сгорѣла въ 1672 г. Потомъ неоднократно (до 8 разъ) городъ страдалъ отъ крайне опустошительныхъ пожаровъ; иногда городъ выгоралъ до тла, и притомъ не всегда, какъ говорится, отъ воли Божьей: въ 1711 г. онъ былъ подожженъ нѣкіимъ усольцемъ Лаптевымъ; онъ былъ открытъ, схваченъ, и его закопали живаго въ землю. Тѣмъ не менѣе городъ каждый разъ поправлялся. Въ 1623 г. въ Соликамскѣ было «посадскихъ всякихъ людей 620, да кромѣ того бобыльскихъ дворовъ 24, нищихъ келій 20, да пустыхъ дворовъ 12, лавокъ 60, мясныхъ полокъ 6, хлѣбныхъ амбаровъ 2, кузницъ 16, харчевень 2, овинъ да солодовня, варницъ соляныхъ 37.» Въ 1770 г. въ Соликамскѣ было уже 1.000 обывательскихъ домовъ, 6 церквей, монастырь, около города обширный съ рѣдкими растеніями садъ Демидова. По свѣдѣніямъ 1867 г. въ Соликамскѣ было 3.950 жит. «Спис. нас. м.» Пермской губ. 1875 г. выставляетъ довольно старую цифру, относящуюся къ 1869 г., именно 3.989 жит. Находясь въ сторонѣ отъ промышленныхъ пунктовъ, въ мѣстности весьма бѣдной произведеніями природы, Соликамскъ т. о. поставленъ въ неблагопріятныя условія для развитія торгово-промышленной дѣятельности; торговля его совершенно ничтожна, если не говорить о вываркѣ соли, которая притомъ сосредоточена въ немногихъ (если только не въ однѣхъ) рукахъ. Минимальное количество вываренной соли приходилось на 1859 г. именно — 120.000 пуд.; среднее же количество съ 1851 до 1861 г. равнялось 220.000 пуд.; затѣмъ количество вывариваемой соли постепенно стало съ каждымъ годомъ увеличиваться; такъ въ 1865 г. было выварено уже 500 тыс. пуд. соли, въ 1866 — 650 тыс. пуд., въ 1867 — 700 т., въ 1868 — 850 тыс. пуд., въ 1869 — 1 милл. пуд. и столько же въ 1871 г. Соль сплавляется въ низовыя гу-

берніи. Ярмарокъ въ Соликамскѣ нѣтъ. Городскіе доходы въ 1870 г. равнялись $6^1/_2$ тыс. руб.

Усолка, правый притокъ Бѣлой, вытекаетъ изъ горы Аюсланъ, течетъ къ СЗ по Стерлитамацкому у. Длина теченія 44 («14») в. *). Въ долинѣ Усолки встрѣчаются соляные ключи. На У. стоитъ *Богоявленскій* мѣдеплавильный заводъ, основанный въ 1752 г. Въ 1855 г. на немъ было выплавлено 14.000 пуд. мѣди, а въ 1860 — 18.000. Здѣсь же, на У., 3 водяныя мельницы; число жит. болѣе 2.700. При впаденіи У. въ Бѣлую стоитъ село *Табынское* (а на картахъ приг. *Табынскъ*). Въ немъ около 2.000 жит.; волостное правленіе; 9 заводовъ (салотоп., свѣчн., сыромятн., маслобойн., красильн., и кирпичн.); еженедѣльные базары; 2 ярмарки: 26 Февраля и въ 9-е Воскресенье по Пасхѣ. Жители занимаются дѣланіемъ посуды и пчеловодствомъ, а также торговлею. На Бѣлой имѣется пристань, извѣстная подъ именемъ *Бѣльской*, на которой въ 1868 г. грузилось около 300.000 пуд. на сумму до 50.000 р. Около Табынска находятся пещеры и есть пригодная на хорошія издѣлія вязкая глина. Время возникновенія села Табынскаго относится къ началу прошлаго вѣка, когда балахнинскіе купцы Осокины завели здѣсь варницы, которыя однако были разрушаемы Башкирами. Другой балахнинскій же купецъ Утятниковъ, имѣвшій здѣсь также варницы, на свой счетъ удерживалъ нападенія Башкиръ и способствовалъ къ поимкѣ разбойниковъ; за это онъ былъ награжденъ правительствомъ, а для защиты отъ Башкиръ въ 1735 г. была построена крѣпость *Табынскъ*.

Уфа, правый притокъ Бѣлой, беретъ начало въ Пермской губ., въ Екатеринбургскомъ у., изъ озера *Уфимскаго* лежащаго на абсолютной высотѣ въ 2.268 фут. Отсюда Уфа держится общаго направленія къ СЗ до Красноуфимска, откуда поворачиваетъ на Ю и ЮЮЗ, слѣдуя этому направленію до самаго впаденія въ Бѣлую; здѣсь Уфа раздѣляется на два рукава, образуя въ своемъ устьѣ большой островъ. Длину теченія Уфы полагаютъ до 600 в.; мы въ

---

*) 44 в. — по направленію наибольшаго протяженія на спец. картѣ Россіи Стрѣльбицкаго; 14 в. даетъ «Сп. насел. м.» Уфимской губ.; а въ Географ. словарѣ говорится въ статьѣ «*Табынское*», что въ 8 — 10 в. отъ устья находятся соляные ключи, которые, соединясь, образовали рч. Усолку.

своей таблицѣ Камскаго бассейна даемъ Уфѣ значительно болѣе, именно 795 в., согласно тѣмъ даннымъ, какія представляютъ карты 10-ти-верстнаго масштаба (спец. карта Россіи Стрѣльбицк.). Развитіе бассейна Уфы по даннымъ той же таблицы выражается цифрою ровно 3,0. Шир. рѣки въ началѣ 20, 30, 40 саж.; а далѣе — по большей части 70—80 саж., но мѣстами достигаетъ 100 и 125 саж.; глуб. отъ 2 арш. до 2 и даже $2^1/_2$ саж. Цвѣтъ воды въ р. Уфѣ замѣтно темнѣе воды р. Бѣлой. Долина справа ровная, слѣва холмистая, благодаря отрогамъ Уральскаго хребта, подходя къ которымъ, Уфа часто образуетъ крутые берега. Уфа считается судоходною отъ Уфалейскаго завода, который стоитъ въ Екатеринбургскомъ у., т. е. еще не вдалекѣ отъ верховья Уфы; но, конечно, судоходство по Уфѣ здѣсь можетъ имѣть мѣсто только весною, тѣмъ болѣе, что даже и въ Уфимской губ., значитъ въ нижней половинѣ теченія, Уфа судоходна только во время прибыли воды. По берегамъ Уфы расположено 50 селеній съ 16.000 жит., не считая городовъ: Уфы и Красноуфимска; съ ними же число жителей по Уфѣ равняется 43.000. Болѣе крупные населенные пункты по Уфѣ слѣдующіе:

1) Верхній *Уфалейскій* заводъ. Онъ, собственно, стоитъ на притокѣ Уфы—Уфалеѣ. Въ немъ 2 кричныя фабрики; 2 церкви, волостное правленіе и 5.500 жителей.

2) Нижній *Уфалейскій*, также при Уфалеѣ при впаденіи его въ Уфу. Здѣсь собственно 3 завода: пудлинговый, желѣзодѣлательный и котельный. Кромѣ того есть мельница; затѣмъ въ заводскомъ селеніи церковь, волостное правленіе; на р. пристань; жителей около 3.000.

3) *Нязепетровскій* (*Ураимскій*) заводъ — желѣзодѣлательный и чугуноплавильный. Онъ также не на самой Уфѣ, но близко къ ней, на ея притокѣ *Нязѣ*. Заводъ основанъ въ 1751 г. На немъ въ 1863 г. было выплавлено болѣе 200.000 пуд. чугуна, выдѣлано кричнаго желѣза 83.000 пуд., шиннаго, рѣзнаго, листоваго и котельнаго около 140.000 пуд., гвоздей 2.000 пуд. и разныхъ желѣзныхъ издѣлій около 3.000 пуд. Въ селеніи 9.000 жит.; 2 церкви, — одна православная, другая единовѣрческая; волостное правленіе.

4) *Шемагинскій* заводъ, или *Сорокинская Пристань*. За-

водъ — желѣзодѣлательный; кромѣ того есть лѣсопильня. 2 церкви, — одна православная, другая единовѣрческая; волостное правленіе. Жителей 2.000.

5) *Уфимская пристань*, деревня. Самое названіе этого пункта говоритъ и о его значеніи. Жителей около 600.

6) *Артинская пристань*. Также самое названіе указываетъ на значеніе этого пункта; но это уже не деревня, а село съ единовѣрческою церковью. Жителей въ немъ около 800.

7) *Красноуфимскъ*, на прав. берегу Уфы. Это одинъ изъ самыхъ молодыхъ русскихъ городовъ. Въ 1736 г. здѣсь была построена Красноуфимская крѣпость для охраны мѣстности отъ набѣговъ Башкиръ. Крѣпость была деревянная съ башнями. Поселенцами крѣпости были люди разнаго званія; изъ нихъ впослѣдствіи образовалось сословіе казаковъ; казаки эти въ 1826 г. были выселены на оренбургскую и новоилецкую линіи. Въ первое время своего существованія Красноуфимскъ былъ центромъ воеводскаго управленія; въ 1871 г. назначенъ уѣзднымъ городомъ Пермской губ. Около этого времени въ немъ было уже 3.000 жит. Съ тѣхъ поръ ростъ города остановился; прошло 100 лѣтъ и въ Красноуфимскѣ значится 3.300 жит. Торговля города ничтожна; заводская промышленность тоже весьма незначительна; есть, напр., 8 или 9 кожевенныхъ заводовъ, и общее производство всѣхъ ихъ оцѣнивается всего 12-ю—15-ю тыс. р. Въ году бываютъ 2 ярмарки: въ лѣтній и зимній Николины дни; привозъ на нихъ въ 1860 г. былъ на 40.000 р. Городскіе доходы для того же времени исчислялись менѣе нежели въ 3.000р.

8) *Уфа* (см. Бѣлая).

Чермасанъ, лѣвый притокъ Бѣлой, беретъ начало въ Белебейскомъ у. Уфимской губ., выше деревни Чепаевой. Длина теченія его 143 («160») в.; развитіе бассейна $0{,}35$; шир. отъ 10 до 30 саж. По берегамъ его расположено 23 селенія съ 8.000 жителей.

Чермосъ, правый притокъ Камы, протекаетъ по Соликамскому у.; образуется сліяніемъ Большаго и Малаго Чермоса; длина теченія 80 в.; шир. при устьѣ до 10 саж.; здѣсь же, на устьѣ, устроена пристань, на которой въ 1871 г. грузилось около 300.000 п. груза, оцѣненнаго въ 300.000 р.

НаЧ. стоятъ заводы: *Екатерининскій* желѣзодѣлательный, основанный въ 1829 г. и теперь находящійся въ бездѣйствіи, и *Чермосскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный, основанный въ 1761 г.; на немъ въ 1870 г. было выплавлено чугуну около 140.000 п. Въ селеніи около 6.000 жит.; 2 церкви, волостное правленіе, становая квартира; кромѣ заводовъ 2 лѣсопильни, 2 мельницы.

Чусовая, лѣвый притокъ Камы. Длина теченія 666 («550») в. У Чусовой 16 притоковъ; а весь бассейнъ ея составляютъ 58 рѣкъ и рѣчекъ имѣющихъ каждая не менѣе 30 в. длины. Развитіе бассейна = 4,416. По берегамъ Чусовой расположено 127 селеній съ 27.000 жит.; для почти 700-верстнаго протяженія Чусовой это, конечно, не много, но еще любопытнѣе, что на всемъ ея протяженіи нѣтъ ни одного города и даже почти ни одного замѣчательнаго селенія. Заводы: *Полевскій*, *Сѣверскій*, *Горношитскій*, *Ревдинскій* и *Шайтанскій* (Екатеринбургскаго у.) — всѣ вблизи Чусовой, но все таки не при ней самой. На самой Чусовой стоятъ:

1) *Билимбаевскій* (Екатеринбургскаго у.) основанный Строгановымъ въ 1730 (по другимъ свѣдѣніямъ въ 1733) г. Собственно два завода: на одномъ промываютъ золото; другой — чугуноплавильный и желѣзодѣлательный. Въ 1870 г. на немъ было выплавлено чугуну около 500.000 пуд. и приготовлено 3.500 п. желѣза. Въ селеніи 3½ тыс. жит.; церковь, волостное правленіе, становая квартира. Пристань на рѣкѣ. Бываетъ 3 торжка.

2) *Уткинскій* (Красноуфимскаго у.), при впаденіи Утки въ Чусовую. Основанъ въ 1729 г. На немъ (вмѣстѣ съ слѣдующимъ заводомъ) въ 1870 г. было выплавлено чугуна около 200.000 пуд. Въ селеніи болѣе 4.000 жит.; 2 церкви — одна православная, другая единовѣрческая; волостное правленіе; на рѣкѣ пристань. Бываетъ 3 торжка.

3) *Шайтанскій* (Красноуфимскаго у.), основанъ въ 1727 году. Въ 1870 г. на немъ было приготовлено около 2.000 пуд. желѣза. Чугуна было выплавлено (вмѣстѣ съ предъидущимъ заводомъ) около 200.000 пуд. Жит. около 2.500. Есть 1 единовѣрческая церковь, волостное правленіе, на рѣкѣ пристань.

4) *Кыновскій* (Кунгурскаго у.), при впаденіи рч. *Кына*

въ Чусовую. Основанъ въ 1762 (по другимъ—въ 1760) г. На немъ въ 1870 г. было выплавлено чугуна около 145.000 пуд. и выдѣлано желѣза слишкомъ 100.000 п. Въ селеніи болѣе 2.000 жит.; 3 церкви, — двѣ православныя и одна единовѣрческая. Становая квартира. На рѣкѣ пристань.

Шабызъ, или *Шибисъ*, правый и вмѣстѣ послѣдній притокъ Бѣлой; протекаетъ по Мензелинскому у. Уфимской губ.; по Шабызу расположено 29 селеній съ 12.000 жит.

Шешма, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ Самарской губ., проходитъ черезъ Мензелинскій у. Уфимской губ., и далѣе течетъ по Чистопольскому у. Казанской губ. Длина теченія Шешмы 234 в.; развитіе бассейна $0,_{46}$; шир. 10, 20—30 саж.; глуб. достигаетъ 1 и даже $1^1/_2$ саж.; теченіе извилистое; берега пологіе; дно песчаное, мѣстами иловатое. Шешма не судоходна и не сплавна. На Шешмѣ между прочихъ многихъ насел. пунктовъ болѣе выдаются пригороды *Новошешминскъ* и *Старошешминскъ*. Въ прежнее время Новошешминскъ имѣлъ значеніе крѣпости; въ прошломъ столѣтіи онъ былъ заселенъ отставными солдатами. Рычковъ, бывшій здѣсь въ 1769 г., нашелъ въ Новошешминскѣ 200 домовъ и деревянную крѣпость на вершинѣ крутой горы. Нынѣ въ пригородѣ около 3.000 жит. 1-го Октября бываетъ ярмарка съ привозомъ на 5, на 6 тыс. р. Въ 4 в. отъ пригорода находится гипсовая гора. Старошешминскъ основанъ въ половинѣ XVII-го вѣка при проведеніи Старой Закамской линіи, шедшей отъ Мензелинска къ Симбирску. Въ Старошешминскѣ теперь слишкомъ 3.000 жит.; 8 Іюля бываетъ ярмарка съ привозомъ на сумму отъ 2 до 6 тыс. р.

Южная Кельтма (см. Кельтма).

Юрезань, лѣвый притокъ Уфы, беретъ начало въ Верхнеуральскомъ у. Оренбургской губ. въ отрогахъ Яманъ-тау, между истоками рр. Б. и М. Инзеровъ; затѣмъ входитъ въ Златоустовскій у. Уфимской губ., имѣя справа отроги горы Иремля, а слѣва—гору Зигальгу; верстъ за 30 до впаденія въ Уфу вступаетъ въ Бирскій у. Длина теченія Юрезани почти 400 в.; ризвитіе бассейна $0,_{56}$. По всему протяженію рѣки идутъ высокія и лѣсистыя горы. Долина съ лѣвой стороны покрыта болотами и почти не заселена. Теченіе Юрезани очень быстро; она течетъ быстрѣе Чу-

совой, и, какъ пишутъ, мѣстами скорость теченія достигаетъ 27 в. въ часъ; но встрѣчаются плеса и очень тихія, гдѣ скорость теченія всего 3 — 4 в. въ часъ; среднее же же полагается отъ 10 до 12 в. Теченіе Ю. весьма извилисто; шир. и глуб. незначительны; русло засорено корчевьемъ и подводными камнями; много также острововъ; отъ Усть-Катавскаго завода до устья, на протяженіи 295 в., насчитываютъ 23 опасныхъ камня и 43 острова. Все это значительно задерживаетъ развитіе судоходства, столь необходимаго для сплава произведеній горныхъ заводовъ, расположенныхъ какъ по самой Ю., такъ и по ея притокамъ. По Ю. расположено 21 селеніе съ 14.000 жит. Изъ притоковъ Ю., не помѣщенныхъ въ таблицѣ, обращаетъ на себя вниманіе ручей *Кургазанъ*, впадающій въ Ю. слѣва (въ Златоустовскомъ у.) съ крутаго утеса; ручей этотъ то исчезаетъ, то снова появляется. На Юрезани въ Златоустовскомъ у. стоитъ *Юрезань-Ивановскій* чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ; здѣсь же есть заводы: салотопенный, мыловаренный и 4 кожевенныхъ; водяная мельница; пристань; волостное правленіе; 1 церковь и 1 раскольничья молельня; жителей 5.000.

Яйва, лѣвый притокъ Камы, беретъ начало въ отрогахъ Уральскаго хребта; течетъ по Соликамскому у. Пермской губ., среди лѣсистой, часто болотистой и мало населенной мѣстности. Длина теченія 275 в.; развитіе бассейна 0,7; по веснамъ по Яйвѣ сплавляютъ лѣсъ и металлы съ горныхъ заводовъ, находящихся въ области ея бассейна. Лѣтомъ Яйва сильно мелѣетъ и даже дѣлается удобопроходимою въ бродъ.

Болѣе замѣчательные населенные пункты по Камѣ.

По самой **Камѣ** расположены слѣдующіе изъ болѣе замѣчательныхъ населенныхъ пунктовъ:

1) *Кай-городокъ*, село Вятской губ. Слободскаго у., на лѣв. бер. К.; около 800 жит. Прежде это былъ городъ *Кай*, основанный въ половинѣ XVI вѣка. Онъ былъ складочнымъ мѣстомъ соли Строгановскихъ заводовъ. Теперь это—бѣд-

ное село, жители котораго исключительно занимаются хлѣбопашествомъ.

2) *Пянтежское* (Пянтегъ), небольшое село Чердынскаго у., на лѣв. бер. К.; въ немъ около 150 жит.; 2 церкви; волостное правленіе. На Камѣ строятся барки.

3) *Соликамскъ*, собственно на рч. *Усолкѣ* (см. Усолка).

4) *Пыскоръ*, село Пермской губ. Соликамскаго у., на прав. бер. К., при впаденіи маленькой рч. Пыскорки. Въ 1558 г. мѣстность этого села Иванъ Грозный отдалъ Григорію Строганову, который, открывъ здѣсь соляной разсолъ, построилъ въ 1560 г. городокъ *Камгортъ*, или *Канкоръ*. Въ 1572 г. Черемисы съ Башкирами напали на Канкоръ и перебили большую часть жителей. Въ ту же пору стоялъ здѣсь *Пыскорскій Преображенскій* монастырь. Гораздо позднѣе (уже въ 1755 г.) монастырь былъ переведенъ на Лысву; потомъ, лѣтъ черезъ 5, въ Соликамскъ, и наконецъ, въ 1781 г.,—въ Пермь. Т. о. на устьѣ Пыскорки не стало ни Канкора, ни Пыскорскаго монастыря; но поселеніе существовало и даже считалось городомъ *Пыскоромъ* *). Здѣсь съ 1640 г. до 1820 г. существовалъ мѣдеплавильный заводъ. Нынѣ въ Пыскорѣ около 1.000 жит.; церковь; волостное правленіе.

5) *Дедюхинъ*, заштатный городъ, версты 3 ниже предъидущаго села, но на лѣв. бер. К. Земля, на которой стоитъ Дедюхинъ, въ XVII столѣтіи принадлежала Строганову; онъ подарилъ ее основателямъ Пыскорскаго монастыря, которые основали здѣсь Дедюхинскій солеваренный заводъ; около завода возникло мало по малу селеніе. Въ 1764 г. заводъ вмѣстѣ со всѣми землями былъ отнятъ у монастыря и переданъ въ вѣдѣніе соликамской воеводской канцеляріи. Въ 1805 г. заводъ былъ переименованъ въ горный городъ *Дедюхинъ*. По свѣдѣніямъ 1860 г. въ Дедюхинѣ было почти 4.000 жит.; а по свѣдѣніямъ 1869 г.—съ небольшимъ 3.000. Въ городѣ 5 солеваренныхъ заводовъ. На пристани въ 1871 году грузилось соли почти 2.000.000 пуд. Среднее количество ежегодно вывариваемой соли можно положить въ $1^1/_2$ милліона пудовъ.

---

*) Книга Больш. Чертежа с. 150.

6) *Новое Усолье*, очень большое село, немного пониже Дедюхина, на прав. бер. К. Въ селѣ около 8.000 жит.; 4 церкви, 4 часовни; волостное правленіе, становая квартира; 5 солеваренныхъ заводовъ, на которыхъ ежегодно вываривается 3, $3^1/_2$ и до 4 милліоновъ пуд. соли. Начало соляному промыслу здѣсь было положено Строгановыми. Именно, послѣ Камгорта они основали черезъ 6 лѣтъ *Орловскіе* соляные промыслы и при нихъ городокъ Кергеданъ, верстъ 20 ниже Камгорта; промыслы эти существовали здѣсь лѣтъ 60; но, по случаю поврежденія варницъ весеннимъ водопольемъ Камы, были оставлены и основаны, верстъ 10 выше, новые подъ именемъ *Новаго Усолья.* Но на мѣстѣ Орловскихъ промысловъ все таки осталось селеніе —

7) *Орелъ-городокъ*, село на прав. бер. К. Въ немъ около 800 жит.

8) *Пожевской* заводъ (см. Пожва).

9) *Чермосскій* заводъ (см. Чермосъ).

10) *Слудское*, село Пермскаго у., на прав. бер. Камы; около 1.000 жит. Въ селѣ 6 хлѣбныхъ магазиновъ.

11. *Добрянскій* желѣзодѣлательный заводъ въ Пермскомъ у., на лѣвой сторонѣ Камы, близь впаденія рч. *Добрянки.* Основанъ въ 1752 г. Прежде на немъ плавилась мѣдная руда, но съ истощеніемъ Яйво-романовскихъ рудниковъ заведено желѣзное производство. Въ 1870 г. было выдѣлано желѣза болѣе 300.000 пуд. Въ селеніи около 4.000 жит.; 2 церкви, часовня, ярмарка.

12) *Хохловскій* желѣзодѣлательный заводъ Оханскаго у. на прав. бер. К., при впаденіи маленькой рч. *Хохловки.* Заводъ основанъ въ 1754 г. Въ селеніи около 800 жит.; церковь; волостное правленіе.

13) *Мотовилихинскій* заводъ, на лѣв. бер. К. при впаденіи рч. *Мотовилихи,* близь Перми. Основанъ въ 1736 г. Это былъ заводъ мѣдеплавильный; но въ недавнее время (1864 г.) по причинѣ истощенія рудъ плавленіе мѣди прекращено и устроены заводы стально-пушечный и чугунно-пушечный. Жит. въ селеніи около 9.000; церковь; волостное правленіе.

14) *Пермь,* губернскій городъ на лѣв. бер. Камы. Въ числѣ многихъ другихъ пунктовъ Пермь также ведетъ свое

начало отъ Строгановыхъ, но затѣмъ и отъ Петра Великаго. Въ 1568 г. мѣсто, на которомъ стоитъ Пермь, было отдано Якову Аникіевичу Строганову, который, какъ полагаютъ, тогда же завелъ здѣсь поселеніе, извѣстное подъ именемъ деревни *Брюхановой.* Но деревня эта такъ и до нынѣ осталась бы деревнею, если бы здѣсь не возникъ по волѣ Петра Великаго заводъ. Во время Полтавской битвы въ числѣ многихъ другихъ плѣнныхъ былъ нѣкто капитанъ Берменъ. Петръ Великій воспользовался имъ и велѣлъ ему заняться постройкою мѣдеплавильнаго завода на берегу маленькой рч. *Ягожихи,* близъ деревни Брюхановой. Такъ возникъ *Ягожихинскій* заводъ. Изъ многихъ предъидущихъ очерковъ, или замѣтокъ, читатель могъ видѣть, что такіе промышленные пункты, какъ заводы, обладаютъ по отношенію къ населенію еще большею притягательною силою, нежели какою обладали монастыри въ древнее время. Ягожихинскій заводъ тѣмъ болѣе не могъ составить исключенія, что, во 1-хъ, онъ имѣлъ своимъ основателемъ такого человѣка, какъ Петръ; во 2-хъ, онъ уже имѣлъ близь себя населенный пунктъ; а въ 3-хъ, находился на самой Камѣ. Т. о. поселеніе росло; въ 1757 г. заводъ былъ пожалованъ Елизаветою Петровною графу Воронцову; но затѣмъ въ 1780 г. снова пріобрѣтенъ казною, какъ мѣсто удобное для учрежденія города. Въ слѣдующемъ 1781 г. поселеніе преобразовалось въ городъ, которому дано было старинное имя всей здѣшней страны — *Пермь.* Съ этихъ поръ городъ сталъ рости еще быстрѣе, такъ что уже въ 1793 г. состоялъ изъ 900 домовъ и имѣлъ 3 церкви. Въ 1865 г. въ Перми значилось уже слишкомъ 20.000 жит., а всего нѣсколько лѣтъ спустя (по свѣдѣніямъ 1869 г.) въ ней уже было почти 30.000 жит., 11 церквей и различныя учрежденія и зданія, какими обладаетъ вообще всякій губернскій городъ. А публичныхъ библіотекъ даже значится *двѣ,* тогда какъ другіе губернскіе города, кромѣ, конечно, университетскихъ, даже такіе, какъ Нижній, имѣютъ по одной, иногда еле-еле существующей. Заводовъ и фабрикъ въ Перми около 30; производительность ихъ оцѣнивается слишкомъ въ 500.000 р. Особенно важное значеніе имѣетъ Пермь, какъ значительный складочный пунктъ для товаровъ, идущихъ изъ Азіи въ Россію и обратно. На

Пермской пристани ежегодно грузится до 1.200.000 пуд. на сумму до $5^1/_2$ милл. р.; а разгружается около $^1/_2$ милл. пуд. — на 2, на 3 милл. р. Городскіе доходы Перми для 60-хъ гг. исчислялись въ 25.000 р. Въ теченіе года въ Перми бываетъ 3 ярмарки: 1) съ 29 Іюня по 3 Іюля, 2) съ 20 по 23 Сентября и 3) съ 24 по 28 Ноября. Впрочемъ, на послѣднюю ярмарку съѣзда не бываетъ. На каждую изъ первыхъ двухъ привозится товаровъ на сумму 25—30 тыс. руб.; продается тысячъ на 5.

15) *Оханскъ*, уѣздный городъ Пермской губ., на прав. возвышенномъ и обрывистомъ берегу К. До учрежденія Пермскаго намѣстничества въ 1781 г. это было село *Охань* или *Оханное*, основанное не ранѣе начала XVII в. Строгановыми въ цѣляхъ рыбной ловли по Камѣ, откуда и самое названіе села, а теперь города: *охань* на языкѣ Пермяковъ означаетъ сѣть. Оханскъ — очень маленькій городокъ, скорѣе похожій на село; въ немъ, по свѣдѣніямъ 1869 г., было менѣе $1^1/_2$ тыс. жит. Никакихъ достопримѣчательностей пе представляетъ. На пристани его въ 1871 году грузилось 31 судно грузомъ въ 660.000 п. на сумму въ 360.000 р. Въ Оханскѣ бываетъ 2 ярмарки: съ 25 Сентября по 1 Октября и съ 15 по 22 Ноября съ привозомъ на обѣ на 10 — 17 тыс. р. Городскіе доходы едва превышаютъ 2.000 р.

16) *Оса*, уѣздный городъ Пермской губ., собственно при рч. Осинкѣ, по обоимъ ея берегамъ, близь впаденія въ Каму. На мѣстѣ Осы впервые появились поселенцы во время Ивана Грознаго. Онъ прислалъ новопоселенцамъ икону св. Николая Чудотворца, отчего и слобода получила названіе *Новоникольской*. Въ 1596 г. сюда переселилось 84 человѣка изъ Калуги, Устюга, Усолья и Кайгорода. Потомъ Оса сдѣлалась пригородомъ Казани, а послѣ (въ 1737 г.) отчислена къ Уфимской провинціи и съ этого времени имѣла значеніе укрѣпленнаго наблюдательнаго поста за Башкирами. Укрѣпленіе состояло изъ деревяннаго зáмка, въ которомъ помѣщались церковь, воеводскій домъ и канцелярія. Въ 1781 г. Оса сдѣлана уѣзднымъ городомъ. Жителей въ Осѣ около $2^1/_2$ тыс. Заводская и промышленная дѣятельность города не значительны. Объ отпускной торговлѣ можно судить по количеству грузив-

шихся товоровъ на пристани: въ 1865 г. грузилось товаровъ 530.000 пуд. на сумму около 380.000 р., именно: льнянаго сѣмени около 200.000 пуд., льна 15.000 п., лѣсныхъ издѣлій на 120.000 р. и пр. Количество грузовъ увеличилось къ 1871 г., когда на Осинской пристани грузилось болѣе 1 милліона пуд. на сумму около 530.000 р. Въ городѣ бываютъ 2 ярмарки: 14 Сентября и съ 6 по 16 Декабря; впрочемъ, на первую ярмарку съѣзда не бываетъ, а на вторую привозится товаровъ тысячъ на 30, на 60. Городскіе доходы отъ $2^1/_2$ до 3 тыс. р.

16) *Ерзовка*, село Оханскаго у. съ 800 жит. Пристань.

17) *Нижнерождественскій* желѣзодѣлат. заводъ, Оханскаго у., на правой сторонѣ К. при рч. *Ножевкѣ*, близь ея впаденія въ К. Жителей съ небольшимъ 100 челов., основанъ въ 1740 г. Выше этого завода стоитъ основанный тогда же *Среднерождественскій*, а еще выше (по той же рч.) — *Верхнерождественскій* з., основанный въ 1798 г. Въ послѣднемъ около 1.000 жит.; а въ Среднерождественскомъ около 3.500, церковь и волостное правленіе. На этихъ заводахъ въ 1870 г. было выдѣлано желѣза слишкомъ 30.000 пуд., которое и грузится на имѣющейся на Камѣ пристани.

18) *Степановское* (на картѣ ошибочно *Степаново*), село Оханскаго у., на прав. бер. К., на осинско-воткинской дорогѣ. Около 600 жит. Почтовая станція.

19) *Усть-Рѣчинская* пристань, Оханскаго у.; на ней въ 1871 г. грузилось около 90.000 пуд. желѣза.

20) *Паздеры*, село Сарапульскаго у. на прав. бер. Камы. Около 1.000 жит.

21) *Гольяны*, село Сарапульскаго у., на прав. бер. Камы. Около 900 жит. Пристань.

22) *Яромаска*, село Сарапульскаго у., на прав. бер. К. Около 700 жит.

23) *Сарапулъ* (говорятъ и *Сарапуль*), на прав. бер. К. и при р. *Сарапулкѣ*. О возниковеніи его мы уже говорили прежде. Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ не только Вятской губ., но и вообще изъ русскихъ городовъ. Въ послѣднее время все настойчивѣе ходятъ слухи, проникающіе и въ печать, что Сарапулъ настоятельно требуется условіями мѣстной жизни сдѣлать центромъ

особой Сарапульской губ. Въ настоящее время въ Сарапулѣ около 8.000 жит.; 5 — 6 церквей; публичная библіотека (съ 1834 г.); 20 заводовъ; изъ которыхъ большая часть кожевенные; на нихъ приготовляется разныхъ кожъ на сумму до 300.000 р.; производительность остальныхъ заводовъ оцѣнивается слишкомъ во 100.000 р. Торговля ведется преимущественно хлѣбомъ, льнянымъ сѣменемъ, кожами, саломъ, щетиною, лѣсомъ и лѣсными издѣліями. На пристани Сарапульской грузилось въ 70-хъ гг. около 12 милл. пуд., на сумму отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ милл. р. Изъ ремеселъ въ Сарапулѣ особенно развито сапожное; въ 70-хъ гг. здѣсь считалось до 400 башмачниковъ, человѣкъ 60 рукавичниковъ и перчаточниковъ и до 1.400 сапожниковъ; сапожнаго, башмачнаго и перчаточнаго товара приготовлялось на сумму до 250.000 р. Въ городѣ учреждена съ 15 по 25 Декабря ярмарка, но съѣзда на нее не бываетъ. Городскіе доходы простираются до 12.000 р.

24) При устьѣ р., гдѣ стоитъ Сарапулъ, расположена большая деревня (съ часовнею)— *Усть-Сарапулка.* Въ ней около 700 жит.

25) *Камбарскій* заводъ (см. Камбарка).

26) *Березовка* (Никольское), село Уфимской губ. Бирскаго у., на лѣв. бер. К. 600 жит. Пристань. Ярмарка съ 6 по 9 Декабря. Жители занимаются торговлею, пчеловодствомъ и тканьемъ кулей.

27) *Галаново,* село Сарапульскаго у., на прав. бер. К. Около 1.500 жит.

28) *Вятское* (Машкара), село Сарапульскаго у., на прав. бер. К. и при ррч. *Буторихѣ* и *Сенихѣ.* Около 2.000 жит. Пристань. 13 мельницъ.

29) *Каракулино,* село Сарапульскаго у., на прав. бер. К. при впаденіи рч. *Каракулинки.* Рычковъ, бывшій въ томъ селѣ въ 1769 г., упоминаетъ о находившемся здѣсь на высокой горѣ укрѣпленіи изъ деревянныхъ стѣнъ съ башнями. Жителей въ селѣ до 3.500; они занимаются торговлею и промыслами, — извозомъ, нагрузкою судовъ. На Каракулинской пристани въ 60-хъ гг. грузилось около 25.000 пуд. хлѣба. Въ селѣ 2 церкви; становая квартира, удѣльный приказъ; есть 1 маслобойное заведеніе, 14 мельницъ. Въ Сборное Воскресенье бываетъ десятидневная ярмарка. По

Воскресеньямъ базары, особенно важные въ зимнее время: тогда на нихъ съѣзжается до 1.000 чел. народу, и оборотъ каждаго базара простирается отъ 1 до $2^1/_2$ тыс. р.

30) *Колесниково*, село Сарапульскаго у., на прав. бер. К. Жит. болѣе $2^1/_2$ тыс. Пристань, на которой въ 1861 г. грузилось травяной золы 700 пуд.

31) *Чеганда*, село Сарапульскаго у., на прав. бер. К., противъ устья Бѣлой. Около 1.600 жит. Пристань. 9 мельницъ.

32) *Пьяный Боръ* (Старый Пьяный Боръ), село Уфимской губ. Мензелинскаго у. на лѣв. бер. К. и при оз. *Прости*. Около $1^1/_2$ тыс. жит. Пристань. Жители занимаются пчеловодствомъ, красильнымъ и кузнечнымъ производствами.

33) *Пьяный Боръ* (Новый Пьяный Боръ), село Вятской губ. Елабужскаго у., на прав. бер. К. Слишкомъ 2.000 ж. Пристань. Ярмарка трехдневная.

34) *Ицкое Устье* (пишутъ однако Итское Устье и Икское Устье), село Елабужскаго у., на высокомъ прав. бер. К., противъ устья *Ика*. Оно основано въ прошломъ столѣтіи костромскими выходцами. Теперь въ селѣ около 1.000 ж. Бываютъ еженедѣльные базары и торжки 2 Февраля и 28 Іюля. Близь села находится песчаная гора; добываемые изъ нея песокъ и глина употребляются на выдѣлку кирпича, отличающагося своею огнеупорностью. Нѣкоторые жители села занимаются рыбною ловлею въ Камѣ и Икѣ, гдѣ ловятся весною севрюги, осетры, стерляди и прочая рыба на сумму до 2.000 р. Зажиточные крестьяне занимаются красильнымъ промысломъ. На Камѣ — пристань съ амбарами для склада товаровъ. Въ нач. 60-хъ гг. здѣсь грузилось до 75.000 пуд. хлѣба, сала, желѣза и проч.

35) *Мысовые Челны*, село Уфимской губ. Мензелинскаго у., на лѣв. бер. К. Въ немъ слишкомъ 2,000 жит. Бываютъ 3 ярмарки: 1 Января, 2 Іюня и 20 Іюля. Есть 5 водяныхъ мельницъ. Въ селѣ волостное правленіе.

36) *Бережные Челны*, село рядомъ съ предъидущимъ. Жителей болѣе 700. Пристань. Еженедѣльные базары; 3 ярмарки: съ 9 по 16 Мая, съ 27 по 30 Сентября и съ 6 по 9 Декабря. Въ селѣ становая квартира.

37) *Бетьки*, село Уфимской губ. Мензелинскаго у., на лѣв. бер. К. и при рч. *Бетькѣ*. 2.000 жит. Заводъ красиль-

ный; 3 водяныя мельницы. Еженедѣльные базары. Пристань. Волостное правленіе.

38) *Елабуга*, уѣздный городъ Вятской губ. при р. *Тоймѣ*, въ 6 верстахъ отъ впаденія ея въ К., близь урочища, называемаго *Чертовымъ Городищемъ*. Въ «Книгѣ Большому Чертежу» говорится: «А ниже Ика рѣки 40 верстъ, на рѣкѣ на Камѣ городище *Чортово*». Въ болѣе позднемъ изданіи описанія древней карты, съ современными дополненіями, къ этимъ словамъ прибавлено: «градъ Чортовъ, *Алабуга* тожь». Т. о. можно съ увѣренностью сказать, что въ XV вѣкѣ Елабуги еще не было. Существуетъ преданіе, что Иванъ Грозный, проѣзжая Камою, послѣ взятія Казани, заболѣлъ близь Чортова Городища, и послѣ велѣлъ поставить здѣсь монастырь. Съ теченіемъ времени около монастыря возникла слобода. Она называлась *Трехсвятская*. Неизвѣстно, долго ли держалось это названіе; только въ концѣ XVII вѣка село было уже извѣстно подъ именемъ Елабуги, или Алабуги. Въ 1780 г. Елабуга была сдѣлана городомъ. Теперь въ Елабугѣ около 6.000 жит. Заводская промышленность мало развита. Жители въ большомъ количествѣ разводятъ лукъ, вывозимый въ другіе города. Торговля внутренняя и отпускная весьма значительна, такъ что весь торговый оборотъ купечества опредѣляется цифрою до 2 милліоновъ р. Но городскіе доходы не вполнѣ отвѣчаютъ столь богатому пункту и едва достигаютъ 5.000 р.

39) *Танайка*, село Елабужскаго у., на прав. бер. Камы, собственно при рч. Танайкѣ, близь ея впаденія въ Каму. Около $2^1/_2$ тыс. жит.

40) *Котловка*, село Елабужскаго у., на прав. бер. Камы. Болѣе 2.000 жит. Бываютъ еженедѣльные базары и торжки 6 Января и 20 Іюля. Пристань, на которой, по свѣдѣніямъ 60-хъ гг., грузилось до 80.000 пуд. преимущественно хлѣба.

41) *Свиныя Горы*, село Елабужскаго у., на прав. бер. К. Болѣе $1^1/_2$ тыс. жит. Торжокъ 25 Декабря. Пристань, съ которой отпускается лѣсу и лѣсныхъ издѣлій руб. на 500.

42) *Сокольи Горы*, село Казанской губ. Мамадышскаго у. Около 1.300 жит.

43) *Поповка*, или *Уратьма*, село Казанской губ. Чисто-

польскаго у. Собственно не при самой Камѣ, а на рч. *Уратьмѣ*, близь вступленія ея въ камскую пойму. Около 900 жит.

44) *Полянки*, село Чистопольскаго у., на лѣв. бер. К. Около 1.300 жит.

45) *Пеньки* (*Покровское*), село Казанской губ. Мамадышскаго у., на прав. бер. К. 2.000 жит.

46) *Сарсасы*, село Чистопольскаго у., на лѣвой сторонѣ К., близь ея поймы, при маленькой рч. Сарсаскѣ. 1.300 жителей.

47) *Булдырь*, село Чистопольскаго у., на лѣвой сторонѣ К., при Прости. Болѣе $1^1/_2$ тыс. жит.

48) *Зміево Городище*, село Чистопольскаго у., при ручьѣ Ерыклѣ близь его впаденія въ Прость. Болѣе 1.000 жит. Близь села находятся валы и слѣды древнихъ укрѣпленій. По дорогѣ въ Чистополь, на берегу Прости, есть такъ называемый *Зміевъ Камень*, состоящій изъ сѣраго песчаника и лежащій въ грудѣ другихъ, меньшихъ камней. Онъ имѣетъ 3 сажени въ поперечникѣ; на верхнемъ концѣ и на бокахъ его находятся по два овальныхъ знака, сдѣланныхъ искусственно въ давнее время. Камень этотъ извѣстенъ изстари, и въ казанскихъ лѣтописяхъ XVI вѣка упоминается о немъ: «Веде съ собою (Новгородцы) болѣе 1.000 рыболововъ московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до Зміева камня.»

49) *Чистополь*, или *Чистое Поле*, уѣздный городъ Казанской губ., на лѣв. бер. К., у впаденія Прости. Когда возникъ Чистополь — неизвѣстно; но, вѣроятно, недавно; если только на мѣстѣ его не было поселенія еще до завоеванія Казанскаго царства. Извѣстно, что близь нынѣшняго Чистополя стоялъ въ древности болгарскій городъ Жукотинъ. Но была ли какая нибудь историческая преемственная связь между древнимъ болгарскимъ городомъ и Чистополемъ,—никто, кажется, не знаетъ. Но, можетъ быть, вѣроятнѣе предположить, что старинный болгарскій городъ не имѣетъ никакого отношенія къ Чистополю. Въ прошломъ столѣтіи здѣсь было поселеніе, составившееся изъ разнаго рода пришельцевъ и преимущественно изъ крѣпостныхъ, спасавшихся отъ помѣщиковъ. Около половины прошлаго столѣтія бѣглецы были высланы от-

сюда, и съ этого будто бы времени мѣсто здѣшнее стало называться Чистымъ Полемъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь продолжали селиться. Въ 1781 г. село Чистое Поле было преобразовано въ городъ, который сталъ быстро рости и богатѣть, благодаря выгодному положенію на Камѣ и при затонѣ Прости. Теперь въ Чистополѣ считаютъ 13.000 жит.; 3 церкви и 1 мечеть. 1 фабрика бумагопрядильная съ производствомъ, по свѣдѣніямъ начала 60-хъ гг., на 130.000 р., 15 заводовъ, общее производство которыхъ въ то же время оцѣнивалось во 150.000 р. Бумагопрядильная фабрика значилась и въ 1866 г., но въ свѣдѣніяхъ 1868 г. ея уже не значится; а заводовъ числится 28 съ производствомъ на 620.000 р. Торговля Чистополя очень значительна, и обороты ея оцѣниваются суммою до 3.600.000 р. На Чистопольской пристани въ 1868 г. грузилось хлѣба, льнянаго сѣмени, спирту, патоки, шерсти и прочихъ товаровъ на сумму до $1^1/_2$ милліона р. Въ городѣ бываютъ 2 ярмарки: *Казанская* съ 8 по 18 Іюля и *Никольская* съ 6 по 16 Декабря. На каждую изъ нихъ привозится на 70, на 75 тыс. р. и приблизительно на половину этой суммы продается. Говоря сравнительно, Чистополь богаче всѣхъ прикамскихъ уѣздныхъ городовъ. Городскіе доходы Чистополя исчислялись въ 60-хъ гг. почти въ 30.000 р. Т. о. въ этомъ отношеніи Чистополь равняется съ Пермью, Тверью, Тамбовомъ, Новгородомъ, Уфою и др. и превосходитъ Вятку, Псковъ, Рязань, Владиміръ и др. *).

50) *Жукотино*, или *Савинъ Городокъ*, село Чистопольскаго у., на лѣв. бер. К., на мѣстѣ древняго болгарскаго города Жукотина. Около 900 жит.

51) *Кубасъ*, село Чистопольскаго у., на лѣв. бер. Камы. Слишкомъ 1.000 жит.

52) *Саканы*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. Камы. Около 700 жит.

53) *Урай* (*Троицкій монастырь*, на картѣ *Урайтроицкое*), село Лаишевскаго у., на прав. бер. К. Болѣе 1.500 жит.

54) *Рыбная Слобода*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. К. Первыми поселенцами ея, какъ думаютъ, были рыбаки, доставлявшіе къ царскому двору рыбу. Въ концѣ XVI в.,

*) Говоримъ это, основываясь на данныхъ «Статистическаго Временника» 1866.

при Борисѣ Годуновѣ, здѣсь селились изъ дворцовыхъ селъ ремесленники, а позднѣе рыбаки, обязанные ловить рыбу на государя. Въ XVII в. здѣсь былъ городокъ для охраненія границъ отъ Башкиръ и Ногайцевъ. Нынѣ въ слободѣ около 2½ тыс. жит. Еженедѣльные базары, на которые привозится въ большихъ количествахъ хлѣбъ, такъ что Рыбная Слобода представляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ хлѣбныхъ рынковъ въ уѣздѣ. Жители, по недостатку земли, хлѣбопашествомъ почти не занимаются, а ведутъ торговлю и занимаются промыслами. На К. пристань, съ которой въ 1865 г. отпускалось болѣе 30.000 п. на сумму до 15.000 р.

55) *Масловка*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. Камы. Около 1.000 жит.

56) *Лебяжье*, село Лаишевскаго у., въ луговой сторонѣ К., при камскомъ протокѣ Лебяжьемъ. Слишкомъ 800 ж.

57) *Алексѣевское*, или *Киркуль*, село Лаишевскаго у., въ луговой сторонѣ К., при озерѣ Никольскомъ и на дорогѣ изъ Лаишева въ Бугульму. Около 3½ тыс. жит. Почтовая станція. Хлѣбная пристань весною. Еженедѣльные базары. Фабрика солдатскаго сукна. Заводъ испанскихъ овецъ *).

58) *Мурзиха*, деревня Лаишевскаго у., на лѣв. бер. К. Болѣе 800 жит. Конный заводъ.

59) *Шуранъ*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. К. и на одной дорогѣ съ предъидущими двумя селеніями. Около 700 жит. Почтовая станція. Еженедѣльные базары. Становая квартира.

60) *Полянки*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. К. и при рч. *Шуранкѣ*. 300 жит. Пристань, на которой по свѣдѣніямъ начала 60-хъ гг. грузилось до 250.000 пуд., преимущественно хлѣба.

61) *Лаишевъ*, уѣздный городъ Казанской губ., на возвышенномъ прав. бер. К., которая однако лѣтомъ отходитъ отъ города почти на версту. Первоначальное возникновеніе здѣсь населеннаго пункта относится, можетъ быть, ко времени паденія Булгарскаго царства. Городъ же построенъ при Иванѣ Грозномъ въ 1557 г. и былъ заселенъ стрѣльцами. Въ 1761 г. въ немъ еще существовали 6

*) Этого завода однако не значится въ «Сп. насел. м.» Казанской губ.

деревянныхъ ветхихъ башенъ съ 9 чугунными пушками. Въ Лаишевѣ около 4.000 жит. (а по календарнымъ свѣдѣніямъ даже около 5.000). Городъ, во всѣхъ отношеніяхъ незначительный самъ по себѣ, дѣлается извѣстнымъ по пристани, на которой перегружаются и перепродаются товары, именно: желѣзо, чугунъ и мѣдь, идущіе съ верху К. Въ началѣ 60-хъ гг. здѣсь перегружалось свыше 600.000 пуд.; а затѣмъ въ 70-хъ гг.—свыше 7.000.000 пуд. Городскіе доходы Лаишева съ небольшимъ 3.000 р.

62) *Мансурово*, село Лаишевскаго у., на прав. бер. К. Болѣе 1.500 жит.

63) *Епанчино*, деревня Лаишевскаго у., на прав. бер К. Около 700 жит. Почтовая станція (на дорогѣ изъ Казани въ Спасскъ и Тетюши).

64) *Атабаево*, или *Табаево*, село (съ мечетью) Лаишевскаго у., на прав. бер. К., послѣднее селеніе на ней. 500 жителей.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

населенныхъ пунктовъ по Волгѣ въ НИЖЕГОРОДСКОЙ губерніи.

Примѣчанія: 1) Названія уѣздовъ означены такъ: Б. — Балахнинскій, В. — Васильсурскій, М. — Макарьевскій, Н. — Нижегородскій, С. — Семеновскій.

2) То же, что и для списковъ въ I томѣ.

3) Списокъ этотъ составленъ по свѣдѣніямъ 1859 г., помѣщеннымъ въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ Нижегородской губерніи" 1863 г. Свѣдѣнія же о числѣ жит. въ городахъ взяты и изъ „Сп. нас. м. Ниж. губ." (верхнее число) и изъ календаря за 1878 г. (нижнее число).

4) Селенія, стоящія по окраинѣ волжской долины и вообще селенія ближайшія къ Волгѣ, хотя бы и не прямо при ней стоящія, причислены къ приволжскимъ.

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
А.		
Андроново, Б.	9	68
Архипиха, В.	17	89
Афонина, Н.	25	185
Б.		
Бакунино Б.	32	169
Балахна.	658	3876 / 3905
Бармино, М. †	72	432
Бахмутъ, М.	20	144
Бебрюхово, Б.	41	243
Безводное, Н. †	335	2313
Бесѣды, В.	9	42
Блаженцово, Б.	17	95
Богомолово, М.	46	358
Богоявленье (см. Собщино)	—	—
Борокъ, М.	92	453
Боръ, С. † (а съ Кононовымъ 468—2619)	309	1646
Буйны, В.	7	40
Бурково, Б.	9	23
Бурнакино (Шуровино), Б.	7	60
Бурнаковка, Б.	66	423
Бурнакова, С.	18	85
Быковка, В.	61	402
Бѣловская, Б.	13	80
Бѣлозериха, М.	8	80
В.		
Ваганьково, С.	82	442
Валки, М.	89	566
Варя, Б.	16	83
Василёва Слобода, Б. †	92	579
Василь-Сурскъ	432	2568 / 2507
Ва̀тома, С.	49	229
Ва̀тома (см. Рожново)	—	—
Вашкино, Б.	18	92
Вашурово, Б.	10	61
Великій Врагъ, Н. †	46	263
Великовское, М. †	128	723
Ветелево (Никола-Ветелево) Б. †	8	33
Вздеринога (Вздеренина), С.	28	159
Воняты, Б.	14	121

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Воротынецъ, В. †	242	1858
Выползово, В.	16	100
Высоково, Б.	83	613
Вѣнецъ, М.	135	894
Вѣтчакъ, Н.	38	293
Вязилки, М.	42	240
Г.		
Глѣбцево, Б.	11	48
Голошубиха, М.	36	304
Гордѣева, Б.	19	109
Гордѣевка, Б. †	83	458
Городецъ (Верхняя Слобода, Большая Слобода), Б. †	830	3395
Губцово, Б.	23	157
Гувнищи, Б.	12	80
Д.		
Дарьино, Б.	31	269
Дегтяриха, Б.	5	35
Дружинино, Б.	14	84
Е.		
Елхова, С.	8	41
Ельня Большая, Н. †	103	566
Ельня Малая (Еленка) Н.	37	304
Ж.		
Желтухино (Желтуха) Б	14	91
Жуковская, М.	42	259
З.		
Заборово, Б.	11	33
Заборье, С.	29	163
Заломаево, В.	25	150
Зимёнки, Н.	27	176
Зманово, Б.	14	63
Зорино, Б.	10	50
И.		
Иваново, Б.	13	95
Ивановская (Ивановка), Б.	16	62
Исады, М. †	93	627
Искорино, Б.	5	22
К.		
Кадницы, М. †	153	1887
Калганово, Б.	29	227
Каменки, М. †	120	1041
Каплино, Б.	2	22

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Карабатово, Н.	47	356
Кастихино, Б.	9	37
Кербатово Б., Б.	11	49
Кербатово М., Б.	22	89
Климотино, Б.	18	107
Княжиха, Б.	67	567
Ковино Б., Б. †	219	1685
Ковино М., Б.	62	460
Кононово, С. †	159	973
(считается за одно съ Боромъ).		
Конышево, Б.	7	30
Комариха, М.	30	224
Копенное, Б.	7	45
Копосово, Б. †	180	1200
Кораблево, Б.	6	36
Коротайка, Б.	95	246
Костенево, Б.	27	206
Котельницы, Б.	7	32
Кочергино, Б.	13	80
Кошелевка, Н.	28	203
Красногорка С.	23	144
Красный Яръ верхній М.	15	72
Красный Яръ нижній, М.	87	445
Кременки, Н.	80	528
Кріуши, В. †	135	834
Кстово, Н. †	69	376
Кубенцево, Б. †	95	1452
Кувардино, М.	31	184
Куземино, С.	12	40
Кузнецово, Б.	18	110
Кузминка (Кузминъ Врагъ), Н.	48	351
Кулаево, Б.	25	137
Кулаковская Слобода, Б.	40	160
Курза, Б.	10	86
Курмышъ, Б.	8	63
Л.		
Липовый (Липовъ Островъ, Подвалиха), Н.	35	253
Липовская, Б.	22	105
Лобково, Н.	30	211
Лукерьино, Н.	35	278
Лукино, Б.	28	195
Лысая Гора, М.	26	137
Лысково, М. †	926	5962
Люлиховское заведеніе, С.	—	?
Ляпухина, Б.	23	163
Ляпуново, Б.	32	177
Любимово (см. Оселки)	—	—
Ляхово, Б.	37	259

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
М.		
Майгвейково (Матвеевка), С.	5	28
Майданъ, В.	38	319
Маза (Покровское), М. †	77	457
Мава Черная (см. Черная Маза)	—	—
Макарьевъ	?	1925 / 1656
Максиха, Б.	20	95
Малая, Б.	10	46
Марково, Б.	3	24
Марково, С.	26	124
Матренино, В.	29	145
Матренино, Б. †	6	17
Матренино, Б.	21	90
Матренино, С.	9	43
Медвѣдково, С.	15	82
Меркушево, В.	9	41
Михальчиково, Н.	39	310
Мысъ, С.	12	44
Мышьяковка, Б.	13	72
Мякишево, Б.	9	41
Н.		
Нагорное, Б.	10	97
Нагорное-Павелково (Толчково), Б.	29	126
Натекино, Б.	4	23
Нижегородская (Сормовская) машинн. фабр., Б.	10	103
Нижній-Новгородъ	4980	32538 / 44190
Нижняя Слобода села Городца, Б. †	177	816
Никола Ветелево (см. Ветелево)	—	—
Никола-Погостъ, Б. †	62	285
Никульская, Н.	46	339
Новая (Новенькая), Н.	16	100
Новая (см. Разнѣжье Малое)	—	—
Новая, В.	19	?
Новоивановская, Б.	47	177
Ноговицыно, Б.	24	97
О.		
Овечкино, С.	22	100
Оленинская, Б.	13	84
Опалиха, В.	13	78
Оползино, Б.	10	42
Оселки (Любимово), М. †	127	762
Осинки, В.	111	869
Ослопинецъ (см. Слопинецъ)	—	—
Отары, В.	75	690
П.		
Павелкино, В.	9	45
Павелково, Б.	24	119
Палкино, В.	20	75
Парашино, С.	23	120
Пестово-Волжское Б.	32	177
Петрушино, Б.	9	36
Печеры, Н. † (и монастырь)	203	1511
Подвалиха (см. Липовый)	—	—
Подгорная Дегтариха (Шароново), Б.	7	40
Подлужное, Б.	10	54
Подлужное, Б.	6	35
Подновье, Н.	120	883
Подолецъ, С.	13	72
Поляна, В.	20	154
Полянка, Б.	40	173
Полянка Верхняя, Б.	52	328
Поповка, Б.	2	11
Постниково, Б.	18	139
Потнево, В.	4	28
Починки, Б.	88	607
Починки, В.	48	354
Починокъ, Н.	6	35
Просѣкъ, М. †	135	1027
Пумра, С.	?	?
Путьково, С.	54	256
Пыра, Б.	9	74
Пѣтухово (см. Шешмары Средніе)	—	—
Р.		
Работки (верхнія), М.	42	226
Работки, М. †	369 (?)	1193
Разнѣжье, М. †	180	1135
Разнѣжье Малое (Новая), М.	109	613
Ратманиха, Б.	64	302
Рогожино, Б.	13	97
Рожново (Ватома), С. †	34	177
С.		
Савино, Б.	22	123
Салогузово (Салогубово), Б.	50	216

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Санничиха, Б.	8	46
Сивково, Б.	6	27
Сивцово, Б.	11	59
Сивцово, Б.	14	56
Симоново, Б.	9	45
Синцово, С.	11	63
Скипино, Б.	9	57
Скородумки, С.	6	39
Слопинецъ (Ослопинецъ), М.	18	157
Смирино, Б.	14	75
Собщино (Богоявленье), С. †	14	64
Сомовка, В.	156	921
Сормово, Б.	183	1300
Сошники, С.	6	25
Спасское, В.	45	227
Столбищи, Н.	40	340
Суздалево, Б.	7	46
Сумки, В. †	132	930
Сутыри, В.	15	138
Сухаренки, С.	12	74
Сысово, Б.	16	92
Сѣрково, Б.	8	42
Т.		
Тайново, С.	13	93
Тарханово, Б.	27	160
Татинецъ, М. †	54	537
Толоконцево, С. † . . .	17	96
Толчково (см. Нагорное-Павелково).	—	—
Торчилово, С.	38	207
Трестьяны, Б.	21	154
У.		
Уланиха, Б.	13	54
Ульяниха, С.	29	147
Ушаковка, М.	36	304
Ф.		
Фокино, В. †	288	2272
Х.		
Хаустовы (Бол. и Мал.) Б.	6	24
Хмѣлевка, В. (слобода къ городу Василю)	—	—
Ч.		
Чередково, Б.	18	88
Черемисская, М.	75	398
Черкуново, Б.	8	39
Черная, В.	11	53
Черная Маза, М.	85	503
Чернораменье, С.	17	55
Чеченино, М.	70	570
Чугуны, В. †	141	761
Ш.		
Шава, М. †	107	865
Шалтыково В.	248	1306
Шароново (см. Подгорная Дегтяриха).	—	—
Шешмары, В.	146	861
Шешмары Средніе (Пѣтухово) В.	60	315
Штатъ, Б.	31	167
Шумецъ Новый, В. . . .	35	268
Шумецъ Старый, В. . . .	24	265
Шуровино (см. Бурнакино).	—	—
Щ.		
Щекино, Б.	14	74
Э.		
Эмангашъ, В.	226	1285
Ю.		
Югъ, Б.	25	140
Юрино, В. †	196	3089
Юркино, М. †	26	208
Юрасово, С.	22	118
Я.		
Яровское, Б.	15	97

Итого въ Нижегородской губерніи приволжскихъ или близъ Волги лежащихъ населенныхъ пунктовъ 241. Жителей въ нихъ 123.448.

Въ настоящее время (именно для 1880 г.) число жителей должно быть около 170.000, принимая за процентъ приращенія населенія средній для Россіи, т. е. 1,45%.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

населенныхъ пунктовъ по Волгѣ въ КАЗАНСКОЙ губерніи.

Примѣчанія: 1) Названія уѣздовъ означены: К. — Казанскій, Кд. — Козьмодемьянскій, Л. — Лаишевскій, Св. — Свіяжскій, Сп. — Спасскій, Т. — Тетюшскій, Цк. — Царевококшайскій, Ч. — Чебоксарскій.

2) То же, что и для списковъ въ I томѣ. Но магометанскія села обозначены знакомъ ☪

3) Списокъ этотъ составленъ по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ „Спискѣ населенн. мѣстъ Казанской губерніи". Свѣдѣнія же о числѣ жителей въ городахъ взяты и изъ „Сп. насел. м. Каз. губ." (верхнее число) и изъ календаря за 1878 г. (нижнее число).

4) То же, что и для списка насел. пп. въ Нижегор. губ.

5) Сокращенія: ок. и выс. означаютъ: первое — околотокъ, второе — выселокъ.

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.	Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
А.			Балахчино (Богородское), Л. †	59	571
Адмиралтейская слобода (предмѣстье Казани)	—	—	Баннова, Ч.	19	110
Азякъ-Пелякъ, Ч.	9	67	Богородское (Камское Устье), Т. †	308	1693
Айша, К.	26	221	Болгары, Сп. †	327	1788
Акковино (см. Малый Сундырь)	—	—	Болониха, Кд.	46	226
Аметово (предм. Казани).	—	—	Борисково, К.	68	467
Антоновка, Т. †	239	1425	Булымери (Булымерь), Сп.	62	634
Арахчино (см. Урахчино).	—	—	Буртасы (Рождественское) Св. †	48	347
Арда Большая, Кд.	71	423	Буртасы Нижніе, Св.	78	472
Арда (Кучмышъ-Тыръ), Кд. †	30	214	Бурцовка, Л.	15	116
Арнамбалъ, Ч.	44	267	Бусурманово (Владимірское), Кд. †	38	235
Архипкинъ ок. (Ятмасова), Кд.	12	88	Бусурмановская слобода (Введенское), Св. †	66	397
Арчиловка, Сп.	54	472	Бутырки, К.	?	?
Атабаево (Табаево), Л. ☪	85	486	Бѣловолжская Слободка Ч.	23	186
Ахмылово (см. Коротни).	—	—	В.		
Б.			Важнъ-Ангеръ, Кд.	25	124
Бакалда (предм. Казани).	—	—			

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Варазыръ (см. Пигильдина)	—	—
Васильево, К. †	76	679
Введенское (см. Бусурмановск. слоб.)	—	—
Вирсутъ (Саратеевъ ок.), Кд.	23	133
Владимірское (см. Бусурманово)	—	—
Водолеевка, Ч.	26	202
Волосниковка (Городокъ), Сп.	57	418
Волосниковка (Знаменское) Тп.	132	1189
Ворошилова (слоб. при Сундырѣ)	—	—
Воскресенскій (Іерусалимъ) монаст., К. †	1	5
Воскресенское, К. †	41	293
Вурманъ-Касы, Кд.	38	221
Вурманъ-Касы, Кд.	35	174
Вязовыя Верхнія, Св.	76	460
Вязовыя Нижнія, Св.	62	394
Г.		
Геронтьевская слободка (съ упраздн. пустынью), Ч. †	11	44
Голодяиха, Ч.	24	152
Горки, К.	66	381
Городокъ (см. Волосниковка ?)	—	—
Гребени, Св.	54	268
Гремячево, Ч.	52	298
Гривка (предм. Казани).	—	—
Грязнуха (Никольское) Сп. †	56	385
Д.		
Дальняя Архангельская (предм. Казани)	—	—
Девликеево (Введенское), К. †	106	587
Демешкина, Ч.	12	108
Денисова (слоб. при Сундырѣ)	—	—
Долгая Поляна, Т.	13	112
Дятлинъ ок. (см. Пигильдина)	—	—
Е.		
Елизаветинскій пароходн. зав.	?	?
Ельникова, Ч.	?	?
З.		
Завражная, Ч.	9	61
Займищи, К.	18	169
Звенижскій Затонъ (заведеніе парох. общ. «Дружина»)	?	?
Зеленовка, Сп.	40	369
Земледѣльческое Училище, К.	?	?
И. І.		
Игумнова (предм. Казани)	—	—
Ильинская Пустынь, Кд. †	42	199
Ильинское (см. Ковали)	—	—
Ильинское (см. Тетеево).	—	—
Ильинское (см. Малый Каратунъ)	—	—
Инелевъ (см. Пигильдина)	—	—
Иркинъ ок., Ч.	39	213
Исманецъ-Пелякъ, (Отаръ) Ч.	34	208
Іерусалимъ (см. Воскресенскій мон.)	—	—
К.		
Кабанищи, или Кабачище, К.	32	216
Казань	5598	59409 / 87769
Карабаши, Ч.	68	413
Каратаи (см. Менситовъ Починокъ)	—	—
Каратаи Барскіе (Савиновка) Т. †	67	250
Каратаи Завражные, Т.	140	912
Каратаи Мордовскіе (Рождественское), Т. †	161	955
Каратунъ Большой (Среднемонастырская), Т.	239	1357
Каратунъ малый (Монастырское), Т.	61	407
Карачурина, Кд.	55	249
Карачурина (Пиньжетырь, Сягамбалъ), Кд.	20	137
Карташиха, Л.	117	853
Карцевъ Починокъ, Ч.	40	273
Качемирова, Св.	41	303
Кинери, Ч.	63	347

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Кирельское (Туба), Т. †	237	1198
Ключевъ ок. Кд.	23	95
Ключищи, Св. †	124	687
Ковали́ (Ильинское), К. †	153	844
Козловка, Ч.	58	406
Козьмодемьянскъ	?	4898 7869
Козья (предм. Казани)	—	—
Кокушкина (см. Кукушкина)	—	—
Кокшайское, Цк. †	21	197
Кокшамаръ, Ч.	121	580
Комаровка, Ч.	30	221
Комаровскій вин. зав., Ч.	6	49
Коновалова (слоб. при Сундырѣ)	—	—
Ко́пани, Кд. †	80	560
Кораево (Никольское), К. †	131	853
Ко̀ротни (Ахмылово) Кд. †	34	185
Красная Горка, К. †	23	176
Красная Поляна, Т. †	155	1022
Красная Поляна (Польки), Ч.	10	105
Красновидово, Св. †	265	1562
Красный Яръ, Ч. †	2	11
Кріуши́, Ч.	15	77
Куземетево, К.	29	190
Куземкина, Св.	35	220
Кукушкина (Кокушкина), К.	31	227
Кунды-Касы, Кд.	?	?
Куницына, Ч.	5	23
Кунтечи, К.	134	822
Курочкина, Св.	76	554
Кучмышъ-Тыръ (см. Арда)	—	—
Ку́шниково, Ч.	48	412
Л.		
Лобышка, Св.	59	416
Луговой Выселокъ, Ч.	13	89
Любимовка, Т.	46	278
М.		
Мазыкинъ ок. (Шекманъ-Сола), Кд.	19	116
Макарьевская Пу́стынь, Св. †	1	17
Маклашевка (см. Утка)	—	—
Маламасъ Большой, Ч.	25	169
Маламасъ Малый, Ч.	18	112
Марквашп Набережныя, Св.	46	267
Марья-Сола (Царамбаево), Кд.	30	161
Матюшкина, Св.	92	435
Матюшкино, К.	27	153
Менситовъ-Починокъ (Каратаи), Т.	57	282
Меретковино Малое, Т.	55	324
Мизинова, Св.	52	297
Монастырское (см. Каратунъ Малый)	—	—
Мумариха, Кд.	39	166
Н.		
Набережная, Ч.	11	78
Наумкина (см. Юльялы Малые)	—	—
Нерядова, Ч.	60	265
Никольское (см. Грязнуха)	—	—
Никольское (см. Кораево)	—	—
Никольское (см. Полянки)	—	—
Никольское (см. Яндашево)	—	—
Новая (что близъ Кушникова), Ч.	?	?
Новая, Ч.	?	?
Нова́я Деревня (см. Ямолина)	—	—
Новая Татарская (предм. Казани)	—	—
Ново-Ларіоново, Ч.	25	170
Ново-Родіоновка, Ч.	23	170
Новославская Слобода, Сп.	169	1401
Новый Починокъ (Новинская), Ч.	113	833
О.		
Оба-Касы (Абогасы на картѣ Стрѣльб.), Кд.	?	?
Отаръ (см. Исманецъ-Пелякъ)	—	—
Отары́, Кд.	11	85
Отары́ (Счастливый Путь), Ч.	13	59
Отары Большіе, К.	41	371
Отары Малые, К.	26	78
Ошурга, Ч.	58	375

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
П.		
Пайгорино (Цыганъ-Касы?), Ч. *)	?	?
Парашино, Сп.	9	34
Петропавловка, Св.	29	153
Печищи, Св.	118	678
Пигильдина (Дятлинъ, Инелевъ ок. Варавыръ), Ч.	62	398
Пиндиковъ выс., Ч.	55	313
Пиньже-Тыръ (см. Карачурино)	—	—
Писарино (Чимурша), Ч. †	115	784
Пихтулина, Ч.	?	?
Побѣдилово К.	35	194
Подлужная (предм. Казани)	—	—
Покровское (см. Юнга Б).	—	—
Польки (см. Красная Поляна)	—	—
Полянки (Никольское), Сп. †	135	1398
Помьялъ Нижній, Ч.	17	106
Поповка, К.	13	67
Пороховой (зав. и слоб.,—предм. Казани)	—	—
Посолы (Б. Яктерля), Кд.	77	337
Починокъ Карцевъ (см. К. П.)	—	—
Починокъ Новый (см. Н. П.)	—	—
Починокъ Новый (см. Ураково)	—	—
Пролей-Каши, Т.	160	928
Протопоповка (Протопопиха), Св.	36	245
Пустынь Ильинская (см. И. П.)	—	—
Пустынька (см. Геронт. слоб.)	—	—
Пущина, Ч.	7	22
Р.		
Рождественское (см. Каратаи Мордовскіе)	—	—

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Рутка, Кд.	26	139
Рутка Русская, Кд.	33	186
С.		
Савиновка (см. Каратаи Барскіе)	—	—
Савиновка (см. Теншеево)	—	—
Салдыбаевъ выс., Ч.	71	394
Сарали Русскія, Л.	27	163
Сарали Татарскія, Л. ☾	141	896
Саратеевъ ок. (см. Вирсутъ)	—	—
Свіяжскъ	303	2080 / 2553
Сирма-Касы	?	?
Собакина, Св.	22	181
Соленая (Соленова), Ч.	36	243
Сосновка, Ч.	?	?
Софонова (см. Сумка)	—	—
Спасскій Затонъ (механич. завед. парох. общ. «Кавк. и Мерк.») Сп.	30	978
Спасскъ	228	1607 / 2820
Среднемонастырская (см. Каратаи Б.)	—	—
Студенецъ, Св.	29	143
Сумка, К.	15	106
Сундырь (посадъ) (Маріинскій пос.), Ч. †	524	2682
Сундырь Малый (Троицкое, Акковино), Кд. †	11	163
Счастливый Путь (см. Отары)	—	—
Сѣдельникова, Ч.	90	507
Сюкеево, Т. †	473	2765
Сягамбалъ (см. Карачурина)	—	—
Т.		
Табаево (см. Атабаево)	—	—
Тарлаши, К. †	136	888
Ташевка, Св. †	109	470
Тенишево, Сп.	185	1032
Теншеево (Савиновка), Т.	42	243

*) Селенія безъ обознач. числа жит. въ «Сп. насел. мѣстъ» не значатся, но выставлены на картахъ. Пайгорино выставлено у Кислаковскаго; у Стрѣльбицкаго на соотвѣтствующемъ мѣстѣ выставлено селеніе Цыганъ Касы; а въ «Спискѣ» нѣтъ ни того, ни другого.

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Теньки́, Св. †	533	2619
Тетеево (Ильинское). Л. †	118	704
Тетюши	332	2515/3297
Типъ-Сирма, Ч.	?	?
Токарева, Кд.	?	?
Торханъ-Сола, Ч.	39	229
Три-Озера, Сп. †	348	2141
Троицкій посадъ, Кд. †	93	1134
Троицкое (см. Сундырь Мал.)	—	—
Туба (см. Кирельское)	—	—
Тури-Касы, Кд.	?	?
У.		
Улитина, Св.	74	450
Ураково (Новый Починокъ), Ч.	38	350
Урахчино (Арахчино), К.	45	321
Урюмъ, Т.	232	1500
Услонъ (верхній), Св. †	262	1609
Услонъ (нижній), Св. †	277	1624
Устье (предм. Казани)	—	—
Утка (Маклашевка), Сп.	50	582
Х.		
Хижицы (Кизическая) (предм. Казани)	—	—
Ц.		
Цораева (Цотнаевъ ок.), Кд.	16	117
Цорамбаево (см. Марья. Сола)	—	—
Цыганъ-Касы (Пайгорино)	?	?

Названія населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число жителей.
Ч.		
Чебоксары	847	4736/6420
Чекуры́, Ч.	86	445
Чемурша (см. Писарина).	—	—
Ш.		
Шекманъ-Сола (см. Мазыкинъ)	—	—
Шеланга́, Св. †	315	1519
Шешкарка, Кд.	?	?
Ширданы (см. Яндашево).	—	—
Шоръ-Касы (см. Яндашево)	—	—
Шульгино, Ч.	66	361
Шунъ-Ангеръ, Кд.	35	193
Ю.		
Юльялы Большіе, Кд.	54	325
Юльялы Малые (Наумкина), Кд.	26	161
Юнга Большая (Покровское), Кд. †	178	965
Юнга Малая, Кд. †	4	16
Юрты Б., Св.	23	140
Я.		
Ягодная (предм. Казани).	—	—
Яктерля Б. (см. Посолы).	—	—
Яндашево (Ширданы, Шоръ-Касы, Никольское) Ч. †	199	1076
Ямолина (Новая Деревня), Кд.	53	366
Ятмасова (см. Архипкинъ)	—	—

Итого въ Казанской губерніи приволожскихъ или близь Волги лежащихъ населенныхъ пунктовъ 209. Жителей въ нихъ 155.894.

Примѣняя къ Казанскому Поволожью средній для Россіи процентъ приращенія населенія (1,45%), найдемъ, что въ 1880 г. число жителей въ исчисленныхъ селеніяхъ должно простираться приблизительно до 213.000.

Horners

2000

